АГРАРНЫЕ ПРОЕКТЫ

БИБЛИОТЕКА
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ОБЩЕСТВЕННОЙ
МЫСЛИ

С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
ДО НАЧАЛА XX ВЕКА

ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

БИБЛИОТЕКА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАЧАЛА XX ВЕКА

МОСКВА
РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
(РОССПЭН)
2010

ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

АГРАРНЫЕ ПРОЕКТЫ

СОСТАВИТЕЛЬ,
АВТОР ВСТУПИТЕЛЬНОЙ СТАТЬИ
И КОММЕНТАРИЕВ:

В. Н. Колодежный,
кандидат экономических наук

МОСКВА
РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
(РОССПЭН)
2010

УДК 94(47)(082.1)
ББК 66.1(2)5
А25

Долгосрочная благотворительная программа
осуществлена при финансовой поддержке
НП «Благотворительная организация «Искусство и спорт»

А25 **Аграрные проекты** / [сост., автор вступ. ст. и коммент. В. Н. Колодежный]. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. — 760 с. — (Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века).

ISBN 978-5-8243-1295-9

УДК 94(47)(082.1)
ББК 66.1(2)5

ISBN 978-5-8243-1295-9

Аграрный вопрос в России и проекты его решения (1861–1917)

19 февраля 1861 г. император Александр II подписал Манифест о даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей и об устройстве их быта. Вместе с Манифестом были подписаны 17 законодательных актов, на которых тою же рукой было начертано: «Быть по сему». В Манифесте велеречиво, как и было принято обращаться к народу, объявлялось, что император пришел к мысли изменить «положение крепостных людей на лучшее», видя в этом «жребий, чрез течение событий, поданный Нам рукою Провидения».

В мотивационной подоплеке этого документа важное значение имело ожидание властью безграничной признательности облагодетельствованных подданных. Освобождение крестьян (как и последующие реформы) было разыграно по сценарию щедрого дара любимого монарха, примиряющего как уже существующие, так и могущие возникнуть межсословные раздоры, подтверждающего дворянам прежние их права, а крестьян делая благополучателями личной свободы и земельной собственности. Более того, реформа преподносилась не просто как благодеяние свыше, но как благодеяние, в котором воскресали прежние великие моменты единения царя с народом.

Реакция на обнародование Манифеста не оправдала ожиданий. Были благодарственные молебны, но были и окропленные кровью выступления обманутых в своих ожиданиях крестьян; значительная часть общества отвергала реформу «проклятием молчания», другая часть — напротив, громкой и уничижительной, хотя и не всегда объективной, критикой.

Как и следовало ожидать, жесткий прессинг власти последовал со стороны представителей двух идейно-политических центров, сложившихся в 1850-х гг. в Лондоне (А. И. Герцен и Н. П. Огарев) и Петербурге (Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов). Оба центра представляли революционно-демократический лагерь, в котором принципы «русского крестьянского (общинного) социализма» облекались в плоть и кровь конкретных программ революционных преобразований. Но не только. Группировавшиеся

в этом лагере единомышленники неуклонно руководствовались задачей, которую образно, но точно выразил Добролюбов: «...следует группировать факты русской жизни, требующие поправок и улучшений, надо вызывать читателей на внимание к тому, что их окружает, надо колоть глаза всякими мерзостями, преследовать, мучить, не давать отдыху, — до того, чтобы противно стало <...> все это богатство грязи...»[1].

Еще до обнародования Манифеста и «Положений о крестьянах...» из революционно-демократического лагеря раздавались голоса, разоблачавшие явные и «потайные» замыслы разработчиков крестьянской реформы, указывавшие на бессмысленность надежд на возможную ликвидацию крепостничества «силой старого порядка», подчеркивавшие, что освобождение крестьян не самоцель, что все зависит от того, на каких условиях, за счет чего оно совершится. Революционные демократы рассчитывали перевести неизбежный, по их мнению, всплеск крестьянского недовольства в организованное народное восстание. Именно такой идеей были проникнуты первые после выхода Манифеста прокламации и воззвания к крестьянам Н. Г. Чернышевского, Н. П. Огарева, А. А. Слепцова, Н. А. Серно-Соловьевича и др.

Помимо стремления к «возбуждению умов» эти агитационные материалы отражали и действительное разочарование революционно-демократического лагеря результатами многолетней работы над реформой. Разочарование неотделимо от жажды познания причин, его вызывающих, в данном случае оно послужило стимулом к творческому осмыслению заключенных в «Положениях о крестьянах...» идей и принципов Крестьянской реформы 1861 г. Первым в неподцензурной печати ступил на этот путь Огарев, опубликовав в газете «Колокол» большую статью «Разбор нового крепостного права», в которой «постатейно», с критических позиций рассмотрел (сохранив обычный для него публицистический заряд и накал — «Народ царем обманут!») материалы принятых нормативных актов. Именно он своими оценками фактически «легитимизировал» позднейшие требования крестьян о «черном переделе», указав на неправомерность снятия с помещиков всех обязательств перед крестьянами в отношении земли после завершения выкупной операции. Он же был в числе тех, кто предупреждал о грядущем обострении проблемы крестьянского малоземелья задолго до возникновения демографических причин этого явления.

[1] См.: Огни (История, литература). Кн. 1. Пг., 1916. С. 67–68.

Антикрепостническое законодательство подверглось атаке и с противоположного, дворянского, фланга. Осмысливая причину этого явления, один из виднейших деятелей эпохи Александра II, сыгравший определенную роль в разработке законоположений о реформе[2], П. А. Валуев записал в своем дневнике: «Положения 19 февраля имеют важные недостатки; они составлялись и облекались в законодательную форму под влиянием разных страстей и предубеждений; они вообще имели некоторые свойства односторонности, в правительственном смысле неправильной и вредной...» и провидчески добавил: «вообще обнаружено немного попечения о хозяйственном быте помещиков и политические последствия избранного способа реформы весьма поверхностно взвешены»[3].

На недостаточную «взвешенность» политических (и добавим экономических) последствий принятия Положений и указывали дворяне, входившие в довольно узкий кружок, прозванный современниками «олигархической (или “аристократической”) партией». В «адресах» на высочайшее имя, в печатаемых (по понятным причинам) за границей «записках» они настойчиво отстаивали принцип сословной исключительности (а значит, и неприкосновенности) помещичьей земельной собственности, стремясь сплотить на основе его защиты дворянское сообщество.

Пожалуй, наиболее деятельным представителем этой «партии» был Н. А. Безобразов, входивший, по образному выражению П. А. Валуева, в число «двух-трех записных языков». В январе 1858 г. он одним из первых откликнулся на обнародование известного рескрипта В. И. Назимову[4] изданием в Берлине брошюры «Об усовершенствовании узаконений, касающихся до вотчинных прав дворянства», в которой отвергал обязательный выкуп крестьянами усадеб и передачу полевых наделов

---

[2] Летом 1859 г. П. А. Валуев подготовил записку «Взгляд на положение крестьянского вопроса», которая была одобрена Александром II. На момент ее написания занимал пост директора 3-го департамента Министерства государственных имуществ, в апреле 1861 г. назначен министром внутренних дел.

[3] Дневник П. А. Валуева. Министра внутренних дел: В 2 т. / Т. I. 1861–1864 гг. М., 1961. С. 312.

[4] *Назимов Владимир Иванович* (1802–1874) — в 1836 г., будучи полковником лейб-гвардии Преображенского полка, был назначен состоять при наследнике престола — будущем императоре Александре II. После воцарения воспитанника назначен виленским генерал-губернатором (1855–1863).

в постоянное пользование общин. Уже после изъявления 19 февраля «высочайшей воли» и по прошествии времени, достаточного для выявления «несообразностей» в антикрепостническом законодательстве и практике реформирования крестьянского землепользования и дворянского землевладения, он выступил перед собравшимися 11 января 1862 г. представителями дворянства Московской губернии с обоснованием необходимости исправить ошибку «высшего правительства» и «успокоить и умиротворить встревоженные умы и чувства дворянства, доказав ему, что ближайший повод его беспокойства — т. е. плод трудов Редакционных комиссий — как творение противное коренным нашим законам, несогласное с началами, предлагаемыми разумом и наукою, и гибельное для России, должен неминуемо и в непродолжительном времени измениться во всех главных его основаниях»[5].

«Аристократическая оппозиция» по-прежнему придерживалась традиционных взглядов на сословную исключительность дворянского землевладения, неотделимую от корпоративной ответственности за административный порядок в имениях, выступала за трудовую занятость земледельческого населения и рациональную организацию аграрного производства. Однако эта консервативная патерналистская модель уже не вдохновляла большинство русского дворянства, делавшего ставку на переустройство земельно-правового режима в помещичьих имениях. Такой подход считал более приемлемым и перспективным для дворянства один из наиболее известных оппонентов Безобразова, историк и публицист М. П. Погодин. Он первым откликнулся на выступление Безобразова, изложив в приватной «записке» свое видение решения поднятой им проблемы. Будучи вполне солидарен с ним в оценке отечественного дворянства, которое, и на его взгляд, было «почтеннее и благороднее всех дворянств европейских», Погодин тем не менее считал, что «прежняя система отжила свой век». Исходя из данного тезиса, он доказывал невозможность возвращения к крепостному праву «с некоторыми тонкими и отвлеченными изменениями», к чему собственно и сводились предложения Безобразова. Выход из весьма сложного положения землевладельцев в пореформенной России Погодин видел в том, чтобы «покончить немедленно все прежние отношения у помещиков с крестьянами

[5] *Безобразов Н. А.* Предложения дворянству. Берлин, 1862. С. II.

и разлучить их экономически и юридически ["развязаться" с ними. — *В. К.*] впредь до нового добровольного, при взаимной нужде, соглашения между собою».

Отчуждение части помещичьей земли в пользу крестьян, по мнению Погодина (как и стоявшего на этой позиции дворянства), должно было рассматриваться в качестве необходимой платы за снятие с остальной земли имений различных стеснений и ограничений. Конечно, такого рода плату эта дворянская «партия» не считала достаточной, рассчитывая на получение помещиками от правительства в ходе выкупной операции единовременных и крупных денежных вознаграждений за отчуждаемые земли, что позволило бы им перестроить свои хозяйства на началах вольнонаемного труда либо сделать инвестиции в прибыльные отрасли экономики (железнодорожное строительство и пр.) в целях получения стабильного дохода.

Это была наиболее распространенная в первые пореформенные годы позиция, которой придерживался и известный общественный деятель А. И. Кошелев, также полагавший, что безрассудно «цепляться за то, чего удержать нельзя». Правда, в жесткости оценок законодательных актов и первых шагов в реформировании крестьянского землепользования он едва ли не превосходил Безобразова, считая, что не удовлетворив «никого, ни в начале, ни впоследствии, ни даже до дня сего», «они не разрешили крестьянского вопроса». Вину за этот «провал» Кошелев, как, впрочем, и Безобразов со своими сторонниками, всецело возлагал на российскую бюрократию, лишившую дворянство былых полномочий в решении важнейших государственных проблем. Но делая этот вывод в статье «Какой исход для России из нынешнего ее положения?», Кошелев не ограничился критикой, предложив дворянству в целях нейтрализации пагубной деятельности бюрократии «обсуживать предложенные дела не иначе, как с прочими сословиями, в них заинтересованными». Это было, пожалуй, первое позитивное предложение в плане поиска альтернатив аграрных преобразований (к числу их, конечно, нельзя отнести предложение Безобразова о возвращении к «просвещенному» крепостничеству). Еще дальше пошли тверские помещики, обратившиеся во «всеподданнейшем прошении» к Александру II с просьбой о введении всесословного представительства в форме Земского собрания, в котором они видели «единственное средство к удовлетворительному разрешению вопросов, возбужденных, но не разрешенных Положением 19-го февраля».

По ряду причин объективного и субъективного свойства (в числе которых было и переключение внимания Александра II на проблемы внешней политики в связи с происходившей перекройкой границ в Европе, и финансовые трудности, тормозившие реализацию Великих реформ, и ряд покушений на «царя-освободителя») реформаторская деятельность правительства уже с середины 1860-х гг. потеряла прежнюю энергию и продолжалась во многом по инерции; ее больше не «подхлестывала» инициатива и энергия императора. На обочине правительственной политики оказалось и крестьянское дело. Оставались без решения серьезные проблемы, возникавшие как вследствие «несообразностей» законодательства 1861 г., так и «прискорбных, вольных и невольных ошибок и нарушений» в практике реформирования (разорительность повинностей и выкупных платежей для освобожденных крестьян, трудности выхода их из общины и пр.).

Только новое ухудшение финансового положения, на этот раз в связи с разорительной русско-турецкой войной 1877–1878 гг., а также нарастание общественного недовольства привели Александра II к осознанию необходимости продолжения реформ. С согласия и одобрения императора эту попытку предпринял М. Т. Лорис-Меликов. В системе предложенных им преобразовательных мер в ряде сфер государственной жизни важное место занимал комплекс мероприятий по улучшению положения крестьян: был отменен соляной налог, получено согласие императора на снижение выкупных платежей, поставлен вопрос о «дополнении по указаниям опыта Положений 19 февраля» (речь шла об «устройстве льготного кредита для облегчения крестьянам покупки земли» и «правильной организации переселений»), планировалось преобразование податной и паспортной систем.

Для реализации этой программы предполагалось создать Подготовительные комиссии по образцу Редакционных комиссий 1859–60-х гг., а затем созвать Общую комиссию при Государственном совете. Но кратковременный всплеск реформаторской активности Лорис-Меликова был погашен после убийства Александра II и отхода самодержавия на позиции «охранительства», сопровождавшегося сменой правительственного курса на «контрреформы». Власть окончательно утратила инициативу в осуществлении крупномасштабных преобразований, отдав ее (не без ожесточенных «боев») «общественным силам».

Поступление «свежей крови», способной вдохнуть жизнь в замирающий процесс реформирования аграрной сферы, могло быть осущест-

влено, с одной стороны, из либерального лагеря (по большей части земского движения), а с другой — революционно-социалистического. Тот и другой лагери находили точки соприкосновения в общем стремлении к социальной справедливости (подкрепляемом у либералов соображениями политического прагматизма), но резко расходились в оценке путей и методов ее достижения.

В силу своих социальных истоков и идейных установок российские либералы никогда не теряли связей с правительством, что было весьма отчетливо выражено в деятельности т. н. «либеральных бюрократов», внесших в конце 1850-х — начале 1860-х гг. решающий вклад в разработку Крестьянской реформы. Но уже к середине 1860-х гг. значительная их часть вынуждена была подать в отставку, а после гибели Александра II с политической арены сошли и последние из них. В целом же «либеральная общественность» была аморфна и политически инертна, к тому же долгое время не могла избавиться от избирательности в усваиваемых ею с усердием «новообращенных» догматах и символах либеральной «веры»: практически до конца XIX в. лишь немногие ее представители уделяли внимание серьезной разработке социально-экономической тематики, в основном же последняя находила отражение лишь в «теории малых дел» российского земства.

«Общественные силы», представлявшие либералов, оживлялись и проявляли готовность к действию в этой сфере лишь в моменты острых общественных катаклизмов, первый из которых в пореформенный период был вызван сильнейшим голодом 1880 г., охватившим губернии от Поволжья и Южного Урала до Черноземья. Только тогда «общество» отреагировало должным образом на давно уже видимые отрицательные последствия реализации Крестьянской реформы 1861 г., откликнувшись на национальную беду массой предложений в подцензурной печати по решению аграрных проблем, в том числе выявившейся к тому времени проблемы малоземелья.

В 1880 г., отмечал К. Д. Кавелин, не было книжки журнала и номера газеты, «где бы не говорилось о крестьянах и не предлагались меры для улучшения их быта». В следующем году он попытался сделать, по его словам, «свод» из высказанного «очень дельного и толкового», который «представил бы полную картину того, что предстоит делать». В статье «Крестьянский вопрос» Кавелин особо оговаривал, что эта картина не может рассматриваться в качестве «подробного проекта необходимых мероприятий», но, несмотря на «предупреждение», его

работа стала (и не могла не стать в силу авторитета автора известной «Записки об освобождении крестьян в России»[6]) одним из программных документов русского либерального движения.

Положенные в ее основу идеи впоследствии были использованы теоретиками новой волны либерализма при создании аграрных программ формирующихся общероссийских либеральных партий. Наработки Кавелина оказались в начале XX в. несколько ближе правым либералам, т. е. «Союзу 17 октября» и родственным ему партиям (чего, например, стоил для них один только вывод автора, что «вопрос о крестьянском малоземелье <...> может быть разрешен без малейшего нарушения чьих-либо прав и законных интересов»). Однако и теоретики левого либерализма, прежде всего, Конституционно-демократической партии, также использовали содержащиеся в статье идеи, в том числе мысль о необходимости перенесения вопроса крестьянского малоземелья из сферы политической («где он был причислен к разряду подозрительных и опасных») в сферу экономическую, о временном характере радикальных мер по ликвидации малоземелья, об условной поддержке общинного землепользования и т. д. Более близким левым либералам было и подчеркнутое Кавелиным положение о немыслимости проведения одними лишь административными органами столь «живого дела» как коренная крестьянская реформа, требующая «осторожного обращения с живыми лицами и фактами, применяясь к их особенностям и индивидуальным свойствам».

Революционные демократы, для которых, по словам одного из адептов «русского общинного социализма» П. Л. Лаврова, «вопрос политический [был] подчинен вопросу социальному», также не могли пройти мимо проблем «крестьянского быта» и средств его улучшения. Теоретические наработки народников в этом направлении не оформлялись в самостоятельные разделы их первых программных документов (как это будет позднее у их восприемников), но это не уменьшало ценности исходных идей, используемых впоследствии при разработке

[6] Основная идея подготовленной К. Д. Кавелиным «Записки об освобождении крестьян в России» (1855) — освобождение крестьян с землей и за «вознаграждение владельцам» легла в основу Крестьянской реформы 1861 г. После публикации выдержек из нее в одной из статей Н. Г. Чернышевского в журнале «Современник» (апрель 1858 г.) автор записки был отстранен от преподавания правоведения и русской истории наследнику престола Николаю Александровичу.

аграрных программ неонароднических и социал-демократических партий и организаций.

Первыми разработку проблем переустройства «быта» крестьянства на новых основаниях взяли на себя основоположники «русского общинного социализма» — А. И. Герцен, Н. П. Огарев, Н. Г. Чернышевский. Квинтэссенция их взглядов в этом сложном вопросе выражена в публикуемой в настоящем издании программной статье Огарева. В ней достаточно четко и определенно обозначен ряд аграрно-крестьянских проблем, возникших под действием «нового вида крепостного права» (прежде всего, крестьянского малоземелья), к которым автор и привлек внимание революционных «общественных сил».

В пореформенный период идеи революционеров-«шестидесятников» были подхвачены П. Л. Лавровым и М. А. Бакуниным, выступившими соответственно со статьями «Вперед! — Наша программа» к т. 1 журнала «Вперед» и Прибавление «А» к книге «Государственность и анархия», а также отчасти С. Г. Нечаевым. Программный документ за его авторством (не опубликованный вследствие ареста Нечаева в 1872 г., и потому «выпавший» из поля зрения народников, а затем и исследователей) выделяется четким выражением идеи отмены частной собственности на землю и ее национализации («Земля <...> объявляется собственностью целого государства...»).

Созданная в начале 1876 г. новая революционная организация (позднее принявшая от своих предшественников-«шестидесятников» название «Земля и воля»), в отличие от отвлеченных социалистических установок периода «хождения в народ», выдвинула на первый план «народные требования», суть которых состояла в «переходе всей земли в руки сельского рабочего сословия и равномерном ее распределении». Обосновывая эти общие требования, «семидесятники», как, впрочем, и их предшественники «шестидесятники», ограничивались ссылками на «народные воззрения», признающие «несправедливым тот порядок, при котором земля отчуждается в частную собственность», поскольку «по народному понятию, “земля божья”, каждый земледелец имеет право на землю в том количестве, которое он *своим трудом* может обработать».

В программных документах организаций, оформившихся после раскола в 1879 г. «Земли и воли», по-прежнему не находилось места четко выраженной системе мер аграрного переустройства. Ставя це-

лями своей ближайшей деятельности «отнять власть у существующего правительства и передать ее Учредительному собранию...» («Народная воля»), «довести народ от пассивного ожидания “черного передела”, долженствующего совершиться сверху, до активных требований “земли и воли”, предъявляемых снизу» («Черный передел»), они ограничивались постановкой общих требований («принадлежности земли народу», «самостоятельности мира как экономической и административной единицы»), а также положениями из теоретического арсенала кружков и организаций периода становления революционного народничества. Правда, в программном документе одной из народнических партий[7] приводился и более развернутый список «требований»: прекращение раздачи общинных земель, увеличение общинного крестьянского землевладения, уменьшение податей и улучшение системы их взимания, прекращение продажи крестьянского инвентаря за недоимки и подати, но выдвижение их рассматривалось лишь как «повод к массовой агитации».

Весьма скромная по объему и содержанию аграрная программатика народнических протопартийных структур дополнялась публицистами левого толка, поднимавшими в печати острые вопросы социально-экономической помощи деревне посредством прирезки к крестьянским наделам земли, организации мелкого поземельного кредита, облегчающего покупку земельных участков, переселений на свободные земли, пропаганды агрономических знаний в целях рационализации хозяйства и пр. Но и в своей совокупности аграрные требования революционного крыла народников не охватывали всего многообразия подлежащих решению аграрных проблем, не отличались жесткостью постановки и определенностью, столь свойственной их политическим установкам, а в целом — не выходили за пределы либерально-буржуазных представлений о путях решения аграрно-крестьянского вопроса.

Инновации в аграрную программатику социалистов привнесли первые российские протопартии, сформировавшиеся к концу XIX в. Уже в середине 1890-х гг. в «Основные положения программы» Союза социалистов-революционеров было введено положение, конкре-

---

[7] Речь идет о Народной партии (петербургских чернопередельцах), программа которой отражала начавшийся под влиянием народовольчества пересмотр задач своей деятельности.

тизирующее и развивающее цитированное выше требование перехода земли в собственность «целого государства». Один из лидеров неонародников В. М. Чернов, работая над программным документом Аграрно-социалистической лиги, писал, что «надо развить перед ним [крестьянством. — *В. К.*] идею национализации земли[8] и общественной, планомерной, социалистической организации производства». Партия социалистов-революционеров (южная) в своем Манифесте ставила вопрос об усвоении крестьянством идеи национализации земли, рассматривая в качестве «учебного класса» для такого усвоения земельную общину.

Однако, несмотря на некоторый прогресс в области осмысления и практической разработки аграрно-крестьянского вопроса, первым поколениям русских революционеров, как и представителям либеральных «общественных сил», не удалось развить и придать иное, современное качество процессу аграрного реформирования, посредством выдвижения цельных, всесторонне разработанных и вместе с тем совместимых с ценностными установками крестьян преобразовательных проектов. Нерешенная ими задача переносилась в другое временное измерение, где она должна была решаться уже в других общественно-политических условиях и другими людьми.

* * *

Новый, двадцатый, век Россия встретила в отсутствии целостной программы аграрной модернизации. Последовательное увеличение в пореформенный период налогового пресса на крестьян (шестикратное увеличение налогов к концу века) при абсолютном господстве традиционных методов ведения сельского хозяйства и отсутствии какой-либо возможности интенсификации производства из-за перманентной нехватки средств подвели страну к ситуации, когда в условиях роста малоземелья и неспособности наделов обеспечить даже минимальные нужды крестьянского населения единственным выходом могло быть только новое наделение крестьян землей. Источником такого наделения, помимо некоторых возможностей перераспределения

---

[8] Идею «социализации» земли Чернов разработал позднее, вынеся ее на обсуждение партийного съезда в конце 1905 г. На момент создания Аграрно-социалистической лиги был сторонником национализации.

надельных земель и переселения крестьян на «впустележащие» земли Юга и Востока страны, оставалось помещичье землевладение. По сути, страна возвратилась «на круги своя», вновь столкнувшись с проблемой земельного (или «черного») передела.

Экономический кризис 1900–1903 гг., сопровождавшийся очередным неурожаем и голодом 1902 г., стал детонатором набиравшего силу крестьянского недовольства, которое на этот раз выразилось в массовых погромах помещичьих имений и захвате частновладельческих земель. Эти факты, а также результаты работы многочисленных комитетов, комиссий и особых совещаний в 1890-е гг., приходивших к однозначным выводам об ухудшении условий хозяйствования в деревне, выявили, наконец, для правительства необходимость существенных преобразований в сфере сельского хозяйства и целенаправленного участия государства в этом процессе.

Однако выработке единой концепции аграрного реформирования мешала ведомственность, во многом определявшая различие подходов к решению аграрной проблемы в ее целом. Руководители министерств внутренних дел (в ведении которого находилось земское и крестьянское управление), а также земледелия и государственных имуществ отстаивали линию на сбалансированное развитие экономики с вложением средств в сельское хозяйство и связанные с ним отрасли. Напротив, Министерство финансов, проводившее курс на форсированную индустриализацию страны и развитие железнодорожного строительства, видело в крестьянстве только резервуар для выкачивания средств, необходимых для проведения этого курса, и стремилось доказать, что причины хозяйственного упадка деревни кроются не в недостатке у крестьян денежных средств, а в их правовой неустроенности и сословном неравноправии.

Стремясь вывести решение аграрно-крестьянского вопроса за ведомственные рамки МВД, министр финансов С. Ю. Витте, продолжавший считать, что «дешевый хлеб есть благо»[9], настоял на создании и возглавил в январе 1902 г. межведомственный орган по разработке нового курса аграрной политики правительства — Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности. На местах было об-

---

[9] Цит. по кн.: *Корелин А. П.*, *Степанов С. А.* С. Ю. Витте — финансист, политик, дипломат. М., 1998. С. 90.

разовано 618 комитетов (82 губернских и 536 уездных), общее число членов которых достигло 12 тыс. чел. Среди членов комитетов землевладельцы составляли 37, чиновники — 29, земские деятели — 23, крестьяне — 2 и остальные группы населения — 9 %. Предопределенные составом комитетов и поставленными перед ними «основными вопросами» (как и можно было ожидать, они сводились к недостаткам правового устройства крестьян) выводы Совещания должны были продемонстрировать, таким образом, мнение всей России о правильности указанного Министерством финансов и его главой пути решения крестьянской проблемы.

Однако пробивали себе дорогу и иные взгляды на данную проблему, находившие отражение в «записках» и «докладах» как сановитых чиновников, так и местных практических работников. В публикуемом в настоящем издании докладе агронома П. Б. Шимановского, например, причинами обострения аграрного вопроса прямо называются крестьянское малоземелье, хищнический способ ведения хозяйства «в большинстве частновладельческих хозяйств», общие условия внешней и внутренней политики правительства, проводимой «не в интересах сельского хозяйства». Показательно, что за несколько месяцев до открытия Государственной думы (документ датирован концом 1905 г.) и постановки в ней вопроса о «принудительном отчуждении» земель автор доклада уже видит решение проблемы малоземелья крестьян в «экспроприации» земель удельных, монастырских и церковных, а также частновладельческих, «ведущихся хищническим способом».

30 марта 1905 г. было упразднено (как выполнившее свое назначение)[10] Особое совещание под председательством Витте. Сам Витте связывал закрытие его работы с происками деятелей Министерства внутренних дел и Министерства земледелия и государственных имуществ. Советская историография долго вторила ему, считая, что закрытие произошло «по инициативе более реакционных кругов»[11], но ряд последовавших за этим шагов правительства свидетельствует о более глубоких причинах и прежде всего крепнущем в правитель-

---

[10] Сам С. Ю. Витте писал в «Воспоминаниях», что прекращение работы Совещания было для него полной неожиданностью и узнал он об этом из газет.

[11] См., напр.: *Дубровский С. М.* Столыпинская земельная реформа. Из истории сельского хозяйства и крестьянства России в начале XX века. М., 1963. С. 86.

ственных кругах (и у самого Николая I) сознании недостаточности мер, предлагаемых Совещанием для «выправления» крестьянского дела[12]. Мощным стимулом к такому осознанию стало и начавшееся в феврале 1905 г. крестьянское движение, которое наглядно показало, что вопрос о земле занимает крестьян гораздо больше, чем их сословное неравноправие.

Видимо, нельзя считать случайным, что в день закрытия Совещания под председательством Витте было образовано другое — Особое совещание о мерах к укреплению крестьянского землевладения во главе с новым председателем Совета министров И. Л. Горемыкиным для поиска путей к облегчению «выдела крестьянам в частную собственность причитающихся на их долю участков надельной земли». В мае 1905 г. по рекомендации Совещания последовало преобразование Министерства земледелия и государственных имуществ в Главное управление землеустройства и земледелия, важнейшим направлением деятельности которого признавалось увеличение площади крестьянского землевладения. Был учрежден Комитет по земельным делам с возложением на него обязанностей руководства землеустройством крестьян и связанными с ним вопросами: переселенческим делом, деятельностью Дворянского земельного и Крестьянского поземельного банков. Все это говорило о том, что правительство не только пришло к пониманию необходимости реального реформирования земельных отношений, но и перешло к осязаемой реформаторской практике в этой сфере.

Земельный вопрос стал (не очень надолго) краеугольным камнем правительственной аграрной политики. Осенний подъем массового крестьянского движения 1905 г. вызвал к жизни невиданное до того явление, которое известный исследователь «столыпинской» аграр-

---

[12] Так, например, товарищ министра внутренних дел Д. Ф. Трепов писал в поданой царю 16 февраля 1905 г. записке, что «изменение поземельных отношений и широкое развитие экономических реформ представляет в данный момент более настоятельный вопрос, чем какая-то бы ни было реформа политическая», считая, однако, что преобразования в деревне не должны выходить за рамки «предоставления земли нуждающимся крестьянам и улучшения существующих форм землепользования». (Цит. по: *Корелин А. П.* Столыпинская аграрная реформа в аспекте земельной собственности // Собственность на землю в России: история и современность. М., 2002. С. 261).

ной реформы С. М. Дубровский позднее определил как «памятник... панического настроения», охватившего правящую верхушку: в недрах правительственного учреждения был разработан и представлен Николаю II законопроект о принудительном отчуждении части помещичьих земель в пользу крестьянства[13]. Безусловно, следствием того же панического настроения и вынужденного «полевения» верхов стало опубликование 3 ноября 1905 г. Манифеста, провозглашавшего снижение наполовину с 1 января 1906 г. и полную отмену с 1 января 1907 г. выкупных платежей. Другим указом с Крестьянского поземельного банка были сняты ограничения на скупку помещичьих земель и продажу их крестьянам.

Но, как отметил позднее в одном из своих выступлений в Государственной думе П. Н. Милюков, уже «в самом конце 1905 года и в самом начале 1906 года» произошел «известный перелом» в государственной политике. «Идея принудительного отчуждения, усвоенная правительством и вытекавшая из того, что тогда считалось аксиомой — из необходимости расширить площадь землепользования, признавая, что главное зло крестьянской бедноты происходит от безземелья, — вот эта основная аксиома и основное направление круто было изменено: то, что признавалось самым существенным и важным было отодвинуто на второй план, а потом постепенно и совсем оставлено в стороне». Вперед же, по словам Милюкова, было «выдвинуто стремление превратить крестьянскую надельную собственность в личную и сделать это из политических целей, чтобы смешать права владения крестьянские и дворянские и чтобы крестьяне более не претендовали на наделение их из помещичьих земель».

Этот «известный перелом» совпал со вступлением на историческую сцену России политических партий, что существенно изменило содержание и усилило политическую окраску аграрно-крестьянского

[13] Речь идет о законопроекте, разработанном по поручению С. Ю. Витте в ноябре–декабре 1905 г. главноуправляющим землеустройством и земледелием Н. Н. Кутлером и его сотрудником А. А. Кауфманом. Проект был отвергнут Николаем II. До этого Совет министров отверг подобный проект профессора П. П. Мигулина, который предлагал передать крестьянам на условиях «самого умеренного выкупа» 10–20 млн десятин государственных и удельных земель и 20–25 млн десятин частновладельческих земель, что позволило бы повысить интенсивность крестьянского земледелия.

вопроса. Он просто не мог не стать одним из центральных в программатике и политической деятельности партий в крестьянской стране, какой Россия продолжала оставаться в начале XX в.

Имеющиеся материалы позволяют выделить основные подходы политических партий к решению аграрно-крестьянского вопроса и определить вместе с тем ту главную проблему, с которой они столкнулись при его решении — проблему допустимости отчуждения частновладельческих земель. Предлагаемые ими варианты решения аграрно-крестьянского вопроса составляли значительное число (практически соответствующее количеству партий), но в целом все они укладывались в русла трех ведущих в то время общественно-политических течений — социалистического, либерального и консервативно-традиционалистского.

Обе крупнейшие общероссийские социалистические партии — РСДРП (в лице двух ее фракций) и ПСР, — на которые равнялись (в том числе при выработке программных документов) практически все партии социал-демократического и неонароднического толка, связывали его решение, прежде всего, с уничтожением помещичьей собственности на землю.

Позиция российской социал-демократии определялась марксистским постулатом, что путь крестьянства к социализму лежит через капитализм, дифференциацию крестьянства на сельскую буржуазию и пролетариат и борьбу между этими классовыми антагонистами. Это и находило отражение в программных установках РСДРП, в том числе в программе партии, принятой на II ее съезде. Позднее В. И. Ленин признавал, что социал-демократы в начале XX в. допустили «*переоценку степени* капиталистического развития в русском земледелии»[14] и недооценку остатков крепостничества в деревне. Поэтому в их программе не было записано требование конфискации помещичьего землевладения и передачи земли в собственность крестьянам. Вопрос ставился об экспроприации и выкупе государством только тех земель, что были «отрезаны» у крестьян в ходе Крестьянской реформы 1861 г.

Недооценка аграрно-крестьянского вопроса российской социал-демократией в период ее становления во многом объяснялась унаследованным от западноевропейских марксистов отношением к крестьянству

[14] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 16. С. 268–269.

как к социальному слою, лишенному политической перспективы. Однако масштабы крестьянского движения в ходе Революции 1905–1907 гг. заставили русских марксистов изменить это отношение и вместе с тем осознать ограниченность своих программных требований. Состоявшийся в апреле 1906 г. IV (Объединительный) съезд РСДРП принял дополнение к программе-минимум, содержащее требование «конфискации частновладельческих земель, кроме мелкого землевладения, и передачи их в распоряжение выбранных на демократических началах крупных органов местного самоуправления...» Так воплотилась в программном документе идея «муниципализации» земли, витавшая еще в атмосфере предсъездовской дискуссии 1903 г. между ее автором П. П. Масловым и В. И. Лениным.

Более четко прослеживался подход к решению аграрно-крестьянского вопроса (и прежде всего проблемы землевладения) у социалистов-революционеров. В своих программных положениях теоретики ПСР опирались на исконно крестьянские воззрения о «ничейной» земле и праве пользования ею тех, кто на ней трудится. Они и легли в основу концепции «социализации земли», с которой выступил один из лидеров и ведущий теоретик партии В. М. Чернов и которая составила идеологию аграрной программы ПСР, принятой ее I съездом в начале января 1906 г. Социализация земли предусматривала «изъятие ее из товарного оборота и обращение из частной собственности отдельных лиц или групп в общенародное достояние» на уравнительно-передельных началах.

Как отмечает в своей статье В. В. Журавлев, «две ветви революционного социалистического движения в России — социал-демократическая и неонародническая — подходили к решению аграрного вопроса с позиций интеллигентской интерпретации настроений и интересов наиболее радикальных слоев основных классов-производителей России конца XIX — начала XX вв.: пролетариата и крестьянства»[15].

В отличие от социалистов либералы подходили к решению аграрно-крестьянского вопроса с позиции общетеоретической концепции эволюционного развития. В этом контексте они считали принципиально

[15] *Журавлев В. В.* Программные установки политических партий России по вопросам собственности на землю. Конец XIX — начало XX вв. // Собственность на землю в России: история и современность. М., 2002. С. 219.

недопустимым осуществление идей как национализации, так и, особенно, социализации земли. Причем социализацию земли либералы рассматривали как меру вообще утопическую. Против же национализации земли ими был выдвинут целый ряд аргументов, базировавшихся как на постулатах римского права, так и на фактах российской действительности. Однако и в либеральной среде, прежде всего, в рядах Конституционно-демократической партии (или Партии народной свободы) имело место довольно сильное течение «национализаторов».

Либералы правого и левого толка сходились в том, что следует уравнять крестьян в правах с остальными гражданами, отменить все исключительные законы, юридически принижающие податные сословия, устранить административную опеку, поднять производительность земледелия и на этой основе повысить благосостояние сельского населения. Сходились они и в необходимости принятия мер к увеличению «земельного содержания» малоземельных и безземельных крестьян. Правда, в данном случае на первый план выступали нюансы программных установок партий, когда вопрос аграрной терминологии обретал политическую окраску: если в более левой кадетской программе речь шла об увеличении площади землепользования и, следовательно, о прибавлении крестьянам надельных земель, то в программе октябристов — о площади крестьянского землевладения, что подразумевало рост числа крестьян-собственников.

Обеими партиями признавался допустимым для решения этой проблемы отвод крестьянам земель казенных, кабинетских и удельных (за передачу им монастырских и церковных земель выступали только кадеты). Серьезные расхождения между ними обнаруживались в связи с различным подходом к вопросу о целесообразности и масштабах отчуждения помещичьей земельной собственности. Вплоть до начала работы II Государственной думы октябристы признавали возможность принудительного отчуждения частновладельческих земель только «в случаях государственной важности», и лишь накануне внесения в Думу их постоянными оппонентами — кадетами известного «проекта 42-х», они внесли изменение в свою аграрную программу, расширив положение о возможном отчуждении словами: «...и при недостаточности всех остальных мер земельной помощи населению <...> для наделения ею [землей] местных безземельных и малоземельных крестьян».

Позиция кадетов была радикальнее. Признавая руководящим началом земельной политики «передачу земли в руки трудящихся», они были

готовы пожертвовать крупным латифундиальным землевладением, поскольку видели в нем экономическую основу сохранения полукрепостнических пережитков в деревне и постоянный источник недовольства крестьянства. Отчуждению подлежали и земли, на которых помещиками велось самостоятельное хозяйство, но допуская такую возможность, кадеты считали, что на этот шаг следует идти лишь в крайних случаях, когда «не представляется никакой иной возможности удовлетворить земельную нужду окрестного населения» и «с вознаграждением нынешних владельцев по справедливой оценке». Вознаграждению, впрочем, подлежали владельцы всех отчуждаемых частных земель. «Гвоздем» кадетской аграрной программы была постановка вопроса о создании из отчуждаемых земель государственного земельного фонда, из которого должны были удовлетворяться нужды крестьянского населения.

В целом же программные требования либеральных сил обладали достаточной степенью умеренности, рациональности и вместе с тем конструктивности, что могло бы дать возможность, в определенных социально-политических условиях, осуществить назревшие преобразования в сфере аграрно-крестьянских отношений.

Консервативно-традиционалистские или правые партии, социальный состав которых был на редкость многолик и притом являл наиболее зримую из всех партий сословную дифференциацию, объективно не могли выставить четкую и ясную программу решения аграрного вопроса, которая могла бы удовлетворить противоположные во многом интересы крестьян, составлявших подавляющее большинство рядовых членов партий и организаций правого толка, и крупных землевладельцев, входивших, как правило, в их руководящий состав.

Правые категорически отвергали любые варианты полного или частичного отчуждения частновладельческих земель (включая планы экспроприации их излишков за денежный выкуп), ссылаясь на то, что «в неприкосновенности имущественных прав важнейший залог здорового развития и процветания государства и прочного укрепления народной нравственности». Признавая наличие крестьянского малоземелья (бывшего, на их взгляд, лишь следствием «естественного прироста населения»)[16], правые предлагали решить данную проблему

[16] Помимо фиксации такого признания в различных (в т. ч. программных) документах правых партий, на это указывает, в частности, и тот факт, что вопрос о «зе-

путем повышения сельскохозяйственной культуры, правильной организации сельского кредита, учреждения сельских земледельческих школ, целесообразным землеустройством и расселением, «в особенности же рациональным ведением переселенческого дела». Говоря об этих, безусловно, нужных и правильных мерах, правые (как и их союзники-оппоненты из лагеря центристов) предпочитали не отвечать на вопрос: способны ли они дать ожидаемый эффект в условиях острейшего крестьянского малоземелья и крайней запутанности земельных отношений. При недостаточности казенных земель для ликвидации малоземелья они обещали добиваться покупки «за счет государства у частных владельцев добровольно продаваемых ими земель».

При указании на расплывчатость и противоречивость их аграрных требований правые ссылались на «немыслимость» установления каких-либо общих для всей империи положений «ранее ознакомления с условиями каждой местности в отдельности и не иначе, как если эти общие положения вытекали бы сами собой из условий местных»[17]. Из этого следовало, что они были не прочь затянуть решение аграрного вопроса на неопределенное время, к чему правых подталкивала не только лежащая в основе их программатики идеология «охранительства», но и тактика сохранения своих организаций, которые, как уже отмечалось, не могли похвастаться единством своих рядов.

Ставшая фактом российской истории многопартийность в значительной степени определила накал и сущность дебатов по аграрно-крестьянскому вопросу в рожденной практически одновременно с нею Государственной думе — первом постоянно действующем общероссийском народном представительстве.

Уже в I Государственной думе депутаты от Конституционно-демократической партии, занявшие в ней ведущие позиции после победы на выборах, выступили 8 мая 1906 г. с законодательным заявлением (т. н. «проект 42-х»). В его основу был положен «Проект Основных положений аграрной реформы», обсуждавшийся на состоявшемся накануне открытия Думы III съезде КДП и переданный в думскую фракцию для дальнейшей

мельной тесноте крестьянства» поднимался председателем «Союза русского народа» А. И. Дубровиным во время приема Николаем II депутации Союза 23 декабря 1905 г.

[17] Правые партии. 1905–1917: Документы и материалы. В 2 т. / Т. 1. 1905–1910 гг. М., 1998. С. 175–176.

доработки. Заявление не представляло собой законопроекта в строгом смысле этого слова, а являлось материалом для передачи в думскую аграрную комиссию. Центральным требованием «Основных положений предполагаемых изменений в законах касательно землевладения» являлось увеличение площади землепользования населения, обрабатывающего землю личным трудом, за счет государственных, удельных, кабинетских, монастырских, церковных земель, а также «путем обязательного отчуждения <...> за счет государства, в потребных размерах, частновладельческих земель с вознаграждением нынешних владельцев по справедливой оценке...» В документе содержался и тезис о создании из отчуждаемых земель государственного запаса (фонда). Ключевым был пункт, который предусматривал возможность получения крестьянами земли из государственного запаса «в долгосрочное пользование на срок, установленный подлежащими учреждениями, без права переуступки».

Кадетский документ встретил жесткое неприятие в правительстве, но думское большинство смогло противостоять давлению и направить его в специально созданную аграрную комиссию, которой предстояло выработать на базе «Основных положений» текст законопроекта. Однако досрочный роспуск Думы прервал эту работу.

«Трудовая группа» (трудовики), состоявшая в основном из депутатов-крестьян и интеллигентов народнического толка, внесла 23 мая 1906 г. в I Государственную думу «Проект земельной реформы» за подписями 104 депутатов. Законопроект разрабатывался при активном участии эсеров и представителей Народно-социалистической партии (энесов), и потому представлял собой один из вариантов неонароднической модели решения аграрного вопроса.

В данном проекте предлагалось установить в стране такой порядок, при котором «вся земля с ее недрами и водами принадлежала бы всему народу, причем нужная земля для сельского хозяйства могла бы отдаваться в пользование только тем, кто будет ее обрабатывать своим трудом». Принудительному отчуждению подлежали помещичьи и прочие частновладельческие земли, за исключением тех, размер которых не превышал установленной для данной местности трудовой нормы. Вознаграждение ожидало владельцев как «добровольно уступаемых», так и «принудительно отчуждаемых» земель частного владения, и осуществляться оно должно было за счет государства. Поддерживая кадетов в вопросе о создании земельного фонда, трудовики вместе с тем позиционировали себя сторонниками национализации земли. При этом

в «проекте 104-х» они предпочитали говорить не о государственном (как это было в кадетском проекте), а об общенародном земельном фонде. Кроме того, в их проекте содержалось требование об отмене продажных, залоговых и дарственных сделок с землей, т. е. рыночных принципов регулирования земельных отношений.

8 июня 1906 г. в Думу был внесен еще более радикальный «проект 33-х». В его первом параграфе подчеркивалось, что «всякая частная собственность на землю в пределах Российского государства отныне совершенно уничтожается». Этот проект предполагал реализацию эсеровского варианта решения аграрного вопроса — социализацию земли, и поэтому неудивительно, что он не был даже принят к рассмотрению: кадетское большинство Думы признало его «нежелательным» на том основании, что он выходил «из пределов реальной земельной политики» и предлагал «глубокий социальный переворот». Тем не менее этот ультралевый по своей направленности документ был замечателен еще и содержавшимся в его преамбуле призывом ко всем представленным в Думе партиям «немедленно представить на суд страны все принимаемые ими способы» решения вопроса о земле.

Требование значительной части депутатов I Думы решить крестьянский вопрос радикальными средствами заставило ее руководство пойти на создание временной думской комиссии, которой предстояло обсудить вопрос о допустимости «принудительного отчуждения частновладельческих земель». Предвидя исход такого обсуждения, правительство выступило 20 июня 1906 г. с заявлением, в котором решительно высказалось против принудительного отчуждения частновладельческих земель. Под влиянием кадетов, стремившихся сохранить народное представительство, Дума пошла на уступки правительству, но это не спасло ее от досрочного роспуска.

II Государственная дума оказалась не менее оппозиционной правительству, чем первая. Новый расклад сил внутри левоцентристского большинства (ставшие ведущей силой во II Думе трудовики оказались левее кадетов) отнюдь не способствовал снятию с повестки дня вопроса о принятии народным представительством радикального проекта аграрной реформы, альтернативного правительственному[18].

---

[18] В апреле 1907 г. во II Государственную думу правительство внесло законопроект на основе указа от 9 ноября 1906 г. «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и

Депутаты от разных фракций, словно прислушавшись к призыву крестьянских депутатов Думы прежнего созыва, спешили «представить на суд страны» новые и новые законодательные заявления и проекты, демонстрируя избирателям свою заинтересованность в решении аграрного вопроса.

Объединившись с депутатами от Всероссийского крестьянского союза, трудовики представили 6 марта 1907 г. за подписью 113 членов Думы законодательное заявление «Проект Основных положений земельной реформы», в основу которого был положен перводумский «проект 104-х». Видимо, крестьянские депутаты рассчитывали донести заложенные в проекте идеи до думской земельной комиссии, надеясь, что она займется доработкой законопроекта, разработанного аграрной комиссией I Государственной думы, но не рассмотренного последней вследствие ее роспуска.

Свое видение решения «земельных дел» обнародовали и народные социалисты, создавшие во II Государственной думе собственную фракцию. Ее лидер В. В. Волк-Карачевский заявил 26 марта 1907 г., что «...энесы являются убежденными сторонниками национализации земли и будут отстаивать ее в Государственной думе и среди народа». Поддерживая проект трудовиков, они считали, что реализация заявленных в нем требований потребует длительного времени. Поэтому 10 апреля 1907 г. фракция выступила с законодательным заявлением, внеся на рассмотрение Думы «Основные положения проекта временного закона по земельным делам», целью которого в переходное время объявлялись: отмена законов, изданных «в порядке статьи 87»; создание местных учреждений (комитетов), облегчающих подготовку и проведение земельной реформы; предоставление заинтересованному в земельных делах населению возможности отстаивать свои интересы и мирно разрешать возникающие в его среде споры. Проект был явно направлен против первых шагов «столыпинской» аграрной реформы и предусматривал отмену мер, принятых правительством по земельному вопросу.

Придя во II Думу с обновленной аграрной программой, 19 марта 1907 г. включились в законотворческий процесс и социал-демократы.

землепользования». Левоцентристское большинство и профильная подкомиссия высказались за его отклонение, но общее собрание Думы до ее роспуска в начале июня того же года не успело этого сделать, и указ продолжал действовать в порядке ст. 87 Основных законов.

Их фракция представила «Проект Основных положений аграрной реформы», в котором предлагалось «уничтожение всяких стеснений крестьян в распоряжении их земельной собственностью», вызываемых их сословной принадлежностью. Социал-демократы выступили за отчуждение без выкупа церковных, монастырских, удельных и кабинетских земель и передачу их, как и казенных земель, крупным органам местного самоуправления. Национализации (т. е. переходу во владение демократического государства) могли быть подвергнуты еще не заселенные удельные, кабинетские и государственные земли, годные для создания переселенческого фонда, а также леса и воды, имеющие общегосударственное значение.

Без выкупа (и это отличало позицию социал-демократов от позиций других политических сил, выступавших с предложениями о принудительном отчуждении) должна была осуществляться и конфискация частновладельческих земель.

30 апреля 1907 г. кадеты внесли от имени 38 депутатов Думы «Проект Главных оснований закона о земельном обеспечении земледельческого населения». Это был уже законченный юридический документ, развивавший идеи и конкретизировавший положения законодательного заявления, сделанного кадетами в I Государственной думе. Из проекта был исключен пункт о создании постоянного государственного земельного фонда, что отражало, видимо, победу в партии тех сил, которые выступали против идеи его создания год назад, на III съезде КДП. Вместе с тем документ содержал новое положение о передаче земли крестьянам уже не в долгосрочное, а в постоянное пользование.

Вторую попытку провести свой законопроект предприняли 3 мая 1907 г. и эсеры. Под «Проектом Основных положений земельного закона» им удалось собрать 104 подписи (преимущественно членов своей партии). Суть проекта, по сравнению с вносимым в I Государственную думу «проектом 33-х», не изменилась, он был таким же радикальным, что определялось лежащими в его основе принципами социализации земли и уравнительно-трудового землепользования. Документ подвергся структурной перестройке: в нем появился новый раздел «Порядок введения Основных положений земельного закона», открывающийся требованием (заимствованным у народных социалистов) отменить «все указы о земле и пользовании ею, изданные в порядке ст. 87 Основных законов».

Конечно, не это требование и даже не законопроект в целом стали причиной повторного досрочного роспуска Государственной думы, который произошел 3 июня 1907 г., вскоре после того, как Дума решила (26 мая) прекратить прения по аграрному вопросу.

Работа III Государственной думы отличалась от предыдущих новым качеством законотворческой деятельности в аграрной сфере, чему, безусловно, способствовало новое думское большинство (октябристы и умеренные правые), тесно связанное, особенно на первых порах работы Думы, с правительством Столыпина. Поубавилась энергия законотворчества оппозиционных сил, их место на этом поприще заняли силы, ничем себя в нем ранее не проявлявшие. Первыми в начале декабря 1907 г. выступили с законодательным заявлением умеренно правые депутаты, представив «Проект Главных оснований закона о содействии усовершенствованию крестьянского хозяйства и сельского хозяйства в России вообще». Содержание документа, подписанного 34 членами Думы, отражало еще «перводумские» программные установки монархических партий и сводилось к ряду технико-агрономических аспектов «усовершенствования» (создание сети образцовых крестьянских хозяйств, опытных станций и увеличение числа сельскохозяйственных школ различных типов).

Появление на думской арене фракции прогрессистов было отмечено в марте 1908 г. внесением от их имени 46 депутатами «Проекта Главных оснований наделения безземельных и малоземельных крестьян землею». Возвратившись к идее образования государственного земельного фонда (после отказа от нее кадетов), прогрессисты уже избегали, говоря о способах его формирования, упоминать о принципе «принудительного отчуждения» частновладельческих земель. В государственный земельный фонд могли «передаваться» (и только по «справедливой оценке») лишь земли, не обрабатываемые и сдаваемые в аренду или за часть урожая, за исключением тех, которые были необходимы «для ведения собственного культурного хозяйства, фабрики или завода». Мягкую позицию заняли прогрессисты и по отношению к монастырским землям. В отличие от земель казенных, удельных и кабинетских эти земли могли быть «обращены» в создаваемый фонд лишь «по справедливой оценке».

В целом же проект прогрессистов отражал двойственное отношение новой политической силы к «столыпинскому» аграрному законодательству и набирающей силу преобразовательной практике. По сути,

прогрессисты поддерживали становление крупного помещичьего хозяйства капиталистического типа и мелкого частного крестьянского хозяйства, видя в них прочную основу развития производительных сил в аграрном секторе. Вместе с тем они полагали, что, содействуя образованию мелкой частной собственности, вкрапленной в общинные владения, правительство Столыпина с экономической точки зрения ставит «крестьянское хозяйство в совершенно невозможные условия», а с политической — ведет к «возбуждению одной части крестьянского населения против другой». Позиционируя себя сторонниками «успокоения и мирного обновления деревни», прогрессисты не могли полностью сочувствовать земельной программе правительства. Предвидя возможные негативные последствия ее практической реализации, они предлагали ряд конкретных мер, способных, по их мнению, снизить остроту этих последствий: осуществлять выход домохозяина из общины только с согласия крестьянского общества; сохранять связи расселяющихся крестьян с общиной путем совместного пользования лугами, лесами и другими общественными угодьями; ограничивать мобилизацию крестьянской земли (в частности, запрещая ее продажу из государственного земельного фонда в частные руки); сохранять социальную организацию общины как административной и хозяйственной единицы.

Появление в конце 1907 — начале 1908 гг. первой трещинки в отношениях правительства Столыпина и думской фракции октябристов совпало с активизацией законотворческой деятельности их давних соперников справа в борьбе за влияние на правительство. В мае 1908 г. правые внесли в Думу уже полноценный проект решения аграрной проблемы («Об улучшении и увеличении крестьянского землевладения и землепользования»), взяв себе в союзники ряд близких им по взглядам депутатов-октябристов. Проект полностью соответствовал, если не букве, то духу внесенного очередного варианта правительственного законопроекта, разработанного на основе указа от 9 ноября 1906 г. Проект правых выгодно отличался от прежних их аграрных установок, затрагивая вопросы налогообложения, кредита, скупки земель, арендных отношений и переселенческого дела.

Но ни один из поступивших в III Государственную думу депутатских законопроектов, будучи передан на заключение в профильную комиссию, не был признан «желательным».

Центральным пунктом прений по аграрному вопросу в III Думе стали законопроекты, внесенные правительством в первую же сессию, в том числе так и не рассмотренный депутатами предшествующих созывов,

но уже действующий на основании ст. 87 Основных законов указ от 9 ноября 1906 г. Этот указ поступил в Думу в январе 1908 г. и после рассмотрения и одобрения его положений земельной комиссией был внесен в общее собрание Думы как законопроект.

В первом чтении он был рассмотрен в одиннадцати заседаниях в октябре-ноябре того же года, во втором чтении — в девяти заседаниях в ноябре 1908 г. и феврале 1909 г., в третьем чтении — в двух заседаниях в апреле 1909 г. Таким образом, прения по данному вопросу продолжались (в земельной комиссии и общем собрании Думы) более года и в них приняли участие более 500 человек. Проправительственное большинство в Государственной думе добилось, несмотря на жаркие дебаты, сохранения всех основополагающих положений правительственного законопроекта. В мае 1909 г. Дума его одобрила и передала в Государственный совет.

Схожая судьба ожидала и второй из внесенных правительством законопроектов — о землеустройстве. В III Государственную думу он был передан ранее вышеназванного законопроекта — в ноябре 1907 г. В июне 1909 г., после завершения ее работы над бывшим указом от 9 ноября 1906 г. о реформе крестьянского землевладения и землепользования, земельная комиссия внесла доклад по проекту нового закона в общее собрание Думы.

В первом чтении законопроект был рассмотрен в одном заседании в октябре 1909 г., во втором чтении — в шести заседаниях в октябре-ноябре 1909 г., в третьем — в двух заседаниях в ноябре 1909 г. Положение о землеустройстве вызвало в нижней палате менее ожесточенные споры, чем законопроект о реформе крестьянского землевладения и землепользования, поскольку необходимость борьбы с чересполосицей, длинноземельем и пр. не вызывала сомнений, в том числе у депутатов оппозиционных фракций. Дискуссии развернулись по вопросу правового статуса крестьянских хуторов и отрубов, в которые при выделении из общин крестьян входили как надельные, так и вненадельные, купленные ими земли. Правительственный проект объявлял эти участки надельными[19]. Правительство исходило при этом из недопустимости

[19] Большинство министров голосовали против такого решения, однако в числе трех членов меньшинства были Столыпин и главноуправляющий землеустройством и земледелием А. В. Кривошеин, и Николай II утвердил это мнение. Впоследствии правительство изменило свою позицию, и в Комиссии Государственного совета Кривошеин настаивал на признании этих участков частными.

уменьшения фонда надельных земель. Земельная комиссия Думы пошла дальше него и предложила считать такие хутора и отруба частновладельческими, находя недопустимым перевод частных земель в надельные без согласия владельцев и считая полезным постепенно снимать ограничения, наложенные на распоряжение надельной землей.

В ходе обсуждения проекта во втором чтении Дума согласилась с мнением главноуправляющего землеустройством и земледелием А. В. Кривошеина, бывшего как бы содокладчиком председателя думской земельной комиссии на заседании общего собрания Думы 12 октября 1909 г., но в третьем чтении — уже с мнением своей комиссии, которое было дополнено (по предложению трудовика А. Е. Кропотова) не имеющим практического значения компромиссом о предоставлении владельцу участка права объявить его надельным.

Противники законопроекта возражали также против проведения разверстаний[20] по требованию лишь некоторых, особенно одного домохозяина вопреки мнению большинства членов общины, однако сторонники проекта сохранили эти положения.

Законопроект о землеустройстве в значительной мере корректировал принятый годом ранее закон «Об изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьянском землевладении». Проведение землеустроительных работ уже не предусматривало предварительного укрепления земли в собственность, что было непременным условием до вступления в силу нового закона. Сам процесс землеустройства выступал одновременно как процесс превращения общинной земли в личную собственность, а акт об отводе домохозяевам земли в порядке землеустройства становился вместе с тем и актом на право собственности на эти участки земли. Тем самым стала вполне очевидной ошибка одного из виднейших российских специалистов-аграрников, бывшего главноуправляющего землеустройством и земледелием, а в момент обсуждения и принятия Положения о землеустройстве депутата Государственной думы Н. Н. Кутлера, заявившего в ходе одного из своих выступлений в

[20] *Разверстание* (или выдел угодий «к одним местам») — 1) перераспределение разрозненно лежащих земельных участков между их владельцами в целях образования цельных земельных угодий каждого из них и улучшения условий сельскохозяйственного производства (за счет уничтожения чересполосности, сервитутов и пр.); 2) разграничение земельных угодий, находящихся в общем пользовании, на участки, т. е. распределение их между отдельными владельцами.

Думе, что данный законопроект «не имеет крупного принципиального значения — это законопроект технический». Правы оказались его оппоненты, отметившие, что при всех своих немаловажных технических функциях процесс землеустройства является оборотной стороной набирающего силу процесса разрушения общины.

Оба законопроекта по завершении слушаний в Думе поступили в Государственный совет, где также после прений (долгих дебатов не было только по «Положению о землеустройстве») и работы согласительных комиссий обеих палат (обычной практики законотворческой деятельности) они были одобрены и переданы на утверждение императору. После подписания им законопроектов (14 июня 1910 г. и 29 мая 1911 г.) они были утверждены в качестве законов, соответственно: «Об изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьянском землевладении» и «О землеустройстве».

* * *

После победы Февральской революции 1917 г. решение аграрно-крестьянского вопроса вступило в качественно новую стадию. Уже 12 и 16 марта Временное правительство объявило о национализации царской кабинетской и удельной земельной собственности. Но от других радикальных шагов в сфере земельного законотворчества оно старалось удержаться, сосредоточив усилия на тщательной проработке положений (законопроектов) будущей аграрной реформы, начало которой должно было быть положено Учредительным собранием. Именно в этих целях в конце марта при Министерстве земледелия был создан Главный земельный комитет, а затем и система местных (волостных, уездных, губернских) земельных комитетов, призванных обеспечивать необходимыми материалами лучшие силы аграрных теоретиков демократического толка, вошедших в состав центрального органа.

Демонстрировали понимание необходимости решения аграрного вопроса и политические партии. Они вернулись к своим аграрным программам, принятым, как правило, в годы становления партий, корректируя их с учетом новых условий развития общества и, не в последнюю очередь, настроений радикализирующегося под влиянием этих условий населения. Как и в период 1905–1907 гг., в 1917 г. появилось множество брошюр с изложением различных взглядов и требований по аграрному вопросу. Партии не скупились на издания, а их теоретики оттачивали аргументы в споре со своими политическими оппонентами.

В первые же дни после Февральской революции особое место на политической арене заняла Конституционно-демократическая партия. Став правительственной партией (в числе многих министерских постов за ними в марте–апреле 1917 г. значился и пост министра земледелия, занимаемый видным деятелем КДП А. И. Шингаревым), кадеты получили возможность реализовать на практике свою политическую и социально-экономическую программу.

Уже в марте на VII съезде партии в числе доминирующих было мнение, что аграрный вопрос стал вопросом не только социальным, но и политическим, и что «скорейшее его разрешение необходимо для предотвращения серьезных осложнений в деревне». Вместе с тем съезд показал (при всеобщей эйфории и вере в единство партии), что на пути реализации аграрной части программы руководство партии ожидают немалые трудности. Ряд депутатов с мест (Безрадецкий, Елагин, Радецкий, Чешихин и др.) были весьма настойчивы в своих предложениях об изменении аграрной программы «в смысле признания национализации земли». Эти предложения, как и ряд других, были переданы в особую аграрную комиссию для пересмотра программы партии по земельному вопросу, которая должна была вынести свои суждения на суд очередного съезда.

В докладе ЦК по аграрному вопросу на VIII съезде кадетской партии было заявлено, что все три принципа, выдвигавшиеся левыми партиями, — национализация, муниципализация и социализация — приемлемы, но ни один из них не может быть проведен последовательно по отношению ко всем землям; необходимо воспринять из этих принципов те основные положения, которые отвечают требованиям экономического развития России и могут быть проведены в жизнь без особых потрясений. Леса, воды и недра должны быть национализированы; земли сельскохозяйственного значения — переданы трудовому земледельческому населению, причем формы землепользования население должно устанавливать само при нейтралитете государства. Вместо старой формулы римского права «земля — собственнику» и «ходячей» формулы «земля — трудящимся» была провозглашена новая, более широкая и всеобъемлющая, требованиям которой отвечал труд всякого, кто вел свое хозяйство: «земля — хозяину».

Важным событием съезда стало принятие им, наряду с новой редакцией аграрной программы, документа, развивающего второй ее пункт о неотложности осуществления преобразований в земельной области —

«Главные основания земельной реформы». В соответствии с этим документом принудительному отчуждению должны были подлежать все частновладельческие земли, площадь которых превышала трудовую норму. Вместе с тем расширялось понимание трудового принципа и вводилось понятие «полутрудового хозяйства»: в местностях, где не было недостатка земли, владельцам земельных участков могло быть оставлено «больше трудовой, но не свыше устанавливаемой для того предельной нормы». В определенных случаях «подлежащие учреждения» могли признать необходимым сохранить владение «в прежнем его виде или установить постепенный порядок его ликвидации».

Делегаты съезда выражали недовольство тем местом доклада ЦК, где говорилось о предполагаемых выплатах за отчуждаемые вненадельные земли. Можно с уверенностью сказать, что этот вопрос в период между двумя революциями был центральным и потому самым дискуссионным во всех партиях [кроме РСДРП(б)]. Тем не менее съездом была подтверждена необходимость выкупа отчуждаемых земель государством по нормальной доходности. Отчуждаемые земли должны были поступать в государственный земельный запас, из которого предполагалось наделять безземельных и малоземельных «на началах постоянного (бессрочного) пользования».

Наиболее последовательные конституционные демократы полагали, что в основе аграрной реформы должен лежать принцип развития производительных сил в интересах экономического подъема России как великого народнохозяйственного целого, в то время как программы всех передовых партий, включая саму кадетскую, были построены, на их взгляд, «под углом зрения желаний и настроений крестьянской массы».

После появления на свет «Апрельских тезисов» В. И. Ленина и постановки в них вопроса о «*переходе* от первого этапа революции... *ко второму* ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства»[21] стало ясно, что аграрной части программы российской социал-демократии (как, впрочем, и другим ее частям) будет отведена роль одного из рычагов для расшатывания складывающегося общественного порядка. На это указывал, прежде всего, тот факт, что среди «партийных задач» большевиков, поставленных

[21] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 114.

в повестку дня «Апрельскими тезисами», провозглашалось «исправление отсталой программы-минимум», которая, в части, относящейся к аграрным проблемам, уже претерпела, как уже отмечалось, существенные изменения в 1906 г., вобрав в себя предложенный меньшевиками принцип муниципализации земли. Превращению ее в программу, отвечающую требованиям новой политической ситуации, должны были способствовать, по мнению Ленина, следующие ключевые пункты: «...Перенесение центра тяжести на Советы батрацких депутатов. Конфискация всех помещичьих земель. Национализация *всех* земель в стране, распоряжение землею местными Советами батрацких и крестьянских депутатов. Выделение Советов депутатов от беднейших крестьян. Создание из каждого крупного имения <...> образцового хозяйства под контролем батрацких депутатов и на общественный счет»[22].

В отличие от социалистов-революционеров, как и своих недавних собратьев-меньшевиков, большевики не располагали значительными (и квалифицированными) теоретическими силами в области разработки аграрной проблемы. Основная тяжесть работы по созданию и обоснованию новой, по существу, аграрной программы легла на Ленина.

Окончательно освободившись от сдерживающего начала в лице «меньшевиствующего большинства», отказавшегося принять предложенные им тезисы за общепартийные политические установки, Ленин без труда смог провести выработанные им вышеперечисленные положения аграрной программы в профильной секции и на общем собрании VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП, на которой ему серьезно оппонировал лишь один делегат — Н. С. Ангарский, внесший поправку с предложением снять абзац резолюции, где говорилось о материальной основе «стремлений крестьянства к национализации *всех* земель в государстве», ввиду отсутствия у крестьян такого стремления.

Требование национализации земель было принято делегатами конференции, дополнившими этот пункт разработанного Лениным проекта, принципиальным положением, что «означая передачу права собственности на все земли в руки государства, национализация передает право распоряжения землей в руки местных демократических учреждений».

Меньшевики в 1917 г. держались в целом за свою прежнюю аграрную программу, в основе которой лежал масловский проект муници-

[22] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 115.

пализации земли. Еще в 1912 г. меньшевики сняли лозунг конфискации помещичьих земель «как потерявший свое значение в результате столыпинской аграрной реформы». На съезде партии в августе 1917 г. ими было признано, что отчужденные земли должны числиться государственной собственностью, важно только, чтобы они находились в распоряжении местного населения. Однако отчуждение должно было коснуться только крупного и среднего землевладения. Против национализации крестьянских надельных и купчих земель меньшевики выступали столь же решительно, как и раньше.

Революция актуализировала вопрос о выкупе отчуждаемых земель. Съезд меньшевиков, в конечном счете, не согласился на вознаграждение крупных земельных собственников, хотя бы и частичное. Вместе с тем признав, что «отчуждение частновладельческих земель должно произойти без выкупа», его делегаты посчитали необходимым перевести на государство долговые обязательства за конфискованные земли.

Значительной политической силой, стремящейся в 1917 г. не просто войти в «клуб» старейших и массовых партий, но и потеснить их ряды, стали объединившиеся народные социалисты и трудовики, образовавшие в июне 1917 г. единую Трудовую народно-социалистическую партию. И те, и другие остались верны принципу национализации, подчеркивая, что ей подлежит вся земля, включая и крестьянскую. За бывшими владельцами надельной и частной земли оставлялось лишь право пользования этими землями в пределах трудовой нормы. На объединительном съезде рассматривался только один вопрос аграрной программы — о допустимости и формах выкупа при национализации земли. Заявив, что партия будет отстаивать условия перехода земли в общенародную собственность, «которые потребуют наименьших жертв со стороны трудового народа», съезд высказался за такую форму выкупа отчуждаемых земель, при которой вся тяжесть выплат должна быть отнесена «на общегосударственный счет».

Наиболее близки (помимо кадетов) к практической реализации своей аграрной программы в период между двумя революциями 1917 г. оказались социалисты-революционеры. В составе коалиционных кабинетов Временного правительства именно их представители (сначала В. М. Чернов, а затем С. Л. Маслов) занимали посты министров земледелия, что, конечно же, выделяло эсеровскую партию в плане возможностей практической преобразовательной деятельности.

В отличие от кадетов и других политических сил эсеры не ощущали необходимости в существенной корректировке своей аграрной программы, полагая, что опыт революционного движения «не выдвинул никаких серьезных проектов, обоснованных положений», чтобы начать ее пересмотр. Исходя из такой установки, состоявшийся в конце мая — начале июня 1917 г., III съезд ПСР при обсуждении аграрных проблем ограничился выработкой общих положений «аграрной политики до Учредительного собрания». На съезде были рассмотрены вопросы, которые выдвинула революционная практика крестьянских масс. Партии необходимо было выразить свое отношение к «захватной тактике», а также мерам, используемым крестьянством для «медленного удушения помещичьих хозяйств»[23], ограничения общинниками прав (в т. ч. земельных) «отрубщиков» и хуторян и пр.

Войдя во Временное правительство, эсеры вынуждены были отступить от ряда своих позиций по вопросам текущей аграрной политики, став заложниками курса на сохранение коалиции во что бы то ни стало (по словам лидера партии Чернова, ее руководство «зацепившись за коалицию, застряло на месте»). Во многом именно это обстоятельство не позволило партии реализовать не раз высказываемую руководителями ПСР идею «внимательной и подробной» разработки («в духе партии социалистов-революционеров, в духе социализации земли») практических вопросов, связанных с проведением в жизнь эсеровской аграрной программы.

Партийная программатика продолжала, таким образом, демонстрировать весьма существенные различия в понимании главными акторами политического процесса проблем и подходов к решению аграрно-крестьянского вопроса. Впрочем, еще до начала процесса пересмотра аграрных программ было ясно, что накопившиеся за годы политического оппонирования наслоения и «шлаки» в личных и деловых отношениях, не говоря уже о разнице доктринальных установок, будут негативным образом сказываться ~~на~~ выработке общегосударственной программы его решения. Исходя из этого, Министерство земледелия образовало, практически одновременно с Главным земельным комитетом, ведомственную Комиссию по разработке теоретических основ земельной реформы

---

[23] См.: *Куреньшев А. А.* Крестьянство и его организации в первой трети XX века. М., 2000. С. 28.

(позднее — Лига аграрных реформ), призванную, в качестве побочной цели, сблизить позиции ведущих идеологов аграрного движения в ходе непосредственного общения и открытых межпартийных дискуссий.

Официально было объявлено, что целью создания Лиги являлось «организованное обсуждение и разработка аграрного вопроса». Один из инициаторов ее создания и руководителей Лиги А. В. Чаянов позднее ставил вопрос шире и говорил об этом более образно: «пересмотр устаревших с 1905–07 гг. аграрных программ» и перенесение их «из узких партийных переулков и партийной полемики на более широкую площадь совместной работы всех экономических сил страны». Организаторам Лиги действительно удалось собрать цвет русской аграрной мысли. В ее состав входили С. Л. Маслов, Н. П. Макаров, Б. Д. Бруцкус, Н. Д. Кондратьев, Н. П. Огановский, А. Н. Челинцев, Н. И. Ракитников, А. А. Кауфман, Н. П. Першин и др. Важно, что были они представителями не только разных научных школ, но и разных направлений политической мысли — от правых либералов до радикальных социалистов. Впрочем, значительная часть специалистов была политически индифферентна.

Лига провела три всероссийских съезда (апрель, июнь, ноябрь 1917 г.). В настоящем издании приводятся материалы июньского съезда, посвященного «почти всем основным вопросам аграрной реформы», а именно «сопоставлению и обсуждению основных идей аграрной реформы и разработке вопросов о нормах землепользования, контингенте хозяйств, подлежащих наделению, и определению земельного фонда». Издавая первый выпуск трудов Лиги, содержащий материалы данного съезда, ее Распорядительный комитет вынужден был оговориться в предисловии, что «вследствие плохого состояния стенографического материала и трудности сношения с иногородними членами съезда, речи некоторых ораторов сильно сокращены, а несколько речей мы были вынуждены совершенно выпустить».

Поскольку в задачи Лиги входило обсуждение и выяснение, а не проведение в жизнь «аграрных предположений», она не связывала своих членов какими-либо партийными взглядами. Однако ее руководство считало необходимым очертить «ту плоскость, в границах которой... должно вестись обсуждение аграрной проблемы». Границы дискуссионного «поля» определяли следующие исходные постулаты:

— трудовое крестьянское хозяйство должно лечь в основу аграрного строительства России, и ему должны быть переданы земли нашей родины;

— передача эта должна совершиться на основе государственного плана земельного устройства, разработанного при учете бытовых и экономических особенностей отдельных районов и планомерно и организованно осуществимого без нарушения производственного напряжения народного хозяйства;

— земельное устройство есть только часть решения аграрной проблемы, которая включает в себя все вопросы, связанные с общими условиями сельскохозяйственного производства, организацией трудовых хозяйств и организацией связи этих хозяйств с общим мировым хозяйством.

Публикуемые в настоящем издании материалы съездовской дискуссии (несмотря на утрату части их) дают достаточно полное представление о научных и политических позициях, занимаемых ее участниками, об аргументации, приводимой ими в защиту своих взглядов, об их попытках внести вклад в сближение партийных программ в ходе обсуждения поставленных вопросов. Последнее иногда приводило к результатам, «превосходившим» ожидания организаторов. Один из участников дискуссии, В. И. Анисимов, подметил с иронией: «после речи А. Н. Минина, развернувшего перед нами свое толкование программы национализации, как системы конкретных мероприятий, я очень сильно задумался над вопросом о том, действительно ли существует какая-либо разница между программою народного социализма А. Н. Минина и программою конст[итуционно]-демокр[атической] партии, защищаемою Н. Н. Черненковым. Когда же вслед за тем соц[иалист]-рев[олюционер] Н. Д. Кондратьев заявил, что целиком разделяет взгляды А. Н. Минина, то еще более неожиданно для себя я увидел, что программное объединение может быть продвинуто еще более налево. Наконец, мое изумление стало почти безмерным, когда это межпартийное объединение было завершено заявлением Н. Н. Черненкова относительно отсутствия каких-либо существенных разногласий между ним и представителем партии соц[иал]-дем[ократов] меньшевиков П. П. Масловым. Намечалось, таким образом, полное объединение непримиримых когда-то течений и оставалось только радоваться, что наконец-то найдено решение аграрного вопроса, могущее всех объединить».

Однако «радость» Анисимова была преждевременной. Ход дискуссии не выявил существенного сближения позиций оппонентов, что, конечно же, не могло способствовать выработке единой и каче-

ственной концепции аграрного реформирования. Если принять во внимание, что попытки Лиги найти «золотую середину» в решении аграрно-крестьянского вопроса хронологически совпало с усилением политической деструкции, нарастанием конфликта между Временным правительством и Советами, то станет понятной обреченность ее усилий. Однако определяющая причина неэффективности предпринятых в межреволюционный период попыток выработки по настоящему действенной концепции аграрного реформирования состояла, разумеется, не в политических разногласиях ее творцов, а в нетерпении самого крестьянства, уставшего от тщетных ожиданий решения своей судьбы «сверху».

Мысли, вынашиваемые массовым крестьянским сознанием в течение десятилетий, нашли отражение в опубликованном в августе 1917 г. «программном» документе, в основу которого были положены 242 местных наказа I Всероссийскому съезду крестьянских депутатов. Почти во всех наказах крестьяне требовали отмены частной собственности на землю, что не могли не учитывать составители сводного документа, в котором говорилось: «Право частной собственности на землю отменяется навсегда; земля не может быть ни покупаема, ни сдаваема в аренду, либо в залог, ни каким-либо другим способом отчуждаема.

Вся земля: государственная, удельная, кабинетская, монастырская, церковная, посессионная, майоратная, частновладельческая, общественная, крестьянская и т. д., отчуждается безвозмездно, обращается в всенародное достояние и переходит в пользование всех трудящихся на ней»[24].

Требования социализации земли, а подчас и перехода ее в собственность демократического государства становились все более настоятельными на местных крестьянских съездах, подкрепляясь нарастающей волной крестьянских выступлений, сила которых прибывала по мере возвращения в деревни «распропагандированных» фронтовиков.

Однако и в этих экстремальных условиях, когда терпение многомиллионного российского крестьянства подошло к своему пределу,

[24] Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов. 1917. 19 августа. С наказами с мест (отвечавшими в целом эсеровским взглядам на решение земельной проблемы) крестьяне приезжали на I Всероссийский съезд крестьянских депутатов (май 1917 г.). Позже редакция «Известий...» систематизировала и составила свод этих наказов, который стал известен как «Крестьянский наказ о земле».

Временное правительство не нашло действенных мер и политической воли для скорейшего решения земельного вопроса. «Академизм» и неспешный темп аграрных преобразований, заданный правительством кн. Г. Е. Львова и унаследованный его восприемниками, затянувшиеся политические «игры» либералов и социалистов, где ставкой был выбор пути аграрного реформирования, наконец, традиционный для чиновничьего аппарата бюрократизм привели Россию к событиям Октября 1917 г., положившим начало решению аграрно-крестьянского вопроса уже на принципиально иной основе.

В. Н. Колодежный,
кандидат экономических наук

АГРАРНЫЕ ПРОЕКТЫ

ПАДЕНИЕ КРЕПОСТНОГО ПРАВА: ОСМЫСЛЕНИЕ РЕАЛЬНОСТИ И ПОИСК АЛЬТЕРНАТИВ АГРАРНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ (ФЕВРАЛЬ 1861 г. – КОНЕЦ XIX в.)

ОБЩЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ О КРЕСТЬЯНАХ, ВЫШЕДШИХ ИЗ КРЕПОСТНОЙ ЗАВИСИМОСТИ

Введение

1. Крепостное право на крестьян, водворенных в помещичьих имениях, и на дворовых людей отменяется навсегда в порядке, указанном в настоящем Положении и в других, вместе с оным изданных, Положениях и Правилах[1].

2. На основании сего Положения и Общих законов крестьянам и дворовым людям, вышедшим из крепостной зависимости, предоставляются права состояния свободных сельских обывателей как личные, так и по имуществу. В пользование сими правами они вступают тем порядком и в те сроки, какие указаны в Правилах о приведении в действие Положений о крестьянах и в особом Положении о дворовых людях[2].

3. Помещики, сохраняя право собственности на все принадлежащие им земли, предоставляют за установленные повинности в постоянное пользование крестьян усадебную их оседлость и сверх того, для обеспечения их быта и для выполнения их обязанностей пред Правительством и помещиками, то количество полевой земли и других угодий, которое определяется на основаниях, указанных в Местных Положениях[3].

4. Крестьяне, за отведенный на основании предыдущей статьи надел, обязаны отбывать в пользу помещиков определенные в Местных Положениях повинности: работою или деньгами.

5. Возникающие из сего *обязательные поземельные отношения* между помещиками и крестьянами определяются Правилами, изложенными как в сем Общем, так и в особых Местных Положениях.

Примечание. Сии Местные Положения суть[4].

1) для тридцати четырех губерний Великороссийских, Новороссийских и Белорусских; 2) для губерний Малороссийских: Черниговской, Полтавской и части Харьковской; 3) для губерний Киевской, Подольской и Волынской; 4) для губерний Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской и части Витебской. Кроме того, к Местным Положениям присоединены Дополнительные

правила: 1) об устройстве крестьян, водворенных в имениях мелкопоместных владельцев, и о пособии сим владельцам; 2) о приписанных к частным горным заводам людях ведомства Министерства Финансов; 3) о крестьянах и работниках, отбывающих работы при Пермских частных горных заводах и соляных промыслах; 4) о крестьянах, отбывающих работы на помещичьих фабриках; 5) о крестьянах и дворовых людях в Земле Войска Донского; 6) о крестьянах и дворовых людях в Ставропольской губернии; 7) о крестьянах и дворовых людях в Сибири, и 8) о людях, вышедших из крепостной зависимости в Бессарабской области.

6. Наделение крестьян землею и другими угодьями, а равно следующие за сим повинности в пользу помещика, определяются преимущественно *по добровольному между помещиками и крестьянами соглашению* с соблюдением лишь следующих условий:

1) чтобы надел, предоставляемый крестьянам в постоянное пользование для обеспечения их быта и исправного отправления ими государевых повинностей, не был менее того размера, который определен с этой целью в Местных Положениях;

2) чтобы те повинности крестьян в пользу помещика, которые отправляются работою, определялись не иначе, как временными договорами, на сроки не долее трех лет (причем не воспрещается, однако же, возобновлять такие договоры в случае желания обеих сторон, но также временно, не долее, как на трехлетний срок), и

3) чтобы вообще заключаемые между помещиками и крестьянами сделки не были противны общим гражданским законам и не ограничивали прав личных, имущественных и по состоянию, предоставляемых крестьянам в настоящем Положении.

Во всех тех случаях, когда добровольные соглашения между помещиками и крестьянами не состоятся, надел крестьян землею и отправление ими повинностей производится на точном основании Местных Положений.

7. На сих основаниях составляются *уставные грамоты*[5], в которых должны быть определены постоянные поземельные отношения между каждым помещиком и водворенными на его земле крестьянами[6]. Составление таковых уставных грамот предоставляется самим помещикам. Как на составление оных, так на рассмотрение и введение их в действие назначается два года со дня утверждения сего Положения.

Примечание. Подробности, относящиеся до составления и исполнения уставных грамот, содержатся в Местных Положениях и в Правилах о порядке приведения в действие Положений о крестьянах.

8. Помещики, наделив крестьян в постоянное пользование, за установленные повинности, землею на основании Местных Положений, не обязаны впредь, ни в каком случае, наделять их каким бы то ни было, сверх того, количеством земли.

9. По введении в действие настоящего Положения слагаются с помещиков: 1) обязанности по продовольствию и призрению крестьян; 2) ответственность по взносу крестьянами государственных податей и отправлению ими денег и натуральных повинностей; 3) обязанность ходатайствовать за крестьян по делам гражданским и уголовным, на основании ст. 1119-й Зак. о сост.: Т. IX, Св. Зак. 1857 г., и 4) ответственность за них во всех казенных взысканиях, как-то: штрафах, пошлинах и проч.

10. Затем на самих крестьян возлагается попечение по общественному продовольствию и призрению и ответственность за исправное отбывание следующих с них казенных и земских, натуральных и денежных повинностей на основаниях, изложенных ниже (раздел III[7]).

11. Крестьянам предоставляется право выкупать в собственность усадебную их оседлость, посредством взноса определенной выкупной суммы и с соблюдением правил, в Местных Положениях изложенных.

12. С согласия помещиков крестьяне могут, сверх усадебной оседлости, приобретать в собственность, на основании Общих законов, полевые земли и другие угодья, отведенные тем крестьянам в постоянное пользование. С таковым приобретением крестьянами в собственность их надела, или определенной в Местных Положениях части оного, *прекращаются все обязательные поземельные отношения* между помещиками и означенными крестьянами.

13. Независимо от способа, указанного в предшествующей статье, обязательные поземельные отношения между помещиками и крестьянами *прекращаются следующими двумя способами:*

1) если крестьяне добровольно откажутся, с соблюдением того порядка и тех условий, какие определены в Местных Положениях, от пользования предоставленным им наделом, и

2) если крестьяне перейдут, с соблюдением всех установленных для сего правил, в другие сословия.

14. Дабы облегчить крестьянам приобретение в собственность отведенных им в постоянное пользование земель, в случае добровольного на то соглашения между помещиком и крестьянами, или в случае требования самого помещика, Правительство оказывает пособие в том размере и тем порядком, какие определены в особом Положении о вы-

купе крестьянами усадебной оседлости и о содействии Правительства к приобретению ими в собственность полевых угодий.

15. Крестьяне, вышедшие из крепостной зависимости, но состоящие в обязательных поземельных отношениях к помещикам, именуются *временно-обязанными* крестьянами.

16. Крестьяне, вышедшие из крепостной зависимости и приобревшие[8] в собственность поземельные угодья на основаниях, в Положениях изложенных, именуются крестьянами-собственниками.

17. Вышедшие из крепостной зависимости крестьяне составляют по делам хозяйственным сельские общества[9], а для ближайшего управления и суда соединяются в волости[10]. В каждом сельском обществе и в каждой волости заведование общественными делами предоставляется миру и его избранным на основаниях, в сем Положении изложенных.

18. Помещику, впредь до прекращения обязательных к нему отношений крестьян, на его земле водворенных, предоставляется вотчинная полиция и попечительство над обществом сих крестьян, на основании статей 148–163-й сего Положения[11].

19. Крестьяне и общественные их учреждения подчиняются общим губернским и уездным управлениям.

20. Для приведения в действие Положений о крестьянах и для разрешения особых дел, возникающих из обязательных поземельных отношений между помещиками и временно-обязанными крестьянами, учреждаются в каждой губернии: *1) Губернское по крестьянским делам Присутствие*[12]; *2) Уездные Мировые Съезды*[13] *и 3) Мировые Посредники*[14]. Состав, предметы ведомства, пределы власти и порядок действий сих учреждений определяются в особом о них Положении[15].

Раздел первый. О правах крестьян, вышедших из крепостной зависимости

Глава первая. О правах личных и по состоянию

21. На крестьян, вышедших из крепостной зависимости, распространяются общие постановления законов гражданских о правах и обязанностях семейственных. На сем основании, для вступления крестьян в брак и распоряжения в их семейственных делах, не требуется дозволения помещиков.

Примечание. Попечение о личности и об имуществе малолетних сирот возлагается на обязанность сельских обществ. В назначении опекунов и по-

печителей, в поверке их действий и во всех сего рода делах, крестьяне руководствуются местными своими обычаями. Если бы в распоряжениях мира родственники малолетнего усмотрели что-либо клонящееся к его ущербу, то они могут обращаться к защите Мирового Посредника.

22. Крестьяне, как отдельно, так и целыми обществами, могут входить, на основании общих постановлений, во всякие, законом дозволенные, договоры, обязательства и подряды. <...>

25. Крестьяне не могут быть подвергаемы никакому наказанию иначе как по судебному приговору или по законному распоряжению поставленных над ними правительственных и общественных властей.

26. Крестьяне, в тяжбах и спорах между собою, могут разбираться судебным порядком. Независимо от сего они могут обращаться для разбирательства к помещику, на земле коего они водворены, если сам помещик и обе тяжущиеся стороны на сие согласны. В сем случае на решение помещика жалобы не допускаются, и решение это приводится в исполнение.

27. В тех случаях, когда крестьяне, как отдельно, так и от всего общества, уполномочивают на ходатайство по их делам помещиков, на землях коих они водворены, доверенности этого рода пишутся на простой бумаге и свидетельствуются Мировым Посредником установленным для того порядком.

28. Помещику предоставляется для защиты крестьян, водворенных на его земле, присутствовать, буде пожелает, и без особого на то от них уполномочия, при следствиях, производимых над крестьянами по делам о проступках и преступлениях, или к коим они прикосновенны, и пользоваться при сем правами, указанными (Свода Зак. 1857 года: Т. XV, кн. 2, Судопр. Угол. в ст. 152 и 153; Т. II, ч. 1. Прил. к Общ. Губ. Учр., ст. 4013 (примеч.) и по 4 Прод. № 2 Учр. Суд. Следов., ст. 24); также получать по сим делам справки в Уездных и Губернских Учреждениях той губернии, где сии крестьяне жительствуют.

29. Крестьяне, вышедшие из крепостной зависимости, как свободные сельские обыватели, получают также следующие права по состоянию:

1) на основании правил, в сем Положении изложенных, участвовать на сходах в составлении мирских приговоров и в общественных выборах; равно отправлять по выборам общественные должности, установленные законом;

2) перечисляться в другие сословия и общества по правилам, в сем Положении изложенным, а равно, по собственному желанию, поступать в военную службу и наниматься в рекруты на общем для сельских обывателей основании;

3) отлучаться от места жительства с соблюдением правил, установленных Общими законами и настоящим Положением;

4) отдавать детей своих в общие учебные заведения и поступать на службу по учебной, ученой и межевой частям на основании правил, установленных на сей предмет для свободных податных сословий, по увольнительным свидетельствам, с исключением из податного оклада (Свода Зак. 1857 г.: Т. III, Уст. о Служ. от Прав., ст. 60–63, 69, 73–75, 77 и 81; Т. V, Уст. о Под., ст. 316–320 и Т. X, ч. 3, Зак. Меж., ст. 267 и по Прод. III № 1, примеч. к ст. 271).

30. Крестьяне не могут быть лишены прав состояния или ограничены в сих правах иначе как по суду или по приговору общества, утвержденному порядком, установленным в сем Положении.

Глава вторая. О правах по имуществу

31. По обнародовании сего Положения крестьянам оставляется их усадебная оседлость, впредь до приобретения ими оной в собственность, на правилах, определенных в Положении о выкупе крестьянами усадебной оседлости и о содействии Правительства к приобретению ими в собственность полевых угодий[16]. Все движимое имущество крестьян, как-то: домашний и рабочий скот, земледельческие орудия и пр. на основании существующих постановлений принадлежит вполне крестьянам; мирские денежные капиталы и мирские же хлебные запасы составляют собственность крестьянского общества.

32. Земли, дома и вообще недвижимые имущества, приобретенные крестьянами в прежнее время на имя их помещиков[17], укрепляются за крестьянами или их наследниками окончательно, по утверждении за ними сих имуществ самими помещиками или решением мирового учреждения, на основании особых правил, при сем приложенных.

33. Каждый крестьянин может приобретать в собственность недвижимые и движимые имущества, а также отчуждать оные, отдавать их в залог и вообще распоряжаться ими, с соблюдением общих узаконений, установленных на сей предмет для свободных сельских обывателей.

34. Сельское общество может также, на основании Общих законов, приобретать в собственность движимые и недвижимые имущества. Землями, приобретенными в собственность независимо от своего надела, общество может распоряжаться по своему усмотрению, разделять их между домохозяевами и предоставлять каждому участок в частную собственность или оставлять сии земли в общем владении всех домохозяев.

35. Право на участие в общем владении собственностью, приобретенною обществом, каждый крестьянин, отдельно, может уступить постороннему лицу не иначе, как с согласия мира.

36. Каждый член сельского общества может требовать, чтобы из состава земли, приобретенной в общественную собственность, был ему выделен в частную собственность участок, соразмерный с долею его участия в приобретении сей земли. Если такой выдел окажется неудобным или невозможным, то обществу предоставляется удовлетворить крестьянина, желающего выделиться, деньгами, по взаимному соглашению или по оценке.

Примечание. Разбор могущих возникать в сих случаях споров предоставляется Уездному Мировому Съезду.

37. Приобретенными в собственность на основании 11 и 12 статей сего Положения землями крестьянского надела и выкупленными усадьбами крестьяне пользуются и распоряжаются как своим достоянием на правилах, изложенных в предыдущих статьях (33, 34, 35 и 36), с соблюдением тех условий, на основании коих усадьбы и земли приобретены, и во всяком случае с тем ограничением, что в продолжение первых девяти лет, со времени утверждения сего Положения, означенные земли не могут быть отчуждаемы или закладываемы посторонним лицам, не принадлежащим к обществу; но переуступка и отдача в залог таких земель членам того же сельского общества не воспрещается.

Примечание. О порядке пользования и распоряжения землями крестьянского надела, которые будут приобретены крестьянами в собственность с пособием от Правительства, излагаются подробные правила в Положении о выкупе крестьянами усадебной оседлости и о содействии Правительства к приобретению ими в собственность полевых угодий.

38. В порядке наследования имуществом крестьянам дозволяется руководствоваться местными своими обычаями.

39. Имущество, оставшееся после крестьян, умерших без наследников (выморочное)[18], поступает в пользу того сельского общества, в пределах коего имущество сие находится. <...>

ПОЛОЖЕНИЕ О ВЫКУПЕ КРЕСТЬЯНАМИ, ВЫШЕДШИМИ ИЗ КРЕПОСТНОЙ ЗАВИСИМОСТИ, ИХ УСАДЕБНОЙ ОСЕДЛОСТИ И О СОДЕЙСТВИИ ПРАВИТЕЛЬСТВА К ПРИОБРЕТЕНИЮ СИМИ КРЕСТЬЯНАМИ В СОБСТВЕННОСТЬ ПОЛЕВЫХ УГОДИЙ

1. В настоящем Положении излагаются правила: 1) *о выкупе* в собственность вышедшими из крепостной зависимости, временнообязанными крестьянами их усадебной оседлости отдельно от полевых угодий; и 2) *о содействии* Правительства к приобретению теми же крестьянами в собственность вместе с усадебной оседлостью всего или части полевого надела, предоставленного им от помещиков в постоянное пользование за определенные повинности.

2. Крестьянам, вышедшим из крепостной зависимости, предоставляется право выкупать в собственность усадебную их оседлость.

3. Приобретение в собственность крестьянами вместе с усадебной оседлостью полевых земель и угодий, отведенных им в постоянное пользование, допускается не иначе, как с согласия помещика.

4. При приобретении крестьянами в собственность вместе с усадебной оседлостью полевого надела оказывается, в определенных в сем Положении случаях, содействие от Правительства посредством выкупной операции (выкупа). Содействие сие заключается в том, что Правительство ссужает, под приобретаемые на этом основании земли, определенную сумму, с рассрочкою крестьянам уплаты оной на продолжительный срок, и само взыскивает следующие с них платежи как в счет процентов по выданной сумме, так и на постепенное погашение долга. Означенная сумма выдается помещику процентными кредитными бумагами, по коим Правительство принимает на себя уплату процентов и капитала.

5. Правила, в сем Положении изложенные, не относятся до частных сделок, по которым крестьяне могут приобретать земли без содействия Правительства как у помещиков, так и у других лиц, на основании Общих законов. <...>

Раздел первый. О выкупе крестьянами одной их усадебной оседлости

Глава первая. О праве на выкуп усадебной оседлости

8. Крестьянские общества и каждый крестьянин-домохозяин порознь, пока находится в составе общества, сохраняют право выкупать предоставленную им в постоянное пользование усадебную оседлость. Если на крестьянах состоит казенная или помещичья недоимка, то они могут приступить к выкупу усадебной оседлости не прежде, как по уплате недоимки.

Примечание. Право крестьян на выкуп их усадебной оседлости распространяется только на те крестьянские усадьбы, которые находятся на земле, отведенной крестьянам в постоянное пользование, на основании Местных Положений о крестьянах.

9. Усадебная оседлость в каждом селении может быть выкупаема: или в полном ее составе, одновременно целым обществом, имеющим одну общую оседлость, или отдельно каждым домохзяином.

Примечание 1. Состав усадебной оседлости определяется в Местных Положениях о крестьянах.

Примечание 2. Крестьяне, усадьбы коих, по предъявленному помещиком требованию, будут подлежать обязательному перенесению, могут выкупать лишь те усадьбы, которые будут устроены для них на новых местах, а не прежние.

10. Если все крестьянское общество, или кто-либо из домохозяев, изъявит желание выкупить свою усадебную оседлость, то помещик может, вместо продажи крестьянам одной усадебной оседлости, принять на себя обязательство предоставить крестьянам [право] приобрести в собственность на условиях, в сем Положении изложенных, совокупно с усадебною оседлостью и полевые земли и угодья. Впрочем, это не препятствует впоследствии, по обоюдному соглашению, приступить к отдельному выкупу усадебной оседлости. <...>

Раздел второй. О содействии правительства к приобретению крестьянами в собственность полевых угодий вместе с усадебною оседлостию

Глава первая. Положения общие

27. Определенная по правилам сего Положения сумма, выдаваемая помещику под приобретаемые крестьянами в собственность мирские

земли и угодья, обеспеченными (гарантированными) Правительством кредитными бумагами, именуется «выкупною ссудою».

28. Всякие добавочные, сверх выкупной ссуды, платежи, какие крестьяне обяжутся уплатить помещику по взаимному с ним соглашению, не обеспечиваются (не гарантируются) Правительством.

29. Кредитные бумаги, выдаваемые от Правительства помещикам, состоят частью в государственных пятипроцентных банковых билетах, а частью в свидетельствах на обеспеченный (гарантированный) доход, заменяемых постепенно, порядком, указанным в ст. 154, такими же пятипроцентными банковыми билетами.

30. Содействие Правительства к приобретению крестьянами в собственность их надела распространяется только на крестьян, состоящих на оброке.

31. Приобретению в собственность на изложенных основаниях может подлежать: или весь усадебный и полевой надел, отведенный крестьянам в постоянное пользование, или часть сего надела, но не менее определенной в ст. 56–59 сего Положения.

32. Приобретение в собственность означенного крестьянского надела производится по взаимному добровольному между помещиком и крестьянами соглашению, коим определяется и размер вознаграждения помещика за приобретаемые земли, независимо от выдаваемой Правительством выкупной ссуды. Из сего основного правила допускаются изъятия лишь в случаях, означенных ниже, в ст. 35 и 36.

33. Соглашения о приобретении означенного надела могут последовать как при составлении уставных грамот, так и впоследствии.

Примечание. Уставные грамоты для имений, владельцы коих пожелают приступить к выкупу, должны быть, во всяком случае, составлены на общем основании, отдельно от выкупных сделок.

34. Выкупной «договор» о приобретении в собственность крестьянского надела может быть заключен: 1) между помещиком и целым сельским обществом; 2) между помещиком и одним или несколькими домохозяевами в тех имениях, где существует участковое или подворное пользование землями.

Примечание. При приобретении земли в личную собственность домохозяевами, владеющими отдельными участками, не воспрещается им составлять товарищества, для взаимного друг за друга поручительства в исправном взносе следующих с них за приобретаемую землю платежей.

35. Приобретение в собственность усадебного и полевого надела, отведенного крестьянам в постоянное пользование, может произво-

диться по требованию одного помещика, не иначе, как целым сельским обществом, с соблюдением при том следующих условий:

1) помещик обязан предоставить крестьянам приобрести весь надел, следующий им, на основании Местного Положения о поземельном устройстве крестьян, в постоянное пользование за определенные повинности; — и

2) помещик должен ограничиться получением от Правительства выкупной ссуды, в том размере и с теми условиями, кои установлены в настоящем Положении.

Примечание. Уменьшение надела при таковом приобретении допускается, по желанию крестьян, в пределах, указанных в ст. 56–59, и с соблюдением правил, установленных в ст. 97 сего Положения.

36. Если, на основании ст. 10 сего Положения, помещик, вместо продажи крестьянам одной их усадебной оседлости, примет на себя обязательство продать им, совокупно с усадьбами, и полевые земли и угодья, в таком случае:

1) помещик обязан предоставить крестьянам приобрести весь надел, отведенный им в постоянное пользование на основании Местного Положения о поземельном устройстве крестьян, разве последует насчет уменьшения оного особое соглашение между помещиком и крестьянами, на основании ст. 55–59 настоящего Положения; — и

2) если крестьяне согласятся на приобретение, то помещик получает за приобретаемую землю: во-первых, выкупную ссуду в том размере, какой установлен в ст. 66 настоящего Положения, и, во-вторых, дополнительный платеж, который крестьяне обязаны внести помещику при самом заключении выкупной сделки, в размере, установленном в ст. 68 п. 3.

Примечание. Сделки сего рода могут быть заключаемы помещиком как с целым сельским обществом, так и с каждым домохозяином порознь, на точном основании ст. 34.

37. По утверждении Правительством выкупной сделки, на основании которой помещик продает, а крестьяне приобретают в собственность отведенный им в постоянное пользование усадебный и полевой надел, или определенную часть оного, все обязательные поземельные отношения между помещиком и крестьянами прекращаются, и последние поступают в разряд крестьян, водворенных на собственных землях, под наименованием «крестьян-собственников».

38. Изложенные в настоящем Положении правила о содействии Правительства к приобретению в собственность крестьянами их надела не распространяются на имения мелкопоместных владельцев для коих установлены особые правила[19]. <...>

Раздел третий. О правах и обязанностях крестьян-собственников

Глава первая. Общие правила

156. Крестьяне, приобревшие в собственность, при посредстве выкупной операции, отведенный им в постоянное пользование усадебный и полевой надел или <...> часть такового надела, поступают в разряд крестьян-собственников, по утверждении выкупной сделки, с того срока, в какой <...> будет назначена к выдаче выкупная ссуда. Вместе с тем прекращаются все обязательные поземельные отношения их к помещику <...>

157. Каждое сельское общество, приобревшее землю у помещика, остается в составе той же волости и управляется тем же порядком и под наблюдением того же волостного и сельского начальств, как и до выкупа. Равным образом один или несколько крестьянских дворов, приобревших землю в личную собственность, остаются в составе своего прежнего общества и подчиняются прежним сельским и волостным начальствам.

Примечание. Если из числа крестьян, составляющих сельское общество, половина или более домохозяев приобретут свои земли в собственность, то они могут составить отдельное общество, установленным порядком.

158. Крестьяне-собственники отправляют казенные и мирские повинности как денежные, так и натуральные (в том числе и повинность рекрутскую[20]) наравне с другими крестьянами, вышедшими из крепостной зависимости, и тем же порядком, как и сии последние.

Глава вторая. О правах крестьян-собственников на выкупленные земли

159. Правила, изложенные в нижеследующих статьях, относятся до земель, по коим выкупная ссуда еще не уплачена. По уплате сей ссуды распространяются на выкупленные земли правила, установлен-

ные в Общем Положении о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, в отношении земель, приобретенных сими крестьянами в собственность.

160. Когда земля выкуплена целым сельским обществом, то она признается собственностью всего общества, которое пользуется правом разверстки оной между своими членами. Как первоначальная разверстка земли, так и всякие последующие переделы оной между крестьянами допускаются не иначе, как по приговору, утвержденному, по крайней мере, двумя третями общего числа всех крестьян, имеющих право голоса на сходе.

161. В течение первых девяти лет со времени утверждения сего Положения общество не может отчуждать приобретенных им в собственность земель.

162. По истечении девяти лет, но до уплаты выкупной ссуды, общество может отчуждать приобретенные им земли, под которые выдана сия ссуда, не иначе, как с разрешения Губернского Присутствия и со взносом вырученных за проданные земли денег в счет остающегося по выкупной ссуде долга.

163. По согласию двух третей голосов на сходе общество может разделить приобретенные земли на подворные участки; но если выкупная ссуда еще не уплачена, то приговор о разделе должен быть засвидетельствован Мировым Посредником, который копию с приговора представляет в Губернское Присутствие для сведения и для утверждения сделанного обществом распределения выкупных платежей между домохозяевами.

Примечание. При разделе земли на подворные участки сумма выкупных платежей, лежавшая на всем обществе, распределяется сельским Обществом между домохозяевами по величине подворных участков.

164. Право на участие в общем владении приобретенной обществом землей каждый отдельный крестьянин может уступить постороннему лицу не иначе, как с согласия мира.

165. До уплаты выкупной ссуды выдел участков отдельным домохозяевам из земли, приобретенной обществом, допускается не иначе, как с согласия общества. Но если домохозяин, желающий выделиться, внесет в Уездное Казначейство всю причитающуюся на его участок выкупную ссуду, то общество обязывается выделить крестьянину, сделавшему такой взнос, соответственный оному участок,

по возможности к одному месту, по усмотрению самого общества, а впредь до выдела крестьянин продолжает пользоваться приобретенною им частью земли в составе мирского надела без взноса выкупных платежей.

166. Участки, приобретенные не всем обществом, а отдельными домохозяевами, составляют личную собственность каждого и переходят по наследству, согласно существующим местным обычаям.

167. До погашения выкупной ссуды подворные участки, приобретенные отдельными домохозяевами, не могут быть раздробляемы при переходе по наследству, отчуждении или другим каким бы то ни было образом...

168. В случае неимения у умершего крестьянина-собственника наследников, принадлежавший ему участок, как имущество выморочное, обращается в собственность того сельского общества, в пределах коего участок сей находится.

169. Участки, приобретенные отдельными крестьянами в личную собственность, могут быть отчуждаемы с соблюдением следующих условий:

1) в течение первых девяти лет со времени утверждения сего Положения каждый таковой участок может быть продан только одному из членов того же сельского общества (как прежних, так и вновь вступающих в оное), с тем притом, чтобы с покупкою участка приобретатель принимал на себя все обязательства по уплате выкупной ссуды, и

2) по истечении первых девяти лет приобретенный участок может быть продан и постороннему лицу, если только сие последнее уплатит весь числящийся на участке долг по выкупной ссуде.

170. До погашения выкупной ссуды приобретенная сельским обществом или отдельным крестьянским двором земля не может быть представлена в залог ни для получения ссуды из кредитного установления, ни по обязательствам с казною или частными лицами.

171. Никакою частною сделкою крестьян и крестьянских обществ по отдаче в нем выкупленных ими земель или по другим обязательствам не стесняется право Правительства обращать законное взыскание на сии земли в случае неисправности во взносе выкупных платежей и вообще во всех тех случаях, в которых Общими законами и Положениями о крестьянах такое взыскание допускается.

Н. Г. Чернышевский
БАРСКИМ КРЕСТЬЯНАМ ОТ ИХ ДОБРОЖЕЛАТЕЛЕЙ ПОКЛОН

Ждали вы, что даст вам царь волю, вот вам и вышла от царя воля.

Хороша ли воля, какую дал вам царь, сами вы теперь знаете.

Много тут рассказывать нечего. На два года остается все по-прежнему: и барщина остается, и помещику власть над вами остается, как была. А где барщины не было, а был оброк, там оброк остается, либо какой прежде был, либо еще больше прежнего станет. Это на два года, говорит царь[21]. В два года, говорит царь, землю перепишут да отмежуют. — Как не в два года! Пять лет, либо десять лет проволочат это дело. А там что? Да, почитай, что то же самое еще на семь лет; только та разница и будет, что такие разные управления устроят, куда, вишь ты, можно жаловаться будет на помещика, если притеснять будет. Знаете вы сами, каково это слово «жалуйся на барина». Оно жаловаться-то и прежде было можно, да много ли толку было от жалоб? Только жалобщиков же оберут, да разорят, да еще пересекут, а иных, которые смелость имели, еще в солдаты забреют, либо в Сибирь да в арестантские роты[22] сошлют. Только и проку было от жалоб. Известно дело: коза с волком тягалась, один хвост остался. Так оно было, так оно и будет, покуда волки останутся, — значит, помещики да чиновники останутся. А как уладить дело, чтобы волков-то не осталось, это дальше все рассказано будет. А теперь, покуда не об этом речь, какие новые порядки надо вам завести; покуда об том речь идет, какой порядок вам от царя дан, — что значит, не больно-то хороши для вас нонешние порядки, а что порядки, какие по царскому манифесту да по указам заводятся, все те же самые прежние порядки. Только в словах и выходит разница, что названья переменяются. Прежде крепостными либо барскими вас звали, а ноне срочнообязанными вас звать велят[23], а на деле перемены либо мало, либо вовсе нет. Эки слова-то выдуманы! Срочнообязанные, — вишь ты, глупость какая! Какой им черт это в ум-то вложил такие слова! А по-нашему надо сказать: вольный человек, да и все тут. Да чтобы не названием одним, а самим делом был вольный человек. А как бывает в исправду вольный человек, и каким манером вольными людьми можно вам стать, об этом обо всем дальше написано будет. А теперь покуда о царском указе речь, хорош ли он.

Так вот оно как: два года ждите, царь говорит, покуда земля отмежуется, а на деле земля-то межеваться будет пять, либо и все десять лет;

а потом еще семь лет живите в прежней неволе, а по правде-то оно выйдет опять не семь лет, а разве что семнадцать, либо двадцать[24], потому что все, как сами видите, в проволочку идет. Так, значит, живите вы по-старому в кабале у помещика все эти годы, два года, да семь лет, значит — девять лет, как там в указе написано, а с проволочками-то взаправду выйдет двадцать лет либо тридцать лет, либо и больше. Во все эти годы оставайся мужик в неволе, уйти никуда не моги: значит, не стал еще вольный человек, а все остается срочнообязанный, значит — все тот же крепостной. Не скоро же воли вы дождетесь, — малые мальчики до бород аль и до седых волос дожить успеют, покуда воля-то придет по тем порядкам, какие царь заводит.

Ну, а покуда она придет, что с вашей землей будет? А вот что с нею будет. Когда отмежевывать станут, обрезывать ее велено против того, что у нас прежде было, в иных селах четвертую долю отрежут из прежнего, в иных третью, а в иных и целую половину, а то и больше, как придется где[25]. Это еще без плутовства от помещиков да без потачки им от межевщиков[26] по самому царскому указу. А без потачки помещикам межевщики делать не станут, ведь им за то помещики станут деньги давать; оно и выйдет, что они оставят вам земли меньше, чем наполовину против прежней: где было на тягло по две десятины в поле, оставят меньше одной десятины. И за одну десятину, либо меньше, мужик справляй барщину почти что такую же, как прежде за две десятины, либо оброк плати почти такой же, как прежде за две десятины.

Ну, а как мужику обойтись половиной земли? Значит, должен будет прийти к барину просить: дай, дескать, землицы побольше, больно мало мне под хлеб по царскому указу оставили. А помещик скажет: мне за нее прибавочную барщину справляй, либо прибавочный оброк давай. Да и заломит с мужика, сколько хочет. А мужику уйти от него нельзя, а прокормиться с одной земли, какая оставлена ему по отмежевке, тоже нельзя. Ну, мужик на все и будет согласен, чего барин потребует. Вот оно и выйдет, что нагрузит на него барин барщину больше нонешней, либо оброк тяжелее нонешнего.

Да разве за одну пашню надбавка будет? Нет, ты барину за луга подавай, ведь сенокос-то, почитай что, весь отнимут у мужика по царскому указу. И за лес барин с мужика возьмет, ведь лес-то, почитай что, во всех селах отнимут; сказано в указе, что лес барское добро, а мужик и валежнику подобрать не смей, коли барину за то не заплатит. Где в речке или в озере рыбу ловили, и за то барин станет брать. Да за

все, чего ты ни коснись, за все станет с мужика барин либо к барщине, либо к оброку надбавки требовать. Все до последней нитки будет барин брать с мужика. Просто сказать, всех в нищие поворотят помещики по царскому указу.

Да еще не все. А усадьбы-то переносить? Ведь от барина зависит[27]. Велит перенести, — не на год, а на десять лет разоренья сделает. С речки на колодцы пересадит, на гнилую воду, *да на вшивую*[28], с доброй земли на солончак, либо на песок, либо на болото, — вот тебе и огороды, вот тебе и конопляники, вот тебе и выгон[29] добрый, все *поминай* как звали. Сколько тут перемрет народу, на болотах-то, да на гнилой-то воде! А больше того ребятишек жаль: их лета слабые, как мухи будут на дрянной-то земле, да на дрянной-то воде мереть. Эх, горькое оно дело! А гробы-то родительские[30] — от них-то каково отлучаться?

Тошно мужику придется, коли, барин по царскому указу велит на новые места переселяться. А, коли, не переселил барин мужиков, так они, значит, уж в чистой, как есть, в кабале у него; на все у него одно такое словцо есть, что в ноги ему упадет мужик да завопит: «Батюшка, отец родной, чего хочешь, требуй, все выполню, весь твой раб!» А словцо это у барина таково: «Коли не хочешь такую барщину справлять, либо такой оброк платить, как я хочу, переноси усадьбу». Ну, и сделаешь все по этому словечку.

А то вот что еще скажет: ты мне работник этот день, да его в счет не ставлю: плохо ты работал; завтра приходи отрабатывать. Ну, и придешь. На это тоже власть барину дана по указу царскому.

Это все об том говорится, как мужикам будет жить, покуда их срочнообязанными звать будут, значит, девять лет, как в бумаге обещано, а на деле дольше будет, лет до двадцати либо до тридцати.

Ну, так; а потом-то что будет, когда, значит, мужику разрешено будет отходить от помещика? Оно, пожалуй, что и толковать-то об этом нечего, потому что долго еще ждать этого по царскому указу. А, коли, любопытство у вас есть, так и об этом дальнем времени рассудить можно.

Когда срочнообязанное время покончится, волен ты будешь отходить от помещика. Оно так в указе обещано. Только в нем вот что еще прибавлено: а коли ты уйдешь, так земля твоя останется за помещиком. А помещик и сам, коли, захочет, может тебя прогнать с нее. Потому, вишь ты, что земля, которая тебе была отмежевана, все же не твоя была, а барская, а тебе барин только разрешение давал ее пахать

либо сено с нее косить; покуда ты срочнообязанным назывался, он тебя с нее прогнать не мог; а когда перестал ты срочнообязанным называться, он тебя с нее прогнать может. В указе не так сказано напрямки, что может прогнать, да на то выходит. Там сказано: мужик уйти может, когда срочнообязанное время кончится. Вот вы и разберите, что выходит. Барину-то у мужиков землю отнять хочется; вот он будет теснить их да жать, да сожмет так, что уйдут, а землю ему оставят, — оно, попросту сказать, и значит, что барин у мужиков землю отнять может, а мужиков прогнать.

Это об этом времени, когда срочнообязанными вас называть перестанут. А покуда называют, барину нельзя мужиков прогнать всех с одного разу, а можно только по отдельности прогонять: ноне Ивана, завтра Сидора, послезавтра Карпа, поочередно; оно впрочем, на то же выходит.

А мужику куда идти, когда у него хозяйство пропало? В Москву, что ли, али в Питер, али на фабрики? Там уже все полно, больше народу не требуется, поместить некуда. Значит, походишь, походишь по свету, по большим-то городам да по фабрикам, да все туда же в деревню назад вернешься. Это спервоначала пробу мужики станут делать. А на первых-то глядя, как они нигде себе хлеба не нашли, другие потом и пробовать не будут, а прямо так в том околотке[31] и будут оставаться, где прежде жили. А мужику в деревне без хозяйства да без земли, что делать, куда деваться, кроме как в батраки наняться. Ну, и наймешься. Сладко ли оно батраком-то жить? Ноне, сами знаете, не больно вкусно, а тогда и гораздо похуже будет, чем ноне живут батраки. А почему будет хуже, явное дело. Как всех-то погонят с земли-то, как везде будут сотни да тысячи народу шататься да просить помещиков, чтобы в батраки их взяли. Значит, уж помещичья воля будет, какое житье им определить, они торговаться не могут, как ноне батрак с хозяином торгуется: они куску хлеба рады будут, а то у самого-то в животе-то пусто, да и семья-то приюта не имеет. Есть такие поганые земли, где уж давно заведен этот порядок; вот вы послушайте, как там мужики живут. У вас ноне избы плохи, а там [и] таких нет: в землянках живут да в хлевах; а то в сараях больших, в одном сарае семей десяток набито, все равно как там табун скота какого. Да и хлеба чистого не едят, а дрянь всякую, как у нас в голодные годы, а у них вечно так. У нас, в русском царстве, есть такая поганая земля, где города Рига да Ревель, да Митава стоят[32]; а народ там тоже христианский, и вера у него тоже

хорошая; да не по вере эта земля поганая, а по тому, как в ней народ живет; коли хорошо мужику жить в какой земле, то и добрая земля; а коли дурно, то и поганая.

Так вот оно к чему по царскому-то манифесту да по указам дело поведено: не к воле, а к тому оно идет, чтобы в вечную кабалу вас помещики взяли, да еще в такую кабалу, которая гораздо и гораздо хуже нонешней.

А не знал царь, что ли, какое дело он делает? Да сами вы посудите, мудрено ли это разобрать? Значит, знал. Ну, и рассуждайте, чего надеяться вам на него. Оболгал он вас, обольстил он вас. Не дождетесь вы от него воли, какой вам надобно. А почему не дождетесь от него, тоже рассудить можно.

Сам-то он кто такой, коли не тот же помещик? Удельные-то крестьяне[33] чьи же? Ведь они его крестьяне крепостные. Да и вас-то в крепостные помещикам все цари же отдали, иных давно, так что вам уж и не памятно, а других не больно давно, так что деды помнят, прабабка нонешнего царя Екатерина[34] отдала в крепостные из вольных. А есть еще такие неразумные, что ее матушкою Екатериною величают. Хороша матушка, детей в кабалу отдала.

Вот у помещиков крепостные, а помещики у царя слуги, он над ними помещик. Значит, что он, что они — все одно. А сами знаете, собака собаку не ест. Ну, царь и держит барскую сторону. А что манифест да указы выпустил, будто волю вам дает, так он только для обольщения сделал. А почему сделал, вот почему. У французов да у англичан крепостного народа нет, вот они ему глаза и кололи, — что у тебя, говорят, народ в кабале. Ему и стыдно было перед ними. Вот он им пыль-то в глаза и подпустил: для похвальбы это сделано, для обману сделано.

Волю, слышь, дал он вам! Да разве такая в исправду-то воля бывает! Хотите знать, так вот какая.

Вот у французов есть воля, у них нет разницы: сам ли человек землю пашет, других ли нанимает свою землю пахать; много у него земли — значит, богат он, мало — так беден, а разницы по званью нет никакой, все одно как богатый помещик, либо бедный помещик, — все одно помещик. Надо всеми одно начальство, суд для всех один и наказание всем одно.

Вот у англичан есть воля, а воля у них та, что рекрутства у них нет: кто хочет идти на военную службу, все равно, как у нас мещанин какой нанимается в солдаты, коли захочет, или вот лучше как у нас помещики

тоже юнкерами и офицерами служат, коли хотят. А кто не хочет, тому и принужденья нет. А солдатская служба у них выгодная, жалованье солдату большое дается; значит, доброй волей идут служить, сколько требуется людей.

А то и вот еще в чем воля и у французов и у англичан: подушной подати нет. Вам это, может, и в ум не приходило, что без рекрутчины да без подушной подати может царство стоять. А у них стоит. Вот, значит, умные люди, коли так устроить себя умели.

А то вот еще в чем у них воля. Пачпортов нет; каждый ступай, куда хочет, живи, где хочет, ни от кого разрешенья на то ему не надо.

А вот еще в чем у них воля: суд праведный. Чтобы судья деньги с кого брал, у них это и не слыхано. Они и верить не могут, когда слышат, что у нас судьи деньги берут. Да у них такой судья одного дня не просидел бы на месте, в ту же минуту в острог его запрятали бы.

А то вот еще в чем у них воля: никто над тобою ни в чем не властен, окромя мира. Миром все у них правится. У нас исправник либо становой, либо какой писарь[35], а у них ничего этого нет, а заместо всего староста, который без миру ничего поделать не может и во всем должен миру отчет давать. А мир над старостою во всем властен, а кроме мира никто над старостою не властен, и ни к кому староста страха не имеет, а к миру страх имеет. Полковник ли, генерал ли, у них все одно: перед старостою *шапку ломит* и во всем старосту слушаться должон; а коли чуть в чем провинился генерал, али кто бы там ни был, перед старостою, али ослушался старосты, староста его, полковника-то аль генерала-то, в острог сажает, — у них перед старостою все равно: хоть ты простой мужик, хоть ты помещик, хоть ты генерал будь, все равно староста над тобой начальствует, а над старостою мир начальствует, а над миром никто начальствовать не может, потому что мир значит народ, а народ у них всему голова: как народ повелит, так всему и быть. У них и царь над народом не властен, а народ над царем властен. Потому что у них царь, значит, для всего народа староста, и народ-то, значит, над этим старостою, над царем-то, начальствует. Хорош царь, послушествует народу, так и жалованье ему от народа выдается, а чуть что царь стал супротив народа делать, ну так и скажут ему: ты, царь, над нами уж не будь царем, ты нам неугоден, мы тебя сменяем, иди ты с богом, куда сам знаешь, от нас подальше; а не пойдешь, так мы тебя в острог посадим да судить станем тебя за твое ослушание. Ну, царь и

пойдет от них, куда сам знает, потому что ослушаться народа не может. А как провожать его от себя станут, они ему на дорогу еще деньжонок дадут, из жалости. Христа ради там складчину ему сделают промеж себя по грошу аль по копейке с души, чтобы в чужой-то земле с голоду не умер. Добрый народ, только и строгой же: потачки царю не любят давать. А на место его другого царя выберут, коли захотят, а не захотят, так и не выбирают, коли нет у них на примете хорошего человека. Ну, тогда уж просто там на срок староста народный выбирается, на год ли там, на два ли, на четыре ли года, как народ ему срок полагает. Так заведено у народа, который швейцарцами зовется, и у другого народа, который американцами зовется. А французы и англичане царей у себя пока держат. И надобно так сказать, когда народный староста не по наследству бывает, а на срок выбирается, и царем не зовется, просто зовется народным старостою, а по-ихнему, по-иностранному, президентом, тогда народу лучше бывает жить, народ богаче бывает. А то и при царе тоже можно хорошо жить, как англичане и французы живут, только, значит, с тем, чтобы царь во всем народу послушанье оказывал и без народу ничего сделать не смел, и чтобы народ за ним строго смотрел, и чуть что дурное от царя увидит, сменял бы народ его, царя-то, и вон из своей земли выпроваживал, как у англичан да у французов делается.

Так вот она какая в исправду-то воля бывает на свете: чтобы народ всему голова был, а всякое начальство миру покорствовало, и чтобы суд был праведный, и ровный всем был бы суд, и бесчинствовать над мужиком никто не смел, и чтобы пачпортов не было и подушного оклада не было, и чтобы рекрутчины не было. Вот это воля, так воля и есть. А коли того нет, значит, и воли нет, а все одно обольщение в словах.

А как же нам, русским людям, в исправду вольными людьми стать? Можно это дело обработать; и не то, чтобы очень трудно было; надо только единодушие иметь между собою мужикам, да сноровку иметь, да силой запастись.

Вот вы, барские крестьяне, значит, одна половина русских мужиков. А другая половина — государственные[36] да удельные крестьяне. Им тоже воли-то нет. Вот вы с ними и соглашайтесь[37], и растолкуйте им, какая им воля следует, как выше прописано. Чтобы рекрутчины, да подушной, да пачпортов не было, да окружных[38] там, да всей этой чиновной дряни над ними не было, а чтобы тоже мир был всему го-

лова. И от нас, наших доброжелателей, поклон им скажите: как вам, так и им одного добра мы хотим.

<...> Так вот оно какое дело: надо мужикам всем промеж себя согласие иметь, чтобы заодно быть, когда пора будет. А покуда пора не пришла, надо силу беречь, себя напрасно в беду не вводить, значит — спокойствие сохранять и виду никакого не показывать. Пословица говорится[39], что один в поле не воин. Что толку-то, ежели в одном селе булгу[40] поднять, когда в других селах готовности еще нет? Это значит только дело портить да себя губить. А когда все готовы будут, значит, везде поддержка подготовлена, ну, тогда дело начинай. А до той поры рукам воли не давай, смиренный вид имей, а сам промеж своим братом мужиком толкуй да подговаривай его, чтобы дело в настоящем виде понимал. А когда промеж вами единодушие будет, в ту пору и назначение выйдет, что пора, дескать, всем дружно начинать. Мы уж увидим, когда пора будет, и объявление сделаем. Ведь у нас по всем местам свои люди есть, отовсюду нам вести приходят, как народ да что народ. Вот мы и знаем, что покудова еще нет приготовленности. А когда приготовленность будет, нам тоже видно будет. Ну, тогда и пришлем такое объявление, что пора, люди русские, доброе дело начинать, что во всех местах в одну пору начнется доброе дело, потому что везде тогда народ готов будет, и единодушие в нем есть, и одно место от другого не отстанет. Тогда и легко будет волю добыть. А до той поры готовься к делу, а сам виду не показывай, что к делу подготовка у тебя идет.

А это наше письмецо промеж себя читайте да друг дружке раздавайте. А кроме своего брата-мужика да солдата, ото всех его прячьте, потому что для мужиков да для солдат наше письмецо писано, а к другому ни к кому оно не писано, значит, окроме вас, крестьян да солдат, никому и знать об нем не следует.

Оставайтесь здоровы, да вести от нас ждите. Вы себя берегите до поры до времени, а уж от нас вы без наставления не останетесь, когда пора будет.

Печатано письмецо это в славном городе Христиании, в славном царстве Шведском[41], потому что в русском царстве царь правду печатать не велит. А мы все люди русские и промеж вас находимся, только до поры до времени не открываемся, потому что на доброе дело себя бережем, как и вас просим, чтобы вы себя берегли. А когда пора будет за доброе дело приниматься, тогда откроемся.

Н. П. Огарев
ЧТО НУЖНО НАРОДУ?

Очень просто, народу нужна земля да воля.

Без земли народу жить нельзя, да без земли нельзя его и оставить, потому что она его собственная, кровная. *Земля никому другому не принадлежит, как народу.* Кто занял землю, которую зовут Россией? Кто ее возделал, кто ее спокон веков отвоевывал да отстаивал против всяких врагов? Народ, никто другой, как народ. <...> Сами цари твердили народу: «для того, *чтобы отстоять свою землю*». Не отстаивай народ русской земли, не было бы и русского царства, не было бы и царей, и помещиков.

<...> А теперь царь и помещики будто забыли, что народ тысячу лет лил пот и кровь, чтоб выработать и отстоять свою землю, и говорят народу: «покупай, мол, еще эту землю за деньги». Нет! Это уж искариотство[42]! Коли торговать землей, так торговать ею тому, кто ее добыл. И если цари и помещики не хотят заодно, нераздельно с народом владеть землей, так пусть же они покупают землю, а не народ, ибо земля не ихняя, а народная, и пришла она народу не от царей и помещиков, а от дедов, которые заселили ее во времена, когда о помещиках и царях еще и помину не было.

Народ спокон веков *на самом деле* владел землей, *на самом деле* лил за землю пот и кровь, а приказные *на бумаге чернилами* отписывали эту землю помещикам да в царскую казну. Вместе с землей и самый народ забрали в неволю и хотели уверить, что это и есть закон, это и есть божеская правда. Однако никого не уверили. Плетьми народ секли, пулями стреляли, в каторгу ссылали, чтобы народ повиновался приказному закону. Народ замолчал, а все не поверил. И из неправого дела все же не вышло дела правого. Притеснениями только народ и государство разорили.

Увидели теперь сами, что по-прежнему жить нельзя. Задумали исправить дело. Четыре года писали да переписывали свои бумаги. Наконец, решили дело и объявили народу свободу. Послали повсюду генералов и чиновников читать манифест и служить по церквам молебны[43]. Молись, мол, богу за царя, да за волю, да за свое будущее счастье.

Народ поверил, обрадовался и стал молиться.

Однако, как зачали генералы да чиновники толковать народу Положения, оказывается, что воля дана только на словах, а не на деле. Что в новых Положениях — прежние приказные законы, только на другой бумаге, другими словами переписаны. И барщину, и оброки отбывай

помещику по-прежнему; хочешь свою избу и землю — выкупай их за свои собственные деньги. Выдумали переходное состояние. Не то на два года, не то на шесть, не то на девять лет определили для народа новое крепостное состояние..., где все перепутано так, что если б в этих царских Положениях и нашлась какая-нибудь льготная крупица для народа, то ею и воспользоваться нельзя. И государственным крестьянам по-прежнему их горькую судьбу оставили, и землей и народом оставили владеть все тех же чиновников, а хочешь на волю, так выкупай свою землю. Слушает народ, что ему толкуют генералы и чиновники про волю, и понять не может — какая это воля без земли под помещичьими и чиновничьими розгами. Верить не хочет народ, что его так бесчестно обманули. Быть, говорит, не может, чтобы царь своим словом четыре года ласкал нас свободой, а теперь, на деле, одарил бы прежней барщиной и оброком, прежними розгами и побоями.

Хорошо, кто не поверил да смолчал; а кто не поверил да стал тужить по несбывшейся воле, тех пришлось вразумлять плетьми, штыками да пулями[44]. И полилась по Руси безвинная кровь. Вместо молитв за царя раздались стоны мучеников, падающих под плетьми и пулями, да изнемогающих под железами по сибирской дороге.

Так-то опять плетьми да каторгой хотят заставить народ верить, что новый приказной закон есть божеская правда.

<...> Понимают сами, что так быть нельзя, что с таким искариотством и народ сгубишь, и царство сгубишь, и самих себя ни при чем оставишь. Сами сознаются перед народом, что надо дать ему поправиться; а как до дела дойдет, алчности-то своей преодолеть не могут. Жалко царю своих бессчетных дворцов с тысячами лакеев и арапов, жалко царице своих парчей и бриллиантов. Еще не сумели они полюбить народа более, чем своих охотничьих собак, чем золотую посуду, чем пиры и забавы. Вот и не могут они отрешить и унять своих вельмож и чиновников, которые помогают им сбирать с народа миллионы рублей, да и сами на себя тянут столько же. Не могут победить своей алчности, вот и двоедушничают. И пишет царь такие манифесты, которых народ в толк взять не может. На словах будто добр и говорит с народом по совести, а как слова на деле исполнять приходится, держится с вельможами все той же алчности. На словах от царской доброты народу радость и веселье, а на деле все прежнее горе да слезы. На словах народу от царя воля, а на деле за эту же волю царские генералы секут народ да в Сибирь ссылают, да расстреливают.

Нет! Двоедушничать с народом и обманывать его — бесчестно и преступно. Торговать землей и волей народа не то ли же, что Иуде торговать Христом? Нет, дело народа должно быть решено без торга, по совести и правде. Решение должно быть простое, откровенное, всякому понятное; чтобы слов решения, раз произнесенных, ни царь, ни помещики с чиновниками перетолковать не могли. Чтобы ради глупых, бестолковых, изменнических слов не лилось неповинной крови.

Что нужно народу?

Земля, воля, образование.

Чтобы народ получил их на самом деле, необходимо:

1) Объявить, что все крестьяне свободны с той землей, которою теперь владеют. У кого нет земли, например у дворовых и некоторых заводских[45], тем дать участки из земель государственных, то есть народных, никем еще не занятых. У кого из помещичьих крестьян земли не в достачу, тем прирезать земли от помещиков или дать земли на выселок. Так, чтобы ни один крестьянин без достаточного количества земли не остался. Землей владеть крестьянам сообща, т. е. общинами. А когда в какой общине народится слишком много народу, так что тесно станет, дать той общине для крестьян сколько нужно земли на выселок из пустопорожних удобных земель. В тысячу лет русский народ заселил и завоевал земли столько, что ему ее на многие века хватит. Знай, плодись, а в земле отказа быть не может.

2) Как весь народ будет владеть общей народной землей, так, значит, весь народ за пользование этой землей будет платить и подати на общие народные нужды, в общую государственную (народную) казну. Для сего освобожденных с землей крестьян обложить такою же податью, какую ныне платят государственные крестьяне, но не более. Подати те взносить крестьянам сообща, за круговою порукою; чтоб крестьяне каждой общины отвечали друг за друга.

3) Хотя помещики триста лет и владели неправо землей, однако народ их обижать не хочет. Пусть им казначейство выдает ежегодно, в пособие или вознаграждение, сколько нужно, примерно хоть шестьдесят миллионов в год* из общих государственных податей. Лишь бы

* Если принять 60 миллионов за проценты с капитала по 6 на сто, то капитала выйдет тысяча миллионов. Если ежегодно отсчитывать из числа податей в пользу помещиков 60 миллионов, так чтоб шестой процент шел на уплату капитала,

народу осталась вся земля, которую он теперь на себя пашет, на которой живет, с которой кормится и отапливается, с которой скот свой кормит и поит, да лишь бы подати ни в каком случае не повышали, а то народ на отсчитывание вознаграждения помещикам из податей согласен. <...> Значит, есть чем пособить и вознаградить помещиков; больше этого им и желать стыдно, и давать не следует.

4) Если при такой подати до полных 60 миллионов, следующих помещикам, чего и не хватит, то для покрытия недостатка все-таки никаких лишних податей требовать не надо. А следует убавить расход на войско. Русский народ живет в миру со всеми соседями и хочет жить с ними в миру; стало, ему огромного войска, которым только царь тешится да по мужикам стреляет, не надо. А потому войско следует сократить наполовину. Теперь на войско и на флот тратится сто двадцать миллионов, а все без толку. С народа собирают на войско денег кучу, а до солдата мало доходит. <...>

5) И собственные расходы царского правительства надо сократить. Вместо того, чтоб строить царю конюшни да псарни, лучше строить хорошие дороги, да ремесленные, земледельческие и всякие пригодные народу школы и заведения. Притом, само собой разумеется, что царю и семье царской нечего напрасно присваивать себе удельных и заводских крестьян и доходы с них; надо, чтоб крестьянство было одно и платило бы одинаковую подать, а из подати и будут отсчитывать, сколько царю за управление положить можно.

6) Избавить народ от чиновников. Для этого надо, чтоб крестьяне и в общинах и в волостях управлялись бы сами, своими выборными. Сельских и волостных старшин определяли бы своим выбором и отрешали бы своим судом. Между собой судились бы своим третейским судом[46] или на миру. Сельскую и волостную полицию справляли бы

то через 37 лет вся тысяча миллионов будет выплачена и с процентами по 5 на сто — и, следовательно, помещик вознагражден как нельзя лучше, с лихвою. Помещикам выдать теперь вместо капитала билеты, на которых прописано, сколько кому следует получать в тридцатисемилетний срок; они эти билеты могут сейчас, кто хочет, продавать и иметь деньги на новые обзаведения и наем рабочих; тогда проценты по билетам, как теперь из ломбарда, будет получать из казначейства кто их купил, у кого они в руках. А это народу все равно, лишь бы податей не повышали; а через 37 лет нечего будет из податей отсчитывать на уплату по билетам, все будет выплачено; надо будет подати или понизить, или употреблять на общее народу полезное дело.

сами своими выборными людьми. И чтоб во все это, равно как и в то, кто какою работою или торговлей и промыслом занимается, отныне ни один помещик или чиновник не вмешивался бы, лишь бы крестьяне вовремя вносили свою подать. А за это, как сказано, отвечает круговая порука. Для легкости же круговой поруки крестьяне каждой общины промеж себя сделают складчину, то есть составят мирские капиталы. <...> Само собой разумеется, не надо, чтоб до этого капитала чиновник пальцем дотронулся; а те, которым мир его поручит, — те в нем отчет миру дадут.

7) А для того, чтоб народ, получив землю и волю, сохранил бы их на вечные времена; для того, чтобы царь не облагал произвольно народ тяжкими податями и повинностями, не держал бы на народные деньги лишнего войска и лишних чиновников, которые давили бы народ; для того, чтобы царь не мог прокучивать народные деньги на пиры, а расходовал бы их по совести на народные нужды и образование, — надо, чтоб подати и повинности определял бы и раскладывал промеж себя сам народ через своих выборных.

Доверенные от народа люди не дадут народа в обиду, не позволят брать с народа лишних денег, а без лишних денег не из чего будет содержать и лишнего войска и лишних чиновников. Народ, значит, будет жить счастливо, без притеснений.

Доверенные люди решат, сколько податей платить народу и как платить их, чтобы никому не было обидно. Как соберутся выборные да столкуются, им уж можно будет порешить, чтобы подать платилась не с души, а с земли. У какой общины земли более да земля получше, той, значит, и платить податей придется более; а кто землей беднее — те и платить будут менее. Тут и помещики со своей земли платить будут. Значит, дело будет справедливее и для народа льготнее. Доверенные же решат, как по справедливости отбывать рекрутскую повинность; как по справедливости отбывать дорожную, постойную и подводную повинности; оценят их деньгами и разложат по всему народу безобидно. Разочтут всякую народную копейку, на какое именно дело ей идти: сколько денег на правительство, сколько на войско, сколько на суды, сколько на училища народные, сколько на дороги. И что решат, то только и будет. Как пройдет год, так в каждой копейке подай отчет народу — куда она истрачена.

Вот тогда народ и будет в самом деле благоденствовать. Вот что нужно народу, без чего он жить не может. <...>

Н. П. Огарев
РАЗБОР НОВОГО КРЕПОСТНОГО ПРАВА

II

Народ царем обманут!

Эта мысль выглядывает из всех Положений о крестьянах. Она преследует нас во всех газетах, где постоянно рассказывается о неповиновении крестьян, ожидавших полной воли и не понявших устава о новом рабстве; рассказывается со всевозможными смягчениями и утайками о расстреливаниях, шпицрутенах или просто: *о наказаниях*[47], где правительство неопределенностью слова хочет избегнуть признания в убийствах или палачестве.

Читая эту летопись дурно прикрытого военно-чиновничьего злодейства, нам приходит на ум: неужели Александр II, когда остается один, ну хотя бы воротясь с медвежьей охоты или после путешествия с императрицей по монастырям, — неужели в минуту уединения и раздумья он никогда не подумал, что он *убийца* и *палач?* И что тут нечего извиняться — я-де не сам, из собственного ружья, расстреливаю и не собственной высочайшей рукою порю?.. Неужели, при этой мысли, он никогда внутренне не содрогнулся, особенно вспомнив, что виновата не жертва, а бестолковость царских законов? Неужели у него никогда не навернулась горькая слеза и он не почувствовал к себе глубочайшего презрения? Если мысль, что он палач и убийца, — приходит ему в голову и мучит его, — пожалуй, в нем еще отыщется доблесть — просить у народа прощения. Ну, а если она ему никогда не приходит в голову?.. Тогда он просто жалкий и ничтожный человек, который — по тупоумию и нераскаянности — может тешиться казенной благодарностью каких-то шереметевских мужиков[48], в то время когда сам льет неповинную кровь народа и награждает крестами своих наемных злодеев.

Но возвратимся к Положениям.

Вопрос: отдается ли крестьянам их земля — вовсе не решен. Есть статьи, из которых кажется, что правительство хлопочет, как бы отдать землю крестьянам, и только ради хитрой учтивости прикрывает свою мысль словами, что земля помещичья; а из других статей кажется, что правительство чувствует, как, по всему складу русской жизни, по всему смыслу русского ума, земля выходит — достояние народное, но хлопочет изо всех сил, как бы отнять у народа землю и оставить ее за

помещиками, а следственно, и за императорской семьей. Из противоречия двух направлений правительство создало ряд таких сбивчивых отношений, что ни помещики, ни крестьяне не будут в состоянии одной минуты жить спокойно. Шатаясь в угаре этого противоречия, правительство поверило в собственное бессилие и не только отдалило мысль о выкупе, но создало проект, по которому выкуп невозможен.

Мы постараемся доказать это самым кратким образом; мы боимся, чтобы наш разбор не вышел слишком длинен; мы боимся вдаться в подробности, лишние в самих Положениях, это было бы бесполезно: сама жизнь покажет и уже показывает, что не только подробности, но и самые разноречащие основания Положений неисполнимы; сама жизнь рушит их помимо всякого печатного разбора; сила обстоятельств невольно отталкивает все, для жизни невозможное.

Статьей 3-й Об[щих] пол[ожений] правительство признало земельную собственность за помещиками, а за крестьянами — право постоянного пользования. Следственно, у помещиков есть собственность, которой они не могут свободно распоряжаться, потому что крестьяне имеют *право* пользоваться этой собственностью. Следственно, эта земельная собственность у помещиков не есть собственность. Очевидно, что признание земли помещичьею — чистая ложь; из-за нее выглядывает настоящее, коренное, правительством со страху и по корысти утаенное основание русской жизни, что земля — достояние народное, общее.

Крестьяне имеют право на постоянное пользование землей, но с условием — нести барщину или оброк (ст. 4 Общих положений). Следственно, несогласный нести барщину или оброк не имеет права на пользование землею; а так как барщина и оброк, налагаемые частным лицом, сверх податей на общие народные нужды, не могут не быть делом насилия и крепостного права, то народу остается только отказаться от земли, чтоб выйти из крепости или оставаться в крепости, чтоб сохранить землю. А если крестьяне откажутся? Нельзя же всех расстрелять, придется дать земли в других местах; вывод тот же: крестьяне без земли в России немыслимы. Из этого опять выглядывает одно спасительное и неодолимое основание, что земля, которою народ пользуется, — общее народное достояние и, следственно, это пользование не подлежит условиям частного найма и закрепления, а составляет народное право. Но как скоро правительство признает не это право, а право пользования будто бы *помещичьей землей*, то оно

не может не прийти к узаконению только крепостного состояния; *это право пользования не что иное, как то же крепостное право.*

Постановив две нелепости, которые не только друг другу, но каждая сама себе противоречит, правительство думало спастись, выпалив в публику третьей нелепостью — нелепостью *добровольных соглашений* (ст. 6 Общих положений). Но для добровольных соглашений та же 6-я статья ставит обязательные условия, или пределы, определяя сроки договоров и ссылаясь на местные положения. Местным положениям несть числа, и они продолжают и теперь, после издания Положений, изменяться и усложняться в губернских присутствиях. Но если бы их было и очень мало, если б даже вместо 30 листов их было всего один лист, то и этого было бы достаточно, чтоб из добровольных соглашений сделать не добровольные, а соглашения по регламенту, соглашения обязательные. И, сверх того, нелепость собственности, которая не собственность, и нелепость права пользования, которое есть крепостное право, нисколько между собою не примиряются посредством добровольных соглашений. Смысл обеих нелепостей указывает только на невозможность добровольных соглашений. Какое может быть добровольное соглашение, когда я обязан отдать собственность в пользование? Какое добровольное соглашение, когда я обязан мое право пользования купить ценою рабства или сделаться бобылем[49] и идти в батраки, т. е. опять в рабство?

Что же выходит из этих трех нелепостей? Новый вид крепостного права по *уставным грамотам* (ст. 7 Общих положений). Старое крепостное право было общее и прилагалось равно ко всякому частному случаю. Оно подразумевалось. Уставная грамота есть засвидетельствованный (юридический) *акт крепостного права для каждого отдельного случая.* В чем же выигрыш для крестьян? В чем выигрыш для помещиков? Кроме запутанной определенности, вводимой в хозяйство и тех и других, никому нет ни малейшей выгоды, и новое крепостное право такое же зло, как и старое.

Правительство не могло не сознавать этого, хотя бы и смутно. Оно чувствовало, что не дало земли ни помещикам, ни крестьянам, ни государству, а оставило право землевладения в каком-то туманном колебании. Стало, надо было ухватиться за мысль о выкупе, тем более, что о выкупе уже все кричали: кричали публицисты — защитники ренты и фермерства, кричали и публицисты — защитники общины и народного землевладения; кричали и помещики, ожидавшие пособия

для своих расстроенных и не расстроенных хозяйств; наконец, сам народ вопросительно ждал, как-то устроят выкуп.

Но как ухватиться за выкуп собственности или права владения, поставленных в состояние мглы и колебания? Как выкупать, что выкупать, кому выкупать, у кого выкупать, кому и за кого отвечать, кому и за кого платить — правительство не могло ничего ясно для себя решить, потому что самое основание для него не сложилось: оно не знало, кому принадлежит неотъемлемое право землевладения. В этом состоянии правительственного слабоумия, конечно, первая мысль была отсрочить выкуп как можно подальше; авось люди покамест как-нибудь да уладятся, рожь перемелется — мука будет. Но отдалить казалось правительству возможным, а вовсе отказаться оно боялось; вовсе отказаться как-то уже было совестно или стыдно: народ, мол, заподозрит во лжи, а мыслящие люди — в глупости. Правительство только не заметило, что уже самое отдаление выкупа поставило его в глазах всех не в подозрение, а в несомненность лжи и неспособности.

Первым последствием его непонимания русской жизни и веры в собственное бессилие было разделение выкупа на отдельный выкуп *усадеб* особняком и на выкуп пахотных земель посредством *содействия* правительства (Положение о выкупе, ст. 1).

Предоставление крестьянам *права выкупать* в собственность усадебную оседлость (ст. 2) доказывает совершенное непонимание России и уродливое двоедушие правительства.

Выкуп усадьбы, выкуп своего крова для крестьянина, кроме немногих исключений, значит выкуп права жизни. Куда деваться крестьянину без усадьбы? И зачем земледельческому крестьянину усадьба без полевого надела? Ни одна земледельческая община не станет выкупать усадеб без полевого надела; ст. 9 Положения о выкупе, предоставляющая право выкупать усадьбы целым обществом, совершенно призрачная. Зачем общине выкупать *здесь* усадьбы, когда ее полевой надел разве *там,* куда она переселится? Кто же станет выкупать усадьбу? Отдельные лица, те немногие сотни крестьян, которые разбогатели торговлей или участием в винном откупе и которым полевой надел не необходим.

Из-за этого, во-первых, не стоило отделять выкуп усадеб от выкупа надела; немногие богатые крестьяне ничего не потеряли бы, не отделяясь от общины, и продолжали бы свои промыслы по-прежнему. Во-вторых, тут кроется двоедушие правительства. Уверяя везде, что оно не трогает общинного устройства, оно везде стремится насильно

ввести земельную собственность особняков[50]. Оно старается поощрять частные сделки, взамен сделкам общественным, предоставляет им льготы (прим. 2 к ст. 5), покровительствует введению отдельных наделов там, где их нет (местные великороссийские положения, ст. 1, прим. 1; ст. 115 и 116)[51]. Его невольно пугает сельский артельный склад, и оно хлопочет привести все к складу городовому, где выгоды одного противоположны выгоде другого и где, следственно, управление посредством канцелярского грабежа найдет более удобную почву для продолжения своего существования. Оно невольно чувствует, что устройство общины административной при разрозненности экономических выгод гораздо меньше опасно для канцелярии и самодержавия, чем развитие общины экономической при совокупности артельных и, *следственно,* административных выгод. Первая может существовать *под управлением,* вторая необходимо *потребует самоуправления.*

Но и тут двоедушие до добра не доводит: положим, что многие пойдут в особняки, отдавая последнюю копейку, лишь бы отделаться от неурядицы, введенной Положениями; но чем больше правительство создаст особняков, тем меньше оно может *содействовать* общему выкупу и, следственно, тем больше возбудит к себе ненависти и в народе, и в помещиках.

В самом слове *содействие* выкупу — слышна нерешительность; это не прямое учреждение выкупа, это только *содействие.* Правительство чувствует свое бессилие, но вместе с тем не теряет надежды поправить, посредством выкупа, свои гнилые финансовые обстоятельства, а потому предлагает дворянству понемногу скупать у него право на крестьянский оброк, за свои 5 % облигации, которые таким образом правительство сбудет с рук рубль за рубль, а не по курсу, который и не известен и сомнителен. Такое *содействие* выкупу посредством выдачи облигаций за наличный годовой взнос от крестьян правительство назвало *выкупною ссудою* (ст. 27), между тем как это — правительственный *заем* (весьма выгодный, если б был возможен), при котором оно с мужиков будет получать рубль в то время, когда облигации будут ходить по полтине. Предвидя шаткость своих бумажек и, следственно, большую неохоту со стороны помещиков принимать облигации сомнительного курса по нарицательной цене, и большую неохоту со стороны крестьян принимать ссуду, уплату которой будут с них сбирать из-под военно-канцелярской палки, предвидя общее недоверие к негласному или солганному употреблению государственных

доходов, правительство решилось оказывать свое содействие выкупу понемножку, исподволь, там, где надел предоставится крестьянам по *добровольным соглашениям, общинно или порознь,* и там, где помещик *один захочет* — не спрашивая согласия крестьян — принять для них ссуду и дать им надел общинно, в количестве, требуемом местными положениями (ст. 34, 35, 36).

Стало, *содействие* будет оказано не разом для всех, а то тут, то там. Неужели правительство серьезно думает, что выпуск облигаций по мелочи поднимет их курс? Совсем напротив: эта нерешительность отнимет последнее нравственное доверие к правительственным финансам, и капиталист на мелочной выпуск облигаций станет смотреть как на всякий частный заем без залога. Нельзя предполагать, чтобы *содействие* посредством облигаций уменьшило число существующих облигаций, выпущенных ради иных правительственных целей; также нельзя предполагать, чтобы эти иные цели исчезли, потому что начался выкуп земель. Стало, все облигации по *содействию* увеличат сумму правительственного внутреннего займа и, следственно, понизят достоинство правительственных бумаг. Капиталист, к которому обратится помещик для размена своих облигаций, нисколько не придет в умиление от статьи 27 Положения о выкупе:

«Определенная по правилам сего Положения сумма, выдаваемая помещику, под приобретаемые крестьянами в собственность мирские земли[*][52] *и угодья, обеспеченными (гарантированными) правительством бумагами, именуется выкупною ссудою».*

«*Под* приобретаемые земли...», подумает капиталист, стало, земли служат залогом. Быть не может, это слишком нелепо. Если бы крестьяне перестали платить правительству, разве оно может продать эти земли с торгов? Куда же оно денет мужиков? Переселит? Стало, опять отведет им землю. В чем же была бы выгода ипотеки[53]? Стало, это не залог, и выражение *под* приобретаемые земли просто глупо. Чем же обеспечены правительственные кредитные бумаги? Правительственной гарантией? Да гарантию напрасно переводят словом обеспечение; это только поручительство. Надо, стало, знать состоятельность поручителя; ну, а если поручитель станет платить мне только своими векселями, которые на

---

[*] Ст. 34, 56, 59, 62, 63 и 131 указывают на содействие не на одни мирские земли, а также и на отдельные участки.

рынке ниже полтины за рубль? Эге... да тут вот что: правительство выдаст облигации по нарицательной цене, а с мужиков годовые взносы станет получать наличными. Фонд погашения накопится, а между тем курс облигаций, по их избытку и по несостоятельности правительства, упадет, и агенты правительства скупят их за безделицу. В доказательство — примечание к статье 143 Положения о выкупе:

«В видах скорейшего погашения банковых билетов, дозволяется главному выкупному учреждению, с разрешения министра финансов, производить усиленный тираж оных, по нарицательной цене, *или покупать билеты, продающиеся на бирже, по существующей биржевой цене,* относя потребные в том и другом случае расходы на счет остатков от упомянутого *запасного капитала*».

Этот *запасной капитал* будет взиматься (по ст. 143) с крестьян на управление выкупной операции; очевидно, что правительство и ажиотировать[54] хочет так, чтоб жалование правительственным биржевым агентам, сверх выкупа помещикам, платили крестьяне же. Красиво! Нет, г. помещик, больше полтины за рубль я не рискну, говорит капиталист, не то ждите, пока агенты правительства скупят их у вас ниже полтины. Уж лучше было бы просто сумму выкупа понизить наполовину, по крайней мере мужикам пришлось бы вдвое меньше платить. А тут, кто останется в дураках? Помещик, который получит половину или меньше против того, что ожидал; капиталист, который рискнул сгоряча; крестьянин, который заплатил *все* вместо половины..., а правительство сыграет в выгодную биржевую игру! То-то оно и боится разом выказаться и хочет заманить в игру понемножку. Знаете что, г. помещик, я и вам-то не советую брать этих облигаций — разоритесь!

Другое дело, если б правительство взялось откровенно руководствовать выкупом. Оно сказало бы, что все земли, ныне заселенные и обрабатываемые крестьянами, остаются в их мирском владении; помещикам в вознаграждение назначается миллиард рублей серебром, который крестьяне годовыми взносами (annuités)[55] выплатят в известное число лет. Сколько кому из помещиков причтется из этой суммы, пусть господа помещики разберут сами между собой и выдадут каждому на надлежащую сумму выкупные листы. Крестьяне всех наименований в России облагаются одинаковой податью, не выше той, которую ныне платят государственные. 5 % на капитал и 1 % погашения, т. е. шестипроцентный годовой взнос, на миллиард составит 60 миллионов. Эти 60 миллионов ежегодно будут отсчитываться из

податей на уплату помещикам, пока весь миллиард погасится. Сбор податей круговою порукою и доставление их в сроки в казначейства крестьяне будут производить сами, без вмешательства посторонних чиновников; следственно, крестьяне не будут грабимы и разорены, и уплата пойдет успешно. Отчет в сборе податей, уплате процентов и капитала по выкупным листам и общем расходе податных сборов, равно как и о курсе выкупных листов, будет публиковаться во всех столичных и губернских ведомостях два, три, четыре раза в год и даже чаще, смотря по надобности и движению капиталов. Но с сей минуты все обязательные отношения между крестьянами и помещиками прекращаются. Поверка границ крестьянских владений будет производиться, в случае недоразумения, на основании показаний окольных жителей; случаи спора подлежат третейскому суду.

Такое откровенное и ясное уничтожение крепостного права и наделение крестьян землею совершенно удовлетворило бы крестьян и не произвело бы между помещиками большого неудовольствия. Достоверность получения уплаты из податей, обеспеченных круговою порукою общин, освобожденных от чиновничества, и *отдельность* выкупных бумаг от правительственных снискали бы выкупным бумагам все то доверие, которое денежный рынок обычно дает поземельному кредиту, несмотря на то, что невозможная в России ипотека была бы заменена круговою порукою. Следственно, помещики очень скоро успокоились бы и принялись бы за свои новые хозяйства.

Но правительство на такую ясность не решилось, потому что ясность поставила бы и крестьян и самых помещиков в положение слишком независимое от управительства, потому что она действительно упразднила бы не только помещичье, но и государево крепостное право; отдала бы право на землю русскому народу и вычеркнула бы нелепость государева права на землю; наконец, потому что она имела бы целью благосостояние народное, а не подштопку до дыр изношенных финансов правительства. И вот правительство решилось предложить, робко и с недоверием к самому себе и к своему проекту, выкуп по частям, выкуп вразбивку, на основании правительственной биржевой игры, правительственного ажиотажа, скупки правительственных векселей по нескольку копеек за рубль. Доктринаризм, примкнувший к правительству[56], подумал, что это так и следует по науке, что биржевая игра — она-то и есть политическая экономия, что обороты мошеннического расчета — они-то и со-

ставляют основы финансовой теории, и нисколько не заметил, что данные, из которых слагается наша народная, бессословная жизнь, с правом каждого на землю, вовсе не требуют, чтобы мы следовали за ложнонаучным безобразием. Правительство и доктринаризм не заметили, что отсутствие капиталов, сосредоточенных в руках одного сословия, делает у нас вообще большую биржевую игру невозможной, а присутствие канцелярского заправления финансами делает всего меньше возможною правительственную биржевую игру. Они не заметили, что отсутствие капиталов, сосредоточенных в руках одного сословия, не значит еще отсутствие капиталов вообще; что излишки от годового труда земледельца составляют мелкие капиталы, которых сумма огромна, так что при свободном труде и без чиновничьего грабежа, если положить, что крестьяне могут иметь годового барыша, сверх прожитка, хотя по 2 р[уб]. с[еребром] на душу, то на 22 миллиона душ это составит, по крайней мере, 44 миллиона рублей серебром, или около 176 миллионов франков в год; но что эти излишки, не поглощенные в сосредоточенные капиталы, могут перейти только в правильное развитие общественного кредита, совершенно несовпадающего с расчетами подтасовок биржевой игры. Правительство и доктринаризм не поняли, что замена ипотеки круговой порукой и присутствие мелких капиталов, составляющих трудовой барыш, указывают на то, что наши капиталисты — общины, и требуют образования сельских, общинных банков, а не акционерного или помещичьего поземельного кредита; не поняв этого, правительство и доктринаризм создали для обеспечения выкупной операции какую-то систему полуипотеки (ст. 126–139), которая не что иное, как полицейское вмешательство в общинные дела, и потому способна создавать, а не пополнять[57] недоимку.

Что же выйдет на поверку? Сообразить не хитро. Здравый смысл публики не поверит проекту правительства скупать, по случаю выкупа, свои кредитные бумаги за ничто, а потому никто в России (а тем менее за границей) не рискнет покупать правительственные бумаги, которых упадок был бы для правительственной биржевой игры выгоден, — и выкупа не будет. Страх народа перед разорением, неминуемо следующим за полицейским вмешательством в недоимочные сборы, сделает в народе самую мысль о правительственном *содействии* выкупу земель ненавистною, и выкупа не будет. Создадутся особые учреждения, заведывающие выкупною операцией

(глава 2 Положения о выкупе)[58], устроятся новые канцелярии (ст. 42), пойдет новая переписка; на все на это с крестьян соберут особые лишние деньги, особые *запасные капиталы,* а выкупа не будет; и останется *навсегда установленное переходное положение,* т. е. *новое крепостное право,* с барщиной и оброками, определенными местными положениями, бесчисленными до неопределенности, под надзором новосозданного чиновничества — при сохранении чиновничества прежнего.

Народ царем обманут! <...>

Н. А. Безобразов
О ДАЛЬНЕЙШЕМ ПРИВЕДЕНИИ В ДЕЙСТВИЕ НОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ О ПОМЕСТНЫХ КРЕСТЬЯНАХ*

(Предложение I)

Милостивые государи.

Возникшие вокруг нас местные затруднения, неудобства и даже злоупотребления, всем известны. С какой бы точки зрения кто ни смотрел на современные обстоятельства, общее сознание единогласно и неошибочно приписывает эти затруднения введению нового Положения о поместных крестьянах. Статьями 112 и 135 IX т. Св. Зак. (изд. 1857 г.) нам предоставлено рассуждать о местных неудобствах и указывать на злоупотребления, *«хотя бы они происходили от общего какого-либо постановления».* На сем законном основании мы считаем своею обязанностью изложить пред Вами следующие соображения.

Твердость всякого гражданского быта — лица или состояния — обусловливается положительностью признанных в нем прав и определенностью предмета оных.

Без сих двух условий всякий гражданский быт приходит к той шаткости, скорым последствием которой бывает конечное распадение.

Такому последствию подверглось бы и наше дворянство, если б оно приведено было в сомнение на счет основания присвоенных ему прав или в недоумение относительно существа и пространства оных.

С первого взгляда кажется, что ни *сомнения* такого, ни *недоумения* существовать не должно: ибо неприкосновенность прав дворянства ограждается и пространство оных определяется не только изречениями

---

* Предложено Собранию московского дворянства 11 января 1862 г.

и действием общих наших государственных и гражданских законов, но и силою хартии исключительной важности — Жалованною дворянству грамотою[59]. Сею хартией, за подписом[60] наших царей, выражены: значение дворянства в государстве, сословное его проявление по губерниям, и сущность как *гражданских* его прав относительно *недвижимых* его *имений вообще,* так и вотчинных и *поместных* его прав по *недвижимым населенным имениям.*

Вот что кажется с первого взгляда.

Вникая же в содержание вновь изданного Положения о поместных крестьянах, ум невольно приходит в недоумение и в нем рождается довольно живое опасение не только касательно всецелости вещественной собственности дворянства в пределах населенных его имений, составляющих главное его богатство, но и на счет дальнейшего значения *вотчинных* и *поместных его прав,* составляющих отличительное его свойство.

Если бы это опасение оправдалось и новое Положение действительно стало — и устояло бы — в противность Жалованной дворянству грамоте, тогда высшему сословию, лишенному его преимуществ, служащих ближайшим и прочнейшим обеспечением поместного его быта и сельских его хозяйств, неминуемо угрожало бы разорение; а в тоже время — и это всего важнее — оно могло бы потерять законодательственную основу своего государственного значения и утратить всю знаменательность ручательства наших государей в «непоколебимости» дворянских прав, «подтвержденных» царскою подписью и ею *«навсегда»* (как выражается грамота) огражденных от разрушительного действия случайностей, временных воззрений и личных увлечений.

Вопрос, здесь возникающий, состоит, следовательно, в том:

Находится ли новое Положение о поместных крестьянах в противоречии с Жалованною дворянству грамотою, а если находится, то в чем именно?

Приступая к обсуждению этого вопроса, можно с живейшим чувством радости предпослать заявление, что некоторые мысли — даже из значительнейших — преподанные новым Положением, не состоят в разногласии с грамотою и находятся с нею в последовательной связи.

Так, Положением отменяется *крепостное право* в применении его к поместным крестьянам. Но о сем праве ни единым словом не упоминается в Дворянской грамоте. Оно есть вывод позднейшего

и ошибочного изложения законов, смешавшего поместное право с крепостным и чрез это подавшего повод к разнородным злоупотреблениям. Исправить эту ошибку, отклонить от людей всякое значение вещественной принадлежности, признать в поместных крестьянах полноту гражданских прав наравне с прочими поселянами государства — все это и благотворно, и с духом грамоты согласно; все это возвышает поместное народонаселение, соответствует пользам отечества, и с давних лет вызывается вожделениями просвещеннейших членов дворянского сословия*.

Так, еще Положением учреждаются мировые посредники и съезды для разбора жалоб поместных крестьян. Это учреждение необходимо столько же в развитие указаний Дворянской грамоты, сколько в отвращение происходивших доселе беспорядков при подаче подобных жалоб. В ст. 5-й, 6-й и других грамота предусматривает случаи совершения со стороны дворянина таких поступков, которые несоответственны его званию, а в ст. 25-й именно говорит, что «*буде кто* имеет на дворянина законное требование», оно должно быть разобрано «установленными властями». Следовательно, грамота, требуя разбора жалоб *кем бы ни было* приносимых на дворянина, не исключает из сего поместных крестьян. Что же касается до беспорядков, происходивших от неопределительности властей, коим поместные крестьяне могли бы, не нарушая закона, приносить свои жалобы, они достигали неимоверных размеров: эти жалобы приносились едва ли не по всем ведомствам государственного управления и нередко утруждали августейшее внимание наших государей, и то, весьма часто, по предметам маловажным или ничтожным. При этом, однако, нельзя не заметить, что мировые учреждения, согласно с общим духом, господствующим в Положении о крестьянах, имеют как бы временное свойство; тогда как они должны быть постоянною и присносущною[61] принадлежностью поместного устройства.

Так, наконец, Положением сделан первый шаг к уточнению наделов, повинностей, оброков и порядка работ поместных крестьян. Этого давно требовало правильное развитие поместных отношений. Как первое в сем смысле движение, Положение во многом требует

* Еще в 1847 г. дворянство Царскосельского уезда выразилось в сем смысле должностным даже порядком.

усовершенствования, но тем не менее оно здесь является в несомненном согласии со свойством поместных прав и нисколько не нарушает смысла Дворянской грамоты.

Указание на главные черты, по которым новое Положение сходится с Дворянскою грамотою, тем утешительнее, что оно подает успокоительную надежду на возможность исправления тех сторон Положения, коими оно противоречит нашей грамоте. Эти стороны, однако, немаловажны, в чем убедимся через краткий даже обзор оных.

1.

В статьях 21–23-й, 26–29-й грамотою подтверждается «на вечные времена» право потомственного дворянства приобретать населенные имения, владеть и располагать ими в качестве вотчинников и помещиков.

Здесь представляется уместным пояснить значение вотчинника и помещика.

Право владеть населенными имениями в некоторых отношениях касается гражданского порядка, а в других — порядка государственного. Таким образом, оно являет собою два вида, обозначенные в наших законах двумя особыми выражениями. Все постановления, определяющие правила приобретения и отчуждения населенных имений, — переход их по наследству и завещанию, — совершение по оным разных обязательств и договоров, все эти постановления обусловливают, в гражданском порядке, право *вотчинное;* по сей-то причине в X томе Св. Гражд. Зак. дворянин, владеющий населенным имением, по преимуществу именуется вотчинником. Все же постановления, исчисляющие права и обязанности дворянина касательно народонаселения, водворенного на его землях, — т. е. уточняющие чин местного устройства и управления, — обусловливают, в порядке государственном, *поместное* право, а потому, в законах уголовных, о состояниях, о благоустройстве, о предупреждении преступлений и т. п. дворянин, владеющий населенным имением, всегда называется *помещиком.*

Повторяем: грамотою подтверждается дворянству право владеть населенными имениями в качестве *вотчинников* и *помещиков.*

Между тем, новое Положение по всем своим частям, по общему своему направлению и по окончательно ожидаемым последствиям его осуществления выводит из-под ведения помещиков все народонаселение, водворенное на помещичьих землях; в дворянских владениях учреждает крестьянское самоуправление вне всякого влияния, над-

зора и утверждения владетельных дворян; оттесняет сих владетелей к особым местам в виде уже не помещиков, а простых землевладельцев, стоящих не *над* местным общественным управлением, а возле него или даже *под* оным.

Не говоря о препонах, представляющихся в самих свойствах народонаселения, *действительному* осуществлению такого устроения, о потере дворянством влияния, служившего обеспечением преуспеяния помещичьих хозяйств, т. е. *единственных сельских хозяйств* России, о страшных выводах, грозящих единству и прочному скреплению дробных частей государства, для дворянства [...][62] в настоящее, по крайней мере, время [...] достаточным в сем случае затруднением представляется то обстоятельство, что жребий, наделяемый ему новым Положением, вовсе не соответствует достоинству, в которое оно облечено Жалованною ему грамотою. Дворянству пришлось бы сойти со степени поместной власти и обратиться в низший разряд древлесуществовавших разночинцев — людей пустопоместных[63] или простых землевладельцев. Да чем бы оправдалось такое низложение или разжалование поместного дворянства? Чем запятнало оно себя? [...] Или история наша должна замолчать, или она засвидетельствует, что русское поместное дворянство есть чистейшее выражение доблестей своей родины и что, до сего дня, оно было непреоборимым оплотом престола, неотклонимою охраною единства России. Уже ради своей чести мы должны удержать наши поместные права, приобретенные, как говорит грамота, *«Потом, кровию, жизнею»*.

В пределах собственных своих земель, внутри собственных своих деревень дворянство не может согласиться на учреждение независимого от него управления. Крестьянские выборы, суды, расправа должны, без сомнения, быть приведены в более против прежнего правильный порядок, но в границах каждого поместья они должны существовать не иначе, как под решительною властью, под прямым надзором и утверждением владетельного помещика. Отступясь от этого природного своего права, дворянство наложило бы руку само на себя и лишилось бы, в глазах народа, той степени, на которую возведено отечественными заслугами, о коих свидетельствует обеспечительная наша грамота.

<...> Впрочем, в поддержании нашей поместной власти лежит и единственно надежное условие исполнения крестьянами тех обязанностей, которые возлагаются на них в замене предоставляемого им пользования нашими землями.

Это последнее обстоятельство прямо ведет к рассмотрению другой стороны нового Положения, из которой могло бы проявиться *посягательство на нашу собственность,* а тем самым и не менее важное нарушение Дворянской грамоты.

2.

Грамота наша в десяти своих статьях, а именно: в 11, 22–24, 26–29, 33 и 34-й, *подтверждает* дворянству «на вечные времена»:

— неприкосновенность и полноту права собственности на его земли как на поверхности оных, так и в недрах, водах и лесах;

— право свободного употребления сих земель в полной силе и разуме как до того существовало;

— право владеть деревнями и устраивать в них разные заведения;

— родовое право отдавать свои имения наследникам, даже в случае осуждения владетеля за личное преступление, чем уничтожается и возможность всякого рода *отобрания* (конфискации);

— безопасное владение своими имениями, с тем «да не дерзнет *никто!* [...] никто! [...] без суда и приговора в силу законов тех судебных мест, коим суды поручены, *самовольно отобрать* у благородного имение или оное *разорять*» (ст. 24).

В противность сих статей нашей «непоколебимой» грамоты новое Положение предлагает:

— отделение значительной части помещичьей земли в виде уже *мирской* или *общественной — крестьянской;* с присвоением миру неизменного, потомственного пользования сею землею, без всякого впредь помещичьего вмешательства и с правом наследия в вымороченых участках;

— дарование крестьянам, под названием *выкупа,* права *покупать* усадьбы без согласия помещика и без всякого даже ограничения во времени;

— предоставление крестьянам права на содействие правительства к приобретению в их собственность значительнейшей части помещичьих земель с согласия, однако, помещиков и с удовлетворением сих последних выдачею 49-летних долговых бумаг[64];

— присвоение крестьянам права *соглашаться* или не *соглашаться* на определяемые помещиком наделы и оброки — хотя бы оные сообразовывались с Положением — и удержание, при тех же крестьянах, права невозбранно пребывать в поместье и пользоваться его выгодами, невзирая на выраженное ими *несогласие.*

Всмотримся поближе в это противопоставление изречений Дворянской грамоты и предположений нового предначертания.

Отделение помещичьей земли, в виде мирской или общественной, порождает к сей земле двух собственников: одного — по праву вечного владения, а другого — по праву вечного пользования. Эти два права несовместны: ибо к одному и тому же предмету двух собственников существовать не может. Но спрашивается: что такое *мир* или *крестьянское общество?* Это есть вид устройства местного управления с его обрядами выборов, разбора несогласий, раскладки повинностей, тяглового передела земель, уступленных крестьянам в условное пользование и т. п. Никогда этому виду местного управления не предписывалось у нас *гражданской личности* с правами приобретения, владения и самостоятельного пользования. Признание в общине прав гражданства и самобытной личности есть явление совершенно новое в нашем законодательстве: это — опыт [...] несколько носящий на себе признаки *коммунизма* [...] и который вряд ли оправдается успехом. Во всяком же случае, для такой попытки, дозволительно избирать местности, находящиеся в непосредственном распоряжении казны, а вовсе не наши земли. Нам не приходится вдаваться в подобные испытания. Правда, что в качестве *помещиков* мы обязаны обеспечивать существование народонаселения, расположенного в наших поместьях. Но из этого совсем не истекает для нас необходимость признать в общине или в определенном однажды навсегда числе душ права неизменного и произвольного пользования нашими землями. Это расстроило бы наши хозяйства, стеснило бы нас в выборе порядка разработки наших земель. Главнейшее же: это нарушило бы право *«свободного употребления»* наших земель, *навсегда* нам обеспеченное 33 и 34 статьями грамоты, которая положительно *подтверждает,* что мы властны «по собственному своему произволению обрабатывать наши земли или вольнонаемными или своими людьми»*, т. е. подвластными нам крестьянами.

Этой же самой, небывалой у нас гражданской личности — общине [...] да и каждому крестьянину отдельно [...] предоставляется Положением право выкупать усадьбы. Усадьбы! [...] они то и составляют

* См. ст. 2 Указа 28 июня 1782 года, подтвержденного «в полной силе и разуме» ст. 33 грамоты.

деревни, владение коими нам *навсегда* опоручено грамотою. Мы потому и дворяне, что владеем деревнями или совокупностью *дворов;* в противоположность нашего звания владетель одного двора называется *однодворцем,* а простой землевладелец — *пустопоместным.* Эти усадьбы — так легко обрекаемые на выкуп — суть сердца наших владений: без них нет и поместий. <...>

<...> Такие именно долговые бумаги, между прочим, предлагаются для совершения так называемого *выкупа.* Оборот этот назван *выкупною ссудою.* Вникнув, однако, в сущность этого оборота, мы удостоверимся, что в нем нет ни *выкупа,* ни *ссуды.* Выкуп существовать может только там, где есть предшествующее право собственности. Крестьянин не был собственником никакой части помещичьего владения, следовательно, и выкупать из этого ничего не может*. Здесь предлагается простая *купля* и *продажа,* из которых первая, со стороны крестьян, *произвольная,* вторая, со стороны дворян, вынужденная. Это весьма ясно касательно усадеб, ибо право выкупать их выговорено *безусловно* и *бессрочно* — оно должно виснуть над нашими головами вечною угрозою Дамоклесова меча[65]. В отношении только полевых угодий соблюдена некоторая скромность; и для выкупа оных допускается согласие помещика!! Но если сообразить обстановку поместных отношений, предлагаемую новым Положением: ничтожность власти помещика, слабость и сомнительность положения посредника, независимость лиц, выбираемых самими же крестьянами для надзора за исполнением их повинностей, то окажется не менее ясным, что хозяйственное управление поместьями делается невозможным и что помещик единственно для того, чтобы вырваться из невыносимого положения и сохранить хотя *что-нибудь,* решится броситься *в выкуп,* как в окно, через которое виднеется что-то вроде надежды. Итак, столько же в применении к усадьбам, сколько относительно полевых угодий, выкупа *нет,* а *есть* единственно произвольная купля и вынужденная продажа: одним словом *произвольное перечуждение,* т. е. предположение беспримерное в законодательствах и в науке права.

* Придерживаясь той же непонятной логики, по коей вводится выкуп там, где его быть не может, Положение уничтожает право выкупа в тех случаях, в которых оно могло бы иметь применение: так в примеч. к ст. 5 сказано: «на участки земли, приобретенные крестьянами в собственность, не распространяются существующие узаконения о праве выкупа родовых имуществ».

<...> В виду *потомственного пользования*, в виду *перечуждения усадеб и полевых угодий* понятным становится предоставление крестьянам права *соглашаться* или *не соглашаться* на установляемые помещиком — хотя бы сообразно с Положением — наделы и повинности. Мы, например, отводим крестьянину указанное количество земли, которую считаем своею [по словам же Положения], пишем так называемую *Уставную грамоту*. Крестьянин не соглашается! Развязка казалась бы простою: этот крестьянин должен удалиться. Напротив, он остается и продолжает пользоваться нашею землею. Впрочем, Положение обречено было на это противоречие, потому что оно проникнуто одною, всепреобладающей неотступной мыслью: создать из *крестьянина — работника, независимого собственника,* и создать его на счет дворянства. В предубеждении лиц, писавших Положение, такой собственник *непременно будет:* они и рассуждают о нем как действительно существующем. От этого все натяжки, все запутанности, все нескладицы. От этого само Положение не является законом, *в обыкновенном смысле этого слова,* т. е. постановлением, устепеняющим отчетливый и постоянный порядок, но представляется чертежом какого-то передвижения к неопределенному будущему, с рубежами во времени 2, 3, 5, 6, 9,15, 20 и 49 лет!! На оконечности же этого передвижения крестьянин вырастает *самостоятельным собственником* [...] все-таки на счет дворянства! <...>

3.

При таком расторжении уз, обусловливающих преуспеяние государственной производительности, ниспровергаются и основные гражданские понятия, утвердившиеся в уме народа. Его здравый смысл вызывается на противоречие тому, исполнение чего требуется. Прислушайтесь к говору народному! *Положением* провозглашается: «вся земля помещичья». *Он* отвечает: «едва ли? [...] она, кажись, царская, если царь ею располагает». Нам говорят: «отдайте в постоянное пользование крестьян то, чем до сих пор они пользовались». — *Они* предъявляют: «если нам отдается часть земли, потому что мы ее обрабатывали, то нам принадлежит и вся земля, ибо мы ее всю обрабатывали». — Дворянам велят составлять Уставные грамоты. *Крестьяне* от них отказываются, рассуждая: «мы *временно-обязанные;* это не та воля, которая еще будет».

Не замечаете ли, что в самом расстройстве понятий здравый смысл ищет последовательную нить? [...] А она вытягивается в противность целям, постановляемым самим правительством.

Разительный упадок производительности, явное замешательство в понятиях, общее опасение на счет будущего должны были подготовить то зрелище, которое теперь приводит в страх каждого из нас. Торговля на всех ярмарках пострадала. Цены на хлеба возвышаются. Кредит исчез, и при недостатке денежных средств помещики ограничивают или останавливают свои промышленные и издельные производства. Заграничный вывоз наших товаров, при существующем, однако, мире, при внешних обстоятельствах, благоприятнейших для спроса наших произведений, до того оскудел, что курс наших денег все понижается и понижается, несмотря на напряженные усилия Государственного банка, потерявшего при этом огромные суммы*. Иностранные рынки уже отказывали нам в займах, сомневаясь в дальнейшей нашей состоятельности.

Отчего же все это? От того, что наносится сокрушительный удар главному рычагу отечественной производительности — помещичьим хозяйствам, т. е. *единственным сельским хозяйствам* России! Это почти всеми чувствуется более или менее ясно, и предугадывается возможность изнеможения нашего отечества. И смотрите: возмущение Польши как раз подоспело к этой минуте[66]; Запад и Юг заколебались; в общественных ведомостях, прямо или косвенно, проповедуется недоверие ко всему, что [делают] правительство и власть, легко увлекаемая молодежь срывается с учебных скамей и бежит на площадь; общее неудовольствие поджигается; и — то шепотом, то громко — слышатся возгласы: «долой все существующее! [...] Конституцию!» [...] Зачем умалчивать? Это — истина!

Но отчего же все это? Оттого, что у нас вдруг отшатнулись от коренных уставов нашей родины. От тех уставов, соблюдение которых, несмотря на множество существовавших и существующих беспорядков, возвело было Россию на степень первенствующей державы и заставило весь мир смотреть на нее, как на будущую руководительницу его судеб!

<...> Всему гражданству предстоит ныне подвиг, но дворянству — по преимуществу. Оно стоит во главе других сословий. Ему принадлежит *«Начальство и Предводительство народом»*. Это положение ему обеспечено «непоколебимою» его грамотою, которая не есть про-

* 15 миллионов рублей серебром.

стое заявление сословных преимуществ, а есть запись государственная, определяющая связь и союз всех состояний: ибо она узаконяет условия, по которым в состав дворянства призываются отличия и доблести всех слоев нашего гражданства. Все они могут сказать двор[ян]ству: «мы с вами, ибо все лучшее наше идет к вам».

Эта запись вручена дворянству как бы на хранение. Она подписана бессмертною Екатериною под условиями «непоколебимости, вечности, единожды "навсегда"». С теми же условиями она заручена нашими государями каждый раз, когда открывались новые губернии. А если б кто ее не подписал, то по святому закону престолонаследия преемнику принадлежат все права и все *обязанности* его предшественников. С теми же, впрочем, условиями Александр Благословенный[67], в Манифесте 2-го апреля 1801 года, признав «справедливость, святость и неприкосновенность преимуществ Дворянства, в Грамоте содержащихся», заверил нас *«Императорским своим словом за себя и наследников»,* что эта грамота останется *«коренным и непреложным законом Империи».*

<...> В уважение всего пред Вами изложенного, для успокоения встревоженных умов, для ограждения государственных и гражданских прав дворянства, для удержания отечественной производительности от дальнейшего упадка, для отвращения причин, могущих еще глубже поколебать ее основы и изнурить ее источники, для исправления вновь изданного Положения о поместных крестьянах, при содействии людей, положительно опытных в сем деле и действительно уполномоченных на то поместным дворянством.

Мы Вам предлагаем:

Руководствуясь 48 статьею Дворянской грамоты и 112, 113, 114 и 135 статьями IX т. Св. Зак. (изд. 1857 г.), поднести Государю императору в *собственные руки* всеподданнейшее ходатайство, в котором, по объяснении побудительных причин, всеподданнейше просить Его императорское величество:

1) Всемилостивейше дозволить дворянству избрать из своей среды уполномоченных, от каждой губернии по два, с возложением на них обязанности исправить новое Положение о поместных крестьянах, как в его подробностях, так и *в видах соглашения оного с непоколебимыми основаниями, преподанными в Жалованной дворянству грамоте.* Дозволить сим уполномоченным дворянам собраться в одной из столиц в виде Общего или Государственного дворянского собрания. Предоставить сему собранию назначение, из своей среды председателя, до-

кладчиков и делопроизводителей; при представлении же своего труда на высочайшее утверждение чрез Государственный совет, дозволить сему собранию отрядить назначенных им членов своих для объяснений и представительства. Предоставить дворянству принять на свой счет расходы по сему собранию;

2) Всемилостивейше обнародовать высочайшим указом повеление, чтобы поместные крестьяне не питали суетной надежды о получении каких-либо новых льгот, сверх дарованных уже им гражданских прав;

3) Всемилостивейше ныне же подтвердить коренное право помещиков — каждому в пределах своего поместья — утверждать или отменять мирские выборы и решения; причем сохранить право крестьян приносить законные жалобы в установленные мировые учреждения;

4) Всемилостивейше ныне же подтвердить неотъемлемое от каждого помещика право удалять из своего поместья и представлять в распоряжение правительства тех из поместных крестьян, кои не исполняют законных обязанностей, т. е. оказывают непокорство, не платят определенного оброка или не исполняют установленных работ, даровав при том крестьянам право перехода из одного имения в другое [не исключая и казенных] в пределах своего уезда;

5) Всемилостивейше повелеть, дабы крестьяне, водворенные на помещичьих землях, именовались не временно-обязанными, а *поместными;*

6) Всемилостивейше дозволить дворовым людям, пожелающим пребывать в поместном ведении своих господ, с согласия сих последних, оставаться нетревожными в сем положении;

7) Всемилостивейше повелеть, чтобы все губернские, военные и земские власти всемерно поддерживали законную власть помещиков, на точном основании узаконений по этому предмету, в Своде законов изображенных;

8) Всемилостивейше разрешить, чтобы в соблюдение установленных для дворянских выборов правил все назначенные ныне мировые посредники подверглись утверждению непосредственным выборам дворянства, или замещению иными лицами, по правилам тех же выборов;

9) Для облегчения дворянства в громадных расходах, ныне отягощающих его по *«Крестьянскому делу»,* освободить дворян от содержания губернских по сему делу присутствий и их членов, оставя на дворянском содержании только мировых посредников с их съездами;

10) Всемилостивейше продолжить двухгодичный срок, Манифестом 19 февраля определенный на сохранение прежнего порядка, до окончания и утверждения труда Государственного дворянского собра-

ния. Продолжение сего срока представляется тем более уместным, что в высочайшем по сему делу предначертании, преподанном в декабре 1857 г.[68], предписан был 12-летний срок для постепенного осуществления предположенных улучшений.

До сих пор дворянство было отклонено от прямого участия в составлении Положения о крестьянах. Надеемся, что в опровержение этой истины никто не дозволит себе упомянуть ни о порядке составления губернских комитетов, ни о высылке комитетских депутатов в столицу и из столицы, ни о степени принятия в уважение мнений сих депутатов. Все эти воспоминания послужили бы только упреком прошедшему. Что случайно быть могло, то уже не должно возобновляться.

По обнародовании Манифеста 19 февраля минувшего года московское дворянство в первый раз в полном собрании. В первый раз могли мы выразить свои мысли. Воспользуемся же этим случаем, чтобы излить и свои чувства; и поспешим вознесть к подножию престола всеподданнейшие благодарения за подвиг истинно царский, совершение которого так давно вожделели мы по духу и христианства и благородства. Крепостное состояние уничтожено! Мы теперь с гордостью можем смотреть на народонаселение имений наших, сравненное в гражданских правах с прочими поселянами государства; с радостью можем приветствовать каждого из наших крестьян званием гражданина. Это окружающее нас народонаселение, пользуясь нашим содействием, превосходило уже прочих сельских жителей производительностью и избытком. Но когда ему откроется возможность, при сознании своей гражданственности, совокупиться около нас же, и двинуться далее по стезе благосостояния, с опорою образованности, предприимчивости и средств дворянства, тогда достигнет оно той степени преуспеяния, на которой сделается образцом благоустройства не только для прочих поселян России, но, может быть, и всякой иной страны. Таким *возможным* выводом мы будем обязаны решительности порыва самой кроткой души: этот порыв превозмог все опасения ума, опытности, предвидения и пробился наружу как светлый луч надежды. Воздадим возлюбленному нашему государю живейшие благодарения! Скажем ему, что он не вотще[69] положился на нас; что мы поддержим его усилия на пути трудном и далеко еще не пройденном — поддержим с чувством подданных верных и с сознанием своего долга и достоинства.

Пусть и позднейшее потомство повторит, что у благолюбивейшего из венценосцев было и благороднейшее дворянство.

(Предложение принято 197 голосами против 161)

М. П. Погодин – Н. А. Безобразову

Милостивый государь,

Николай Александрович.

С особенным любопытством прочел или, лучше сказать, пробежал я поутру Ваше предложение, прочитанное во вчерашнем собрании, в коем, по причине болезни, не мог я присутствовать и спешу передать Вам мое частное, личное мнение об его предмете.

Примите это в знак моего совершенного уважения к горячности Ваших исторических убеждений и к той благородной смелости, с которой Вы их высказали, — в упор потоку общественного мнения. Только полное, искреннее выражение мнений всякого рода, правых, левых, средних, крайних, может разъяснить дело, столько трудное и сложное и застраховать его от вредной односторонности. На этом основании держится закон всех оппозиций, признанных необходимыми в системе государственного устройства в Европе.

Я положил белый шар при баллотировке, впрочем, излишней, о допущении Вашего мнения к обсуждению; но откровенно Вам скажу, положил бы черный, самый черный, если бы вопрос шел об одобрении.

Как ни верны некоторые Ваши положения, как ни основательны некоторые выводы, как ни блистательны некоторые обороты, но если б принять Ваши заключения в настоящем виде, то [...] то [...] какое выражение прибрать бы мне полегче, помягче, поумереннее — то ближайшие, неминуемые последствия заставили бы Вас прежде всех от них с ужасом отказаться.

Я не стану входить теперь в разбор ни частностей, ни общих положений, чтоб не подать повода к спору, для которого теперь нет ни места, ни времени. Чего нельзя сказать и pro и contra? La parole est élastique[70], вот почему я допускаю Ваши положения — видите как я умерен; принимаю вещи, как они теперь на всем пространстве России обретаются, и спрашиваю Вас по совести:

Что было бы, если б после первого объявления об улучшении быта крестьян «Положения» были сочинены по мнению бывшего большинства[71] или по Вашему идеалу? Если настоящие положения подавали и подают повод к таким несчастным столкновениям, к таким плачевным недоразумениям, то что сказали бы крестьяне, получив после долговременного ожидания, после торжественного обещания, то же крепостное право с некоторыми тонкими и отвлеченными изменениями?

Да и теперь, если правительство и дворянство не примут мер, чтоб до истечения двухлетнего срока порешить все отношения между помещиками и крестьянами окончательно, хорошего ожидать нельзя.

Следовательно, в таком напряженном состоянии, в таком настроении народного духа подать какой бы то ни было повод к мысли не только о возвращении к старому порядку вещей, но даже к направлению, к покушению в этом роде, словом ступить хоть один шаг назад, в высшей степени и дерзко и опасно! Никто не осмелится принять на себя ответственность, никто, если не начиная, то, по крайней мере, оканчивая Вами.

Позвольте мне употребить простую пословицу: что с возу упало, то пропало! Подбирать нечего; оно все уже расхватано, и расхватано по рукам, в которых стиснуто крепко. Следовательно, надо думать только, как сохранить остальное и как вознаградить потерянное.

Вы твердо стоите на принадлежности помещикам земли. Я соглашусь с Вами; но не странно ли слышать спор о земле в России, которая заключает бесконечные пустые пространства и может прокормить народонаселение в десять, в двадцать, во сто раз многочисленнейшее; не странно ли слышать, говорю, в России, которая предлагает даром свои земли всяким капиталистам и немцам, и жидам, и татарам, и жителям Ангальт-Кетенского, Мекленбург-Шверинского, и Шварцбург-Рудольштатского герцогства[72]! Не странно ли слышать спор о земле, когда читаешь во всяких газетах о пожаловании пяти, десяти, двадцати тысяч десятин в черноземных губерниях различным сановникам и чиновникам? Мы предлагаем землю всем, а крестьянам, которые нам обрабатывали ее столько лет, мы откажем в каких-нибудь лоскутках. Не грешно ли это будет! Почему откажем? Потому что в своем раздолье не умеем разместиться! В Европе живут по пяти тысяч человек на квадратную милю, ухитряются на обухе рожь молотить[73], а нам тесно с несколькими десятками. Не стыдно ли это!

Вы скажете: ну пусть правительство и отдает крестьянам свою землю, а наша должна оставаться в нашем владении.

А что, если бы правительство поступило в самом деле так и приготовило для крестьян заблаговременно свои отхожие пустоши, то что стали бы вы делать одни со своим черноземом? Вы пришли бы в положение того древнего царя, который утопал по горло в золоте, а есть ему было нечего.

Нет, поверьте, что лучше оставить крестьян на своих местах с уступленною им за полное вознаграждение землею, и они будут со временем приносить вам прежнюю пользу, но на других основаниях, о которых собственно теперь и должна быть речь.

Вы опираетесь преимущественно на Дворянской грамоте; но неужели дворянская грамота есть тот предел «его же не прейдеши». Вспомним, что ей минуло сто лет. Почему же не быть ныне грамоте для крестьян, для купцов, для духовных? Почему не быть, наконец, Всероссийской грамоте? Если в соседних нам Молдавии и Валахии какой-то князь Куца[74] толкует о расширении органического статута, за несколько лет нами же данного, если Фуад-паша[75] в нынешних газетах представляет проекты о преобразовании бюджета турецкого, если Египет прорезывается новыми каналами и наделяется новыми постановлениями[76], если сам неподвижный Китай, живущий не тысячу, а несколько тысяч лет, подвигнулся, то неужели мы одни должны оставаться постоянно в пределах грамоты импер[атора] Петра III[77] или императрицы Екатерины II? Дворянская грамота совершила свое дело. Поклонимся ей с честью, и примем с благодарностью приступ правительства к новым мерам, коих настоятельно требует время и наше положение в Европе. Дворянская грамота — это парчовая риза; но во сто лет она значительно потерлась, износилась и обветшала. Никакой искусственной подкладкой, никакими цветными заплатами восстановить ее нельзя. Надо строить, говоря по-церковному, новые ризы, а из каких тканей, — не далее, как в нынешнем собрании заявлены образцы уездами: Подольским, Коломенским, Звенигородским и проч.

Мне остается сказать о том влиянии дворянства на прочие сословия, которое оно теперь, по Вашему мнению, потерять должно. Вы напрасно беспокоитесь и опасаетесь. Из Русской истории дворянской службы вычеркнуть нельзя: и Безобразовы и Головины, и Воейковы и Валуевы, и Бахметевы и Тучковы, и Голицыны и Долгорукие записали там свои имена неизгладимыми буквами и заслужили себе вечную память. По своему образованию, развитию, владению, богатству, значению, преданию, службе настоящее дворянство останется надолго передовым сословием и этого влияния никакими постановлениями, тоже как никакими возражениями, никакими мнениями уничтожить никому на свете нельзя; а если прочие сословия когда-нибудь с ними сравняются, то такому преуспеянию дворянство должно радоваться и оно, разумеется, будет радоваться.

Вы говорите, что уничтожение крепостного права должно быть произведено иначе. Я согласен с Вами, хоть, может быть, иначе разумею не так как Вы, но что прикажете делать. История имеет собственную лабораторию; а русская — так и собственно свою логику, которую понять вдруг бывает очень трудно. Науке предлежит разыскать и определить впоследствии ее таинственные пружины. Теперь — некогда, теперь вместо всяких философских отвлеченных рассуждений, вместо всяких исторических исследований, вместо всяких юридических толкований о началах нужно свести концы, и приняв дело, как оно есть в натуре, порешить его как можно спокойнее и удовлетворительнее для всех сторон, вывести помещиков из того затруднительного положения, в коем они именно на эту переходную пору находятся, и вознаградить их за все потерянное, чтоб, если улучшится быт крестьян, не ухудшился быт дворян. Против такого вознаграждения никакая левая сторона ни одного слова произнести не осмелится. Для этого что нужно? — Для этого нужна искренность, которой Вы подали прекрасный пример. Нужна терпимость, чтобы всякий мог свободно выражать свое мнение, не подвергаясь никакой опасности; нужна, наконец, готовность сознаваться в своих ошибках. Ошибки — принадлежность человеческой природы. Ошибаются и ошибались все правительства. В Европе один только был человек, который века считался непогрешительным — это Римский папа, но и тот удостоверяется со всяким днем, что правительство его было всех хуже. У нас только должностные люди имеют несчастье думать по-прежнему, что ничто не укрывается от их всеобъемлющей прозорливости, пока они сидят на курульских своих креслах[78], между тем как именно тогда, не только дальний горизонт, но и ближайшая окружность покрывается для них густым, непроницаемым туманом. Они считают всякое несогласное с ними мнение унижением их достоинства, нарушением права и личным оскорблением, которое должно судить наравне с уголовным преступлением; и это есть одна из важных причин, почему многие мудреные наши вопросы остаются без решения, многие вопиющие несправедливости, очевидные неудобства без исправления.

Хотите ли Вы знать мое простое мнение о настоящем положении, сколько я могу судить, прислушиваясь к различным толкам

в собрании? Я изложил его в краткой записке, которая при сем прилагается.

М. Погодин
Янв. 12
1862 года

По общему наблюдению, крестьяне повсеместно исполняют свои обязанности нерадиво, подписывают Уставные грамоты неохотно или вовсе отказываются. По большей части они недовольны не только самым добросовестным и точным исполнением «Положений» со стороны помещиков, но даже не ценят надлежащим образом никаких облегчений, снисхождений, выгод, предлагаемых им сверх закона. Ни барщина самая легкая, ни оброк самый умеренный не ответствуют в их понятиях ожидаемой ими свободе. В этом смысле они не придают, как кажется, никакой принудительной силы Уст[авным] грамотам, питая надежду на «как-нибудь» и «когда-нибудь» отбыть от налагаемых ныне обязанностей; одним словом они желают сделаться свободными без малейших отношений к помещикам и всякое замедление в исполнении такого желания приписывают недостатку в доброй воле у помещиков, за что питают против них неблагоприятные чувства. Никакой нет надежды, чтобы дела в этом отношении пошли лучше, а напротив, есть основательные причины опасаться, что они пойдут хуже и будут подавать поводы к явлениям неутешительным. Эта-то неопределенность, неизвестность смущает дух и мешает успешному ходу всех дел.

Среди неясных ожиданий крестьяне не принимаются усердно за дело, откладывают все до будущего времени и своим бездействием, косностью, приносят вред не только помещикам, но и себе, и общественному хозяйству.

Помещики от неопределенности и неизвестности терпят несравненно более, и решительно не знают своего вообще положения в самом близком будущем, не знают, что имеют, что могут издерживать и что оставлять своим детям, не могут принимать никаких мер, чтобы пускать новое хозяйство в ход и должны беспрестанно опасаться, чтобы не случилось еще чего хуже, завися ежеминутно от недоразумений, случайностей, столько обыкновенных у народа в подобном настроении, чему уже было много несчастных примеров.

В таком положении дела, по тщательном, беспристрастном рассмотрении всех обстоятельств, оказывается необходимым покончить немедленно все прежние отношения у помещиков с крестьянами и разлучить их экономически и юридически впредь до нового добровольного, при взаимной нужде, соглашения их между собою.

Крестьянам предоставить их настоящие, определенные «Положениями», наделы во всегдашнее пользование без всяких отношений к помещикам, без оброка и барщины, с платою в казну валовой подати, какую заблагорассудится назначить правительству.

Помещикам выдать единовременно всю следующую по сделанным уже в «Положениях» оценкам и расчетам сумму, какими угодно государственными обязательствами или облигациями, кои ходили бы в обороте наравне с прочими кредитными бумагами без всяких процентов, предполагаемых нынешним выкупным проектом, к ненужному отягощению правительства.

<...> При ощутительном ныне недостатке во всяких денежных знаках и при настоящей необходимости приступить к проведению железных дорог, например, из Москвы в Крым и от Камы до Оби, обещающих великие несомненные выгоды и требующих значительных капиталов, земские облигации, удовлетворив помещиков, успокоив крестьян, облегчив правительство, развязав всем руки, сделаются не только неотяготительным бременем для государства, но обильным источником нового богатства России, сильным средством к возбуждению ее сил, надежным условием общего благосостояния.

Помещики, определив, хотя отчасти, полученные ими суммы на устройство железных дорог, составив между собою особые общества по своим губерниям, будут непременно получать с них вскоре лучшие проценты, чем получали с уступленной земли, даже с крепостным трудом; обеспечение крестьянских недоимок для правительства — в тех же работах.

С другой стороны, помещики и крестьяне по отстранении от них всех поводов к взаимным неудовольствиям, спорам, обидам и несправедливостям, войдут между собою при обоюдной нужде в новые отношения, полюбовные сделки и тем положат основание новому сельскому праву, новому порядку вещей, порядку мира и взаимной пользы.

Эти основания следует, кажется, московскому дворянству изложить во всеподданнейшей просьбе на имя государя императора, придав ей

самую строгую законную форму, да и ограничиться ею на время нынешних собраний, ибо без решения насущного вопроса по крестьянскому делу другие рассуждения будут строиться на песке.

М. Погодин

•

ВСЕПОДДАННЕЙШИЙ АДРЕС ТВЕРСКОГО ДВОРЯНСТВА

Ваше Императорское Величество,

Всемилостивейший Государь!

Собравшись в первый раз после обнародования законоположений 19-го февраля 1861 г., Тверское дворянство приветствует русского царя, который приступил к освобождению крестьян и искоренению всякой неправды на земле русской. Тверское дворянство объявляет торжественно, что оно искренно сочувствует добрым начинаниям В. И. В. и готово следовать за Вами путем, ведущим к благоденствию русского народа.

В доказательство нашей готовности и полного доверия к лицу В. И. В. мы решаемся представить на Ваше благоусмотрение откровенное изложение наших мыслей без всякой лжи и утайки.

Манифест 19-го февраля, объявивший волю народу, улучшив несколько материальное благосостояние крестьян, не освободил их от крепостной зависимости и не уничтожил всех беззаконий, порожденных крепостным правом. Здравый смысл народа не может согласить объявленной В. В. воли с существующими обязательными отношениями к помещикам и с искусственным разделением сословий. Народ видит, что он со временем может освободиться только от обязательного труда, но должен остаться вечным оброчным, преданным во власть тех же помещиков, названных мировыми посредниками.

Государь! Мы признаемся откровенно, что сами не понимаем этого положения. Такое громадное недоразумение ставит все общество в безвыходное положение, грозящее гибелью государству. Что же мешает устранить его? В обязательном предоставлении земли в собственность крестьян мы не только не видим нарушения наших прав, но считаем это единственным средством обеспечить спокойствие страны и наши собственные имущественные интересы[79].

Мы просим привести немедленно в исполнение эту меру общими силами государства, не полагая всей ее тяжести на одних крестьян,

которые менее других виноваты в существовании крепостного права. Дворянство, в силу сословных преимуществ избавлялось до сих пор от исполнения важнейших общественных повинностей. Государь! Мы считаем кровным грехом пользоваться благами общественного порядка за счет других сословий; неправеден тот порядок вещей, при котором бедный платит рубль, а богатый — ни копейки. Это могло быть терпимо только при крепостном праве, но теперь ставит нас в положение тунеядцев, совершенно бесполезных родине. Мы не желаем пользоваться таким позорным преимуществом и дальнейшее существование его не принимаем на свою ответственность.

Всеподданнейше просим В. И. В. разрешить нам принять на себя часть государственных податей, соответственных состоянию каждого[80]. Кроме имущественных привилегий, мы пользуемся исключительным правом поставлять людей для управления народом. В настоящее время мы считаем беззаконием исключительность этого права и просим распространить его на все сословия.

Всемилостивейший Государь! Мы твердо уверены, что Вы искренно желаете блага России, и потому считаем священным долгом высказать откровенно, что между нами и правительством В. И. В. существует странное недоразумение, которое препятствует осуществлению Ваших благих намерений. Вместо действительного осуществления обещанной Вами русскому народу воли Ваши сановники изобрели временно-обязанное положение, невыносимое как для крестьян, так и для помещиков. Вместо одновременного и обязательного обращения крестьян в свободных поземельных собственников Ваши сановники изобрели систему добровольных соглашений, которые грозят довести до крайнего разорения и крестьян, и помещиков. Они находят необходимым сохранение дворянских привилегий, тогда как мы сами, более всех заинтересованные в этом деле, желаем их отменения. Этот всеобщий разлад служит лучшим доказательством, что преобразование, требующееся ныне крайнею необходимостью, не может быть совершено бюрократическим порядком.

Мы сами не беремся говорить за весь народ, несмотря на то, что стоим к нему ближе, и твердо уверены, что недостаточно одной благонамеренности не только для удовлетворения, но даже и для указания народных потребностей. Мы уверены, что все преобразования останутся безуспешными потому, что предпринимаются без спроса и ведома народа.

Собрание выборных всей земли русской представляет единственное средство к удовлетворительному разрешению вопросов, возбужденных, но неразрешенных положением 19-го февраля.

Представляя на благоусмотрение В. И. В. всеподданнейшее прошение о созвании Земского собрания, мы надеемся, что искреннее желание общего блага, одушевляющее Тверское дворянство, не подвергнется превратному толкованию.

С чувством верноподданнической преданности имеем счастье быть В. И. В. верноподданные (*далее подписи:* и.д. губернского предводителя Бровцына, 9 уездных предводителей и 103 дворян).

А. И. Кошелев
КАКОЙ ИСХОД ДЛЯ РОССИИ ИЗ НЫНЕШНЕГО ЕЕ ПОЛОЖЕНИЯ?

<...> В эпохи переходные, преобразовательные всякий предмет является в виде дела, вопроса. Затронуто, изменено одно, той же участи должно быть подвергнуто и другое, и третье, и все остальное. Теперь у нас ничто из существующего не может оставаться в прежнем виде; все должно преобразиться, и потому возбужденным вопросам нет конца, а сколько вопросов должно еще возникнуть! Некоторые винят правительство и литературу в том, что они не соблюдают постепенности и разом все почали, все подвергают пересмотру и по всему представляют проекты; но иначе и быть не может. В человеческом обществе все связано, все в зависимости одно от другого; у нас предпринято не маловажное какое-либо преобразование, а освобождение крепостных людей, т. е. возвращение человеческих прав целой трети всего народонаселения; чрез это сдвинуты со своего места не одни крестьяне, но и дворяне, ими владевшие. При таком существенном переустройстве двух состояний не могут не быть задеты и прочие сословия. К тому ~~же,~~ прекращение рабства есть в обществе такое событие, которое должно иметь самое сильное и глубокое действие на все устройство частное, общественное и правительственное в государстве. Образуется иная атмосфера: понятия, отношения людей изменяются, и все законы должны быть согласованы с обновленным положением страны. <...> К тому же тут дела выдвигаются не одиночно, а по большей части в совокупности, не по порядку алфавитному или иному какому-либо искусственному, а по многообразным востребованиям самой жизни: где больше страданий, где корень других

преобразований, те вопросы становятся вперед, являются в виде дел начальных, руководящих, так сказать направительных. Таких главнейших дел в настоящее время у нас четыре, и их то мы предполагаем здесь рассмотреть[81].

I. Крестьянское дело

Должно сознаться, что время для решения этого дела выбрано было как нельзя лучше. Крестьяне еще не требовали уничтожения крепостной зависимости, но начинали сильно желать свободы. В дворянстве большинство было еще за сохранение права владения людьми, но просвещенные помещики вызывали правительство на прекращение этого противоестественного положения. К тому же, мнения об освобождении крестьян с землею, о превосходстве нашего мирского устройства, о выгодах общинного владения при поземельном наделении крестьян и проч. созревали и вытесняли разные, с запада внесенные, теории о распределении собственности. В это именно время, по внушению свыше, государь, к великому удивлению всех и каждого и к полному изумлению бюрократии, решился впервые высказать предводителям дворянства в Москве мысль о необходимости освобождения крепостных людей. <...> Мы помним, какую тревогу, какие страхи и радости произвели эти постепенные, последовательные меры по великому задуманному делу. Всем известно, как дворянство приступило к подписанию адресов, как составлены были губернские комитеты и какие вышли из них проекты. В оправдание дворянства должно сказать одно, что как только бюрократия вмешалась в исполнение великой царской мысли, то она исказила ее, дала ей двусмысленное направление, пошли объяснения, дополнения, разрешения, запрещения, которые равно сбивали с толка людей, расположенных и враждебных к делу. Несчастные слова: *улучшение быта, усадебная оседлость, постоянное пользование* и, притом, *право перехода целыми обществами* — все эти и многие [другие] сбивчивые выражения произвели полное смешение в понятиях дворянства. Трудно было требовать, чтобы, при таком положении дел, целое сословие добровольно наложило на себя руки, а потому и не удивительно, что большинство дворян воспользовалось двусмысленностями бюрократии и представило проекты, которые содержали в себе не освобождение крестьян, а закабаление их в ином виде. Были проекты, написанные и в умеренном духе, но и они не были чужды той

нерешительности и неопределенности, которые проявлены были и в рескриптах[82] и, еще более, в последовавших разъяснениях, министерских отношениях и пуще всего — в злосчастной программе. Государь во время своего путешествия по России объявил, что призваны будут депутаты от каждой губернии «для присутствия и общего обсуждения при рассмотрении положений всех губерний в Главном комитете». И эти благие, мудрые слова были переиначены, перетолкованы бюрократией. До приезда депутатов в Петербург представлен был министром внутренних дел государю доклад, в котором губернские комитеты были представлены враждебно расположенными к предпринятой правительством реформе и в котором, хотя и были сделаны исключения в пользу некоторых членов меньшинства в комитетах, однако в заключении было сказано, что необходимо членов от комитетов «не допускать до совокупных официальных совещаний». Всем известно, какую инструкцию, высочайше утвержденную, дали депутатам, как в отношении к ним действовали, как с их работами поступили Редакционные комиссии и какой окончательный результат был трудов сих последних[83]. Обнародованные положения не удовлетворили никого, ни в начале, ни впоследствии, ни даже до дня сего. Они не разрешили крестьянского вопроса. Помещики, по закону, имеют право на барщину, на оброки, на какую-то вотчинную полицию, а на деле барщина или вовсе не исполняется или отправляется как можно хуже, оброки поступают лучше, но с большими хлопотами и понуждениями, а насчет вотчинной полиции, то помещики слишком разумны, чтобы по сему что-либо требовать или во что бы то ни было вмешиваться. Крестьяне, освобожденные крестьяне не понимают, как они могут еще быть обязанными справлять барщину или платить помещикам оброки, после того как царь дал им волю. Они не бунтуют явно, но с удивительным единодушием относятся отрицательно ко всем требованиям и уступают только силе. Помещики не могут рассчитывать на барщину, но и не в состоянии заводить вольнонаемные хозяйства, ибо запасных капиталов у них никогда не было, а новых не получают. Крестьяне на выкуп неохотно идут, ибо убеждены, что и без того земля будет их собственностью; к тому же 49-летний срок выкупных платежей возбуждает их смех и негодование. Даже на оброк крестьяне не выходят, боясь, в каком бы ни было отношении, своим согласием скрепить то положение, которое они считают не настоящим. Из всего этого выходит такая путаница, такая неурядица в делах и понятиях сельско-

го быта, что решительно нет возможности жить в деревне, что-либо предпринять и как-либо устроиться. Конечно, дружелюбия мало было и прежде между помещиками и крестьянами, но прежде при полноправии первых и бесправии последних была по крайней мере тишина и безмятежие. Ныне крестьяне желают узнать свои права, изведать границы своей свободы, и потому беспрестанно дозволяют себе разные уклонения, выходки, притязания, то в ту, то в другую сторону, а потому и не удивительно, что столкновения, неудовольствия, споры и суды между помещиками и крестьянами ежедневны, почти ежечасны. Отсюда возникает между ними враждебность, которая с каждым днем растет и усиливается. Помещики, окруженные не благорасположенными к ним крестьянами и имеющие для своей защиты только одного посредника во всем участке, находятся теперь в самом бедственном положении. Они бы рады были представить свои имения на выкуп, готовы пожертвовать даже 20-тью процентами[84] лишь бы получить деньги; но крестьяне не переходят на оброк, и притом ценность свидетельств, обещанных вместо денег за землю, так загадочна, что нет средств решиться на получку таких бумаг.

Из губернских присутствий поступают представления в пользу обязательного перевода крестьян с барщины на оброк, о необходимости обязательного выкупа и пр., но Петербург молчит и только обещает какие-то меры; а эти меры, если верить довольно положительным слухам, до того мелки и скупы, что они не могут доставить помещикам никакого облегчения. Посредники в некоторых губерниях сочли необходимым собираться от времени до времени в губернском городе для совещания на счет единообразного исполнения Положения; но и эти собрания возбудили опасения бюрократии, и они воспрещены новым министерским предписанием, которое даже распространило эту интердикцию[85] и на могущие быть съезды предводителей по крестьянскому делу. Одним словом, бюрократия все более и более запутывает дело, которое могло удовлетворительно разрешиться только при единодушии и добром расположении всех заинтересованных лиц; она все более и более раздражает и помещиков, и крестьян, тогда как следовало бы всячески их умиротворять, вызывать и утверждать доверие помещиков и крестьян друг к другу и к правительству. Необходимо было бы теперь дать в литературе большую по возможности свободу толкам по крестьянскому делу, а между тем теперь почти ни одна статья по крестьянскому делу не разрешается к напечатанию

цензурою, все отправляются в Петербург и там гибнут в канцелярии государственного секретаря.

Для окончательного разрешения крестьянского дела есть только один способ — выкуп, но выкуп не мнимый, а действительный, достойный того великого дела, которому он должен служить заключением. К такой мере бюрократия не решается приступить, и в этом она вполне права. При ее недоверии к России, при недоверии России к ней, при расстройстве финансов, при упадке ценности нашего рубля и при постоянных дефицитах государственного бюджета, как предпринять меру громадную, доходящую почти до тысячи миллионов рублей серебром!

Выкуп может быть действительным только в том случае, если он будет так устроен, чтобы крестьяне сочли его не только возможным, но и легким, и чтобы помещики, получая деньги, знали, что они получают, и могли бы их сейчас же употребить на устройство вольнонаемных хозяйств, на обработку оставшихся в их владении земель и на усиление их ценности. Нельзя разумно требовать, чтобы правительство удовлетворило помещиков и подарило землю крестьянам, ибо всякий знает, что оно не имеет к тому средств, но правительство должно явиться в этом деле добросовестным, пользующимся общим доверием, посредником. Конечно, такую задачу не может исполнить бюрократия; такое великое дело может быть совершено только государством, т. е. царем обще с народом.

II. Дворянское дело

Вопрос: *чем же быть дворянству?* выдвинулся так, что он стал на первую очередь в числе задач, подлежащих немедленному разрешению. Не будем повторять сказанного нами в статье, помещаемой в приложениях к сей записке[86]; но как та статья должна была явиться перед дворянскими выборами в Москве и предназначалась для журнала[87], издаваемого в России, т. е. под отеческим надзором цензуры, то здесь пополним и поясним там недосказанное.

Дворянство должно освободиться от всех привилегий, которыми оно доселе отделяется от прочих граждан. Чем оно это исполнит скорее и охотнее, тем ему не только более чести, но и более выгоды. Цепляться за то, чего удержать нельзя — безрассудно. Теперь благовременным отречением от преимуществ мнимых, мы можем подняться в глазах

народа и приобрести права действительные. Он имеет в нас нужду, он еще более нашего боится чиновников, теперь мы можем сделаться его руководителями. Если мы упустим нынешний, вполне для нас благоприятный случай, если народ устроится помимо нас, то Россия лишится влиятельного образованного состояния, а мы уже не обретем никогда для себя ни места, ни значения.

Неужели дворянство согласится оставаться в нынешнем своем положении — быть чем-то, и вместе с тем не быть ничем? Мы — помещики, но, как таковые, в своих местностях не имеем никакого значения: наше поземельное владение без корней, мы не связаны ни между собою, ни с окружающим нас народонаселением, которое нас не любит, не уважает и желало бы куда бы то ни было нас выпроводить. Мы — служилое сословие, но чтобы действительно приобщаться к его преимуществам, мы должны отрекаться не только от своего достоинства гражданского, но и от самих себя; ибо лишь угодливостью и уничтожением в себе всякой самостоятельности и почти совести можем делаться пригодными слугами бюрократии. Мы — частные люди, до некоторой степени образованные и достаточные, но к чему нам просвещение и богатство, когда мы не можем быть даже независимыми, жить спокойно и как хотим? Мы не обеспечены в своих правах ни личных, ни имущественных; мы подлежим произволу и станового, и квартального, и всех прочих, над ними и подле них постановленных властей; мы не можем требовать следующего нам по закону, ибо у нас он двуличен, и только на просьбы и мольбы (по большей части с придачами[88]) обращается он к нам защитником и покровителем. В чем же наша сила, наше значение и благоденствие? И такое положение нам удерживать, совершенствовать и упрочивать? Нет! Мы должны с ним разом распроститься и решительно стать на почву иную, твердую и верную, на которой мы можем быть людьми, гражданами, добросовестными слугами Отечества.

С горестью слышу, что на выборах дворянских, происходящих во многих губерниях, les meneurs[89] стараются подкупить большинство, к себе его расположить представлением адресов и других предложений, составленных в чисто сословном, тесно дворянском смысле. Не хочу верить такой слепоте людей, впрочем, умных и образованных. Или вы еще не чувствуете всего ничтожества нашего сословия? Или бюрократия вам еще не довольно надоела? Ведь вы работаете в ее пользу. Она для вашей забавы указала пять пунктов, о которых вы можете рассу-

ждать, и вы поддались ее козням. Предложенные ею пункты* касаются более крестьян и землевладельцев вообще, чем собственно дворян; с какого же права вы, уже не владельцы, не представители крестьян, будете одни об них рассуждать? Отказом решительным идти путем предложенным бюрократиею, вы бы доказали, что с уничтожением крепостной зависимости крестьян кончилась и собственная ваша от нее зависимость, что вы понимаете свое положение, свои права и что можете обсуживать предложенные дела не иначе, как с прочими сословиями, в них заинтересованными. Что выиграете вы, высказавши свои мнения? Бюрократия соберет их в кучу, составит из них свод, напечатает их, пожалуй, в ограниченном числе экземпляров и сочинит свой проект, который, разумеется, не удовлетворит никого — ни вас, ни крестьян; а между тем последние будут думать, что все, для них невыгодное в законе, есть ваше дело.

Мы предлагали в статье, помещенной в приложениях, образование губернских комитетов для пересмотра постановлений о дворянстве и для составления соображений, требуемых нынешним его положением. После того мы имели случай говорить об этом предмете со многими дворянами и сверх того узнали, что бюрократия на представления дворянства тех губерний, где в нынешнем году нет выборов, медлит [с] разрешением чрезвычайных собраний для обсуждения вышеупомянутых пяти пунктов**; а потому спешим отказаться от прежде предложенной нами полумеры. Нет! Теперь комитеты уже бесполезны и для нас могут быть даже вредны. Легко может повториться история комитетских по крестьянскому делу проектов и выйти такое положение, которое не разрешит ничего, а только спутает и исказит дело

* Вот эти пять пунктов: 1) Соображения дворянства и его предположения по пересмотру действующего ныне Устава о службе по выборам. — 2) О губернских земских повинностях, об устройстве управления ими и о подлежащих к производству из сего источника расходах. — 3) Об устройстве поземельного кредита посредством устройства соответствующих современным потребностям, банковых учреждений. — 4) Об устройстве медицинской части с целью увеличения числа врачей и лечебниц, ныне находящихся в губернии, и сообразного с местными условиями распределения медицинских пособий. — 5) Рассмотрение проекта по найму рабочих.

** Что это значит? Не очевидно ли, что бюрократия бросила эти пять пунктов для забавы дворянства в тех губерниях, где собрания его неизбежны, ни мало не дорожа получением мнений от всего русского дворянства; иначе она сама бы пригласила дворян чрезвычайно собраться и в тех губерниях, где в нынешнем году нет выборов. И такие finesses cousues de fil blanc (...шитые белыми нитками — фр.?) — удаются!

так, что уже не будет возможности его исправить. Нет! От бюрократии нам уже ожидать нечего. Теперь мы должны действовать так, чтоб уже она не могла нашими руками жар загребать. Одно средство для нас решить дворянское дело окончательно и удовлетворительно для всех, — действовать открыто и сообща с прочими сословиями в государстве.

Поймем те же, наконец, что мы отдельно слабы, ничтожны, что мы пользуемся мнимыми привилегиями, платя за них ценою действительных прав, коих мы лишены; что пока мы останемся чем-то особенным, мы будем только покорными слугами не царя, не Отечества, а всем нам равно ненавистной бюрократии, и что только соединением с народом мы можем прибрести значение в государстве. Прося об утверждении и расширении наших преимуществ, мы действуем против себя и в пользу врагов наших. Бюрократия, конечно, рада будет нам бросить какие-нибудь привилегии, но к чему они послужат? Только к тому, чтоб нам окончательно себя погубить и уже пасть так, чтоб восстание[90] было для нас, совершенно невозможным. Нашим решительным и единственным словом должно быть: единение с народом.

С. Г. Нечаев
ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

1. Мы, ____ , убежденные, что при существующем положении нашей страны взрыв недовольных масс народа близок и неизбежен, составляем общество для образования партии с целью изменения настоящего порядка как в политическом, так и в экономическом отношениях, т. е. учреждения с[оциальной] демократической респ[ублики] на место царящего сегодня деспотизма и эксплуатации.

2. Политические события в истории зап[адных] наций представляют нам много печальных примеров револ[юционных] движений, оставшихся без пол[ожительных] результатов, и все потоки народной крови, пролитые до сих пор, не привели еще к желанной цели главным образом потому, что восстававший народ не имел в своей среде сведущих и опытных людей, которых интересы были бы тождественны с его интересами, и потому, что большая часть восстаний заставала честную часть интеллигентного меньшинства врасплох, неожиданно. На основании этого мы приступаем к организации новой партии, которая бы при благоприятных обстоятельствах не только возбудила и направила народное восстание, но которая бы сумела и смогла упрочить результаты, добытые революцией.

3. Имея в виду борьбу на жизнь и на смерть с громадной дисциплинированной организацией деспотизма, мы, хотя и имеем окончательной целью устройство федеративного союза гмин[91] нашей страны, тем не менее считаем необходимым и единственно спасительным во время революции концентрирование народных сил, а потому, поднимая снова наше рев[олюционное] знамя, на котором еще не изгладилась кровь наших падших братий, мы оставляем на нем девиз: [...][92], до тех пор, пока результаты, добытые революцией, не будут вполне обеспеченными как от попыток внутренней реакции, так и от притязаний внешних врагов.

4. Когда пробьет желанный час нар[одного] освоб[ождения], когда рев[олюционное] знамя разовьется победоносно в нашей стране, члены, основавшие общество, считают своею непременной обязанностью принять немедленно все необходимые гарантии как против интриг частных лиц, так и против ретроградных стремлений целых обществ различных местностей. Все попытки реакции повернуть к старому должны быть парализованы, и население должно быть направлено всеми возможными средствами по пути революции.

5. На основании этого, одной из главных задач образующейся рев[олюционной] партии будет организация революционной пропаганды в первое время революции и совершенное устранение всякого влияния сторонников низвергнутого порядка на выбор представителей нации.

6. Рев[олюционная] партия должна ввести в жизнь все главнейшие основы нового общ[ественного] устройства, и только тогда, когда возвращение к старому будет очевидно невозможным, т. е. при полной свободе револ[юционной] пропаганды, — эта партия организует выбор предст[авителей] нации для составл[ения] конституционного госуд[арственного] устр[ойства] страны.

7. Убежденные из опытов последнего столетия, какое могущ[ественное] орудие реакция сделала для себя из общ[его] изб[ирательного] права, партия на основании револ[юционного] прав[ительственного] единства, реального и неоспоримого, не признает кандидатами в конституц[ионное] собрание тех, кто выступает против следующих соц[иальных] положений:

a) Республ[иканская] форма устройства государства не может быть подверг[нута] обсуждению, так как при всякой иной форме невозможна свобода самого обсуждения.

b) Функция госуд[арственной] деятельности после окончат[ельной] победы соц[иальной] револ[юции] над внутр[енними] и внешними

врагами ее будет заключаться в организ[ации] и регуляризации работ. Государство разрешит вопрос о произв[одительности] или непроизв[одительности] труда.

c) Земля должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает, т. е. мильонному люду, целому народу, а не частным владельцам, а потому объявляется собст[венностью] цел[ого] государства, которое и распределит ее между гминами.

d) Фабрики вместе с орудиями производства должны принадлежать городскому раб[очему] населению, т. е. составляют точно так же лишь часть нац[иональной] собственности, а посему распределяются государством между раб[очими] ассоциациями.

e) Воспит[ание] и образ[ование] детей лежит на обяз[анности] государства.

8. Высказанные положения мы кладем в основу нашей программы; глубоко уверенные в справедливости и спасительности оных, мы зовем на союз с нами демократов других слав[янских] племен.

9. Признавая всю важность значения слав[янской] расы[93] в буду[щей] истории континента, мы уверены, что, разрешая соц[иальный] вопрос в стране, подавленной ужасающим деспотизмом, мы тем самым будем содействовать разрешению социальной задачи во всей Европе.

10. Если инициатива в деле рев[олюции] славян[ской] расы будет принята нами [...] то окончательное устройство соц[иальной] демокр[атической] республики может, конечно, быть только результатом восстания всех единоплеменных народов, соединенных в могучий рев[олюционный] сл[авянский] союз.

Да наступит скорей день, когда вел[икая] слав[янская] раса, освещ[енная] солнцем свободы, равен[ства] и солидарн[ости], займет свое настоящее место между народ[ами] Европы и выполнит свое великое историч[еское] назначение.

Да здравствует соц[иальная] демокр[атическая] повст[анческая] респ[ублика]! Да здравствует союз соц[иал-]дем[ократических] слав[янских] государств!

П. Л. Лавров
ВПЕРЕД! – НАША ПРОГРАММА

<...> Социальный вопрос есть для нас вопрос первостепенный. Мы видим в нем самую важную задачу настоящего, единственную возможность лучшего будущего. В союзе большинства рабочих в свободную

ассоциацию, в организации этого союза для совокупного и могучего действия, в торжестве этой организации и в установлении нового общественного строя на развалинах промышленно-легальных[94] государств и сословий настоящего мы видим единственное средство осуществить это будущее. Возможные орудия этого осуществления в настоящую минуту различны для России и для Европы, а в самой Европе довольно важные разногласия вооружают по этому поводу друг против друга партии, которых одинаковую искренность в стремлении к одной и той же общей цели мы не имеем никакого основания заподозрить. При этом различии взглядов на способы исполнения программы, самая программа в своих принципах уже определилась. Она высказана в постановлениях нескольких конгрессов, выражавших общие стремления рабочего пролетариата в Европе; она высказана в органах и брошюрах всех оттенков мнений, которые, расходясь во многом, сходятся в борьбе с легально-промышленным строем настоящего в пользу рабочего; она лежит в основе всех стремлений наших русских деятелей в пользу крестьян; к ней может и должен примкнуть каждый, кто серьезно хочет установления лучшего общественного строя; к ней примкнем и мы. Начала этой программы одинаково существенны и для тех, которые думают, что русский сельский работник должен идти к перестройке русского общества путем иной организации, чем фабричный работник Запада, и для тех, которые преимущественно напирают на необходимость сильного центрального учреждения для рабочего сословия в Европе и Америке, на важность участия рабочих в политической борьбе настоящего[95], и для тех, которые стоят с особой энергией за самостоятельность мелких групп, за резкое отличие политической программы рабочих от всех политических программ современности[96].

<...> Но при этом единстве общих целей местные задачи... могут быть весьма различны вследствие разнообразия исторического развития. Нам, конечно, всего важнее уяснение этих задач для нашего отечества. Мы... должны признать, что вне общечеловеческих задач,.. в зависимости от них, как их второстепенное проявление или как средство для их будущего разрешения, русские имеют свои задачи, и мы теперь перейдем к ним.

Для русского специальная почва, на которой может развиться будущность большинства русского населения, в том смысле, который указан общими задачами нашего времени, есть крестьянство с общинным

землевладением. Развить нашу общину в смысле общинной обработки земли и общинного пользования ее продуктами, сделать из мирской сходки основной политический элемент русского общественного строя, поглотить в общинной собственности частную, дать крестьянству то образование и то понимание его общественных потребностей, без которого оно никогда не сумеет воспользоваться своими легальными правами, как бы они широки ни были, и никак не выйдет из-под эксплуатации меньшинства, даже в случае самого удачного переворота, — вот специально русские цели, которым должен содействовать всякий русский, желающий прогресса своему отечеству.

Но какими средствами можно осуществить эти цели? Из разных путей, представляющихся при этой мысли, какие пути не противоречат самим поставленным целям? Какие пути представляют опасность привести к бесплодной болтовне о деле вместо настоящей серьезной решимости посвятить жизнь самому делу? Какие пути представляют опасность заменить старые формы иными, пожалуй, несколько лучшими, но столь же чуждыми чисто народным потребностям России? Какие пути представляют лишь слабую вероятность успеха и где можно скорее надеяться прийти к удачному решению вопроса?

<...> На первое место мы ставим положение, что перестройка русского общества должна быть совершена не только *с целью* народного блага, не только *для* народа, но и *посредством* народа. Современный русский деятель должен, по нашему мнению, оставить за собой устарелое мнение, что народу могут быть навязаны революционные идеи, выработанные небольшою группою более развитого меньшинства, что социалисты-революционеры, свергнув удачным порывом центральное правительство, могут стать на его место и ввести законодательным путем новый строй, облагодетельствовать им неподготовленную массу. <...> Мы не хотим новой насильственной власти на смену старой, каков бы ни был источник власти. Будущий строй русского общества, осуществлению которого мы решились содействовать, должен воплотить в дело потребности большинства, им самим сознанные и понятые. При малой грамотности и неподготовленности большинства мы не можем обратиться прямо к нему с нашим словом. Мы обращаемся с ним к той доле цивилизованного русского меньшинства, которая понимает, что будущее принадлежит народу, что эксплуатация его должна кончиться и кончится так или иначе, что им остается лишь стать в ряды народа или отказаться от всякой возможной для них прогрессивной деятельности.

<...> Революций искусственно вызвать нельзя, потому что они суть продукты не личной воли, не деятельности небольшой группы, но целого ряда сложных исторических процессов. Самая попытка вызвать их искусственно едва ли может быть оправдана в глазах того, кто знает, как тяжело ложатся всякие общественные потрясения именно на самое бедное большинство, которое приносит при этом самые значительные жертвы. Но искусственно вызывать революции до сих пор и не предстояло надобности, так как всевозможные правительства с замечательным соревнованием доставляли для них постоянно материал, и страдания народов возрастали гораздо более оттого, что народы терпели установившийся строй или не довольно решительно возмущались против него, чем оттого, что народы бросались в безрассудные революционные попытки. Следует также заметить, что всякая народная революционная попытка, даже неудачная, является в истории полезным воспитательным средством общества: болтуны отделяются от людей дела; девизы партий получают большую определенность; фиктивные коалиции этих партий распадаются; истинные задачи общества выделяются с большей ясностью из разнообразных вопросов, одновременно возникающих в нем, но имеющих весьма различную важность; каждый исторический опыт становится полезным уроком для будущего. Но каков бы ни был вред или польза революций, фактически история приводит к ним с неизбежным фатализмом. Все течение дел подготовляет общественное потрясение; консерваторы напрасно стараются предотвратить его: они могут лишь сделать его более или менее тяжелым, упорно противодействуя ему или своевременно уступая неизбежному; революционеры не могут его вызвать, но могут облегчить и ускорить неизбежный переворот собственною правильною подготовкою, хорошею выработкою своей программы, согласною деятельностью в данную минуту; они могут и затруднить его своим невежеством и своими ошибками. Мы не имеем в виду вызвать искусственно в России революционное движение, но ни деятельность русского правительства в последний период, ни состав кружков, из которых оно черпает своих деятелей, не дает ни малейшей надежды, чтобы оно обладало достаточным государственным пониманием для того, чтобы не подготовить нашему отечеству тяжелых потрясений и неизбежных переворотов. По всей вероятности, оно вызовет революционные попытки, как оно постоянно вызывало волнение и в простонародье в продолжение всего периода московской и петербургской

централизации, и в цивилизованном классе, едва лишь коснулось нашего общества влияние общечеловеческих идей. Эти революционные попытки могут быть неудачны, могут вынести на вершину общества кружки и партии, враждебные истинной народной программе, но могут и содействовать осуществлению или, по крайней мере, уяснению этой самой программы. Ввиду этих возможностей дело личностей, стоящих за благо народа, — употребить все свои усилия на то, чтобы последняя возможность сделалась вероятнее, именно подготовить условия успеха революционных попыток, когда они произойдут, противодействовать успеху партий, враждебных народной программе, и содействовать всеми средствами уяснению в среде самого народа как целей, к которым следует стремиться, так и средств, наиболее годных к осуществлению этих целей.

<...> Мы будем рядом с какими угодно партиями отстаивать свободу мысли, слова, ассоциаций, эти неизбежные элементы всякой добросовестной конституционной программы; мы будем отстаивать их потому, что они заключают в себе ослабление всякой принудительной государственной связи и доставляют нам удобную почву для развития нашей программы. Но в русской конституционной партии по европейскому образцу[97] мы видим вообще своих прямых врагов, с которыми нам придется бороться при первой возможности серьезного столкновения партий в России. Уже теперь мы будем постоянно противопоставлять их программе на наших страницах те положения, которые мы считаем единственно рациональными для лучшей будущности русского народа и которые концентрируются в одной политической задаче: подчинение интересам крестьянства интересов всех прочих сословий, автономная *светская община,* как основной элемент русского государственного и общественного строя.

ПРОГРАММА ОБЩЕСТВА «ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ»

а) Не ранее конца 1876 г. – Первоначальная редакция

Из всех родов западноевропейского социализма мы всецело сочувствуем федералистскому интернационалу, т. е. анархистам, но полагаем, что осуществление анархических идеалов во всей их полноте в данный момент невозможно.

Признавая, с одной стороны, что партия может быть влиятельною и сильною только тогда, когда она опирается на народные требования и не насилует выработанного историей экономического и политического народного идеала, а с другой, — что коренные черты характера русского народа настолько социалистичны, что если бы желания и стремления народа были в данное время осуществлены, то это легло бы крепким фундаментом дальнейшего успешного хода социального дела в России, мы думаем, что деятельность наша должна опираться на следующие основания.

1. Правовые народные воззрения признают несправедливым тот порядок, при котором земля отчуждается в частную собственность; по народному понятию, «земля божья», каждый земледелец имеет право на землю в том количестве, которое он *своим трудом* может обработать. Поэтому мы должны требовать *перехода всей земли в руки сельского рабочего сословия и равномерного ее распределения.*

2. Существующий ныне государственный строй противоречит духу русского народа, который в течение истории доказал свое стремление к полной автономии общин и свободной интеграции общин в волости, губы[98], земли и т. п. Поэтому мы должны добиваться *перенесения всех общественных функций в руки общины,* т. е. полного ее самоуправления. Это требование нельзя назвать общенародным: есть группы общин, стремящихся к этому, но большинство их еще не дошло до такого нравственного и умственного развития и, по нашему мнению, каждый союз общин определит сам, какую долю общественных функций он отдаст тому правительству, которое каждая из них образует для себя. *Наша обязанность только стараться уменьшить возможно более эту долю.*

<...> Таким образом, «земля и воля», служившая девизом стольких народных движений, служившая принципом организации при заселении тех наших окраин, куда еще не проникало влияние современного этим заселениям русского правительства, — эта формула, по нашему мнению, и теперь служит лучшим выражением народных взглядов на владение землею и устройство своего общежития. Признавая невозможным привить народу при настоящих условиях другие, с точки зрения отвлеченной, может быть, и лучшие, идеалы, мы решаемся написать на своем знамени исторически выработанную формулу *«земля и воля».*

Само собою разумеется, что эта формула может быть воплощена в жизнь только путем насильственного переворота, и притом возможно скорейшего, так как развитие капитализма и все большее и большее проникновение в народную жизнь — благодаря протекторату русского правительства — разных язв буржуазной цивилизации угрожают разрушением общины и большим или меньшим искажением народного миросозерцания по вышеуказанным вопросам.

Указанное противоречие между народным идеалом и требованиями государства создавало и создает в России ту массу крупных и мелких движений, сект религиозно-революционного характера, а подчас и разбойничьих шаек, которые выражают собою активный протест русского народа против существующего порядка. <...>[99]

б) Май 1878 г. — Окончательная редакция

Конечный политический и экономический наш идеал — анархия и коллективизм.

Но, признавая, с одной стороны, что партия может быть влиятельною и сильною только тогда, когда она опирается на народные требования и не насилует выработанного историей экономического и политического народного идеала, а с другой, — что коренные черты характера русского народа настолько социалистичны, что если бы желания и стремления народа были в данное время осуществлены, то это легло бы крепким фундаментом дальнейшего успешного хода социального дела в России, мы суживаем наши требования до реально осуществимых в ближайшем будущем, т. е. до народных требований, каковы они есть в данную минуту. По нашему мнению, они сводятся к четырем главнейшим пунктам[100].

1. Правовые народные воззрения признают несправедливым тот порядок, при котором земля находится во владении тех, которые ее не обрабатывают. По народному понятию, «земля божья» и каждый земледелец имеет право на землю в том количестве, которое он *своим трудом* может обработать. Поэтому мы должны требовать *перехода всей земли в руки сельского рабочего сословия и равномерного ее распределения.* (Мы убеждены, что две трети России будут владеть землею на общинном начале).

2. Что касается политического идеала, то мы признаем, что в русском народе существует стремление к полному мирскому самоуправ-

лению, хотя относительно междуобщинных и внешних отношений вряд ли существуют в народе одинаковые определенные воззрения. По нашему мнению, каждый союз общин определит сам, какую долю общественных функций он отдаст тому правительству, которое каждая из них образует для себя. Наша обязанность только стараться уменьшить возможно более эту долю.

<...> Таким образом, «земля и воля», служившая девизом стольких народных движений, служившая принципом организации при заселении тех наших окраин, куда еще не проникало влияние современного этим заселениям русского правительства, — эта формула, по нашему мнению, и теперь служит наилучшим выражением народных взглядов на владение землею и устройство своего общежития. Признавая невозможным привить народу при настоящих условиях другие, с точки зрения отвлеченной, может быть, и лучшие, идеалы, мы решаемся написать на своем знамени исторически выработанную формулу «земля и воля».

Само собою разумеется, что эта формула может быть воплощена в жизнь только *путем насильственного переворота,* и притом возможно скорейшего, так как развитие капитализма и все большее и большее проникновение в народную жизнь (благодаря протекторату и стараниям русского правительства) разных язв буржуазной цивилизации угрожают разрушением общины и большим или меньшим искажением народного миросозерцания по вышеуказанным вопросам.

Указанное противоречие между народным идеалом и требованиями правительства создавало и создает в России ту массу крупных и мелких народных движений, сект религиозно-революционного характера, а подчас и разбойничьих шаек, которые выражают собою активный протест русского народа против существующего порядка. Но эта борьба с организованной силой государства, в руках которого около миллиона войск, оказывается слишком неравною, тем более, что народ в значительном большинстве разъединен и так обставлен со стороны разных властей, а главным образом со стороны экономической, что ему и очень мудрено подготовить и противопоставить правительственной организации широкую народную организацию.

Из предыдущего вытекают две главные общие задачи, на которые должно быть устремлено все внимание русской соц[иально]-революционной партии:

1) помочь организоваться элементам недовольства в народе и слиться с существующими уже народными организациями рево-

люционного характера, агитацией же усилить интенсивность этого недовольства, и

2) ослабить, расшатать, т. е. *дезорганизовать силу государства,* без чего, по нашему мнению, не будет обеспечен успех никакого, даже самого широкого и хорошо задуманного, плана восстания. <...>[101]

ЧЕРНЫЙ ПЕРЕДЕЛ
Передовая статья из № 1 газеты «Черный передел»

Глас народа — глас божий

В многомиллионной массе русского крестьянства беспрерывно появляется, исчезает и вновь возникает множество самых разнообразных слухов, толков и ожиданий. Несмотря на свое видимое разнообразие, все эти слухи имеют один и тот же источник — страстное искание народом того или другого выхода из современного, невыносимо тяжелого положения. Но ни один из них не приобрел такого широкого, можно сказать повсеместного, распространения, ни один не остановил на себе в такой степени внимания правительства и интеллигентного общества, как слух о предстоящем будто бы в скором времени переделе земли. Никто не может указать не только автора этого «превратного толкования», но даже и места первоначального появления последнего. Пущенный, быть может, одним из тех «бывалых» людей из народа, которым их продолжительное скитальчество по белому свету сообщает не псевдоцивилизованные привычки городского обывателя из мещан, не презрительное отношение к «серой деревенщине», но глубокое, инстинктивное понимание народных потребностей и народного горя, слух этот облетел всю земледельческую Россию... и везде перешел в непоколебимую уверенность относительно скорого приближения «слушного часа» и т. п.

Не заботясь о том, чьим «священным правам», каким «общественным основам» противоречит его желанный аграрный переворот, народ наш положил ожидание этого переворота в основание своего примирения с тяжелым настоящим, своих надежд на лучшее будущее. С точки зрения этого, по его мнению, неотвратимого факта он оценивает все события внутренней и внешней жизни современной России. Покушение на жизнь императора, казни политических преступников, стеснение казаков, восточная война, приготовления к ревизии — все

эти факты, несмотря на их очевидную несоизмеримость, взвешиваются народом исключительно с точки зрения его заветных ожиданий земельного передела, в каждом из них он видит только подтверждение основательности своих надежд. Правительственный циркуляр, изданием которого г. Маков[102] едва не оказал медвежьей услуги популярности царского имени в народе, встречен последним с полным недоверием. «Так и перед волей не единожды читали и объявляли, а все-таки воля вышла», — вот непредвиденный, вероятно, г. Маковым ответ, о своеобразную логику которого разобьется еще не одно правительственное заявление.

Влияние этой непоколебимой уверенности простирается даже на сферу чисто коммерческих отношений: в некоторых местах крестьяне, как известно, отказываются от покупки земель и избегают долгосрочных арендных контрактов. По своему влиянию на народные умы слух о переделе земли может сравниться разве только с теми слухами об уничтожении крепостного права, которые ходили в народе чуть ли не с самого возникновения этого института в России, послужили поводом ко множеству мелких волнений, с каждым годом расширявшихся и возраставших в числе, и убедили, наконец, правительство в том, что «лучше освободить народ сверху», нежели ждать, пока это освобождение будет предпринято снизу.

Не прошло еще и двадцати лет после «великой реформы» нынешнего царствования, как народ, со свойственной массам черною неблагодарностью, начинает поговаривать о переделе земли и толкует об этом с тою же роковою уверенностью, которая один раз уже вынудила правительство к уступке. Никто не может поручиться в том, что, если бы правительство уступило и на этот раз, народ не потребовал бы от него новых и новых уступок, пока, постоянно ограничивая и урезывая самого себя, государство не дошло бы, наконец, до полного самоотрицания; а так как это последнее никак уже не может входить в правительственные виды, то никто не может поручиться также и в том, что народ не будет вынужден удовлетворять своим потребностям путем того воздействия «снизу», тенет которого все правительства и все либералы в мире избегают так же старательно, как Мефистофель[103] избегал креста.

Что касается до нас, революционеров-народников, то мы считаем такое воздействие неминуемым, так как вся внутренняя история России есть, по нашему мнению, не что иное, как длинное, полное

трагизма повествование о борьбе на жизнь и смерть между полярно-противоположными принципами народно-общинного и государственно-индивидуалистического общежития. Кровавая и шумная, как ураган, в минуты крупных массовых движений, вроде бунтов Разина[104], Пугачева[105] и др., борьба эта не прекращалась ни на минуту, принимая самые разнообразные формы. Откупаясь от государственного вмешательства в его жизнь во времена Грозного[106], как откупался он когда-то от норманнов, хазар или потом татар; разбредаясь розно и заселяя пустынные степные окраины и лесные тайги Северного Поморья и Сибири; образуя шайки понизовой вольницы под предводительством своих любимых «атаманушек»; оплакивая «древнее благочестие» в глухих раскольничьих скитах, народ везде и всюду отстаивал одни и те же стремления, боролся за одни и те же идеалы общежития.

Свободное общинное самоустройство и самоуправление; предоставление всем членам общины сначала права свободного занятия земли «куда топор, коса и соха ходит», потом, с увеличением народонаселения, равных земельных участков с единственною обязанностью участвовать в «общественных разметах и разрубах»; труд, как единственный источник права собственности на движимость; равное для всех право на участие в обсуждении общественных вопросов и свободное, реальными потребностями народа определяемое, соединение общин в более крупные единицы, «земли», — вот те начала, те принципы общежития, которые так ревниво оберегал народ и которые, кратко формулируясь в боевом девизе «земля и воля», в минуты, когда чаша народного долготерпения оказывалась переполненной до краев, обладали магическим свойством волновать умы массы от прикаспийской Астрахани до беломорского Соловецкого монастыря.

С самых ранних времен своего существования государство вступило в противоречие с этими принципами. Отдача свободных дотоле общин в «кормление» представителям государственной власти, которые вмешивались в народную жизнь и лишили общину до тех пор неоспоримого ее права на решение возникавших внутри ее вопросов; произвольное обложение общин податями для непонятных народу и чуждых его интересам целей; захват общинных земель и раздача их частным лицам; раздача вотчин и поместий высшим классам и предоставление им права на крестьянский труд; полное закрепощение народа и насилие, насилие, насилие — от насильственного спаивания народа при «тишайшем» Алексее Михайловиче[107] до обращения с помощью

военных экзекуций сел в города и насильственного введения культуры картофеля при «незабвенном» Николае[108], — вот те блага, которые приносило народу государство, те приемы, которых оно неуклонно держалось в продолжение всей своей истории. Напрасно гг. официальные историки стремятся убедить нас в том, что русский народ не только добровольно призвал князей, но и всегда охотно подчинялся государственным порядкам. Это подчинение было настолько же добровольно, как и подчинение малорусского народа польскому или подчинение индийцев англичанам.

Во всех этих случаях было то же насильственное вторжение в народную жизнь, то же непонимание и игнорирование ее склада и особенностей, то же попрание народных прав, и еще неизвестно, который из трех народов более энергично протестовал, настойчивее отстаивал устои исконных бытовых форм своего общежития. До сих пор русское государство оставалось победителем в его борьбе с народом, но кто возьмется высчитать шансы этой борьбы в будущем? До сих пор торжество государства было полно и повсеместно. Оно сдавило народ железным кольцом своей организации; пользуясь ее преимуществами, оно с успехом подавляло не только мелкие и крупные народные движения, но и все проявления самостоятельной народной жизни и мысли; оно наложило свою тяжелую руку на казачество, исказило земельную общину, заставило народ заплатить за его исконное достояние — землю — выкуп, превышающий стоимость самой земли. Но в то время, когда оно отпраздновало уже тысячелетний юбилей своего существования, когда оно, по-видимому, уже нимало не сомневалось в окончательной гибели самобытной народной жизни, народ с полным спокойствием и ничем неразрушимою уверенностью заявляет, что далее так продолжаться не может, что сам царь поймет, наконец, эту невозможность и возьмет на себя почин перестройки общественных отношений в духе исконных народных идеалов. Ничто не могло так горько отравить торжества победителей, не могло нагляднее доказать, что влияние государственности было и остается до сих пор поверхностным, что оно не простирается на умы и воззрения массы, как этот замогильный голос заживо погребенного, но все еще полного сил и способности к самобытному развитию народа.

Вот почему правительство забило тревогу, и, вопреки всем прежним официальным уверениям относительно того, что русская социально-революционная партия есть не более, как «горсть злонамеренных лич-

ностей», не имеющих никакой почвы и влияния в народе, оно объявило, что ходящие в крестьянстве толки о переделе земли нужно целиком отнести на счет социалистической пропаганды. Оно приписало социалистам такое громадное влияние на народные умы, о котором они до сих пор не всегда позволяли себе даже мечтать. Такова логика официальных заявлений. Справедливость заставляет нас, однако, признать, что в подобной ошибке правительство виновато менее, чем это может показаться с первого взгляда.

Мудрено ли, что не имеющее понятия об особенностях склада жизни и правовых воззрениях народа, из всех событий русской истории знающее лишь историю дворцовых переворотов да летопись дворцовых крупных и мелких интриг, часто забывающее даже историю своих собственных «мероприятий», мудрено ли, говорим, что такое правительство, с удивлением и страхом услыхавшее о живущих в крестьянстве ожиданиях полного аграрного переворота, объяснило эти ожидания влиянием социально-революционной партии? Оно узнало, что народ не признает за высшими классами права собственности на землю, что он требует не только экспроприации земли у высших классов, но и установления совершенно иных, малопонятных с правительственной точки зрения, форм отношения к ней; оно узнало, словом, что народ ждет социальной революции, и, естественно, обвинило в том социалистов.

Читатель, сколько-нибудь знакомый с ходом возникновения партий вообще и русской социально-революционной в частности, не нуждается, конечно, в доказательствах того, что в данном случае следствие принято за причину. Не потому народные воззрения на землю и право владения и пользования ею противоречат воззрениям высших классов, не потому не согласуются они с понятием о собственности, санкционированным сводом государственных законов, что появилась в России социально-революционная партия. Напротив, эта последняя потеряла бы всякий смысл существования, навсегда осталась бы экзотическим растением, неизвестно кем и зачем пересаженным на русскую почву, если бы не было вышеупомянутой розни, если бы она не положила своего отпечатка на всю историю внутренних отношений в нашей стране, не проникала собою[109] всех сфер человеческого общежития. Этою рознью только и вызвана к жизни наша партия, в ней заключаются наши надежды, в ней видим мы залог своего успеха и ее же считаем мы исходным пунктом, операционным базисом нашей революционной работы в народе. Полагаем, что небесполезно будет остановиться на этом несколько долее.

Наши воззрения на практические задачи нашей партии составляются из двух слагаемых — общих указаний науки и специальных условий русской истории и современной действительности. Мы признаем социализм последним словом науки о человеческом обществе и в силу этого считаем торжество коллективизма в области владения и труда альфой и омегой прогресса в экономическом строе общества. Мы знаем, что выражение «природа не делает скачков» одинаково приложимо как в сфере явлений природы, в тесном смысле этого слова, так и в ходе развития человеческих обществ. Мы помним, что каждый шаг на пути этого развития строго определяется предшествующей историей общества и его состоянием в данный момент, — словом, всей суммой данных динамики и статики рассматриваемого общества. Но мы убеждены также и в том, что паллиативы[110] не исцеляют социальных зол, что всякий общественный деятель должен стремиться провести в общество максимум необходимых и возможных реформ, что, выражаясь кратко, каждый общественный деятель должен быть *радикалом*. Так как экономические отношения в обществе признаются нами основанием всех остальных, коренною причиною не только всех явлений политической жизни, но и умственного и нравственного склада его членов, то радикализм, прежде всего, должен стать, по нашему мнению, радикализмом экономическим. Усилия реформатора-радикала должны направляться главным образом на максимальное изменение к лучшему общественно-экономического строя, не справляясь о том, мирно или при насильственном сопротивлении со стороны лиц, заинтересованных в сохранении старого порядка, может совершиться это изменение.

Все эти положения суть не что иное, как выводы современной социологии, равно обязательные для всего человечества. Сознательно или бессознательно, следуя или противореча им на практике, с ними считались все реформаторы и революционеры, все общественные деятели <...>. Но едва мы захотим приложить эти положения к практической деятельности в нашем отечестве, едва вместо условий общественного развития вообще мы заговорим об условиях русского прогресса в частности, мы логикою тех же самых положений обращаемся в русских *революционеров-народников*. Только в формах русской народной жизни находим мы здесь задатки для развития полного коллективизма в отношениях производителей к орудиям труда, только отстаивая эти формы, мы можем найти незыблемую опору в кре-

стьянской массе; в устранении враждебных влияний и расчистке пути для правильного развития этих форм заключается сумма возможных в настоящее время экономических и — стоящих к ним в отношении следствия к причине — политических реформ в России*.

Но для осуществления этого максимума реформ нам, прежде всего, нужно обратить свои усилия на разрушение ныне существующего в нашем отечестве государственного строя. Государству закрепощена главная масса народного труда. Созданное им, путем экспроприации земли у народа, малоземелье образует тот контингент искусственно оторванных от родной хаты и нивы батраков, из которого набирают «рабочие руки» фабрики и заводы. Тяжелыми поборами оно заставляет крестьянина искать средства для удовлетворения требований государства на стороне, т. е. вынуждает его отдавать себя в жертву хозяйской эксплуатации. Оно поддерживает кулачество и ростовщический капитализм в деревне и таким образом подбирается к формам народной жизни с самой опасной стороны.

Выше мы старались исторически осветить враждебность государства к всестороннему развитию форм народной жизни, теперь указываем на современные отношения народа к государству. Цель нашей статьи будет достигнута, если читатель согласится с нами, что все принадлежащее последнему будет безвозвратно потеряно для народа, что каждый год его существования стоит народу массы бедствий, несчастий и горя, что оно деморализует народ, стараясь привить к нему формы чуждой ему жизни. Вот почему разрушение государственной организации должно составлять нашу первую задачу. А так как борьба с государством может совершаться только на почве «земли и воли», то мы, исходя из вышеизложенных общих положений социализма, приходим к необходимости агитации во имя тех же начал, за которые уже боролись Разин, Пугачев и др., приходим к тому, что мы называем революционным народничеством. Так понимающий дело русский агроном, руководствуясь общими положениями агрономической науки, выросшей на почве иных условий народонаселения, сбыта, техники земледелия, утилизирует эти положения сообразно с русскими условиями выгодной эксплуатации почвы.

---

* Более полно эти мысли были развиты нами в № 3 «Земли и воли» в статье «Закон экономического развития и задачи социализма в России», к которой мы и отсылаем читателя.

Вот почему мы называем нашу газету «Черный передел». В этих двух словах заключается решение крестьянского вопроса, от которого, в свою очередь, зависят все остальные. Конечно, решение это касается только экономической стороны упомянутого вопроса, но экономические отношения в обществе служат субстратом для всех остальных категорий человеческих отношений. Толкуя о «черном переделе», о «земле», народ забывает, по-видимому, о «воле», т. е. о той сумме общественных реформ, которая исторически связана с этим словом; даже более, народ наш, по-видимому, считает возможным примирить передел земли с существованием современного государства: он ждет этого передела от царя.

Но как бы ни думал об этом в настоящее время народ, от кого бы ни ждал он осуществления его требований, экономическая поземельная революция неизбежно поведет за собою переворот во всех других общественных отношениях. В знаменитом девизе крупных народных движений «воля» так же неотделима от «земли», как сила неотделима от материи, как следствие неотделимо от причины. Пусть народ ждет поземельной революции от царя, пусть он верит в него, видит в нем своего защитника и ходатая <...>.

Социально-революционная партия должна взять на себя заботу как о скорейшем разрушении этой фикции, так и об уяснении народу, проведении в его сознание всех необходимых следствий ожидаемого им аграрного переворота. Толкая народ в активную борьбу с государством, воспитывая в нем самодеятельность и активность, организуя его для борьбы, пользуясь каждым мелким случаем для возбуждения народного неудовольствия и для сообщения народу путем пропаганды словом и делом правильных воззрений на смысл ныне существующих и желательных в будущем социальных отношений, социально-революционная партия должна довести народ от пассивного ожидания «черного передела», долженствующего совершиться сверху, до активных требований «земли и воли», предъявляемых снизу. В этом заключаются задача и возможные пределы ее воздействия на народ, только на этом пути ожидает нашу интеллигенцию славное историческое будущее, только на нем и встретит она мост для перехода той громадной пропасти, которая отделяет интеллигенцию от народа чуть ли не со времени крещения Руси и проникновения в высшие классы чуждых народу, выработанных на истощенной почве разлагавшейся Византии, воззрений и понятий.

Все другие пути действия, как бы ни казались они радикальны, как бы много ни сулили они народу, будут ретроградны по своему существу, потому что все они предполагают не только сохранение государства, но и действие с его помощью. Как бы ни приспособлялось государство к народным потребностям и интересам, оно всегда во столько же раз меньше даст народу, во сколько индивидуалистический принцип, лежащий в основе современного государства (не только русского, но и всякого другого), во сколько этот принцип ниже принципа коллективизма, мирской помощи и солидарности, на которых всегда строилась или стремилась построиться народная жизнь. В этом смысле мы и говорили, что голос народа, требующего аграрной революции, есть как бы голос божий, указывающий нашей интеллигенции ее истинное, провиденциальное назначение.

ПРОГРАММА ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА

А

По основным своим убеждениям мы — социалисты и народники. Мы убеждены, что только на социалистических началах человечество может воплотить в своей жизни свободу, равенство, братство, обеспечить общее материальное благосостояние и полное, всестороннее развитие личности, а стало быть и прогресс. Мы убеждены, что только *народная воля* может санкционировать общественные формы, что развитие народа прочно только тогда, когда оно идет самостоятельно и свободно, когда каждая идея, имеющая воплотиться в жизнь, *проходит предварительно чрез сознание и волю народа.* Народное благо и народная воля — два наши священнейшие и неразрывно связанные принципа.

Б

1. Вглядываясь в обстановку, среди которой приходится жить и действовать народу, мы видим, что народ находится в состоянии полного рабства экономического и политического. Как рабочий, он трудится исключительно для прокормления и содержания паразитных слоев; как гражданин, он лишен всяких прав. Вся русская действительность не только не соответствует его воле, но он даже

не смеет ее высказать и формулировать; он не имеет даже возможности думать о том, что для него хорошо и что дурно, и самая мысль о какой-то воле народа считается преступлением против существующего порядка. Опутанный со всех сторон, народ доводится до физического вырождения, до отупелости, забитости, нищенства — до рабства во всех отношениях.

2. Над закованным в цепи народом мы замечаем облегающие его слои эксплуататоров, создаваемых и защищаемых государством. Мы замечаем, что это государство составляет крупнейшую в стране капиталистическую силу, что оно же составляет единственного политического притеснителя народа, что благодаря ему только могут существовать мелкие хищники. Мы видим, что этот государственно-буржуазный нарост держится исключительно голым насилием: своей военной, полицейской и чиновничьей организацией, совершенно так же, как держались у нас монголы Чингисхана[111]. Мы видим совершенное отсутствие народной санкции этой произвольной и насильственной власти, которая силою вводит и удерживает такие государственные и экономические принципы и формы, которые не имеют ничего общего с народными желаниями и идеалами.

3. В самом народе мы видим еще живыми, хотя всячески подавляемыми, его старые, традиционные принципы: право народа на землю, общинное и местное самоуправление, зачатки федеративного устройства, свободу совести и слова. Эти принципы получили бы широкое развитие и дали бы совершенно новое направление, в народном духе, всей нашей истории, если бы только народ получил возможность жить и устраиваться так, как хочет, сообразно со своими собственными наклонностями.

В

1. Поэтому мы полагаем, что, как социалисты и народники, мы должны поставить своей ближайшей задачей снять с народа подавляющий его гнет современного государства, произвести политический переворот с целью передачи власти народу. Этим переворотом мы достигнем, во-1-х, что развитие народа отныне будет идти самостоятельно, согласно его собственной воле и наклонностям, во-2-х, того, что в нашей русской жизни будут признаны и поддержаны многие чисто социалистические принципы, общие нам и народу.

2. Мы полагаем, что *народная воля* была бы достаточно хорошо высказана и проведена Учредительным собранием, избранным свободно, всеобщей подачей голосов, при инструкциях от избирателей. Это, конечно, далеко не идеальная форма проявления народной воли, но единственно в настоящее время возможная на практике, и мы считаем нужным поэтому остановиться на ней.

3. Таким образом, наша цель — отнять власть у существующего правительства и передать ее Учредительному собранию, составленному, как сейчас сказано, которое должно пересмотреть все наши государственные и общественные учреждения и перестроить их согласно инструкциям своих избирателей.

Г

Подчиняясь вполне народной воле, мы тем не менее, как партия, сочтем долгом явиться пред народом со своей программой. Ее мы будем пропагандировать до переворота, ее мы будем рекомендовать во время избирательной агитации, ее будем защищать в Учредительном собрании. Эта программа следующая:

1) постоянное народное представительство, составленное, как выше сказано, и имеющее полную власть во всех общегосударственных вопросах;

2) широкое областное самоуправление, обеспеченное выборностью всех должностей, самостоятельностью мира и экономической независимостью народа;

3) самостоятельность мира как экономической и административной единицы;

4) принадлежность земли народу;

5) система мер, имеющих передать в руки рабочих все заводы и фабрики;

6) полная свобода совести, слова, печати, сходок, ассоциаций и избирательной агитации;

7) всеобщее избирательное право, без сословных и имущественных ограничений;

8) замена постоянной армии территориальной.

Мы будем проводить эту программу и полагаем, что в ней все пункты невозможны один без другого и только в совокупности обеспечивают политическую и экономическую свободу народа и правильное его развитие. <...>[112]

К. Д. Кавелин
КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС

II. Общий обзор мер к улучшению положения крестьян

Какими мерами поднять упавшее благосостояние крестьян? — вот о чем крепко думают у нас теперь все, хоть сколько-нибудь понимающие наше внутреннее положение и те беды, которые должны на нас обрушиться, если крестьянский вопрос не будет поставлен и разрешен правильно.

Собираясь высказать некоторые мысли по этому предмету, мы должны наперед оговориться.

Нет книжки журнала, нет номера газеты, где бы не говорилось о крестьянах и не предлагались меры для улучшения их быта. В течение последнего года (1880 г.) высказано таким образом много очень дельного и толкового[113]. Мы думаем, что с этой стороны вопрос исчерпан, и свод всего, что высказано в печати, представил бы полную картину того, что предстоит делать. Прибавить к сказанному что-либо новое мы не беремся, да и не такова наша цель и задача. Теперь настало время подвести под предложенное итоги, сделать из него общие выводы, освещенные одною общею мыслью. Только это и заставило нас взяться за перо, и мы будем счастливы, если из нашего обзора читатель составит себе ясное, отчетливое и полное общее понятие о настоящем положении крестьянского дела в России, и о том направлении, в каком желательно вести его далее. Само собою разумеется, что в настоящем случае не может быть и речи о подробных проектах необходимых мероприятий. Насущная потребность — это выяснить точку зрения на предмет, относительно которого все мы более или менее, к сожалению, все еще ходим в тумане.

<...> Жизнь нас тащит за собой, а не мы ее устраиваем и направляем. Если такое к ней отношение вообще невозможно, то тем более — в вопросе такой важности, как быт народных масс. Понадобятся не годы, а десятки лет настойчивого, упорного, кропотливого труда и дружных усилий правительства и общества, чтобы побороть вредное действие условий, мешающих теперь правильному, здоровому развитию нашего крестьянства. Как ни больно, а надо сознаться, что много времени упущено и что, вследствие того, зло пустило глубокие корни. То, что было легко и просто двадцать лет тому назад, теперь стало несравненно труднее; тем необходимее

приняться за дело скорее, не откладывая, чтоб оно после не сделалось еще труднее.

Меры для улучшения положения крестьян должны обнимать все стороны их быта — материальную, умственную и нравственную. Было бы большой ошибкой думать, что одно улучшение материальных условий в состоянии поднять умственный и нравственный уровень крестьян или что одни уроки нравственности и грамотности могут повести их к материальному довольству. Нужно совокупное действие и того, и другого. Если не зажиточность, то, по крайней мере, безбедность есть, конечно, одно из необходимых условий образования и культуры; но одна достаточность и богатство к ним еще не ведут. <...> В действительности все находится в теснейшей взаимной связи, особливо в быту народных масс, живущих непосредственною жизнью; у них чувство, мысль и материальные факты связаны между собою несравненно теснее, чем у развитых и образованных людей. Вот почему мы убеждены, что улучшение быта крестьян станет у нас возможным лишь с той минуты, когда меры для поднятия их экономического положения, их умственного и нравственного уровня поведутся дружно, рядом, поддерживая и дополняя друг друга. Без этого ни одна из них не приведет к предположенной цели и не подвинет крестьянского дела вперед.

После этих необходимых оговорок, обратимся к обзору мер, необходимых для экономического, умственного и нравственного развития крестьянства в России.

В ряду причин видимого упадка крестьянских хозяйств, прежде и чаще всего, указывают на малоземелье. Это указание подало повод к бесчисленным недоразумениям, взаимным обвинениям и заподозрениям[114] самого тяжкого свойства. Благодаря им простой и совсем безобидный экономический вопрос перенесен в сферу политики, причислен к разряду подозрительных и опасных и долгое время был исключен из числа вопросов, подлежащих печатному обсуждению. Даже и теперь, когда условия печати все-таки не так неблагоприятны, как были еще недавно, вопрос о крестьянском землевладении все еще считается одним из самых щекотливых даже теми, кто на малоземелье крестьян не строит воздушных замков благополучия средних и крупных землевладельцев.

Постараемся освободить вопрос о крестьянском землевладении от искажений, которым он подвергся в глазах правительства и публики

благодаря полемическим преувеличениям, незнанию и своекорыстным расчетам, и привести его к тем размерам и к тому простейшему виду, какие он имеет на самом деле.

Прежде всего, не надо забывать, что вопрос о крестьянском землевладении имеет большую важность только для земледельческого населения. Там, где главный местный промысел крестьян не земледелие и не одна из отраслей сельского хозяйства, а промышленность перерабатывающая, хотя бы самая первобытная и грубая, там вопрос о размерах крестьянского владения не имеет особенной важности; а таких местностей, как известно, у нас немало. Мы говорим о разных видах кустарного промысла, которым крестьяне занимаются на местах, у себя дома. Их не следует смешивать с так называемыми отхожими промыслами, которые, во всей почти нечерноземной полосе России, обыкновенно составляют занятие земледельцев.

<...> Заработки на стороне могут и хорошо, и дурно влиять на крестьян, поднимают их благосостояние или в конец разрушают их быт, смотря по тому, хорошо или дурно крестьянам живется на местах их постоянной оседлости; последнее же у земледельческого населения всегда зависит от условий и пространства землевладения. Каковы же, спрашивается, условия землевладения у наших крестьян-земледельцев? На этот вопрос нельзя отвечать вообще. Местами они хороши, местами только удовлетворительны, местами же плохи или даже очень плохи. Этого, конечно, не решатся отрицать самые предубежденные поборники теперешнего положения крестьянского землевладения. Крестьян, получивших в дар четвертные наделы[115], считается более 600 т[ыс.] душ. Эта цифра не дает, однако, твердого основания для каких-либо выводов. Она, во-1-х, обнимает и земледельческое, и неземледельческое население; во-2-х, данные ревизии, бывшей двадцать лет тому назад, не дают возможности определить отношение народонаселения к земле в настоящее время; в-3-х, в состав надела входят и усадьбы с огородами и коноплянииками, и леса, и выпуски[116]; сколько из этого пространства находится собственно под пашней, — об этом нет сведений, а они-то и были бы необходимы для разрешения вопроса о достаточности или недостаточности наделов для земледелия. Как велико число малоземельных, можно судить уже по тому, что в 8-ми центральных губерниях, исследованных центральным статистическим комитетом, наделов в 1 и 2 десятины считается 21 %; а если к ним причислить наделы в 3 дес., равняющиеся теперь, с умножением населения, 2-х-десятинным, то получится 17 %, или 1.740.871 душа.

Нельзя не заметить, что вопрос о крестьянском землевладении ставится у нас, к сожалению, весьма неправильно — и не столько исследуется и обсуждается, сколько служит поводом и предлогом для борьбы партий. Есть у нас немало людей, которые убеждены, что имей крестьяне земельные наделы достаточного пространства, крупные и средние землевладельцы остались бы без рабочих рук. Иные идут еще дальше и строят все свои сельскохозяйственные расчеты на крестьянском малоземелье. Эти рассуждают так: от недостатка земли крестьяне приходят в нищету и готовы, по необходимости, наниматься в работу чуть ли не из-за куска хлеба, а нам это с руки; кроме того, недостаток земли вынуждает крестьян нанимать у соседних владельцев необходимые для них земельные участки на очень выгодных для помещиков условиях; стало быть, для последних малоземелье крестьян полезно. Опровергать тех, которые на чужом горе и чужой беде строят свое благополучие, конечно, не стоит; во всяком случае, государство не может [ни] сообразов[ыв]аться с такими взглядами, ни брать их в основание своих мероприятий. Вопрос, действительно заслуживающий внимательного рассмотрения и исследования, заключается в том, в самом ли деле крупные и средние хозяйства не могут держаться при хорошем состоянии мелких?

Особенная важность этого вопроса заключается не столько в его сельскохозяйственной, технической стороне, сколько в общественном и культурном значении у нас правильно поставленных и хорошо веденных больших и средних хозяйств.

Оставляя в стороне политические соображения и ограничиваясь однюю экономическою и культурною стороною дела, нельзя не заметить, что благоустроенные большие и средние хозяйства, рассеянные по всей стране, могут стать, при правильном и добросовестном ведении дела хозяевами, могущественным и благотворным орудием для поднятия благосостояния и развития образования между крестьянами. Каждое хозяйство открывает местному населению близкий рынок для сбыта произведений и для выгодных заработков, а вместе с тем естественный культурный центр, откуда полезные знания и привычки более зрелой гражданственности проникают в народные массы. Пока таких центров у нас не будет, до тех пор трудно ожидать поднятия экономического, умственного и нравственного уровня нашего крестьянства, разбросанного на таком громадном пространстве. Легкостью и удобством близкого заработка эти центры только и могут если не прекратить, то хоть значительно ослабить и уменьшить теперешние, чуть-чуть не по-

головные отлучки, иногда на многие годы, всего взрослого сельского мужского населения нечерноземных губерний, представляющие, как мы видели, рядом с выгодными и многие существенно невыгодные и вредные стороны. Благоустроенные хозяйственные и промышленные пункты могут удержать соседнее рабочее население на местах, поблизости от семейств, и заменить отдаленные культурные центры, где простой народ не только образуется, но и развращается.

При такой громадной важности среднего и крупного землевладения, большей у нас, чем в какой-либо другой европейской стране, естественно возникает вопрос: может ли оно удержаться при некоторой степени благосостояния и довольства рабочего земледельческого населения? У нас он до сих пор многими решался отрицательно. Этим, главным образом, и объясняется, почему интересы крестьян, со времени освобождения их от крепостной зависимости, были в совершенном пренебрежении и забросе. В их зажиточности и довольстве многие видели помеху развитию устроенных, цветущих средних и крупных хозяйств, необходимых для блага страны. Иначе нельзя себе объяснить того почти систематического устранения всего, что в каком бы то ни было отношении могло содействовать экономическому благосостоянию крестьян и поднятию между ними образования. Если эта наша догадка справедлива, — а другого сколько-нибудь разумного объяснения того, что у нас делалось в течение двадцати лет по отношению к крестьянскому вопросу, нельзя придумать, — то мы, по несчастию, сделались жертвою самого горестного недоразумения и совершенного незнания крестьян вообще и наших в особенности. По наглядным, живым примерам благоустроенных средних и крупных хозяйств, какие нам случалось видеть и каких, к сожалению, у нас до сих пор так мало, мы утверждаем, что зажиточность и довольство соседних крестьян для таких хозяйств ни мало не опасны; напротив, чем крестьянство зажиточнее и образованнее, тем большего процветания и развития могут достигать расположенные посреди него хозяйственные и промышленные пункты. Думать, что одна достаточность крестьян лишит хозяина, заводчика, фабриканта возможности иметь нужное количество рабочих рук, есть одно из самых странных предубеждений. Когда на мызу, фабрику или завод не идут рабочие из соседних крестьян, — это верный признак, что тому есть какие-нибудь особенные причины, не имеющие ничего общего с материальною обеспеченностью сельского населения.

Нам возразят, что опыт двадцати лет, прошедших со времени освобождения крестьян, доказывает невозможность существования средних и крупных хозяйств рядом с мелкими крестьянскими, даже при недостаточности земельных наделов крестьян. В подтверждение сошлются на известный всем факт, что в течение этого времени большинство помещичьих хозяйств почти повсеместно пришли в упадок и отчасти перешли в другие руки, между прочим, в руки мелких землевладельцев. Но указывающие на это несомненное, весьма печальное, явление забывают объяснить, при каких условиях, в какой обстановке оно совершилось и продолжает совершаться, а это существенно изменяет смысл, который ему обыкновенно приписывают. Огромное большинство помещиков не были приготовлены к ведению хозяйств коммерческим образом, без крепостного труда; денежные капиталы, вырученные чрез выкуп крестьянских наделов, а впоследствии полученные под залог имений в кредитных учреждениях, употреблены большею частью не на переустройство хозяйств сообразно с новыми обстоятельствами, а частью на уплату прежних долгов, частью на разные траты, непроизводительные для хозяйств. Самое же главное и прискорбное то, что большинство помещиков не могли или не умели помириться с прекращением крепостного права и необходимостью начать жить с бывшими крепостными как со свободными и равноправными соседями. Расстроенные свои дела большинство старалось по возможности поправить разными экономическими прижимками крестьян и рабочих и тем значительно ухудшили прежние, и без того не совсем дружелюбные, отношения, вытекавшие из крепостной зависимости.

Эти обстоятельства, а не надел крестьян землей, привели помещичьи хозяйства к упадку. Те, к сожалению, немногие из них, которые благополучно пережили крестьянскую реформу и находятся в более или менее хорошем положении, наглядно доказывают совместимость средних и крупных хозяйств с мелкими. С большим распространением сельскохозяйственных знаний, с развитием образования и гражданственности между крестьянами и владельцами и с умножением населения возможность совместного существования тех и других необходимо заменится взаимным их тяготением друг к другу, взаимною между ними связью, которая чем далее, тем будет становиться теснее, так как интересы тех и других не противоположны, а солидарны. Но, скажут нам, удобно и уместно ли теперь касаться вопроса о недостаточности крестьянских наделов? Не усилит ли это разные нелепые толки

в сельском населении? Не будет ли это на руку сеятелям смут? Не будь таких толков, или будь недостаточность крестьянских наделов тайной, мы, пожалуй, тоже сочли бы за лучшее до поры до времени вовсе не касаться этого вопроса. Но именно при теперешних обстоятельствах обходить его, значило бы приписывать ему опасность, которой он, без покрова таинственности, вовсе не имеет и не может иметь. Недостаточность во многих местностях крестьянского земельного надела ни для кого не тайна. Об этом говорят люди практические — помещики, купцы, духовные, чиновники, которых трудно подозревать в разрушительных идеях, а что касается нелепых толков крестьян, то они питаются и поддерживаются действительным, крайним недостатком земли у многих крестьянских обществ и совершенно безвыходным их положением. Пользуясь этим, соседние землевладельцы нередко немилосердно и близоруко возвышают арендные платы за свои земли до баснословных цен, а правительство не только отказывает крестьянам в какой бы то ни было помощи и содействии к переселению на свободные казенные земли, но, напротив, до сих пор, по крайней мере, всеми мерами затрудняло его даже в тех случаях, когда оно происходило само собою. Министерство государственных имуществ отдавало свои оброчные статьи[117] в содержание разным промышленникам, от которых крестьяне получали их за непомерно возвышенную арендную плату, и раздавало множество государственных земель, удобных для поселения, частным лицам в собственность даром или за ничтожную плату. Доведенные до совершенной крайности и отчаяния, крестьяне и фантазируют. При таких обстоятельствах заглушать и заминать вопрос о недостаточности земельных крестьянских наделов, значило бы только раздувать его до чудовищных размеров. Те, которые считают этот вопрос щекотливым, попадают в заколдованный круг, из которого нет выхода. Рассуждать о малоземелье многих крестьян, говорят нам, не следует, из опасения, чтоб это не подало повода к превратным толкам и химерическим надеждам. Под этим предлогом вопрос о малоземелье оставляется без разрешения, но благодаря этому, зло растет из года в год, и под конец превращается в целое народное бедствие, которое и порождает вздорные толки. Чтоб их прекратить, надо, напротив, прямо и смело поставить вопрос о недостаточности крестьянских наделов и обдумать, как ее устранить: тогда все толки прекратятся, и, как было во время отмены крепостного права, крестьяне, видя, что правительство вошло в их положение, станут терпеливо ждать решения. Теперешнее

положение выгодно только для распространителей ложных слухов и для тех, кто извлекает из него свои пользы. Им, конечно, желательно продолжить теперешнее положение дел на неопределенное время как можно дольше, и потому они искусно смешивают трезвый и спокойный взгляд знающих и мыслящих людей, указывающих на зло и необходимость положить ему конец, — с бредом, вымученным у части крестьян тяжелым их положением, и тем навлекают на всех, рассуждающих об этом предмете, подозрение в политической неблагонамеренности.

Очевидно, с вопросом о малоземелье крестьян происходит у нас теперь то же самое, что двадцать слишком лет тому назад происходило с вопросом о крепостном праве. Тогда, точно также, считалось крайне опасным для государства обсуждать его; все, указывавшие на необходимость покончить с крепостным правом, считались утопистами, вредными мечтателями, питавшими в глубине души недобрые замыслы. Но логика вещей взяла свое. Пришлось приняться за этот вопрос, и когда он стал обсуждаться в комитетах, комиссиях и в печати, тотчас же все умы успокоились, крестьянские бунты, число которых до тех пор из года в год росло, совсем прекратились, и переход к новому порядку совершился мирно и спокойно[118]. Попытки замять вопрос о малоземелье крестьян только обострили его и повели к распространению бессмысленных толков, к возбуждению ложных надежд и ожиданий, гораздо более вредных для землевладельцев, чем своевременная правильная постановка дела. Как известно, знаменитое циркулярное объявление одного из бывших министров внутренних дел[119] вместо того, чтоб успокоить умы, только подлило масла в огонь. Мало дальновидности показали и дворянские, и земские собрания, тщательно обходя вопрос о недостаточности крестьянских наделов; ибо от действительного факта нельзя ни отмолчаться, ни отчураться заклинаниями: с ним надо считаться, вывести его на свет Божий, обследовать без страха со всех сторон и, введя этим его действие в должные границы, сделать его безвредным. Нельзя же, в самом деле, серьезно отрицать, что если не во всех, то в очень многих местностях империи земледельческое население крайне нуждается в земле, потому ли, что ее отведено слишком мало или что она совсем или большею частью вовсе негодна для полевого хозяйства. Этой части земледельческого населения необходимо помочь, необходимо дать возможность приобрести совершенно необходимое количество земли вдобавок или взамен той, которою теперь владеет. Весь вопрос в том, как, каким

образом помочь и в какой мере? К сожалению, вопрос об оказании помощи крестьянам по увеличению их землевладения ставится у нас как-то слишком неопределенно и обще, что его запутывает и увеличивает и без того не малые трудности его решения. Приступая к этому вопросу, необходимо, прежде всего, дать себе ясный отчет в том, чего же именно мы хотим.

Представить себе такое общество, где каждый имеет довольно земли для безбедного прокормления с нее себя с семейством, значит просто-напросто фантазировать. В действительности, не может быть общества, в котором все кормились бы от земли, т. е. были бы поголовно земледельцами. Кроме того, как бы государство ни было богато землей, в нем, рано или поздно, должна наступить минута, когда от прироста населения земледельцам станет тесно, и они вынуждены будут изменить способы земледелия, чтобы с того же пространства получать больше произведений. Поэтому, когда возбуждается вопрос о малоземелье крестьян и о средствах ему помочь, речь идет вовсе не об идеальном снабжении всех и каждого землею, ни о постоянном расширении крестьянских пашен, по мере увеличения народонаселения. Задача несравненно проще и скромнее: надо доставить той части населения, которая теперь кормится от земли, возможность иметь ее в крайне необходимом количестве и удобную для возделывания. Есть ли вообще такая возможность или нет? Если она есть, то какими способами доставить землю нуждающимся в ней крестьянам? — вот ближайшие, практические вопросы, к которым, в конце концов, сводится вся задача, выдаваемая, одними по незнанию, другими не без задних мыслей, за опасную утопию, навеянную социальными и коммунистическими теориями. Если бы такая задача оказалась возможной, и удалось ее разрешить, то непосредственным результатом было бы не всеобщее, поголовное наделение всех землею, а упрочение теперешнего быта сельского населения в тех местностях, где оно занимается земледелием. Последствия этого были бы благотворные не только вообще для государства и общества, но и в особенности для самих крупных и средних землевладельцев. С упрочением быта земледельцев окрепла бы их оседлость, и прирост населения вызвал бы необходимость постепенного перехода к лучшим приемам земледелия, немыслимым при теперешней наклонности к бродяжеству, которая питается и поддерживается больше всего неблагоприятными условиями земледельческого быта, в особенности же малоземельем. Раз этот быт будет хоть

сколько-нибудь упрочен и обеспечен, около сельского населения станет лепиться и кормиться много бездомного и безземельного люда, деревенских ремесленников, рабочих и служащих, в которых сельчане нуждаются не меньше помещиков и горожан. Избыток населения, по мере его увеличения, шел бы на потребности соседних крупных и средних хозяйств, так как прочно-оседлое земледельческое население, имеющее какой-нибудь достаток, неохотно и не от радости сердца посылает своих подростков в далекие и рискованные отхожие промыслы; его вынуждает к тому одна лишь нужда.

<...> Спрашивается: каким образом помочь малоземелью наших крестьян? Меры для этого давным-давно указаны нашею периодическою печатью. Но прежде чем их рассматривать, скажем, для избежания всяких инсинуаций и заподозриваний, — которые теперь в таком ходу, — что мы в принципе отвергаем всякую мысль о расширении крестьянского землевладения с нарушением прав других землевладельцев, вообще отвергаем какие бы то ни было принудительные меры, так как они, устраняя сегодня одно зло, завтра производят еще худшее, что делает все вообще права шаткими. Вопреки добросовестным и недобросовестным уверениям многих, мы утверждаем, что и в самом сельском населении мысль о расширении крестьянского землевладения на счет других владений далеко не так распространена, как иные думают, хотя и несомненно, что сельский люд не питает к большинству землевладельцев и помещиков особенного благорасположения. Наконец, точно с такою же полною уверенностью мы утверждаем, что как только будут приняты серьезные и решительные меры к улучшению земельного положения крестьян, все нелепые, раздуваемые страхом толки тотчас же падут сами собою, и самое нерасположение к помещикам, о котором мы говорили, с ослаблением теперешнего экономического гнета с их стороны, сменится равнодушием к ним. Только не надо отлагать разрешения вопроса в долгий ящик, не надо доводить теперешнего положения до крайности.

Обратимся теперь к мерам, какими можно и должно пособить малоземелью крестьян.

Каких именно крестьян следует считать малоземельными? Вот первое, что представляется при обсуждении этого вопроса: ибо только им следует придти на помощь; прочим должно быть предоставлено самим, собственными средствами, пополнить недостаток земли, если они найдут, что у них ее мало.

Определить, какой надел признать в различных местностях достаточным, вообще чрезвычайно трудно. О произведении, с этой целью, особого исследования нечего и думать: оно по необходимости затянулось бы на многие десятки лет и все-таки не привело бы ни к каким результатам, так как наша сельскохозяйственная жизнь находится еще в младенчестве, условия далеко не установились и неизвестны, и потому для достаточности или недостаточности наделов не выработано еще общих, объективных признаков. Каждый судит о ней по-своему, и в массе различных критериев было бы невозможно разобраться и придти к справедливым и для всех безобидным заключениям. Вот почему необходимо принять другое мерило достаточности землевладения, более простое, готовое, всем известное и к которому все привыкли. За такое мерило должны быть приняты высшие размеры душевого надела, установленные по различным местностям империи Положениями 19 февраля 1861 года для наделения землею помещичьих крестьян при освобождении их из крепостной зависимости. Размер землевладения мы полагали бы определять не по наличному числу душ мужского пода, а по числу *ревизских душ*[120], *приписанных к селению с правом на надел землею.* Где по такому исчислению высшего душевого надела земли недостает, там на приобретение *недостающего количества* должно быть оказано селению пособие. В каком виде, — об этом мы скажем ниже.

Такое решение вопроса, как можно предвидеть заранее, не удовлетворит весьма многих. Нам заметят, что прирост населения с 1861 года во многих местностях уже обратил в действительности высший надел в средний или даже в низший, соразмерно с количеством наличных душ; что нормы, установленные Положениями 19-го февраля, не свободны от ошибок и во многих случаях более или менее уменьшены сравнительно с действительною потребностью в земельном наделе; что, наконец, нельзя и не следует при разрешении такого животрепещущего вопроса, каков вопрос об обеспечении крестьян землею, руководствоваться другими соображениями, кроме действительных потребностей настоящего времени, с которыми то, что было двадцать лет тому назад, может весьма существенно расходиться.

Признавая всю серьезность этих доводов, мы, со своей стороны, не можем с ними согласиться по соображениям, которые в настоящем деле должны, как мы думаем, тоже играть решительную роль. Об одном из них мы уже сказали выше: это — совершенная невозможность в

короткое время определить заново, на основаниях точных местных исследований, потребность в земле для крестьян. <...> Кроме того, мы никак не допускаем принципа, что по мере умножения народонаселения должен быть увеличиваем и земельный крестьянский надел. Очевидная нелепость такого принципа не требует доказательств. Если бы, при громадном количестве впусте лежащих государственных земель, и можно было, в продолжение некоторого времени, наделять крестьян землею по мере надобности, то и в таком случае принцип обязательного наделения должен бы быть безусловно отвергнут, не только по тем фантастическим надеждам и воззрениям, которые провозглашение такого принципа могло бы воспитать в земледельческих массах, но потому в особенности, что расчет на получение новых наделов поощрил бы косвенным образом крестьян оставаться при теперешних безобразных порядках и способах пользования землею, не заботясь об улучшении земледелия.

В виду всего сказанного, мы смотрим на расширение крестьянского землевладения, как на меру временную, вызываемую не общими теоретическими или социальными соображениями, а единственно настоящим положением известной части крестьян-земледельцев. Она должна поправить и довершить дело раскрепощения и положить на будущее время прочное основание развитию правильно устроенного класса земледельцев, в котором мы так сильно нуждаемся. Как довершение крестьянской реформы, увеличение крестьянского землевладения должно примкнуть к законоположениям, создавшим у нас класс свободных земледельцев, опираться на них и быть лишь их ближайшим осуществлением и применением. Только в таком виде вопрос о расширении крестьянского землевладения высвободится из туманной неопределенности общих соображений и получит точную, легко определимую форму, необходимую во всяком практическом деле. <...>

Итак, мы полагаем необходимым оказать крестьянам со стороны государства пособие на приобретение того количества земли, какого им теперь недостает до высшего размера по Положениям 19-го февраля 1861 года и по числу *ревизских* душ.

В каком виде могло бы быть оказано пособие?

Для этого представляются три способа, давно уже указанные с разных сторон: во-первых, отвод земель из соседних незаселенных казенных земель и оброчных статей; во-вторых, пособие со стороны казны на покупку земли крестьянами по добровольному соглашению с част-

ными владельцами и, наконец, в-третьих, добровольное переселение крестьян на свободные государственные земли с пособием от казны.

Первая из этих мер — прирезка недостающей до полного надела земли из соседних незанятых казенных земель и оброчных статей — не только была бы полезна для крестьян, но и для самой казны. Это был бы самый простой и самый выгодный в финансовом отношении способ извлекать доход из государственных имуществ этого рода. Отдача государственных земель в содержание или оброк иногда за крайне низкие цены, с отводом их крестьянам, заменилась бы гораздо более прибыльным для казны взиманием хотя бы умеренного поземельного оброка, не говоря о косвенных выгодах, какие казна и народное хозяйство извлекали бы из обращения необитаемых пространств в населенные. Вместе с тем, прекратилась бы необходимость в управлении розданными землями, центральном и местном, что, в свою очередь, доставило бы казне значительные сбережения. <...>

Где отводом дополнительных наделов нельзя пособить малоземелью крестьян по недостатку казенных земель и оброчных статей, там государство может помочь крестьянам своим посредничеством при покупке ими земель по добровольным сделкам от частных землевладельцев. Согласно с тем, что сказано выше, эта мера может относиться только к тому пространству земли, которое будет прикупаться в дополнение к существующим наделам до высшего их размера, и притом не в личную и частную собственность крестьян, а в общую собственность селений. При таких условиях, участие государства в покупке земель крестьянами будет поставлено в точные границы, в которых оно только и возможно, и не расплывется в общую, неопределенную помощь всем вообще крестьянам, желающим купить себе земли, — помощь невозможную, превышающую средства государства, и вдобавок, по нашему убеждению, ненужную. Государство может и должно только помочь нужде крестьян, а вовсе не призвано распространять крестьянское землевладение вообще.

<...> Наконец, в тех случаях, когда оба указанные способа пополнения крестьянского землевладения до нормы окажутся невозможными, придется прибегнуть к последнему, именно к добровольному переселению крестьян на свободные государственные земли с пособием от казны.

Одной из самых прискорбных и крупных ошибок управления государственными имуществами, со времени оставления его графом Кисе-

левым[121], было бесспорно то, что организация правильных переселений малоземельных крестьян на свободные государственные земли с пособием от правительства была отменена. Плодом забот графа Киселева был целый кодекс хорошо обдуманных правил по этой важной отрасли государственного управления, — кодекс, который теперь вычеркнут из свода законов. Не будь сделано этой капитальной ошибки, взгляни управление государственных имуществ на дело не с узко-фискальной и буржуазной, а с русской государственной точки зрения, продолжай оно дело, организованное талантливым и прозорливым министром, — и государство, и народное хозяйство, и финансы были бы в выигрыше, и мы бы не были теперь озабочены вопросом о малоземелье крестьян, не было бы неудовольствий между крестьянами и владельцами и никакого помину о нелепых слухах в народе. У нас в России переселение малоземельных крестьян на свободные государственные земли представляет, благодаря обширности пустых пространств, ни с чем несравнимое преимущество перед всеми европейскими государствами; но, к несчастью, пользоваться им мы не хотим или не умеем. Переселение из густонаселенных местностей в ненаселенные или малонаселенные губернии и области дает государству возможность обратить пустыни, особливо на окраинах, в обитаемые страны и тем окончательно и бесповоротно сплотить их с государством узами однородного населения, которые приращивают области крепче и прочнее всякой географической границы и международных трактатов. Кроме того, новые поселения, как мы уже заметили выше, лучший способ извлекать доход из государственных земель, так как никакие оброчные статьи не дадут и не сберегут государству столько, сколько населенный край. Наконец, переселение, освобождая переполненную жителями местность от избытка населения и тем снимая с нее тяжкое бремя нуждающихся и бесполезных людей, и давая им полезное назначение в другом месте, где они нужны, открывает остающимся возможность расположиться просторнее и тем избавляет их от вымучиваемых нуждою отхожих промыслов, которые, в конце концов, далеко не окупают приносимой ими земледельческому населению пользы. Эти соображения величайшей государственной, финансовой и экономической важности заставляют желать скорейшего восстановления системы правильных, организованных переселений крестьян и применений ее в возможно широких размерах, конечно, с теми изменениями правил, действовавших при графе Киселеве, которых требуют изменившиеся обстоятельства.

Признавая одною из настоятельнейших потребностей настоящего времени снова, и по возможности скорее, возвратиться к этой мере, мы, однако, считаем необходимым, для предупреждения всяких недоразумений, оговорить, во-1-х, что выселение малоземельных крестьян на новые места может быть производимо не иначе, как по их доброй воле и собственному усмотрению; и во-2-х, что право на получение со стороны казны пособий на переселение должно быть предоставлено только тем из крестьян, водворяющихся на новые места, которых переселение необходимо для наделения землею остающихся в размере не более высшего или нормального надела. В этих видах необходимо было бы установить строгое различие между *поощрением* к переселению и *облегчением возможности* переселиться.

Как бы, впрочем, переселение крестьян ни совершалось, с пособием или без пособий со стороны казны, оно, во всяком случае, должно быть правильно организовано, а не предоставлено, как теперь, судьбе и всякого рода случайностям.

<...> В таком виде представляется нам вопрос о малоземелье крестьян, который, Бог знает почему, считается у нас неудобным, щекотливым и даже опасным. Одно горестное непонимание дела причиною, что около этого вопроса скопились преудивительные и престранные недоразумения, и что он рассматривается и толкуется вовсе не в том смысле, как его ставит сама жизнь. Пока мы между собою спорим, взводя друг на друга, по поводу этого вопроса, самые вздорные и нелепые обвинения и клеветы, зло растет и может, наконец, вырасти в нечто действительно опасное, но вовсе не потому, что оно обсуждается, а единственно оттого, что для его ослабления ничего не делается. Пора перестать надеяться, что от действительного факта можно отмолчаться. Одни дети да страусы уверены, что нет опасности, которой они не видят. Вопрос о крестьянском малоземелье не имеет ничего общего с социалистическими и коммунистическими теориями и может быть разрешен, без малейшего нарушения чьих-либо прав и законных интересов, законодательными и административными мерами, полезными не только непосредственно для крестьян, но и для общества и государства.

Доставить земледельцам поземельные наделы достаточных размеров и годные для обработки есть лишь начало дела, — первый шаг, необходимая предпосылка по устройству их быта. Вторая мера, столько же необходимая, без которой первая не принесет ожидаемой пользы, есть

правильное устройство крестьянского владения. Каждому, кто видал крестьянский быт вблизи, не раз случалось наблюдать, что даже полные наделы и хорошего качества отведены крестьянам так неудобно и невыгодно, что пользование ими почти невозможно или же сопряжено с крайними затруднениями. Во многих случаях устройство землевладения ставит их в полную, чрезвычайно тягостную и разорительную зависимость от соседних владельцев, большею частью от бывших их помещиков. Нам лично известны случаи отвода части пашенной земли крестьянам, при увольнении их из крепостной зависимости, за пятнадцать верст от селения; гораздо чаще, почти везде, допущена вредная чересполосность крестьянских наделов с землями их бывших владельцев; нередко наделы отведены таким образом, что господская земля подходит к самому селению. Во всех этих случаях положение крестьян самое тяжкое. Ни оберегать, ни обрабатывать пашни, находящиеся в далеком расстоянии от селения, крестьяне внутренних губерний не могут и вынуждены отдавать их в наем; а это уменьшает, более или менее, и без того скудные их пашни.

Такие последствия отвода крестьянских наделов без всякого внимания к нуждам и пользам сельчан хорошо известны всем, кто знаком с деревенскими делами и порядками. У нас теперь идут большие толки о дурном состоянии земледелия у крестьян, о необходимости ввести в их полевое хозяйство травосеяние, многопольную систему, об умножении у них скота и т. п., но о том, что ни то, ни другое, ни третье немыслимо при чересполосице крестьянских земель с помещичьими, при разбросанности наделов в разных, иногда отдаленных друг от друга, местах, при стеснительном для крестьян очертании их земли, — об этом мало кто думает. Прежде, чем говорить об улучшениях крестьянского полеводства, надо сделать их возможными и выполнимыми, а первое условие их возможности есть сосредоточение крестьянских пашен около селений и прекращение чересполосицы. Надо, чтобы все крестьянские пашни находились в одной меже, непосредственно у селений, и чтобы к последним не примыкали в упор господские земли. Вместо того, чтобы этому всячески способствовать, чтобы поставить округление крестьянских пашенных земель во главу угла благоустройства селений, закон не указывает к тому никаких способов, кроме добровольного соглашения, которое во многих случаях по весьма понятным причинам не может состояться. Редкий помещик захочет добровольно поступиться выгодами, которые ему доставляет чересполосица и

разбросанность крестьянских земель. Мало того: Положения 19-го февраля — совершенно непонятно, почему — лишили крестьян права требовать не только более правильного и удобного отвода наделов, но даже уничтожения чересполосицы с бывшими своими помещиками. Таким образом, по недосмотру в законе и по ошибке, допущенной в Положениях 19-го февраля, теперешний порядок владения надельной пашней, стеснительный и разорительный для крестьян, ставящий их в тягостную хозяйственную зависимость от их бывших помещиков и не допускающий никаких улучшений крестьянского полевого хозяйства, грозит удержаться, вопреки желанию и воле крестьян, навсегда. Этим увековечивается источник серьезного разлада между мелкими землевладельцами с одной стороны, средними и крупными с другой, — разлада, который желательно было бы всячески и скорее ослабить и похоронить, а не раздувать до ожесточения и ненависти.

Как ни незначительным может показаться с первого взгляда недостаток правильного устройства и округленности крестьянских пашен, но мы по опытам, которые имели перед глазами, убеждены, что он, для упрочения крестьянского быта и благосостояния, имеет такое же, если даже не большее, значение, чем увеличение крестьянских наделов. Причина та, что от недостатка наделов страдает лишь часть, и притом сравнительно небольшая, крестьянских обществ, тогда как неустройство крестьянского землевладения у бывших помещичьих крестьян есть зло крайне распространенное, почти повсеместное, которое особенно гибельно отзывается на их хозяйственном быте и служит главною причиною их недружелюбных отношений к владельцам. Вот причина, почему мы считаем правильное устройство крестьянского землевладения делом величайшей общественной и государственной важности. Необходимо с ним покончить, и притом не откладывая в долгий ящик.

<...> У нас обыкновенно надеются обеспечить правильное применение закона множеством контролирующих инстанций и сложными, мелочными формальностями; но этим цель не достигается, а создается новое зло, которое почти всегда хуже и тягостнее того, которое имелось в виду отвратить. Правильнее было бы подрезать зло в самом корне — хорошим выбором людей. Рано или поздно мы должны будем к этому придти; а в деле, о котором идет речь, осторожный и умелый выбор людей будет иметь огромное, решающее значение и для настоящего, и для отдаленного будущего.

III. Какая желательна форма крестьянского землевладения

С дополнением, где нужно, наделов земледельцев и правильным устройством их землевладения должно идти рука об руку более точное и обдуманное определение прав земледельцев на отведенные им наделы. В основных законоположениях, создавших в минувшее царствование класс свободных земледельцев в России, допущены были по этому предмету крупные ошибки, а последующее развитие крестьянского дела, вместо того, чтоб их исправить, только усугубило их, под влиянием односторонних воззрений, свидетельствующих о непонимании задачи и незнании быта нашего земледельческого населения.

<...> С освобождением земледельческого населения от крепостной зависимости и административной опеки естественно возник вопрос: какая же форма землевладения желательнее для упрочения и улучшения быта земледельцев?

Огромное большинство наших образованных и мыслящих людей ставило и решало этот вопрос так, как он был поставлен и решен в Европе. По этому взгляду, общинное землевладение есть непреодолимая преграда для развития гражданской и экономической свободы, для успехов земледельческой производительности и правильного сельского хозяйства, наконец, для установления правомерных отношений между людьми. Общинное землевладение, — говорят поборники этого взгляда, — везде существовало во времена варварства и везде, с успехами гражданственности, заменено личною поземельною собственностью. Стало быть, тем же путем должны идти и мы.

Под влиянием таких воззрений составлены Положения 19 февраля. Уступки сделаны в пользу существующих у великорусских и белорусских крестьян понятий и привычек, которых закон не хотел изменять насильственно. Но в Положениях 19 февраля всюду просвечивает убеждение, что с успехами гражданственности сами крестьяне захотят отказаться от общинного землевладения, и закон указывает им разные способы к выходу из этого порядка пользования землею.

Однако никто еще не опровергал и не мог опровергнуть наблюдения, что начало личной поземельной собственности действует на мелкое землевладение разрушительным образом. Право личной собственности обращает землю в предмет купли и продажи, в товар, который под влиянием неравной конкуренции между богатыми и бедными мало-помалу переходит в руки первых, сосредоточивается в них и рано или

поздно отдает в их власть обезземеленные и обездоленные массы, которые, вследствие того, обращаются в батраков и пролетариев. Что это не одно предположение, а действительный факт, подтверждается бесчисленными наблюдениями не только в Малороссии, но и в Западной Европе. В странах с высшей культурой значительная часть населения притягивается фабричною и торговою деятельностью; этим отчасти парализуются, отчасти скрадываются от глаз вредные последствия обезземеливания; но там, где промышленность и торговля мало развиты и требуют не много рук, где большинство населения кормится от земли, там расстройство мелкого поземельного владения гибельно отзывается на благосостоянии и быте народных масс.

Эти различные наблюдения и выводы из своих и чужих опытов послужили основанием для различных воззрений на устройство нашего крестьянского землевладения.

Те, которые видят в землевладении залог прочного обеспечения и будущего благосостояния крестьян, стоят горой за общинное землевладение и хотели бы заменить им между крестьянами личную поземельную собственность даже там, где последняя успела уже прочно укорениться. Люди культурных стремлений вообще, без определенной программы, желали бы отмены общинного землевладения, как существенной помехи индивидуальному развитию и успехам сельской промышленности. Наконец те, которые видят залог благоустройства государства в сильной поземельной аристократии или в богатой буржуазии, представительнице промышленности, торговли и капитала, и подавно желали бы скорее отделаться от общинного землевладения, которое, правда, доставляет жалкое прозябание народным массам, но зато не дает сложиться и устроиться тем высшим слоям общества, без которых, по их мнению, немыслимо развитие и процветание государства.

Каждое из этих воззрений отстаивает свою более или менее ясно сознаваемую программу всеми способами, не останавливаясь ни перед какими. Послушать одних, защитники общинного владения — ярые демократы, социалисты и коммунисты, или поборники варварства и азиатского строя жизни, враги культуры и прогресса; в устах других, противники общинного землевладения — крепостники, олигархи, люди, приносящие народные массы в жертву себялюбивой аристократии и бездушному золотому мешку, или же пустоголовые болтуны, отказавшиеся от своей народности, поющие с чужого голоса, раболепные прислужники западноевропейской цивилизации.

Кто прав, и на чем остановиться посреди этих разнообразных мнений, недоразумений и инкриминаций[122]? Вот вопрос, который, прежде всего, предстоит разрешить.

Если, как доказывают факты, общинное владение есть наилучшее, наидействительнейшее[123] средство против обезземеления народных масс и сосредоточения землевладения в руках немногих капиталистов, во вред и ущерб большинству населения, то общинное владение необходимо не только сохранить, но поддержать и утвердить законом. Особливо это необходимо у нас, при малом развитии перерабатывающей промышленности и торговли и при громадном преобладании земледельческого населения, которое <...> составляет характеристическую особенность русского государства.

Но если общинное землевладение представляет твердый оплот против обезземеления народных масс, то оно, в теперешнем своем виде, несомненно имеет и весьма существенные неудобства. Участник общинного землевладения связан по рукам и ногам; он не может возделывать своего участка, как бы ему хотелось, а должен волей-неволей подчиниться порядку полеводства, которого держатся все прочие члены одного с ним общества. При таких условиях личный почин в улучшении хозяйства невозможен; надо, чтобы все сельское общество признало необходимость такого улучшения, а это делается не скоро, тем более, что при невозможности отдельных личных попыток улучшить хозяйство и поставить его на другую ногу, у большинства не может быть перед глазами образцов, которые побудили бы его последовать хорошему примеру. Оттого это большинство, как мы и видим, упорно и насильно остается при старых полевых порядках гораздо дольше, чем бы того требовали его собственные, очевидные выгоды. Мало того, при повсеместных теперь в обществах с общинным пользованием землею более или менее частых переверстках земельных участков между хозяевами и переделах всей земли по числу душ или работников, никто из хозяев не может быть уверен, что его тщательно унавоженные и обработанные пашни не достанутся, нынче-завтра, другому, в обмен на истощенные, запущенные и дурно обработанные. В обществах, где ожидается передел земли, хозяева задолго перестают вывозить в поле навоз из опасения, что его трудами и затратами может воспользоваться нерадивый и беспечный хозяин. Такие примеры мы имеем у себя перед глазами, — говорим на основании фактов. Очевидно, что подобные условия крайне неблагоприятны для сельского хозяйства и положительно мешают его развитию.

Одни, опираясь на сельскохозяйственные, экономические, юридические и политические доводы, желали бы водворить у нас такое же исключительное господство начала личной поземельной собственности, как в Европе, и на этом основании требуют отмены общинного землевладения. Ратующие за такую отмену без задних мыслей ссылаются на пример Европы, где упразднение общинного владения шло рука об руку с водворением правильной эксплуатации земли; но они не обращают внимания на то, что в Европе упразднение общинного владения совершено в пользу среднего и крупного землевладения, что оно там шло рука об руку с обезземелением мелких владельцев и создало сельский пролетариат в огромных размерах. Этого они, конечно, не желают, а именно этого-то и желают все требующие с заднею мыслью отмены общинного владения. Таким образом, невозможность вести полемику начистоту приводила в один лагерь, под одно знамя стремления, не имеющие между собою ничего общего. Отбросьте заднюю мысль обезземеления крестьян, и требование отмены общинного землевладения сведется к требованию иного распорядка крестьянского землевладения, более благоприятного для сельского хозяйства, чем тот, какой теперь существует при общинном владении. Против такого требования едва ли кто станет спорить.

Такое же смешение языков мы находим и между поборниками неприкосновенности крестьянского землевладения. Огромное их большинство отстаивает общинное владение не потому, чтобы дорожило теперешними распорядками земли между общинниками, а потому, что видит в отмене общинного владения первый шаг к обезземелению крестьянства и ко всем нескончаемым бедствиям, которые отсюда проистекают. Очевидно, и в этом случае невозможность прямо и открыто стоять за крестьянскую поземельную собственность, необходимость говорить иносказательно вынудила прикрыться общинным владением, чтоб отстоять права крестьян на землю. Но между этим их правом и общинным владением нет ничего общего. Поборники последнего допускают возможность отмены существующих теперь у общинников распорядков землевладения и замены их другими, лучше отвечающими потребностям правильного земледелия. Но общинное землевладение, как мы видели, и есть только известный распорядок земли между членами общины. Прав на землю он не определяет. И потому отбросьте опасение, что с отменою общинного землевладения уничтожится крестьянская поземельная собственность, и число его поборников тотчас же значительно сократится.

Таким образом, полемика, которая теперь ведется, как почти все наши русские споры, осложнена с обеих сторон задними мыслями; чтобы выбраться, наконец, из путаницы форм старинного, исчезнувшего быта с новыми задачами, надо строго различать те и другие и исследовать их особо, не смешивая их между собою. Всякий знает и понимает, что от старого нельзя разом перешагнуть к новому, что особливо сельские массы чрезвычайно медленно и туго изменяют формы своего быта, свои привычки, понятия, взгляды. Но считаться с ними, обращаться бережно и осторожно, не производить крутой ломки в быте народном, не значит еще возводить то, что уже пережито, в руководящий принцип, в политический и законодательный догмат. Надо знать, что было, чтоб ясно видеть куда идти, куда направлять жизнь, которая создаст новые потребности и соответствующие им формы. Прошедшее завещало нам много такого, чем мы можем воспользоваться для удовлетворения новых нужд, и немало такого, что этому мешает. Надо употребить в дело первое и устранить последнее. Вот наша задача в настоящем и ближайшем будущем. Цель — упрочить за земледельческим населением отведенные ему земли, обеспечить его навсегда от обезземеления и устроить распорядок земель между крестьянами удобным и благоприятным для развития земледелия образом.

Многое в этом направлении уже сделано, но еще больше остается сделать. Прошедшее завещало в привычках и воззрениях великорусского и белорусского племени владение землею целым сельским обществом, без раздробления в частную собственность между отдельными домохозяевами. <...> Положения 19 февраля 1861 года возвели это обычное начало в закон и, отменив прежние *единогласные* постановления всех домохозяев об обязательных для всех распорядках земли, ввели, вместо них, постановления о том же предмете *по большинству голосов.*

<...> К сожалению, рядом с этим основным началом введены разные противоречащие ему правила под влиянием предубеждения, будто, рано или поздно, переход общественной земли в личную собственность должен неизбежно совершиться. Так, допущен выкуп усадеб в личную собственность без пашен и других угодий; допущен выкуп целого надела, с вымежеванием его из общинной земли; допущен раздел общинной земли между всеми домохозяевами; вся выкупная операция, с пособием от правительства, рассчитана на последующее обращение общинной земли в подворную личную собственность;

в землях, отведенных в надел государственным крестьянам, каждому домохозяину предоставлено право продать свой надел односельцу или постороннему лицу на правах собственности. Таким образом, последним результатом органических мер по созданию класса свободных землевладельцев будет обращение общинной земли в личную собственность домохозяев, а впоследствии из этого неминуемо произойдет то, что было везде, — постепенное обезземеление крестьян и скопление их наделов в руках немногих промышленников и капиталистов. Если бы подобное превращение общинной земли в личную и частную собственность обязательно сопровождалось округлением наделов и выделением их в особые хозяйственные единицы, такую меру можно было бы если не оправдать, то, по крайней мере, объяснить желанием создать условия, благоприятные для земледелия и культуры, которых мы, при теперешних распорядках общинной земли, не находим. Но ничего подобного не было сделано. Общинные земли, обратясь в личную собственность крестьян, по-прежнему останутся разбитыми на мелкие полоски с удержанием чересполосицы. Отменятся, правда, переделы и переверстки пашен; но изменить теперешнее, крайне неудобное и стеснительное для правильного хозяйства распределение пашен станет, с обращением их в частную собственность крестьян, еще несравненно труднее и не будет уже, как теперь, зависеть от мирского приговора. Таким образом, теперешняя разорительная трехпольная система увековечится, и к улучшению крестьянского хозяйства будут закрыты все пути. Теперь, пока выкупная операция еще не совершилась, все это еще поправимо; но когда она завершится, и начало личной поземельной собственности окончательно водворится, мы должны будем испытать на себе все горькие последствия социальной дезорганизации, которая составляет ахиллесову пяту и темное пятно в быте европейских государств.

Соединить для крестьян все выгоды прочного водворения и наследственного владения землею с условиями, благоприятными для развития и усовершенствования земледелия можно, по нашему крайнему убеждению, лишь признав земли, отведенные в надел крестьянам, за *неприкосновенную и неотчуждаемую собственность сельских обществ и предоставя членам обществ лишь право наследственного владения и пользования этою землею без права ее закладывать или каким-либо образом отчуждать на правах собственности.* Мы непоколебимо убеждены в том, что только таким устройством землев-

ладения будет обеспечен и упрочен быт земледельческого населения не у нас одних, но и всюду, и разрешится вопрос о сельском пролетариате, озабочивающий теперь правительства, владеющие классы и мыслящих людей в целом мире.

Признанием сельских обществ вечными собственниками земель, отведенных в надел крестьянам, без права их отчуждать и закладывать, создается крестьянская земля, изъятая из обращения, не подлежащая купле и продаже, чем устранятся все опасности обезземеления крестьян через скупку их наделов немногими лицами.

Признанием за каждым домохозяином права наследственного владения и пользования отведенным ему наделом устранится крайне вредный для успехов земледелия периодический передел земель, необеспеченность прав лица перед сельским обществом по владению землею. Но вместе [с тем] сохранится весьма драгоценное право общества, по взаимному соглашению домохозяев, уничтожить чересполосицу, изменить теперешнее распределение полей, ввести улучшенную эксплуатацию земли, завести участковое ею владение в одном месте или в нескольких местах, но не в общих полях с другими и т. п. Этим устранятся все невыгодные последствия теперешнего общинного землевладения, но сохранятся и все незаменимые полезные его стороны, которые, с введением личной собственности домохозяев на отведенные им наделы, должны, к несомненному вреду земледельческого населения, совсем исчезнуть.

С отменой периодических переделов земли прекратится и уравнение земель между всеми членами сельского общества и право каждого из них на равный с другими земельный надел.

Против этого можно ожидать различных возражений.

Одни увидят в этом посягательство на принцип равного права всех на землю, — принцип, который будто бы живет в теперешнем общинном владении. Но поборники этого принципа забывают, что такое равенство есть остаток не эпохи гражданской свободы крестьян, а напротив, как мы объяснили выше, выработалось из условий прикрепления к земле, закрепощения и подушного обложения податями, повинностями и службами, следовательно, и не имеет того значения, какое ему приписывается, и должно исчезнуть вместе с условиями, которые его создали. Кроме того, право каждого на землю и равноправность в наделе землею есть самообольщение, едва ли стоящее опровержения.

<...> Другие, не идя так далеко и оставаясь на практической почве, укажут на невозможность провести предлагаемое нами поземельное устройство при теперешних наших административных, финансовых и полицейских порядках. Но мы и не считаем возможным, при существовании таких порядков, провести какую бы то ни было полезную перемену в теперешнем положении наших земледельцев.

Пока подати и повинности лежат на душах, необходима паспортная система; пока подати и повинности так несоразмерно превышают доходы, доставляемые крестьянам землею, до тех пор не может быть и речи об упрочении их быта на теперешних местах их оседлости, так как во многих местностях земельный надел не есть право, преимущество или выгода, а напротив, бремя, тягость, которая навязывается насильно и от которой крестьянин рад отделаться; пока существует круговая порука, ответственность всех домохозяев селения за своих односельцев, неисправно платящих подати и отбывающих повинности, до тех пор нечего и говорить об освобождении крестьян от теперешней, почти крепостной, их зависимости от мира и мирских заправил. В общественном, как и во всяком организме, все находится в тесной взаимной связи и взаимно одно другое обусловливает; так и в настоящем случае. Нечего и помышлять о правильном разрешении крестьянского вопроса, не изменив тех условий, которые были и суть причиною неправильной, ненормальной постановки у нас крестьянского дела. Прикрепление к земле, крепостное право, тяжкие личные налоги и повинности и вытекающие из них принудительная круговая порука и паспортная система — логически привели к рабской зависимости крестьян от помещика, от чиновника, от мира. Как крестьянин освобожден от одного из этих трех видов рабства, также точно он должен быть освобожден и от остальных двух. Прямой налог должен быть приведен к подати с земли, не превышающей некоторой и притом небольшой части чистого дохода, которую она теперь приносит. Мирской, земский и другие сборы точно также должны быть ограничены небольшою же долею чистого дохода от земли.

<...> Замена крепостной, вынужденной оседлости земледельцев добровольною, связанною с собственным интересом, — вот к чему следует идти. Только с разрешением этой задачи, давно уже стоящей на очереди, земледельческий быт у нас устроится и окрепнет. Теперь подати, сборы и повинности, гласные и негласные, прямые и косвенные, не дают большинству крестьян возможности подняться и стать

на ноги. Надо существенно облегчить их бремя, и они, оправившись и войдя в силу, легко будут платить от избытков больше теперешнего.

<...> При таком новом порядке дел поземельные права сельских обществ и поселенных на их землях крестьян, а также и взаимные их отношения по землевладению определятся в следующем виде:

Сельское общество, в смысле юридического лица, станет собственником земли, отведенной в надел крестьянам, но без права закладывать или каким бы то ни было образом отчуждать ее. Единственное назначение этой земли — служить для раздачи земледельцам в бессрочное наследственное владение и пользование. Обращать крестьянские наделы в выгодные оброчные или доходные статьи, отдаваемые в содержание, должно быть безусловно запрещено законом. Распоряжение землею в пределах прав, предоставленных на нее обществам, и с теми ограничениями, которые установятся в силу прав земледельцев, получивших ее во владение и пользование, должно, как и теперь, принадлежать членам общества по установленному законом большинству голосов.

<...> Земледельцы, принадлежащие к обществу, держат отведенную им общественную землю на правах бессрочного и наследственного владения и пользования. Пока она остается за ними, никто, даже целое общество, не в праве отобрать у них эту землю, разве только в случае неисправности по отбыванию податей и повинностей. При новом распорядке земель по большинству голосов домохозяев, каждый из них сохраняет право получить, в замен отходящей от него земли, другую, в том же количестве и такого же качества. Отчуждать и закладывать землю, полученную от общества, владелец ее не в праве. Выморочные и брошенные владельцами участки возвращаются в распоряжение общества; в случае же смерти владельца на участок его имеет ближайшее право его жена, дети и вообще нисходящее потомство. Никто не имеет *права* держать бессрочно и наследственно более одного надела не только в одном обществе, но хотя бы и в разных обществах. Два и более надела *могут быть* отданы одному владельцу лишь на время, впредь до предъявления на них прав другими, не имеющими своего надела. Отступление от этого правила может быть допущено в пользу многочисленных семейств и тому подобных случаях.

<...> Уменьшение или увеличение *того или другого* надела, изменение его очертаний, переверстка и обмен его частей допускаются не иначе, как с согласия самого владельца и общества. Без согласия владельцев допускается, по решению установленного законом боль-

шинства членов общества, в виде общих мер, обязательных для всех владельцев в обществе: передел всех земель, новое распределение участков, увеличение или уменьшение их размера, введение новой системы хозяйства и т. п. Все такие *общие* меры, подобно частным, касающимся одного надела, могут быть обжалованы в суд, о котором сказано выше.

Таковы главные черты того поземельного устройства, которое мы считаем необходимым для обеспечения и упрочения быта земледельческого населения. Оно устранило бы недостатки теперешнего, на которые было указано выше, и в то же время восстановило бы основные черты наших старинных крестьянских общин с теми дополнениями и разъяснениями, которых требует более зрелая гражданственность и определившийся быт государства. Такое устройство окончательно сняло бы с сельского населения тройное ярмо крепостной зависимости, под которым оно так долго стонало, и открыло бы путь всяким усовершенствованиям крестьянского полеводства по мере распространения в земледельческих массах более правильных понятий о земледелии и сельском хозяйстве. В числе важных преимуществ такого устройства следует в особенности указать на то, что оно близко к теперешним понятиям и привычкам крестьян и, не ломая, не насилуя их быта, поставило бы всякие успехи и улучшения в зависимость от их постепенного умственного, нравственного и экономического развития; для тех же земледельцев, которые вырастут из тесных рамок общего уровня и быта земледельцев, будет открыто, как и теперь, обширное поле деятельности вне сельской общины. Ее единственное назначение — успокоить, обеспечить и устроить земледельческие массы. Эта цель предлагаемым устройством будет достигнута исподволь вполне. <...>

X. Способы к успешному проведению крестьянской реформы

Пока мы между собою спорим и не можем столковаться в основных вопросах, жизнь идет своим путем, выводя поочередно, без спроса с нами, явления в известной исторической последовательности. Такую центральную русскую задачу, каково поднятие материального быта, умственного и нравственного состояния крестьян, нельзя ни отдалить, ни заговорить никакими софизмами и парадоксами. Разные факты, крупные и мелкие, с виду незначительные, показывают, что эта задача назревает и в скором времени выдвинется на первый план, назойливо

требуя безотлагательного решения. Готовы ли мы к тому или нет, способны ли взять дело в свои руки и вести его или неспособны, — перед этим жизнь, действительность, развитие останавливаться не станут.

Правительству первому придется ведаться с этой задачей практически и, так или иначе, ответить на великую государственную и национальную нужду. Нельзя не предвидеть, что это дело, обнимая почти все стороны народной жизни, по своей обширности и многосторонности будет несравненно труднее великого правительственного и народного акта, который двадцать лет тому назад ему предшествовал. На совершение этого нового дела потребуются все материальные, умственные и нравственные силы страны, так как речь будет идти о коренном перерождении всего русского народа и окончательной выработке основ его дальнейшего экономического, гражданского и духовного существования и развитая.

<...> Как этого достигнуть с устранением тех прискорбных, вольных и невольных ошибок и нарушений, которые омрачили при практическом применении, великую реформу крестьянского быта в шестидесятых годах?

Разрешение этого вопроса чрезвычайно трудно, — гораздо труднее, чем определить главные основания и самые подробности преобразования; а между тем все его значение и его благотворные последствия будут существенно зависеть от правильного и строго-добросовестного применения в действительности.

Трудности осуществления коренной крестьянской реформы зависят у нас, главным образом, от свойства и характера установившихся на практике приемов нашей администрации, от умственного и нравственного состояния всех классов русского общества и от крайне низкой степени развития крестьян.

Провести коренную крестьянскую реформу посредством одних административных органов немыслимо; да об этом едва ли кто теперь и думает. Устраняя здесь совершенно вопрос о разных недостатках нашего административного механизма, заметим, что характерная черта всякой администрации, хотя бы и наилучшей, заключается в более или менее беспощадном применении формы. Эта черта вытекает из самого существа администрации и смягчается другими отправлениями государственной и общественной жизни, высшими общими правительственными соображениями, судом, нравами и культурой. Сама по себе администрация формальна и беспощадна, как всякий механизм,

исполняющий свое дело. Но именно это его свойство делает невозможным провести, посредством одной лишь администрации, какое бы то ни было живое дело, требующее осторожного обращения с живыми лицами и фактами, применяясь к их особенностям и индивидуальным свойствам. В России характерная односторонность административных приемов еще осложняется и увеличивается присущими ей у нас недостатками — неудовлетворительностью личного административного состава, несовершенствами административной организации и уставов, определяющих деятельность административного механизма.

Не лучше и наша общественная организация. У нас очень распространено мнение, что обращение правительства к общественным силам могло бы дать стране то, чего не дает администрация и бюрократия. В применении к выработке правительственной программы, органических законоположений и важнейших административных мер, мнение это совершенно верно. Но приведение в исполнение коренной реформы, в особенности крестьянской, исключительно, или хотя бы только преимущественно при помощи общества и органов общественного управления, точно так же немыслимо, как и посредством одной администрации, хотя по другим причинам. Первая из них — та же самая, которая тормозит и выяснение важнейших русских задач и вопросов, а именно, крайнее разнообразие мнений и взглядов, не успевших еще сложиться в ясные, более или менее определенные направления общественной мысли, бесчисленные недоразумения, дробящие русскую мысль на мелкие кружки и котерии[124], которые не имеют между собою ничего общего и живут в постоянной вражде. Эта крайняя разрозненность волей-неволей переносится и в ведение общественных дел и имеет весьма неблагоприятное влияние на их ход; в применении же к коренной государственной реформе, которая при своем осуществлении прежде и больше всего требует единства направления в общем и подробностях, она могла бы иметь самые печальные последствия.

Но этого мало. Наша общественная организация, земская и сословная, благодаря коренным ее недостаткам, не представляет собою даже мнений и интересов большинства. Частные, личные и случайные интересы беспрестанно в нее врываются и в ней господствуют, свободно распоряжаясь всеми делами и общественной кассой. Общественные дела, в большинстве случаев, ведутся у нас крайне дурно. Как же ожидать, чтобы государственное дело, идущее вразрез с некоторыми интересами, было приведено в исполнение как следует, теми органа-

ми, которые оказываются на деле негодными даже для представления интересов земского или сословного большинства и правильного ведения общественных дел?

Что касается до самих крестьян, то от них, по низкой степени их культуры, по совершенной их неопытности в делах общественных вне пределов села или деревни, нельзя ожидать никакого полезного участия в проведении на местах крестьянской реформы. <...> У нас мало выполнить реформу, а надо еще и наблюсти, чтобы тот, в пользу кого она сделана, не был ею, или по ее поводу, обижен, потому что сам он, в большинстве случаев, не подаст об этом голоса в уверенности, что так тому и быть должно, и из боязни, что пожалуешься — выйдет, пожалуй, еще хуже.

При неудовлетворительности органов, через которые должна быть проведена крестьянская реформа, при слабости и невыработанности естественной внушительной поверки правильности их действий ... необходимо придумать корректив, достаточно сильный и действительный, чтоб обеспечить и государству, и народным массам действительное выполнение закона по его букве и духу.

Таким коррективом могло бы служить участие в крестьянской реформе всех людей в государстве, сочувствующих делу, в составе правильно организованного общества, примыкающего в своей деятельности к высшим правительственным сферам. Все искренно преданные крестьянскому делу люди, рассеянные по лицу империи, не входящие в состав административных и общественных органов и деятелей реформы, могли бы принять деятельное, хотя и косвенное участие в ее осуществлении в качестве членов такого общества. Единственной задачей его должно быть ни больше ни меньше, как содействие правильному, точному и справедливому приведению в исполнение крестьянской реформы в тех пределах и в том направлении, как она задумана правительством и выражена в изданных им с этою целью законах и постановлениях. Содействие общества реформе главным образом должно заключаться в наблюдении за применением ее на местах. Не имея права прямо вмешиваться в действия правительственных и общественных органов, которым поручено ее введение, оно должно быть уполномочено знать, что делается, доставлять свои сведения и выражать свой взгляд на то и другое дело и возбуждать, в законном порядке, преследование за нарушение законов и постановлений, относящихся к реформе.

<...> Подобная организация частных живых сил, не призванных к осуществлению реформы, но сочувствующих ей и действующих рука об руку с высшим правительством, в духе его программы, послужила бы могущественным орудием крестьянской реформы и не дала бы ей застрять в бумажной переписке, от неумения или недобросовестности исполнителей и незаконного вторжения в общественное и государственное дело частных, своекорыстных интересов. Из состава общества люди способные, знающие, практические и добросовестные, но дотоле вовсе неизвестные правительству, могли бы впоследствии быть приняты им в коронную[125] службу и пополнить состав служащих достойными лицами. Этим же путем высшее правительство могло бы ближе и подробнее ознакомиться с деятельностью и характером своих органов, помимо официальной переписки и бумаг, которые нередко более затемняют, чем выясняют то, что есть на самом деле. Так произошло бы то, во всех отношениях желанное, сближение и взаимодействие официальной деятельности и неофициальных стремлений и направлений русской жизни, которых разъединение, а нередко и полный разлад, составляют основную тему всех неудовольствий и жалоб и по всей справедливости могут быть названы слабой стороной русской публичной жизни.

Многие найдут мысль о таком обществе неосуществимой, забывая или не зная, что последняя цель и задача всевозможных учреждений, государственных и общественных, сколько их ни есть и ни было, всегда заключались в таком сочетании всех сил, стремлений, сторон и отправлений общества или государства, которое приводило бы их к возможному единству и гармонии. К этому должны идти и мы, если наши виды и надежды на историческую роль и значение — не пустые слова или вздорная мечта. <...>

НАШИ ЗАДАЧИ*

(Основные положения программы Союза социалистов-революционеров)

I.

1) *Мы — социалисты-революционеры.* Главной нашей целью, нашим конечным идеалом является переустройство общества на социалистических началах. Мы убеждены, что только при таких усло-

виях будет достигнуто полное освобождение трудящихся масс, что только социалистический строй даст возможность воплотиться в жизни человечества идеалам свободы, равенства и братства.

Осуществление идеала социалистического строя будет принадлежать трудящейся массе. Социальная революция явится средством воплощения этого идеала в жизни.

2) Обращаясь к окружающей нас действительности, мы видим, прежде всего, что экономический строй России не дает никаких оснований для того, чтобы надеяться на возможность непосредственного осуществления в *ближайшем будущем* идеала социализма.

Мы переживаем эпоху перехода патриархального строя в строй капиталистический, перехода, осложненного при этом запоздалым вступлением России на путь общеевропейского экономического и политического развития. Экономическая отсталость России и замечаемый во всех отраслях общественного хозяйства отпечаток переходного времени сказывается весьма рельефно на распределении и группировке ее общественных классов. Это распределение и эта группировка только начинаются, процесс совершается медленно.

В среде крестьянства идет ломка старого патриархального строя, растет противоположность интересов, борьба за эти интересы и группировка населения по степени зажиточности, могущая привести в более или менее отдаленном будущем к распадению крестьянской массы на два лагеря: эксплуатируемых и эксплуататоров; пока же мы присутствуем лишь при самом начале процесса разрушения старых устоев и возникновения нового капиталистического строя, и главным эксплуататором-капиталистом для земледельческой рабочей массы остается класс крупных дворян-землевладельцев, вытесняемый местами земельной буржуазией других сословий.

<...> Не заглядывая в далекое будущее, не пытаясь дать здесь вполне определенный ответ: ждет ли нас та же картина смены капиталистических форм, какие пережил и переживает Запад, или же наше экономическое будущее не лишено некоторых особенностей, создаваемых историческими условиями, мы, отрицая революционное доктринерство, считаем себя вправе поставить только один вопрос: какова задача в настоящее время русских социалистов-революционеров, и, сообразуясь со всем вышесказанным, ответить на него следующим образом: каково бы ни было экономическое будущее России, мы во имя идеала социализма должны готовить условия для ускорения торжества этого

идеала, должны внести в среду трудящихся масс социалистическое сознание, должны помочь им организоваться для борьбы с эксплуататорами, словом, должны готовить почву для будущей социальной революции.

Перед нами авангард рабочего класса — фабрично-заводской пролетариат, перед нами, далее, многомиллионная масса крестьянства, подавляющее большинство которого является земледельческим пролетариатом.

Пропаганда идей социализма и организация социалистической партии — такова стоящая на очереди задача русских, как и их западноевропейских собратьев.

3) Но, поставив себе такую задачу, мы не можем и не должны забывать тех условий, среди которых ее приходится осуществлять. <...> Борьба с абсолютизмом, завоевание политической свободы необходимы и неизбежны для русских революционеров-социалистов, если они действительно желают способствовать проведению в жизнь своих принципов и подготовить почву для будущего социалистического строя.

<...> В области экономической мы будем бороться за проведение в жизнь тех радикальных реформ, которые имеют своей целью постепенное улучшение положения фабричного класса и крестьянства и приближение социальной революции:

1. Установление прогрессивного подоходного налога.
2. Широкое фабричное и аграрное законодательство (сокращение рабочего дня, повышение заработной платы, законодательное регулирование отношений между хозяевами и рабочими во всех отраслях промышленности, земледелия и пр.).
3. Государственная помощь производительным (промышленным и земледельческим) артелям.
4. Система мер, имеющих целью передать в будущем в руки рабочих все фабрики и заводы.
5. Национализация земли. <...>[126]

МАНИФЕСТ ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

По основным своим убеждениям мы — социалисты-революционеры. Наша конечная цель — полное политическое и экономическое освобождение рабочих классов: переход политической власти к народу,

обобществление средств производства, организация производства, распределения и всей общественной жизни на социалистических началах. Для достижения этих целей мы должны использовать все данные нам историей общественные силы, заинтересованные в полном или частичном осуществлении наших задач, развить самосознание народных масс и организовать их согласно задачам партии.

<...> Мы убеждены, что без сочувствия и поддержки крестьянства класс фабрично-заводских и вообще промышленных рабочих не в состоянии сломить силу русского правительства и добиться хотя бы одной только политической свободы, не говоря уже об экономическом преобразовании общества. И мы должны признать, что революционная деятельность среди крестьянства вполне возможна в настоящее время[127], так как внутри этого сословия уже образовались многочисленные группы, в такой же степени заинтересованные в уничтожении существующего экономического и политического строя, как и промышленный пролетариат. Кроме того, экономические и правовые интересы промышленных рабочих тесно связаны с интересами сельского населения, так как, с одной стороны, значительное количество русских фабрик и заводов находится в деревне, а с другой стороны — ряды промышленного пролетариата постоянно пополняются притоком новых элементов из деревни и большая часть таких рабочих сохраняет семейные, юридические и нередко экономические связи с крестьянской средой. Поэтому политическое бесправие, забитость и бедность крестьянства резко отзываются также и на положении промышленного пролетариата.

Собственно крестьянство в настоящее время уже не представляет той почти однородной массы, какою она была при освобождении от крепостной зависимости. Оно распалось теперь на три главные группы: 1) сельский пролетариат, живущий исключительно продажей своей рабочей силы; 2) мелкая сельская буржуазия, систематически эксплуатирующая в своем хозяйстве наемный труд, и 3) малоземельное крестьянство, занимающее среднее место между двумя первыми группами и значительно превосходящее их в количественном отношении; хотя этот последний слой крестьянства не лишен еще земли и ведет самостоятельное хозяйство, тем не менее, он быстро беднеет и все в большей степени должен выносить на рынок свою собственную рабочую силу. <...> Политические и правовые интересы его вполне совпадают с политическими и правовыми интересами пролетариата,

и поскольку крестьянство является продавцом своей рабочей силы, то же самое можно сказать и об экономических его интересах.

Из этого следует, что как среди сельского пролетариата, так и среди малоземельного крестьянства необходима и вполне возможна революционная пропаганда идей политической свободы, национализации земли и устроения всей общественной жизни на социалистических началах.

Далее, какова бы ни была в будущем судьба нашей земельной общины, — в настоящее время она может облегчить усвоение крестьянством идеи национализации земли, она может также значительно облегчить самою пропаганду и агитацию в деревне, так как всякие союзы и организации, на какой бы почве они ни возникали, создают известную общность интересов тех групп населения, которые входят в их состав и, следовательно, представляют благоприятные условия для воздействия на эти группы.

Распространение грамотности, чувства собственного достоинства и чести среди сельского населения в связи с развитием отхожих земледельческих и иных промыслов, а также усиление рационалистических сект делают современную деревню более способной к сознательному протесту, чем в 70-х годах. В то же время обострение экономических, сословных и юридических отношений между крупными землевладельцами и мелкой сельской буржуазии, с одной стороны, и малоземельным крестьянством и сельским пролетариатом — с другой, создает почву для возникновения постоянной борьбы между этими группами. Наконец, усиливающийся гнет и произвол администрации вызывают у современного крестьянина более сильное чувство недовольства, чем прежде, и толкают его на тот же путь борьбы за свои экономические правовые и политические интересы. И борьба эта ведется уже крестьянством, принимая за последние годы все более широкие размеры. Правда, как и на фабриках и заводах, она носит по большей части стихийный, беспорядочный характер, выражаясь в форме разгрома экономий, поджогов, убийства полицейских чиновников, земских начальников и т. п. Мы признаем, что партия должна и может поддержать эту борьбу путем широкой агитации и организации ее в более правильные и целесообразные формы — стачки батраков и малоземельных арендаторов, бойкотирование прижимистых помещиков, противодействие земельному хищничеству и неравномерному обложению, протесты против высоких податей, а также против административного и правительственного произвола и проч. <...>

В. М. Чернов

ОЧЕРЕДНОЙ ВОПРОС РЕВОЛЮЦИОННОГО ДЕЛА

Блестящая, героическая эпоха крайнего напряжения революционных сил в 70-х и начале 80-х гг. оставила нам, своим преемникам, лишь опыт борьбы с врагом всевозможными средствами: опыт революционной организации крестьянства для завоевания земли (чигиринская тайная дружина)[128], опыт рабочих организаций (дело в Иваново-Вознесенске, северно-русский рабочий союз[129], южно-русский рабочий союз[130], организация рабочих партии Народной воли), опыт социально-революционной пропаганды среди сектантов (Ковальский[131], Брешковская[132], Степняк[133] и др.), опыт заговорщических кружков в войске (военная организация партии Народной воли), опыт террористической организации (грозный «Исполнительный комитет») — и даже опыт организации политических либералов («Земский союз»[134]).

Весь этот исторический опыт русского революционного движения может быть использован ныне, когда за историческим отливом последовала волна нового исторического прилива. <...> В то время как деятели 70-х годов были пионерами революционного дела, искавшими ощупью правильных путей, — деятели нашего десятилетия выступили во всеоружии богатого духовного наследства предшествовавших революционных поколений.

Девяностые годы выступили наследниками семидесятых. Вполне естественно, что тот род деятельности, который оказался наиболее успешным, судя по опыту прежних лет, тот, который при наименьшей затрате сил дал в свое время наибольшие (хотя все-таки недостаточные) результаты, а именно пропаганда среди городских рабочих — первым возродился в 90-е гг. Деятельность народовольческих кружков, затем преимущественно социал-демократов, а в последнее время также социалистов-революционеров попала на почву, еще более благодарную, чем в 70-е годы. <...>

<...> В настоящее время у нас есть революционные группы самого разнообразного характера. У одних центр тяжести программы и деятельности лежит в экономической организации городских рабочих для классовой борьбы с хозяевами на почве насущных хозяйственных интересов данной минуты; у других — в чисто конституционной агитации среди либеральных и вообще культурных слоев русского общества; у третьих — в проповеди толстовско-анархических идей

среди сектантов; у четвертых — в литературной и устной пропаганде, специально приспособленной для военных, у пятых — в пропаганде необходимости террористической борьбы и в подготовлении к ней. Словом, в настоящее время, как и прежде, пробуют опереться на всевозможные общественные элементы, извлечь отовсюду возможно большее число лиц и групп, способных служить делу социализма и революции. <...>

Один только общественный элемент слишком долгое время оставался обойденным и забытым — это многомиллионное русское крестьянство. В деле возрождения революционной работы остается сделать еще этот последний шаг — возобновить работу среди крестьянства, воспользовавшись всеми указаниями опыта русского революционного «хождения в народ», равно как и попыток вести агитацию и пропаганду в крестьянской среде со стороны социалистических рабочих партий Западной Европы.

Какие возможны возражения против необходимости сделать этот шаг?

Прежде всего, может явиться вопрос — стоит ли вообще социалистам заниматься крестьянством? Не является ли крестьянство по самому существу своему силой реакционной, обреченной вечно стремиться лишь к тому, чтобы «поворотить назад колесо истории»? Не является ли его естественной участью — разложение и гибель, не будут ли попытки социалистической пропаганды среди него — попытками «гальванизировать труп»? Не лучше ли подождать пролетаризации крестьянства, которая представляет для него необходимую переходную ступень, ведущую к социализму?

<...> И только с начала 90-х годов туман начинает мало-помалу рассеиваться и социалистическая пропаганда среди крестьян начинает делать год от года все большие и большие успехи.

Пока господствовало среди деятелей социализма недоверие и даже полувраждебное отношение к крестьянству, для них *естественно было в деревне, как и в городе, возлагать все свои надежды на быстрые успехи капитализма,* и на бессознательное подготовление им элементов будущего социалистического строя. К этому принуждало общее положение дел, и немудрено, что это время было временем несколько преувеличенной оценки положительного, творческого влияния земледельческого капитализма. Аграрный кризис, с одной стороны, и начинающееся социально-политическое пробуждение западноевропейского

крестьянства, с другой, — заставили выработать более трезвое, зрелое и отвечающее действительности понимание аграрного вопроса. Первый шаг в этом направлении (если не считать маленькой группы румынских социалистов) был сделан французской рабочей партией, руководимой Гедом[135] и Лафаргом[136]. Их опыт приспособления социалистической программы и тактики к деревенским условиям был первым и потому особенно трудным. Неудивительно, что сразу они не нашли вполне и безукоризненно правильного решения вопроса. Фр. Энгельс[137] в свое время отметил некоторые слабые пункты их аграрной программы, в то же время одобрив в принципе их попытку создать союз между малоземельным крестьянством и городским пролетариатом. Он указал, как на пример, достойный подражания, на практику датской рабочей партии, у которой центром тяжести ее деятельности в деревне было развитие сельскохозяйственной кооперации рабочих при соединении их парцеллярных владений в общественную, коллективную собственность. Коллективизм, таким образом, прививался крестьянам снизу, в отличие от того способа «обобществления труда *сверху*», которое осуществляется капитализмом. В этом направлении далее развивали аграрную программу с успехом рабочие партии Бельгии и Голландии с Вандервельдом[138] и Флигегеном*[139] во главе. Ими особенно отчетливо формулирована новая точка зрения, которая сводится в общих чертах к следующему. Капитализм в земледелии менее, чем в какой-либо другой отрасли производства, развивает свои положительные стороны и более, чем в какой-либо другой — отрицательные. Нет такого исторического закона, согласно которому во всякой отрасли производства социалистическая ее организация возможна лишь как продукт предыдущего капиталистического развития. Нет такого исторического закона, согласно которому непосредственные производители во всякой отрасли производства должны сначала пройти через своего рода чистилище — состояние пролетариата — для того, чтобы войти в элизиум[140] социалистического строя. Для известной части непосредственных производителей, для известных отраслей производства возможен и более непосредственный переход, идущий через развитие общественной собственности всякого рода — в том числе и сельской общинной — к национализации земли, и через кооперацию к социализму.

---

* Теперь следует упомянуть еще чрезвычайно содержательную работу австрийского социал-демократа Фр. Отто Гертца.

<...> И все-таки, не взирая на все эти неблагоприятные обстоятельства, опыт народнической пропаганды давал во многих местах относительно весьма благоприятные результаты. Он доказал, что деревня — не порох, в который достаточно лишь бросить революционную искру, чтобы вызвать грозный взрыв народного гнева против его угнетателей; но он доказал также, что русский крестьянин, как и западноевропейский, а в некоторых отношениях даже более, чем западноевропейский — восприимчив к дельной и умелой революционной пропаганде и не обладает «антиколлективистским черепом». К сожалению, в наше время нередко предпочитают знакомиться с ходом и результатами «хождения в народ» по «Нови» Тургенева[141], чем обращаться к личным воспоминаниям пропагандистов-народников, к периодическим изданиям той эпохи и т. п. историческим материалам, мирно лежащим в архивах под слоями пыли. Отсюда и ходячее, вульгарное представление о пропагандистах, которым мужики чуть ли не повсеместно связывали руки за спину, сажали в «холодную» и доставляли к становому. <...>

Если это вульгарное представление является грубо ошибочным даже по отношению к тому времени, то тем более несостоятельно оно теперь. Со времени 70-х многое изменилось в деревне. Выросло новое поколение, не знавшее крепостного рабства и отчасти прошедшее через сельскую школу; для него утратило яркость и свежесть красок благодеяние «Царя Освободителя» и, наоборот — во всей своей горькой реальности выступили последствия этого исторического компромисса: малоземелье, выкупная и податная тягость, на место прежней юридической зависимости от помещиков — экономическая зависимость, при общем политическом и юридическом бесправии, мало уступающем прежнему. Для нового поколения деревни не прошли даром ни голодовки, ни меры внутренней политики, вроде введения института земских начальников. Оно устало до бесконечности ждать «новой воли», устало надеяться на царя, — и в самом деле, пресловутый старый «царизм»[142] играет все меньшую и меньшую роль в стихийных движениях последнего времени. [...][143] Между тем аграрные отношения все более и более обостряются, учащаются стихийные бунты и отдельные аграрные преступления, уже с год тому назад обратившие на себя самое серьезное внимание правительства и вызвавшие с его стороны известный секретный циркуляр губернаторам*. Учащаются

* Недавно к нему прибавился подобный же циркуляр Киевского генерал-губернатора Драгомирова.

и столкновения с администрацией на почве стремления крестьян отстоять самостоятельность мира в его делах против покушений на эту самостоятельность со стороны земских начальников и подчиненных им властей. Общий умственный подъем и рост самосознания народа не подлежит никакому сомнению; новые течения заметны и в хозяйственной области, и в стремлении к образованию, к книге, к саморазвитию. На почве этого интеллектуального подъема можно ожидать перехода стихийных бунтов, сопротивления властям и аграрных преступлений в более сознательную и систематическую аграрную борьбу, с более или менее ясно выраженным враждебным отношением ко всему современному режиму. В одной из местностей Великороссии уже образовалось крестьянское революционное «братство»[144], устав которого напечатан «союзом социалистов-революционеров». С другой стороны, как видно из изданий русских социал-демократов, в одной из южных малорусских губерний проявляется агитационная деятельность революционной «группы сельских работников». Все это, быть может, первые ласточки приближающейся весны.

Неудача движения в народ 70-х гг., таким образом, не может быть аргументом против возобновления революционной работы, имеющей своим объектом деревню. Эта работа должна возобновиться только в более зрелых и более соответствующих времени формах.

<...> Чтобы избежать возможных недоразумений, пожалуй, не будет неуместным лишний раз подчеркнуть здесь, что у нас отнюдь не идет речи о каком-нибудь перенесении центра тяжести революционной работы обратно, из города — в деревню. Речь идет просто о том, что соц[иально]-революционное движение не может больше игнорировать своих задач по отношению к деревне и крестьянству, под предлогом ли их трудности или же под предлогом каких бы то ни было абстрактных, теоретических построений. <...>

<...> Современная революционная работа должна в гораздо большей степени, чем прежде, быть работой *культурно*-революционной, *образовательно*-революционной. Ее ближайшею целью должно быть подготовление из наиболее активных и интеллигентных личностей, выдвигаемых самою народною средой — сознательных революционеров, борцов за мирской, общественный интерес, руководителей крестьянства во всех его умственных и общественных движениях. Эта, выдвигаемая самим народом, своеобразная «народная интеллигенция» может явиться прочным связующим и передаточным звеном между городом и деревней. Революционная интеллигенция города,

городской «мыслящий пролетариат» может и должен лишь начать революционную работу в деревне, а затем уже она естественным образом перейдет в руки передовых крестьян, будет ими продолжена и доведена до конца. Они, будучи плотью от плоти и костью от костей сермяжной земледельческой массы, несомненно, гораздо лучше всякого городского «мыслящего пролетария» сумеют приспособить революционную тактику к всевозможным местным условиям, связать ее с насущными, сознанными потребностями масс, приспособить ее к их уровню понимания, к их психологии, выясняя отвлеченные идеи не голой логической аргументацией, а методом наглядного обучения, на фактах живой окружающей действительности [...]*. Только тогда, когда народ из собственной среды выдвинет руководителей своих движений; только тогда, когда интеллигенция из центра агитации превратится в могучий своими знаниями, своим умственным капиталом вспомогательный орган для движения, сумевшего встать и стоять на своих собственных ногах — только тогда революционное дело в деревне можно считать упроченным, только тогда оно будет вполне зрелым плодом союза идеи с жизнью. Нечего и говорить, как далеки мы теперь от такого положения. Нечего и говорить, что во всем своем объеме эта задача общественно-интеллектуальной эмансипации крестьянства вряд ли может быть достигнута при современных политических условиях России. Но несомненно также и то, что в пределах, допускаемых условиями переживаемого исторического момента, мы должны революционизировать деревню и сейчас, мы должны и сейчас заручиться там энергическими[145] и влиятельными сторонниками, которые в критический момент — момент решительного столкновения между силами реакции и революции в городе, — сумели бы или оказать прямую поддержку делу свободы, или, по крайней мере, нейтрализовать противоположные тенденции.

Мы глубоко убеждены, что будущее в России может принадлежать только такой партии, которая сумеет найти точку опоры для борьбы не только в городе, но и в деревне; которая сумеет в своей программе гармонически слить воедино представительство и защиту интересов фабрично-заводского рабочего класса и массы трудового крестьянства.

---

* Вопросу о приемах пропаганды и агитации в деревне, о способах, которыми можно к ним приступить, вообще о технической стороне этого дела, мы рассчитываем поговорить подробно в особом выпуске.

Без всякой опоры в крестьянстве, — а тем более *против его воли* — никакая революционная партия не сможет нанести в России серьезного, решительного удара буржуазно-капиталистическому режиму, который умеет у нас мирно уживаться вместе с обломками дворянско-крепостной эпохи под крылышком русского абсолютизма. Таково, повторяем, наше глубокое убеждение.

Ясно, что современная, ныне предстоящая нам работа в крестьянской среде никоим образом не может просто копировать или повторять работу 70-х годов. И, прежде всего, она должна быть глубже, серьезнее, должна помогать органически совершающейся переработке, эволюции народного миросозерцания. <...>

<...> Крестьянству нужно дать понятие, во-первых, о том, как и почему приходится ему терпеть от современного экономического и государственного строя: надо дать ему понятие о реформе 1861 года не в том фальшиво-идеализированном свете, в каком ее рисуют разные благонамеренные консервативные и либеральные брошюрки, а в ее настоящем, не подкрашенном виде; надо выяснить крестьянину, во что ему обошлась его земля; надо выяснить ему сущность выкупной операции, благодаря которой он в настоящее время в *третий раз* выплачивает данную ему государством ссуду; надо выяснить ему сущность нашей податной системы и показать ему истинные размеры суммы выплачиваемых им ежегодно прямых и косвенных налогов; дать ему критику современного положения продовольственного и переселенческого дела; надо показать ему, сколько ненужного горя создают наши уголовные законы, какую роль играет армия и т. д., и т. д. Надо развить перед ним идею национализации земли и общественной, планомерной, социалистической организации производства. Надо выяснить ему идею выборного начала, самоуправления и разделения властей во всем ее объеме, и дать с этой точки зрения критику всего нашего административного и государственного устройства, начиная от сельских и волостных властей и кончая министрами и самим главою государства. Надо выяснить противоположность интересов крестьянина, как самостоятельного производителя, как арендатора и как наемного рабочего, с интересами крупных землевладельцев и помещиков. Надо научить крестьянина приемам экономической и политической борьбы, ознакомив его с опытом западноевропейских стран. <...>

<...> Идея о необходимости и своевременности революционной работы, имеющей в виду деревню, — не нам одним принадлежит. Она

неоднократно высказывалась за последние годы такими ветеранами революционного дела, как П. Лавров* и С. Степняк**. Та же мысль положена в основу аграрной программы, намеченной в России на съезде социалистов-революционеров (август 1898 г.)[146]. Та же идея, наконец, проскальзывает и во многих других произведениях нелегальной литературы последнего времени***. Поэтому мы надеемся, что все русские социалисты, без различия направлений, с сочувствием отнесутся к делу возобновления социально-революционной работы в деревне, выдвигаемому нами на очередь.

* П. Лавров «Из рукописей 90-х годов».

** С. Степняк «Чего нам нужно» и «Начало конца».

*** См. статьи Чемизова в Листках Лондонского Фонда Вольной Русской Прессы, многие статьи в органе заграничного союза социалистов-революционеров «Русский Рабочий». Судя по некоторым статьям в заграничном органе социал-демократов «Рабочем Деле», и эти последние в настоящее время гораздо сочувственнее относятся к идее работы в деревне, чем раньше. С особенным удовольствием отмечаем, что идея о необходимости союза городского пролетариата и крестьянства особенно подчеркивается в газете «Рабочее Знамя» — лучшем, по нашему мнению, опыте социалистической газеты для рабочих (к сожалению, кратковременном).

В ПОИСКАХ «ОРГАНИЧЕСКОЙ» АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ (начало XX в. – февраль 1917 г.)

С. Ю. Витте
ЗАПИСКА ПО КРЕСТЬЯНСКОМУ ДЕЛУ

<...> Особому совещанию предстоит ответственная задача высказаться по вопросу, остановившему на себе особое внимание Государя императора и того многочисленного состава лиц, принадлежащих к служилой и земской России, который был призван монаршим доверием высказаться о нуждах сельскохозяйственной промышленности[147].

Столь исключительное значение рассматриваемого вопроса делает его важнейшим в ряду подлежащих обсуждению Особого совещания, что и побуждает меня представить на усмотрение г.г. членов Совещания тот взгляд, который я усвоил себе на этот вопрос и порядок его разрешения, внимательно вникнув во все подробности Высочайших предуказаний и ознакомившись с пожеланиями местных комитетов.

Относительно самого значения правовых условий крестьянского быта в области общеэкономической и, в частности, сельскохозяйственной я уже излагал свои убеждения в бытность министром финансов. В ряде представлений Комитету министров в 1898 году по вопросу об образовании Особого совещания для рассмотрения законодательства о сельском состоянии и во всеподданнейшем докладе о государственной росписи на 1899 год я высказывал, что причина, задерживающая упрочение хозяйства наших крестьян, кроется в правовых условиях их быта. Ее следует искать «в неопределенности имущественных и общественных отношений крестьян, порождающей многообразные затруднения в самом распорядке ведения личного хозяйства, в наиболее выгодном распоряжении силами и средствами и в накоплении последних. [...] Когда не существует прочного и ясного законного порядка для разрешения ежедневно возникающих насущных вопросов в личных, семейных и имущественных отношениях крестьян, — трудно рассчитывать на быстрый подъем благосостояния народа. [...] Подобная неустойчивость и неопределенность обусловливается неполнотой законодательства о сельских обывателях, а главным образом — недостаточным его соответствием потребности населения в прочном правопорядке. Эти недостатки не могут быть устранены частичным

изменением, а требуют разрешения общих принципиальных вопросов сельского устройства, от того или иного направления которых зависит весь ход дальнейшего законодательства».

<...> Независимо рассмотренного основного предуказания Государя императора — первого по времени его воспоследования и засим подтвержденного — Его величеству благоугодно было дать в Манифесте 26 февраля 1903 г. и в Указе Правительствующему сенату[148] 8 января 1904 г. следующие дополнительные указания по крестьянскому вопросу и относящимся к нему законодательным работам.

«В основу сих трудов положить неприкосновенность общинного строя крестьянского землевладения, изыскав одновременно способы к облегчению отдельным крестьянам выхода из общины».

«Принять безотлагательно меры к отмене стеснительной для крестьян круговой поруки».

«Поставить задачей дальнейшего упорядочения местного быта сближение общественного управления с деятельностью приходских попечительств при православных церквах там, где это представится возможным».

Пересмотр действующего законодательства о крестьянах «Мы признали за благо произвести на почве главных начал преобразований 1861 г., положив в основу упомянутого пересмотра — как сказано Нами в Манифесте 26 февраля 1903 г., — неприкосновенность общинного строя крестьянского землевладения, при условиях облегчения отдельным крестьянам способов выхода из общины. В развитие сих предначертаний признали Мы необходимым, наряду с этим, сохранить крестьянам сословный строй и неотчуждаемость от крестьянского владения надельных земель».

* * *

<...> Рассмотрев степень соответствия пожеланий местных комитетов тем началам для пересмотра законодательства о крестьянах, которые предуказаны Высочайшей волей, долгом считаю повторить, что вопрос о таком соответствии, конечно, имеет первостепенное значение; поэтому я и считал себя обязанным выяснить его с особым вниманием и во всех подробностях до рассмотрения Особым совещанием существа дела.

<...> По поводу <...> вопроса об уравнительном землепользовании все сводится к тому, искупаются ли его несомненные недостатки теми

положительными сторонами, которые привлекали столь сильные симпатии некоторой части нашего общества.

Дабы осветить этот вопрос, необходимо вспомнить, что преклонение перед общиной, предшествовало ее изучению. Только в девятидесятых годах, когда община имела уже за собой широкое литературное признание, выражавшееся нередко в форме самой убежденной апологии, только в это время стали проникать в общество результаты массового обследования общинных порядков, произведенного земством. С другой стороны, оценка основного, с точки зрения теоретической, преимущества этих порядков, а именно предупредительного их влияния на развитие пролетариата, могла быть сделана только по истечении достаточного времени с того дня, когда крестьяне были освобождены с землей. Таким образом, только в самое последнее время возможно было сопоставить теорию с действительностью, что и отразилось как в литературе, так и в общественном мнении заметным разочарованием в прежних взглядах и надеждах на общину.

И я тоже не вижу реальных оснований, чтобы их сохранять: особенно на меня влияет то обстоятельство, что значительное большинство местных деятелей, близко знакомых с крестьянским бытом, высказалось в комитетах против общины и подкрепило свое мнение весьма доказательными соображениями и фактическими данными.

В полную противоположность общеизвестным теоретическим взглядам комитеты доказывают, что община не предупреждает развития пролетариата, а ведет к постепенной общей пролетаризации населения; что право каждого рождающегося на одинаковое с другими земельное обеспечение ведет к быстрому измельчанию отдельных владений; повсеместно указывается, что надел не в состоянии ни прокормить, ни занять рабочих рук живущей на нем семьи; уже во многих местностях измельчание владений отдельных хозяйств заставляет вспомнить образное выражение об обращении земли в пыль; в недалеком будущем, согласно приводимым расчетам, явление это получит широкое распространение. Вместе с тем местные комитеты настойчиво утверждают, что временность владения является неодолимым препятствием для улучшения земельной культуры. Возможное в теории вознаграждение за улучшения на участке временного пользования оказывается неосуществимой мечтой в условиях общинного быта. В действительности, по свидетельству комитетов, временность владения воспитывает самые хищнические приемы эксплуатации земли: все сводится к тому, что-

бы «спахать побольше, хотя и как-нибудь»; нерасчетливой распашкой уничтожаются кормовые угодья, а те, что остаются, лишены всякого ухода, и необходимое для успешного хозяйства соотношение площади кормовой и пахотной нарушается в угрожающей прогрессии. В результате хищнических приемов хозяйства в составе надела с каждым годом увеличивается пространство неудобных земель в виде заболоченных или заиленных лугов, истощенных и обратившихся в пустыри пашен, разъеденных оврагами склонов балок, обнаженных пахотой песков, заросших порослью и мхом сенокосов и пастбищ и т. д.

Совокупность очерченных условий приводит комитеты к убеждению, что дальнейшее существование уравнительных порядков поведет к массовой пролетаризации населения. В виде доказательства приводятся фактические данные, свидетельствующие, что сельский пролетариат в местностях общинного землепользования представляется уже обычным явлением.

Разделяя, в известной мере, указанные опасения, я, однако, думаю, что здравый смысл нашего народа побудит его отказаться от организации, едва ли пригодной в иных условиях, как только при земельном просторе и девственной почве. По крайней мере, фактические данные последнего времени указывают на существование обширных районов, где община совершенно прекратила уравнительные порядки.

<...> Кроме взгляда на общину как наиболее действительную гарантию от пролетариата, высказывалось убеждение, что эта форма землепользования представляет ближайшую ступень к тем кооперативным союзам, в развитии коих западноевропейская наука видит разрешение многих современных экономических вопросов. Однако местные комитеты справедливо указывают, что основанием земледельческих коопераций, уже появляющихся на Западе, является твердое право собственности, определенная доля участия в доходах соответственно размерам владения и вложенного капитала, свобода вступления и выхода из союза и, наконец, сознательное чувство общности экономических интересов, возможное лишь в условиях высокой культурности, развитой самодеятельности и правовой гарантии имущественных интересов. Между тем все эти условия совершенно отсутствуют при уравнительном землепользовании. По мнению комитетов, предмет общего владения в крестьянской среде является не источником выгод, а источником споров, розни и экономической неурядицы. «Как ни парадоксально, говорится в трудах комитетов, а приходится ска-

зать, что общинное владение менее всего воспитывает общественные чувства; напротив того, порождает скорее эгоизм и, что еще хуже, индифферентное, почти апатичное, отношение к делу», вообще «общинное землепользование не соответствует формам свободного труда и свободных рабочих коопераций, оно — враг всякой свободной ассоциации». И действительно, надежды на развитие кооперативных начал, заложенных будто бы в общине, совершенно не оправдались, по крайней мере, до настоящего времени.

Я вполне присоединяюсь к взгляду комитетов, что кооперативные союзы возможны только на почве твердого личного права собственности и развитой гражданственности. В порядке эволюционном общинное землепользование составляет одну из первичных ступеней, естественную и даже полезную в условиях примитивного земледелия и неразвитого гражданского строя, неспособного обеспечить индивидуальные права. Это доказано историческими изысканиями, и в настоящее время даже самые убежденные защитники этой формы землепользования отказались от мысли, что она составляет нашу национальную особенность. В последующей стадии появляется право личной собственности на землю, и только когда оно окрепнет, когда оно сделается «незыблемым и священным» в правосознании каждого, только тогда являются благоприятные условия для группировки собственников в союзы, объединяющие и экономизирующие труд по извлечению выгод из прав, но отнюдь не упраздняющие их индивидуальной принадлежности. Таким образом, община и кооперативный союз резко отличаются друг от друга по своей экономической и правовой структуре и разделены целым историческим периодом, миновать который может идеология, но не действительность. Если и признавать в них некоторое сходство, то только внешнее, как дикого плода с культурным, которые могут быть иногда сходны.

Нельзя не отметить еще большого внешнего сходства общины с теми экономическими стадиями, которых не существует в действительности, но которые заняли прочное место в теоретических построениях социализма и коммунизма. Несомненно, община имеет такое сходство с идеалом этих учений — общностью средств производства, и, по мнению профессора Чичерина[149], это сходство доставило общине очень много поклонников (Государственная наука, т. III, стр. 368, 359). По моему убеждению, общественное устройство, проповедуемое этими учениями, совершенно несовместимо с гражданской и экономической

свободой и убило бы всякую хозяйственную самодеятельность и предприимчивость: не могу вместе с тем не согласиться с авторитетным мнением названного ученого, что уравнительные порядки расшатывают понятие о твердости и неприкосновенности прав собственности и «представляют самое удобное поприще для распространения социалистических понятий». Тот же взгляд высказывается и в среде местных комитетов.

Наконец, третье основное преимущество общины, указываемое теорией, это — сохранение земли в руках мелких собственников и невозможность обращения ее в латифундии[150]. Действительность свидетельствует, что в нашей западной России, где капиталистическая энергия значительно выше, чем в остальной, крестьянское подворное владение не дает никаких признаков неустойчивости и тенденции к сосредоточению в одних руках; наоборот, по свидетельству местных комитетов, в общинной среде происходит дифференциация: большинство беднеет, а самая незначительная часть богатеет путем хищнической эксплуатации земли и своих однообщественников и сосредоточивает в одних руках значительную и лучшую часть надела. Независимо сего, нельзя же упускать из виду, что охрана мелкой собственности успешно достигается некоторыми мерами изъятия ее от ответственности по обязательствам владельца, сословной замкнутостью, предельной нормой сосредоточения в одних руках, организацией льготного сельскохозяйственного кредита, т. е. мерами несомненно более действительными и неизмеримо менее стеснительными и вредными, чем периодическое уравнение земельного владения.

Сопоставив с точки зрения теории и действительности важнейшие положительные стороны общины и отсылая в отношении подробностей к трудам местных комитетов, я не нахожу нужным говорить о многочисленных недостатках уравнительного землепользования, подробно рассмотренных в названных трудах. Я повторю только вывод, быть может и крайний, местных комитетов, что «этот порядок землепользования убивает основной стимул всякой материальной культуры — сознание и уверенность, что результатом работы воспользуется сам трудившийся или близкие ему по крови и привязанностям лица; такой уверенности не может быть у общинников, вследствие временности владения и зависимости от большинства 2/3 домохозяев, в том числе и тех, которые запустили хозяйство по неумению, лености и нерадению, и которые или стремятся поживиться за счет более хозяй-

ственных, пустив их наземные полосы в передел, или являются послушным орудием в руках кулаков. Это большинство, от которого зависит не только право владения отдельных крестьян, но и порядок пользования, является по самому существу своему косным, а иногда прямо регрессивным. При таких условиях хозяйственный расчет, предприимчивость и энергия отдельных лиц бесцельны и, в большинстве случаев, даже неприложимы. Эти главнейшие двигатели всякой материальной культуры встречают непреодолимое препятствие в условиях общинного строя. Поэтому в крестьянской среде развиваются апатичное и небрежное отношение к своему хозяйству, леность, наклонность к праздности и пьянству; наряду с этим неустойчивость наиболее жизненных для крестьян прав земельного владения, зависимость их от произвола случайно составившегося большинства голосов, воспитывают неуважение к чужим правам и порождают взаимное между членами общины недоверие, а иногда и острую вражду». — Полагая, что отрицательная оценка уравнительных порядков выражается приведенными словами в крайней степени, не отвечающей несомненному факту некоторого улучшения сельскохозяйственной культуры в местностях общинного землепользования, не могу не признать, что порядки эти являются, во всяком случае, серьезным тормозом культуры.

Высказываясь принципиально против уравнительного землепользования, я вместе с тем признаю, что при неистощенной почве, примитивной культуре и дешевизне сельскохозяйственных продуктов общинное землепользование может быть выгодным для крестьян. Однако судить об этом ближе всего им же, и поэтому я присоединяюсь к взгляду Редакционных комиссий, работавших над вопросом освобождения крестьян, что не следует ни понуждать к переходу в личное владение, ни препятствовать. Община должна быть в полном смысле слова неприкосновенной, и этот принцип, провозглашенный Высочайшей волей, одинаково нарушался бы как принудительным воздействием к переходу в личное владение, так и искусственным поддержанием общины.

Исходя из указанного принципа, я нахожу, что община должна быть союзом добровольным, а не принудительным. Отдельных крестьян нельзя насильственно удерживать в условиях общинного землепользования, и необходимо вернуть им право свободного выхода с выделом своего надела в подворное пользование, предоставленное Положением 19 февраля 1861 года и только впоследствии отмененное[151].

При этом условии отпадает необходимость чрезмерной регламентации общинной жизни, которая точно также не допускалась Положением и существует в настоящее время благодаря правилам о переделах и предоставленному учреждениям по крестьянским делам праву контролировать и отменять любой приговор сельского схода.

<...> Вообще эта регламентация и дискреционное право[152] вмешательства в хозяйственную жизнь общины, предоставленное земским начальникам, с моей точки зрения, в корне противоречит Высочайшему предуказанию о «неприкосновенности общины» и совершенно лишает ее свойств частноправового союза. При современном положении она имеет многие черты публично-правовой организации, невольно напоминающие о военных поселениях.

Несомненно, однако, что, если община будет избавлена от принудительных норм, регламентирующих ее жизнь, и будет восстановлена в том виде, как она признана Положением 19 февраля 1861 г., то в очень многих местностях следует ожидать прекращения уравнительных порядков и перехода к подворному пользованию. Сознавая это, защитники общинного землепользования восстают против мысли о возвращении крестьянам права выделять свой надел в подворное пользование помимо согласия мира. По их мнению, это было бы искусственным разрушением общины. Я, однако, держусь того взгляда, что если община прекращает свое существование вследствие стремления отдельных ее членов к личному владению, то это явление естественное, и, наоборот, «преграждение крестьянам пути к общему и отдельному выходу из общинного порядка есть искусственное покровительство системы общинного владения», как это признавали Редакционные комиссии (Мат. Ред. Ком. т. XII, Юрид. Отд., стр. 28).

Вопрос о такой свободе выхода из общинного землепользования представляется мне основным в области упорядочения крестьянского землепользования. Положением 1861 года он разрешался для бывших помещичьих крестьян в том смысле, что каждый домохозяин имел право, не испрашивая согласия мира, погасить выкупной долг по своему наделу и, совершив это, получал право требовать от общества выдела соответственного своей доле участка, по возможности, к одному месту, а впредь до выдела продолжал пользоваться землей в прежнем месте, в составе мирского надела. Этот порядок, установленный известной 165 ст. Пол. Вык., был изменен в 1893 г., и выдел, а равно и самые условия выкупа поставлены в полную зависимость от доброй воли мира.

Так как приведенная 165 ст. Пол. Вык. давала право требовать выдела к одному месту, но не указывала способов осуществления этого права, то на практике крестьяне, выкупившие свой надел, оставались обыкновенно при своих прежних участках, разбросанных чересполосно по общинному наделу. Разница сводилась к тому, что они не участвовали в круговой ответственности по выкупным платежам, и пространство выкупленной земли не подлежало изменению при переделах, равно как и местоположение ее, хотя последнее не было общим правилом, и нередко наблюдались случаи, когда крестьяне, выкупившие наделы, довольствовались освобождением от круговой ответственности по выкупному долгу и неизменностью размера владения, но не препятствовали передвижению своих полос при переделах. Наряду с этим, как то усматривается из данных земско-статистических обследований, крестьянам удавалось получить надел к одному месту или в один кусок в каждом из севооборотных полей, для чего выделявшиеся отказывались в пользу мира от части надела или от права пользования некоторыми непахотными угодьями или, наконец, уплачивали миру в той или иной форме известное вознаграждение.

Таким образом, возвращение крестьянам того права, которым они пользовались по Положению 19 февраля 1861 года, вероятно, привело бы к тем же результатам, и в большинстве случаев чересполосное общинное владение заменилось бы чересполосным подворным. Весьма возможно, что с точки зрения сельскохозяйственной и это оказалось бы шагом вперед; по крайней мере, многие сельскохозяйственные комитеты признают неустойчивость владения совершенно самостоятельным отрицательным фактором, независимым от чересполосности; они находят, что чересполосное подворное владение нашего Западного края и Малороссии несравненно менее препятствует успехам земледелия, чем чересполосное общинное; к тому же, по их мнению, подобное подворное владение отнюдь не фиксирует чересполосности, что и подтверждается приводимыми ими фактами возникшего в некоторых местностях, среди этих подворных владельцев, движения к хуторскому устройству, поэтому целый ряд комитетов ограничивается пожеланием о восстановлении 165 ст. Пол. Выкупного.

Нельзя, однако, не обратить внимания, что, наряду с этим, труды местных комитетов полны указаний на чрезвычайный вред крестьянского чересполосного владения и поэтому мне кажется, что одно восстановление ст. 165 было бы мерой, не отвечающей вполне насущным

нуждам нашего земледельческого класса. К тому же при настоящих экономических условиях следует ожидать широкого пользования правом, предоставляемым этой статьей, вследствие чего надел оказался бы испещренным владениями вышедших из общины крестьян, и тем самым права остающихся, проистекающие из принадлежности к общине, были бы не только стеснены, но в некоторых случаях и сведены на нет.

По этим соображениям мне представляется, что закон должен иметь в виду замену общинного землепользования более совершенным видом, чем чересполосное подворное, и вместе с тем должен оградить интересы остающихся в общине. При такой постановке, вопрос о свободном выходе отдельных крестьян из общины не разрешается столь простой мерой, как восстановление 165 ст. Пол. Вык. Так как соответствующая мера должна иметь целью выдел надела для выходящего из общины к одному месту, и так как подобный выдел связан с переверсткой владения прочих общинников, то, казалось бы, нельзя предоставить право требовать выдела в любое время, а только лишь при переделе. Конечно, во многих случаях это будет jus nudum[153], ибо передел неизвестно когда будет и, быть может, совершенно не последует, так как в массе общин переделы прекратились, хотя возможность их и, следовательно, психология неустойчивости владения остались. Выходом из такого положения могло бы быть предоставление права требовать выдела к одному месту, не ожидая передела, в тех случаях, когда такое желание заявлено значительною частью (треть, четверть) крестьян, участвующих в общинном землепользовании. Что касается способов осуществления права, то казалось бы необходимым возложить на общину обязанность производить выдел при переделе, а в случае нежелания — обязанность вознаградить выходящего по взаимному соглашению или, если оно не состоится, по оценке; в тех же случаях, когда выходит значительная часть общинников и вознаграждение оказалось бы непосильным для остающихся, то способом осуществления права могло бы быть судебное межевание, при условии упрощения его формальности, длительности и дороговизны. Но на такой принудительный порядок следовало бы смотреть, как на меру исключительную, допускаемую лишь при значительном числе выделяющихся. Вообще же надлежит всячески облегчить возможность полюбовных соглашений о выделе, которые, как указывает опыт применения 165 ст. Пол. Вык., достижимы при вознаграждении мира вы-

делящимся, равно как при умелом и безобидном для обеих сторон составлении проекта выдела в натуре. По этим соображениям, и имея вместе с тем в виду, что выдел в большинстве случаев потребует расходов по перенесению усадебной оседлости, было бы соответственно прийти на помощь выделяющимся мерами правительственной и общественной помощи, в ряду коих существенное значение имеют платежные льготы выделяющимся: желательно было бы, напр[имер], не требовать погашения выкупного долга, как это было установлено 165 ст. Пол. Вык., но, напротив того, освобождать за известное число лет от выкупных платежей, совершенно слагая их или перенося за срок окончательного погашения долга. <...>

* * *

Высказанное выше по поводу распространения на крестьян общегражданского права и по вопросу об общине, определяет мой взгляд и на следующий вопрос, поставленный в приложении к настоящей Записке, а *именно на конструкции имущественных прав на* начале семейном или индивидуальном. По моему мнению, принадлежность права на начале личном является условием, без которого немыслимо развитие экономического благосостояния нашего крестьянства, ибо поступательное движение материальной культуры основано на личной предприимчивости, личной трудоспособности, личном умении и личном расчете. Вместе с тем, индивидуальное начало вносит чрезвычайную ясность и определенность в частноправовые отношения. Сущность же семейного владения заключается в отрицании имущественных прав отдельных лиц и в принудительном удержании их в составе двора, как семейно-трудового союза. Подобного рода правовая конструкция могла бы быть допустима в условиях примитивного экономического строя, но в настоящее время она является серьезнейшим стеснением для хозяйственной самодеятельности и предприимчивости и приносит только вред, о чем весьма доказательно свидетельствуют местные комитеты.

Несомненно, что примитивный экономический строй ослабляет значение личного начала. Когда земли вдоволь и она является даровой полезностью вроде воды или воздуха, когда извлечение из нее выгод не требует ни долговременных затрат, ни особого уменья, ни сложного труда, когда дифференциация занятий мало развита, обрабатывающая промышленность и торговля в зачаточном состоянии, и вся страна жи-

вет преимущественно натуральным хозяйством, тогда возможна принадлежность имущественных прав не отдельным лицам, а патриархальным союзам в виде рода, общины, многосемейного двора, тем более, что и гражданский строй столь несовершенен в этот период, что не в силах обеспечить индивидуальную принадлежность права. Подобного рода патриархальные организации, давно исчезнувшие в других странах, прекратили бы свое существование и у нас вполне естественным путем, но крепостное право и условия его ликвидации задержали этот процесс до наших дней: выше я уже указывал, что в шестидесятых и семидесятых годах коллективное владение общиной и двором имело несомненный смысл, ибо тогда надельная земля в большинстве случаев не была имущественной ценностью, а тяглом, и все сводилось к обеспечению его общей ответственностью трудовых союзов.

В настоящее время все указанные условия бесследно миновали: натуральное хозяйство заменилось денежным, надельная земля является далеко не единственным источником существования нашего крестьянства, сильно развились отхожие промыслы и расширилась область неземледельческого труда, земельное «утеснение» всюду чувствуется, жить экстенсивным хозяйством почти невозможно, необходимы затраты и более умелый труд для усиления производительных сил земли, рентабельность ее сильно возросла и крестьянский надел представляет уже ценное имущество, а не тягло, — вообще установился тот экономический строй, в котором личное начало приобретает первостепенное значение. При таких условиях правовая конструкция, отрицающая индивидуальную принадлежность прав и принудительно удерживающая отдельных лиц в составе двора, парализует основной двигатель современной экономической жизни и вносит чрезвычайную неопределенность и спорность в частноправовые отношения, которые силой вещей складываются на начале личном.

Практические результаты такой правовой конструкции, устанавливающей взаимную имущественную зависимость и никому не отграничивающей определенного права, подробно указаны местными комитетами. Их суждения резюмируются утверждением, что семейное владение ослабляет побудительные мотивы к улучшению хозяйства как у домохозяина, так и у прочих членов двора, вызывает неразрешимые правовые конфликты и всевозможные злоупотребления, порождает постоянные споры и вражду в семейном союзе, расшатывает его и является только лишней причиной семейных разделов.

По всем этим соображениям я полагаю, что навязывать крестьянству семейное владение и лишать его личных имущественных прав, на коих зиждется гражданское право всех цивилизованных народов, это — закрывать глаза на современные нужды и потребности и жить воспоминаниями патриархального прошлого.

Конечно, я не отрицаю, что такое отношение к крестьянам исходит из весьма благожелательного для них идеала сильной многорабочей семьи, обладающей всеми положительными свойствами кооперативных организаций. Ради этой цели и признается полезным отвергать личное начало в имущественном праве и всячески препятствовать разделу двора на отдельные хозяйства. Однако основная ошибка этого взгляда, по-видимому, заключается в том же смешении начал первобытного экономического строя и высококультурного, на которое я уже указывал по вопросу об общине. Многочисленные сложные семьи, превышающие обычный в наше время союз родителей и детей, это явление, присущее первичной экономической стадии, и кооперативные союзы развиваются не на этой почве, а в условиях индивидуализированного имущественного права. Между тем, рассматриваемый взгляд не считается с экономической эволюцией и признает возможным заменить ее, для блага крестьян, принуждением. Но последнее, по весьма правильному выражению местных комитетов, является врагом всяких хозяйственных ассоциаций, и они могут возникать и успешно действовать только на свободных началах. Вместе с тем, подобное принуждение крестьян, имеющее целью их материальное благополучие, совершенно игнорирует то обстоятельство, что крестьяне не только рабочая сила, которую полезно объединять для экономизации и продуктивности труда, но и живые люди, которым, как и всем нам, дороги начала личной независимости, семейной самостоятельности и неприкосновенности домашнего очага. Эти именно начала более других обеспечивают энергию и производительность труда, и, по моему мнению, малая семья, объединенная дружным искренно-родственным чувством, поведет свое хозяйство неизмеримо успешней, чем большая, состоящая из нескольких брачных пар, принудительно удерживаемых в одном хозяйстве. Ведь это же факт общеизвестный, подтвержденный лишний раз компетентным мнением местных комитетов, что принудительные семейные союзы крестьян представляют обыкновенно не что иное, как домашний ад, и что подобные «кооперации» не только не приносят пользы, но совершенно расстраивают общее хозяйство.

Тонкий знаток крестьянского дела Н. Х. Бунге[154], неуклонно восстававший против правовых стеснений крестьян, основанных на соображениях экономической идеологии, привел весьма характерные данные, свидетельствующие, что местности, в коих наиболее развиты семейные разделы, оказываются в ряду наиболее исправных в податном отношении. Обстоятельство это относится к тому времени, когда граф Толстой[155] представил Государственному совету выработанные им меры к ограничению семейных разделов, и оно послужило поводом к возвращению этого проекта, впоследствии вновь внесенного и на этот раз проведенного настойчивостью графа Толстого.

Отказавшись от развития экономического благополучия крестьян мерами принудительными, препятствующими индивидуализации имущественного права и семейным разделам, и распространив на крестьян общегражданские начала, мы получим именно ту правовую обстановку, которая дает необходимый простор для самодеятельности и обеспечивает результаты труда точными правовыми границами взамен сложной принудительной регламентации, не дающей, в конце концов, ответа, где мое право и где чужое.

* * *

Мой взгляд на последний принципиальный вопрос, а именно о выходе из крестьянских обществ, равным образом определяется изложенными выше соображениями о необходимости стремиться к распространению на крестьян общегражданского права. Этим путем будет устранено основное стеснение к увольнению из общества, обусловленное непризнанием личного права распоряжения надельным имуществом и отсутствием законных способов укрепления прав на надельную недвижимость при отчуждении. Выше я уже касался этого вопроса несколько подробней и указывал, что при существующем порядке, крестьянин встречает столь серьезные затруднения к ликвидации своего надельного имущества, что устанавливается как бы абсолютная его замкнутость: продажа его в крестьянские же руки, даже своему односельцу, неосуществима в законном порядке, а только в «обычном», который требует отяготительных накладных расходов в пользу мира и сельских властей и выражается в таких способах укрепления прав, которые не имеют никакой юридической силы и вызывают только тяжбы и злоупотребления. Подобный порядок или, вернее сказать, отсутствие

его находится в полнейшем противоречии с современным экономическим бытом нашего крестьянства, о чем весьма показательно свидетельствуют труды местных комитетов.

Распространение общегражданских прав внесет в эту область необходимую закономерность, причем начала эти отнюдь не исключают возможности применить известные меры для охраны мелкой земельной собственности в виде сословной ее замкнутости, неответственности по долгам собственника и даже предельной нормы сосредоточения в одних руках. Вместе с тем, порядок укрепления прав на недвижимость должен быть, по моему мнению, приближен к сельскому населению и удешевлен.

Конечно, право распоряжения в общегражданском порядке может быть предоставлено в отношении подворных и усадебных земель, но не доли участия в общинном владении; относительно этого имущества казалось бы необходимым обязать общество вознаграждать выходящего, а при отказе, — предоставить последнему право сдать надел в аренду однообщественнику на срок до передела, независимо от согласия мира.

Все прочие стеснения к выходу из общества и временным отлучкам основаны, главным образом, на соображениях фискальной пользы; в свое время они имели весьма серьезное значение в виду круговой поруки и высокой выкупной задолженности надела, не отвечавшей его действительной стоимости. Обе эти причины ныне отпали, и сохранять проистекающие отсюда стеснения, конечно, нет основания. Поэтому выход совершеннолетних крестьян из общества и временные отлучки по паспортам должны быть поставлены вне всякой зависимости от согласия мира, сельских властей, домохозяина и родителей, как в настоящее время. Согласие последних, т. е. домохозяина и родителей, требуется не только по мотивам податного характера, но и в виду семейного начала, на котором признается полезным конструировать крестьянские имущественные права. Я уже высказался по этому вопросу; добавлю только, что при общегражданском праве, основанном на начале личном, дети будут в полной имущественной зависимости от отца, чем весьма сильно скрепляется союз родителей и детей и устраняется необходимость личной зависимости совершеннолетних, допускаемой вообще только самым первобытным гражданским строем. <...> Таким образом, с моей точки зрения, личная зависимость совершеннолетних, подобно прочим стеснениям к увольнению и к временным отлучкам

из общества, не обусловлена действительной необходимостью, и крестьянам желательно предоставить свободу передвижения и труда в тех же пределах, как и прочим сословиям.

* * *

Все вышеизложенное по крестьянскому вопросу я резюмирую в том виде, что конечною целью работ по пересмотру законодательства о крестьянах должно быть устранение обособленности их от прочих сословий в тех областях права, где сохранение сословных отличий не обусловлено действительной пользой и потребностями времени. Таким образом, результатом этой работы должно быть приближение крестьянского правопорядка к общему и, наряду с этим, сохранение тех особенностей сословного строя, которые необходимы для пользы самого крестьянства и всего государства. В ряду этих особенностей я представляю себе сословные союзы для заведывания надельными землями, состоящими в общинном и общем владении: сословную замкнутость надельных земель и неответственность их по долгам владельцев; особый, доступный для крестьян порядок размежевания и судебно-межевого разбирательства; особое охранительное судопроизводство и нотариальный порядок, имеющие целью обеспечить крестьянам укрепление прав на надельную недвижимость; сословную организацию поземельного кредита в виде Крестьянского банка; сословный порядок заселения свободных казенных земель; сословные особенности в порядке арендования казенных земель и в договорных отношениях с казной; наконец, некоторые сословные отличия по государственной службе. Даже этот перечень, сделанный в общих чертах, дает весьма содержательный объем сословному строю, который необходимо сохранить, но, наряду с этим, предстоит устранить ту правовую обособленность в материальном гражданском и уголовном праве и в порядке низшего управления и суда, которая, по признанию местных комитетов, совершенно не отвечает современным условиям и приносит только вред и крестьянству, и всей стране.

По всем этим соображениям я нахожу, что работа, которая имела бы в виду иную цель, а именно развитие сословной обособленности крестьян, — которая расширяла бы, например, компетенцию чисто сословного суда и управления и стремилась бы нормировать частноправовые отношения крестьян и уголовную их ответственность в ином порядке, иным положительным правом, чем существующее для

прочих сословий, — всякая такая работа, по моему убеждению, не отвечала бы действительным нуждам страны, указанным местными комитетами, противоречила бы основным началам той освободительной реформы, которая устранила наиболее серьезные правовые отличия крестьян от прочих сословий, и тем самым оказалась бы несогласованной с предуказаниями Его императорского величества.

Председатель Высочайше учрежденного Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности,

Статс-Секретарь *С. Витте*

П. Б. Шимановский
ВОЗМОЖНОЕ РЕШЕНИЕ АГРАРНОГО ВОПРОСА

Одним из наиболее острых вопросов, выдвинутых русской действительностью на первый план, является аграрный вопрос.

В виду его важности он, по всей вероятности, будет одним из первых в Государственной думе.

Но время не ждет, отношения между малоземельным крестьянским населением и другими собственниками земли обостряются и грозят разлиться широким пожаром аграрных беспорядков.

Не вдаваясь в рассуждения характера чисто теоретического, попробуем разрешить этот вопрос на основании данных самой действительности, данные их таковы:

1. Масса крестьянского населения России страдает малоземельем.
2. Оборотный капитал в крестьянских хозяйствах весьма мал.
3. Кредит в деревне почти совершенно отсутствует.
4. Полное отсутствие техники сельского хозяйства.
5. Агрономическая помощь населению находится в зачаточном состоянии.
6. Косность массы крестьянского населения вообще, а в вопросах сельского хозяйства — в частности.
7. Громадные земельные площади в руках государства, уделов, монастырей, духовенства и частных владельцев.
8. В большинстве частновладельческих хозяйств ведется хищнический способ хозяйства.

9. Многие владельцы готовы уступить свою землю на более или менее выгодных условиях.

10. Общие условия внешней и внутренней политики правительства не в интересах сельского хозяйства.

Все эти данные распадаются на четыре группы:

I. Малоземелье крестьянского населения.

II. Отсутствие кредита и оборотного капитала.

III. Отсутствие техники сельского хозяйства.

IV. Внешняя и внутренняя политика правительства.

I. *Малоземелье крестьянского населения*

Как наиболее острая сторона аграрного вопроса требует немедленного разрешения путем наделения землей малоземельных, причем, как принципы должны быть поставлены:

1) Устанавливается норма земельной площади для данной местности на одну душу.

2) Землей наделяются все малоземельные.

3) Земельным фондом являются земли государственные, удельные, монастырские, церковные и частных лиц.

4) Наделение землей производится за счет государства.

5) В отношении земель удельной, монастырской и церковной применяется экспроприация.

6) Из частновладельческих земель подлежат экспроприации земли хозяйств, ведущихся хищническим способом, причем цены на землю устанавливаются в каждом отдельном случае.

7) В виду разнообразия сельскохозяйственных условий необходимо решение этого вопроса на местах в каждом отдельном случае.

Для выполнения этой задачи в каждом уезде образуются земельные комиссии. Ядром комиссий могут явиться экономические или сельскохозяйственные советы при земских управах[156], пополненные представителями от крестьян и специалистами. Комиссия выясняет все данные вопросы, т. е.:

а) количество малоземельных в уезде;

б) необходимое для малоземельных количество земли;

в) площадь земли в руках государства, уделов, монастырей, духовенства и частных лиц;

г) число частновладельцев, желающих свою землю уступить и ее общее количество;

д) норму земельной площади;

е) цену на землю.

Комиссия является посредником между правительством, частными владельцами и малоземельными.

II. *Отсутствие кредита и оборотного капитала*

Является не менее важной стороной аграрного вопроса. В крестьянском хозяйстве немыслимы никакие улучшения в виду отсутствия кредита и незначительности оборотного капитала.

С целью урегулирования кредита и увеличения оборотного капитала в деревне необходимо:

а) открытие кредитных товариществ;

б) банков, касс;

в) расширение мелиоративного кредита;

г) продажи в кредит с широкой рассрочкой сельскохозяйственных машин и орудий, семян, удобрительных веществ и вообще всех принадлежностей сельского хозяйства.

III. *Отсутствие техники сельского хозяйства*

Факт, что масса крестьянских хозяйств с достаточным количеством земли ведется плохо общеизвестен, и одной из причин этого явления надо считать отсутствие техники сельского хозяйства.

С целью поднятия техники сельского хозяйства требуются:

а) широкая и прочная организация агрономической помощи населению;

б) устройство сети опытных учреждений: опытных и показательных полей, пробных участков, лабораторий, бактериологических и метеорологических станций, семенных и племенных хозяйств, питомников, рассадников, образцовых ферм, пасек и т. д.;

в) образование с.-х. обществ, синдикатов, союзов и вообще кооперативных с.-х. учреждений;

г) съезды сельских хозяев и представителей сельскохозяйственных обществ.

IV. *Политика правительства*

Часть предложенных мер не может быть сейчас осуществлена в виду того, что требует законодательного порядка и санкций правительства, например, экспроприация земельной собственности.

Уездные земельные комиссии, если бы они были сейчас образованы, могли бы собрать тот фактический материал, который будет необходим Государственной думе при проведении аграрного закона, а уже одно то, что всякий малоземельный знал бы об

этом, могло оказать успокоительное действие при тех обостренных действиях, которые имеют место в настоящее время в провинции между малоземельным крестьянским населением и другими собственниками земли.

О ДОПОЛНЕНИИ НЕКОТОРЫХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ ДЕЙСТВУЮЩЕГО ЗАКОНА, КАСАЮЩИХСЯ КРЕСТЬЯНСКОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ

Правительствующему Сенату

Манифестом Нашим от 3 Ноября 1905 г. взимание с крестьян выкупных платежей за надельные земли отменяется с 1 января 1907 г. С этого срока означенные земли освобождаются от лежавших на них, в силу выкупного долга, ограничений, и крестьяне приобретают право свободного выхода из общины с укреплением в собственность отдельных домохозяев, переходящих к личному владению, участков из мирского надела.

Однако действительное осуществление сего признанного законом права в большинстве сельских обществ встретит практические затруднения в возможности определить размер и произвести выдел участков, причитающихся выходящим из общины домохозяевам.

С другой стороны, в законе не установлено порядка совершения сделок об отчуждении состоящих в подворном владении участков надельной земли, на которые у собственников их не имеется отдельных крепостных актов владения.

Признав, вследствие сего, необходимым ныне же устранить имеющиеся в действующих узаконениях препятствия к действительному осуществлению крестьянами принадлежащих им прав на надельные земли и одобрив состоявшийся по сему предмету особый журнал Совета министров[157], Мы, на основании статьи 87 Свода Основных государственных законов, издания 1906 г., повелеваем:

I. В дополнение статьи 12 Общего Положения о крестьянах и примечания к ней (Свод. Зак. Особ. Прил. к т. IX, изд. 1902 г.) постановить нижеследующие правила:

1. Каждый домохозяин, владеющий надельной землей на общинном праве, может во всякое время требовать укрепления за собой в личную собственность причитающейся ему части из означенной земли.

2. В обществах, в коих не было общих переделов в течение 24 лет[158], предшествующих заявлению отдельных домохозяев о желании перейти от общинного владения к личному, за каждым таким домохозяином укрепляются в личную собственность, сверх усадебного участка, все участки общинной земли, состоящие в его постоянном (не арендном) пользовании.

3. В обществах, в коих в течение 24 лет, предшествовавших заявлению отдельных домохозяев о желании перейти из общинного владения к личному, были общие переделы, за каждым, сделавшим такое заявление, домохозяином укрепляются в личную собственность, сверх усадебного участка, все те участки общинной земли, которые предоставлены ему обществом в постоянное, впредь до следующего общего передела, пользование. Но если в постоянном пользовании желающего перейти к личному владению домохозяина состоит земли больше, нежели причиталось бы на его долю на основаниях последней разверстки, по числу разверсточных единиц в его семье ко времени упомянутого заявления, то за ним укрепляется в личную собственность то количество общинной земли, какое причитается ему по указанному расчету. Засим оказавшийся излишек укрепляется в личную собственность только под условием уплаты обществу его стоимости, определяемой по первоначальной средней выкупной цене за десятину предоставленных в надел данному обществу угодий, облагающихся выкупными платежами. В противном случае весь означенный излишек поступает в распоряжение общества.

4. Домохозяева, за коими укреплены в личную собственность участки общинной земли, состоящей в постоянном пользовании (ст. 1–3), сохраняют за собой право пользования в неизменной доле теми сенокосными, лесными и другими угодьями, которые переделяются на особых основаниях (напр., по произведениям почвы или отдельно от угодий, переделяемых при общих переделах, и на иных основаниях и т. п.), а также право участия в пользовании, на принятых в обществе основаниях, непеределяемыми угодьями, как-то: мирской усадебной землей, выгонами, пастбищами, оброчными статьями и др.

5. Постоянные доли в угодьях, переделяемых на особых основаниях (ст. 4), определяются в том размере, в каком домохозяева, заявившие желание перейти от общинного владения к личному, пользуются означенными угодьями ко времени подачи такого заявления.

6. Требования об укреплении в личную собственность части из общинной земли (ст. 1) предъявляются через сельского старосту обществу,

которое по приговору, постановляемому простым большинством голосов, обязано в месячный со дня подачи заявления срок указать участки, поступающие на основании статей 2 и 3 в собственность переходящего к личному владению домохозяина, а в подлежащих случаях определить также размер причитающейся с него доплаты (ст. 3) и постоянную его долю участка в угодьях, переделяемых на особых основаниях (ст. 4 и 5). Если в течение указанного срока общество такого приговора не постановит, то по ходатайству подавшего упомянутое заявление домохозяина все означенные действия исполняются на месте земским начальником[159], который разбирает по существу все возникающие при этом споры и объявляет свое по сему предмету постановление.

7. В упомянутых в ст. 6 приговорах и постановлениях земских начальников должны быть точно указаны: а) число укрепляемых в личную собственность домохозяина отдельных участков, а также размер и род угодий каждого из них; б) количество и описание состоящих в наделе общества угодий, переделяемых на особых основаниях (ст. 4), и постоянная доля участия в сих угодьях домохозяина, переходящего к личному владению, и в) состоящие в общем пользовании всех членов общества непеределяемые угодья (ст. 4).

8. Стороны и заинтересованные лица могут приносить уездному съезду жалобы на общественные приговоры и постановления земского начальника (ст. 6) в тридцатидневный срок со времени их объявления.

Жалобы на общественные приговоры подаются через земского начальника и представляются им с его заключением в уездный съезд по производстве на месте предварительного расследования. Как обжалованные, так и необжалованные приговоры и постановления земского начальника представляются на утверждение уездного съезда.

9. Постановления уездного съезда, последовавшие по жалобам на общественные приговоры и постановления земского начальника, равно как об утверждении сих приговоров и постановлений (ст. 6), почитаются окончательными и приводятся в исполнение сельским старостою или волостным старшиною. На постановления уездного съезда могут быть приносимы жалобы губернскому присутствию[160] лишь в случаях превышения пределов ведомства или власти, или же явного нарушения закона.

10. В местностях, в коих не введены в действие Положения 12 июля 1889 г., обязанности, возлагаемые настоящими правилами на земских

начальников, уездные съезды и губернские присутствия, исполняются соответствующими им должностными лицами и учреждениями.

11. В тех случаях, когда домохозяева, в личную собственность коих укреплены участки надельной земли, или общество пожелают отграничить эти участки в натуре и нанести их на план, межевые работы и составление планов могут быть исполняемы как правительственными, так и частными землемерами за счет той из сторон, которая признала необходимым произвести отграничение.

12. Каждый домохозяин, за коим укреплены участки надельной земли в порядке, установленном в статьях 1–11 настоящих правил, имеет право во всякое время требовать, чтобы общество выделило ему взамен сих участков соответственный участок, по возможности, к одному месту.

13. В тех случаях, когда требование о выделе к одному месту не совпадает с общим переделом, выдел же оказывается неудобным или невозможным, обществу предоставляется удовлетворить желающего выделиться домохозяина деньгами по взаимному с ним соглашению, а при не достижении соглашения — по оценке, установляемой волостным судом[161]. Со своей стороны, желающий выделиться домохозяин, *если найдет определенную судом оценку для себя невыгодной, может* отказаться от получения денег и продолжать владеть укрепленными в его собственность участками в прежних границах.

14. При общих переделах выдел к одним местам участков домохозяевам, заявившим желание о переходе к личному владению до вступления в законную силу приговора о переделе или ранее укрепившим за собою участки надельной земли в порядке, установленном статьями 1–11 настоящих правил, обязателен по требованию как этих домохозяев, так и общества, без права сего последнего удовлетворять выделяющихся деньгами.

15. Споры, возникающие при выделе участков к одним местам, разрешаются на основаниях, установленных в примечании к статье 12 Общего Положения о крестьянах, изд. 1902 года.

16. Домохозяева, перешедшие от общинного владения к личному, а также их правопреемники пользуются укрепленными в их личную собственность на основании настоящих правил участками до выделения их к одному месту на одинаковых правах с владельцами подворных участков. За правопреемниками сохраняется также право на участие в пользовании как переделяемыми на особых основаниях угодьями в той мере, в какой это право было предоставлено первоначальным

собственникам участков, так и непеределяемыми угодьями, на принятых в обществе основаниях.

17. В порядке и на основаниях, установленных статьями 4–16 настоящих правил, производится укрепление в личную собственность и выдел участков, досрочно выкупленных на основании статьи 165 Положения о выкупе изд. 1876 г. и не выделенных к одному месту.

18. Действие настоящих правил (ст. 1–16) распространяется на крестьян всех наименований, причем укрепление в личную собственность отдельных домохозяев участков из общинной земли до освобождения ее от выкупного долга допускается при условии погашения части этого долга, упадающей[162] на укрепляемые участки.

II. В дополнение действующих узаконений о порядке отчуждения надельных земель, состоящих в подворном владении, постановить:

1. Отчуждение участков надельной земли, состоящих в подворном владении, совершается общим крепостным порядком (Пол. Нотар., изд. 1892 г., ст. 66).

2. Принадлежность упомянутых в статье 1 участков лицам, их отчуждающим, может быть удостоверяема в нотариальных учреждениях одним из следующих документов: а) крепостными актами; б) владенными записями и иными землеустроительными актами, выданными крестьянскими учреждениями; в) вошедшими в законную силу и приведенными в исполнение решениями судебных установлений, а равно волостных судов и уездных съездов по делам о праве собственности на недвижимое имущество, входящее в состав надела, и о наследовании в этом имуществе (Общ. Пол. Крест., ст. 125, п. 1 и 4 и ст. 142, 159 и 161); г) сделками об отчуждении, совершенными до 25 января 1883 г. в волостных правлениях (Общ. Пол. Крест., ст. 110, п. 1 и прим. 1); д) утвержденными уездным съездом общественными приговорами или постановлениями земских начальников об укреплении в личную собственность отдельных домохозяев участков из надельной земли, состоящей в общинном пользовании (отд. 1 настоящего узаконения, ст. 6, 7 и 9); е) вошедшими в законную силу и приведенными в исполнение приговорами сельских и селенных сходов[163] о предоставлении участков из общинной земли в подворное владение отдельных домохозяев, равно как о замене общинного пользования землей подворным и о разделе мирских земель на постоянные наследственные участки и на хутора[164], а также приговорами о переходе целых обществ с подворным землепользованием к владению в отрубных участках[165] (Общ. Пол. Крест., ст. 62, п. 8, ст. 66, п. 1 и 2; Пол. Выкуп., ст. 111; Пол. Крест. Влад., ст. 20 и 21 и Пол. Крест. Казен., ст. 20 и

21 и Пол. Крест. Казен., ст. 32–34) и ж) в обществах с подворным землепользованием, а в отношении усадебных участков и в обществах с общинным землепользованием, — утвержденными земским начальником или соответствующим ему должностным лицом, приговорами сельских и селенных сходов о том, что отчуждаемый участок действительно принадлежит отчуждающему его лицу на праве собственности.

3. Приговоры сельских и селенных сходов, упомянутые в пункте «ж» статьи 2 настоящего (II) отдела, постановляются по ходатайствам владельцев подворных и усадебных участков и утверждаются с соблюдением следующих правил: а) означенные приговоры постановляются простым большинством голосов в удостоверение принадлежности отдельным домохозяевам не только полных, значащихся по землеустроительным актам, подворных участков, но и частей их, состоящих в бесспорном владении отдельных лиц; б) в приговор обязательно включаются сведения о размере участка, числе отдельных отрубов, из коих он состоит, размере каждого отруба и роде угодий, а также подробное описание местоположения участка и его границ; в) в тех случаях, когда точное описание границ представляется невозможным, к приговору должен быть приложен план участка, составляемый за счет владельца; г) приговор обязательно записывается в установленную для записи приговоров сельского схода книгу (Общ. Пол. Крест., изд. 1902 г., ст. 69), а копия с него вывешивается для общего сведения в волостном правлении[166] и в том селении, где находится участок, относительно которого состоялся приговор; д) волостной старшина обязан в недельный срок по составлении приговора проверить на месте содержание его по существу в присутствии трех понятых и немедленно представить приговор, со своим заключением, на утверждение земского начальника; е) в месячный, со дня проверки волостным старшиною, срок приговор может быть обжалован заинтересованными лицами земскому начальнику и ж) приговор не подлежит утверждению, если окажется неправильным с формальной стороны или если при составлении его не соблюдены требования, изложенные в настоящей статье, или если будет возбужден спор о праве гражданском, подлежащий разрешению суда.

4. Выписи нотариальных актов, касающихся надельных земель и подлежащих утверждению старших нотариусов, могут быть пересылаемы нотариусами старшему нотариусу по почте.

III. В дополнение действующих узаконений, определяющих права крестьян на участки надельной земли, состоящие в подворном владении, постановить:

1. Подворные участки, как предоставленные в подворное владение крестьян при наделении их землей, так и укрепленные впоследствии в личную собственность отдельных крестьян из общинных земель, а также усадебные участки при общинном землепользовании, составляют личную собственность домохозяев, за коими эти участки значатся по землеустроительным актам, общественным приговорам, постановлениям крестьянских учреждений, актам об отчуждении и решениям судебных мест. Таковым же правом на упомянутые участки пользуются и правопреемники сих домохозяев.

2. В тех случаях, когда указанные в предшедшей (1) статье участки находятся в нераздельном владении нескольких лиц, не состоящих между собою в родстве по прямой нисходящей линии, они составляют общую их собственность.

IV. В дополнение статей 62 и 66 Общего Положения о крестьянах и статьи 15 Положения о поземельном устройстве крестьян и поселян разных наименований, водворенных на владельческих землях (Свод. Зак., Особ. Прил. к т. IX, изд. 1902 г.), постановить:

Переход целых обществ как с общинным, так и с подворным землепользованием к владению в отрубных участках совершается по приговорам, постановленным большинством двух третей крестьян, имеющих право голоса на сходе.

Правительствующий Сенат к исполнению сего не оставит учинить надлежащее распоряжение.

На подлинном Собственной Его Императорского Величества рукой подписано:

«Николай»

В Царском Селе
9 ноября 1906 года

ВОЗРАЖЕНИЯ ПРОТИВ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТА МИНИСТРОВ

(По данным периодической печати)

Возражения против аграрной политики Совета министров занимают едва ли не самое видное место среди тактических приемов той части печати, которая стремится защищать аграрные предположения первой Думы, поскольку таковые определились в ответном

адресе на тронную речь[167] и вытекают из партийных вожделений парламентских групп, считавших за собой думское большинство.

Понимая, что народные массы весьма туго поддаются на призывы более или менее теоретического характера, сторонники государственного переворота всех оттенков одинаково сосредоточились на мысли сделать боевым кличем такое разрешение аграрного вопроса, при котором крестьянство могло бы надеяться на более или менее быстрое и бесплатное или почти бесплатное приобретение частновладельческих земель. Этим массовое движение приобретало бы реальную почву и, следовательно, открывалась бы широкая возможность влиять на массы и волновать их в пользу революционных замыслов.

Если внимательно прислушаться к тем отзывам печати, которые, в данном случае, являются преобладающими, то можно свести их, главным образом, к трем группам: 1) аграрная политика Совета министров лицемерна, так как под видом заботы о скорейшем утолении голода народных масс, правительство лишь создает условия, при которых разорившееся по собственной вине дворянство могло бы с наибольшей для себя выгодой ликвидировать свои поместья, 2) аграрная политика С[овета] м[инистров] легкомысленная, потому что в самом скором времени и притом искусственно будет создан огромный класс сельского пролетариата; 3) аграрная политика С[овета] м[инистров] не исторична, потому что, вопреки всему духу истории народа, обрушилась во имя отвлеченных и даже утопических соображений, на коренные устои народной жизни.

По мнению противников аграрной политики Совета министров, ближайшее будущее покажет полную ошибочность тех основных положений, на которые правительство пробует опираться. Землеустроительные комиссии, в виду их бюрократического состава, или ничего не сумеют сделать, или превратятся в комиссионеров по продаже крестьянам помещичьих земель, притом — по дорогой цене. Крестьянский банк[168], если он будет действовать осторожно, не окажет населению существенной помощи; если же он будет действовать неосторожно, приведет лишь к искусственному повышению цен на земли.

Наконец, разрешение выхода из общины, завершая процесс обезземеления масс, расколет крестьянство на две группы: на сильное меньшинство и слабое большинство, причем, с точки зрения противников аграрной политики С[овета] м[инистров], большинство будет отдано в

жертву меньшинству и, таким образом, страна вернется в сущности к одной из худших форм крепостного права, к тому, что экономически более сильные единицы поработят остальную крестьянскую массу.

1. Возражения против закона об общине

Говоря вообще о законе 9 ноября, возражения связаны с тем, что закон этот был проведен в порядке ст. 87 Осн. Зак. По словам профессора Чупрова А. А.[169], законом 9 ноября «разрушается вековой порядок сельскохозяйственных отношений, с которым сроднилось большинство нашего крестьянства, с которым тесно переплелись его домашний быт, его семейный уклад, его воззрения, чувствования и привычки. Казалось бы, сам русский народ призван чрез своих представителей к определению собственных судеб, а между тем правительство, за три месяца до созвания Государственной думы взяло на себя радикальное решение вопроса бесконечной сложности и безграничной важности, — вопроса, притом, безусловно лишенного каких бы то ни было признаков срочности. Акт подобного значения приравнен к временным правилам и издан даже без тех гарантий, каким обставлялось законодательство в "дореформенное время", т. е. без рассмотрения в Государственном совете». Здесь видно стремление Совета министров какой угодно ценой создать тип мелкого земельного собственника, который был бы буфером между состоятельными классами населения и пролетариатом.

Далее отмечается, что каков бы ни был строй общинного землевладения, он представляет собой определенный строй земледельческого производства. К нему миллионы хозяйств в течение ряда поколений приурочили свой обыденный труд и свои потребительные нужды. Между тем указом 9 ноября каждому члену сельского общества представляется закрепить находящуюся в его пользовании надельную землю в личную собственность. Каковы же будут теперь взаимные права и обязанности общины и вновь создаваемых собственников? Указ об этом не говорит ни слова, а, следовательно, весь мирской строй может быть тотчас же приведен в полное замешательство.

Первое столкновение между общиной и выделяющимися членами неизбежно произойдет из-за права пастьбы на полях. Наши сельские общества, при обычном недостатке постоянных выгонов, никак не могут обойтись без пользования полями в известное время года как пастбищами. Лишение этого права может привести крестьянское хозяйство к пол-

ному кризису, заставляя его сократить, иногда даже и вовсе прекратить скотоводство; а в зависимости от того и удобрение полей. Между тем, если в каждом поле очутятся нивы не принадлежащих к общине личных собственников и эти последние не пожелают допустить пастьбы на своей земле, то общине может предстоять перспектива вовсе отменить выгон скота на поля или же подчиниться всяким условиям, какие угодно будет поставить господам выделенных полос. Две-три выделившиеся семьи имеют возможность этим путем взять в руки целое общество.

Существенной функцией общины является производство переверсток земли. В промежуток между коренными переделами, всякий раз, как является необходимость принять меры против возникающей излишней чересполосицы, крестьянский мир прибегает к своему праву передвигать полосы отдельных членов. С появлением на общинных землях частных собственников переверстки могут сделаться совершенно невозможными. Выделившийся крестьянин имеет полное право закрепить свои полосы в данном месте навсегда, а чрез то у общины связаны будут руки относительно переверстки и всех других полос. Если таким образом выделившийся из общины собственник может помешать осуществлению переверсток, когда последние требуются в интересах всего мира, то, с другой стороны, сам он в состоянии заставить переверстывать общинные земли во всякое время. По новому закону выделяющийся домохозяин получает полномочие в каждую минуту потребовать от общины отвода принадлежащей ему земли к одному месту. Чтобы исполнить это требование, мир не имеет иного способа, как произвести общую переверстку всех или большей части полос, хотя бы последняя и являлась для него стеснительной и неудобной. Правда, общине предоставляется откупиться от этого требования деньгами, но домохозяин всегда может запросить такую сумму, которая будет не по силам миру, и таким путем настоять на сведении своих полос к одному месту. Таким образом, община может быть вынуждена производить переверстку всех полос, сначала из-за одного, потом из-за другого, дальше из-за третьего выделяющегося двора и т. д. Едва ли нужно прибавлять, что при подобной непрочности владения у общинников может пропасть всякий интерес бережно обращаться с землей.

Что же выиграет народное хозяйство от подобной перемены? — спрашивает профессор А. А. Чупров. На развалинах общины водворится форма подворно-наследственного землевладения, которая наблюдается в некоторых частях Западной Европы и на обширных пространствах

нашей собственной страны: это именно чересполосное личное владение с обязательным севооборотом. В том, что такая форма землепользования возникнет у нас на месте нынешнего мирского строя, убеждают как примеры Западной Европы, где община, по ее распаде, обыкновенно заменялась подобным аграрным устройством, так и то соображение, что нынешние общинники, а будущие собственники никакого [иного] порядка не знают и ни к какой более совершенной и целесообразной форме земельных отношений не подготовлены. Чтобы отменить пастьбу на полях и, в зависимости от нее, принудительный севооборот, нужно было бы, при обычном отсутствии достаточных выгонов, ввести травосеяние и стойловое содержание скота; оба эти нововведения предполагают настолько крупную перемену хозяйственной системы, что ожидать их принятия в близком будущем можно лишь в исключительных случаях. Таким образом, временное пользование земельными участками, имевшее место при общине, заменится наследственной собственностью на них, но обязательное трехполье, чересполосица и многополосица, выпас скота на полях, зависимость отдельного хозяина от прочих — все это останется в том же самом виде, как было и раньше, с тем только различием, что ко всем этим слабым сторонам нашего обычного общинного быта прибавится еще неограниченная дробимость подворных участков.

Таким образом, *первый* довод, который выставляется противниками указа 9 ноября, может формулирован следующим образом: закон 9 ноября роковым образом ведет к *полному уничтожению общины* и к замене ее чересполосным личным владением, которое не только не поможет хозяйственному прогрессу, но и задержит его, так как препятствует всякому полезному нововведению.

Вторым доводом против указа 9 ноября является утверждение, что *введение отрубного хозяйства* происходит *медленно,* стоит очень *дорого,* иногда даже неосуществимо.

Для России потребуются колоссальные издержки. Так, например, для Подольской губернии местный комитет рассчитывает, что консолидация, не считая переноса усадеб, обошлась бы там в 30 милл[ионов] рублей. Проф. А. А. Чупров говорит по этому поводу: «Если вникнуть в самый процесс аррондирования[170], как он совершается в Западной Европе, если сообразить, чего стоит съемка на план бесчисленных отдельных парцелл[171], их оценка и бонитировка[172], составление новых планов, отвод и отмежевание участков в натуре, то нельзя не придти к заключению, что меньше эти операции и обходиться не могут, как ско-

ро они будут исполняться с надлежащею тщательностью. Правда, наши законодатели нашли способ удешевить разверстку. Вместо того, чтобы проделать весь этот сложный процесс, при помощи которого совершается аррондирование земель на Западе, вместо того, чтобы пускать в дело целый ряд специалистов, землемеров, оценщиков-бонитеров, чертежников и т. д., указ 9 ноября возлагает эти действия на земского начальника, в руки которого переходит вся процедура создания свободной отрубной собственности в России. Этот универсальный специалист должен быть отныне и землемером, и оценщиком, и судьей, и приставом, исполняющим собственные решения».

Оценивая политическую сторону указа 9 ноября, его противники усиленно выдвигают предположения, будто этим указом создаются на долгие годы рознь и ожесточенная вражда классов в деревне, а вместе с тем за администрацией как бы раз навсегда укрепляется роль той инстанции, которая то усиливая, то смягчая эту рознь, будет играть на страстях, как на клавишах рояля. А так как, с другой стороны, история не знает примеров, чтобы такая сложная игра народными страстями приводила бы к государственным результатам, то, в конце концов, следует ждать такого взрыва народного гнева и справедливого негодования, размеры которого сейчас было бы даже трудно предусмотреть.

Ко всему изложенному необходимо присовокупить, что против указа 9 ноября высказываются и крайние консервативные органы. В означенном законе они усматривают полное уничтожение общины, а это последнее, по их мнению, неизбежно должно повлечь за собой усиленное размножение пролетариата, проникновение в деревню беспокойных элементов, ослабление семейных и общественных связей.

МАТЕРИАЛЫ ДИСКУССИЙ И ПРОГРАММНЫЕ ДОКУМЕНТЫ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ

Аграрная часть проекта программы РСДРП [представлен II съезду РСДРП]

<...> В целях же устранения остатков крепостного порядка, тяжелым гнетом лежащих на крестьянах, и в интересах свободного развития классовой борьбы в деревне партия будет добиваться:

1) Отмены выкупных и оброчных платежей, а также всяких повинностей, падающих в настоящее время на крестьянство как на податное сословие;

2) Отмены круговой поруки и всех законов, стесняющих крестьянина в распоряжении его землей;

3) Возвращения народу денежных сумм, взятых с него в форме выкупных и оброчных платежей: конфискации с этой целью монастырских имуществ и удельных имений; а равно обложения особым налогом земель крупных землевладельцев-дворян, воспользовавшихся выкупной ссудой; обращения сумм, добытых этим путем, в особый народный фонд для культурных и благотворительных нужд сельских обществ;

4) Учреждения крестьянских комитетов: а) для возвращения сельским обществам (посредством экспроприации или — в том случае, если земли переходили из рук в руки, — выкупа государством за счет крупного дворянского землевладения) тех земель, которые отрезаны у крестьян при уничтожении крепостного права и служат в руках помещиков орудием для их закабаления; б) для устранения остатков крепостных отношений, уцелевших на Урале, на Алтае, в Западном крае и в других областях государства;

5) Предоставления судам права понижать непомерно высокие арендные платы и объявлять недействительными сделки, имеющие кабальный характер. <...>

Протокольная запись обсуждения аграрной части проекта программы на II съезде РСДРП 31 июля – 1 августа 1903 г.

<...> Читается вводная часть к аграрной программе.

Либер[173]. Мы полагали, что будет доклад.

Ленин. Должен сказать, что доклада у нас не вышло. Комиссия оказалась не в состоянии справиться с этим вопросом[174].

На вопрос Егорова[175] председатель[176] заявляет, что при обсуждении аграрной программы восстановляется общий порядок дебатов, т. е. принятый в начале съезда регламент.

Ленин. Предлагаю поправку: вместо «будет добиваться» — «требует прежде всего».

Егоров. Не знаю, как можно вести дебаты в порядке этих пяти строк. Вопрос об аграрной программе не выяснен. Предлагаю хотя бы прочесть всю программу и потом вести общие дебаты. Пять строк выясняют идею автора, но связь их со всей программой остается непонятной.

Голосуется и *принимается* это предложение.

Читается аграрная программа.

Мартынов[177]. В основу предлагаемой нам аграрной программы положен совершенно правильный принцип. Мы находимся накануне революции, которая должна окончательно ликвидировать отживший сословно-крепостной строй и уступить место буржуазно-демократическому. Эта революция может и должна разделаться революционным способом, т. е., не считаясь с исторически приобретенными правами, со всеми отношениями, выросшими на почве старого строя... Предстоящая революция есть по существу историческая миссия буржуазии. Но партия пролетариата должна взять на себя выполнение и тех революционных задач, которые должна была выполнить, но не выполнила буржуазия. Таков основной принцип программы. Но не трудно убедиться, что некоторые существенные пункты этой программы вовсе не вытекают из этого принципа. Я имею в виду два пункта: возвращение крестьянам выкупных платежей, взимавшихся от 1861 г., и возвращение крестьянам земли, отрезанной у них в 1861 году. Я нахожу, что эти два пункта имеют целью не уничтожение сохранившихся в настоящее время полукрепостных отношений; они имеют целью лишь исправление исторической несправедливости. По отношению к первому пункту это очевидно. Но это также верно и по отношению ко второму пункту: во-первых, ничем не установлено, что в момент освобождения крестьян земли отрезывались преимущественно для сохранения кабальных отношений. Во-вторых, за истекшее время деревня пережила глубокую экономическую эволюцию; многие из отрезков, которые имели некогда такое значение, теперь его утратили; наоборот, многие неотрезные земли с тех пор приобрели такое значение орудий закабаления. Наконец, современные кабальные отношения между арендаторами и землевладельцами не укладываются уже в старые сословные рамки оппозиции крестьянина к дворянину-помещику. Таким образом, возвращение отрезков не достигает той цели, которую себе поставили составители программы, а цель, которую эти меры действительно достигают, мы себе не можем ставить. Мы не можем требовать произвольно исправления именно данной истори-

ческой несправедливости, если мы этим косвенно как будто освящаем другие исторические несправедливости. Мы не можем требовать, чтобы крестьянам были возвращены именно те земли, которыми они пользовались в 1861 г., потому что мы в принципе не признаем за помещиками права и на те земли, которые они до 1861 г. награбили. Если мы в настоящее время не выставляем требований национализации всей земли, то мы при этом руководимся соображениями, ничего общего не имеющими с вопросом о правах. Если мы хотим последовательно провести тот принцип, который выставлен в программе, мы должны определить, какие земли и угодья в настоящее время служат крупным землевладельцам средством для поддержания полукрепостной зависимости окрестного населения, и экспроприировать их, независимо от того, как и когда эта земля к ним попала.

<...> *Егоров.* Дебаты значительно затруднены отсутствием предварительного доклада. Вся социал-демократическая программа для нас не нова. Но именно аграрная программа наименее выяснена. Правда, она обсуждалась в литературе, но все-таки желательна была бы, хотя бы кратко формулированная, мотивировка. Мне неясно, каково значение этой программы. Есть ли это программа для нас, т. е. определяет ли она требования, которые мы выставляем, или мы хотим сделать ее популярной. Аграрный вопрос — один из существеннейших вопросов. Предстоящая нам революция по отношению к крестьянству, если не вполне аналогична, то имеет много общего с Великой французской революцией. Крестьянский вопрос будет ликвидирован прежде всего, и крестьянство примет участие в этой ликвидации. Крестьяне, конечно, выставят ряд требований, которые отчасти будут удовлетворены. Итак, социал-демократия в своей программе, может быть, прежде всего выясняет себе, что может дать экономический процесс крестьянству в момент революции. Возможно, что именно это имели в виду авторы программы. И я согласен с ними, что это чрезвычайно важно. Но если они имели в виду вовлечь крестьян в дело ликвидации, бросить им активный лозунг, то в таком случае их программа несостоятельна, так как здесь социалисты-революционеры скорее побьют рекорд, выдвигая раздел земель, что будет гораздо более сильным призывным кличем, чем отрезки. <...>

Либер. Я хотел бы сделать те же указания, что и т. Егоров. Конечно, гораздо легче указать, чего не должно быть в программе, чем то, что должно быть. Но я хотел бы отметить общую черту, отличающую нашу

аграрную программу от остальной, — это мизерность требований. Тогда как в других частях программы мы требуем максимумов, здесь выставляется одно требование — необходимость устранения остатков феодальных отношений. Но если жизнь в России сложилась так, что у нас в буржуазном строе сохранился ряд остатков крепостного права, то наша программа должна заключать не только отрицательное отношение к ним, но и позитивную часть: радикальные реформы для крестьянства или определенных элементов в нем. Далее, достаточно ли существования одной аграрной программы для всей РСДРП? Пока говорилось о максимальных требованиях, то понятно было, что они относятся ко всему пролетариату. Но переходя к минимальным требованиям аграрной программы, нужно принять во внимание специальные условия работы в той или другой местности. Аграрные отношения в Польше, например, слагались в другой исторической обстановке, чем в России. Отдельные пункты аграрной программы партии могут оказаться несоответствующими условиям отдельных частей России. <...> Наша аграрная программа должна быть или общей для всей России, — тогда нужно выдвигать только общие тезисы; или программа будет их конкретизировать, — и тогда она будет программой только русской социал-демократии. Поэтому в последнем случае она должна разрешить национальным и областным группам партии представить свои программы. Должен заметить, между прочим, что в нашей программе нет ни одного пункта, включаемого в западноевропейские программы. Более целесообразно, по-моему, наметить главные основные принципы, с которыми мы подходим к крестьянам; а что касается конкретных мер, то — заполнять программу по мере выяснения вопросов.

Троцкий[178]. Наша аграрная программа отличается качественно от нашей программы, сказал т. Егоров. Конечно! И это отличие формулировано в тех самых пяти, и даже не пяти, а в трех строках принципиальной части, о которых иронически упоминал т. Егоров: «В целях *устранения остатков крепостного порядка,* тяжелым гнетом лежащих на крестьянах, и в интересах *свободного развития классовой борьбы в деревне* партия будет добиваться...». Наша общая минимальная программа представляет maximum того, что мы можем требовать от капиталистического порядка. Наша *аграрная* программа требует очищения путей этого капиталистического порядка в целом от феодальных пут. И в этом — возражение т. Либеру, который удивляется «мизерности» требований аграрной программы. С чем мы пойдем к крестьянству, —

спрашивает т. Либер. Почему нам ограничиваться аграрной программой, направленной *только* против остатков крепостного права? Почему не создать, кроме того, аграрную программу, приспособленную к капиталистическому режиму вообще? Но остается поставить вопрос, нужна ли социал-демократии такая программа. Может быть т. Либер признает, что область аграрных отношений представляет экономическое гетто или экономическую Аркадию[179], — как угодно, — для которых законы капиталистической эволюции не писаны. Мы этого не признаем. И постольку не нуждаемся в общей аграрной программе. Но мы пойдем к крестьянству не только с нашей «мизерной» аграрной программой, преследующей *специальную* цель, а и со *всей* нашей социал-демократической программой, принципиальной и минимальной. Сочинять специальный «аграрный социализм», в духе кооперации и пр., мы не способны. Это задача социалистов-революционеров.

<...> Тут я сталкиваюсь с т. Либером, который говорит: когда речь шла об общей программе, тогда отрицали необходимость вырабатывать специально местные и специально национальные требования. В аграрной же программе говорится об устранении «остатков крепостного права на Урале, на Алтае, в Западном крае и в других областях государства». Но т. Либер не понимает различия между всеуравнивающим характером капиталистической эволюции (которую имеет в виду наша общая программа) и детальным характером феодальных переживаний, отличающихся чрезвычайной пестротой, юридически закрепленной (каковые переживания имеет в виду аграрная программа). С этой пестротой мы обязаны считаться. Если бы крепостное право сохранилось в одной Тверской губернии, мы должны были бы выдвинуть требование: «Уничтожение крепостного права в Тверской губернии». Если в Польше, как заметил Либер, нет тех переживаний, которые живы на Алтае, это не поставит нас в затруднительное положение при агитации среди польского крестьянства. Мы пойдем к польскому крестьянству с общедемократической частью нашей программы, мы пойдем к сельской бедноте с пропагандой социализма. Мы будем «пролетаризовать» ее политически, прежде чем она [будет] пролетаризована экономически.

Ленин. Укажу прежде всего на одну частность, выплывшую в дебатах. Тов. Егоров выражал сожаление по поводу того, что нет доклада, который мог бы значительно облегчить и направить все наши дебаты. В докладчики был предположен я, и по поводу отсутствия доклада мне

приходится как бы защищаться. И я скажу в свою защиту, что доклад у меня есть: это мой ответ т. Иксу[180], который отвечает как раз на самые распространенные возражения и недоразумения, вызванные нашей аграрной программой, и который был роздан всем делегатам съезда. Доклад не перестает быть докладом оттого, что он печатается и раздается делегатам, а не читается перед ними.

Перейду к содержанию речей ораторов, которые, к сожалению, не принимали во внимание именно этого моего доклада. Тов. Мартынов, например, не принял во внимание даже более ранней литературы о нашей аграрной программе, когда он опять и опять говорил об исправлении исторической несправедливости, о напрасном возвращении за 40 лет назад, об уничтожении феодализма не современного, а феодализма, бывшего в 60-х годах, и т. д. Приходится повторяться, отвечая на эти доводы. Если бы мы опирались *только* на принцип «исправления исторической несправедливости», — мы руководились бы одной демократической фразой. Но мы ссылаемся на *существующие* вокруг нас пережитки крепостничества, на современную действительность, на то, что сейчас стесняет и задерживает освободительную борьбу пролетариата. Нас обвиняют в возвращении к седой старине. Это обвинение показывает только незнание самых общеизвестных фактов о деятельности социал-демократов всех стран. Везде и повсюду они выставляют и осуществляют задачу: *завершить то, чего не доделала буржуазия.* Именно это делаем мы. А чтобы делать это, необходимо приходится возвращаться к прошлому, и социал-демократы каждой страны делают это, возвращаясь всегда к *своему* 1789, к *своему* 1848 году. Русские социал-демократы точно так же *не могут не возвращаться* и к *своему* 1861 году и возвращаться тем энергичнее и тем чаще, чем меньшую долю демократических преобразований осуществила наша крестьянская, с позволения сказать, «реформа».

<...> Наконец, т. Егоров поставил авторам программы вопрос о ее значении. Является ли программа, спрашивал он, выводом из наших основных понятий об экономической эволюции России, научным предвосхищением возможного и неизбежного результата политических преобразований. (В этом случае т. Егоров мог бы согласиться с нами). *Или же* наша программа является практически агитационным лозунгом, и тогда нам не побить рекорда перед социалистами-революционерами, тогда эта программа должна быть признана неправильной. Я должен сказать, что не понимаю этого различия, проводимого т. Егоровым. Если

бы наша программа не удовлетворяла первому условию, то она была бы неверна, и мы не могли бы принять ее. Если же программа верна, то она не может не дать практически пригодного лозунга для агитации. Противоречие между двумя дилеммами т. Егорова лишь кажущееся: его не может быть на деле, ибо верное теоретическое решение *обеспечивает* прочный успех в агитации. А мы стремимся именно к прочному успеху и нисколько не смущаемся временными неудачами.

Тов. Либер равным образом повторял давно опровергнутые возражения, удивляясь «мизерности» нашей программы и требуя «радикальных реформ» и в аграрной области. Тов. Либер забывал о различии между демократической и социалистической частями программы: он принял за «мизерность» отсутствие чего-либо социалистического в демократической программе. Он не заметил, что социалистическая часть нашей аграрной программы находится в другом месте, именно в рабочем отделе, который относится и к сельскому хозяйству. Только социалисты-революционеры с характеризующей их беспринципностью могут смешивать и смешивают постоянно демократические и социалистические требования, а партия пролетариата обязана строжайшим образом отделять и различать их.

Горин[181]. Тов. Ленин не ответил мне. Я не спорил по существу. Я только находил, что § 4 избавляет нас от крепостных отношений не наилучшим способом. Моя система лучше. Так как на это не возражали, то я и считаю себя не опровергнутым. Я говорю: признавая, что отрезки являются причиной полукрепостных отношений, я не думаю, что возвращение отрезков уничтожит эти отношения. Я полагаю, что уничтожение отработочной системы, платы натурой и т. д. лучше обеспечит уничтожение крепостных отношений. При возвращении отрезков мы скоро вернемся к этим отношениям, так как малоземелье заставит прибегнуть к аренде дворянских земель. При моей же системе есть только свободные арендаторы, нанимающие землю не на крепостных началах. Я, следовательно, предлагаю такое положение, при котором часть крестьян являлась бы только владетельницей технических средств производства и была бы, следовательно, более пролетаризирована. Кроме того, земля, как известно, более прикрепляет крестьянина. При моей системе этого не будет. Я превращаю крепостную аренду в аренду буржуазную.

Мартынов. Тов. Ленин, возражая мне, стучался в открытую дверь. «Пролетариат должен доделать то, чего не доделала буржуазия», гово-

рит он. Я подписываюсь под этим обеими руками. Но как понять это положение? Значит ли это, что если буржуазия не казнила Людовика XVI[182], мы в царствование Людовика XVIII[183] должны казнить не настоящего живого представителя монархии, а прежнего, который уже умер. Я полагаю, что нет. Если буржуазия в свое время не уничтожила или не вполне уничтожила феодализм, то мы теперь обязаны уничтожить феодализм, но феодализм в той форме, в какой он существует теперь, а не в той форме, в какой он существовал сорок лет тому назад. Но т. Ленин мне возражает:

«Земли, отрезанные в 1861 г., до сих пор служат источником кабалы; статистика показывает, что между распространением отрезков и распространением кабальных отношений существует полный параллелизм».

Я утверждаю, что такого полного параллелизма не только нет, но и быть не может. Даже в момент освобождения крестьян правительство и помещики при отрезывании земель вовсе не руководились желанием сохранить именно крепостные отношения. Статистика доказывает, что при отрезывании земель, по общему правилу имелось в виду другое соображение: там, где промыслы были обильны, а земля худая, там выкупные платежи были чрезмерно увеличены, а отрезки были незначительны. Там же, где промыслы были скудные, а земля хороша, там была относительно ниже выкупная норма и относительно выше % отрезной земли. Таким образом, параллелизм может существовать не между распространением отрезков и кабальной арендой, а между распространением отрезков и доходностью земли. <...>

Таким образом, мера, предлагаемая нам составителями программы, вовсе не соответствует тому правильному общему принципу, который выставлен в этой программе, требующему от нас революционного уничтожения всех сохранившихся крепостных отношений. Мера, предлагаемая нам, мизерная, но вовсе не потому, что она мало дает крестьянам. Мы не можем руководиться критерием социалистов-революционеров, считающих более революционными тех, которые больше обещают крестьянину. Эта мера мизерная, потому что она фактически исходит не из революционного, а из мизерного принципа, из желания исправить одну из исторических несправедливостей.

Егоров. Что касается теоретической части программы, то ответы Троцкого и Ленина удовлетворили меня. Я совершенно согласен, что двух экономических процессов нет. Перехожу к Либеру. Не понимаю,

зачем он повсюду вносит свою особую точку зрения. Россия есть единое экономическое целое, и потому требования, касающиеся одной части крестьян, относятся ко всей России. Но я не получил ответа на главный вопрос. При своей пропаганде в крестьянстве, как мы будем конкурировать с социалистами-революционерами? Тов. Троцкий сказал на это: отживающим классам мы говорим, или переходите к нам, или мы ничего для вас сделать не можем. Он, конечно, прав: но неужели он думает, что подобная фраза может служить призывным лозунгом? Нет! В крестьянстве мы много сделать не можем. Это и значит, что наш лозунг не может конкурировать с авантюристским лозунгом[184]. Вы не заставите батрака бороться рядом с богатым крестьянином за отрезки, которые уже в немалой части находятся в руках этого богатого крестьянина,

Костров[185]. Я вполне согласен с основными частями проекта аграрной программы. Нам безусловно необходимо уничтожение всех остатков крепостного порядка, в какой бы форме они ни были. Так что с этим мне спорить не приходится. Но дело в том, что крестьянская жизнь выдвинула вопросы, не только касающиеся старого порядка, но и нового. У нас крестьянское движение началось не там, где сильны остатки крепостного права, а там, где они очень слабы: например, в Гурии. Ясно, оно есть результат не только старой жизни, но и новой. Это — модернизированные крестьяне, если можно так выразиться, которые стоят во главе крестьян и толкают их на новый путь. Следовательно, говорить им, что революция должна устранить только остатки, — значит ничего не говорить. Они требуют большего, чем это, и, наверное, во время революции ухватятся за землю. Как нам быть в таком случае? Одно из двух: или мы должны их усмирить, или объявить — «моя хата с краю». В первом случае мы сыграем роль реакционеров, во втором — роль простых зрителей, и революция будет совершена помимо нас. Вот это нужно принимать во внимание при обсуждении аграрной программы. Тов. Ленин в своем напечатанном докладе говорит: «Мы бы покинули классовую точку зрения пролетариата, если бы допустили в нашей программе, что “крестьянство” (т. е. богатеи плюс беднота) пойдет вместе дальше уничтожения остатков крепостного права». Хорошо. Но отсутствие его в программе не значит отсутствие его в жизни. Я говорю: если крестьянство на самом деле пойдет «дальше», — что нам делать? Тов. Егоров заявил, что мы, наверное, не будем иметь успеха в крестьянстве, и во главе его станут

разные авантюристы. Я энергично протестую против этого. Нам нужно стать во главе крестьянского движения и вести его под знаменем пролетариата, а не предоставить его на произвол судьбы. Словом, наша аграрная программа должна выражать требования как отрицательные, так и положительные; устранение остатков старого порядка и водворение нового социалистического, — вот из каких принципов должны мы исходить во время работы среди крестьян.

Плеханов. В течение своих десяти минут я, конечно, не в состоянии возразить на все, что здесь говорилось. Отвечу, прежде всего, т. Мартынову. Речь его была очень остроумна. Он внес в наши дебаты приятное оживление, спросив нас, как бы мы поступили с Людовиком XVI, если бы буржуазия с ним не разделалась. Совершенно согласен с ним, что если бы буржуазия не отрубила Людовику XVI головы, то нам было бы немножко поздно доделывать это. Но сделаем другое предположение: Людовик XVI остался. На троне у нас два Людовика, XVI и XVIII. Один современный, представитель конституционного режима; другой — представитель феодального строя, призрак прошлого. Что сделали бы мы в таком случае? Я думаю, что мы прежде всего разделались бы с заветом старого, с Людовиком XVI, и продолжали бы неуклонно бороться с Людовиком XVIII. Так поступили мы в нашей программе, стремясь к модернизации нашего общества. Посмотрите на Пруссию, Австрию, Венгрию. В каждой из них в 1848 г. пришлось разделываться с теми историческими несправедливостями по отношению к крестьянству, которые не были устранены предшествовавшими реформами. Это чисто практический вопрос: на плечах наших крестьян лежит ярмо, которое трет его плечи и которое должно быть разбито. И вот мы хотим разбить его. <...> Нам говорят, наконец, что наши требования мизерны. Это напоминает возражения, делаемые нам анархистами, которые говорят нам, что слишком мизерны требования, подобные, например, требованию сократить рабочий день. По их мнению, надо начать с социализации средств производства. Но это, конечно, только смешно. Когда нас упрекают в том, что мы будто бы против обращения земли в общественную собственность, то забывают, что наша конечная цель именно и заключается в передаче всех средств производства в общественную собственность, но на пути к этой конечной цели мы добиваемся ряда частных реформ. Требование возвращения отрезков принадлежит к числу частных требований. Но оно имеет одну особенность. Оно имеет целью модернизацию нашего

общества. Только такие требования и заключает в себе наша аграрная программа. <...>

Перехожу к возражению т. Либера. Действительно, все те составные части РСДРП, которым приходится работать в особых условиях, вправе выставлять требования, выдвигаемые этими условиями. Но мы, составители программы, должны критиковать эти требования с точки зрения принципов научного социализма и принимать или не принимать их, смотря по тому, соответствуют ли они этим принципам.

Либер. Я хотел начать с заявления, что я не был так счастлив, как т. Егоров, которому Ленин и Троцкий все разъяснили. Но последние слова Плеханова дали мне ответ, по крайней мере, на один вопрос, и ответ этот меня вполне удовлетворил. Я, конечно, и сам всегда считал, что всякие требования в программе отдельных национальных организаций должны подвергаться критике и отвергаться, если не удовлетворяют требованиям научного социализма. Теперь отвечу на отдельные сделанные мне возражения. Прежде всего, коснусь примера, так неудачно приведенного Мартыновым и еще более неудачно использованного Плехановым. Не нужно забывать, что в данном примере мы имеем дело с Людовиком XVIII, который кое-что унаследовал от Людовика XVI, и трудно представить себе дело так просто, что стоит только устранить папашу, и сынок может спокойно продолжать царствовать. Хорошо было бы рассуждать так, если бы строй можно было персонифицировать. Но я полагаю, что нельзя просто выдернуть из капиталистического строя остатки феодального строя, как больной зуб из челюсти, предполагая, что все остальное будет пребывать неизменным. Нет, все связано тысячами нитей. Вы забыли, что ваши отрезки могут попасть в руки именно богатых крестьян. Наряду с теми остатками, которые действительно являются только пережитками крепостного права, имеются и такие дореформенные остатки, которые капиталистический строй успел приспособить к себе. Задевая эти остатки, вы должны будете задеть и современный капиталистический строй. Будучи согласен с Лениным принципиально и заявляя, что эту принципиальную часть я и хотел бы видеть в программе, я предлагаю исключить из нее конкретные требования. Они или излишни, или неправильны. Тов. Мартынов хочет показать нам, что он паинька, что он как следует понимает, в чем сущность революционности, и противопоставляет свое понимание моему, которое будто сосредоточивается исключительно на количественной стороне. Нет, я не потому назвал

эти требования мизерными, что они слишком мало дают, а потому, что они не отвечают на целый ряд вопросов, выдвигаемых современной крестьянской жизнью. Троцкий возражал мне, что достаточно было бы, если бы эти остатки существовали только в двух губерниях России для того, чтобы мы требование об устранении их выставили в нашей программе. Конечно, не мне отрицать это. Но особенно об этом нужно помнить Троцкому, выдергивающему разные принципы, как ярлычки, в зависимости от того, который из них более удобен. Когда я указывал на целый ряд особенностей, отличающих положение еврейского пролетариата, и говорил, что все они должны быть приняты во внимание, Троцкий говорил как раз обратное. Но дело здесь не в том, должны ли мы принять во внимание особенности, существующие, допустим, в двух губерниях, а в том, должны ли эти особенные остатки крепостных отношений в отдельных частях России наложить свою печать на всю программу. Троцкий решает вопрос очень просто: так как в сельском хозяйстве уже происходит капиталистическая эволюция, то ясно, что нам не нужно специальной программы для крестьян. Но это неверно. Конечно, мы можем и должны дать один общий принципиальный ответ на вопросы, возникающие в обеих этих отраслях хозяйства. Но это еще не значит, что нет специальных вопросов как в той, так и в другой области... Целый ряд требований может касаться специально сельского пролетариата, благодаря специальным техническим условиям его труда. Достаточно указать на то, что в нашей — как Ленин ее называет — рабочей программе есть целый ряд таких требований, которые вытекают из специальных технических условий труда промышленного пролетариата, а между тем ни одного такого требования нет в аграрной программе... Итак, не подлежит сомнению, что, несмотря на единство одного и того же процесса капитализации в обеих этих отраслях народного хозяйства, необходимо еще существование специальной аграрной программы, которую нельзя сводить только к устранению остатков крепостного права.

Махов[186]. В течение довольно продолжительного времени я слушаю дебаты по поводу нашей аграрной программы и замечаю, что большинство говоривших решительно не понимает, что из себя представляет выставленная программа и какие цели она преследует. Таким образом, несмотря на то, что аграрной программе предшествует довольно недвусмысленная надпись, гласящая: «Се лев, а не собака», иначе читаемая: «В целях устранения остатков крепостного порядка и

в интересах свободного развития классовой борьбы в деревне партия будет добиваться», никто не хочет обращать внимание на эту этикетку, и все упорно принимают льва за собаку. И нужно отдать справедливость: предлагаемая аграрная программа в целом, действительно, нуждается в надписи: «Се лев, а не собака», иначе ее трудно считать за социал-демократическую аграрную программу. Не касаясь таких требований, как отмена выкупных платежей и законов, стесняющих крестьянина в распоряжении его землей, т. е. §§ 1 и 2 программы, против которых, конечно, ничего нельзя иметь и которые, несомненно, выставлены с целью устранения остатков крепостного права, я не могу не обратить внимания на пункт третий: «Возвращение народу денежных сумм, взятых с него в форме выкупных и оброчных платежей» и т. д. Что это? И с какой целью это введено в аграрную программу РСДРП? В целях ли устранения остатков крепостного порядка или в интересах свободного развития классовой борьбы в деревне? Ни то, ни другое. Возвращать народу какие бы то ни было суммы и каким бы то ни было образом — это не значит устранять остатки крепостного права; но возвращение в том виде, в каком это предлагается, не поможет и делу свободного развития классовой борьбы в деревне, так как употребление тех или иных сумм на образование особого фонда для культурных и благотворительных нужд сельских обществ нисколько, конечно, не обязательно для того, чтобы классовая борьба в деревне свободно развивалась. Далее, не говоря уже о финансовой нелепости образования особого фонда для культурных и благотворительных нужд сельских комитетов, я не могу понять..., зачем же конфискация определенного рода имуществ с определенной целью названа возвращением выкупных и оброчных платежей, с которыми она ни в какой зависимости не находится. И тут я должен сказать, что, не говоря уже о том, что этот прием несколько пахнет игрой в исправление исторических несправедливостей, на что здесь уже указывалось, этот прием накладывает и на всю предлагаемую меру оттенок демагогии и авантюризма. А что если крестьяне, восприняв мысль о возврате выкупных платежей, пожелают употребить конфискованные имущества не для образования особого фонда, а решат просто разделить их между собой? Пойдут ли составители проекта программы и в таком случае за крестьянами? Ведь необходимо надо рассчитывать на такой исход и определить свое отношение. Я знаю нашего крестьянина — да крестьянин и везде таков: всякое зернышко он захочет положить в горлышко.

И никогда не удовольствуется тем, что из конфискованных имуществ будет образован особый фонд, хотя бы и для поднятия культурного уровня деревни. Он скажет: «Давайте нам то, что вы сами считаете справедливым возвратить, а культурный уровень подымайте особыми мерами». Вся программа явно свидетельствует, — а брошюра т. Ленина подтверждает это, — что с крестьянами хотят оперировать, как с чем-то единым по составу, а так как крестьянство уже давно расслоено на классы, то выставление единой программы неизбежно ведет к тому, что программа становится в целом демагогической и при проведении в жизнь сделается авантюрой.

Мартов[187]. Тов. Махов думает, что третий пункт совершенно не затрагивает ни одного пережитка крепостных порядков. Нет, он, как явствует из аргументов т. Махова, затрагивает один такой пережиток: это — предрассудок, что «мужик глуп». Этот предрассудок проскальзывал и в других речах. Думают, что мужик не способен понимать политических программ, а потому наше определенное предложение непременно-де перетолкует в форме присвоения себе даже отнятых у дворян денег. Точно так же думают, что раз мы заговорим о земле, крестьяне непременно поймут это предложение, как передел всех земель. Но одно дело фантастическое, полумистическое представление о всеобщем равнении, и другое дело — реальное предложение реформ. Думают, что крестьяне, жаждущие общего передела, не захотят и слышать об отрезках. Я этого не думаю. Когда перед крестьянами станут различные политические программы земельной реформы в буржуазном духе с выкупом, которые представят крестьянам перспективу удовлетворения нужды в земле с помощью союза с буржуазными партиями, тогда мы убедимся, что нам надо еще революционизировать сознание крестьян, чтоб поднять их до такой «мизерной» реформы, как возвращение отрезков.

Гусев[188]. После ряда речей, посвященных аграрной программе в ее целом, мне несколько неудобно выступать по поводу одного частного и небольшого вопроса, мельком затронутого в речах предыдущих ораторов. Но как ни мал этот вопрос, он чрезвычайно важен, и в особенности для русских товарищей. Я говорю о тех опасениях, о том пессимизме, с которым т. Егоров относится к нашей пропаганде в деревне. «Нам придется побивать рекорд у социалистов-революционеров», — говорил т. Егоров. «Нам придется вести борьбу с политическими шарлатанами из-за влияния в деревне, — а в нашей аграрной программе

мы можем предложить крестьянам гораздо меньше, чем социалисты-революционеры. Наш лозунг, который мы несем в деревню, слишком мал по сравнению с обещаниями авантюристов». Такой пессимистический взгляд на нашу работу в деревне мне приходилось встречать нередко среди действующих в России товарищей. Я думаю, что этот взгляд ни на чем не основан. Во-первых, лозунг, предлагаемый нами крестьянству, не так уж узок или «мизерен», как выразился т. Либер. Наш лозунг вовсе не исчерпывается нашей аграрной программой. Общую часть нашей программы — все наши демократические требования — мы также понесем в деревню. Можно смело сказать, что наш лозунг очень широк, — и ни одна политическая партия в Европе еще не предлагала крестьянству сразу такой обширной программы. Во-вторых, в зависимости от этого и наша агитация в деревне не будет заключаться только в обращении к крестьянам, как к таковым. Наоборот, главное содержание нашей агитации будет заключаться в нашей общей программе, и с нею мы будем обращаться к крестьянству не как к крестьянству, а как к пролетаризованной и пролетаризующейся массе, способной переходить на пролетарскую точку зрения. Наконец, в-третьих, необходимо не забывать, что нашими лучшими пропагандистами и агитаторами в деревне будут городские пролетарии, которые гораздо скорее привлекут на сторону пролетариата пролетаризированные массы деревенского люда, чем авантюристы, ничего общего не имеющие с классовыми интересами пролетариата.

Таким образом, опасения т. Егорова не имеют никаких оснований, и я считаю очень важным для русских товарищей рассеять эти опасения. И я думаю, что вполне прав т. Ленин, который, слушая речь т. Егорова, воскликнул: «Ну, это мы еще посмотрим». Это мы еще посмотрим.

В бюро поступает предложение о закрытии списка ораторов.

Акимов[189]. Думаю, что съезд не может принять аграрной программы ввиду неразработанности вопроса. То, что я здесь слышал, только подтверждает мой взгляд. Все товарищи говорили, что программа им не ясна. Полагаю, что при таких условиях нельзя закрывать списка ораторов.

Вопрос вотируется. *Принято* — закрыть список ораторов.

Плеханов. По мнению т. Махова, возвращение выкупных платежей не только нежелательная, но и демагогическая мера. <...> Но и в самой аргументации т. Махова нет и намека, что эта мера демагогическая. Пусть даже крестьяне разделят между собой полученные деньги. Я не вижу ничего

худого в том, что сотни миллионов пойдут на улучшение крестьянского хозяйства. Такое улучшение, конечно, только увеличит дифференциацию между крестьянами, но не мы будем этого бояться. <...>

Перехожу к вопросу о знаменитом черном переделе. Нам говорят: выставляя требование о возвращении отрезков, вы должны помнить, что крестьяне пойдут дальше этого требования. Нас это нисколько не пугает. В самом деле: выясним себе значение черного передела. Интересно мнение Энгельгардта[190] по этому поводу:

«В деревне, — говорит он, — черный передел энергичнее всего пропагандируется именно богатыми кулаками, которые надеются, что отобранная у помещиков земля будет делиться "по деньгам", т. е. перейдет к богачам».

И действительно, такое движение в пользу передела было бы движением в пользу буржуазии. Мы, конечно, не обязаны активно выставлять программу для буржуазии, но если бы в борьбе против остатков крепостных отношений крестьянство пошло по этому пути, то не мы стали бы задерживать это прогрессивное движение. Наша роль состояла бы только в том, что, в отличие от наших противников социалистов-революционеров, которые видят в нем начало социализации, мы направили бы все силы, чтобы не оставить у пролетариата никаких иллюзий насчет результатов этого движения, разоблачить буржуазный характер его. Признавая возможность такого движения, мы должны себе сказать, что не мы, революционные социал-демократы, остановим этот процесс, крикнув ему, как некогда крикнул Архимед римским воинам: «Остановись! Ты испортишь нашу схему».

Костров. Я вполне присоединяюсь к т. Плеханову. Крестьянское движение не остаток старого порядка, а результат новых веяний. Но мы должны использовать это движение, должны позаботиться, чтобы революционное руководительство крестьянами принадлежало нам, а не каким-нибудь авантюристам.

Ланге[191]. Я, конечно, не против того, чтобы пролетариат боролся с остатками феодализма. Но мне не ясно значение отрезков. Я не знаю, какую роль в деле закабаления играют отрезки, а какую — остальной земельный фонд. Если мы возьмем Западный край, где большая часть отрезков отошла к крестьянам, то увидим, что кабала там процветает. Способ, предложенный в программе по отношению к отрезкам, не вытекает из роли отрезков. Отрезки, по моему мнению, играют другую роль, чем остатки дворянских имений, против экспроприации кото-

рых социал-демократия не будет возражать. Я не знаю, почему бы не потребовать экспроприации всех земель. Необходимо заметить, что мы не должны очаровываться нашей программой. Она, конечно, будет пропагандироваться в кружках, но в смысле массовой пропаганды среди крестьян роль ее будет ничтожна.

Егоров. Не буду говорить особенно много, чтобы не отнимать времени у собрания, тем более, что для большинства товарищей вопрос, по-видимому, ясен. Отвечу только т. Гусеву. Вопреки его уверениям, я не настроен пессимистически, не считаю программу оппортунистической. Возможно, что выставленное требование есть максимум того, что может быть дано, согласно ходу экономического развития. Я только полагаю, что оно не побьет рекорда в сравнении с авантюристскими требованиями. Я прибавлю далее, что я далек от увлечения редакции крестьянским движением, увлечения, после крестьянских волнений[192] охватившего многих социал-демократов. В этом отношении убедительным доказательством является для меня пример Западной Европы. Там, несмотря на лучшие условия пропаганды, несмотря на лучшие условия жизни крестьянина, проповедь социализма все-таки не имеет успеха. Я не сомневаюсь, что крестьянство будет играть большую роль в движении, но роль чисто стихийную. От этого, однако, еще далеко до утверждения, что мы, вводящие в свою программу социализм, будем иметь успех в крестьянстве.

Махов. Существует предрассудок, — говорит т. Мартов, — что мужик глуп; к устранению-то этого остатка крепостного права и направлен наш третий пункт. Если этот пункт направлен только к устранению этого пережитка, и т. Мартов полагает, что я держусь этого предрассудка, то я советую ему вотировать против третьего пункта, так как я вовсе не думаю, что мужик глуп; наоборот, я думаю, что мужик умен: он умен, но умен, как всякий мелкий буржуа. Нельзя назвать мужика глупым только потому, что его идеал — идеал мелкого буржуа. Но именно потому, что я считаю мужика, в меру его узкой классовой точки зрения, умным, — я полагаю, что он будет стоять за мелкобуржуазный идеал захвата и раздела. Если, — говорит т. Мартов, — мужик поймет общее наше требование национализации земли, то он тем более поймет требование национализации тех имуществ, о которых идет речь в третьем пункте, и с указанной в нем целью. Но кто же сказал т. Мартову, что его поймут даже и в первом случае? Я, наоборот, полагаю, что, если иметь в виду всю крестьянскую массу и притом не тот или иной класс в этом крестьянстве, а именно всю

массу крестьянства в целом, — а только о таком крестьянстве и идет речь в нашей аграрной программе, — то она не поймет ни общего требования национализации земли, ни требования, изложенного в пункте третьем, не поймет, конечно, в социал-демократическом духе. Но они поймут его в мелкобуржуазном духе, будут стоять за национализацию земли и за раздел ее. «Что за беда!», — говорил т. Плеханов: «Если крестьяне захотят поделить всю землю, то это уже будет революция и не мы будем ей противиться, а если они потребуют возврата выкупных и прочих платежей и разложат их по карманам, то эти суммы ведь пойдут на улучшение их хозяйства, и беды от этого большой не будет». Я не знаю, конечно, что называть бедой. Но революция эта, если ее можно так назвать, будет нереволюционной... Я сказал бы правильнее, что это будет уже не революция, а реакция (смех), революция вроде бунта... Раздел земли и возвращенных сумм, выкупных и других* платежей окажет то же влияние, которое оказала бы конфискация фабрик и заводов и раздел их между пролетариатом или, даже еще хуже, между всем народом.

Карский[193]. Ошибаются те, которые говорят, что во главе крестьянского движения могут быть оппортунисты и даже, некоторые говорили, «авантюристы». Это несправедливо, и я должен защищаться, потому что на Кавказе мы с товарищами стали уже во главе крестьянского движения, а мы не изменили нашим основным принципам. На Кавказе уже есть крестьянское движение. В Гурии, например, оно охватило почти все крестьянство. Началось оно там благодаря выселенным из городов рабочим, внесшим в деревню те идеи, которые они получили в городах. Они стали во главе крестьян, и они не обещали им раздела земли, а выставляли требования, аналогичные требованиям в городах: уменьшения аренды, аналогично уменьшению рабочего дня. Но они говорили им, что полное освобождение возможно только при социализме. Мы не говорили им об отрезках потому, что у нас нет соответствующего явления.

Троцкий. Тов. Карский говорил о том, что на Кавказе социал-демократы, вопреки пессимизму некоторых товарищей, стоят уже в известной мере во главе крестьянского движения. «А говорили ли вы крестьянам об отрезках?», — спросил его т. Егоров. Точно отрезки — центр тяжести социал-демократической программы. <...>

---

* В собственноручной записи речи Махова вместо слова «других» значится «оброчных».

Отрезки занимают свое определенное место в определенной части нашей программы. А что они его занимают по праву, это несомненно. <...> Факты <...> свидетельствуют, что все серьезные крестьянские бунты, протесты и проч. и проч. обязаны своим происхождением не полумистическим понятиям крестьян об их праве на всю землю, не их представлениям о Беловодии и Праведной Земле, а вполне конкретным земельным утеснениям, какому-нибудь отрезному лугу, лесу, водопою и проч. и проч. Но ведь после 1861 г., говорит Мартынов, экономическая жизнь не остановилась. Роль отрезков в деле кабалы изменилась. Но разве мы запрещаем крестьянским комитетам разбираться в тех конкретных изменениях, которые произошли с отрезками? Мы не составляем карты, на которой «отрезки» обозначены красным революционным цветом, — если крестьянские комитеты прихватят не «отрезной» земли [...][194]. Напрасно т. Либер объяснял нам, что нельзя извлечь все поддерживающие кабалу отрезки одним ударом, точно больной зуб выдернуть. Мы отнюдь не претендуем на роль политических дантистов. Одним декретом мы не думаем уничтожить земельную кабалу. Это — работа крестьянских комитетов. Они прекрасно знают, какой зуб болит, и сделают все, что потребуется.

Но тут встает т. Махов, который опасается, как бы мы не растравили мужика. Не щекочите мужичьей пасти, уговаривает нас т. Махов, — иначе мужик разжадничается и потребует земельного передела, а это задержит концентрацию. Концентрацию земледельческого производства? Точно она зависит только от распределения земли, точно самое распределение земли не будет отвечать запросам капиталистического сельскохозяйственного производства.

То же предостережение — не щекочите мужичьей пасти! — выдвигается т. Маховым, когда речь заходит о возвращении выкупных и оброчных платежей для поднятия культурного уровня деревни. Это требование кажется т. Махову совершенно случайным, демагогическим и даже авантюристским, — и уж, во всяком случае, принципиально не связанным с вопросом об уничтожении остатков крепостничества. Это не совсем так. Низкий культурный уровень нашего крестьянства определяется не только общими условиями жизни деревни в буржуазном обществе, но также и тем сверхсметным гнетом, который возложен на деревню крепостническим государством. Оброчные и выкупные платежи выкачивались из деревни с 1861 года. Вернуть их деревне для поднятия ее культурного уровня — этот вывод вытекает из общего принципа аграрной программы.

Но были ораторы, которые, помимо критики аграрной программы, выдвигали такое соображение: не следует самообольщаться насчет нашего успеха в крестьянстве. Там будут иметь успех демагоги. Поменьше иллюзий! [...] Пример Запада [...] и пр. и пр. В таких советах сошлись т. Махов, т. Егоров и т. Ланге. Но их благожелательный совет слишком отдает филистерством. Разве мы можем заранее учитывать свои успехи? Да и какое влияние это может иметь на нашу программу и на нашу агитацию? Наша программа определяется определенным принципом, наша агитация — характером современных политических задач. Перед нами революционизирующиеся крестьянские массы. Конечно, крестьянство — благоприятная почва для *демагогии.* Но тот мыльный пузырь, который из учтивости называется партией социалистов-революционеров, слишком несерьезный конкурент. Либеральная оппозиция земцев, конечно, не прочь бы воспользоваться крестьянством, как тараном. Но она сама боится реальных последствий демагогии. Это отсутствие серьезных соперников облегчает нашу задачу. На Западе, говорят нам, социал-демократия не имеет успеха в крестьянстве. Но на Западе партия пролетариата выступила тогда, когда революционное крестьянство уже закончило свою роль. У нас положение иное. В наступающий революционный период мы должны связать себя с крестьянством, — как в интересах крестьянской бедноты, так и в интересах пролетариата. Перед лицом этой задачи, скептицизм и политическая «дальновидность» тт. Махова и Егорова вреднее всякой близорукости. В нашей работе среди крестьянства я бы пожелал нашей партии не этой дальновидной осторожности, а дерзости, дерзости и дерзости!..

Ленин. Прежде чем перейти к деталям, хочу возразить на некоторые общие положения, и прежде всего т. Мартынова. Тов. Мартынов говорит, что мы должны бороться не с тем феодализмом, который был, а с тем, что теперь есть. Это справедливо, но я напомню ответ мой Иксу. Тот сослался на Саратовскую губернию, я взял данные той же Саратовской губернии, и оказалось: размер отрезков равен там 600 000 дес., т. е. $^2/_5$ всей земли, находившейся во владении крестьян при крепостном праве, а аренда равна 900 000 дес.; следовательно, $^2/_3$ всей арендной земли — отрезки. Значит, мы на $^2/_3$ восстанавляем землепользование. Мы, значит, боремся не с привидением, а с реальным злом. <...> Тов. Горин говорит, что предлагаемая мной мера не лучшая, что лучше перевести в состояние свободных арендаторов. Но он оши-

бается, думая, что перевод полусвободных арендаторов в свободные лучше. Мы не выдумываем переход, а предлагаем такой, где юридическое землепользование делается соответствующим фактическому, и этим уничтожаем современные кабальные отношения. Мартынов говорит, что мизерны не наши требования, а мизерен тот принцип, из которого они вытекают. Но это похоже на доводы, которые приводят против нас социалисты-революционеры. В деревне мы преследуем две качественно различные цели: во-первых, мы хотим создать свободу буржуазных отношений, во-вторых, вести борьбу пролетариата. Задача наша, вопреки предрассудкам социалистов-революционеров, — указать крестьянам, где начинается революционно-пролетарская задача крестьянского пролетариата. Поэтому несостоятельны возражения т. Кострова. Нам говорят, что крестьянство не удовлетворится нашей программой, что оно пойдет дальше; но мы не боимся этого, для этого у нас есть наша социалистическая программа, и потому мы не боимся и передела земли, так пугающего товарищей Махова и Кострова.

Заканчиваю. Тов. Егоров назвал химерой нашу надежду на крестьян. Нет! Мы не увлекаемся, мы достаточно скептики, мы поэтому и говорим крестьянскому пролетарию: «Ты сейчас борешься заодно с крестьянской буржуазией, но ты должен быть всегда готов к борьбе с этой самой буржуазией, и эту борьбу ты поведешь совместно с городскими промышленными пролетариями».

В 1852 г. Маркс сказал, что у крестьян есть не только предрассудок, но и рассудок. И, указывая теперь крестьянской бедноте на причину ее бедноты, мы можем рассчитывать на успех. Мы верим, что ввиду того, что социал-демократия выступила теперь на борьбу за крестьянские интересы, мы в будущем будем считаться с фактом, что крестьянская масса привыкнет смотреть на социал-демократию, как на защитницу ее интересов.

Костич[195]. Никто из возражавших не касался принципиальной части. Все возражавшие касались поверхности, так как логически солидарны. Тов. Махов находил программу демагогичной и выводил это из одного пункта. Не говоря уже о том, что если один пункт демагогичен, то нельзя этого обобщить на всю программу; но где же в этом пункте демагогия? В том ли, что создается особый фонд для культурных и благотворительных целей? Он сам говорит, что в крестьянстве есть особые предрассудки, что крестьянин, если ему скажешь: «На, один рубль», все захочет положить в карман. Да, если он не прибавит, на какие цели пойдут эти рубли. Почему же он спорил? Потому что он был крайне невнимателен, и поэтому повторил ошибку либералов,

тоже называющих нашу меру демагогичной. Тов. Махов говорил об особой психологии крестьян, о черном переделе, и боится, что крестьяне переварят социал-демократов. Но откуда такая неуверенность в себе, в своей принципиальной устойчивости? <...> В пессимизме т. Махов сошелся с тов. Егоровым, хотя между ними есть оттенки. Они забывают, что уже в данное время социал-демократы работают в крестьянстве, уже руководят их движением в той мере, как это возможно. И этим своим пессимизмом они суживают размах нашей работы. Карский правильно сказал, что ничего существенного по существенной части аграрной программы противниками ее не сказано.

Председатель [Плеханов]. Список ораторов исчерпан. Дебаты по общей части кончены. Переходим к детальному разбору. Внесено несколько поправок, но предлагаю прежде всего обсудить предложение т. Махова, как самое радикальное.

С согласия съезда слово предоставлено т. Махову.

Махов. Когда шел вопрос о языках, т. Плеханов предлагал оставить вопрос до будущего съезда. Почему? Потому что не могли решить, и, следовательно, вопрос еще не выяснен. Но дебаты тогда меня убедили, что обе стороны съезда достаточно продумали свои положения. Что же касается аграрной программы, то как защита, так и возражения против нее убеждают меня, что она не вполне продумана. Я, например, говоря, имею в виду одну половину России, а Ленин — другую. Тов. Карский поддерживал программу. Почему? Потому что он судил по Кавказу, где условия аграрные совершенно отличны от остальной России. Если мы рассмотрим всю нашу аграрную программу, то увидим, что то, что мы требуем для крестьян, вытекает из других частей нашей программы. Отмена выкупных платежей сама собой вытекает из реорганизации нашей финансовой системы. Отмена круговой поруки — из уничтожения сословий. Возвращение денежных сумм излишне, так как, если требуем самодержавия народа, то, значит, он сможет всеми деньгами распоряжаться. Значит, этим только суживаем. То, что требуем для всех, требуем и для крестьян. Что касается пятого пункта, то даже закон современный и сейчас преследует так называемые недобросовестные сделки, но только темнота крестьян не дает им подняться до знания законов и умения ими пользоваться. Итак, вся программа аграрная — лишняя. Поскольку мы пойдем к крестьянскому пролетариату, мы можем подойти с нашей общей частью программы; поскольку же мы желаем подойти к другой части, непролетарской, крестьянства, мы ничего ей дать не можем. Поэтому предлагаю отвергнуть всю аграрную программу целиком.

<...> *Либер (вносит предложение и получает слово для его мотивировки).* Предложение т. Махова неприемлемо. Мы не можем уклониться оттого, чтобы дать аграрную программу, так как другие партии, например, социалисты-революционеры, дают ее. Да к тому же у нас единство по поводу общей части нашей аграрной программы... В этом отношении вопрос для съезда выяснен. Не выяснен вопрос о деталях, о конкретизации этих общих принципов. Поэтому я предлагаю общую часть изложить обширнее и полнее, чем в пяти строках. Это поручить комиссии. А детальную часть выбросить.

Мартов. Соглашаясь с Либером, что предложение т. Махова неприемлемо, я не согласен с его мотивировкой. Не потому мы должны дать аграрную программу, что ее дали социалисты-революционеры, не потому, что мы должны этого устыдиться, а потому, что вопрос этот выдвинут жизнью. Не дать ответа, — значит уклониться от ответа. Но предложение Либера тоже есть предложение уклониться от ответа. Поэтому высказываюсь против обоих предложений.

Махов берет обратно свое предложение и присоединяется к предложению Либера. Ставится на баллотировку следующее предложение Либера: «Второй съезд РСДРП вырабатывает ряд общих принципиальных тезисов об отношении своем к аграрному вопросу в России, отказываясь вместе с тем от детальной формулировки отдельных конкретных требований».

Отклоняется 38 голосами против девяти.

Аграрная часть программы РСДРП [принята II съездом РСДРП]

<...> В целях же устранения остатков крепостного порядка, которые тяжелым гнетом лежат непосредственно на крестьянах, и в интересах свободного развития классовой борьбы в деревне партия требует прежде всего:

1. Отмены выкупных и оброчных платежей, а также всяких повинностей, падающих в настоящее время на крестьянство, как на податное сословие.

2. Отмены всех законов, стесняющих крестьянина в распоряжении его землей.

3. Возвращения крестьянам денежных сумм, взятых с них в форме выкупных и оброчных платежей; конфискации с этой целью монастырских и церковных имуществ, а также имений удельных, кабинетских и

принадлежащих лицам царской фамилии, а равно обложения особым налогом земель землевладельцев-дворян, воспользовавшихся выкупной ссудой; обращения сумм, добытых этим путем, в особый народный фонд для культурных и благотворительных нужд сельских обществ.

4. Учреждения крестьянских комитетов: а) для возвращения сельским обществам (посредством экспроприации или, — в том случае, если земли переходили из рук в руки, — выкупа государством за счет крупного дворянского землевладения) тех земель, которые отрезаны у крестьян при уничтожении крепостного права и служат в руках помещиков орудием для их закабаления; б) для передачи в собственность крестьян на Кавказе тех земель, которыми они пользуются, как временнообязанные, хизаны[196] и проч.; в) для устранения остатков крепостных отношений, уцелевших на Урале, на Алтае, в Западном крае и в других областях государства.

5. Предоставления судам права понижать непомерно высокие арендные платы и объявлять недействительными сделки, имеющие кабальный характер. <...>

Аграрная программа РСДРП [принята IV съездом РСДРП][197]

В целях устранения остатков крепостного порядка, которые тяжелым гнетом лежат непосредственно на крестьянах, и в интересах свободного развития классовой борьбы в деревне, РСДРП требует:

1) Отмены всех сословных стеснений личности и собственности крестьян.

2) Отмены всех платежей и повинностей, связанных с сословной обособленностью крестьян, и уничтожения долговых обязательств, имеющих кабальный характер.

3) Конфискации церковных, монастырских, удельных и кабинетских земель и передачи их, а равно и казенных земель, крупным органам местного самоуправления, объединяющим городские и сельские округа, причем земли, необходимые для переселенческого фонда, а также леса и воды, имеющие общегосударственное значение, передаются во владение демократического государства.

4) Конфискации частновладельческих земель, кроме мелкого землевладения, и передачи их в распоряжение выбранных на демократических началах крупных органов местного самоуправ-

ления, причем минимальный размер подлежащих конфискации земельных участков определяется крупными органами местного самоуправления.

По аграрному вопросу
Тактическая резолюция IV съезда РСДРП

Поддерживая революционные выступления крестьянства вплоть до конфискации помещичьих земель, РСДРП всегда и неизменно будет противодействовать всяким попыткам задерживать ход экономического развития. Стремясь при победоносном развитии революции передать конфискованные земли во владение демократических учреждений местного самоуправления, РСДРП, в случае неблагоприятных для этого условий, выскажется за раздел между крестьянами тех помещичьих земель, на которых фактически ведется мелкое хозяйство или которые составляют необходимые для его округления угодья. При этом партия во всех случаях и при всяком положении демократически-аграрных преобразований ставит своей задачей неуклонно стремиться к самостоятельной классовой организации сельского пролетариата, разъяснять ему непримиримую противоположность его интересов интересам крестьянской буржуазии, предостерегать его от обольщения системой мелкого хозяйства, которая никогда при существовании товарного производства не в состоянии уничтожить нищеты масс, и, наконец, указывать на необходимость полного социалистического переворота как единственного средства уничтожить всякую нищету и всякую эксплуатацию.

МАТЕРИАЛЫ ДИСКУССИЙ И ПРОГРАММНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

Аграрная часть проекта программы ПСР [выработан редакцией «Революционной России»[198]]

<...> 2. В вопросах аграрной политики и поземельных отношений партия социалистов-революционеров ставит себе целью использовать в интересах социализма и борьбы против буржуазно-собственнических начал как общинные, так и вообще трудовые воззрения, традиции и формы жизни русского крестьянства, и

в особенности взгляд на землю, как на общее достояние всех трудящихся. В этих видах партия будет стоять за социализацию всех частновладельческих земель, т. е. за изъятие их из частной собственности отдельных лиц и переход в общественное владение и в распоряжение демократически организованных общин и территориальных союзов общин на началах уравнительного пользования. В случае, если это главное и основное требование аграрной программы-минимум не будет осуществлено сразу, в качестве революционной меры, партия социалистов-революционеров в дальнейшей аграрной политике будет руководствоваться соображениями о возможном приближении к осуществлению этого требования во всей его полноте, выступая за возможные переходные к нему меры, как, напр.: расширение прав общин и территориальных их союзов по экспроприиации частновладельческих земель; конфискация земель монастырских, удельных, кабинетских и т. п., и обращение их, равно как и государственных имуществ, на то же дело обеспечения общин достаточным количеством земли, а также на нужды расселения и переселения; ограничение платы за пользование землею размерами чистого дохода хозяйства (за вычетом из валового дохода издержек производства и нормального вознаграждения за труд); вознаграждение за произведенные улучшения в земле при переходе пользования ею от одного лица к другому; обращение ренты путем специального налога в доходную статью общин и органов самоуправления. <...>

Аграрная часть проекта программы ПСР [представлен I съезду ПСР]

<...> II. В вопросах аграрной политики и поземельных отношений П.С.-Р. ставит себе целью использовать в интересах социализма и борьбы против буржуазно-собственнических начал как общинные, так и вообще трудовые воззрения, традиции и формы жизни русского крестьянства и в особенности взгляд на землю как на общее достояние всех трудящихся. В этих видах партия будет стоять за социализацию земли, то есть за изъятие ее из товарного оборота и превращение ее из частной собственности отдельных лиц или групп в общенародное достояние.

Социализированная земля поступает в распоряжение центральных и местных органов народного самоуправления, начиная от демократически организованных бессословных сельских общин и кончая

государством (расселение и переселение, заведование резервными земельными фондами и т. д.). Пользование социализированной землей должно быть уравнительно-трудовым, то есть обеспечивать потребительную норму при условии приложения собственного труда единолично или в товариществе, при обращении рентных доходов путем обложения на общественные нужды; при переходе пользования землей от одного лица и группы к другим устанавливается вознаграждение за произведенные улучшения в земле. Земля переходит в общественную собственность без всякого выкупа; за пострадавшими от этого имущественного переворота признается лишь право на общественную поддержку на время, необходимое для приспособления к новым хозяйственным условиям. <...>

Протокольная запись обсуждения аграрной части проекта программы на I съезде ПСР 1–2 января 1906 г.

<...> Тов. Коренев[199]. Предыдущий товарищ[200] остановился на общей характеристике предложенной программы; я со своей стороны позволю себе указать на некоторые наши разногласия с аграрной частью ее... Мы стояли бы за термин «национализация», а не «социализация». Мы желаем вывести землю из области частной собственности, распоряжение землею передать целому народу, сделать ее его «собственностью» за неимением лучшего термина. Это и передается удачно словом «национализация»... Наша национализация признает за государством лишь *верховную* собственность на землю; *пользование* принадлежит всем трудящимся, ближайшее *же распоряжение* — целой концентрической лестнице мелких местных союзов. Не надо лишь забывать, что все эти союзы не случайные частные объединения, а союзы государственные, начиная от общегосударственного органа и кончая общиной. В этом мы сходимся со сторонниками «социализации». Если мы против этого термина, то лишь потому, что иные связывают с ним мысль о принадлежности земли только местным союзам, у других он невольно ассоциируется со словом «социализм».

Второй пункт разногласия: аграрная реформа есть переход к нации *всей* земли не только от крупных, но и от мелких собственников: государство наложит руку на все, даже на общинные земли. Возможно ли осуществление такой реформы путем захватов, партизанской

борьбы? Нет, ее может осуществить лишь организованная народная воля правовым путем, хотя, правда, захваты давлением на общественное мнение, обостряя революционный момент, могут приблизить это осуществление.

Ошибка программы — это, между прочим, попытка слишком детально и точно учитывать соотношение общественных сил и интересов в момент революции. Пример — вопрос о выкупе земель. Мы не можем теперь знать наверное соотношение сил, когда возникнет борьба по этому вопросу, а выкуп лишь этим соотношением определяется. Это вопрос, таким образом, практический, деловой, а не принципиальный. Поэтому ему совершенно не место в программе. Сами крестьяне часто не возражают против выкупа. «Или кровью, или деньгами, а заплатить придется, так уж лучше заплатить деньгами», — пришлось мне слышать от одного крестьянина. Поэтому нельзя в этом вопросе связывать себе руки, так как мы решительно не можем предвидеть, как его придется решить. Других разногласий в аграрной программе у нас нет.

Тов. Турский[201]... Аграрная реформа произойдет не только в рамках определенного государственного строя, но и в рамках менового хозяйства. В проекте программы сказано о переходе земли в «уравнительное пользование». Иные влагали в этот термин приблизительно такое конкретное содержание, что это будет нечто подобное собиранию грибов и ягод в лесу. Больше ягод, больше народа приходит их собирать. Где будет больше земли, туда будет вселяться и больше народа. Но повторяю, важно указание на то, что рамки менового хозяйства останутся, будет неизбежно различная продуктивность труда, будет, значит, дифференциальная рента, которую необходимо будет взять в виде налога, и я рад, что это предусмотрено в программе. Но это не единственный способ уравнения; есть и другие, практикующиеся и теперь, например, уравнение качества земли количеством, а то и денежным налогом, наконец, например, мелиорацией за счет государства и т. д. Не надо забывать, что мы вступаем в революцию с тяжелыми пережитками. Строились дороги и города, перемещались экономические центры, а деревенское население не перераспределялось и накоплялось неравномерно. Нужно облегчить это перераспределение путем вселения и выселения, но решительно нельзя этого будет делать насильственным путем, а придется для этого прибегнуть к определенной покровительственной политике. Недопустимы и принудительные законодательные меры против наемного труда в сельском

хозяйстве, а с ним также нужно бороться такой политикой, при которой трудовое хозяйство было бы выгодным, наемное — убыточным. Репрессии же против найма будут бесцельны, раз условия будут ему благоприятствовать...

Тов. Горецкий[202] (обращаясь к предыдущим ораторам). Позвольте вопрос: считаете ли вы полезным рекомендовать революционный захват земли для разрешения аграрного вопроса?

Тов. Коренев. Революционным путем можно создать народное государство, которое и возьмет землю, но нельзя создавать у крестьян иллюзию, что прямым захватом они чего-нибудь достигнут. Правда, захваты толкают государство к аграрной реформе, подчеркивая и обостряя аграрный вопрос, и это, конечно, их положительная сторона, но отрицательная сильнее. Ведь эти захваты между прочим развивают земельное хищничество; являются хозяйственные мужички и при помощи банков скупают обесцененную землю.

Тов. Турский. Лично я еще недавно думал, что выкуп неизбежен, но события развертывают неожиданные перспективы. В данном, например, случае сама жизнь в значительной доле уже экспроприировала земельную собственность, так как листы земельных банков, где эти имущества заложены, страшно падают, и кто знает, до чего дойдет это падение. Может быть, и выкупать будет нечего.

Тов. Рождественский[203]. Нам говорят, что дело социализации будет сделано отдельными местными восстаниями, Учредительное же собрание ее санкционирует. Отдельные группы могут *только* взять землю в свою собственность, и это будет собственность именно этих деревень, а не общенародная. Говорят: «во временное пользование». Ну, а что, если 10 000 деревень, захвативших землю, пожелают ее в пользование вечное и вступят в конфликт с Учредительным собранием? Ведь оно тогда этой земли не сможет взять в общенародное владение. Следовательно, останется лишь санкционировать *буржуазную* собственность отдельных групп, и в этом процессе не только может погибнуть бесследно община, но я тут вижу опасность, которая на сотню лет может замедлить дело социализма. Таким образом, лишь государство может провести эту реформу. А захват земли и вспашка есть лишь пользование крестьян данной деревни и ничего общего ни с социализацией, ни с национализацией не имеет.

<...> *Тов. Старков*[204]. 1) Почему товарищ опасается революционного захвата земли, если он сам признает, что деятельность партии и воз-

никшее отчасти под ее влиянием аграрное движение уже уничтожило фактически частную собственность на заложенную землю, обесценив бумаги земельных банков? Ведь партия не проповедует захвата земли отдельными деревнями, но старается организовать местное революционное самоуправление, которое, захватывая землю, в то же время организует справедливые формы уравнительного землепользования. 2) Другой товарищ рекомендует установление платы за пользование землями неодинакового качества, установление своего рода дифференциальной ренты. Я утверждаю, что справедливость в пользовании землей может быть достигнута и без установления всякой денежной платы. Надеюсь представить особый доклад о дифференциальной ренте, где постараюсь доказать, что ее не существует и что для уравнительного пользования совершенно не нужно прибегать к обложению более доходных земель.

Тов. Турский. Вопрос в том, звать ли к захватам. Ведь задача наша — организовать общественные силы, стать во главе их, а тут мы зовем, но управлять ими, говоря вообще, не можем. Это подтвердилось даже в той губернии, где мы наиболее глубоко пустили корни — в Саратовской губернии. Ведь призыв к захвату есть в сущности призыв к восстанию, к захвату власти. Если мы имеем достаточно сил для последнего, будем звать к восстанию; в противном случае мы навлекаем лишь неизбежные репрессии. Конечно, и я признаю положительную сторону, состоящую в уничтожении ценности частной земельной собственности. Но, повторяю, пора приниматься за созидательную работу организации общественных сил, а то на развалинах после нашей разрушительной работы уже готовится воцариться чумазый лендлорд[205].

Тов. Порошин[206]. Все споры о земле вертятся около двух осей, характеризуемых проектами национализации и социализации земли. Сущность обнаруживающегося... между товарищами расхождения заключается в следующем. При экспроприации земли у помещиков, при изъятии ее из-под частного их владения первый вопрос, сейчас же возникающий при этом, как распорядиться с захваченной землей, какую общественную категорию сделать носителем прав на нее. <...> Таких категорий несколько, и их можно расположить по степени возрастающей величины и значения. Ближайшей величиной будет личность, отдельный индивидуум; затем следуют частные классовые организации земледельцев в виде основанных на принципе равенства общин из непосредственных производителей и территориальных союзов

общин; дальше следует междуклассовая или сверхклассовая, а в действительности чисто буржуазная классовая организация современного государства, хотя и реформированного на демократических принципах республиканского устройства, но все же глубоко буржуазного по руководящим органам, буржуазному правительству и буржуазному по большинству своего состава «народному» парламенту и соответствующей политике, укрепляющей господство буржуазии и поддерживающей эксплуатацию и угнетение рабочего класса. От передачи земли и всех связанных с нею прав отдельному индивидууму мы отказываемся, так как это был бы передел земли в частную собственность отдельных индивидуумов; это к лицу лишь одним господам социал-демократам. Если мы от низшей организации перейдем к высшей, то, разбирая вопрос о государстве как о носителе прав на землю, нужно принять во внимание следующее. Современное государство, поскольку оно является орудием классовой эксплуатации рабочего класса буржуазией, не может быть той организацией, которой нам *желательно* было бы, а потому и можно бы передать землю. Такая передача укрепила бы положение господствующей буржуазии, дав ей могучее орудие эксплуатации земледельца разными рентами и уравнивающими обложениями, и, вместе с тем, облегчила бы финансовую задачу ее господства, открыв для современных правительств новый обильный источник дохода и сделав их независимыми или мало зависимыми от вотируемых или невотируемых[207] парламентом сметных отчислений и кредитов. Такое усиление врагов рабочего класса, укрепление позиций буржуазии не может быть нашей *целью*. Целью для нас должно быть такое проведение земельного переворота, которое дало бы рабочему классу возможность извлечь из него максимум пользы и выгод для себя. Исключив личность и государство как нежелательных для нас носителей прав на землю, нам остается обратиться к другим, более идеальным с точки зрения труда общественным категориям. Таковой является трудовая организация равных по своим правам земледельцев, реформированная община и территориальный союз общин. Вопрос о выборе между общиной и союзом общин есть вопрос практического удобства и осуществимости; поскольку можно будет создать добровольный территориальный союз (а мы рассчитываем на общинную психологию крестьянства), мы предпочитаем таковой как более широкий и более, потому, желательный в смысле более широкого воплощения принципа кооперации. Но важен принцип. Именно эти общины или

союзы общин, как чистые трудовые организации, должны быть объектом нашего внимания при движении к цели. Я ограничен временем и остановлюсь только на устройстве этих организаций. Здесь нужно принять по внимание одно обстоятельство. Мы стремимся к тому, чтобы земля была достоянием, была бы доступна всем трудящимся. В этом смысле может быть очень опасно развитие у крестьян кастово-профессионального духа. Получив землю, крестьяне могут замкнуться в себе и, не допуская никого из неприрожденных земледельцев к земле, превратить деревню в никому, кроме крестьян, не доступную Аркадию. В этом смысле очень важно иметь гарантию доступности земли *всем* трудящимся. Гарантию дадут нам смешанные комитеты или организации из представителей крестьян и городских рабочих. Так именно был поставлен вопрос на областном съезде Северо-Западной областной организации. <...>

Тов. Пашин[208]. Я хочу обратить внимание собрания на одну сторону вопроса, который в социализации является основным. Это вопрос о трудовых общинах. У нас, как это утверждал здесь только что один из товарищей, по таким общинам распределяется будто бы 3/4 всего крестьянства. Но это не так: трудовых общин, насколько я знаю, нет совсем. У нас имеются общинные владения и пользования, но не трудовые. Я не один десяток лет близко стоял к крестьянам и могу отметить некоторые интересные подробности в отношениях к земле. Остановлюсь на общинах владения землею, которую они получили на условиях выкупа. Крестьяне этих общин пойдут на захват соседних частновладельческих земель, и это будет расширение общинного землевладения, но это ни на шаг не продвинет нас в проведении социализации, так как захваченную землю общины не будут склонны отдавать в народное обладание. У крестьян таких общин уже развито чувство собственности, привитое к ним искусственно, и приобретенную ими землю они считают своею. У этих крестьян надо будет также экспроприировать землю, как у других частновладельцев. Для нас в этом обстоятельстве заключается трудность. Другое обстоятельство, на которое я обращаю ваше внимание: принцип социализации может столкнуться не только с собственническими тенденциями части крестьянства, но и с автономными течениями некоторых наших областей. Примером может служить Сибирь: там господствует областное автономическое течение[209]. Как же будут относиться области к землям в целом? Сибирский областной союз[210], в состав которого входят многие из наших товарищей,

членов нашей партии, находит, что должна быть образована особая областная Сибирская дума, в ведении которой должны находиться все местные дела, и, в частности, заведование всеми землями области, под которой понимается вся Сибирь. Насколько же выяснились тенденции Сибирского областного союза, он не склонен допускать чьего-либо стороннего вмешательства в заведование землями области. Он признает, что все земли области должны быть социализированы и что они составляют лишь часть общегосударственного земельного фонда, но распоряжение этой частью, по его мнению, должно быть предоставлено только Областной думе. Такое решение аграрного вопроса для области находится в противоречии с основным принципом нашей аграрной программы, исключающей возможность закрепления части социализированной земли за кем-либо, в том числе и за такими даже крупными коллективностями, какую в данном отношении представляла бы Областная дума. <...> Я думаю, что в таких странах, как Сибирь, где почти нет общин, владеющих собственными землями, вопрос о социализации пройдет успешно; там остро ставится и стоит лишь вопрос об отношениях к этому предмету некоторых групп населения. Сибирское казачье войско обладает, например, громадной площадью лучших в крае земель, но казаки фактически землею плохо занимаются; ею пользуются на различных условиях киргизы и русские. При социализации, естественно, возникли бы кровавые столкновения между киргизами и казаками, если бы земли, захваченные теперь казачеством, были оставлены в распоряжении этого последнего и от пользования такими землями были бы устранены киргизы, фактически пользующиеся большей частью этих земель. Приблизительно так же обстоит дело и с другими инородцами, пользующимися землею. Надо обратить самое серьезное внимание на все это, на отношение к земле самого населения.

Иллюзиям здесь не должно быть места, ибо каждая из них может стоить потоков крови. *(Шумные аплодисменты)*.

Тов. Фирсов[211]. Я присоединяюсь к предостережению предыдущего оратора о том, что не нужно питать никаких иллюзий. Аграрная программа-*минимум* должна быть осуществлена в рамках современного строя. Но буржуазный строй знает лишь одно право собственности — старинное римское право. И потому я спрашиваю, кто будет субъектами социализированной земли в современном обществе, кто будет ею владеть. В проекте программы на этот вопрос нет ответа.

Проект говорит о «переходе земли» в «общенародное достояние», об «общественной собственности на землю». Но кто этот «общий народ», это «общество», которое будет собственником земли? Ответа нет в проекте. В буржуазном строе есть лишь один организованный орган всего общества — это государство. Общенародная, общественная собственность на землю — это государственная собственность, национализация земли. Но «Революционная Россия» так много, красноречиво и убедительно выступала против национализации, что я нахожу почти излишним повторять все ее доводы. Напомню лишь о судьбе Америки, где осуществлена полностью наша политическая программа-минимум и где, несмотря на это, господствует шайка профессиональных политиканов, находящихся на откупе у класса капиталистов. Организованная народная воля в современном государстве — это буржуазная воля. Предоставить современному классовому государству право собственности на землю мы не можем по самому смыслу проекта. Он даже сам предостерегает рабочий класс против «государственного социализма» в разных его видах. Я стою за старую формулировку аграрной программы[212], <...> за переход частновладельческих, казенных, монастырских, кабинетских и удельных земель во владение — я подчеркиваю это слово — и распоряжение демократически организованных местных органов самоуправления. Переход земли к таким общественным единицам не представляет опасности для рабочего класса. В муниципалитете городском и сельском, в более широких местных государственных союзах, уездных и губернских земствах народная воля быстрее и полнее становится волею трудящихся и эксплуатируемых, чем в современном организованном буржуазном государстве. Доказательство тому — современный муниципальный социализм. Я предостерегаю затем собрание товарищей против распространенных иллюзий, что наша аграрная программа обеспечивает всем трудящимся право на землю и спасает нас от эксплуатации в деревне. И то и другое — безнадежная утопия. В буржуазном государстве никакими кредитами нельзя разрешить проблемы отделения производителя от средств производства. Эта такая аксиома современного социалистического учения, что я нахожу излишним ее доказывать. Что же касается уничтожения эксплуатации трудового крестьянства вместе с осуществлением нашей аграрной программы, то при существовании менового хозяйства всегда будет разоряться часть трудового крестьянства и попадать в зависимость и эксплуата-

цию. Уничтожить эксплуатацию трудового крестьянства может лишь осуществление наших конечных целей, социализм. Наша аграрная программа-*минимум* стремится лишь обеспечить минимальный уровень жизни трудового крестьянства и больше ничего. Она стремится разрешить обострившийся земельный вопрос в деревне таким образом, чтобы расширение крестьянского землевладения не сопровождалось, как на Западе, образованием мелкого собственника, который является таким страшным препятствием для западноевропейского социализма на пути его завоеваний. А этого можно достигнуть лишь посредством передачи земли в собственность демократическим органам местного и областного самоуправления.

<...> *Тов. Грибовский*[213]. <...> Предполагая социализацию земли, мы основное ее значение полагали в том, что доступ к земле получают те рабочие руки, которые теперь лишены возможности вести собственное хозяйство. При условиях такого перехода мы должны иметь в виду, что кандидаты на социализированную землю, батраки и часть фабричных и заводских рабочих являются без необходимых средств для ее обработки, без орудий производства. И если мы не хотим лишить реформу ее основного значения или вылить ее только в пустую фразу, то мы должны указать на те практические меры, которые дадут возможность завести безлошадным и бесхозяйственным батракам и рабочим свое земледельческое хозяйство; таковыми мерами может явиться проведение самого широкого государственного кредита для всех тех, кто хочет воспользоваться открывшимся доступом на землю. Таким образом, я прошу внести в программу следующее дополнение: самый широкий государственный кредит для осуществления того перехода к собственному земельному хозяйству, который открывается при нашей реформе для батраков и части фабричных и заводских рабочих.

Далее необходимо отметить, как мы относимся к тем землям, которые крестьяне приобрели на трудовые деньги и считают своей личной собственностью. Это положение дел может создать известные трудности при осуществлении реформы, и мы должны ответить на это так: экспроприируя землю, мы не отрицаем за трудом права на вознаграждение.

Говоря о социализации земли, ничего не упоминается в программе о лесах. Если этим молчаливо принимается и социализация лесов, то я самым решительным образом протестую. Передать распоряжение лесами в руки общин нельзя: подобная мера была бы несправедлива

и грозила бы гибелью общенародного блага. С другой стороны, надо не забывать того, что в некоторых губерниях, за отсутствием удобной пахотной земли, разработка лесов составляет важную статью крестьянского хозяйства. Я предлагаю здесь такую формулу: национализация лесов при полном признании права безземельных общин на пользование лесами в качестве подсобного промысла...

<...> *Тов. Поморцев*[214]. Экономическая сторона нашей аграрной программы достаточно разработана в партийной литературе как в легальной, так и в нелегальной. <...> Но помимо экономической всякая реформа имеет также юридическую сторону, и вот эта-то юридическая сторона социализации земли меня всегда больше всего интересовала. <...> Переходя к редакции аграрной программы, предложенной в проекте, я хочу сделать следующие замечания. Во-первых, выражение «общенародное достояние» следует заменить «общенародная собственность». Тов. Коренев, защищая <...> идею национализации земли, указывал, что слово народная *собственность* неудобно, т. к. оно влечет целый ряд других понятий чисто правового характера; но разве можно бояться слова, тем более, что ни тов. Коренев, ни автор проекта, конечно, не предполагают, что с проведением социализации земли она будет вообще изъята из гражданского оборота, из международного товарного оборота. Собственность на землю, вообще народная собственность не уничтожится, конечно, после проведения реформы; на это проект программы и не рассчитывает, что следует из слов: изъять землю из товарного оборота; не международного товарного оборота, а товарного оборота (подразумевается, конечно, только Россия). Слов бояться нечего, и поэтому следует определенно высказаться за термин «общенародная собственность», а не «общенародное достояние». Возникает вопрос о национализации и социализации земли. Я мыслю себе эту реформу следующим образом. Социализация земли предполагает национализацию; национализация есть логический *plus* социализации. Пользование логически предполагает того, во имя кого, или от имени кого оно происходит, как, например, в Саратовской губернии, когда крестьяне захватили землю во временное пользование до созыва Учредительного собрания, которое определит, на каких началах оно будет продолжаться в дальнейшем. Фактически социализация может быть условием национализации, хронологически она может и предшествовать признанию земли общенародной собственностью, и в то же время следовать за этим признанием, как форма землепользования,

но логически она всегда предполагает идею национализации: поэтому на замечание тов. Фирсова, что автор проекта уклоняется от чистоты принципа социализации земли и сбивается на путь национализации <...> я хочу указать хотя бы на № 14, 15 и 70 «Рев[олюционной] России», где как раз указывалось, что против этой меры можно идти только до той поры, пока не соблюдены два условия политической реформы: демократический принцип выборов и наличность контроля за росписью доходов и расходов, на манер английского. Перехожу ко второму замечанию. В проекте программы говорится: социализированная земля «поступает в распоряжение центральных и местных органов самоуправления» и т. д. Распоряжение есть одно из проявлений права собственности, и только его одного. Момент распоряжения отличает право собственности от всякого другого права владения, пользования и чего угодно. На этот счет можно справиться и в догме римского, и в русском гражданском праве, и в любой юридической литературе. Поэтому для меня непонятно, как возможно передать распоряжение землею одновременно двум собственникам: и центральным, и местным органам самоуправления, как это предлагает проект программы. На этом основании я предлагаю слова «поступает в распоряжение»... заменить словами «поступает в заведование», т. е. в управление, которое, конечно, может распределяться между двумя и даже большими органами народного самоуправления.

Тов. Красова[215]. Аграрный пункт нашего проекта программы начинается словами, которые указывают, что партия выводит социализацию земли из субъективно-психологических воззрений крестьянства. Социализация земли выводится из чисто объективных данных, и если бы общины у нас не было, мы все-таки оставили бы в своей программе социализацию земли. И в Европе, где общины давно уже нет, следовало бы тоже отстаивать меры, аналогичные нашей аграрной программе. Я не вношу определенной резолюции, но предлагаю или изменить эту фразу, или внести поправку, указывающую, что мы выводим нашу аграрную программу из объективной действительности.

Тов. Васильев[216]. Предыдущие товарищи указали уже на некоторые желательные изменения в проекте программы по аграрному вопросу. Со своей стороны считаю нужным добавить указание о выкупе земли у трудового крестьянства, земли, приобретенной главным образом при помощи Крестьянского банка. С этим вопросом часто приходится сталкиваться работающим в деревне, где в большинстве крестьяне

считают таковой выкуп справедливым и необходимым, так как эти земли приобретены на трудовые деньги. Определенное разрешение и отношение к этому вопросу важно для работающих в деревне. Далее указывалось на необходимость широкого государственного кредита трудового крестьянства, т. к. при таком условии фактически осуществимо положение нашей программы: «Трудовое пользование землею без наемного труда».

Тов. Гурьянов[217]. Прежде всего, я хотел бы... ответить на возбужденный одним из ораторов вопрос, как поступить с землями надельными и купленными на трудовые деньги. Оратор думает, что эти земли должны быть выкуплены. Очевидно, он опасается, что крестьяне не захотят добровольно отдать купленные или выкупленные ими добровольно земли. Но он упускает из виду, что после обращения земли в общественную собственность крестьянин получит больше, чем у него было надельной земли, и получит при уверенности, что, как бы он ни жил и как бы ни возросла его семья, его дети и внуки всегда будут иметь возможность получить землю. То же самое относится и к купленным землям в количестве, не превышающем трудовой нормы. Чисто хозяйственные соображения заставят крестьянина отдать свою землю в общественную собственность. Другое дело с купленными землями в количестве, превышающем трудовую норму. Но это уже кулацкие земли, а их мы не должны отличать от помещичьих. Крестьяне решают этот вопрос так: пусть, говорят они, человек недопивал, недоедал, чтобы купить себе десятин 50–100, но для чего он их купил, если сам все обработать не сможет? Для того, чтобы заставить работать на себя других, чтобы сесть другим на шею. Так что же тут и разговаривать? Ведь если человек будет голодать и холодать, чтобы накопить денег, а потом купит на них дубину и пойдет грабить на большую дорогу, так, неужели, когда его поймают, то ему дадут выкуп за дубину, хотя бы купленную на трудовые деньги?

Теперь я перейду к вопросу, особенно меня волнующему. К вопросу о форме социализации земли. <...> Сам лично я — сторонник более или менее полной национализации, то есть предоставления центральной власти более широких прав в распоряжении землей; но так как я, очевидно, буду в единственном числе, то и не стану развивать эту точку зрения. Против же взгляда с анархической тенденцией[218] я скажу следующее: в интересах борьбы важно, чтобы трудящиеся ясно видели своего врага — буржуазное государство и капиталистов — и

объединились против него. Если земля будет захвачена в собственность отдельными общинами, то между общинами будут постоянные столкновения и неудовольствия; вместо объединения трудящихся будет борьба между трудящимися, и этим междоусобием будут пользоваться враги трудящихся для своего укрепления. Кроме того, мы, социал-революционеры, возражаем социал-демократам, требующим передачи земли в частную собственность отдельных лиц, что это создаст собственническую психологию у крестьян; но передача земли в собственность общин мало отличается от передачи ее отдельным лицам. Ведь частная собственность этим не уничтожается; лишь собственником явятся не отдельные лица, а коллективные единицы, достаточно узкие, чтобы не задержать развития собственнического фанатизма.

Тов. Медведев[219]. Соглашаясь все в необходимости изъятия земли из частной собственности и передачи ее в пользование трудящихся, мы до сих пор не сходимся во взглядах на то, кому же должна принадлежать эта земля, кто явится субъектом владения и верховным распорядителем всех площадей и угодий. При решении этого вопроса необходимо прежде всего иметь в виду особую природу земельных имуществ, составляющих сплошную территорию, в которой отдельные площади и целые области находятся в такой тесной естественной связи и взаимной зависимости, что изменения в одной из этих площадей могут совершенно обесценить в хозяйственном отношении и лишить всякой пригодности для культуры обширные области, лежащие далеко от первых. Так, в случае принадлежности всей территории Центральной России какой-нибудь великорусской областной единице, а тем более союзу земледельцев этой области, в их полном распоряжении оказались бы те водоемы, из которых питаются все русские реки. Легко представить себе такую систему хозяйства, которая была бы очень выгодна в данный момент для владельцев этой территории, но оказалась бы гибельной для культуры чуть ли не всей России: например, в случае вырубки лесов и истощения водоемов, повела бы к обмелению всех рек и иссыханию огромных площадей. Таких примеров можно было бы привести много, и единственное средство охранить культурную пригодность различных площадей от опасностей подобного рода состоит в установлении принципа общего национального владения, а отнюдь не местного и не синдикатного.

Помимо охраны существующей культуры перед нацией в целом лежит крайне важная и настоятельная задача увеличения произво-

дительности обрабатываемой земли и культивирования площадей, остающихся пока вне культуры. Эта задача требует во многих случаях таких громадных затрат и таких сложных работ, которые совершенно не по силам мелким и даже областным единицам и доступны лишь для нации. И именно в России, более чем где-либо, широкая мелиорация (облесение одних площадей, осушение других и т. п.) составляет неотложную задачу, которая встает перед нацией с первого же момента ее свободы, т.к. почва наша истощена и дальнейшая земледельческая культура без ряда серьезных мер грозит полным упадком. Наконец, третьим доводом в пользу национализации является то, что право всякого гражданина на землю, естественное и неотъемлемое право, на включении которого в нашу программу я настаиваю, не может практически осуществиться, если нация, призванная охранять права отдельной личности, будет лишена возможности содействовать переселению земледельцев и наделению их землей; между тем при суверенности общин или областей они могли бы закрыть доступ к земле для всех новоселов, и, таким образом, в рядах свободного народа образовалась бы вновь масса безземельных. <...>

<...> *Тов. Соломин*[220]. Я стою на точке зрения прежнего проекта программы. Он давал возможность каждому работнику вливать в проект определенное содержание. Новый проект ставит нас в клетку, из которой многие из нас захотят вырваться. Сравним новый проект с прежним. В старом проекте сказано: «Партия будет стоять за социализацию всех частновладельческих земель, то есть за изъятие их из частной собственности отдельных лиц и переход в общественное владение и в распоряжение демократически организованных общин и территориальных союзов общин на началах уравнительного пользования». Тут есть 1) уничтожение частной собственности, 2) переход земли в общественное владение, но владение коллективностей, причем не предусматривается, что это за коллективность, 3) тут заявляется, что эти коллективности должны быть демократичны, 4) указаны начала уравнительного пользования землей. Что же дает новый проект? «Партия будет стоять, — читаем мы в нем, — за социализацию земли, т. е. за изъятие ее из товарного оборота и превращение ее из частной собственности отдельных лиц или групп в общенародное достояние». Что такое, прежде всего, «общенародное достояние»? Такого понятия нет на юридическом языке, который имеет лишь понятия собственности, владения, пользования. Я предлагаю замену слов «общенарод-

ное достояние» более конкретным понятием. Далее, в этом проекте не говорится, куда, в чьи руки уходит земля. Не вышло ли это потому, что авторам проекта хотелось согласить национализацию земли с социализацией, хотелось пристегнуть социализацию земли к иной идее? В прежнем проекте, далее, ясно была видна и наша тактика в земельном вопросе: там предполагался переход земли снизу путем захвата. Завершением этого процесса являлась национализация земли. Для меня социализация земли — длительный процесс, который завершается тем, что вся земля переходит в общенародное владение, т. е. процесс законченный принимает форму национализации земли, там процесс социализаторским путем идет к национализации. В новом проекте путь национализаторский должен вести к социализированию земли. Если земельную реформу нам даст Учредительное собрание, если только оно не будет просто формулировать уже совершившийся факт, то будет, что хотите, только не социализация земли. Надо, чтобы новый проект был *разработкой* старого, а не *переработкой*. Дальше, в новом проекте говорится: «"Социализированная" земля поступает в распоряжение центральных и местных органов народного самоуправления, начиная от демократически организованных бессословных сельских общин и кончая государством. <...> Пользование социализированной землей должно быть уравнительно-трудовым, то есть обеспечивать потребительную норму при условии приложения собственного труда, единоличного или в товариществе». Как видите, земля, ставшая «общенародным достоянием», уже называется «социализированной». Этого нельзя допустить. Нельзя смешивать национализацию с социализацией. Как видите, если все-таки это смешение здесь есть, то причина тому очевидное желание отметить тенденцию национализации, к которой и заметна некоторая склонность. Наконец, отмечу, что раньше говорилось в проекте об «уравнительном пользовании» как об одном из главных наших требований в аграрной области. В новой программе требуется, чтобы пользование землей было уравнительно-трудовым, т. е. обеспечивало потребительную норму при условии приложения собственного труда. Я нахожу это положение неясным, ибо совпадение потребительной нормы надела с трудовой не всегда оправдается. Есть большая семья с определенными потребительными нормами, но с одной рабочей силой. Как же быть тогда? Работник получает надел по трудовой норме, а семья что же? Должна помирать с голоду? Очевидно, в этом пункте требуется большая точность. Когда раньше

меня спрашивали, как будет проводиться уравнительность, я от себя лично старался, как мог, разъяснить это, указывая то на совпадение трудовой и потребительной нормы, то на помощь и на товарищество и пр. Теперь в проекте мы находим ответ, который только стеснит возможность пропаганды, ибо он суживает самый смысл понятия уравнительности. <...>

Тов. Пашин. Аграрный вопрос в той его постановке, какая ему была придана партией социалистов-революционеров, отличается не только сложностью и практической трудностью, но и еще одним свойством — способностью вызывать глубокое волнение в каждом из нас, кто подходит к нему близко, кто приходит с ним в тесное соприкосновение. И это не случайность, а вытекает из самой сущности того практического разрешения аграрного вопроса, какое дает ему наша партия. Центральным пунктом этого решения является социализация всех земельных пространств нашего отечества, т. е. полное уничтожение частной земельной собственности, полное устранение земли из товарного оборота. Все мы, товарищи, признаем, какой огромный шаг в направлении к осуществлению начал социализма сделала бы партия, которой удалось бы осуществить, практически провести идею социализации всех земель страны, и все мы надеемся, все мы верим, что именно наш народ через партию социалистов-революционеров и под ее руководством практически разрешит этот вопрос, что именно наш народ через нашу партию сделает этот капитальный шаг вперед, в направлении практического осуществления начал социализма. Мы это знаем, мы в это верим, и это-то знание и вера не могут не вызывать в каждом из нас того волнующего чувства, о котором я говорю. Но на чем покоится наша вера, что именно русский народ при участии именно нашей партии разрешит эту труднейшую задачу? Эта вера покоится на знании, что наша партия в этом случае опирается на вполне реальную и прочную почву. Наша партия, как партия социалистическая, исходя из определенных научных положений, приходит к выводу о вреде частной собственности на землю и необходимости уничтожения ее, необходимости устранения из жизни самого понятия о земельной собственности, о необходимости социализации всей земли, понимая под этим выражением такое состояние, при котором не только все земли изъемляются из частной собственности, но они не становятся даже собственностью государства, а делаются достоянием всего народа, взятого в целом. И вот соприкосновение с действительностью,

внимательное отношение к ней, обнаруживает поразительное явление: это чисто научное, историческое построение и практические из него выводы, оказывается, совпадают с основами миросозерцания нашего трудового крестьянства; наши взгляды оказываются его основными воззрениями на землю. С точки зрения нашего крестьянства, земля не может быть предметом частной собственности, она ничья, «божья», по выражению народа. Право на землю дает один только труд, влагаемый в нее человеком. Вот почему земля не может быть предметом частной собственности. Продажа и покупка земли, с точки зрения крестьянства, является невозможной, и поэтому-то крестьяне смотрят на частную земельную собственность как на грех, как на явление, противоречащее их личной точке зрения на землю и отношению к ней человека. Вот это-то совпадение точек зрения нашей партии и самого крестьянства и дает ту жизненность нашей партии, которая позволяет всем нам не только верить, но и знать, что через нашу партию будет практически осуществлен принцип социализации земли, что именно ею будет сделан этот огромный шаг в направлении к социалистическому строю. В этом залог крепости партии социалистов-революционеров, ее несокрушимости и, я сказал бы, ее обаяния на народные массы.

Но перед партией стоит не только вопрос принципа, вопрос программы, но и вопрос тактики. Как, каким образом может быть осуществлена социализация земли, спрашивает тов. Фирсов, и этот вопрос имеет жгучий интерес. Я позволю себе высказать мнение, что тактически социализация земли будет осуществлена не во всех своих частях одновременно и не во всех своих частях революционным путем. В земельном отношении русская действительность представляет большую пестроту. Деля все разнообразнейшие виды земельной собственности в России, мы можем наметить в грубых чертах следующие главнейшие категории земель: земли государственные, которые находятся частью в эксплуатации самого государства, частью в пользовании трудового крестьянства; земли удельные и кабинетские, находящиеся в аналогичных условиях с государственными землями; частновладельческие — крестьянские и помещичьи — и земли надельные, находящиеся частью в пользовании, частью во владении крестьянских масс — общинном и индивидуальном. Социализация всех земель, кроме крестьянских надельных, которыми они пользуются на праве собственности, насильственно им навязанных государством через выкупную операцию, и, частью, земель крестьянских же купчих, не встретит

большого затруднения со стороны самого населения. Все эти земли могут быть социализированы революционным путем. Неизмеримо труднее социализировать крестьянские надельные земли и мелкие участки купленной крестьянами земли. Социализация их потребует длительного процесса. <...> Крестьяне в надельные, полученные ими на условиях выкупной операции, земли влагали не только свой труд, но оплатили их и деньгами, т. е. оплатили их вдвойне. Поэтому-то социализация этих земель и будет представлять такие трудности. Не меньшие трудности будет представлять и социализация захваченных общинами частновладельческих земель, за счет которых они расширят свое землевладение. И в этом случае даже народная воля, организованная в Учредительном собрании, которое будет созвано даже при соблюдении всех тех гарантий, какие ставятся нашей партией, т. е. свободы выборов, основанных на равной, прямой и прочее подаче голосов, свободы агитации и т. д., даже такое Учредительное собрание, говорю я, было бы поставлено в большое затруднение, как социализировать эти крестьянские земли; не штыками же оно будет прокладывать дорогу к социализации этих земель. Вот почему П.С.-Р. должна взять на себя организацию того стихийного движения, которым теперь охвачено крестьянство, и направить его так, чтобы захваты помещичьих земель не обращались теперь же в пользу крестьянских общин и чтобы эти последние таким образом сами не производили бы расширения границ своего землевладения, так как это была бы не подготовка социализации помещичьих земель, т. е. уничтожения земельной собственности, а лишь увеличение земельной собственности, правда, коллективных единиц — крестьянских общин. В этом острота данного момента, в этом его ответственность. Мне хотелось бы, чтобы собрание товарищей несколько задержало свое внимание на указываемой мною колючей стороне земельного вопроса. <...> Я уже указывал на то, какую прочность, мощь и силу нашей партии должен придавать и действительно придает факт совпадения требований, вытекающих из социалистических принципов, с отношением крестьянской трудовой массы к земле, право на пользование которой дает только приложенный к ней труд. Но есть пункт, в котором могли бы разойтись далеко крестьянская трудовая масса и наша партия. Этим пунктом является вопрос о выкупе частновладельческих земель. Трудовой принцип, как основа отношения к пользованию землей, проникает[221] все миросозерцание нашего крестьянства. Только труд, не-

посредственно вложенный в землю самим ее обрабатывающим, дает человеку право на пользование ею. Только такой путь приобретения права на пользование землей является единственно справедливым; всякое же иное приобретение земли через покупку и проч., пользование землею через вложение в нее чужого труда и т. д. является нарушением справедливости. Вот почему крестьянство смотрит на помещичье землевладение как на нечто в самой основе своей несправедливое, подлежащее устранению и уничтожению. Отсюда отрицание трудовым крестьянством за землевладельцами крупными и мелкими не только права на дальнейшее пользование землей, но и права на выкуп за эксплуатируемую у них землю. И в этом случае П.С.-Р. должна стать на ту же точку зрения, т. е. точку зрения решительного отрицания выкупа за социализируемые частновладельческие земли в какой бы то ни было форме. Внося в свою программу этот принцип, принцип отрицания за частновладельцами права на выкуп, наша партия вновь опирается на крепкое и надежное основание, на широкие народные массы, на народное миросозерцание и на народную психологию. Тов. Фирсов опасается, что будущее русское Учредительное собрание, созванное даже при всех тех условиях, какие определяются нашей партией, все же необходимо будет буржуазным и будет отражать в себе буржуазные тенденции общества, что, в свою очередь, не может не отразиться на проведении такой меры, как социализация всех земель. Чтобы этого не случилось, тов. Фирсов предлагает признать за местными органами самоуправления право на *владение* и *распоряжение* землей. Я думаю, что в этом случае мы имеем дело с глубоким недоразумением. В самом деле, нельзя отнять право *пользования* на землю у тех, кто ею фактически пользуется; но, присвоив им еще право *владеть* и *распоряжаться* теми же землями, мы тем самым признали бы за ними *право* на *собственность* тех земель, которыми они пользуются, так как понятие собственности, как известно, и слагается из этих именно трех моментов: права *владения, пользования и распоряжения*. Таким образом, желая осуществить социализацию земли, нам предлагают распределить ее в собственность между различными местными коллективностями. Еще менее понятно заявление тов. Поморцева о том, что нельзя представить осуществление права *пользования* без одновременного осуществления и права *владения* землею, так как нельзя пользоваться тем, чем не владеешь. Это только недоразумение, и я останавливаться на нем не буду. Мне хотелось бы сказать еще не-

сколько слов о наемном труде в земледельческом хозяйстве после социализации земли и праве принудительного вселения в общину новых членов. Конечно, право на землю может быть признано лишь за тем, кто непосредственно ее обрабатывает, так как лишь труд, в нее вложенный, может дать человеку на нее право. Но это принцип; практическое же проведение его в жизнь не допускает и не может допустить прямого запрещения употребления в хозяйстве наемного труда. И не только потому это не может быть допущено, что практически невозможно проследить, кто из земледельцев пользуется наемным трудом и кто нет, но и потому, что установление такого регламентирования вносило бы столько стеснения, столько насилия над самыми интимными сторонами личности человека, что подобный порядок устанавливал бы если не каторгу, то аракчеевщину[222] для всего земледельческого населения, для живых людей невыносимую. Я предлагаю каждому из товарищей на одну минуту только представить себя в положении того земледельца, за каждым шагом которого наблюдают какие-то надзиратели, наблюдают в самых интимных сторонах его жизни, за явлениями простыми и несложными хозяйственными, за его отношениями к жене, детям и проч., и я уверен, каждого из вас немедленно охватит чувство тревоги, как оно охватывает меня, когда представляю перед собой эту картину будущих регламентированных интимных отношений человека. Тут, в этом самом зале, приводились примеры влияния на условия крестьянского труда случая смерти жены земледельца, болезни его ребенка и проч. Факты эти казались столь мелочными и в то же время столь курьезными, что некоторыми из товарищей были поняты в качестве анекдота. Но это не анекдот, не курьез, а сама подлинная живая действительность, полная истинного трагизма. И этот трагизм, слагающийся из видимых мелочей, и обязывает нас к осторожности и деликатному вниманию, чтобы в нашей погоне за чистотой проводимого принципа не пострадала личность человека. Я, поэтому, предложил бы совершенно устранить из программы вопрос о недопустимости в земледельческом хозяйстве будущего наемного труда, а взамен того установить только условия пользования землей, при которых приложение наемного труда было бы лишь допустимо в той степени, в какой оно неизбежно. Это легко может быть достигнуто установлением предельных размеров общинного и индивидуального участка земли, величина которого определялась бы установлением для каждой данной самоуправляющейся единицы средних

потребительных норм. Выполнение этого должно лежать на органах местного самоуправления. Технически осуществление этой меры не могло бы вызвать чрезмерного затруднения, а между тем это избавило бы земледельцев от тех пут и цепей, которые мы наложили бы на них, приняв принцип воспрещения наемного в земледельческом хозяйстве труда. Достаточно уже было цепей, достаточно истерты ими руки и ноги русского человека, чтобы создавать еще новые. С этой же точки зрения охраны личности от давления общества я высказываюсь и против признания как за государством в его целом, так и за его отдельными самоуправляющимися единицами права на принудительное вселение кого бы то ни было в общину. Никакого принуждения тут не должно быть, хотя бы оно проявлялось и в самых мягких формах. *(Шумные аплодисменты).*

<...> *Тов. Абрамов*[223]. После товарищей Пашина и Соломина мне приходится сказать лишь несколько слов. Я стою на том, что нам с римским правом считаться не приходится, и поэтому искать владельца земли не нахожу нужным. Меня пугает лишь проводимый проектом принцип огосударствления земли. Лучше уж оставить старый проект, ибо за него хотя бы то, что его можно толковать как угодно. Чтобы не возбудить национальной розни, земли у башкир, других инородцев, у казаков придется постепенно выкупить, ибо те сроднились с пониманием, что земля — их вотчина. Вот лишь в каком случае можно ввести в программу выкуп.

Тов. Базаров[224]. Я начну с замечания. Я не согласен, что первый проект аграрной программы, помещенный в № 46 «Рев[олюционной] Рос[сии]», лучше; недостатком его является уже то, что он подвергался слишком разнообразным толкованиям. Программа не для того строится, чтобы на ней объединялись люди, разно понимающие ее. В деталях может быть расхождение, но в общем, по существу, должно быть полное единомыслие. <...> Раздаются голоса, что этот новый проект является национализаторским, тогда как в прежней программе была социализация. Прежний проект и в этом отношении был слишком поместительной клеткой, так как в нем говорилось лишь о переходе в общественное владение и не указывалось на субъекта владения, будет ли то все общество или какая-нибудь мелкая единица, например сельское общество. И мы видим действительно, что некоторые смешивали социализацию с передачей земель в частную собственность отдельных общин. Я высказываюсь за новый проект. Что касается

термина «социализация» или «национализация», то ведь термин не существенен. Прежде я предпочитал слово «национализация», теперь думаю, что ввиду популярности термина «социализация» он может быть оставлен; с ним уже сроднились, хотя я оговариваюсь, и он не лишен недостатков. Я согласен с тов. Пашиным, что общий характер вопроса волнует нас и весь русский народ, ибо вопрос этот слишком глубоко захватывает и все общество. На нем сошлись все стремления социалистов, начиная от Герцена и Чернышевского, стремления при помощи тех или иных мер сдвинуть Россию с тех капиталистических рельс, на которые ее поставила реформа 1861 года. Мое глубокое убеждение, что если теперешнее общественное движение приведет к социализации земли в той форме, в которой мы мыслим этот переворот, то существование капиталистического общества будет невозможно и приведет к социализации фабрик и заводов, ибо промышленность в настоящей[225] существовать будет не в состоянии. Когда социалисты-революционеры говорят о социализации земли, то рассуждают совсем не по тому методу, как в том случае, когда говорят о том, что обычно называется программой-*минимум*. В первом случае они заботятся о последовательном проведении трудового принципа, который, в конце концов, несовместим с буржуазным строем. Я вижу тут непоследовательность. Этому методу должно следовать и при построении нашей программы в сфере промышленности. Тов. Фирсов со своей точки зрения последователен. Он говорит о невозможности предоставить каждому право на землю в современном буржуазном обществе. Он помнит, что это минимальная программа и что тут не должны быть нарушены рамки буржуазного строя, и в этом сходится с социал-демократами, которые в своей программе не посягают на современные формы собственности и хозяйства. С этой точки зрения социал-демократы отрицают минимальную заработную плату. Это, по их мнению, утопия. Я говорю это не в полемических целях. Я говорю лишь, что тут есть полная аналогия. Эти два вопроса сродни: право на землю и минимум заработной платы и страхование от безработицы. Тов. Фирсов считает утопическим право всякого человека на землю ввиду существования огромной армии безработных: земли не хватит. И, однако, мы убеждены, что социализация земли способна значительно сократить безработную армию и в городе, и в деревне. Мы даже и мотивируем необходимость социализации земли именно существованием этой армии безработных. Если она останется, если ее не поглотит в

значительной мере земледелие, то экономическое состояние России останется в том же тупике, в каком находится теперь.

Председатель[226] заявляет, что список ораторов по данному вопросу закончен, и дает слово докладчику.

Тов. Тучкин[227]. Товарищи! Приступая к своему заключительному слову, я несколько пугаюсь обширности своей задачи. Мне предстоит, отвечая отдельным товарищам, разъяснить немало недоразумений, осветить множество вопросов, множество сторон необычайно сложной аграрной проблемы. К моему удовольствию, задача моя несколько облегчена двумя прекрасными речами тов. Пашина, отвечающими на целый ряд возражений и обосновывающими разбираемый проект в самых основных его чертах...

Наше требование социализации земли с его отрицательной стороны означает уничтожение частной собственности на землю. В этом согласны все; но не все делают из этого положения необходимые логические выводы. Рассуждая о том, кому же достанется экспроприированная земля, некоторые товарищи аргументируют так, как будто бы земля не изъемлется вовсе из круга действия начал собственности, а лишь передвигается в руки какого-то единого конкретного собственника, например, государства или области и т. п. Это — серьезное недоразумение, которое должно быть радикально устранено. При современном поземельном строе, когда земля есть такой же товар, как всякие другие, государство также является одним из собственников. Оно владеет землей на началах современного частного права: может путем покупок увеличивать свою земельную площадь, путем продаж уменьшать ее; может сдавать ее в аренду или капиталистически обрабатывать и т. п. Состоит ли социализация земли просто-напросто в том, чтобы теми или иными путями передвинуть всю землю на началах того же частного права в руки государства? Ничего подобного. В этом-то и заключается одно из существенных различий между вульгарной национализацией, как ее представляют себе левые «кадеты», и социализацией земли по нашей программе. Социализируя землю, мы отбираем у нынешних собственников известную сумму прав на землю; но разве мы просто-напросто передаем эту сумму прав, определяемую понятием собственности jus utendi et abutendi* римского права, какому-

* Право владения и пользования (*лат.*).

то определенному органу общественного управления — и только? Разве самый объем и характер этих прав не реформируется самым радикальным образом? Этот вопрос достаточно поставить, чтобы на него ответить. Социализируя землю, мы именно ставим ее в такое положение, при котором обычные определения частного права к пользованию ею становятся более неприложимыми. Мы не делаем землю ни имуществом общины, ни имуществом области, мы не переводим ее и просто в разряд современных «государственных имуществ». Мы делаем ее ничьей. Именно как ничья она и становится общенародным достоянием. Но вот тут-то и подходит к нам тов. Фирсов со своими недоумениями. «Ведь мы обобществляем землю в рамках буржуазного строя; мы должны считаться с определениями римского права собственности; скажите, кто же вместо отдельного лица становится после социализации субъектом прав на землю: кто этот "общенарод", о котором вы говорите, кто его представляет?». На первую часть этого вопроса ответ прост: в рамках буржуазного строя, в рамках товарного производства мы, однако, изъемлем землю из товарного оборота; и поскольку мы ее изъемлем, постольку мы прекращаем ее нахождение в сфере действия современного частного права. Стремление рассмотреть со строго юридической стороны сущность земельного переворота можно только приветствовать. Но при этом юридическом рассмотрении нельзя же забывать, что речь идет об установлении новых правовых начал. А потому наши юристы должны поднатужиться и вырваться из круга обычных понятий римского права. Они должны вспомнить прежде всего о том, что это римское право, в сущности, народу совершенно чуждо, навязано ему сверху и успело его коснуться лишь поверхностно. Современному праву частной собственности в России не более одного с четвертью века, развитие его шло очень медленно и слабо. Оно не успело проникнуть[228] всей жизни народа, чем и объясняется сила народного воззрения на землю как на общее достояние, которым должны пользоваться те, кто на ней трудится и пока трудится. И во многих других местах, как в Германии, например, римское право было навязано народу против его воли и вопреки его потребностям абсолютистскими князьями и юристами, но там оно успело укорениться. У нас же новые правовые воззрения социализма выступили против буржуазных правовых начал тогда, когда эти последние еще не успели победить народных трудовых правовых воззрений. Будем же смелее, внесем в неокрепшие и смутные народные воззрения

всю логичность и силу новых взглядов, не будем бессильно путаться в терминах устарелого римского права, — мы должны стремиться к тому, чтобы оно на нашей почве отцвело, не успевши расцвесть!

К сожалению, очень многие товарищи не могут выбиться из заколдованного круга старых правовых понятий, а потому и создают для себя искусственно целый ряд ненужных недоразумений, которые разрешить им никак не удастся. Тов. Фирсов спрашивает с недоумением, о каком таком «общенароде» идет у нас речь? Кто его представляет? Он должен непременно видеть какое-нибудь конкретное общественное учреждение, чтобы он мог его рассматривать, как юридическое лицо, к которому и перешла земля. Но «народ» не исчерпывается своими общественными и государственными учреждениями. Он, кроме того, есть совокупность живых индивидов. Перенесем ли мы через их голову право на землю к каким-нибудь учреждениям? Забудем ли мы их? Нет! Тов. Порошин исключил вовсе личность из числа претендентов на роль субъекта некоторых юридических прав на землю; но он сделал это по недоразумению, не представляя себе иных прав, кроме прав собственнических. Но мы можем признать за каждой личностью трудовое право на пользование землей, причем, конечно, это право ограничивается равным правом каждой другой личности на такое же пользование. Раз мы исходим из этого субъективно-публичного права, то совершенно ясно, что органы народного самоуправления, от общины до центральных учреждений, будут для нас вовсе не искомыми суверенными собственниками земли, спорящими из-за этого суверенитета, а просто регуляторами личных трудовых прав на землю. Их задача — установить в каждый данный момент гармонию между наличными индивидуально-трудовыми правами. Формы установления такой гармонии могут быть крайне разнообразны; мы мыслим их себе развивающимися все далее и далее; развитие их в основном и главном будет состоять в переходе от уравнительных систем распределения и перераспределения земли между отдельными хозяйствами и группами хозяйств к уравнительным системам коллективной обработки земли. Итак, органы самоуправления не суверены земли, а регуляторы поземельных отношений между личностями, за которыми признается равное право на землю. И потому тов. Фирсов делает ошибку, когда говорит, что, стоя на точке зрения старого проекта, он отстаивает переход земли в собственность демократически организованных учреждений местного и областного самоуправления. Старый проект тоже

не говорил о собственности: он говорил лишь о владении и распоряжении. Владение нельзя смешивать с собственностью. Что касается до функций распоряжения или заведования землей, то он распределил их между различными территориальными, т. е. общественно-правовыми союзами. Зачем же тов. Фирсов смешивает владение с собственностью? Ведь это и по римскому праву не тождественные понятия. <...>

Право на землю, обусловливаемое трудом, — вот основная черта нашей аграрной программы, и ее родоначальником является, как я показал в «Рев[олюционной] Рос[сии]», Н. Г. Чернышевский. Нужно ли говорить о том, насколько эта программа отличается от программы буржуазных национализаторов всех толков и видов, от Генри Джорджа[229] и Уоллеса[230] до Флюрейма[231] и Оппенгеймера[232]. Духовную сущность, сердцевину их теории составляют прежде всего следующие взгляды: современный частноправовой строй с его свободной конкуренцией есть нормальный строй человеческого общежития; в экономических бедствиях масс он нисколько не повинен; вся беда от того, что этот строй, основанный на полной свободе частной предприимчивости, никогда не мог развернуться вполне, всецело; его благодетельные последствия уродуются влиянием начала, совершенно чуждого его основам, — начала монополии, выражающегося в частной собственности на землю; уничтожим этот по самому своему существу монопольный вид частной собственности, и эксплуатация, в последнем счете всегда происходящая от монополии, исчезнет. Итак, национализаторская школа стоит, по существу, на почве основных буржуазных принципов, мечтая лишь дать им полное последовательное развитие во всей их чистоте. С этим тесно связана и вся их концепция национализации земли как положительной системы. Для одних она состоит в передвижении всей поземельной собственности в руки государства; обрабатывающие землю являются обыкновенными свободными арендаторами; сущность частноправовых отношений остается та же, только в их рамках происходит концентрация собственнических прав у одного юридического лица — центральной государственной власти. Другим кажется достаточной еще более простая мера — конфискация путем особого налога всей поземельной ренты; фактически это должно уничтожить все экономические преимущества собственника как монополиста и эксплуататора. В том и другом случае свободная игра соперничающих сил приводит, по мнению национализаторов, как к своему логическому выводу к уничтожению эксплуатации. Характерными чертами обеих

буржуазно-национализаторских систем является централистический и бюрократический характер предлагаемой ими реформы. Государство, остающееся буржуазным, опирающееся на признание святости принципов частной собственности и частной предприимчивости, является колоссальным поземельным собственником; от него в непосредственной зависимости находятся массы мелких и иных арендаторов; или же, по другой концепции, колоссальный фискальный механизм охватывает их, определяя и конфискуя в пользу государства поземельную ренту, в то время как наше требование социализации земли покоится на принципах самой широкой децентрализации и гармонии прав личности.

Я думаю, что все это буржуазно-национализаторское течение настолько характерно и целостно, что мне кажется целесообразным стремление некоторых товарищей заимствовать у этого течения для характеристики нашей программы самый термин «национализация», только пополнив его обновленным содержанием. Я боюсь, что этим мы не только внешним образом сблизим себя с течениями, столь резко противоположными нам по своему духу и конечным целям; я боюсь, что мы введем в заблуждение значительную часть публики; я боюсь, наконец, как бы многие из наших товарищей не оказались пленниками чужой терминологии, тесно сросшейся с целым рядом идей и представлений, нам чуждых. Конечно, терминология — дело условное, дело, до известной степени, литературного вкуса, а на вкус и цвет товарищей нет. Но я лично предпочитал бы оставить буржуазным национализаторам их терминологию и, уж во всяком случае, не употреблять параллельно и той, и другой. Иначе получается путаница и неразбериха. Так, тов. Соломин говорит, что представляет себе социализацию как путь к национализации, а тов. Поморцев говорит, что логически социализация уже предполагает национализацию. Вдумайтесь в сущность их мыслей, и окажется, что тот и другой просто употребляют слова «социализация» и «национализация» в различных смыслах. Тов. Соломин различает желательную для нас поземельную реформу, как стройную, законченную систему, от процесса воплощения ее в жизнь; он хочет только этот процесс, идущий снизу, в значительной мере революционным путем, называть «социализация земли»; результат же этого процесса, новую систему поземельных отношений он называет «национализацией земли». Тов. Поморцев, наоборот, под «национализацией» разумеет исключительно основной принцип

передачи земли *всему* народу, нации; определенную же систему распорядков, обеспечивающую трудовое и уравнительное пользование этою землею он называет «социализацией». Понятно, что при столь различном словоупотреблении один получает, что социализация ведет к национализации, а другой — что социализация уже предполагает национализацию как свое необходимое условие. Пешехонов в «Рус[ском] Бог[атстве]», придерживаясь приблизительно того же словоупотребления, как здесь тов. Поморцев, считает «социализацию» лишь частным видом «национализации». Но я бы предпочитал под национализацией разуметь тоже совершенно конкретный, определенный вид аграрной реформы; и если уж нужно общее родовое понятие для всех видов поземельной реформы, стремящихся заместить частную собственность общественной, — национализации и социализации — я бы предпочел говорить просто об «уничтожении частной собственности на землю». Я так долго останавливаюсь на вопросах терминологии потому, что путаница в ней, по-видимому, совершенно сбила с толку одного или двух из присутствующих товарищей. Так, тов. Соломин, тот самый, который думает, что надо через социализацию идти к национализации, в то же время высказывается против нового текста за сохранение старого, ибо в новом тексте он усмотрел вредную попытку «согласить социализацию с национализацией». С тов. Порошиным случилась история еще хуже: он просто нашел, что новый проект предлагает национализацию вместо социализации. Отсюда можно видеть, насколько точное представление имеет он о национализаторских системах. И это после того, как, по признанию тоже одного из защитников старой формулировки против новой, «Рев[олюционная] Рос[сия]» так много, красноречиво и убедительно говорила против национализации.

Итак, я полагаю, что, избирая новый термин «социализация земли» и порывая с терминологией «национализаторов», мы поступаем так же правильно, как и тогда, когда освобождаемся из пут юридических определений римского права. И пусть не говорят нам, что у термина «социализация» могут быть свои неудобства, ибо ее могут смешать с социализмом. Да, могут, но кто? Я сам был свидетелем того, как одна провинциальная барынька, услыхав в первый раз слово «социальная наука», была убеждена, что это означает «социалистическая наука». Но, устанавливая терминологию, с провинциальными барыньками или со спекулирующими на уровне их развития в полемике против нас считаться не приходится. Неудобства от принятия терминов «нацио-

нализация» или «государственная собственность» гораздо хуже. Эти термины не только не точны; и в агитационном отношении они неудобны. Они порождают видимость, будто мы отнимаем у крестьянских общин и передаем государству собственность; а между тем мы вовсе не мыслим при нашей реформе роли государства как действующего просто-напросто на правах полного собственника земли. Крестьяне имеют перед собой в виде образца «государственной собственности» современные государственные имущества. Не скажу, чтобы они могли считаться фактором «наглядной пропаганды» преимуществ государственной собственности. Но к чему же брать термины, которые не только теоретически неудовлетворительны, но и в агитационном отношении скорее вредны, чем полезны?

Я сказал, что социализация земли характеризуется тем, что ее исходный момент — признание равного права каждого трудящегося на землю, согласно еще определению Н. Г. Чернышевского. Но тут предъявляет нам свои сомнения тов. Фирсов. «Это иллюзия, — говорит он, — будто наша программа обеспечивает за всеми трудящимися право на землю и спасает от эксплуатации в деревне». Но тов. Фирсов впадает здесь в недоразумение. Он почему-то сливает воедино две совершенно различные вещи. Строить аграрную программу, исходя из равного права на пользование, — это одно; а обеспечивать от всякой эксплуатации — другое. Социализация земли еще не уничтожает всякую эксплуатацию в деревне, потому что крестьян эксплуатирует не один лишь капитал, вложенный в землю, но и другие виды капитала: торговый, кредитный, биржевой и т. д. Уничтожить всякую эксплуатацию в деревне, как и в городе, может лишь уничтожение всех видов и форм капитала. Но если признание права на землю не равносильно обеспечению от всякой эксплуатации, то что же оно означает? Да не что иное, как более конкретную формулировку более общего и элементарного права — права на существование. Но разве исходить из этого права при построении программы-*минимум* значит быть утопистом или впадать в иллюзии? Напротив — это значит быть в полном согласии с интернациональным социализмом.

Переходим теперь к вопросу о заведовании и пользовании социализированной землей. Но здесь мы с самого начала встречаемся с совершенно особенной концепцией, которую развил перед нами все тот же тов. Поморцев. Его мысль такова: государство никуда не годится; отдать землю государству значило бы провести национали-

зацию: но ведь органы местного самоуправления вплоть до сельского суть также органы государственные. Государство в широком смысле этого слова охватывает всю совокупность общественно-правовых союзов, обладающих принудительной властью. Но, как же быть? Он видит только один исход: земля достается не этим территориальным, хотя бы и демократически организованным союзам, а «чисто классовым организациям» трудового крестьянства. Ячейкой должна быть «община земледельцев», не в смысле совокупности сельских жителей, связанных в одно самоуправляющееся целое, а в смысле свободного, добровольного трудового союза; что выходит, по существу, из узкой арены деятельности такой «трудовой общины», то должно быть в ведении союза таких общин, вплоть до их национальной федерации. Таким образом, «чисто трудовая», «чисто классовая» и вполне «свободная» организация создалась. До сих пор все шло хорошо. Но тут-то вдруг и оказывается, что создана, в сущности, просто-напросто замкнутая корпорация и земля отдана ей в собственность. Корпорация, заметьте, совершенно свободная, добровольная. Однако «добровольность» ее довольно странного сорта. Земля вся отдана в полное распоряжение такого рода корпорации; иначе говоря, земли нельзя получить иначе, как только войдя в одну из них. Конечно, при таких условиях поневоле «свободно» войдешь! Но ведь войдешь, если примут; а если не примут? Тов. Поморцев сам замечает, что в этом пункте дело не ладно, и придумывает, чтобы поправить дело, новую сложную надстройку. Чтобы его «чисто классовая» организация не замкнулась в касту, не допускающую до земли других, он проектирует смешанные комитеты из представителей крестьян и городских рабочих, а мимоходом оговаривается, что сюда же можно включить и трудовую интеллигенцию. Каким образом? Кого считать «трудовой интеллигенцией»? Для представительства в смешанных комитетах обяжут ли и ее «свободно» соединиться в «чисто классовые организации трудовой интеллигенции»? Будут ли «смешанные комитеты» просто третейскими судами, вызываемыми к жизни соглашением между «классовыми организациями» труда в городе и деревне? Или они будут существовать в силу закона? Будут ли «чисто классовые организации» обязаны подчиняться этим комитетам? Каковы будут их прерогативы? Кому, наконец, какой «классовой организации» попадет в руки городская земля? Ни на один этот вопрос мы не видим ответа, или даже хотя бы намека на ответ. Мало того. Поскольку «чисто трудовые», «свободные»

общины трудящихся суть организации не общественно-правового, а частноправового характера, постольку ведь они могут соединяться и распадаться. Тов. Поморцев предвидит только первый случай: ему нужно, чтобы общины группировались в высшие союзы общин, и он мысленно заставляет это делать. Ну, а если община распадается, что будет с землей? Ну, а если «чистая классовая организация», хотя бы в виде национальной федерации общин, вследствие каких-нибудь разногласий расколется на две организации, как это и бывает, скажем, с профессиональными союзами? Как тогда быть с землей? Дело в том, что все построение тов. Поморцева не выдерживает никакой критики. В его основе лежит ряд анархических представлений. И я не понимаю, как он пытается свою концепцию передачи земли в собственность профессионального союза земледельцев как будто примкнуть к старой формулировке нашей программы. Там ясно было сказано, что земля переходит во владение *общества*, а не замкнутой корпорации или профессионального союза. Там было сказано, что земля переходит в заведование «демократически организованных общин» и таких же «территориальных союзов этих общин». Тов. Поморцев говорит, правда, тоже как будто об «общинах» и их союзах. Но у него эти общины — вовсе не территориальные, демократически самоуправляющиеся союзы населения. Его общины не имеют ничего общего ни с существующими общинами, сословно-крестьянскими, ни с будущими бессословными, вполне демократическими и вполне самоуправляющимися. Справедливо заметил тов. Пашин, что тех трудовых общин, о которых говорил тов. Поморцев, нет, и не было в русской деревне. Еще бы! Это просто «общины» анархистской теории, существующие лишь в противоречивых и искусственных построениях, образец которых мы только что видели. Но предположим даже, что старый текст программы был бы настолько туманен, настолько неопределенно сформулирован, что с грехом пополам, путем натянутых толкований можно было доказывать, что концепция тов. Поморцева не противоречит ему так резко и так наглядно, как теперь. Но ведь кроме этого краткого текста мы имеем в «Рев[олюционной] Рос[сии]» и других официальных партийных изданиях целую литературу комментарием к нему. Что же, неужели хоть раз в ней встречалось что-нибудь похожее на эту полуанархическую концепцию, не выдерживающую никакой критики?

Тут в течение прений один из немногих товарищей, отстаивавших прежний проект против нового, заявил, что мы «боимся государства,

как черт ладана». Я опять-таки с этим не соглашусь. Этого суеверного страха, характерного для анархистов, мы не имеем. Мы не боимся работы на почве демократических форм современного государства, особенно на почве его органов местного самоуправления, в иных из которых мы можем иметь большинство, а стало быть, и власть значительно раньше приобретения большинства во всей стране. Мы только не имеем ничего общего с «государственным социализмом» и формулируем те же условия и оговорки относительно расширения сферы буржуазного государственного хозяйства, что и революционные социалисты всех стран. Но дальше этого наша «боязнь государства» не идет. Итак, заведование социализированной землей должно находиться в руках демократически организованных территориальных союзов или органов самоуправления. Но они не бесконтрольные и не произвольные «владельцы» земли. Их функция — следить за уравнительностью пользования землею. <...> Повторяю, мы чужды суеверного страха перед государством. Но мы, зато, большие сторонники децентрализации. Мы стремимся сохранить в ведении местных органов самоуправления, более близких к народу, все то, что можно сохранить без нарушения более широких и общих интересов. Мы помним, что в России эта тенденция к широкому самоуправлению, к его децентрализации тем более важна, что для населения, не привыкшего постоянно следить за ходом общего законодательства, местное самоуправление должно будет сыграть роль первоначальной политической школы. Опыт сельского, волостного, затем земского и далее областного самоуправления даст ему последовательно данные, необходимые для вполне сомнительного отношения и к делам общегосударственным. <...>

<...> *Тов. Тучкин* читает пункт об аграрной программе и дает краткие объяснения тех изменений, которые внесены комиссией в первоначальный проект.

<...> Голосуется предложение Горецкого совершенно выкинуть упоминание о потребительной норме.

Отвергнуто (за — 6, против — 40).

Голосуется предложение оставить место о нормах в том виде, как оно было в предложенном комиссией проекте.

Принято (за — 43, против — 7, воздержалось — 4).

Голосуется предложение Горецкого выбросить место об общественной поддержке лиц, пострадавших от проведения в жизнь социализации земли.

Отвергнуто (за — 4, против — 35, воздержались — 5).

Голосуется предложение Тамбовцева[233] заменить выражение «общенародная собственность» выражением: «общенародное достояние».

Принято (за — 35, против — 9, воздержались — 10).

Голосуется предложение Нижегородского[234] добавить слова: «без найма батраков».

Отвергнуто (за — 4, против — 29).

Голосуется поправка тов. Базарова об угодьях, имеющих не чисто местное значение[235].

Принята (за — 26, против — 12, воздержалось — 16).

Председатель приглашает к голосованию всей аграрной программы в целом.

Принята подавляющим большинством (за — 55, против — 1).

Аграрная часть программы ПСР [принята I съездом ПСР]

<...> 3) В вопросах переустройства земельных отношений П.С.-Р. стремится опереться в интересах социализма и борьбы против буржуазно-собственнических начал на общинные и трудовые воззрения, традиции и формы жизни русского крестьянства, в особенности — на распространенное среди них убеждение, что земля ничья и что право на пользование дает лишь труд. В согласии со своими общими воззрениями на задачи революции в деревне, партия будет стоять за социализацию земли, то есть за изъятие ее из товарного оборота и обращение из частной собственности отдельных лиц или групп в общенародное достояние на следующих началах: все земли поступают в заведование центральных и местных органов народного самоуправления, начиная от демократически организованных бессословных сельских и городских общин и кончая областными и центральными учреждениями (расселение и переселение, заведование резервным земельным фондом и т. п.); пользование землею должно быть уравнительно трудовым, то есть обеспечивать потребительную норму на основании приложения собственного труда, единоличного или в товариществе; рента, путем специального обложения, — должна быть обращена на общественные нужды; пользование землями и угодьями, имеющими не узкоместное значение (обширные леса, рыбные ловли и т. д.), регулируется соответственно

более широкими органами самоуправления; недра земли остаются за государством; земля обращается в общенародное достояние без выкупа; за пострадавшими от этого имущественного переворота признается лишь право на общественную поддержку на время, необходимое для приспособления к новым условиям личного существования. <...>

МАТЕРИАЛЫ ДИСКУССИЙ И ПРОГРАММНЫЕ ДОКУМЕНТЫ КОНСТИТУЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ (ПАРТИИ НАРОДНОЙ СВОБОДЫ)

Аграрная часть программы КДП (ПНС) [принята I съездом КДП (ПНС)]

<... > *VI. Аграрное законодательство*

36. Увеличение площади землепользования населения, обрабатывающего землю личным трудом, как-то: безземельных и малоземельных крестьян, а также и других разрядов мелких хозяев-земледельцев — государственными, удельными, кабинетскими и монастырскими землями, а также путем отчуждения для той же цели за счет государства в потребных размерах частновладельческих земель с вознаграждением нынешних владельцев по справедливой (не рыночной) оценке.

37. Отчуждаемые земли поступают в государственный земельный фонд. Начала, на которых земли этого фонда подлежат передаче нуждающемуся в них населению (владение или пользование личное или общинное и т. д.), должны быть установлены сообразно с особенностями землевладения и землепользования в различных областях России.

38. Широкая организация государственной помощи для переселения, расселения и устройства хозяйственного быта крестьян. Реорганизация межевого дела, окончание размежевания и другие меры для подъема благосостояния сельского населения и улучшения сельского хозяйства.

39. Упорядочение законом арендных отношений путем обеспечения права возобновления аренды, права арендатора, в случае передачи аренды, на вознаграждение за произведенные, но не использованные к сроку затраты на улучшения, и учреждение примирительных камер[236]

для регулирования арендной платы и для разбора споров и несогласий между арендаторами и землевладельцами. Открытие законного пути в судебном порядке для понижения непомерно высоких арендных цен и уничтожения носящих кабальный характер сделок в области земельных отношений.

40. Отмена действующих правил о найме сельских рабочих и распространение рабочего законодательства на земледельческих рабочих применительно к техническим особенностям земледелия. Учреждение сельскохозяйственной инспекции для наблюдения за правильным применением законодательства по охране труда в этой области и введение уголовной ответственности сельских хозяев за нарушение ими законодательных норм по охране труда.

ПРОЕКТ ОСНОВНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ [ПРЕДСТАВЛЕН III СЪЕЗДУ КДП (ПНС)]

1. Право на расширение землепользования признается за малоземельными и безземельными земледельческими семьями, ведущими хозяйство на землях как надельных, так и принадлежащих на праве частной собственности или арендованных.

Примечание 1. Там, где существует особый класс безземельных сельскохозяйственных рабочих, последние подлежат обеспечению землей наравне с указанными категориями земледельцев.

Особые правила должны регулировать отвод земель семьям, прекратившим хозяйство вследствие малоземелья, если они пожелают его восстановить.

Примечание 2. Местным землеустроительным учреждениям предоставляется [право] возбуждать вопросы о расширении или вообще изменении круга лиц, подлежащих действию настоящих положений, сообразно с местными условиями.

2. Для каждой местности (губернии, района, уезда или части его) должен быть установлен нормальный размер земельного обеспечения, до которого — в пределах имеющегося земельного фонда и возможных добровольных выселений — должно быть доводимо землепользование сельского населения. Принципиально является желательным доведение размеров обеспечения до потребительной нормы, т. е. до такого количества земли, которое — по местным условиям и, принимая в расчет

прочные промысловые доходы, если таковые существуют, — было бы достаточно для покрытия средних потребностей в продовольствии, одежде и жилище и для несения повинностей.

3. Закон о земельном обеспечении распространяется как на безземельных земледельцев, так и на таких, площади землепользования которых, считая как надельные, так и купчие земли, а равно и приобретенные другими способами, не достигают нормы, установленной для данной местности (ст. 2).

4. Для земельного обеспечения земледельческого населения служит государственный земельный фонд, образуемый из земель государственных, удельных, кабинетских, церковных и монастырских, а также отчуждаемых для указанной цели из владения учреждений и частных лиц.

5. При отчуждении в государственный земельный фонд земель, принадлежащих учреждениям и частным лицам, соблюдаются следующие правила:

I. Подлежат отчуждению без всяких ограничений:

а) земли, превышающие высший размер владения, устанавливаемый законодательным порядком для отдельных местностей;

б) все земли, обычно сдаваемые в аренду за деньги, из доли или за отработки, а также земли, эксплуатируемые преимущественно наемным крестьянским инвентарем;

в) земли, не находящиеся под обработкой (впусте лежащие), если землеустроительные учреждения признают их пригодными для земледельческой культуры.

II. Из земель, не отчужденных в силу отдела I настоящей статьи, отчуждение производится:

а) для устранения вредной чересполосицы и других существенных неудобств в очертаниях наделов и в составе их по угодьям;

б) для расширения землепользования местных малоземельных и безземельных земледельцев, если это расширение не может последовать за счет других земель той же местности.

Примечание. В случае отчуждения части земли, на которой владельцем велось самостоятельное хозяйство, владельцу предоставляется право требовать отчуждения остальной части имения.

III. Не подлежат принудительному отчуждению:

а) участки небольшого размера, в пределах трудовой нормы, в размере, определяемом для отдельных местностей подлежащими учреждениями;

б) имения или части имений, сохранение которых будет признано необходимым — с точки зрения их общественно важного значения, как исключительно интенсивных, образцово-показательных и т. п. — центральным учреждением, заведующим поземельным устройством;

в) земля, на которой расположены фабрично-заводские или сельскохозяйственные предприятия, в размере безусловно необходимом для данного предприятия по техническим условиям (земли под строениями, складами, сооружениями и т. п.).

Примечание. При отчуждении земельных угодий, обслуживающих хозяйственные потребности сельскохозяйственных, промышленных предприятий, устанавливаются особый порядок и последовательность, причем крайний срок для перехода таких земель в государственный земельный фонд устанавливается центральным землеустроительным органом.

г) городские выгонные земли[237], а равно земли, принадлежащие городам, местечкам, земствам, благотворительным и просветительным учреждениям, поскольку они непосредственно служат для общественно-санитарных, образовательных и т. п. целей;

д) земли под усадьбами, под садами, огородами (кроме сдаваемых в аренду), искусственными лесонасаждениями, виноградниками, хмельниками, питомниками и т. п., за исключением случаев, когда отчуждение необходимо для устранения вредной чересполосицы.

6. Земли из государственного земельного фонда отдаются в долгосрочное пользование на срок, установленный подлежащими органами. Переуступка означенных земель не допускается.

7. За все отводимые земледельцам из государственного земельного фонда земли взимается плата, размер которой определяется соответственно доходности земель и сообразно с общим планом поземельного обложения.

Примечание. На держателей земель государственного фонда распространяются законоположения о вознаграждении за неиспользованные к концу срока пользования улучшения.

8. За отчужденные в государственный земельный фонд земли бывшим владельцам (ст. 5) выдается из казны вознаграждение выпускаемыми для этой цели процентными бумагами по нарицательной стоимости. Лежащие на имениях, поступающих в государственный земельный фонд, долги кредитным установлениям переводятся на отчуждаемые имения или части имений, с возложением на казну обязательства уплаты причитающихся кредитным установлениям срочных платежей.

9. Из государственного земельного фонда отводятся земли сначала местному малоземельному и безземельному населению; за удовлетворением потребности местного населения остающиеся свободными земли государственного земельного фонда предназначаются для переселенцев, не получивших нормального земельного обеспечения по месту прежнего жительства.

10. Отвод земли производится, по возможности, с таким расчетом, чтобы, одновременно с расширением площади пользования, была устранена чересполосность с землями других владельцев и придана этой площади удобная для хозяйства форма.

11. В местностях, изобилующих лесами, под земельное обеспечение земледельцев могут быть обращены леса, не имеющие защитного и водоохранного значения.

<...> Настоящие положения имеют в виду преимущественно условия земледельческой полосы России. Для районов, резко отличающихся в бытовом и хозяйственном отношении, должны быть выработаны соответственно измененные положения, при непосредственном участии реформированных на демократических началах органов местного самоуправления.

Протокольная запись обсуждения проекта основных положений аграрной реформы на III съезде КДП (ПНС) 23–25 апреля 1906 г.

В. Е. Якушкин[238] (основной докладчик). Партия народной свободы с самого своего возникновения признала необходимость широкой поземельной реформы, которой ставит задачи: увеличение площади землепользования населения, обрабатывающего землю личным трудом, для чего должны быть использованы земли государственные, удельные, кабинетские, монастырские, а также частновладельческие, которые должны быть отчуждены в потребном количестве с вознаграждением нынешних владельцев по справедливой оценке.

<...> Иногда приходится слышать, что передача земли сельскому населению является как бы делом благотворительности; это взгляд совершенно ложный. Дело стоит вовсе не так: мы видим голодную нищету разорившегося народа, мы видим и причины этой нищеты и признаем, что государство обязано устранить эти причины, обязано поставить на-

селение в иные условия. Не то чтобы, видя нужду, мы старались заморить ее подаянием; нет, мы считаем необходимым изменить самые основы отношений, и это не благотворительность, а социальная реформа.

Совершенно неверен также и тот взгляд, что предполагаемая реформа основывается только на неспокойном настроении крестьян в данное время, на крестьянских беспорядках. Крестьянские волнения служат только показателем, насколько земельная нужда обострилась, как необходимо спешить в этом деле. Конечно, крестьянские беспорядки не могли не отразиться на настроении землевладельцев и должны были сделать их более уступчивыми в земельном вопросе. Несомненно также и то, что при данных условиях государство вынуждено спешить с аграрной реформой, проводить ее быстро, сразу, без ряда длящихся подготовительных мер. Но это уже зависит оттого, что в течение десятилетий правительство наше и владеющие классы относились с преступным равнодушием к положению крестьян-земледельцев. Это то же самое, что мы видим в политической области: если бы правительство приступило к постепенному осуществлению государственного преобразования — вместо того, чтобы всякие скромные пожелания в этом деле считать бессмысленными мечтаниями, — реформа нашего строя совершилась бы постепенно, без такой борьбы и без стольких жертв; и установление парламентарного строя не казалось бы такой резкой переменой. Таким образом, в деле аграрного преобразования крестьянские волнения представляются важным дополнительным явлением, но вовсе не служат основной причиной. Насколько со стороны государства аграрная реформа вовсе не является делом снисходительной благотворительности, настолько же она не может быть рассматриваема как грабеж со стороны крестьян, как вынужденная уступка насилию. Повторяю, аграрная реформа есть необходимая социальная реформа.

Так на дело и смотрела всегда К[онституционно]-д[емократическая] партия, Партия народной свободы; поэтому-то в ее программе и дана такая задача аграрному законодательству.

Это не милостыня, это не грабеж, это необходимое исполнение долго не исполнявшейся обязанности государства, это дело, которое должно вести к успокоению народа удалением главной основы его тяжелого материального положения и к правильному развитию производительных сил страны, к созданию прочного и устойчивого экономического благосостояния России.

В программе Партии народной свободы аграрная реформа поставлена на широких основах, но общие ее положения требуют теперь более подробного определения.

Это не значит, что мы составили программу слишком отвлеченную, непрактическую, и теперь, когда оказывается возможным проводить ее в жизнь, мы вынуждены менять ее, суживать. Вовсе нет: основы нашей программы вообще, а, в частности, и по аграрному вопросу, поставлены в согласии с условиями и указаниями жизни. Мы не меняем программы, мы вовсе не отступаем от ее основных положений, мы только ближе их определяем.

Это ближайшее определение выразилось в предъявленном вам проекте основных положений аграрной реформы[239]. <...>

А. А. Зубрилин[240](второй докладчик). Прежде чем мы перейдем к обсуждению вопроса, я, от лица комиссии, позволю предпослать несколько объяснений по поводу тех положений, которые имеют прямую связь с аграрной реформой, но которые в проекте, представленном вашему вниманию, обойдены молчанием.

Все эти положения, надо заметить, обсуждались в наших предварительных совещаниях. <...> Объяснения относительно них мы считаем необходимыми, потому что это облегчит обсуждение вопроса.

Нас могут спросить: почему аграрная комиссия, приступая к решению вопроса об аграрной реформе, отказалась проводить ее путем полной национализации земли?

Почему ничего не сказано детально в ее проекте об обеспечении землей тех, кто утратил уже возможность заниматься земледелием, но желал бы снова вернуться к земле? Почему мы обошли молчанием вопрос о переселениях и об урегулировании арендных цен на землю?

Почему мы не говорим о мерах к поднятию земледельческой культуры, о мелиоративной и других формах кредита? Почему ничего не сказано об отношении общинной формы землевладения к задачам аграрной реформы?

Я позволю себе дать на все это краткое объяснение. Некоторые члены съезда сделали заявление, что в местных губернских комитетах наша программа трактовалась как такая, которая по существу ее положений, ведет к полной национализации земли, а раз это так, то почему бы съезду не санкционировать открыто эту цель? Если же партия не видит возможности осуществления национализации земли, то ее можно было бы провозгласить как отвлеченный принцип,

который партия будет стремиться провести в жизнь парламентским путем. Тогда народ мог бы уяснить себе, куда ведет его партия, и она, конечно, завоевала бы большие симпатии народных масс. В настоящем же виде программа партии дает повод заподозрить партию в скрытой тенденции поддерживать частновладельческое хозяйство за счет трудящегося населения. Например, п. 5, будто бы, оставляет лазейки, дающие частным землевладельцам возможность отказаться от осуществления земельной реформы.

Все эти возражения мы считаем мало обоснованными. Комитет[241] руководился уставом партии, где не упоминается обещание национализации земли и передача ее в руки лишь тех, кто обрабатывает ее личным трудом. Пока же остается в силе устав, мы не можем задаваться целью полного упразднения частного землевладения. Партия ограничивается обещанием увеличить площадь землепользования трудящимся массам, и это предполагается выполнимым. Что касается до указанных заявлений местных комитетов, видящих в нашей программе скрытую цель национализации всей земли, это толкование остается целиком на их ответственности и не может связывать ни ЦК партии, ни съезд. Партия в вопросе об аграрной реформе самым решительным образом заявляет, что она имеет в виду интересы трудящихся масс, но не находит практически возможным провозгласить отвлеченный принцип национализации. Надо стоять на почве дела; надо, провозглашая что-либо, суметь дать и ответ на то, как выполнить принятое на себя обязательство.

<...> Далее, на вопрос, почему мы не разработали детально пункт о снабжении землей тех, кто уже утратил возможность заниматься земледелием, но хотел бы вернуться к земле, — я отвечу, что это более сложный вопрос, который решить трудно. Дело в том, что при устройстве таких крестьян придется им дать не только землю, но и капитал на постройку, обзаведение скотом, инвентарем и пр.; все это настолько усложняет вопрос, что разрешить его в сколько-нибудь удовлетворительной полноте могут только местные учреждения.

Поэтому же не затронут и вопрос о переселении и расселении. По проекту аграрной комиссии, переселения, поскольку в них будет нужда, должны направляться не только в отдаленные земли, но и на те, которые могут остаться свободными после отчуждения из площади частного землевладения: очень может случиться, что из крупных хозяйств не только будут удовлетворены местные крестьяне, но оста-

нется еще запасный фонд. Пока мы не знаем возможных размеров этого фонда, не представляется возможным и трактовать детально вопрос о переселениях.

Затем, вопрос о кредите несомненно связан с аграрной реформой, но разрешение его относится к финансовой программе партии. Что же касается до общины, то партия не касалась этого вопроса уже по одному тому, что это опять-таки значило бы вдаваться в непосильные для нее детали. В настоящее время комиссия намечает лишь основные положения, которыми следует руководствоваться при определении дополнительного наделения крестьян землей, не предрешая деталей реформы. Для подробной разработки вопроса о мерах к интенсификации земледелия у комиссии не было ни времени, ни материалов. <...>

Я. Я. Гуревич[242] (Тула). <...> Г-н Петрункевич[243] уже изложил вам всю важность аграрного вопроса. Мне он представляется не только самым трудным, но и таким вопросом, от которого должна зависеть вся политическая жизнь России. Успех выборов обязан союзу двух сил: Партии народной свободы и крестьянским выборщикам. Этот союз не был результатом какого-либо соглашения. Он явился естественным результатом общего положения страны, и в дальнейшем он должен развиться еще глубже. Если в этом успеха не будет, положение Думы станет роковым. Долго крестьяне не сознавали связи между вопросом о земле и вопросом о политическом положении страны. Теперь уже такое сознание есть; оно выросло в том соприкосновении крестьянства с интеллигенцией, которое началось за последнее время, и мы уже видим крестьян, которые совершенно сознательно говорят нам свой двойной лозунг: земли и свободы!

Проект, представленный съезду, заслуживает, несомненно, громадного внимания. Если бы было возможно провести земельную реформу в представленном там масштабе — это был бы беспримерный в истории факт. Такой мобилизации земли мир еще не видал. Но нам необходимо иметь в виду, что земельный вопрос в крестьянской среде ставится не в этой форме. Крестьяне склонны к более радикальному решению его, и здесь были уже сделаны частные замечания, что многие депутаты от крестьян предъявленной нами формой решения не удовлетворятся. Следовательно, если парламентской фракции не удастся достигнуть соглашения с ними, возможен конфликт внутри самой Думы. Как же должны вести себя наши представители в таком случае? Вот важный вопрос, на который съезд должен обратить серьезное внимание.

Конфликт возможен на пункте, где ставятся ограничения отчуждению частновладельческих земель ради интересов земледельческой культуры <...>.

Но если конфликт в Думе произойдет, и соглашение на этом пункте не будет достигнуто, тогда произойдет конфликт и вне Думы. Крестьянство находится в ужасно напряженном настроении; его глаза устремлены на Думу, и оно ждет от нее решения земельного вопроса в тех формах, какие выношены его сознанием, и в случае конфликта союз, сам собой образовавшийся на выборах, будет погублен. Мы потеряем народ, а потерять народ неизмеримо опаснее, чем потерять политическую свободу. С народом мы опять легко завоюем ее; а если он уйдет от нас, он уже не вернется к партии, не сумевшей доказать ему, что она стоит за него. <...>

<...> *А. Н. Хардин*[244] (Самара). <...> Аграрный вопрос уже признан съездом вопросом, не терпящим отсрочек. Еще настойчивее и решительнее отношение к нему совещания крестьянской группы членов Государственной думы[245]. Положение, в котором находятся крестьянские массы, не допускает исхода из их крайней нужды, помимо коренной ломки аграрного строя, а с другой стороны, настроение крестьянства таково, что оно все надежды возлагает на народных представителей. Все это ставит перед последними аграрный вопрос ребром, заставляет искать ему радикальное разрешение.

К сожалению, доклад по аграрному вопросу и тезисы доклада далеко не оправдывают крестьянских надежд. <...>

<...> Корень аграрного вопроса — в крестьянском малоземелье и в способе, каким можно устранить это малоземелье. Крестьянское малоземелье — факт очевидный, но, чтобы решить вопрос о способе борьбы с ним, необходимо исследовать его причины, а эти причины достаточно сложны. К сожалению, в докладе аграрной комиссии мы не видим указаний на них. Я позволю себе, ввиду этого, вернуться несколько назад и сослаться на то исследование крестьянского вопроса, которое обсуждалось апрельским прошлогодним съездом[246]. Причиной разорения крестьянства была выставлена там та эксплуатация, которую терпит малоземельное крестьянство от частных землевладельцев. Таким образом, уже тогда был констатирован вред, наносимый народному хозяйству самим фактом существования частного землевладения.

Вопрос, что такое есть в этом отношении частное землевладение, давно уже решен экономической наукой в том смысле, что частное

землевладение — одна из самых вреднейших монополий, вред которой прогрессивно растет по мере того, как население размножается. Я сошлюсь для иллюстрации этого положения на факты: за последние 40–50 лет ценность земли возросла в 3–4 раза, а вместе с этим, очевидно, возрос и тот налог, который взимают частные землевладельцы с остальных членов общества. Но раз мы констатировали такое общественное зло, первый долг граждан, призванных обсудить его и принять меры к его устранению, заключается в том, чтобы отнестись к своей задаче с полным мужеством и, не останавливаясь перед возможными жертвами, раз и навсегда с этим злом покончить.

Однако что же предлагает нам проект? В сущности, выставленные в нем меры имеют вид паллиативных мер; но если мы всмотримся в них ближе, мы увидим, что и проект сведется, в конце концов, при своем осуществлении к полному уничтожению частной поземельной собственности; только он не называет этого настоящим именем. Ведь, чтобы наделить всех безземельных и малоземельных до нужной нормы, необходимо отчудить[247] все частновладельческие земли! Ведь это значит ни более, ни менее как фактически произвести национализацию земли! Зачем же скрывать действительный смысл предлагаемой проектом реформы? Надо просто признать открыто, что это так и что иного пути и нет; надо именно этот принцип поставить во главу угла предстоящей земельной реформы.

<...> *Г-н Жемчужников*[248] (Томск). <...> Сущность земельного вопроса заключается, с одной стороны, в том, чтобы парализовать те условия, которые ставят в невозможное положение крестьян, с другой стороны — предупредить возможность повторения их.

Что же предлагает нам проект для разрешения этого вопроса? Как уже было указано <...>, корень зла — в земельной ренте и в ее постоянном повышении. Следовательно, единственное рациональное решение заключается в том, что весь прирост ренты должен оставаться в руках или государства, или самого земледельца. Между тем проект полагает возможным изъять из частной собственности около 50 млн десятин земли, сделавши их собственностью государства (предвидя выкуп «впоследствии» и той части частновладельческой земли, которую придется пока оставить в частном владении). В то же самое время надельные и купчие крестьянские земли, которых теперь считается до 130 млн десятин, проект оставляет в собственности крестьян. Ни для кого не тайна, что стоит только общине распасться, и эти 130 млн де-

сятин земли появятся на рынке, будут скуплены и начнут концентрироваться в немногих руках. Таким образом, мы скоро встретимся с еще более острым положением аграрного вопроса, и земельная теснота будет еще больше. Те земли, которые, по проекту, останутся в руках частных владельцев, очевидно, тоже не удержатся за этими владельцами, тоже перейдут к крупным капиталистам и будут служить им для эксплуатации земледельческого населения. Из всего этого я прихожу к заключению, что единственный способ устранить те условия, которые вызвали к жизни аграрный вопрос, единственное действительно радикальное решение заключается в национализации земли, причем в государственный земельный фонд, кроме кабинетских, удельных и других земель, должны отойти, путем выкупа, не только земли частных владельцев, но также и надельные и купчие крестьянские земли.

Обращаясь к пунктам проекта, где говорится о землях, не подлежащих отчуждению, я могу согласиться с теми изъятиями, которые предусмотрены проектом, но с тем, чтобы земли, остающиеся вне отчуждения, оставались бы в руках прежних владельцев не на праве частной собственности, а только в вечном, наследственном, арендном пользовании. <...>

Председатель. Обращаю внимание съезда — не высказываясь ни за, ни против национализации земли — на то, что наша партия на последнем съезде нашла необходимым от национализации земли отказаться. Я позволяю себе напомнить вам, что наша партия победила на почве своей программы, и для нее невозможно теперь проводить новые принципы. Отступая так легко от одних принципов, она может отказаться и от всех других. Я не узурпирую этим замечанием власти над ходом прений, не предлагаю вам не касаться вопроса о национализации земли; я только напоминаю вам, что мы не можем переходить теперь под другое знамя. Нам скажут, что партия не имеет твердых убеждений, если она меняет их так легко.

Кн. Ф. Я. Друцкой-Любецкий[249] (Пинск). Будучи сторонником национализации земли и убежденный в том, что вся земля должна принадлежать всему трудящемуся населению, я, однако, не могу присоединиться к тезисам защитников этого принципа. Являясь представителем известной местности, я считаю долгом познакомить собрание со взглядами наших крестьян. Среди нашего белорусско-польского крестьянства есть защитники национализации, но, благодаря господствующему у нас подворному землевладению, значительная часть крестьянства относится

к этой идее отрицательно. Отношение к земле в нашей крестьянской среде выражается в самых разнообразных взглядах. Многие говорят, что земля Божья, ничья и, следовательно, должна принадлежать только трудящимся на ней; другие высказывают опасение, что в случае национализации их надельная земля будет отнята. Поэтому я полагаю, что для решения аграрного вопроса, которое действительно удовлетворило бы весь народ, преждевременно ставить такой определенный принцип. Необходимо повсеместно ввести всесословное земство на основе всеобщего, прямого и равного избирательного права и там предложить на обсуждение тезисы решений аграрного вопроса. Нельзя насильно заставлять население принимать такие взгляды, которые оно не разделяет. Я уверен, что вопрос, поставленный на разрешение таких земств, будет решен вполне демократически и радикально.

Далее я позволю себе указать, что крестьяне желают получить землю, но *свою,* а не чужую. Чужой земли мы не хотим, говорят они, но и не допустим, чтобы чужие люди пришли бы и отняли у нас нашу землю; если это будет, мы встретим их с кольями. Поэтому, вполне допуская необходимость переселений как одной из мер к устройству крестьянского быта, я не могу допустить возможности переселить крестьян какой-нибудь Киевской губернии в Новгородскую или Ковенскую и т. д. Это вызовет бунт местного населения. <...>

Г-н Корнилов[250] (Владимирская губ.). Только что розданный проект, по моему мнению, требований крестьян удовлетворить не может. Он звучит что-то уж очень неопределенно. Надо крестьян землей наделить, а в то же время надо что-то и сохранить, надо под каким-нибудь видом все-таки оставить владельцам землю! Оставить, например, следует ту, которая под искусственными лесонасаждениями или, например, под плантациями. Ведь эти слова — растяжимы. Я знаю, у нас графиня садила много леса, и, значит, он весь не подлежит отчуждению, а останется у нее. На это согласиться нельзя. Чтобы крестьянство приняло наш проект, мы должны сказать твердо, что не остановимся ни перед чем, чтобы наделить его землею. Здесь говорят: не нужно национализации, это может повредить партии. Это — несправедливо. Партия должна заявить, что она решит аграрный вопрос, не останавливаясь ни перед чем; что она возьмет у всех землю, до известных размеров, которые можно обрабатывать своими руками. Может быть, здесь укажут, что при этом будут жертвы, пострадают владельцы? А крестьянство разве не несло своих жертв? Разве оно не работает на них и по

сие время? Теперь оно заявляет, что долее оно терпеть не может. И партия должна заявить, что она всецело проведет аграрную реформу, не останавливаясь ни перед какими средствами.

А. С. Медведев[251] (Тверь). Я <...>, прослушав последовательно четыре-пять ораторов, пришел к заключению, что мы приступаем к рассмотрению этого вопроса, не подумавши о том, что мы, так сказать, делаем этим «покушение с негодными средствами», потому что доклада-то у нас ведь не было. Может быть, поэтому прения и приняли такой характер.

Говорил, например, г-н Гуревич и пугал нас конфликтом с крестьянами. А почему? Этого я так и не усвоил себе. Он говорил только, что народ не согласится на эту программу. Очень часто приходится слышать, как говорят нам от имени народа, и очень часто, говоря так, люди впадают в ошибки. Я думаю, что этим страдает и заявление г-на Гуревича. <...>

<...> Что касается самого проекта по существу, то я бы сказал, что если в Думе удалось бы провести все, что в нем написано, то был бы достигнут тот maximum, о котором только можно мечтать. Ведь в нем сказано, что остаются у частных собственников участки в пределах трудовой нормы. Сегодня один оратор говорил[252], что проект этот таков, что скоро земля опять может сгруппироваться в крупные латифундии. Я решительно не знаю, как это может выйти, если частные владельцы не могут иметь более определенного количества земли. Далее, указывалось на тот пункт, где будто бы говорится о неотчуждаемости земель при свеклосахарных заводах. Этого в проекте нет. Наоборот, из него следует, что такие земли отчуждаются; не отчуждается земля только под постройками, а что касается полей[253], то для заведования ими будут образованы особые местные учреждения, и, если можно будет отдать это заведование в руки самого населения, оно будет, конечно, отдано именно в руки окружающему населению. Если население к этому не подготовлено, не имеет нужного инвентаря — будет дан для этого срок, и, когда все это устроится, через несколько лет населению можно будет взять дело в свои руки.

<...> Затем, я хотел еще сказать следующее: я не сторонник частной поземельной собственности; это, по-моему, самый несправедливый закон, благодаря которому люди заставляют других работать на себя. Но сказать, что нужно сейчас же национализировать всю землю, — это значит требовать невозможного. Да и нет в этом особой надобности.

Ведь если осуществить все то, что намечено проектом, то от этой частной земельной собственности останутся только такие обломки, которые я легко спрячу в свой жилетный карман! Это будет совершенно ни для кого не опасно. И я уверен, что никакого конфликта из-за него с крестьянами в Думе не может быть: население будет удовлетворено и будет знать, что, в сущности, та же самая национализация уже предвидена в самом проекте, поскольку она возможна без ломки собственных же крестьянских взглядов. Ведь там сказано, что никто не может купить, например, два трудовых участка. А если так, то очевидно, что в скором времени все частные земли должны будут быстро перейти в государственный фонд; потому что и из тех владельцев, у которых остается трудовая норма, очень многие будут, наверное, продавать свои остатки. Значит, проект дает если не национализацию целиком, то ту же национализацию с таким малым минусом, о котором не стоит говорить.

С. А. Котляревский[254] (Саратовская губ.). Крайняя ответственность и серьезность аграрного вопроса заставляют, прежде всего, желать, чтобы обсуждение его было поставлено на правильный путь, было бы, прежде всего, обсуждением деловым: было бы очень печально, если бы оно превратилось в простую декламацию на социальные темы. И чтобы этого не случилось, необходимо отдать себе ясный отчет, чего желают сторонники национализации земли. Слова или реальности? Провозглашения этого принципа и только, или совокупности мероприятий, которые приведут их к их идеалу? И я думаю, что, если бы они отрешились от «слова» и попытались конкретно развить ведущие к национализации меры, они дали бы нам точно такой же проект, как и тот, который представлен съезду. Ведь первым шагом к национализации земли могут быть только изложенные в нем меры. Нам говорят: почему вы не провозглашаете в таком случае этого принципа? На это я скажу, что было бы крайне нежелательно, чтобы деятельность первого представительного учреждения началась с провозглашения принципа, не имеющего при данных условиях под собой достаточно прочной основы.

Если национализация земли должна быть — она должна выйти снизу, а брошенная в этом смысле фраза ничего дать не в состоянии; можно, конечно, верить в то, что подобная реформа может быть произведена из центра, но ведь достаточно себе представить реально приступ к такому делу, и мы увидим, прежде всего, что при таком способе ее про-

ведения она неизбежно откладывается на целые годы. И если сейчас подобного рода предложения встречают среди нас сочувствие, то через несколько лет мы могли бы понести тяжелую ответственность, если бы стали на такую дорогу. По отдельным пунктам проекта, разумеется, возможны возражения, уклонения от них, но нельзя не видеть, сопоставляя его с тем, что говорят пока его противники, того, что перёд нами на одной чашке весов — веские мероприятия, на другой — лишь неопределенные слова. Повторяю, нам необходимо стоять на деловой, практической точке зрения.

Мы, может быть, изменим пункты проекта, но мы должны держаться его метода. По существу этого проекта я хотел бы сделать лишь одно замечание. Мне неясно, во сколько времени может быть такой проект осуществлен. По-видимому, даже одно отчуждение арендного фонда должно потребовать не менее года. Поэтому было бы желательно, в виде временного закона, провести нормы, регулирующие арендные цены. Они будут иметь только временное значение, пока не будут закончены работы по отчуждению, но для крестьян это, несомненно, очень важно; важно и то, чтобы с самого начала деятельность Думы приняла практический характер, сразу сказалась бы осязательными результатами; а арендный закон настолько простое дело, что его можно сделать в несколько недель.

<...> *П. Б. Струве*[255]. <...> Я не разделяю тех опасений, которые были высказаны здесь г-ном Гуревичем. Вообще, разумеется, в Думе конфликт возможен, но именно на почве реальных положений нашего аграрного проекта конфликта с крестьянами быть не может. Это maximum того, что может дать законодательство. Могут наступить обстоятельства, которые заставят нас податься вправо, но налево податься некуда. Такая реформа, какая намечена проектом, дает все объективно осуществимое. Большего дать невозможно. Фактически при ее осуществлении от частного землевладения действительно остается, как выразился здесь один из ораторов, то, что можно будет положить в жилетный карман. В проекте установлен maximum владения в руках одного лица и, мало того, даже он может быть игнорируем, если этого потребует нужда в земле со стороны населения. Значит, последний предел ограничения — трудовая норма. Я не буду говорить, желательно это или нежелательно, но вы видите, что проект есть не «мероприятие», а радикальная аграрная реформа. Ее осуществление было бы случаем беспримерным в истории. А настаивать на том, чтобы мы ко

всему этому провозгласили еще принцип национализации земли, — значит доводить дело до тупика, откуда может не быть выхода. Ведь, национализация земли как принцип означает национализацию и крестьянской земли, а желают ли крестьяне этого? По меньшей мере, это нам неизвестно. То, что в требовании национализации земли есть экономически ясного, — все это внесено в проект. Остались за флагом лишь доктринальные требования.

Проект указывает, что земли государственного фонда отдаются в долгосрочное пользование, а не в собственность. Я обращаю ваше внимание на это обстоятельство; это — в высшей степени мудрое решение. Можно различно смотреть на вопрос о собственности, но мы можем, во всяком случае, сказать, что от долгосрочного пользования всегда возможен переход к собственности хотя бы на основании давности владения, тогда как от мелкой собственности переход к пользованию фактически не может быть проведен, не ломая всего правосознания народа. Следовательно, данное проектом решение не предрешает направления, в каком должно пойти действительное развитие поземельных отношений в стране. Оно намечает лишь путь, по которому ему идти теперь наиболее рационально. И не пытаться предрешать будущее, открыть ему свободную дорогу очень важно. Мы должны чувствовать всю свою ответственность перед страной, и я еще раз подчеркиваю, что наш проект дает maximum того, что вообще может дать реальное законодательство. <...>

В заключение я хочу сказать вам: если такой проект осуществится, я буду гордиться, как экономист, как социалист, тем, что принадлежал к партии, которая осуществила этот проект.

<...> *Я. К. Имшенецкий*[256] (Полтава). Прежде всего — несколько замечаний по поводу речи первого оратора[257]. <...> Это необходимо ввиду того сочувствия, каким эта речь была встречена. Этот оратор сказал, что съезд должен дать поручение нашим представителям в Государственной думе, чтобы они ни в каком случае не входили по аграрному вопросу в конфликт с крестьянами. По моему мнению, такое поручение не может быть дано. Наоборот, надо дать им поручение: не отступать от программы, или если уж отступать, так не иначе, как с согласия съезда партии.

Я думаю, что на почве аграрной программы такой конфликт нам не может быть страшен. Это такая программа, которая наиболее отвечает нуждам современной жизни, и от нее мы отступаться не долж-

ны. Я этим не хочу сказать, что наша парламентская группа не должна прислушиваться к настроению страны. Конечно, должна — и должна, сообразно этому настроению, изменять и программу, и свои практические требования. И это влияние жизни на нашу партию уже заметно: мы уже ясно передвинулись влево, по направлению к национализации земли.

Я считаю, что логическим исходом из всех пунктов представленного нам аграрного проекта является такая эволюция в области земельных отношений, которая, в конце концов, приводит именно к национализации. Мы не говорим только, что вступаем сейчас же на этот путь, но, в конце концов, мы, несомненно, к нему придем. С этой точки зрения я и буду рассматривать проект. С этой точки зрения, мне кажется, проект может быть принят целиком, и я присоединяюсь к предложению г-на Струве — принять его как руководящее начало для деятельности нашей парламентской группы. Я укажу только на некоторые частные недостатки, которые, во всяком случае, не могут служить основанием для того, чтобы отказаться от предложения принять проект в целом.

Некоторое недоразумение вызывает 1-й пункт. Он как бы устанавливает особое земледельческое сословие: для других, неземледельческих слоев населения предполагаются уже другие основания наделения землей. Я думаю, что сама жизнь заставит выйти из этих пределов. Примечание к этому пункту, впрочем, уничтожает, по-моему, такое ограничение. Лучше было бы, соответственно этому, перередактировать и самый пункт.

Затем, по поводу потребительной нормы я замечу следующее. Потребительная норма — это не идеал, а горькая необходимость, дальше которой мы не имеем возможности пойти по недостатку земли вообще.

Но наибольшее количество возражений вызвал 5-й пункт, и эти возражения мне кажутся наиболее существенными. Обязаны они, вероятно, неудачному построению пункта. Существенная часть пункта выражена в [подпункте] б отдела II: «для расширения землепользования местных малоземельных и безземельных земледельцев, если это расширение не может последовать за счет других земель той же местности», отчуждение может быть произведено и из земель, не отчужденных в силу отдела I. Этот пункт имеет характер как бы исключения из общего правила. Но ведь ни в одном месте нуждающееся земледельческое население не может быть удовлетворено вполне. Значит, уже в

силу одного этого это исключение становится фактически правилом, и, согласно этому пункту, для удовлетворения нужд крестьян могут быть использованы все удельные, кабинетские и частновладельческие земли, которые не подходят под изъятия, означенные в отделе III. Что касается до этих изъятий, то я против п[одпункта] б, но я думаю, что оставление его в проекте не имеет существенного значения. Если проект будет осуществляться, вряд ли этот пункт подаст повод к большим злоупотреблениям.

Я хотел еще остановиться на последнем добавлении, против которого я решительно возражаю. Оно придает неопределенный характер законопроекту, делает неясным, для чего он был проектирован. Весь же закон я считаю не цепями для населения, а наоборот — открытым путем, который население, несомненно, встретит сочувственно. Он ничем его не связывает; оно вольно пойти по нему и вольно не пойти.

<...> *В. Н. Умнов*[258] (Пенза). Исполняя желание нашего уважаемого председателя и всего собрания, я ограничусь немногими словами. Один из предыдущих ораторов, г-н Имшенецкий, указал в своей речи, что нам не следует бояться конфликта. Я не разделяю такого взгляда. Конфликта, по моему мнению, все-таки надо бояться. Здесь нападали на проект главным образом с той стороны, что в нем не указана необходимость национализации земли, которая, по мнению возражавших, должна бы лежать в основе проекта. Но, с другой стороны, возражавшим отвечали, что эта национализация указана именно тем, что земли, покупающиеся в государственный земельный фонд, даются из него не в собственность, а в пожизненное пользование. Так что большого значения отсутствие прямого указания на национализацию не имеет, и мы не можем с этой стороны ждать недовольства. Но гораздо слабее 5-й пункт проекта, который действительно может разделить Партию народной свободы с крестьянской партией, что было бы очень нежелательно: ведь если такой раздел произойдет, то тогда все наши надежды могут не осуществиться.

Слабость этого пункта в следующем. В [под]пункте а отдела I выражением: «подлежат отчуждению земли, превышающие высший размер владения, устанавливаемый для отдельных местностей» — крестьяне могут быть сбиты с толку. «Высший» размер владения может равняться и ста десятинам, и сотням десятин, и десяткам десятин. Благодаря этому могут видеть в такой редакции поползновение землевладельческого класса удержать за собой свои владения. Правда, по всему смыслу про-

екта фактически этого быть не может, но тогда зачем же вставлять в него такие фразы, которые могут расколоть партию?

Далее, в том же параграфе есть перечисление земель, которые не подлежат отчуждению. Между прочим, не отчуждаются имения, сохранение которых признано необходимым как образцовых, в интересах культуры. Я полагаю, однако, что если рядом с такими имениями будет находиться местное население, требующее себе надела вследствие малоземелья, то едва ли будет удобно из-за того, что имение «образцовое», посылать его переселяться в Сибирь. Да и много ли у нас таких имений? С такой привилегией для подобных имений крестьянская масса не примирится, а ведь она представлена почти таким же числом депутатов, как и Партия народной свободы. Поэтому я и просил бы этот пункт уничтожить вовсе.

В. А. Косинский[259] (Одесса) ...Партия стоит у власти[260], и все, что мы здесь говорим, отражается на обществе, которое нас послало. Вот почему мы должны быть очень осторожны в словах. В состоянии ли мы будем провести в жизнь все то, о чем мы можем говорить и чего мы можем требовать?..

<...> О пунктах аграрного проекта я позволю себе сделать следующие замечания. По проекту, подлежащие отчуждению земли поступают в государственный фонд и затем эти земли отдаются в долгосрочное пользование крестьянам. При таком обстоятельстве государство по отношению ко многим из отчужденных земель, хотя бы даже только временно, должно явиться не только владельцем, но и хозяином: придется поддерживать дренажные работы, другие подобные сооружения и т. д. Это очень осложняет дело, и такая сложная задача едва ли возможна для государства. Мы знаем, что государство всегда является плохим хозяином. Надо было бы придумать что-нибудь более решительное. Я не буду утверждать, что выходом из такого положения можно считать передачу земли не в государственную, а в частную собственность, но, во всяком случаев, в таком сложном вопросе следует, прежде всего, спросить самих крестьян. И может быть, они скажут вам, что им представляется невыгодным получать землю на арендном праве, хотя бы в долгосрочное пользование.

Из других пунктов проекта я позволю себе остановиться только на двух. Меня смущает, во-первых, создание потребительной нормы. Ведь если эта потребительная норма не может все-таки дать ничего большего, чем «полунищенское» состояние, как тут выразились, так

не лучше ли постараться вывести население из этого нищенского состояния совсем? Выход будет создан развитием отношений капиталистического хозяйства, а установление потребительной нормы к этому развитию никаких отношений не имеет. <...>

Засим смущает меня финансовая сторона вопроса. В проекте не говорится ни про то, при каких условиях могут быть выпускаемы процентные бумаги, ни про то, по какой цене будет выкупаться земля.

Помнится, общая сумма выкупа высчитывалась в размере около 4 миллиардов. Откуда же она будет погашаться? Если все это ляжет на ту же систему обложения, то крестьянство, в конце концов, будет обременено разнообразнейшими налогами. На подоходный прогрессивный налог серьезно рассчитывать нельзя: подоходный налог может много дать только там, где население богато. Это все такие обстоятельства, которые могут сильно подорвать практическое значение проекта, и на них нужно бы было подробнее остановиться.

Г-н Аржанов (Ростов-на-Дону). В современной литературе по аграрному вопросу можно выделить три главных принципа, на которых основывают его решение. Первый принцип — святость частной собственности. Второй — принудительное отчуждение, не доведенное до конца, а лишь в мере, необходимой для удовлетворения земельной нужды. И третий — национализация земли. Если с этих трех точек зрения рассмотреть проект, мы увидим, что ни одна из них не выдержана в нем до конца.

Здесь были указания, что проект стоит в рамках партийной программы, но и это не так: в проект введено новое начало, которого в программе не было; это то, что земля дается крестьянам на начале аренды. Это уже маленький шаг по пути, ведущему к национализации земли. Если же не считать этого отступления влево, то мы увидим, что в проекте преобладает чисто частновладельческая, мелкобуржуазная тенденция. По нему, там, где настоящие размеры крестьянского землевладения не ниже установленной потребительной нормы, их земля остается за ними на праве частной собственности. Это обстоятельство открывает широкий простор образованию новых латифундий. Затем, размер так называемого «трудового хозяйства» не определен; в разных местах он может быть различен, и благодаря этому уравнительного пользования землей в крестьянстве не может быть. Следовательно, мы должны сказать, что проект аграрной комиссии является компромиссом.

Чего же боится, однако, аграрная комиссия? Почему она не скажет прямо, что ее принцип есть национализация земли, раз она в своем проекте сама делает первый шаг в этом направлении? Национализация земли есть определенное понятие, по которому вся земля должна принадлежать государственному фонду. Если бы мы приняли такой принцип, это поставило бы крестьянство на нашу сторону. Что это так, доказывается хотя бы тем фактом, что крестьяне выбирали в уполномоченные нарочно тех, кто не владеет землей. Национализация не только соответствует взглядам крестьянства, — она дает ему и непосредственную выгоду, потому что при ней будут выкупаться и нищенские наделы, и, таким образом, образуется прилив капиталов в крестьянское хозяйство. Ввиду этого, мне кажется, съезду следовало бы выразить пожелание, что если в парламенте явится такая необходимость, то не нужно останавливаться на полдороге, а следует идти до конца. И если мы будем смелее, мы пожнем достаточно лавров.

П. А. Сафонов[261]. <...> Разрешение аграрного вопроса в России есть разрешение всего русского социального вопроса. Он положил отпечаток на всю русскую жизнь. Вот почему решение его должно быть чрезвычайно осторожно. Правильное решение будет важно для всего государства, и нужно решить его так, чтобы больше к нему не возвращаться. И Партия народной свободы совершенно правильно посмотрела на этот вопрос именно с общегосударственной точки зрения.

Но, тем не менее, в программе его решения есть, мне кажется, недомолвки, а их быть не должно. Я вижу их, например, в вопросе о пределах отчуждения. До каких размеров можно отчуждать? Можно свести владение до размеров действительно трудового хозяйства, а можно, наоборот, «высший размер» оставить настолько большим, что мы получим довольно порядочное «имение». Проект предоставляет определение нормы сделать на местах. Я с этим не согласен. По-моему, она должна быть определена на принципиальном основании. Нам говорят, что Центральный комитет еще разберет этот вопрос, но ведь народ не ждет.

Я возвращусь, однако, к вопросу о норме дальше, а пока остановлю ваше внимание на другом недостатке проекта. Проект предлагает не отчуждать тех имений, которые, по высоте сельскохозяйственной культуры, могут быть признаны образцовыми. Правильно ли делать для таких имений исключения? Чтобы ответить на этот вопрос, стоит только обратиться к прошлому нашего частновладельческого хозяй-

ства. Оно шло совсем не по пути сельскохозяйственного прогресса, а по пути кабалы и уже в силу этого не могло исполнить никакой культурной миссии. Это его само ставило в условия, при которых интенсивное хозяйство вести было просто невыгодно. Невыгодно было даже вести просто «собственное» хозяйство. Крестьянство по тому же самому также не могло повышать культуру: высокая аренда отнимала у него все. И потому до сих пор земля у нас всюду уродуется, а не возделывается.

Получившееся положение, при котором вести интенсивное хозяйство невыгодно, отзывается и на народной производительности. Россия не уединенная страна: она выбрасывает свой продукт на рынок и имеет сильных конкурентов, которые, в противоположность ей, выступают во всем блеске агрономических знаний. Но грозный сельскохозяйственный крах уже близок. Он создан уже в торговом договоре с Германией. Мы должны принять решительные меры, и мы не можем не сказать, что такое хозяйничанье на земле не должно долго оставаться; необходимо, чтобы производство продукта находилось в одних руках: или у частных владельцев, или в руках трудовой массы. На чем остановиться — ясно. Роль частного хозяйства должна кончиться; надо желать развития только одного типа хозяйства — трудового.

<...> Я не хочу этим сказать, что следует ликвидировать и всю частную поземельную собственность. В известных пределах она может быть даже полезна. Осуществлять национализацию земли в данный момент я считаю невозможным. Это было бы действительным благом только тогда, когда и вся власть была бы в руках народа. Иначе земельный фонд легко явится орудием гнета. Но упомянутые пределы должны быть приближены к трудовому хозяйству — с таким расчетом, чтобы чистый доход с владения приблизительно равнялся заработку среднего интеллигентного работника. Тогда такая земельная собственность привлечет к себе действительно желательных людей.

Затем — другая поправка. По проекту не подлежат отчуждению земли с фабрично-заводскими предприятиями. Но что такое фабрично-заводские предприятия? Ведь они ведут свое производство на крестьянском же продукте. Свеклосахарный завод, например, надо рассматривать как крестьянское же производство. И если мы отчуждим[262] принадлежавшие ему земли, продукт на завод все равно пойдет со стороны крестьян. Так что оставлять такую категорию земель неотчуждаемыми нет оснований.

Наконец, я хотел сделать замечание и по поводу понятия «справедливой» оценки выкупаемых земель. Необходимо ввести в ее исчисление известную поправку в связи с тем, что существующая плата рабочим должна считаться ненормально пониженной.

Вот те поправки, которые, по моему мнению, значительно ослабили бы возможный антагонизм между сословиями. Чем дальше отойдем мы от эксплуатирующих, тем прочнее будет наше аграрное здание.

Г-н Литвинов[263] (Саратов). Я очень счастлив, что предыдущий оратор сказал, что хотел сказать я. Я сам — крестьянин. Крестьяне говорят нам, что их единственная надежда на Думу. «Если вы не добудете нам земли, мы добудем ее сами». Само собой разумеется, что аграрный вопрос — самый важный из всех; поэтому партии нужно поставить его в более резкой форме. Например, комиссия в своем проекте говорит о том, что крестьян надо наделить землей «в потребном количестве». Но ведь ясно, что для того, чтобы наделить действительно в «потребном» количестве, нужно отобрать для них *всю* остальную землю. Нужно это сделать для того, чтобы не возвращаться к этому вопросу в будущем. Если отчуждению будет подлежать не вся частновладельческая земля, все равно очень скоро придется опять столкнуться с тем же самым вопросом о дополнительном наделении.

Образования государственного фонда я, однако, опасаюсь. Опасно передавать его в руки теперешнего государства: как бы не заложили эту землю, чтобы достать денег для подавления освободительного движения!..

А. А. Зубрилин. Здесь много было сделано указаний на то, что единственная правильная постановка аграрной реформы есть полное осуществление национализации земли; всякий иной выход, по мнению сторонников такого взгляда, вызовет общее недовольство. Большинство из них отстаивает такую точку зрения ссылкой на требования крестьянского населения. Таким образом, съезду предлагают отказаться от принятой партией программы и стать на новый путь.

Но может ли партия, входя в Думу, изменять свои принципиальные отношения к вопросу? Мне думается, что тут происходит какое-то недоразумение. Поскольку крестьяне представляют себе аграрный вопрос, они вовсе не дают повода ссылаться на них в защиту национализации как принципа аграрной реформы. Я немного знаком с взглядами крестьян. Я 11 лет вращался в сфере крестьянских интересов, и, на мой взгляд, крестьяне далеко не так прямолинейно смотрят на аграрную

реформу. Крестьянам нужна земля — это знают все. Расширение землепользования — это альфа и омега народных желаний. Весь вопрос теперь в том, под каким соусом крестьяне должны получить землю. Но этот вопрос, в сущности, волнует только нас; сами крестьяне придают ему довольно второстепенное значение. И я думаю, что то, что желает дать наша партия, совершенно отвечает их собственным требованиям. Партия дает им совершенно конкретное обещание: дать земли столько, сколько возможно по местным условиям, не склоняясь на сторону сильных и богатых. Кроме того, они получают не какую-нибудь новую землю, а землю, которую они знают, которую они сами же обрабатывали.

Им говорят, далее, что партия, после удовлетворения их земельного голода, займется устройством тех, кто потерял возможность жить от земли, но хочет вновь заняться хозяйством. Партия хотя и говорит им, что землю они должны получить за вознаграждение, но объясняет, что центр тяжести в уплате этого вознаграждения перемещает: оно раскладывается на более состоятельные классы. Партия обещает, затем, позаботиться и об улучшениях в земледелии.

Что же сулит крестьянам полная национализация? Она обещает им *всю* землю, но она же обещает у очень многих отнять то, что они имели. Что же скажут на это владельцы купчих земель, что скажут черниговцы и другие малороссы? Что скажут вам северо-западные крестьяне[264]? Наконец, как отнесутся к этому десятки миллионов [бывших] государственных крестьян, имеющих надел, превышающий норму?

Вот вопросы, над которыми надо подумать. Эти вопросы крестьяне сами обсуждали в моем присутствии. Я совершенно беспристрастно и объективно излагал им на сходках программы различных партий — и социалистов-революционеров, и социал-демократов, и конституционалистов-демократов — и после тщательного обсуждения крестьяне удовлетворялись программой именно [Партии] народной свободы, находя ее вполне последовательной и более определенной.

Затем нам посылают упрек в том, что на первом плане у нас стоят интересы частного землевладения. Правда ли это? Что оставляет наш проект неотъемлемым от частного землевладения?

Об этом говорит 5-й пункт проекта. Не подлежат отчуждению: участки небольшого размера (в пределах трудовой нормы); имения, имеющие значение образцово-показательных; земли под фабрично-заводскими или сельскохозяйственными предприятиями, но только

те, которые находятся под строениями, складами, питомниками и т. п.; городские выгонные земли и те, которые служат для общественно-санитарных, образовательных и т. п. целей, и усадебные, и огородные, да и то предусматриваются случаи, когда и эти последние могут быть отчуждены. Вот — все. Показательных имений, конечно, очень мало, так что, в конечном счете, дело сводится фактически к тому, что, в случае нужды, подлежит отчуждению все, что выходит за пределы трудовой нормы, за вычетом очень ничтожной и несущественной доли.

Что же это значит? — Полное и окончательное упразднение частного землевладения. Это значит, что трудящиеся классы населения в ближайшем же будущем получают все, что они сами считают необходимым получить. На чем же может вырасти недовольство нашим проектом?..

Г-н Некрасов[265] (Таврическая губ.). Я принадлежу к сторонникам идеи упразднения частного владения землей. Тем не менее, я не могу присоединиться к сторонникам национализации земли во что бы то ни стало, как принципа решения аграрного вопроса.

Я утверждаю, что нынешняя Государственная дума не может считаться полноправным выразителем народной воли. Народ не поручал ей производить социального переворота, а национализация земли есть социальный переворот. Народ требует «земли и свободы» — это так, но кто решится утверждать, что этот клич везде одинаков с кличем — «долой частную собственность»? Если вы спросите трех сторонников уничтожения частной собственности на землю: как они понимают пути осуществления их желаний, вы получите три различных мнения. Есть национализация, есть социализация земли, есть муниципализация, может быть, есть еще что-нибудь. При таких условиях нынешней Думе решать аграрный вопрос во всей его полноте — невозможно. Только за Думой, избранной правильно, я могу признать право решать такие коренные вопросы.

В настоящий момент перед нами задача не в национализации земли, а в том, чтобы провести такую земельную реформу, которая достаточно широко удовлетворила бы интересы крестьянской массы, не связывая вместе с тем рук будущей Думе, которая будет избрана всеобщим, прямым и равным голосованием. <...> Аграрный проект нашей комиссии на меня производит благоприятное впечатление, — может быть, уже потому, что я ожидал худшего. Очень важно в нем, между прочим, указание, что земля передается из государственного фонда

в пользование, а не в вечное владение, но, по-моему, при окончательной редакции надо обратить внимание на этот пункт и выразиться в нем так, чтобы его нельзя было понять никак иначе; я нахожу его редакцию недостаточно определенной.

Далее в п. 2 говорится о том, что «принципиально желательно» доведение размеров земельного обеспечения до потребительной нормы. Я протестую против этого слова: «принципиально». Ведь потребительская норма — это только обеспечение человеку возможности существовать. Помешать сделать это нам может только физическая невозможность достать земли; тогда как слово «принципиально» растяжимо, и наличность в данной местности имений, которые признаны «культурными», может быть, например, поводом решить, что, несмотря на «принципиальное» желание обеспечить человеку возможность существовать, этого сделать нельзя.

Резолюция, которую я предложил бы съезду, такова:

«III делегатский съезд Партии народной свободы, приняв проект основных положений аграрной реформы для проведения ее в нынешней Думе, признает ее первым шагом к полному уничтожению частной собственности на землю; окончательное же решение этого дела считает необходимым предоставить Думе, избранной всеобщей подачей голосов».

Г-н Бакуменко[266] (Таврическая губ.). <...> Стоя на точке зрения национализации земли, таврическая группа настаивает, что партия не остановится ни перед чем, лишь бы аграрные нужды были удовлетворены. Это обещание необходимо подтвердить парламентским актом. Наряду с этим может быть установлено, что земля переходит крестьянам на началах пользования; но я думаю, было бы правильнее предоставить такой вопрос на обсуждение местных организаций, избранных на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права. Таким образом, перед Думой должен стоять один вопрос: принципиально наметить, что партия готова выполнить свое обещание и отчудить[267] все земли крестьянам.

Возражения против отчуждения всей земли, со ссылкой на «культурные» имения, не могут быть приняты. Мы до сих пор слышали такие возражения больше со стороны правых партий. Они все время говорили нам, что исчезновение частновладельческих имений грозит гибелью всему производству и культуре. Чисто субъективная окраска таких возражений с правой стороны очевидна, а между тем аграрный

вопрос должен быть решен бесповоротно, и для его решения имеются объективные, логические основания. Россия есть земледельческая страна, и демократическая партия не может перед чем бы то ни было останавливаться, чтобы наделить земледельцев землей. Если мы не решим этого вопроса — крестьянство возьмет решение в свои руки и вина за последствия ляжет на нас. Логика вещей уже заставила партию идти дальше, чем она шла до сих пор. Логика вещей должна заставить идти ее до конца.

Здесь было указано, что мы будто бы должны в этом вопросе исходить из интересов государства. Можно ли это? Ведь отсюда же исходит и исходило во всех своих начинаниях и самодержавное правительство. Что такое эти «интересы государства»? Это — фикция, которой достаточно жертв принес уже русский народ, и приносить ей эти жертвы и далее — он не желает. Он сам должен быть целью, и только он! И когда интересам народа противопоставляют «благо государства», «богатство нации» и т. п. — это только сознательная или бессознательная подмена фикцией действительного, реального понятия. И кто стоит на такой точке зрения, тот не стоит на точке зрения интересов народа и не может принадлежать к партии, называющей себя демократической.

И справа, и слева мы слышали возражения на представленный нам проект аграрной реформы. Говорят, что проект непригоден. Защитники проекта, возражая на это, говорят нам, что дело не в словах, что надо обратить внимание на то, что он дает. С этим нельзя согласиться. Сейчас этот проект является директивой нашей деятельности в Думе, и уже поэтому он должен иметь в своей основе определенный принцип, и таким принципом должна явиться национализация земли. <...> Пусть аграрный вопрос будет не решен, а только намечен, но намечен радикально, до полного уничтожения частной земельной собственности.

<...> *Г-н Вейсман*[268] (Томск). Представленный нам проект есть, так сказать, черновик будущего законодательного акта. Несомненно, в акте законченном должен быть проведен определенный основной принцип реформы, и таковым принципом, несомненно, является национализация земли. Национализация земли есть отчуждение частновладельческих и всех иных земель в государственную собственность. Проект говорит о такой передаче в 5-м пункте, и, таким образом, в сущности, он стоит на почве национализации. Это нас должно успокоить. Во-

прос о том, как проводить этот принцип в жизнь, есть вопрос целесообразности проектированных мер. С этой точки зрения проект также, в общем, если включить в него предложенные поправки, должен нас удовлетворить.

Но я хотел бы привести еще некоторые аргументы в пользу необходимости выдвинуть национализацию земли, как основной принцип аграрной реформы. Если национализация земли в некоторых местах является вопросом трудным, если ее в Европе почти невозможно осуществить сколько-нибудь скоро, то эта национализация у нас, в Сибири, может быть осуществлена в высшей степени легко; ее можно провести в жизнь завтра же. Там нет, в сущности, частной земельной собственности, и все дело может быть кончено в полчаса. И поэтому, если мы провозгласим принцип национализации земли, мы легко осуществим ее для всей Сибири; если же мы убоимся этого, то для Сибири нет совсем решения ее аграрного вопроса. Я предложил бы только одно: вместо иностранного слова «национализация» — подобно тому как мы сделали это по отношению к названию нашей партии — поставить: освобождение земли от крепостной зависимости от помещика. Это будет лучше. Итак, не будем бояться провозглашения принципа национализации. Мы делаем это в интересах целесообразности, и это вопрос не праздный для Сибири. В Сибири вся правительственная политика направлена к тому, чтобы индивидуализировать землевладение, так что национализация для нее является действительным решением ее аграрного вопроса. Пусть будет провозглашен этот принцип открыто для всей страны. Мы даем этим больше, чем обещали народу до выборов, и это даст нам большую опору с его стороны.

А. С. Изгоев[269]. Какое значение будет иметь наш проект, зависит от того, как будет он выполнен на местах. Если местные учреждения будут достаточно демократичны — от частного землевладения не останется ничего. Но противники проекта выставляют требование — провести национализацию земли, видя в этом чуть [ли] не окончательное решение социального вопроса. Я не думаю, чтобы можно было смотреть на национализацию таким образом. Она — только одно из средств к его разрешению, и не более, и если мы национализируем всю землю, то останутся еще капиталистическое хозяйство, налоговая система и т. д., и одна национализация мало поможет делу. Помимо того, я считаю совершенно невозможным национализировать купчие и надельные земли; если вы начнете их отбирать у крестьян, то начнутся

такие ужасы, в которых страна погибнет. Надо прямо признать, что делать это невозможно. Я тоже принципиальный сторонник национализации, но я полагаю, что, предвидя возможность междоусобной борьбы, партия не может брать на себя ответственность предрешать решение вопроса в таком направлении. Вопрос этот не уйдет. Мы постоянно будем иметь с ним дело. Поэтому мы должны бы были принять предложенный проект, разумеется, с теми поправками, которые будут внесены в его пункты. <...>

<...> *В. Е. Якушкин.* Отвечая, по поручению ЦК, на сделанные против нашего проекта возражения, я хотел бы сказать прежде о своем личном отношении к вопросу о национализации земли, который так сильно выдвигался на настоящем съезде. Лично я и теперь, как и раньше, являюсь безусловным сторонником национализации земли и думаю, что это не только рациональный, в конечном счете, путь разрешения данного вопроса, но что ему, быть может, суждено осуществиться не в особенно далеком будущем.

Переходя теперь к возражениям, сделанным сторонниками национализации земли по отношению к нашему проекту аграрной реформы, я думаю, что их можно соединить в три группы.

1) Нас упрекают, что в нашем проекте нет никакого принципа и что он должен быть построен на принципе национализации земли.

2) Проект приемлем в том виде, как он есть, но все-таки вначале необходимо выставить национализацию земли, как ту окончательную цель, которую ставит себе партия в аграрном вопросе.

3) Так как меры нашего проекта по своим результатам близки к фактической национализации земли, то нет оснований не выставить открыто этот принцип как основу проекта.

Здесь было уже указано, что так как национализации земли в программе партии нет, то мы не считаем возможным менять программу; к этому нет достаточных оснований. Но, тем не менее, Комитет, выслушав сделанные на съезде замечания, признал необходимым внести особую резолюцию с указанием, что основной принцип партии заключается в том, что земля должна быть в пользовании трудящегося народа[270].

Было сделано также частное возражение, указывавшее на некомпетентность первой Думы, неправильно избранной, в решении столь важного вопроса: она должна отказаться от решения и передать этот вопрос Второй Думе, избранной на основе всеобщего избирательного права. Нам кажется, что такое возражение обсуждению не подлежит,

потому что вопрос о том, как должна наша парламентская фракция отнестись к аграрному вопросу, был решен еще на январском съезде и затем вновь решен на настоящем съезде, при обсуждении доклада П. Н. Милюкова, где прямо говорится о постановке аграрного вопроса в Первой же Думе[271].

Одно из общих замечаний по докладу состоит в указании на необходимость обследования на местах аграрного положения, чтобы можно было при решении аграрного вопроса принять в расчет местные условия. И комиссия, и Комитет совершенно с этим согласны; так вопрос и стоял у нас, и потому именно и был внесен в проект заключительный пункт. Комиссия даже думает, что надо уже и теперешним группам партии заняться на местах аграрным вопросом. Если обстоятельства замедлят его разрешение в Думе, то материалы, которые успеют прийти с мест, чрезвычайно помогут.

Я не буду останавливаться на всех других замечаниях. Комитет признает, что в них было высказано много важного и что при окончательной редакции проекта с ними необходимо считаться. Из этих замечаний отмечу лишь указание на то, что проект не останавливается на вопросе о вознаграждении за отчуждаемую землю. Вопрос этот — очень сложный; материал для его разрешения должен быть очень обоснованным, а материала сейчас мало; мы не успели сделать по этому вопросу что-либо существенное и можем сказать лишь то, что смущающее многих выражение: «по справедливой оценке» — нами понималось так: «по средней доходности земли, с устранением всех кабальных условий, влияющих на ее повышение». Вопрос этот, по мере получения материала, мы будем продолжать разрабатывать и доложим последующим съездам.

Остановлюсь еще на одном. Было сделано указание, что отчуждать земли городских и земских учреждений неправильно, потому что, после национализации земли, распоряжение местным земельным фондом должно быть предоставлено местным учреждениям. Но распоряжение на местах и владение землей есть вещи совершенно различные, и, поскольку земли земских и городских учреждений являются для них только источником дохода, они совершенно так же, как и другие категории земель, должны быть отчуждены в ведение государства.

Вот те замечания, которые я считал нужным сделать. Должен заметить, что, когда вы одобрите предложенные нами основания для

решения аграрного вопроса, мы изложим их самым популярным образом и постараемся широко распространить в населении.

Кончая свои объяснения, я не могу не разделить те чувства, которые были здесь высказаны П. Б. Струве. И многие сознают также, что они не могут не ценить счастья, что им удалось поработать над разрешением аграрного вопроса в таких широких размерах. Если удается в Думе провести аграрную реформу в таких рамках, это будет великим делом для всего трудящегося населения, и мы будем с радостью вспоминать о своем участии в нем.

По земельному вопросу
Резолюция III съезда КДП (ПНС)

Признавая руководящим принципом партии передачу земли в руки трудящихся и принимая в общих основаниях проект, внесенный аграрной комиссией (с изменениями, сделанными аграрной секцией съезда)[272], III съезд партии поручает комиссии, приняв в соображение замечания и предложения отдельных членов съезда, представить все материалы, со своим заключением, для дальнейшей разработки в парламентской фракции партии.

МАТЕРИАЛЫ ДИСКУССИЙ И ПРОГРАММНЫЕ ДОКУМЕНТЫ «СОЮЗА 17 ОКТЯБРЯ»

Аграрная часть программы «Союза 17 октября» [утверждена I съездом делегатов отделов «Союза 17 октября» и партий к нему присоединившихся]

<...> Приступив к органической созидательной работе, Государственная дума, по мнению Союза, должна себе наметить для разработки и постепенного разрешения следующие вопросы первостепенной государственной важности:

а) *Крестьянский вопрос*

Из насущных реформ на первом месте должны быть поставлены меры к решительному и бесповоротному приобщению крестьян к полноте гражданских прав наравне с остальными гражданами. Сюда относится: отмена исключительных законоположений, юридически принижающих податные сословия, отмена административной опеки, признание мирского землевладения институтом

гражданского права. Помимо настойчивых государственных забот в поднятии производительности земледелия, мерами к подъему крестьянского благосостояния являются: регулирование мелкой земельной аренды, преобразование деятельности Крестьянского поземельного банка, содействие расселению и переселению, признание государственных и удельных земель фондом для удовлетворения земельной нужды бывших крестьян и других разрядов мелких землевладельцев, разверстание[273] чересполосных крестьянских и помещичьих земель с обязательным отчуждением отрезков, мешающих хозяйственной цельности владений, и, наконец, при недостаточности этих мер, допустимое в случаях государственной важности принудительное отчуждение[274] части частновладельческих земель на справедливых условиях вознаграждения, устанавливаемых законодательной властью. <...>

По крестьянскому и земельному вопросу
Резолюция I съезда делегатов отделов «Союза 17 октября» и партий к нему присоединившихся

8. По крестьянскому и земельному вопросу

Секция, рассмотрев в пяти заседаниях поступившие в нее доклады и предложения и подвергнув своему обсуждению относящуюся к ее компетенции часть программы под рубрикой «Крестьянский вопрос», пришла к следующим заключениям:

1) Признать желательным учреждение при Центральном комитете комиссии для разработки земельного вопроса в развитие программы «Союза». В состав этой комиссии войдут все желающие из состава съезда делегатов и из лиц, приглашенных Комитетом, участие которых будет признано желательным. Весь материал, собранный в Комитете, должен быть передан в комиссию.

2) Высказать желание, чтобы немедленно были учреждены правительством при уездных земских управах (а там, где их нет, самостоятельно) уездные землеустроительные комиссии из лиц, свободно избранных на местах как частными землевладельцами, так и земледельцами-крестьянами — общинниками и другими. Эти землеустроительные комиссии должны ведать вопросы о возникающих на местах случаях необходимого размежевания владений и угодий,

переселения и расселения; собирать сведения о всех крестьянах и других земледельцах, желающих обеспечить себя покупкой земли, и о лицах и учреждениях, предлагающих таковую на продажу; производить оценку этих земель; собирать сведения о всех случаях, в которых необходимо обеспечить земледельцев землей путем увеличения площади их землевладения; иметь для всех этих действий средства (землемеров и др.); ведать вопросы о ссудах на сельскохозяйственные улучшения и надобности.

3) Признать желательным внести в программу «Союза» следующие изменения:

1. Заглавие отдела программы «а) Крестьянский вопрос» следует изменить на — «Крестьянский и земельный вопрос».
2. Слова «преобразование деятельности Крестьянского поземельного банка» пояснить добавлением «с допущением широкого участия выборных местных людей, представителей всех разрядов землевладения и земледелия с правом решающего голоса в постановлениях местных учреждений и уравнение условий выдачи ссуд и размера взимаемого процента правительственными земельными банками, делая их возможно льготными и удобными».
3. К словам «и других разрядов мелких землевладельцев» добавить — «и земледельцев (мещан, крестьян и лиц всяких сословий, занимающихся земледелием)».
4. Добавить программу следующим положением: «Ввиду государственного значения всех мер, касающихся увеличения земельного обеспечения особо малоземельных крестьян, меры эти должны быть осуществлены при широком участии общегосударственных средств в виде безвозвратных затрат и кредита: ипотечного, мелиоративного, краткосрочного и переселенческого».
5. Добавить программу указанием на желательность проведения закона об отчуждении поверхности земли от ее недр.

4) Признать желательным, чтобы программа «Союза» была изложена в более понятной и ясной форме; в особенности яснее изложить земельный вопрос, пояснив, между прочим, что вследствие признания общины институтом гражданского права вопрос этот должен быть разрешаем в каждой местности вполне самостоятельно, сообразно с местными условиями и желаниями самих крестьян.

Центральный комитет предложил съезду принять сейчас лишь только первые два положения секции организационного характера:

1) Об образовании при ЦК, а также и при всех местных отделах «Союза» комиссий для разработки земельного и крестьянского вопроса в развитие программы партии; и

2) О желательности учреждения правительством на местах особых землеустроительных комиссий; все же остальные предложения секции, не включая их в программу партии, передать в комиссию вместе с теми мнениями, которые будут высказаны по поводу этих предложений членами съезда, как материал для дополнения в будущем программы партии по аграрному вопросу.

Съезд, согласившись с мнением Центрального комитета, постановил принять первые два вышеизложенных заключения аграрной секции как резолюции съезда. Затем, после происшедших между членами собрания прений, съезд принял еще следующую резолюцию: «Ввиду того, что секция по крестьянскому и земельному вопросу признала государственное значение за увеличением землевладения особо малоземельных групп крестьянского населения и что программой "Союза" допускается в случаях государственной важности и при недостаточности всех остальных мер земельной помощи населению отчуждение части частновладельческих земель, что дает полную возможность местным отделам "Союза" разработать детально программу партии по вопросам крестьянскому и земельному, — съезд прерывает свое заседание, чтобы собраться вновь в ближайший срок для окончательного разрешения этого вопроса по получении заключений от местных отделов "Союза", а все остальные доложенные съезду заключения и предложения секции, равно как и все высказанные по поводу их в общем собрании мнения делегатов, передает как материал для обсуждения вопроса в организуемую при Центральном комитете комиссию и во все местные отделы "Союза"».

Материалы обсуждения аграрного вопроса на II Всероссийском съезде «Союза 17 октября» и примыкающих к нему партий (по публикациям партийной печати) 7 мая 1907 г.

Второй день, 7-го мая, занятий делегатского съезда «Союза 17 октября» был посвящен докладам и оживленным прениям по аграрному вопросу.

Перед началом председатель собрания *А. И. Гучков*[275] прочитал следующую телеграмму, полученную от председателя Совета министров П. А. Столыпина[276] в ответ на принесенное съездом поздравление Его императорскому величеству по случаю избавления от грозившей опасности: «Государь император соизволил приказать изъявить съезду высочайшую его императорского величества благодарность за выраженные чувства»[277].

Чтение телеграммы сопровождалось громкими криками «ура».

Существенной частью заседания явились доклады профессоров *Кулешова*[278] и *Коссовича*[279].

Первый из них развил то положение, что при современном состоянии земельной обработки наделение крестьян частновладельческою землею, которое увеличило бы достояние каждого крестьянина на дробь (семь восьмых) десятины, не спасло бы их от нищеты, но повело бы государство к банкротству. Наблюдается трагическое положение: население увеличивается и благосостояние его неуклонно падает. Утешением для нас может служить то обстоятельство, что все без исключения государства Западной Европы прошли через этот кризис, все были на краю этой пропасти, и мы переживаем лишь то положение, из которого наши старшие соседи сумели выйти победоносно, — кто сто тридцать, кто сто пятьдесят лет тому назад. Как же они разрешили задачу? Отчасти, законодательным путем, устранившим чересполосицу и право пастьбы на общественном пару, отчасти ревностной, всенародной пропагандой здравых научных понятий агрономии. Насколько у нас упускают действительное богатство в погоне за призраком, доказывает хотя бы то, что вполне проверенными научными опытами установлено для России следующее: одна только обработка черного пара без перехода к улучшенному севообороту повышает урожайность десятины с двадцати пяти пудов до ста и выше. Между тем, увеличение производительности только на десять пудов дало бы для всей России три миллиарда пудов хлеба — полтора миллиарда пудов чистой прибыли. В конце речи докладчик от имени земельной секции просил утвердить аграрную программу Московского Центрального комитета, одобренную петербургской секцией делегатского съезда.

Вслед за г. Кулешовым профессор Коссович привел ряд интересных цифр. «Допустим, — говорил он, — что мы поделим без остатка между крестьянским населением даже не землю, а весь продукт земли (считая хорошо обработанную владельческую землю). Окажется, что на душу

придется 22 ½ пуда зерна. Потребить это количество было бы очень легко, потому что в Германии потребляют 28 пудов, в Англии — 32, в Канаде — 38. Но мы этого не можем сделать, потому что, будучи страною земледельческою, мы обязаны вывезти 4½, пуда, иначе останемся без товаров и без уплаты долгов. Положение безвыходное и оно останется таковым, пока мы не займемся устройством нашей земельной территории. Последнее, т. е. устройство территории, является азбукой самого плохого частного хозяйства. Между тем, на крестьянской земле оно невозможно, пока не установлен твердо принцип личной собственности и крестьянство не избавлено от общины, понуждающей крестьянина владеть пятью десятинами в сорока разбросанных кусках. Дело землеустроительных комиссий прийти на помощь. Но тут мы наталкиваемся на чиновничью рутину. Центральный землеустроительный комитет в Петербурге состоит из лиц, находящихся в разных ведомствах, и только один-единственный член этого комитета не имеет другой должности, другого занятия, кроме землеустройства».

На этом месте доклада произошел эпизод, развеселивший и ожививший съезд. Из ложи для публики решался вопрос: «Кто этот член?» — Не знаю. «А он существует вообще, работает? Как его фамилия?»

Докладчик объяснил, что он разбирает закон и не знает, кто на основании этого закона является единственным радетелем о российском землеустройстве.

В заключение докладчик предложил, чтобы уездные землеустроительные комиссии избрали уполномоченных для губернских съездов, чтобы те, в свою очередь, посылали делегатов в имперский землеустроительный съезд, некоторые члены которого обязательно участвовали бы в работах правительственного комитета. Получилась бы стройная система и осведомленность с мест. Кроме того, докладчик настаивал на упорядочении отношений Крестьянского банка с землеустроительными комиссиями; работы их идут вразрез друг другу, руководствуются оба учреждения противоречивыми наказами, и первым шагом к улучшению было бы участие члена банка в каждой землеустроительной комиссии. В дальнейшем желательна была бы еще большая согласованность, если не подчинение банка комиссиям.

<...> После доклада проф. Коссовича председатель А. И. Гучков открывает прения по вопросу.

Делегат кн. *Крапоткин*[280] (Воронеж) говорит, что состав местных землеустроительных комиссий в большинстве случаев является со-

вершенно невежественным и, следовательно, люди эти, явившиеся на съезд, едва ли могут что-либо дать, кроме самых узких и чисто местных соображений по вопросу. Одновременно с этим слушать этих невежественных людей будут петербургские чиновники, практически совершенно незнакомые с делом. При таких обстоятельствах что же это получится за съезд? — спрашивает оратор. Дело не может пойти правильно, — говорит делегат кн. Крапоткин, — пока оно совершенно не будет отобрано от Крестьянского банка. Со стороны министерства земледелия просто преступно равнодушно и даже умильно смотреть на этот процесс перехода задолженных имений из рук помещиков в руки крестьян. В результате этот процесс неминуемо задушит крестьян! Можно было бы понять, — говорит оратор, — что русский крестьянин никоим образом не в состоянии выплатить такого ипотечного долга, который лежит на земле. Еще 10 лет таких порядков и будет разрушена вся зачаточная наша земледельческая культура и крестьяне будут голодать громадными массами. Эти слова, брошенные в собрание с большим подъемом, вызвали бурю аплодисментов.

Оратор продолжал: В чем же дело? Неужели у нас уже совершенно нет людей, которые могли бы направить правильно это дело?! Есть у нас люди, но нет атмосферы, в которой люди эти могли бы работать. Все у нас почему-то торопятся показать свою заботливость о крестьянах, а редко кто решается говорить прямо и правдиво, что все дело нашего землеустройства никуда не годится. Надо первым долгом совершенно реорганизовать Крестьянский банк — это будет первым шагом на пути к делу [...].

После этого блестящего оратора начали выступать крестьянские делегаты. Два слова по поводу этих крестьян-ораторов. Все выступавшие на съезде крестьяне, несомненно, люди деловые и умные — один у них страшный недостаток: испортили их газетные листки! Вместо того, чтобы говорить своим, всем нам понятным крестьянским языком, эти делегаты старательно подбирают для своей речи «культурно-газетные» выражения и употребляют их часто ни к селу, ни в городу. Выходит обидно за них, ибо смешно [...].

Кр[естьянин] Соков (Тульской губ.) говорит вышеуказанным витиеватым языком, что-де помещику все, а крестьянину — ничего. Откуда мог сделать этот вывод дел[егат] Соков — неизвестно, так как все доселе говорившие интеллигентные ораторы только и делали, что распинались за этого самого мужичка!..

Говорит делег[ат] г. *Шмидт*[281] от Минской губ. Он указывает, что в некоторых местных комиссиях землевладельцы дискредитировали дело, предлагая крестьянам свою собственную землю за дорогую цену. Это вредно отзывается на всех комиссиях, ибо такой слух расходится быстро.

Делег[ат] Могилевской губ., член Государственной думы *Шидловский*[282] говорит, что если землеустроительные комиссии будут действовать помимо Крестьянского банка — толку не будет. Крестьянский банк должен явиться лишь ссудным учреждением, но отнюдь не решающей инстанцией в этом деле. Это, между прочим, мнение октябристской фракции членов Государственной думы и 50 членов Думы беспартийных крестьян, примыкающих к фракции. Все это дело следует передать в земства, которые выберут комиссии, сами будут отвечать уже за правильность их действий контролем собраний.

На трибуне опять крестьянин, делегат Орловской губ. Микулин. По внешнему виду — совершенно простачок, в длинной сибирке и сапогах бутылками. Речь начинает обычными присказками. — Уж извините! Человек я необразованный, мужик, может быть, что не так скажу, так не взыщите!.. Недаром говорят: «Мужик неученый — что топор неточеный»... После этого благодушного вступления — неожиданная перемена тона и выпад такого рода: — Как бы этот «топор неточеный» не тяпнул по шее тех господ землевладельцев, которые не хотят мужику земли прибавлять!..

Признаться сказать, для делегатского съезда тон довольно-таки «ограбный». [...] Далее, однако, крестьянский делегат справляется с минутным чувством гнева и начинает говорить очень дельно, если не считать несчастных «культурных вывертов» вроде: «и вот становлюсь на точку зрения и смотрю» или «нужно нам, значит, т. е. бороться за террор» и т. д.

— Слыхал я здесь от господ, — говорит мужичок, — что надо бросить трехполье и устроить многополье. Я это чувствую; но как устрою я многополье на 1½ десятине? Этого не понимают. Нужно нам от правительства три вещи: 1) прибавить земли; 2) всеобщее обучение; 3) государство должно за свой счет устроить везде заводы удобрительных веществ. Вот нас упрекают, — говорит крестьянский делегат, — что мы весь навоз на коноплянники свозили, а поле забываем. А я скажу, что потому навозим коноплянник, потому что с него подать платим. Иначе нечем было бы и заплатить.

Далее крестьянин-делегат дельно говорит о взаимоотношениях крестьян и Крестьянского банка.

— Навязывает нам банк землю по очень дорогой цене, 200 и 250 руб. десятина. Берешь. Если бы дороже просил, и дороже бы взяли, потому что нам теперь деваться некуда. Но будем ли за эту землю платить — не знаем. Дело темное! Наши крупные землевладельцы, — продолжает он, — должны бы сами идти навстречу мужику, государство и подавно. Ведь всякий пчеловод подкладывает в улей мед, чтобы получить прибыль от пчел, чтобы подкормить их. Так должно бы сделать и правительство относительно крестьян — надо их подкормить, чтобы получить от них впоследствии мед. Впрочем, — совершенно неожиданно добавляет крестьянин-делегат, — через 10 лет все равно крупного землевладения в России больше не будет! И потому всем крупным помещикам следовало бы теперь же собраться вместе и всю лишнюю землю передать крестьянам по рыночной цене, а не по справедливой оценке[283].

После этого неожиданного вывода крестьянский делегат останавливается на переселенческом вопросе и высказывает следующие дельные предположения:

— Теперь переселенческий вопрос поставлен неправильно. Идут на новые земли лишь отбросы деревни. Надо сделать так, чтобы шли туда первые хозяева. Вот тогда это будет правильная колонизация, а не теперешнее беспорядочное переселение. Как это сделать? А вот как: надо дать большое пособие, рублей 500 на двор, надо устроить на местах орошение на казенный счет, да освободить лет на 10 от податей. Как осядет хозяйственный крестьянин на новом месте, через 10 лет все выплатит государству и с большой для него прибылью. Как узнать, кто хочет или должен переселиться? Вот как: надо объявить отмену общины и приказать всю землю разделить по дворам. Сколько придется этой земли, выяснится, и тогда сразу определится, кому нужно идти искать новых мест в Сибири.

Делегату собрание аплодировало.

После крестьянского делегата говорил от имени немецкой группы «Союза 17 октября» барон Розенберг. Оратор настаивал на изменении или даже совершенном упразднении параграфа 11 земельной программы Союза, утвержденного еще первым съездом. Этот параграф 11 гласит о принудительном отчуждении земель «для целей землеустройства в случаях государственной важности». Это, — говорит немецкий делегат, — не более, как улыбка в сторону левых партий. [...] Мы, немцы, не хотим

быть шарлатанами, продающими фальшивый товар, и говорим прямо, что право собственности должно быть священно. Иначе это выходит та же экспроприация, которую мы порицаем. В результате делегат требует уничтожения параграфа 11 программы и покидает трибуну.

Это положение немедленно находит отзвук в собрании и на трибуне опять крестьянский делегат. Делегат крестьянин Макаров[284] говорит: Это что же? Что я теперь скажу крестьянам, воротившись со съезда? Спросят: ну, как насчет земли? А я отвечу: хотят у нас и остальную всю взять! Это не годится. Будет большое волнение. Как это, я удивляюсь, некоторые господа все хотят от крестьянина отбиться и забывают, что крестьянин-то всех кормит. Ну, что же будет, если крестьяне-то все положат руки в карманы — что же будут делать помещики? И господам нечего будет есть. [...]

На этом остроумном афоризме крестьянский делегат покидает кафедру, на которой появляется профессор *М. Я. Капустин*[285] и примиряет спорящие стороны компетентным разъяснением вопроса. Прения прекращены. Председатель объявляет перерыв.

После перерыва уже по поводу предложенной резолюции говорит еще ряд ораторов, гг. *Красильников*[286], бар[он] Розенберг, проф. Кулешов, проф. Коссович. Далее баллотируется вся аграрная программа и параграф 11 отдельно. Принята редакция аграрной секции.

В заключение председатель предлагает принять следующую резолюцию независимо от аграрной секции: «Согласно заключениям секции по аграрному вопросу, съезд признает необходимым установление более тесной связи землеустроительных комиссий с местными отделениями Крестьянского банка. Съезд считает также необходимым, чтобы землеустроительным комиссиям было предоставлено законодательным путем преобладающее влияние: 1) в отношении решения вопроса о желательности или нежелательности приобретения Крестьянским банком предложенных к продаже земель в целях земельного устройства крестьян; 2) в назначении цены на эти земли; 3) в деле распределения этих земель между отдельными крестьянскими обществами. Равным образом съезд считает желательным 1) устройство губернских и общеимперских съездов деятелей по землеустройству; 2) пополнение землеустроительных комитетов постоянными членами, специально занятыми делом землеустройства. Члены эти должны быть из лиц как назначенных правительством, так и избранных имперским землеустроительным съездом».

Резолюция эта принята съездом.

Аграрная программа «Союза 17 октября» [принята II Всероссийским съездом «Союза 17 октября» и примыкающих к нему партий]

Крестьянский и земельный вопрос

В основу решения крестьянского вопроса «Союз 17 октября» полагает: уравнение крестьян в гражданских правах с остальными гражданами отменой исключительных законоположений о податных сословиях, уничтожение административной опеки, раскрепощение общины (при условии разрешения этого вопроса в каждой местности вполне самостоятельно, сообразно с местными условиями и желаниями самих крестьян), поднятие производительности земледелия и крестьянского благосостояния и увеличение площади крестьянского землевладения. «Союз» признает: что общее решение земельного вопроса в России невозможно, а потому своеобразие местных условий, особенно западных губерний, Сибири и вообще окраин допускает значительные отступления от нижеизложенных основных положений программы «Союза»; что при разрешении земельного вопроса должно иметь в виду прежде всего повышение производительности земли; что необходимым условием достижения этой цели является в большинстве местностей России на праве собственности полной, а не временного владения, личной, а не общинной.

Для улучшения современного положения земледельческого населения России и поднятия производительности земледелия необходимо:

1) Содействие к образованию мелкой земельной собственности на отрубных или хуторских участках.

2) Расселение крестьян поселками для уничтожения вредного влияния длинноземелья их наделов.

3) Уничтожение чересполосицы владений, размежевание и окончательное отмежевание бывших надельных земель.4

4) Содействие возможно широкому развитию у крестьян подсобных земледелию кустарных промыслов.

5) Устройство доступного земледельцам кредита: долгосрочного (ипотечного), краткосрочного, переселенческого, на сельскохозяйственные улучшения (мелиоративного) и мелкого в сельских кредитных учреждениях разного рода (товариществах, кассах, банках).

6) Всемерное поощрение сельскохозяйственной промышленности и связанных с нею сельскохозяйственных технических производств.

7) Возможно широкое распространение в народе сельскохозяйственных знаний преподаванием сельского хозяйства в низших и специальных школах, устройством опытных полей, образцовых крестьянских хуторов и публичных чтений, инструкторами по разным специальностям, распространением изданий и т. п.

8) Отвод необходимых для целей землеустройства местных крестьян земель казенных, удельных, кабинетских и других, находящихся в распоряжении казны, на условиях, которые будут для того установлены.

9) Содействие покупке крестьянами земель у частных владельцев по взаимному их соглашению при посредстве Крестьянского поземельного банка.

10) Переселение избытка крестьянского населения на свободные казенные, кабинетские, удельные и на приобретенные для того казною земли на льготных для крестьян условиях.

11) Принудительное отчуждение для целей землеустройства, в случаях государственной важности и при недостаточности всех остальных мер земельной помощи населению, части частновладельческих земель для наделения ею местных безземельных и малоземельных крестьян с вознаграждением владельцев на условиях, устанавливаемых законодательной властью.

12) Упорядочение законом как долгосрочных, так и краткосрочных арендных договоров на землю.

13) Разрешение на справедливых основаниях вопроса о сельскохозяйственных рабочих и об охране их труда.

14) Предоставление местным землеустроительным комиссиям: ведать вопросы о возникающих на местах случаях необходимого размежевания владений и угодий, переселения и расселения; собирать сведения о всех крестьянах и других землевладельцах и земледельцах, желающих обеспечить себя покупкою земли, и о лицах и учреждениях, предлагающих таковую в продажу; производить оценку этих земель; обследовать все случаи, в которых необходимо обеспечить земледельцев землею путем увеличения площади их землевладения; иметь для всех этих действий необходимые средства (землемеров, оценщиков и проч.); ведать вопросы о ссудах на сельскохозяйственные улучшения разного рода.

15) Преобразование деятельности Крестьянского поземельного банка с допущением широкого участия в местных учреждениях банка выборных местных людей, представителей всех разрядов землевладения и земледелия, с правом решающего голоса в постановлениях местных учреждений, и уравнение условий выдачи ссуд и размера взимаемого процента правительственными земельными банками, делая их возможно льготными и удобными.

16) Проведение закона о возможности отчуждения поверхности земли отдельно от ее недр.

17) Указанные выше меры к улучшению положения земледельческого населения должны относиться не только к крестьянам, но и к другим разрядам мелких землевладельцев и земледельцев (к мещанам и лицам всяких сословий, занимающимся земледелием).

Ввиду государственного значения всех мер, касающихся увеличения земельного обеспечения особо малоземельных крестьян, меры эти должны быть осуществлены при широком участии общегосударственных средств.

ПРОГРАММНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ВСЕРОССИЙСКОГО КРЕСТЬЯНСКОГО СОЮЗА

К земельному вопросу
Постановление Учредительного съезда ВКС[287]
31 июля – 1 августа 1905 г.

1) Частная земельная собственность должна быть отменена.
Принято единогласно.

2) Должны быть отобраны без выкупа земли монастырские, церковные, удельные, кабинетские и государевы.
Принято единогласно.

3) У частных владельцев земля должна быть отобрана частью за вознаграждение, частью без вознаграждения.
Принято большинством против 5-ти.

4) Подробные условия, на которых частновладельческая земля будет отобрана, должны быть определены Учредительным собранием, которое и издаст по поводу этого закон; крестьянский же союз к следующему съезду возможно полнее разработает этот вопрос.
Принято единогласно.

По вопросу о том, кому должна принадлежать земля, съезд постановил большинством против одного, что земля должна считаться общей собственностью всего народа. При этом принято также предложение о том, чтобы вопрос был подробно разработан на местах, между прочим, на сельских сходах.

ПРОГРАММНЫЕ ДОКУМЕНТЫ РУССКОЙ МОНАРХИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

Аграрная часть программы РМП [обнародована 15 октября 1905 г.]

<...> Малоземелье, которым страдают многие крестьяне центральных губерний, является несомненно одним из источников их тяжелого экономического положения. Этим пользуются агитаторы-социалисты, чтобы внушить крестьянам убеждение, будто бы для них нет другого средства выйти из своего бедственного положения как перейти в ряды крамольников и насильственно захватывать чужую собственность.

Монархическая партия, видящая в неприкосновенности имущественных прав важнейший залог здорового развития и процветания государства и прочного укрепления народной нравственности, не допускает мысли, чтобы естественный прирост населения в наших центральных губерниях влек за собой преступные насилия в виде захвата чужой собственности или принудительного отчуждения крупных владений для удовлетворения мелких собственников.

Для устранения тяжелого положения крестьянства существуют другие законные и вполне целесообразные средства. Даже сравнительно небольшой земельный надел может давать гораздо больше прибыли нежели теперь, если только его обрабатывать усиленным и улучшенным образом и если принять общие меры облесения, обводнения, борьбы с оврагами, песками и т. п.

Но принимать эти меры крестьяне без посторонней помощи не могут, и правительство, и земство должны оказывать им всякое содействие мелким земельным, в особенности мелиоративным и кустарным, кредитом и учреждением сельских школ с принадлежащей им землей, в которых крестьянские дети приучались бы к разумному, улучшенному сельскому труду.

Но этим законная борьба с малоземельем не ограничивается. Правительство уже обратило свое внимание на необходимость систематичного землеустройства, которое дало бы крестьянскому землевладению возможность, — при непременном сохранении неотчуждаемости крестьянской земли в некрестьянские руки, — принять наиболее удобную и целесообразную, смотря по местности, форму, например, рационального расселения слишком скученных дворов.

Тем не менее, остается еще значительная часть прироста крестьянского народа, которая предпочтет переселиться в другие, еще свободные, места своего Отечества.

На то существуют громадные владения России, в особенности на востоке, чтобы туда переходил излишек русского населения, не находящий себе места в центральных губерниях.

Эту истину давно уже познал и сам русский народ, неудержимо стремящийся к переселению в восточные края России.

Но переселение это долгое время было каким-то беспорядочным, стихийным явлением, приносившим крестьянам далеко не ту пользу, которой можно было от него ожидать. И лишь за последнее время правительство намечает правильную организацию крестьянских переселений, прервавшихся в виду последней войны на Дальнем Востоке[288].

Ввиду этого Монархическая партия считает делом первостепенной важности применение всех вышеуказанных законных способов для действительного улучшения крестьянского быта; столь же необходимо возобновление правительственной заботы о правильной организации переселенческого дела, имеющего серьезное государственное значение как в смысле облегчения центральных губерний, так и в смысле прикрепления к России дальних окраин посредством заселения их русским народом.

Такими окраинами являются не только Северный край, Сибирь и Средняя Азия, но и Кавказ, а также те южные и юго-восточные губернии России, которые, к великому для нее ущербу, находятся в руках армян, немцев и евреев. В этом отношении деятельность Крестьянского банка должна быть преобразована в смысле большей систематичности и последовательности в государственном как экономическом, так и политическом отношении.

Само собой разумеется, что переселение крестьян может быть для них лишь добровольным, причем особенно желательны переселения и помещиков-дворян, так как вообще правильное сельское хозяйство возможно лишь при зрело обдуманной комбинации крупного и мелкого землевладения. <...>

ПРОГРАММНЫЕ ДОКУМЕНТЫ «СОЮЗА РУССКОГО НАРОДА»

Русскому народу
[из избирательной платформы «СРН»][289]
сентябрь 1906 г.

<...> Союз как в жизни, так и в Государственной думе будет отстаивать следующие положения:

VI. Земельный вопрос

Союз русского народа будет домогаться всеми силами расширения крестьянского землевладения, памятуя, однако, великие слова государя императора Александра III, подтвержденные императором Николаем II: «Всякая собственность, в том числе и земельная, должна быть неприкосновенна», откуда вытекает, что никакие меры, направленные к улучшению быта крестьян, не должны нарушать неприкосновенности земельной собственности.

Союз будет домогаться:

1. Уравнения имущественных и семейных прав крестьянского и прочих сословий, не предпринимая притом никаких насильственных мер ни против общины, ни против иных местных бытовых особенностей устройства крестьян.

Земельные участки крестьянских наделов (оставленные по закону 19 февраля 1861 г. и закону 1865 г.[290]), находящиеся во владении каждого отдельного крестьянина, должны быть признаны полной его собственностью с воспрещением отчуждения их в руки не крестьян.

2. Передачи малоземельным крестьянам на выгодных для них условиях всех годных для земледелия казенных земель.

3. Вследствие недостаточности казенных земель для удовлетворения земельной нужды всей малоземельной части крестьянства, Союз будет добиваться покупки для этой же цели за счет государства у частных владельцев, добровольно продаваемых ими земель.

4. Продажи приобретенных за счет государства земель нуждающимся в ней малоземельным крестьянам по ценам, доступным для крестьян, с принятием в случае надобности, разницы между ценой, по которой земля приобретена от частных владельцев, и ценой, по которой она будет предоставлена крестьянам, на счет общих государственных средств.

5. Увеличения помощи переселенцам как для переезда на новые места, так и для обзаведения на них.

6. Установления легкого порядка продажи крестьянам, желающим переселиться или заняться каким-либо неземледельческим промыслом, принадлежащих им наделов.

7. Улучшения способов землепользования крестьянами на принадлежащих им ныне землях посредством расселения желающих, устранения чересполосности надельных земель и сведения мелких земельных полос, находящихся во владении отдельных крестьян, в более крупные земельные участки.

8. Признания, что в обществах, которые не производили переделов земли в течение 24 лет, земельные участки, состоящие в пользовании отдельных хозяев, составляют их неотъемлемую собственность и что, следовательно, переделы земли в таких обществах произведены быть не могут.

9. Предоставления в обществах, производящих переделы земли, отдельным крестьянам права выйти из общества и укрепить за собою свою частную собственность (участки общинной земли), сохранив за общиной право выкупать земельные участки выходящих из ее состава членов, уплатив им стоимость их деньгами.

10. Предоставления земельным обществам права вполне самостоятельно распоряжаться принадлежащими им землями, ограничив правительственный надзор наблюдением за тем, чтобы общества не нарушали требований закона.

В случаях чересполосицы крестьянских наделов с землями частных владельцев, необходимости устранения оной путем обмена или покупки при содействии казны.

11. Урегулирования законодательным порядком арендных отношений собственников земли к нанимателям для каждой местности.

12. Урегулирования для каждой местности наименьшего размера земельной собственности, не подлежащей принудительной продаже за долги владельца.

13. Выкупа всех сервитутных прав[291] при содействии казны по существующей казенной оценке.

14. Устройство казенных зернохранилищ (элеваторов) для покупки крестьянского хлеба и выдачи под него ссуд, что освободит мелких землевладельцев от эксплуатации их скупщиками и комиссионерами и упорядочит заграничный вывоз.

15. Учреждения и развития мелкого государственного сельского кредита для поддержки мелких землевладельцев (крестьян), кустарей и потребительных обществ.

16. Всяческого облегчения крестьянам и вообще мелким землевладельцам приобретения мелкого скота и улучшения сельскохозяйственных орудий.

Независимо сего, принимая во внимание много раз оказанные и теперь оказываемые России исторические услуги славным казачеством, Союз русского народа признает необходимым употребить все силы для улучшения быта отдельных казачьих хозяйств в земельном и денежном отношениях. Кроме того, по тем же причинам Союз находит целесообразным добиваться, чтобы административные и полицейские должности с присвоенными им окладами в настоящее смутное время замещались бы преимущественно казачьими чинами, состоящими на льготе или по войску.

Казачьи сословия, ныне расформированные, прежних малороссийских полков в Полтавской, Черниговской, Киевской и Бессарабской губерниях — должны быть уравнены в преимуществах и обязанностях с остальным казачеством. <...>

ПРОГРАММНЫЕ ДОКУМЕНТЫ НАРОДНО-СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

Аграрная часть проекта программы НСП [обнародован 20 сентября 1906 г.]

1) *В аграрной области:* а) партия считает необходимым добиваться национализации земли, т. е. обращения ее в общенародную (государственную) собственность с тем, чтобы земли, предназначаемые для сельского хозяйства, отдавались в пользование только тем, кто их будет обрабатывать своим личным трудом. Национализация надельных земель и тех частновладельческих, на которых ведется трудовое хозяйство, должна быть осуществлена в виде системы мер, которые обеспечивали бы, с одной стороны, нахождение этих земель в трудовом пользовании и, с другой — постепенный переход их в общенародную собственность; остальные земли (казенные, удельные, кабинетские, церковные, монастырские, частновладельческие и т. д.), а также недра и воды, должны быть национализированы не-

медленно*. Заведование земельным фондом, за исключением земель, имеющих общегосударственное значение, должно принадлежать органам местного самоуправления. Все граждане должны иметь равное право на пользование свободными землями, причем за местным земледельческим населением должно быть сохранено право на наделение в первую очередь. В видах уравнения земель разной ценности должен быть установлен особый (рентный) налог на лучшие земли. Неиспользованные улучшения, в случае возвращения земли в фонд, должны быть вознаграждаемы; б) партия будет отстаивать вместе с тем широкую государственную и земскую политику, направленную к поддержанию и развитию трудового и, в частности, кооперативного и общинного хозяйства в сфере земледелия.

ПРОГРАММНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ТРУДОВОЙ ГРУППЫ

Аграрная часть политической платформы ТГ [принята II съездом ТГ] 15–17 февраля 1907 г.

В *земельном* вопросе Трудовая группа становится на точку зрения, которая давно назрела в сознании широких народных масс: что землей должен пользоваться только тот, кто трудится на ней, и в таком количестве, сколько он может обработать. Этот взгляд, объединяющий все трудовые массы земледельческого населения, как Центра России, так и окраин, Трудовая группа кладет в основу своей аграрной программы. Теперь, как и в стенах Государственной думы, Группа признает, что

* Вопрос о вознаграждении за отчуждаемые из частного владения земли партия считает подчиненным вопросу о национализации, т. е. в зависимости от обстоятельств, при которых будет происходить земельная реформа, партия будет отстаивать те условия экспроприации, которые, при наименьших жертвах со стороны трудового народа, будут в состоянии обеспечить переход земли в общенародную собственность. Во всяком случае, партия приложит все усилия к тому: во-первых, чтобы все сопряженные с реформой расходы были бы отнесены на общегосударственный счет; во-вторых, чтобы сбережения трудящихся классов, вложенные в земельную собственность, были возмещены государством, и, в-третьих, чтобы в остальной части вознаграждение было минимальным, т. е. не превышало тех сумм, какие с точки зрения общенародных интересов окажутся необходимыми, чтобы класс земельных собственников мог приспособиться к новым условиям существования.

правильное приложение этого трудового взгляда должно привести земельное законодательство в России к установлению таких порядков, при которых вся земля с ее недрами и водами принадлежала бы всему народу при условии равного пользования ею.

Отсюда для Группы вытекают требования данного момента, провозглашенные уже ею с трибуны Государственной думы в «записке 104-х»[292] и одобренные многочисленными заявлениями самого народа.

Все земли: казенные, удельные, кабинетские, монастырские и церковные, а равно помещичьи и пр. частновладельческие должны поступить в общеземельный народный фонд. Надельные земли и те из частновладельческих, которые не превышают трудовую норму, остаются за теперешними их владельцами, но должны быть приняты законодательные меры, чтобы предотвратить скопление земель выше трудовой нормы в одних руках и содействовать постепенному переходу их в общенародную собственность.

Вознаграждение за отчуждаемые в общенародный фонд земли частного владения должно производиться за счет государства. Размер этого вознаграждения и условия его уплаты, а также те случаи, когда земля отчуждается безвозмездно, могут быть определены не прежде, чем вся земельная реформа, а, в частности, эти вопросы будут обсуждены народом на местах.

Порядок перехода в общенародную собственность земель, находящихся под промышленными заведениями и городскими поселениями, а также земельных недр и вод частного владения должен быть определен особым законом.

Из общенародного фонда выделяются прежде всего земли, необходимые для государственных и общественных надобностей. Остальная земля, поскольку таковая может служить для сельского хозяйства, отдается в пользование всем желающим обрабатывать ее своим трудом, причем в очереди местному населению отдается преимущество перед пришлым и земледельческому перед неземледельческим. Во всяком случае, каждый трудящийся имеет право на усадебную оседлость в той местности, где имеется свободная земля.

Полученная из народного фонда земля, в случае прекращения хозяйства, а также при желании уменьшить его размеры, подлежит возвращению в фонд, причем за все произведенные в ней и не использованные улучшения выплачивается вознаграждение за счет государства.

Переуступка общенародной земли частным путем вовсе не должна быть допускаема.

Заведование общенародным земельным фондом должно быть возложено на избранные всеобщим голосованием местные самоуправления.

Разнообразие хозяйственных и бытовых условий различных областей России, особенно окраин, делает невозможным разрешение земельного вопроса помимо *местных* органов народной воли, а именно, местных земельных комитетов, которые также должны быть избраны путем всеобщего голосования.

Земельные комитеты должны заняться подготовкой и разработкой самых основ земельной реформы на местах и впредь до окончательного установления новых форм землепользования регулировать арендные и другие земельные отношения.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ПРЕДПОЛАГАЕМЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В ЗАКОНАХ КАСАТЕЛЬНО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ

Государственная дума в своем последнем заседании признала, что она «не исполнила бы своего долга, если бы она не выработала закона» для удовлетворения острой земельной нужды трудового крестьянства «путем обращения на этот предмет земель казенных, удельных, кабинетских, монастырских, церковных и принудительного отчуждения земель частновладельческих».

Считая неотложно необходимым приступить теперь же к решению земельного вопроса, мы, нижеподписавшиеся[293], принадлежа к Партии народной свободы, находим, что будущий законопроект должен взять за основу следующие положения:

1. Увеличение площади землепользования населения, обрабатывающего землю личным трудом, как-то безземельных и малоземельных крестьян и других разрядов земледельцев, — государственными, удельными, кабинетскими, монастырскими, церковными землями, и путем обязательного отчуждения для той же цели, за счет государства, в потребных размерах, частновладельческих земель с вознаграждением нынешних владельцев по справедливой оценке, т. е. сообразно нормальной для данной местности доходности, при условии самостоятельного ведения хозяйства, не принимая во внимание арендных цен, созданных земельной нуждой.

2. Отчуждаемые земли поступают в государственный земельный запас. Начала, на которых земли этого запаса подлежат передаче нуждающемуся в них населению, должны быть установлены сообразно с особенностями землевладения и землепользования в различных областях России.

Признавая руководящим началом земельной политики передачу земли в руки трудящихся, мы считаем, что приведенные положения могут быть развиты следующим образом.

I. Право на расширение землепользования признать надлежит за малоземельными и безземельными земледельческими семьями, ведущими хозяйство на землях как надельных, так и на принадлежащих им на праве частной собственности или арендованных. Там, где существует особый класс безземельных сельскохозяйственных рабочих, последние подлежат обеспечению землей на тех же основаниях. Особыми правилами также должен быть определен отвод земли семьям, прекратившим хозяйство вследствие малоземелья, если они пожелают восстановить собственное хозяйство. Местным землеустроительным учреждениям должно быть предоставлено возбуждение вопросов об изменении круга лиц, подлежащих, сообразно с местными условиями, земельному обеспечению.

II. Для каждой местности (губернии, района, уезда или части его) должен быть установлен нормальный размер земельного обеспечения, до которого, при имеющемся запасе земли и принимая в расчет возможные добровольные выселения, должно быть доводимо количество земли у земледельческого населения. При этом является желательным доведение размеров обеспечения до потребительной нормы, т. е. до такого количества земли, которое, по местным условиям и принимая в расчет прочные промысловые доходы, где таковые существуют, было бы достаточно для покрытия средних потребностей в продовольствии, жилище, одежде и для несения повинностей. Расчет земельной нормы ведется на едока.

III. Обеспечению землей в указанных размерах должны подлежать поэтому те земледельцы, которые или вовсе не имеют надельной или собственной земли, или имеют ее меньше установленной для данной местности общей нормы.

IV. Для образования государственного запаса, как уже сказано, кроме земель государственных, удельных, кабинетских, церковных, мо-

настырских должны поступать и земли, обязательно отчуждаемые из частного владения отдельных лиц и учреждений.

V. При отчуждении частновладельческих земель подлежит установить следующие правила:

а) без всяких ограничений подлежат отчуждению все земли, обычно сдававшиеся до 1-го января 1906 года в аренду за деньги, из доли или за отработки, а также земли, обрабатывавшиеся преимущественно крестьянским инвентарем, и земли впусте лежащие, но признанные годными для обработки. Кроме того, для каждой местности закон должен определить высший размер землевладения при условии ведения собственного хозяйства (своим скотом и орудиями), т. е. определить, больше чего никто не может владеть землей, и все, что окажется больше этого размера, также подлежит отчуждению без каких-либо ограничений;

б) земля, не превышающая по площади установленного законом высшего размера на одного владельца и обрабатываемая его инвентарем, также должна подлежать обязательному отчуждению, если местное земледельческое население не может получить достаточного обеспечения из других земель той же местности, или если отчуждение является необходимым для устранения вредной чересполосицы и других существенных недостатков в расположении наделов и в составе их по угодиям;

в) не подлежат отчуждению:

1) небольшие участки, не превышающие трудовой нормы, определяемой по местным условиям;

2) городские выгонные земли, а равно земли, принадлежащие городам, местечкам, земствам, учебным и благотворительным учреждениям, поскольку они непосредственно служат для общественно-санитарных, учебных и т. п. целей;

3) земли под усадьбами, садами, огородами (кроме отдаваемых в аренду), искусственными лесонасаждениями, виноградниками, хмельниками, питомниками и т. п., за исключением, однако, случаев, когда отчуждение этих земель необходимо для устранения вредной чересполосицы;

4) земли, на которых расположены фабрично-заводские или сельскохозяйственные промышленные заведения, т. е. земли, для них технически необходимые, находящиеся под строениями, складами, сооружениями и пр. Но земельные угодья, обслуживающие хозяйственные

потребности этих предприятий, должны подлежать отчуждению наравне с другими землями, лишь с установлением известного порядка в последовательности перехода их в государственный земельный запас;

5) участки, которые центральным землеустроительным учреждением признано будет необходимым сохранить ввиду их исключительного характера и общеполезного значения.

VI. Земли из государственного земельного запаса передаются в долгосрочное пользование на срок, установленный подлежащими учреждениями, без права переуступки. За все земли, отводимые из государственного запаса, взимается плата, размер которой определяется соответственно доходности земель и сообразно с общим планом земельного обложения.

VII. Из государственного земельного запаса отводятся земли сначала местному малоземельному и безземельному населению, — закон определяет, что разумеется под местным населением. За удовлетворением потребности местного населения остающиеся свободными земли государственного земельного запаса предназначаются для переселенцев, не получивших земельного обеспечения по месту прежнего жительства.

VIII. В местностях, изобилующих лесами, под земельное обеспечение земледельцев могут быть обращаемы леса, не имеющие защитного и водоохранного значения. Леса в прочих местностях не подлежат отчуждению и остаются в распоряжении государства в тех размерах, как это требуется нуждою населения в лесных материалах. Порядок снабжения населения лесными материалами из этих лесов определяется особыми правилами.

IX. Закон, установив общие основы земельной реформы, должен допускать со стороны местных учреждений представления о некотором видоизменении этих норм согласно с местными условиями, но с непременным сохранением самой основы реформы — прочного обеспечения землею земледельческого населения путем обязательного отчуждения.

X. Закон должен установить систему и порядок учреждений — центрального и местных — для подготовки и проведения земельной реформы. Учреждения эти должны немедленно приступить к собиранию и разработке необходимых материалов, имея в виду положения, нормы, установленные законом, и стоя в тесной связи с местным населением. <...>

ПРОЕКТ ЗЕМЕЛЬНОЙ РЕФОРМЫ
(«Проект основных положений»)

§ 1. Земельное законодательство должно стремиться к тому, чтобы установить такие порядки, при которых вся земля с ее недрами и водами принадлежала бы всему народу, причем нужная земля для сельского хозяйства могла бы отдаваться в пользование только тем, кто будет ее обрабатывать своим трудом. Все граждане должны иметь равное право на такое пользование.

§ 2. С этой целью должен быть образован общенародный земельный фонд, в который должны войти все казенные, удельные, кабинетские, монастырские и церковные земли; в тот же фонд должны быть принудительно отчуждены помещичьи и прочие частновладельческие земли, поскольку размеры отдельных владений превышают установленную для данной местности трудовую норму.

§ 3. Надельные земли и те из частновладельческих, которые не превышают трудовой нормы, остаются за теперешними их владельцами, но должны быть приняты законодательные меры, чтобы предотвратить скопление земель выше трудовой нормы в одних руках и обеспечить постепенный переход их в общенародную собственность.

§ 4. Вознаграждение за принудительно отчуждаемые и добровольно уступаемые в общенародный фонд земли частного владения должно производиться за счет государства. Размер этого вознаграждения и условия его уплаты, а также те случаи, когда земля отчуждается безвозмездно, могут быть определены не прежде, чем этот вопрос и вся аграрная реформа будут обсуждены народом на местах (см. § 18).

§ 5. Продажные, залоговые и дарственные сделки на землю (кроме поименованных в § 7) должны быть немедленно приостановлены.

§ 6. Земные недра и воды, если таковые не эксплуатируются в настоящее время их владельцами, должны быть объявлены общенародной собственностью. Порядок отдачи их в эксплуатацию общественным учреждениям и частным лицам должен быть определен особым законом.

§ 7. Порядок перехода в общенародную собственность тех земельных недр и вод частного владения, которые уже находятся в эксплуатации, а также земель, находящихся под промышленными заведениями и городскими поселениями, должен быть определен особым законом. До перехода же этих имуществ в общенародную собственность, права владельцев на прирост ценности, поскольку он зависит не от их труда и капитала, а от общественных условий, должны быть ограничены.

§ 8. Из общенародного фонда выделяются прежде всего земли, необходимые для государственных и общественных надобностей, каковые поступают в ведение надлежащих общественных и государственных учреждений.

§ 9. Остальная земля, поскольку таковая может служить для сельского хозяйства, отдается в пользование всем желающим обрабатывать ее своим трудом, причем в очереди местному населению отдается преимущество перед пришлым и земледельческому перед неземледельческим. Во всяком случае, каждый трудящийся имеет право на усадебную оседлость в той местности, в которой он живет, и право на надел в той местности, где имеется свободная земля.

§ 10. Наделение землей из общенародного фонда производится в пределах трудовой нормы, причем, если за наделением окажется избыток, то таковой остается в ведении государства и местных общественных учреждений в качестве запаса для общественных надобностей или на случай прироста местного населения, а также для наделения переселенцев из других местностей.

§ 11. Если земли для наделения всего земледельческого населения данной местности не хватит, то все, имеющие менее продовольственной нормы, получают право на переселение за счет государства в те местности империи, где в земле имеется избыток.

§ 12. В случае изменения хозяйственных условий местности установленная для нее трудовая норма может быть пересмотрена и изменена, после чего оказавшиеся у отдельных домохозяев излишки подлежат отчуждению. Равным образом, при изменившихся условиях, подлежит пересмотру и продовольственная норма, в зависимости от которой будет находиться право на переселение за счет государства.

§ 13. Полученная из народного фонда земля, в случае прекращения хозяйства, а также при желании уменьшить его размеры, подлежит возвращению в фонд, причем за все произведенные на ней и не использованные улучшения выплачивается вознаграждение за счет государства. Переуступка общенародной земли частным путем вовсе не должна быть допускаема.

§ 14. Поступившие в надел из общенародного фонда земли подлежат особому земельному налогу, который должен устанавливаться в соответствии с их качеством и местонахождением и при равных условиях должен быть тем выше, чем больше размер надела.

§ 15. Лицам, получившим землю из общенародного фонда и не имеющим достаточных средств для обзаведения всем необходимым

для хозяйства, должна быть оказываема помощь за счет государства в форме ссуд и пособий.

§ 16. Заведование общенародным земельным фондом за исключением земель, имеющих общенародное значение, должно быть возложено на местные самоуправления, избранные всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием, которые в пределах, установленных законом, действуют самостоятельно.

§ 17. Для подготовительных действий к земельной реформе и для упорядочения экономических отношений в течение переходного времени должны быть учреждены местные комитеты: губернские, уездные и волостные (или другие, соответствующие им по местным условиям). Комитеты должны быть избраны посредством всеобщего, равного и тайного голосования.

§ 18. На комитеты должно быть возложено:

а) организовать свободное и широкое, при участии всего населения, обсуждение общих оснований и всех подробностей аграрной реформы;

б) привести в известность[294] количество и распределение земли, а также численность и состав нуждающегося в земле населения; проектировать соответствующие местным условиям трудовые и продовольственные нормы и выработать применительно к местным условиям план проведения реформы;

в) устанавливать, впредь до осуществления реформы, арендные цены, заработную плату, продолжительность рабочего дня и другие отношения между землевладельцами и трудящимися в случае споров и недоразумений между ними.

§ 19. Организация местных комитетов и план их действий должны быть определены законом.

§ 20. Выборы в местные комитеты, а также обсуждение аграрной реформы на местах должны происходить при непременном условии полной свободы и личной неприкосновенности.

ПРОЕКТ ОСНОВНОГО ЗЕМЕЛЬНОГО ЗАКОНА

В Государственную думу представлены в виде материала для выработки нового земельного закона два проекта основных положений такого закона[295]. Мы, нижеподписавшиеся члены Государственной думы, предлагаем в дополнение к этим материалам нижеследующий

проект основного земельного закона. При этом мы руководствуемся следующими соображениями: 1) Закон о земле может быть издан только полноправной Народной думой, избранной всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием при свободе выборов и после обсуждения земельной реформы на местах при таких же условиях. 2) Для ускорения и облегчения решения вопроса представленные в Государственной думе партии должны немедленно же представить на суд страны все принимаемые ими способы его решения. 3) Присоединяясь к «Основным положениям», представленным в Государственную Думу 104 депутатами, и рассматривая § 1 этих положений как цель желательного земельного закона, а следующие параграфы как переходные меры к ее осуществлению, мы, нижеподписавшиеся, считаем полезным немедленно же развить кратко выраженные в § 1 начала в виде более подробного и определенного «Проекта основного земельного закона».

Проект основного земельного закона

Отдел I. Основы закона о земле

§ 1. Всякая частная собственность на землю в пределах Российского государства отныне совершенно уничтожается.

§ 2. Вся земля с ее недрами и водами объявляется общей собственностью всего населения Российского государства.

§ 3. Все российские граждане и гражданки имеют равное право на пользование:

а) землей для занятия сельским хозяйством;

б) участками для постройки жилых домов, хозяйственных построек, а также фабрик, заводов, мастерских и т. д.;

в) всем материалом, необходимым для постройки и отопления.

Примечание. Все граждане и гражданки имеют одинаковое, равное право принимать участие в решении, как добывать и распределять между гражданами и все другие богатства земли.

§ 4. а) народная власть, избранная всеобщим прямым, равным и тайным голосованием, без различия пола, веры и народности, устанавливает подробный закон о пользовании землей и всеми ее благами;

б) народная власть наблюдает за тем, чтобы установленные ею земельные порядки не нарушались. За этим же наблюдают местные самоуправления, выбранные всем населением области, округа и уезда

без различия пола, веры и народности посредством всеобщего, прямого, равного и тайного голосования;

в) они же охраняют богатства земли от напрасной траты и заботятся о приумножении богатств земли.

§ 5. Народное правление и местные земства распоряжаются по следующим основным правилам:

а) никакая власть не имеет права мешать отдельным гражданам, общинам и товариществам устраивать для себя такие порядки пользования землей, которые они считают лучшими, если только эти порядки не нарушают общего закона и не вредят другим;

б) для избежания бесполезной чиновничьей волокиты все дела, важные только для одного уезда, округа или области, решаются на местах;

в) только те дела, которые важны для всего государства, а также и те, которые не могут быть справедливо решены на местах, решаются народным правлением.

Отдел II. Земельные права российских граждан

Часть I. Пользование землей для сельскохозяйственных промыслов

§ 1. Все граждане и гражданки могут, по желанию, получать в пользование землю или на срок, или бессрочно.

Примечание. В последнем случае наделы могут передаваться по наследству до тех пор, пока земство или народное правление не найдут нужным ограничить таковое для пользы всего народа или на пользу более нуждающихся.

§ 2. Каждый имеет право получить в пользование столько земли, чтобы за уплатой поземельного налога осталось достаточно для здоровой жизни его и его семьи (потребительная норма надела).

Примечание. Если кто-либо из граждан имеет постоянный заработок на стороне, то ему прирезывается земли приблизительно столько, чтобы дохода от нее вместе с заработком на стороне хватило для уплаты земельного налога и здоровой жизни его семьи. Если кто-нибудь теряет подсобный заработок или захочет кормиться с одной земли, то ему прирезывается земля до полного потребительного надела.

§ 3. Никто не имеет права иметь в пользовании земли больше, чем он может обработать вместе со своей семьей без наемных рабочих (трудовая норма надела).

Примечание. Те семьи, которые временно по какому-либо случаю не смогут вести самостоятельно хозяйства (например, если работник уйдет в солдаты, заболеет, умрет или мир назначит его на какую-нибудь мирскую службу и т. д.), сохраняют за собой право на надел.

§ 4. Землю нарезывают всякому, кто пожелает, по возможности сообразно с тем, сколько земли и какая земля требуется для его промысла: земледелия, садоводства, скотоводства и т. п.

§ 5. Пользование землей устраивается на следующих основаниях:

а) земельные общества, которые владели землей совместно и пожелают оставить землю в общем пользовании, получают общий надел и сами переделяют землю, как решат, между отдельными хозяевами. Общины, получившие общий надел, обязаны производить поравнения, чтобы не было у каких-либо хозяев земли меньше, чем нужно для здоровой жизни, или чтобы кто-нибудь не имел больше, чем может обработать сам без наемных рабочих. Если в общине не выйдет соглашения об уравнительном переделе, то уравнение делает низшее земство (мелкая земская единица);

б) по таким же правилам получают общий надел и те отдельные граждане, которые пожелают получить землю для пользования в общий надел;

в) общий надел нарезается и тем гражданам, которые пожелают совместно обрабатывать землю и вести общее хозяйство артелями с уравнительным дележом всего того, что получают от земли;

г) всякий, кто владел отдельным участком земли (надельной, выкупленной и купчей), если пожелает, наделяется особо, в личное пользование;

д) также отдельно, если пожелают, могут наделяться и безземельные;

е) если кто-либо выходит из общины, то с ее согласия может получить в пользование особый участок из общинной земли. В случае несогласия на то общины, ему отводится отдельный участок в другом месте. Если же в общине часть граждан (примерно, четверть, а в больших общинах, примерно, не менее двадцати) пожелает выйти из общины, то община обязана выделить им при переделе столько земли, сколько на них приходится, причем землю обязаны выделять так, чтобы никто не был обижен. Если выделение не устраивается полюбовно, то дело решает уездное земство.

§ 6. Никто не может сдавать землю в аренду. Те семьи, которые по какому-нибудь случаю не смогут вести самостоятельно хозяйства, мо-

гут, по желанию, передавать надел в общества, артельные товарищества или земства за плату, которую устанавливает общество, артельное товарищество или земство. Когда впоследствии семья сможет вести хозяйство, то надел ей возвращается обратно. Если же какая-нибудь семья не будет пользоваться своим наделом долго (примерно более двенадцати лет), то ей могут дать вместо прежнего и другой надел в другом месте, где будет обществу удобнее.

§ 7. Каждый, кто пользуется наделом, обязан платить за него налог, устанавливаемый народной властью и земствами. Налог устанавливают смотря по тому чистому доходу, который приносит земля.

Примечание. Граждане, живущие от земли, не должны платить другого налога, как с земли. Процент обложения не должен быть высоким. Кроме этого налога не может быть никакого другого налога с земли. Народное правительство может повышать налог, если доход с земли становится больше, с таким, однако, расчетом, чтобы успел окупиться расход на улучшение земли и хозяйства. Если же временно доход с земли уменьшается, то уменьшается и налог.

§ 8. Чтобы каждый желающий трудиться на земле действительно мог пользоваться землей, народным правлением и земствами выдаются за дешевый процент деньги в заем, а в некоторых случаях в бесплатную ссуду для нужд хозяйства и устраивается всеобщее страхование хозяйств от всяких несчастных в них случаев (пожаров, падежей скота, неурожаев, болезней и смерти работника и т. д.). Эту помощь могут получать все, кто пользуется земельным наделом.

Часть II. Пользование усадебными участками, материалами для построек и топлива, рыболовными и охотничьими угодьями и т. п. и недрами земли

§ 1. Все граждане и гражданки могут получать в бессрочное пользование усадебные участки известного размера для всякого рода жилых и хозяйственных построек.

Примечание. Усадебные участки по общей норме и с обложением общим налогом отводятся вне поселений и при мелких поселениях. В селениях же крупного размера, а также в местностях, где почему-либо земля особенно дорога, усадебные участки могут отводиться в уменьшенном размере, за увеличенную плату и вообще на особых условиях, устанавливаемых земствами и городами.

§ 2. Все граждане и гражданки имеют право на получение материалов для построек и отопления в размерах своих нужд на условиях, определяемых народным правлением и земствами.

Примечание. Эти материалы или добываются самими гражданами с отведенных им наделов, или доставляются народным правлением и земствами, заведующими наиболее важными и крупными из них (каковы: большие леса, крупные залежи угля, ценные каменоломни и т. п.).

§ 3. Все граждане и гражданки имеют право на рыбную ловлю и охоту, а также на сбор диких плодов и т. п. по правилам и на условиях, устанавливаемых народным правлением и земствами.

Примечание. Народное правление и земства определяют те из этих промыслов, которыми ввиду их важности и ценности они заведуют непосредственно, и устанавливают правила для сбережения и приумножения рыбы, дичи, диких плодов и т. п. и правила для уравнительного ими пользования.

§ 4. Все граждане и гражданки имеют равные права в деле распоряжения и пользования всеми богатствами, добываемыми из недр земли.

Примечание. Народное правление и земства непосредственно заведуют важнейшими промыслами добывающей промышленности (каковы: угольные копи, руды, нефть, соль и т. п.). Менее значительные промыслы оставляются в пользование отдельным гражданам, общинам и товариществам на условиях, устанавливаемых народным правлением и земствами.

ПРОЕКТ ОСНОВНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ ЗЕМЕЛЬНОЙ РЕФОРМЫ

1) Земельное законодательство должно стремиться к тому, чтобы установить такие порядки, при которых вся земля с ее недрами и водами принадлежала бы всему народу, причем нужная земля для сельского хозяйства могла бы отдаваться в пользование только тем, кто будет ее обрабатывать своим трудом. Все граждане должны иметь равное право на такое пользование ею.

2) С этой целью должен быть образован общенародный земельный фонд, в который должны войти все казенные, удельные, кабинетские, монастырские и церковные земли; в тот же фонд должны быть принудительно отчуждены помещичьи и проч. частновладельческие земли, поскольку размеры отдельных владений превышают установленную для данной местности трудовую норму.

3) Надельные земли и те из частновладельческих, которые не превышают трудовой нормы, остаются за теперешними их владельцами, но должны быть приняты законодательные меры, чтобы предотвратить скопление земель выше трудовой нормы в одних руках и обеспечить постепенный переход их в общенародную собственность.

4) Вознаграждение за принудительно отчуждаемые и добровольно уступаемые в общенародный фонд земли частного владения должно производиться на счет государства. Размер этого вознаграждения и условия его уплаты, а также те случаи, когда земля отчуждается безвозмездно, могут быть определены не прежде, чем этот вопрос и вся аграрная реформа будут обсуждены народом на местах (см. § 18)[296].

5) Продажные, залоговые и дарственные сделки на землю (кроме поименованных в § 7) должны быть немедленно приостановлены.

6) Земные недра и воды, если таковые не эксплуатируются в настоящее время их владельцами, должны быть объявлены общенародной собственностью. Порядок отдачи их в эксплуатацию общественным учреждениям и частным лицам должен быть определен особым законом.

7) Порядок перехода в общенародную собственность тех земельных недр и вод частного владения, которые уже находятся в эксплуатации, а также земель, находящихся под промышленными заведениями и городскими поселениями, должен быть определен особым законом. До перехода же этих имуществ в общенародную собственность права владельцев на прирост ценности, поскольку он зависит не от их труда и капитала, а от общественных условий, должны быть ограничены.

8) Из общенародного фонда выделяются прежде всего земли, необходимые для государственных и общественных надобностей, каковые поступают в ведение надлежащих общественных и государственных учреждений.

9) Остальная земля, поскольку таковая может служить для сельского хозяйства, отдается в пользование всем желающим обрабатывать ее своим трудом, причем в очереди местному населению отдается преимущество перед пришлым и земледельческому перед неземледельческим. Во всяком случае, каждый трудящийся имеет право на усадебную оседлость в той местности, в которой он живет, и право на надел в той местности, где имеется свободная земля.

10) Наделение землей из общенародного фонда производится в пределах трудовой нормы, причем, если за наделением окажется избыток, то таковой остается в ведении государства и местных общественных учреждений в качестве запаса для общественных надобностей или на случай прироста местного населения, а также для наделения переселенцев из других местностей.

11) Если земли для наделения всего земледельческого населения данной местности не хватит, то все имеющие менее продовольствен-

ной нормы, получают право на переселение за счет государства в те местности Империи, где в земле имеется избыток.

12) В случае изменения хозяйственных условий местности установленная для нее трудовая норма может быть пересмотрена и изменена, после чего оказавшиеся у отдельных домохозяев излишки подлежат отчуждению. Равным образом при изменившихся условиях подлежит пересмотру и продовольственная норма, в зависимости от которой будет находиться право на переселение за счет государства.

13) Полученная из народного фонда земля в случае прекращения хозяйства, а также при желании уменьшить его размеры подлежит возвращению в фонд, причем за все произведенные на ней и не использованные улучшения выплачивается вознаграждение за счет государства. Переуступка общенародной земли частным путем вовсе не должна быть допускаема.

14) Земли, поступившие в надел из общенародного фонда и превышающие потребительную норму, подлежат особому земельному налогу, который должен устанавливаться в соответствии с их качеством и местонахождением и при равных условиях должен быть тем выше, чем больше размер надела.

15) Лицам, получившим землю из общенародного фонда и не имеющим достаточных средств для обзаведения всем необходимым для хозяйства, должна быть оказываема помощь за счет государства в форме ссуд и пособий.

16) Заведование общенародным земельным фондом должно быть возложено на местные самоуправления, избранные всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием, которые в пределах, установленных законом, действуют самостоятельно.

ПРОЕКТ ОСНОВНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ

Мы, члены Государственной думы, принадлежащие к социал-демократической фракции[297], находим необходимым для облегчения положения земледельческого населения в России, для уничтожения кабалы в деревне изменение существующих земельных отношений в России на следующих началах:

1. Уничтожение всяких стеснений крестьян в распоряжении их земельной собственностью, поскольку эти стеснения вытекали из сословной обособленности крестьянства. Так как кроме крестьянской мелкой

собственности останутся и другие формы землевладения (городские земли, усадебные места горожан и сельчан и т. д.), то ограничения в распоряжении крестьянскими землями могут быть лишь одинаковые с ограничениями других собственников и их товариществ и лишь в общественных интересах.

2. Отчуждение без выкупа церковных, монастырских, удельных и кабинетских земель и передача их, а равно и казенных земель крупным органам местного самоуправления. Так как значительная часть удельных, кабинетских и государственных земель еще не заселены и могут составить земельный фонд для переселенцев, то не занятые местным населением земли, а также леса и воды, имеющие общегосударственное значение, должны быть оставлены во владении демократического государства.

3. На таком же начале, т. е. без выкупа, должны быть отчуждены частновладельческие земли (кроме мелкого землевладения и надельных земель) и переданы демократическому местному самоуправлению. При этом депутаты от всего населения, избранные в органы местного самоуправления на основании всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, должны решить и вопрос о том, выше каких размеров земельные участки в каждой области должны подлежать конфискации.

4. Те же органы местного самоуправления должны решить и вопрос о том, как население будет пользоваться землями, перешедшими в общественное распоряжение.

5. Уравнение в правах всех граждан, уничтожение сословий и приписок к ним тем самым дает право каждому гражданину поселяться в каждой местности, принимать участие в делах органов местного самоуправления, а следовательно, и в распоряжении принадлежащими самоуправлению землями и в определении условий пользования ими. Представляя изложенные начала, как основы аграрной реформы, социал-демократическая фракция Государственной думы находит необходимым предварительное обсуждение земельного вопроса населением на местах при посредстве избранных всем населением местных комитетов.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ПРОЕКТА ВРЕМЕННОГО ЗАКОНА ПО ЗЕМЕЛЬНЫМ ДЕЛАМ

1) Временный закон по земельным делам должен иметь своей целью:

а) изменить, приостановить и вовсе отменить законы, действие которых может осложнить и затруднить планомерное решение земельного вопроса народным представительством;

б) создать местные учреждения, которые облегчили бы народному представительству подготовку и проведение земельной реформы, и

в) предоставить заинтересованному в земельных делах населению возможность в течение переходного времени правомерно отстаивать свои интересы и мирно разрешать возникающие в его среде споры.

2) В указанных видах временный закон должен:

а) отменить в полном их объеме изданные после роспуска Думы в порядке 87 статьи указы: 12 августа (о продаже удельных земель), 27 августа (о распродаже казенных земель), 9 ноября (об укреплении надельных земель в личную собственность) и 15 ноября (о залоге надельных земель);

б) прекратить скупку частновладельческих земель Крестьянским банком и приостановить распродажу уже приобретенных им имений;

в) обусловить все другие сделки по купле-продаже, залогу и дарению земель согласием упоминаемых ниже земельных комитетов;

г) приостановить действие положения о найме на сельские работы и отменить закон 15 апреля 1906 г. против стачек среди сельских рабочих, и

д) упразднить землеустроительные комиссии.

3) Для подготовки и проведения земельной реформы, а также для заведования земельными делами в течение переходного времени законом должны быть учреждены местные земельные комитеты, избираемые всеми гражданами без различия пола, национальности и вероисповедания, путем прямого, равного и тайного голосования.

4) На местные земельные комитеты должны быть возложены:

а) собирание и разработка необходимых для земельной реформы сведений, а также приведение в исполнение подготовительных и окончательных действий, какие будут указаны народным представительством, и

б) составление соображений и представление заключений по вопросам, касающимся земельной реформы.

5) В заведование земельных комитетов должны быть переданы подлежащие обработке казенные, удельные и приобретенные Крестьянским банком земли и оброчные статьи, а также и те из находящихся на этих землях и предназначенных к вырубке лесных участков, кото-

рые будут признаны комитетами необходимыми для удовлетворения потребностей местного населения.

6) Земельным комитетам должно быть предоставлено право принимать во временное заведование земли и имения других владельцев на условиях, устанавливаемых по взаимному с ними соглашению, с тем, чтобы окончательные условия переуступки этих земель государству были установлены народным представительством.

7) Права и обязанности местных административных учреждений по заведованию переселением должны быть переданы земельным комитетам.

8) Земельным комитетам должно быть предоставлено право:

а) издавать обязательные постановления по вопросам, касающимся сельскохозяйственных и земельных отношений (аренды земель, найма на сельские работы и т. д.);

б) учреждать посреднические камеры[298] по разбору споров и недоразумений в этой области и

в) принимать другие меры в целях упорядочения сельскохозяйственных и земельных отношений.

9) Земельным комитетам должно быть предоставлено право учреждать исполнительные органы для приведения своих постановлений в исполнение.

ПРОЕКТ ГЛАВНЫХ ОСНОВАНИЙ ЗАКОНА О ЗЕМЕЛЬНОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

В заседании 16 марта Государственная дума постановила перейти с понедельника 19 марта к обсуждению земельного вопроса. Со своей стороны мы, нижеподписавшиеся, от имени парламентской фракции Партии народной свободы полагали бы в основу будущих работ Государственной думы принять прилагаемый проект Главных оснований закона о земельном обеспечении земледельческого населения. Этот проект построен на следующих началах:

1) увеличение площади землепользования населения, обрабатывающего землю личным трудом, по возможности до пределов, соответствующих потребительным его нуждам, путем обращения для этой цели государственных, удельных, кабинетских, монастырских, церковных, Крестьянского банка, а также земель частного владения физических и юридических лиц;

2) принудительное отчуждение частновладельческих земель, предназначенных для указанной в п. 1 цели, за счет государства с вознаграждением бывших владельцев по справедливой оценке и с возмещением известной части — примерно половины — предстоящих государству расходов по уплате процентов на затраченный капитал путем установления особой платы с отведенных трудовому населению земель, по соображению с их доходностью и платежными силами населения, и

3) отвод земель земледельческому населению в постоянное пользование.

Прилагаемый проект мы предлагаем ныне же передать в образуемую при Государственной думе аграрную комиссию.

Проект главных оснований закона о земельном обеспечении земледельческого населения

1) Для каждого уезда (или части его, если уезд неоднороден по своим условиям) устанавливается в законодательном порядке нормальный размер земельного обеспечения, до которого — пределах имеющегося запаса земли (ст. 18–24) и при наличной возможности добровольческого выселения — должно быть доводимо количество земли у трудового малоземельного и безземельного земледельческого населения.

2) Нормальные размеры земельного обеспечения (ст. 1) проектируются местными подготовительными земельными учреждениями на следующих основаниях:

а) в основу исчисления по каждой местности полагаются действительные средние размеры землепользования (на надельной, собственной и арендной земле) той части населения, которая ведет самостоятельное земледельческое хозяйство, не нанимая и не отпуская из своего состава сельскохозяйственных рабочих (батраков).

См. приложение*.

Примечание. В местностях, где широко распространен отход или местный наем на поденные и сдельные сельскохозяйственные работы, полученные указанным способом средние выводы должны быть повышаемы соответственно доле, какую составляют этого рода заработки в доходах местного населения.

* Приложение см. в конце документа.

б) исчисления, полученные способом, указанным в п. а (с примеч.), проверяются затем на основании других имеющихся в распоряжении местных подготовительных учреждений данных, в видах определения действительного соответствия их с потребительными нуждами населения (потребностями в продовольствии, одежде и жилище), и, в случае явного несоответствия с этими нуждами, подлежат необходимому исправлению.

3) При недостатке имеющегося запаса земли (ст. 18–24) для обеспечения местного земледельческого населения (ст. 5–8 и 14) в размере проектированной, согласно ст. 2, нормы — местные подготовительные земельные учреждения, приняв во внимание вероятные размеры добровольного выселения, составляют предположения о размерах необходимого уменьшения упомянутой нормы.

4) По утверждении в законодательном порядке норм земельного обеспечения (ст. 1) отвод земли в каждом отдельном случае производится: для безземельного населения в размере полной нормы, установленной для данной местности, и для малоземельного — в размере разности между полной нормой и имеющимся количеством земли (надельной и собственной). Для селений, находящихся в явно исключительных условиях, и для участков земли, явно не соответствующих общему характеру местности, землеустроительным учреждениям предоставляется, в определенных законом пределах, отступать от местной нормы, в целях более полного согласования земельного обеспечения с потребительными нуждами населения.

Примечание. В малолесных местностях (ст. 23–24) необращенные в другие угодья лесные пространства в крестьянских наделах и покупных участках в счет имеющегося у земледельческого населения земельного обеспечения, при дополнительном отводе земли, не включаются.

5) Количество земли, подлежащей отводу, определяется в каждом случае по расчету на наличный состав трудового малоземельного и безземельного земледельческого населения, ведущего хозяйство на надельных, собственных и арендных землях, а также живущего преимущественно наймом на сельскохозяйственные работы.

6) В ныне существующих общинах, обществах с подворным владением и товариществах к наличному трудовому земледельческому населению относятся все принадлежащие к составу их семьи, за исключением прекративших ведение собственного земледельческого хозяйства. Семьи, прекратившие свое хозяйство, однако, также не исключаются из учета, если они живут преимущественно земледельче-

ским трудом по найму или землеустроительными учреждениями будет установлено, что прекращение земледельческого хозяйства представляется лишь временным или случайным.

Примечание. В тех общинах (или обществах), где значительность количества семей, прекративших хозяйство, явно обусловлена острой земельной нуждой, — землеустроительным учреждениям предоставляется включать в счет наличного трудового земледельческого населения и те семьи, которые пожелают вновь обзавестись своим хозяйством, если для них будет установлена действительная возможность восстановления хозяйства.

7) Семьи, принадлежащие к составу общин (или обществ), но занимающиеся земледельческим хозяйством или земледельческим трудом на стороне, получают землю либо в месте своего жительства (ст. 8), либо, — в случае их желания и при действительной к тому возможности, — в своей общине (или обществе), совместно с другими однообщественниками.

8) Не принадлежащие к составу местных общин, обществ с подворным владением или товариществ, малоземельные и безземельные земледельцы (ст. 5) могут или войти, по добровольному соглашению, в число членов какой-либо общины или общества и получить землю совместно с ними, или образовать из себя особые общины или общества, или, наконец, получить участки земли в отдельное пользование.

9) Отвод земли общинам, обществам с подворным владением, товариществам и отдельным владельцам производится в постоянное пользование, сообразуясь с особенностями существующего землевладения (ст. 10–12).

10) При общинном владении отвод добавочного количества земли производится по расчету на целую общину, в наличном составе ее земледельческого населения (ст. 6–7). Отведенная земля поступает в распоряжение общины, устанавливающей, на определяемых в законе основаниях, порядок пользования ею.

Примечание. В общинах, члены которых, сверх общинной земли, имеют участки (надельные или собственные) в подворно-наследственном владении, эти участки, при исчислении недостатка земли до нормы, присчитываются к общинной земле, но в размере, не превышающем той прибавки, какая причиталась бы, по среднему душевому расчету, каждому из владеющих участками семейству при имеющемся количестве одной общинной земли.

11) Для земельных обществ, частей их или товариществ с подворно-наследственным владением количество подлежащей отводу земли ис-

числяется по расчету на принадлежащие к их составу малоземельные и безземельные земледельческие семьи (ст. 6–7), по утверждаемому землеустроительными учреждениями именному списку. Отводимая дополнительно земля предоставляется затем, на определенных в законе основаниях, в пользование указанных в списке отдельных членов, которое может быть наследственным или пожизненным, смотря по решению земельного общества, части или товарищества, постановляемому при отводе земли.

Примечание. Общества (или части их), в которых только малая часть земли или лишь некоторые, второстепенные по значению угодья находятся в общинном владении, относятся, по способу исчисления и отводу земли, в категории обществ с подворно-наследственным владением (с зачетом общинной земли за отдельными семьями в количестве, какое причиталось бы им по среднему душевому расчету).

12) При установлении способа исчисления и оснований дополнительного отвода земли (ст. 10–11) форма владения (общинная или подворно-наследственная) принимается согласно с Местными положениями 19 февраля 1861 года, владенными записями и другими соответствующими актами, если не последовал затем переход к иной форме владения в порядке, установленном законом, или если самой общиной или обществом не будет удостоверено несоответствие существующей в действительности формы владения с значащейся по местному положению или по документам.

13) В случаях предусматриваемого ст. 8 отвода земли малоземельным и безземельным земледельцам особо от существующих общин, обществ или товариществ, порядок дальнейшего пользования (общинное, наследственное, пожизненное) определяется в каждом случае самими земледельцами, получающими землю.

14) Из земель, подлежащих обращению на предмет обеспечения земледельцев (ст. 18–24), отвод производится прежде всего местному населению; остающиеся же затем земли обращаются на обеспечение переселенцев из других малоземельных местностей.

Примечание. Местным считается население данного уезда, кроме тех случаев, когда в законе будут даны особые указания по этому предмету.

15) Участки земли, на которых оседло живут арендаторы-земледельцы, закрепляются за ними в постоянное пользование, в пределах установленной для данной местности нормы обеспечения (ст. 1); в случае недостачи арендуемой земли до нормы производится дополнительный отвод на общих основаниях.

16) Отвод земли производится, по возможности, таким образом, чтобы при этом достигались также устранение чересполосности с другими владениями, удобные очертания границ земельной площади и возможно благоприятный состав ее по угодьям.

17) За отведенные, на изложенных выше основаниях, земли взимается особая плата, устанавливаемая землеустроительными учреждениями в каждом случае, по соображению с нормальной доходностью отведенных земель и с платежными силами населения, на основаниях, определяемых особым законоположением. Часть предстоящих расходов по принудительному отчуждению земель (ст. 25–29), определяемая законом, подлежит отнесению на общие средства государства.

18) На нужды земельного обеспечения земледельческого населения обращаются земли государственные, удельные, кабинетские, монастырские, церковные, Крестьянского банка и принудительно отчуждаемые для указанной цели из частного владения (лиц физических и юридических) и из владения общественных учреждений.

19) Не подлежат принудительному отчуждению (кроме случаев, означенных в примечании к ст. 19 и особо указанных в законе):

а) надельные и другие соответствующие им земли, служащие ныне для обеспечения трудового земледельческого населения;

б) земли под усадьбами, садами, огородами (кроме обычно сдаваемых в аренду), виноградниками, питомниками, а также под другими подобными специальными культурами;

в) мелкие частные земельные владения, не превышающие трудовой нормы, устанавливаемой в законодательном порядке, для отдельных местностей, а также не превышающие указанной нормы участки, которые владельцы отчуждаемых крупных имений пожелают оставить за собой из состава этих имений.

Примечание. Предельные трудовые нормы проектируются местными подготовительными земельными учреждениями по расчету на среднюю по составу семью, причем в основу исчисления должно быть полагаемо количество земли, какое может эксплуатировать такая семья своими силами, при полной обеспеченности земледельческим инвентарем и при обычных в данной местности условиях мелкого хозяйства.

г) земли, на которых расположены фабрично-заводские, торговые или сельскохозяйственные предприятия (земли под строениями, складами, сооружениями, поселками рабочих и т. п.), а также та технически

связанная с предприятием площадь земли, при отчуждении которой данное предприятие не могло бы действовать;

д) имения или части имений, которые землеустроительные учреждения признают подлежащими сохранению, ввиду явной невыгоды, для интересов страны или самого трудового населения, прекращения существующего в них хозяйства. Основания для изъятия от отчуждения по настоящему пункту должны быть точно определены законом. Проектирование этих оснований и производство необходимых для того исследований возлагаются на местные подготовительные земельные учреждения;

е) городские выгонные земли, а равно земли, принадлежащие городам, местечкам, земствам, благотворительным и просветительным учреждениям, поскольку они непосредственно служат для общественно-санитарных, образовательных и т. п. общеполезных целей.

Примечание. Принудительное отчуждение (или принудительный обмен) земель, поименованных в ст. 19, допускается, при определенных в законе условиях и в указанном им порядке, лишь в особо важных случаях — для устранения вредной чересполосицы и существенных неудобств в расположении и составе земельных площадей, служащих обеспечением земледельческого населения.

20) Из земель частного владения, не указанных в ст. 19, подлежат отчуждению без ограничений:

а) земли, обычно сдаваемые (до 1 января 1907 г.), непосредственно или путем пересдачи, трудовому земледельческому населению (за деньги, из доли урожая или за отработки), а также эксплуатируемые преимущественно крестьянским инвентарем, и

б) земли, хотя и эксплуатируемые за счет владельцев (или крупных арендаторов) и их инвентарем, но превышающие (не считая леса) высший размер владения, устанавливаемый для каждой местности в законодательном порядке по соображению с данными, представленными подготовительными земельными учреждениями.

21) Земли, эксплуатируемые экономическим инвентарем и не превышающие указанной законом предельной нормы (ст. 20, п. б), подлежат отчуждению, в потребных размерах, в тех случаях, когда земель других категорий в той же местности недостаточно для надлежащего обеспечения местного земледельческого населения (ст. 5–8 и 14), а также в случаях, указанных в примечании к ст. 19.

22) В районах свеклосахарного и других сельскохозяйственных технических производств, если они перерабатывают ныне, всецело

или преимущественно, сырье из собственного или из других крупных хозяйств, должны быть установлены законом особый порядок и последовательность отчуждения обслуживающих заводы земельных угодий, в соответствии с необходимой постепенностью перехода к производству сырья в крестьянских хозяйствах.

23) Леса, естественные и искусственно насажденные, могут быть обращаемы на предмет обеспечения земельными угодьями земледельческого населения лишь в многолесных местностях, в пределах имеющегося избытка против нормального, по условиям отдельных местностей, количества леса и поскольку последний не имеет защитного, водоохранного и т. п. значения.

24) Местности, в которых допускается использование лесной площади для целей обеспечения земледельческого населения земельными угодьями, а также нормы подлежащего сохранению количества леса устанавливаются в законодательном порядке. Упомянутые нормы проектируются местными подготовительными земельными учреждениями, сообразуясь как с состоянием и средним приростом местных лесов, так и с необходимыми размерами потребления лесных материалов на месте и в снабжаемых из данного района городских и промышленных центрах и малолесных местностях.

Примечание. Лесные площади, принадлежащие частным лицам и учреждениям, если они подлежат использованию для обеспечения земледельческого населения земельными угодьями, подвергаются принудительному отчуждению на общих основаниях.

25) Подлежащие принудительному отчуждению земли частных владельцев и общественных учреждений оцениваются путем капитализации из определяемого законом процента нормальной чистой доходности, устанавливаемой в законодательном порядке — по местностям, угодьям и разрядам угодий. Эта нормальная доходность исчисляется:

а) для земель, эксплуатируемых путем сдачи в наем трудовому населению и обрабатываемых крестьянским инвентарем, — применительно к обычным условиям местного крестьянского хозяйства, и

б) для земель, обрабатываемых за счет владельцев, собственным их инвентарем, — применительно к условиям частновладельческого хозяйства.

26) Нормы чистой доходности (ст. 25) проектируются местными подготовительными земельными учреждениями по данным о среднем

количестве и средней цене получаемых продуктов и о среднем размере издержек на их производство, при нормальных условиях сбыта продуктов и найма на сельскохозяйственные работы (с устранением цен, существующих при заблаговременном найме, запродаже продуктов и других обстоятельств, обусловливающих чрезмерно низкую оценку труда и продуктов).

27) В тех местностях, где для установления доходности указанным способом (ст. 26) встретились бы особые препятствия, доходность может быть определяема на основании данных об арендных ценах, с надлежащим понижением их, поскольку высота цен обусловливается не производительностью земли, но нуждою в ней местного земледельческого населения. В таких местностях допускается также, в случае необходимости, пользование данными о продажных ценах на землю и о залоговых оценках в установлениях поземельного кредита, с исправлением полученных выводов на основании поверочных[299] исследований о доходности земель при самостоятельном ведении хозяйства.

28) Для земель, эксплуатируемых за счет владельца и его инвентарем, в определенных законом случаях может быть производима специальная оценка их по данным о действительном доходе за ряд лет, поскольку, однако, размер дохода не определялся пониженной, против обычных местных цен, оплатой труда сельскохозяйственных рабочих.

29) Вознаграждение частным владельцам и общественным учреждениям за принудительно отчуждаемые земли выдается наличными деньгами, причем:

а) казне предоставляется отсрочивать выдачу капитальной суммы вознаграждения тем владельцам, которым оно причитается в размере свыше известной, определяемой законом, суммы, удовлетворяя до того времени владельцев, или их правопреемников, процентами с причитающегося им капитального вознаграждения;

б) лежащие на отчуждаемых землях долги установлениями земельного кредита переводятся, в полной сумме, на казну и погашаются ею срочными платежами, установленными для заемщиков кредитных учреждений;

в) прочие, кроме указанных в п. б, долги, обеспеченные залогом земель, подвергаемых принудительному отчуждению, покрываются из того вознаграждения, которое причитается владельцу имения за вычетом долгов учреждениям земельного кредита.

Примечание. В случаях, когда выдача вознаграждения владельцу земли отсрочивается (п. а), долги по частным закладным погашаются принятием на

себя казною обязательства уплатить держателю закладной причитающееся владельцу земли вознаграждение или часть его, соответствующую залоговому требованию.

* * *

Настоящие основные положения применяются к Европейской России, кроме Царства Польского, Прибалтийских губерний, Закавказья, горных уездов и округов Кубанской и Терской областей, казачьих войсковых земель и земель Внутренней киргизской Орды[300]. Земельное устройство трудового земледельческого населения указанных областей и местностей, а также земельное устройство губерний и областей Азиатской России, ввиду их особых условий, определяется особыми законоположениями.

* * *

Приложение
(к ст. 2, п. 2 «Главных оснований»)

1) Нормальный размер земельного обеспечения выражается для каждой местности в общем количестве удобной земли, рассчитанном на душу обоего пола, а в местностях с подворным владением, если это окажется более отвечающим местным условиям, — на домохозяйство. В основу исчисления нормально необходимого количества удобной земли кладется определенная способом, указанным в ст. 2, средняя посевная площадь, которая затем соответственно увеличивается, в расчете на обычный в данной местности состав угодий (пп. 2–6).

Примечание. В местности, где это будет признано более соответствующим местным условиям, средний размер действительного землепользования может быть исчисляем и непосредственно в одной общей площади удобной земли, без указанных в пп. 2–6 расчетов по отдельным угодьям.

2) Средний размер посевной площади исчисляется по данным о действительных размерах посевов, производимых трудовым населением данной местности, причем из счета исключаются, с одной стороны, дворы, нанимающие сроковых сельскохозяйственных рабочих (батраков), а с другой — не ведущие полного хозяйства беспосевные, безлошадные и вообще обрабатывающие землю наймом по неимению собственного инвентаря или отпускающие сроковых сельскохозяйственных рабочих (батраков) в другие хозяйства.

3) К вычисленной указанным в предыдущем пункте способом средней посевной площади, по расчету на паровое поле прибавляется: в местностях с трехпольным хозяйством — 50 %, а в местностях с другими

видами правильного парового хозяйства процент, соответствующий принятой в данной местности смене посевных и паровых полей.

4) Размер прибавки к расчету на кормовую площадь, а также на залежь или неправильный пар определяется по среднему в данной местности (считая как крестьянские, так и все прочие земли) отношению кормовых угодий (в том числе, лесных пространств, обычно служащих сенокосом или выгоном), неправильного пара и залежи к посевной площади.

5) Размер прибавки на усадебные земли (земли под постройками, садами, огородами, коноплянниками и т. п.) определяется по среднему количеству на 1 душу обоего пола или на один двор этого рода угодий в крестьянских наделах данной местности.

6) К исчисленному вышеуказанным способом количеству земли (пп. 2–5) в многолесных местностях делается надбавка, соответствующая среднему в данной местности проценту лесной площади, включенной в земельные наделы. Лесные наделы (в части их, не разработанной под угодья), крестьянские леса с правильным оборотом рубки или объявленные под заказом, а также все вообще надельные леса в малолесных местностях, при определении нормы земельного обеспечения, в расчет не принимаются.

Примечание. Многолесными местностями почитаются те, в которых законом будет допущен отвод лесных площадей на предмет обеспечения земельными угодьями земледельческого населения (ст. 23–24 «Главн. Основ.»).

ПРОЕКТ ОСНОВНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ ЗЕМЕЛЬНОГО ЗАКОНА

§ 1. Всякая собственность на землю в пределах Российского государства отныне и навсегда отменяется.

Примечание 1. Финляндия, как обладающая политической автономией, изъемлется из действия этого основного закона.

Примечание 2. То же будет относиться и к другим частям Российской Империи, при получении ими аналогичного с Финляндией государственного устройства (Польша).

§ 2. Вся земля с ее водами и недрами объявляется достоянием всего населения Российского государства.

§ 3. На пользование этим достоянием все граждане и гражданки имеют равное право.

§ 4. Верховным распорядителем всей земли, с ее водами и недрами, в пределах, устанавливаемых настоящим Основным законом, является Собрание народных представителей, местными распорядителями на тех же основаниях являются органы местного самоуправления, каждый в пределах своей территории. Низшим органом самоуправления является территориальная община, включающая одно или несколько поселений.

§ 5. На государство, в лице центральных органов власти и органов местного самоуправления, возлагается:

а) обеспечение равного для всех граждан права пользования землей;

б) охранение естественных богатств земли от истощения и принятие мер к их увеличению.

§ 6. Допускаются следующие виды пользования землей, ее водами и недрами:

а) для общественного хозяйства: высшей государственной властью и органами местного самоуправления, организующими и ведущими на земле, в ее водах и недрах общественно необходимые, общеполезные предприятия государственного и местного общественного значения (общественное пользование);

б) для частнотрудовых хозяйств: лицами, семьями и группами их (товариществами и артелями), ведущими промыслы личным трудом (частнотрудовое пользование);

в) для поселений и строений:

1) лицами, живущими доходом от сдачи строений в наем и от торговых и промышленных предприятий с наемными рабочими (капиталистическое пользование), и

2) лицами, пользующимися усадебными участками под дома и хозяйственные постройки для собственного жительства и для торговых и промышленных предприятий без наемных рабочих.

Никакое иное пользование землями, водами и недрами, кроме указанного в этой (6) статье[301], не допускается.

§ 7. Основные правила общественного пользования:

а) государство и все органы местного самоуправления имеют право особыми постановлениями соответственных представительных собраний обращать необходимые площади земли под общественное пользование в целях:

1) охранения общественных богатств земли от истощения и принятия мер к их увеличению (оросительные, осушительные и обводнительные сооружения, защитные лесонасаждения, укрепление песков и т. п.);

2) эксплуатации более крупных богатств земли и обращения на общественные нужды доходов от них;

3) устройства опытных и показательных полей, а также для санитарных, благотворительных, образовательных и других общеполезных целей;

4) установление более целесообразных форм хозяйства;

б) Основным законом устанавливаются правила об отпуске (на льготных условиях, по заготовительной цене или бесплатно) добываемых государством и органами местного самоуправления продуктов трудовому населению в размере личного потребления наряду с продажей их на коммерческих основаниях всем желающим;

в) особым законом устанавливаются правила об организации труда в государственных и общественных предприятиях, на основе предоставления работающим в них широких прав по управлению предприятиями.

§ 8. Нормы частнотрудового землепользования:

а) максимальной нормой наделения является трудовая норма, выше которой никому не может быть отведено земли; отступления от этого правила допускаются лишь в случае особо неблагоприятного семейного состава (перевес едоков над работниками) или временной убыли рабочей силы;

б) минимальной нормой наделения является потребительная норма, основанная на определении нормального бюджета рабочей семьи, принимая во внимание гигиенический минимум личных потребностей и основных расходов на поддержание и развитие хозяйства (по расчету на 1 душу населения);

в) максимальная норма служит пределом для отрезок земли у многоземельных пользователей;

г) минимальная норма служит для первоначального отвода земли малоземельным и безземельным;

д) на основе учета населения, числа соискателей общественной земли и ее доходности устанавливается средняя или общегражданская норма, которая служит для дальнейшего регулирования уравнительности землепользования;

е) выработка на указанных выше основах проектов местных норм землепользования, применительно к различным видам сельскохозяйственных культур (земледелие, садоводство, огородничество и т. п.) и господствующим системам хозяйства, предоставляется органам мест-

ного самоуправления; проекты эти рассматриваются и утверждаются в общем законодательном порядке.

Примечание. В том же порядке по мере надобности совершается и пересмотр этих норм.

§ 9. Правила частнотрудового землепользования:

а) за отвод общественной земля в частнотрудовое пользование не может быть взимаемо никакой платы, ни в виде поземельного налога, ни в виде аренды. Обложению могут подлежать лишь излишки земли сверх принятой нормы или чрезвычайные доходы, обусловливаемые особыми качествами почвы или иными преимуществами данного участка (дифференциальная рента);

б) земля может быть отводима в пользование:

1) отдельным лицам или семьям — подворными участками;

2) земельным товариществам, уравнительно между собою ее распределяющим;

3) артелям, совместно ведущим промысел и уравнительно делящим продукт его.

Примечание. Ни один из органов самоуправления не может ставить препятствий образованию артелей и земельных товариществ или устанавливать преимущества для подворных пользователей.

в) уравнительность землепользования между отдельными общинами или другими территориальными самоуправляющимися единицами устанавливают по принадлежности соответственные органы местного самоуправления и высшая государственная власть:

1) путем обложения излишков земли сверх принятой нормы в размерах чистого дохода от них, при обязательном употреблении собранных таким образом средств на землеустройство малоземельных семей и общин;

2) путем расселения и переселения;

3) в случае недостаточности этих мер, путем изменения земельных границ;

г) особыми законами устанавливаются основные положения для переделов земли, а высшим органом самоуправления доставляется на основе этих положений и в применение их издавать обязательные постановления и правила, их обеспечивающие:

1) необходимую, по местным условиям культуры, длительность пользования участком;

2) вознаграждение пользователей при переходах из рук в руки наделов или частей наделов, за неиспользованные улучшения, произведенные затратами их труда и капитала;

д) общим уравнительным распределением земли между лицами, семьями и группами их заведует низшая инстанция местного самоуправления, под контролем высших инстанций и при соблюдении общих норм земельного закона;

е) каждый гражданин, желающий приложить свой труд к земле и не достигший этого путем соглашения с отдельными общинами, земельными товариществами или артелями, имеет право обращаться в землеустроительные учреждения местных самоуправлений и государства, которые обязаны:

1) или поместить его на землях одной из многочисленных общин в порядке, указанном особым законом,

2) или отвести ему надел из запасного земельного фонда той или другой более крупной территориальной самоуправляющейся единицы,

3) или устроить его в одном из общественных предприятий по обработке земли.

Примечание. Особым законом устанавливается порядок отобрания наделов или отказ в их отведении в случаях, того требующих, а равно и порядок юридической защиты своих прав лицами, считающими эти права нарушенными.

ж) сроки и способы уравнительных переделов земли или ее продуктов внутри земельных товариществ и артелей устанавливаются ими самими при соблюдении общих норм земельного закона;

з) всякая частная передача земли между отдельными пользователями (лицами, семьями, земельными товариществами и артелями) допускается не иначе, как с согласия общины и при соблюдении общих норм земельного закона. Частнотрудовые пользователи, при оставлении занятия земледелием, сдают пользуемые участки в распоряжение общины, причем в течение сроков, особо законом для разных местностей и промыслов устанавливаемых, сохраняют за собой право на пользование землей в данной общине, по истечении же таковых сроков сохраняют лишь общее право на наделение землей каждого гражданина;

и) особым законом устанавливаются правила кредита трудовым пользователям землей для приобретения ими необходимых средств и улучшений промыслов;

к) на основании особого закона, в виде всеобщего обязательного страхования или в какой-либо иной форме, возмещаются потери трудовых пользователей землей от всякого рода хозяйственных бедствий (пожаров, неурожаев, падежей скота, потери трудоспособности и т. п.).

§ 10. На основаниях, однородных с изложенными в § 8, устанавливаются правила частнотрудового пользования недрами, водами, лесами и другими промысловыми угодиями.

§ 11. Основные правила пользования землею для поселения, построек и сооружений:

а) усадебные участки под всякого рода постройки и сооружения отводятся согласно с правилами, устанавливаемыми государством и органами местного самоуправления;

б) всякие постройки и сооружения в случае, когда это требуется общественными нуждами, могут быть отчуждаемы государством и органами местного самоуправления в порядке, определяемом особым законом.

Порядок введения основных положений земельного закона

I. Меры подготовительные к введению закона и регулирующие земельные отношения впредь до его введения

§ 1. а) Отменяются все указы о земле и пользовании ею, изданные в порядке ст. 87 основных законов, а равно ст. 36 Общ. Пол. о крестьянах;

б) приостанавливается деятельность Крестьянского и Дворянского земельных банков, землеустроительных комиссий и других действующих органов землеустройства;

в) приостанавливается передвижение земельной собственности путем купли-продажи и дарения.

§ 2. Впредь до реорганизации местного самоуправления на основе территориальности и всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосов, и в целях землеустройства переходного времени организуются местные земельные комитеты — волостные, уездные, губернские и областные на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права.

Примечание. Разграничение областей сообразно основным особенностям их в сельском отношении совершается в законодательном порядке.

§ 3. Земельный комитет каждой волости состоит в равном числе из членов, избранных данной волостью, и членов, избранных волостями пограничными.

§ 4. Земельный комитет уезда составляется в равном числе из представителей данного уезда и представителей всех других уездов губернии, вместе взятых.

§ 5. Земельный комитет губернии составляется в равном числе из представителей данной губернии и представителей всех остальных губерний области, вместе взятых.

§ 6. Земельный комитет области состоит в равном числе из представителей области и представителей всех остальных областей, вместе взятых.

§ 7. Земельными комитетами, сообразно местным особенностям и условиям, составляются проекты:

а) границ самоуправляющихся территориальных единиц;

б) норм трудового землепользования и

в) отвода наделов.

§ 8. В целях, определяемых предыдущей статьей, производится подробный учет населения и всех земельных и промысловых угодий и разрабатываемых недр и их оценка.

§ 9. Всякое распоряжение землей с ее недрами и водами, во всех его видах и формах, со стороны уделов, кабинета, церквей и монастырей немедленно прекращается и заведование ею передается земельным комитетам, в их же непосредственное заведование передаются и казенные оброчные статьи.

§ 10. Распределение этих угодий между более мелкими местными земельными комитетами совершается под контролем соответствующих более крупных и высших земельных комитетов, причем за высшими комитетами остается право оставлять в своем непосредственном заведовании угодья более широкого местно-общественного значения.

§ 11. Земельным комитетам предоставляется право принимать меры к охране как всех земельных, с водами и недрами, имуществ, так и интересов трудового населения, регулировать взаимные отношения между владельцами земли и ее трудовыми пользователями, устанавливать размеры временного землепользования, нормировать условия аренды и наемного труда и т. п.

§ 12. Земли городов, земств, общественных, просветительных и благотворительных учреждений, инородческие и казачьи остаются во временном распоряжении их теперешних владельцев под контролем государственной власти и земельных комитетов, на особо устанавливаемых ими правилах, обеспечивающих общественные интересы и нужды трудового населения.

II. Меры по введению закона

§ 1. За прежними владельцами и пользователями — отдельными лицами, товариществами, общинами и артелями — по их желанию, в размере, не превышающем принятой для каждой данной местности трудовой нормы, оставляются в пользование земли, промысловые угодья и разрабатываемые недра:

а) принадлежащие им на праве собственности;

б) надельные и

в) находившиеся в их арендном пользовании.

Примечание. Предоставляется при этом органам местного самоуправления производить обмен угодий и изменение границ.

§ 2. Все остальные, с их водами и недрами, земли отчуждаются без выкупа и обращаются для организации государственного и общественного на них хозяйства и обеспечения ими трудового пользования малоземельных и безземельных.

§ 3. В первую очередь устраиваются местные малоземельные пользователи, затем безземельная часть местного земледельческого населения (батраки, бесхозяйные и т. п.), затем местное земледельческое население и, наконец, уже, если позволяет запас земли, пришлые.

§ 4. В местностях с господствующим подворным хозяйством прежние подворные владельцы превращаются в подворных пользователей, в смысле разд. 1, п. б, § 9 Основн. Пол. Зем. Зак.[302], со всеми, вытекающими отсюда, последствиями.

§ 5. В местностях с общинным хозяйством:

а) в тех случаях, когда территориальная община по составу населения приблизительно совпадает с бывшей владенной общиной, они сливаются, причем права и обязанности последней переносят на первую;

б) в тех случаях, когда территориальная община охватывает две или несколько бывших владенных общин, им предоставляется или образо-

вать одну общину и слиться с общиной территориальной, или перейти на положение земельного товарищества, в смысле разд. 1, п. б, § 9 Основн. Пол. Зем. Зак., со всеми, вытекающими отсюда, последствиями;

в) что касается сложных (волостных) общин, где таковые встречаются, то на тех же основаниях происходит их слияние или урегулирование отношений с соответственно высшим территориальным органом самоуправления.

§ 6. Особыми законоположениями определяется порядок введения закона на землях инородческих и казачьих.

§ 7. Земли благотворительных и просветительных учреждений, поскольку они служат только для извлечения из них дохода, необходимого на содержание этих учреждений, обращаются для наделения малоземельного и безземельного населения, с возмещением путем денежных ассигнований; остальные же могут быть оставлены в их пользовании в размерах и на условиях, определяемых органами местного самоуправления.

§ 8. Городские земли, поскольку они служат непосредственно потребностям городского населения (как выгонные земли или как места для поселения, построек и сооружений), оставляются в их заведовании и, в случае надобности, увеличиваются; земли же, служащие чисто хозяйственным целям, переходят в заведование подлежащих территориальных общин или более крупных органов местного самоуправления.

§ 9. Все имеющие общегосударственное или крупное местное значение леса, воды и недра поступают в непосредственное заведование государства и органов местного самоуправления, причем они могут быть временно оставляемы в пользование их прежних владельцев и пользователей на условиях, определяемых государственной властью или органами местного самоуправления, заботящихся об охране как ценности сдаваемых в частное пользование недр и вод, так и здоровья и труда работающего по эксплуатации их населения.

§ 10. Все сооружения и постройки, возведенные на усадебных землях, остаются за теперешними их собственниками и владельцами, но за государством и органами местного самоуправления сохраняется право на их отчуждение в общественных или государственных целях, порядок производства которого должен определяться специальными правилами, утвержденными в общем законодательном порядке.

ПРОЕКТ ГЛАВНЫХ ОСНОВАНИЙ НАДЕЛЕНИЯ БЕЗЗЕМЕЛЬНЫХ И МАЛОЗЕМЕЛЬНЫХ КРЕСТЬЯН ЗЕМЛЕЮ

«А»

1) Земельное законодательство должно стремиться к тому, чтобы всякий, желающий заниматься земледелием, имел землю в количестве, необходимом для удовлетворения потребительных нужд его семьи.

2) Для этой цели в законодательном порядке должен быть образован государственный земельный фонд, в который обращаются земли казенные, удельные и кабинетские, а по справедливой оценке на местах — земли монастырские за исключением тех, на которых ведется собственное хозяйство монастырей и которые служат единственным источником их существования.

Если в данной местности окажется недостаточно земли для наделения всего безземельного и малоземельного населения в установленном законом размере, то передаются для этой цели в государственный земельный фонд и земли частновладельческие по справедливой оценке — как не обрабатываемые, так и сдаваемые в аренду или за часть урожая, за исключением земель, необходимых для ведения собственного культурного хозяйства, фабрики или завода.

3) Все земли, на которые не распространяется действие ст. 2, если они поступят в продажу, должны приобретаться государством в государственный земельный фонд по справедливой оценке на местах для передачи на льготных условиях безземельным и малоземельным. Продажа земли частным лицам воспрещается.

4) Вознаграждение за переданные в государственный земельный фондземли производится в установленном законом порядке путем выдачи владельцам наличных денег и %% [процентных] бумаг на сумму, соответствующую стоимости земли по местной справедливой оценке.

5) Долги, лежащие на землях, передаваемых в государственный земельный фонд, переводятся на государственное хозяйство.

6) Для возмещения части предстоящих государству расходов при проведении земельной реформы необходимо ввести прогрессивный налог на земли.

«Б»

1) Наделение безземельных и малоземельных землею производится по нормам, установленным на местах учреждениями, ведающими землеустройством и утвержденными в законодательном порядке.

2) Крестьяне, не получившие земельных наделов при освобождении в 1861 году, как, напр[имер], дворовые, семьи Николаевских солдат[303] и другие, имеют преимущественное право получить надел из земель тех владельцев, у которых они находились в крепостной зависимости, если эти владельцы сохранили за собой землю.

3) При наделении землей до известной нормы местное земледельческое население имеет преимущество перед пришлым и безземельное перед малоземельным той же местности.

4) Если в данной местности не хватит земли для наделения всего безземельного и малоземельного населения в установленном законом размере, то земледельцам, имеющим менее определенной нормы, предоставляется право переселиться за счет государства в те местности империи, где имеется избыток пригодной для земледелия земли.

5) Наделение переселенцев из другой местности производится в том случае, если за наделением местного земледельческого населения по известной норме остался избыток.

6) Земледельцам, наделенным землей, но не имеющим достаточных средств для обзаведения всем необходимым для хозяйства, должна быть оказываема помощь в виде долгосрочных ссуд из государственного казначейства.

«В»

1) Проведение земельной реформы относится к ведомству Главного управления земледелия и землеустройства.

2) Для подготовительных действий и проведения земельной реформы надлежит издать закон об избрании местных земельных учреждений всем населением данной местности.

3) Местные земельные учреждения избираются для каждой губернии и уезда или части его, если уезд по своим условиям не однороден.

4) На обязанности местных земельных учреждений должны лежать:

а) приведение в известность количества и распределения земли, а также численности и состава нуждающегося в земле населения и другие исследования, необходимые для проведения земельной реформы применительно к местным условиям;

б) определение количества частновладельческих земель, подлежащих передаче на основании настоящего закона в государственный земельный фонд, и оценка этих земель;

в) установление размера земельного обеспечения, необходимого для удовлетворения насущных нужд каждой семьи.

ОБ УЛУЧШЕНИИ И УВЕЛИЧЕНИИ КРЕСТЬЯНСКОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ

Основные положения

1) Установить прогрессивный, по средней стоимости земли, налог на земли: частновладельческие, монастырские, церковные и прочие в таких нормах, которые, не разрушая тяжестью своего обложения культурных хозяйств, служили бы побуждением к поднятию производительности земель, плохо обрабатываемых или совершенно праздно лежащих, и способствовали более равномерному распределению налогового бремени.

2) Воспретить частным лицам покупать землю свыше установленных законом норм, необходимых для ведения культурного хозяйства, применительно к климатическим и почвенным условиям той или иной местности империи.

3) Нормировать отношения между владельцами земель и их арендаторами, а для этого:

а) воспретить лицам, не занимающимся сельским хозяйством, арендовать земли с целью спекуляции, и б) принять меры к установлению нормальных арендных цен, в настоящее время искусственно повышенных.

4) Предоставить землеустроительным комиссиям при посредстве Крестьянского банка право земли, находящиеся в долгосрочной аренде, на которых владелец не ведет собственного хозяйства, приобретать по соглашению с владельцем, а если такового не последует, то по средней рыночной цене, для тех малоземельных и безземельных крестьян, которые ею пользовались как арендаторы, причем все такие случаи должны восходить на утверждение законодательных учреждений.

5) Пересмотреть и видоизменить закон о выморочных имуществах в целях увеличения крестьянского землевладения.

6) Принять все меры к скорейшему и наилучшему разрешению переселенческого дела.

7) Реорганизовать деятельность Крестьянского банка и землеустроительных комиссий в целях исключительного их служения нуждам безземельного и малоземельного крестьянского населения, а для сего: а) в ссудах на покупку земель понизить процентное взыскание на

1 %[304] с отнесением на общегосударственные средства разницы между взысканием банка и его обязательствами; б) открыть населению дешевый кредит для развития сельского хозяйства и в) вменить в обязанность землеустроительным комиссиям, чтобы они при помощи банка предоставляли безземельным крестьянам и мещанам, занимающимся земледелием, и малоземельным участки по установленным нормальным ценам; малоземельным — дополнительные.

Еп. Митрофан
ИЗ РЕЧИ НА ЗАСЕДАНИИ III ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ 23 октября 1908 г.

<...> Фракция правых поручила мне, не предрешая частных постановлений трактуемого законопроекта, относительно которых могут быть у отдельных ее членов свои особые мнения, высказать ее общее принципиальное отношение к общине и к праву выхода из нее на основании закона 9 ноября 1906 г. Несомненно, община есть изначальное явление в нашей истории; она была основной формой общежития в древней Руси. Известны также и права, которые принадлежали общине: она судила, как судья, делала постановления, обязательные для всех членов ее; короче — без нее не начиналось и не заканчивалось ни одно дело не только общественное, но, большей частью, и частное. Каждый гражданин земли прежде всего мыслил себя членом общины и в союзе ее получал для себя опору и силу. Такое явление объясняется теми особыми условиями, которые переживало еще молодое нарождающееся Российское государство, вынужденное вести постоянную, упорную борьбу с враждебными соседними племенами, постоянно опасаясь их грабительских набегов. Опасность сближает людей и роднит их между собой. Таким образом, община на Руси явилась самой лучшей школой для выработки чувств взаимопомощи, солидарности и братства. Для людей же, являющихся в качестве учителей и руководителей народа, община удобна и в том отношении, что она дает им возможность в более широком масштабе развить свое просветительное влияние на народ, так как при ней можно влиять сразу на целые массы, а не иметь дела только с отдельными личностями. В этом, несомненно, моральное преимущество общины. Но, имея в виду, что это преимущество в последнее время так хорошо усчитано и использовано людьми, которые, вытесняя природных учителей народа, стараются сеять смуту

среди них, прививать к ним чувства ненависти, зависти и мщения, надо признать, что сила этого аргумента в пользу общины потеряла значительную долю своей убедительности.

Надо помнить также и то, что жизнь, ведь, не стоит, а развивается, и притом в направлении все большей и большей индивидуальности личности. Это основной закон развития и его едва ли будут оспаривать те, которые считают себя преимущественными защитниками прогресса. Опасность, некогда угрожавшая обществу и государству, с течением времени препобеждается и заменяется более или менее спокойным существованием, дающим возможность проявиться в самых разнообразных формах индивидуальной жизни людей. Вот почему, когда на Западе достигли известной степени развития, то там общинная форма владения должна была уступить место новой, завести которую наступил теперь черед и для России. В такой замене, несомненно, в значительной степени лежит объяснение и основание того благополучия, которым пользуются западноевропейские народы. Мы не защитники многих западноевропейских новшеств, но мы говорим, что все то, что полезно, необходимо заимствовать и тому учиться у каждого народа, где бы это ни встретилось. Одним таким полезным нужно признать устройство нового быта крестьян наших по образцу западноевропейских фермеров, прочно обсевших на своих отдельных участках. Тогда, несомненно, прекратятся и те нарекания и обвинения, которые слышатся по адресу нашего крестьянства, обвинения его в лености, в грубости обработки той земли, которая питает и кормит его. Он тогда будет знать, что труд его не пропадет бесследно, что если не он сам, то его дети пожнут благодатные плоды его усердия. Полюбя же свое, он научится ценить и чужое, и того, поразительно безразличного, отношения к чужой собственности, которое наблюдается в настоящее время и которое не может не возмущать людей с мало-мальски развитым нравственным чувством, у нас не будет.

Такие мои оптимистические чаяния отнюдь не основываются на априорном соображении: они плод и результат моих посильных наблюдений над явлениями современной жизни. Могилевская губерния, депутатом от которой я состою, является одной из тех губерний, которые давно начали заводить у себя так называемые теперь подворные хозяйства. Там, несколько раньше издания закона 9 ноября, появились и поселились по большей части на незначительных мелких участках латыши, выходцы из Остзейского края[305]. Они то и явились проводни-

ками западной культуры по части обработки полей. Белорусы, видя как на тех же тощих полях у соседей получается прекрасный, обильный урожай, не могли не оценить преимуществ этой новой формы землеустройства. И вполне, поэтому, естественно было, что когда вышел закон 9 ноября, давший возможность белорусам освободиться от стеснительных оков общины, они охотно начали заводить это подворное или хуторское хозяйство. Летом, во время поездок по епархии, я имел нарочную цель заняться этим новым явлением и по возможности изучить его. Мои собственные наблюдения и показания самих новоселов сходятся в том, что эта форма землеустройства в высшей степени желательна и что в ее развитии, несомненно, лежит зародыш разрешения переживаемого нами тяжелого земельного кризиса. То воодушевление, то усердие, с которым новоселы приступили к устройству нового для себя быта, уже показывает, что люди нашли для себя истинную цель и сознательно стремятся к ее осуществлению. Какой-либо тупости, лености и апатии среди них места нет. Там каждый, от мала до велика, работает над своим трудом[306], который радует его и воодушевляет. Ясно, что люди приступили к устройству прочного гнезда.

Самая постройка носит у них иной вид и характер: вместо прежних тесных помещений они теперь начинают расстраиваться широко, с большим удобством. Отрадное впечатление производит и то, что возле каждого дома новоселов уже имеется или оставляется место для сада; поля или огораживаются или окапываются. Сами новоселы свидетельствуют, что они уже интересуются, а многие из них завели способы лучшего удобрения полей, о чем нельзя было и мечтать при общинном владении. Настроение этих новоселов в высшей степени бодрое, они смело и уверенно взирают на будущее; они знают, что оно, при содействии Божием, в значительной степени зависит от их личного труда и энергии, а это, конечно, не может быть незамеченным и неоцененным теми, которые еще остались при общинном владении, и симпатии к новой форме землеустройства все более и более возрастают. Можно с уверенностью сказать, что не пройдет 2–3 года, и вся губерния будет готова перейти на это хуторское владение, как уже более половины соседней Витебской губернии перешло к нему. Но тут необходимо сказать и о тех затруднениях, которые тормозят дело. Они коренятся в недостатке, а подчас и в полном отсутствии подсобного кредита, который необходим, прежде всего, на перенос старых строений на новое место. Без пособия крестьянин не может

сняться со своего хотя и убогого, но все же насиженного им места; еще труднее будет ему на этом новом месте завести новые порядки: вырыть колодцы, устроить канавы и т. п. Посему открытие кредита для этих новоселов нужно практиковать в самых широких размерах. Государство не должно бояться затрат на этот предмет: оно должно быть уверено, что оно самым рациональным образом использует свои государственные ресурсы; что, говоря образно, оно засевает благодатную ниву, которая принесет скоро обильный урожай в виде улучшения народного достатка.

Сводя к единству все сказанное, фракция правых приходит к тому выводу, что закон 9 ноября в высшей степени благодетелен для русского народа и поэтому нужно желать всяческого его применения.

<...> Считаю нужным оговориться, что мы отнюдь не думаем и не говорим о разрушении общины. Как явление исторически сложившееся — пусть она существует, и насильственно, искусственно уничтожать ее, конечно, не следует. Мы рассуждаем так: если новая форма землеустройства жизненна, — а она, несомненно, такова, — то она сама собою, в силу внутреннего превосходства, вытеснит прежнюю, отжившую форму. Если же общинное владение есть пережиток, то оно само собой должно уступить новому течению и отойти в область преданий. Но если при всем том в некоторых местах, по крайней мере, в тех, где земледелие не составляет единственного промысла, община все-таки сохранилась, то, конечно, не следует посягать на ее целость и ее существование. Итак, основная наша точка зрения на трактуемый предмет, говоря кратко, словами заключительными, такова: не разрушая общины, всячески содействовать выходу из нее там, где к этому обнаруживается какое-либо стремление со стороны ли отдельных лиц или целых обществ.

А. Е. Кропотов

ИЗ РЕЧИ НА ЗАСЕДАНИИ III ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ 23 октября 1908 г.

<...> Как наши обычаи, так и писаные законы, все стояли на том, что общество[307] распоряжается землей, и вся тягость была положена на общество. Также и в настоящее время смотрят у нас на эту землю, и такое право отнять было [бы] крайне несправедливо, когда все тягости несло общество, а благо отдать в отдельные руки, т. е. отдельным лицам. И вот мои

избиратели мне говорили о том, что закон 9 ноября — это помещичий закон, который делает из крестьян деревенских кулаков — помещиков, а из бедняков — батраков, вечно голодных работников. Таково отношение моих избирателей к закону 9 ноября. Мои избиратели задавали такие вопросы: «отчего это делается насильственно, почему это делается без согласия общества, зачем наши земли отданы в распоряжение земских начальников, почему не слушают нашего голоса, а запрещают нам говорить под страхом высылки за пределы губернии о том, что этот закон нехорош». Говорили мне избиратели: «разве мы сами не справимся с благом, когда мы умели справляться с тягостью». Наказывали мне избиратели: «скажи ты в Государственной думе, что так больше нельзя жить, что этот закон восстанавливает нас друг против друга, заставляет душить друг друга, а усиленные охраны способствуют этому душению». <...> Ведь нельзя же, господа, оставлять бедных людей без денег и без земли, а этих бедных людей найдется очень и очень много; их найдутся целые миллионы, но обезземелила их не община, а обезземелили их тяжелые прямые и косвенные налоги, как я уже вам сказал. За землю у них продавали имущество, за землю садили в кутузку, за землю пороли розгами, т. е. за невзнос податей; затем у них отняли землю совсем. И вот уже в новом законе мы видим, что крестьянин лишается даже права хлопотать об этой земле, чтобы приобрести эту землю.

<...> Закон может быть построен на том основании или за основание его может быть принято то, что кто тяжесть нес, должен получить и землю за эту понесенную тяжесть. Господа, в нашей местности применение указа 9 ноября можно делить на 4 разряда. Первый разряд — это люди, которые с жадностью набросятся на общественные земли, так как для них очень важно и интересно получить окупленные обществом земли в то время, когда они не будут платить за нее ни копейки, да и получали ее зачастую в то время, когда земля была благом. Это люди многоземельные и малосемейные — это будет первый разряд, люди, которых, я думаю, будет далеко меньше, чем одна четвертая часть. Второй разряд — это люди, для которых не особенно обиден указ 9 ноября, не вреден и не полезен, иначе сказать, для них все равно — будет или не будет указ, у них все равно не прибудет и не убудет земли; они согласны остаться в обществе. Затем указом 9 ноября пользуются люди, так сказать, слабые духом или увлекшиеся теми благами, которые рисуются им в Сибири. Вот эти люди закрепляют землю и продают ее тем людям, которые закрепили большее

количество земли. Этим путем и составляются деревенские помещики; в законе 9 ноября нет ограничения. Но, господа, бывают такие случаи: отец продаст землю, а сыновья что же должны делать? Указ 9 ноября признает домохозяином одного в семье, но нужно иметь в виду, что закон 9 ноября переходит сейчас от такого пользования, что в крестьянской семье люди жили сообща, по нескольку человек вместе. И вот получается такая картина: отец, закрепивший землю, землю данную, потому что он имел сыновей, т. е. полученную на сыновей землю, так как до передела у него была одна душа, а при втором переделе, когда у него было пять сыновей, ему дали [на] пять душ, и [на] эти пять душ закон позволяет домохозяину закрепить в свою личную собственность не только землю, но даже усадьбу. Другие и закрепили. А что же должны делать сыновья, у которых тоже есть свои семейства, которые привыкли жить только общим хозяйством, если отец продаст эту землю, что будут делать его дети? Закон этот уничтожает общину. Еп. Митрофан говорит: пусть останется так: где община крепка, где община желательна, то пусть она там и останется. Но на деле выходит не так; выходит, именно, потому не так, что в самом законе приняты к этому меры, чтобы как можно скорее разбилась община, хотя в мотивах[308] его говорится также о желательности сохранения общины. Я уже сказал, когда есть возможность урвать от земли даром большой клочок общественной земли, то каждый постарается его урвать, что же останется из общины? Какая останется крепость в общине, если, например, выделятся те, кому земли много досталось, и, следовательно, останутся лишь такие люди, люди второго разряда, как я говорил, у которых земли сравнительно безобидно. Но, когда они увидят, что по существующему закону каждый домохозяин имеет право требовать земли от общества за то, что он платил подати и налоги, то ведь нельзя же отрицать, что он имеет право на эту землю, когда он был в отлучке; но, когда он увидит, что такие требования будут предъявлены к обществу, то выделится и второй разряд. Тогда в третьем разряде что же получится? А в третьем разряде окажутся совершенно малоземельные, а в четвертом — безземельные. Что вы с ними будете делать? Конечно, может быть, помещикам интересно наделать безземельных и малоземельных; рабочие руки будут дешевле.

<...> Указу 9 ноября вторая Дума приготовила отмену, и эту Думу распустили. Следовательно, все дело в том, чтобы вознаградить помещиков. Вот как смотрят у нас на это дело. Так, господа в земельной комиссии

много говорили, что этого требует важность государственная, что этого требует культура. Но, господа, требует ли государственная важность — так выходит — отнять у крестьянина последнюю десятину. Ведь взять в расчет, так у крестьян только по одной десятине земли на человека, потому что 100 000 000 крестьян и 100 000 000 десятин земли, а если взять в отдельности, то даже еще меньше — три четверти. Так почему же государственная важность требует отнять у бедного последний кусок и отдать, как я выразился, тем, которые сумели по существующему же закону, писанному правительством, случайно удержать за собою эту землю. Не требует ли государственная важность, так сказать, заставить обрабатывать земли, праздно лежащие: помещичьи, казенные, удельные, монастырские, которым действительно завидуют иностранцы, и, пожалуй, не хитро — нам опять объявят войну за эти земли. Вот за эту землю крестьянин льет свою кровь, за одну десятину. Если подвести итог — сколько крестьянин несет за эту землю налогов и тягостей, то получится такая картина: за одну десятину каждому человеку приходится, пожалуй, вот что платить: ежегодно выкупной долг платили около 1 р. за десятину, мирского и земского капитала платили около 1 р. за десятину, натуральных повинностей, отбывание духовенства около 1 р. за десятину, воинская повинность, если рассчитать, будет стоить тоже около 1 р.; косвенных налогов, если распределить по числу лиц, то получится 7 р. 50 к. Следовательно, с крестьянина идет 11 р. 50 к. с десятины, и, если, господа, быть справедливым и обложить этим налогом в равной мере всех, то земля окажется действительно у крестьян, тогда не нужно будет принудительного отчуждения. Чтобы быть справедливым, нужно положить единственный равный налог на землю и тогда она окажется у трудящихся масс и тогда будет незавидно — кто не хочет работать, тот не будет и платить, у кого голова варит крепко и шибко, и который получает хорошее жалованье, а тот, кто не умеет головой работать, будет работать руками, будет обрабатывать землю и тогда будет справедливо. Так вот, наша местность смотрит на этот закон так, что он идет вразрез с народными желаниями, как об этом высказывались первая и вторая Государственные думы. Если желать добра крестьянам и умиротворения страны, то не только за этот закон [не] нужно голосовать, а нужно всеми силами стараться отвергнуть этот закон, отвергнуть его нужно даже и тем, которые думают, что нужен свободный выход из общины. Можно выработать такие правила, которые выработает Дума, не спеша, за 2–3 года, которые и будут применяться.

В. А. Бобринский-2
ИЗ РЕЧИ НА ЗАСЕДАНИИ III ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ 29 октября 1908 г.

<...> Мы, т. е. те, представителем которых я в данную минуту являюсь, мы и в законодательных учреждениях, и дома, у себя в деревне, мы открыто поддерживали указ 9 ноября; мы изо всех сил противодействовали тому бойкоту и в земстве, и среди крестьян, который был кадетской партией объявлен как землеустроительным комиссиям, так и закону 9 ноября. На нас лежит onus[309], мы должны доказать, что это было чрезвычайной важности и спешности издание этого закона. Вспомните Россию в то время: положение крестьян казалось безвыходным, урожаи с каждым годом падали, население увеличивалось, крестьянство жило в невозможных экономических условиях. И крестьянство заметалось, оно потеряло голову, и его охватило волнение, отчаяние и растерянность, народ пошел за врагами отечества, и было одно время опасение, и у честных людей это опасение действительно вкралось, что то, что создал уже русский народ тысячелетними усилиями, теперь разрушается, распадается и Россия гибнет. Необходимо было найти выход и найти его спешно и немедленно, и при этом найти верный выход. Надо было дать крестьянству надежду, надо было указать на единственный путь, который может вывести его из того ужасного экономического положения, в котором оно находилось. И если бы правительство этого не сделало, если бы оно не доказало крестьянству, что спасение в его личной собственности, в том, что труд его будет обеспечен и не отнят другими, что оно может поднять урожай своей земли, что оно может довести Россию до такого цветущего состояния, на которое Россия имеет право и по естественным богатствам, и по способности, и по культуре (скажу я в ответ члену Государственный думы Бобянскому[310], по естественной культуре русского народа и по его дарованиям), то правительство поступило бы преступно, преступно перед государем, перед Россией и перед историей. Но, слава Богу, правительство исполнило свой долг; не побоявшись взять на себя ответственность за проведение закона, оно нашло верный путь, а потому мы заявляем, что не было закона более важного, более спешного, чем указ 9 ноября.

<...> Я цифр говорить вам не буду, я буду приводить выводы на основании работ земельной комиссии, которые всегда имеют право

проверить мои товарищи по земельной комиссии. Абсолютная убыль скота в общинной Руси, абсолютная прибыль скота в подворной Руси; в общинной Руси сильно растет процент безлошадных дворов, в подворной процент безлошадных дворов уменьшается; в общинной Руси недоимочность растет до чрезвычайных размеров и доходит по некоторым губерниям до 18 % от оклада, недоимочность в подворной Руси падает и весьма незначительно колеблется от 2 до 5 %; в общинной Руси сильно сокращается средний на душу хлебный сбор, в подворной Руси средний на душу сбор хлеба возрастает; а кому из вас нужно напоминать, сколько миллионов и сотен миллионов рублей приходится тратить России на общинную Русь для прокормления ее в продовольственные годы[311]. В годы освобождения создался при участии лиц — ну, не буду этого касаться, при чьем участии создался Крестьянский союз, — союз, безусловно, попавший под руководство преступных людей, но если бы нужен был крестьянский союз — я понимаю крестьянский союз, — это был бы крестьянский союз западнорусских крестьян, которые домогались бы, чтобы община была уничтожена и у восточных соседей, чтобы западные русские крестьяне, чтобы западная Русь из года в год не принуждена была кормить своих восточных братьев.

<...> А гарантирует ли общество от безземелья? Мы видим, что в подворной Руси процент безземельных крестьян — 20, в общинной Руси — 23,7. Вот вам цифры непреложные, и вы видите, куда ведет нас община, и вы видите, что закон 9 ноября требовался немедленно, нужно было его немедленно ввести.

<...> Поезжайте по хуторам Западной России. Мы видели громадный успех крестьянства, мы видели его громадное, даже скажу прямо, преимущество, большие его способности, большую его подвижность, большую его трудоспособность по сравнению с немцами. Те, которые имели счастье нынешним летом посетить наших братьев-славян, могли видеть, что наши русские крестьяне не менее способны к интенсивному и разумному труду, к быстрому расцвету, чем крестьяне-славяне других государств и других народов. Возьмите Волынь, возьмите Витебскую губ., где белоросы[312], и посмотрите, что у них получилось за эти 10–15 лет, как там начались хутора. Я знаю от наших крестьян-очевидцев, которые туда ездили, какая существует колоссальная разница в достатке, в обработке полей, в жизни, в нравственном облике тех крестьян, которые сидят на хуторах, по сравнению с теми, которые

находятся в общине. Это та же разница, которая отличает свободного человека от раба. Говорят о потравах; о, да, это излюбленный припев на всякий разговор о хуторах. Я помню, когда собралась вторая Дума, когда впервые мы познакомились с крестьянами Западной России и завели разговор по аграрному вопросу, то они отстаивали хутора; они говорили: в хуторах наше спасение; мы это видели, мы это испытали. Когда крестьяне центральных губерний говорили им: что же, вокруг каждого хуторского участка крепость городить? Как же избавимся от потрав? На это был простой ответ крестьян западнорусских губерний: где введено хуторское хозяйство, там волостному суду нет никакого дела; там почти никаких исков и уголовных дел о потраве и покраже не имеется. Каждый имеет свою собственность, а потому уважает собственность других, и все то сутяжничество, которое имеется у нас, есть результат рабского состояния, в котором находятся наши крестьяне в общине. <...>

П. Н. Милюков
ИЗ РЕЧИ НА ЗАСЕДАНИИ III ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ 5 ноября 1908 г.

<...> Господа, перемены в ходе борьбы стоят в самой тесной зависимости от чисто политических взглядов и, прежде всего, от изменения взгляда на роль крестьянства в государственной политике. Вопрос о том, победит тот взгляд или другой, зависит, в последнем счете, вовсе не от агрикультурных соображений, не от соображений, которые могут представить знатоки крестьянского быта, а просто от основного взгляда на то, что представляет из себя, в политическом смысле, крестьянство. Есть ли это, как раньше выражались и пока еще продолжают думать, «консервативная сила»? Или же это есть «коммунисты», которые грозят всей собственности в государстве?..

Я указывал на то, что в самом конце 1905 года и в самом начале 1906 года произошел известный перелом в государственной политике. Идея принудительного отчуждения, усвоенная правительством и вытекавшая из того, что тогда считалось аксиомой — из необходимости расширить площадь землепользования, признавая, что главное зло крестьянской бедноты происходит от безземелья, — вот эта основная аксиома и основное направление круто было изменено: то, что признавалось самым существенным и важным, было отодвинуто на вто-

рой план, а потом постепенно и совсем оставлено в стороне, а вперед выдвинуто стремление превратить крестьянскую надельную собственность в личную и сделать это из политических целей, чтобы смешать права владения крестьянские и дворянские и чтобы крестьяне более не претендовали на наделение их из помещичьих земель.

Я указал, что этот перелом произошел как раз тогда, когда правительство убедилось, что крестьянство не есть такая консервативная сила, какой оно ее считало, и когда оно ознакомилось с настоящими стремлениями и желаниями крестьянства. И вот эта-то перемена подсказана была правительству дворянскими организациями. Я указал также и на то лицо, которое в данном случае является вдохновителем. Я согласен с гр. Уваровым[313], что личность в истории значит не особенно много, но в данном случае роль Гурко[314] оказалась весьма крупной, потому что она совпала с этим моментом и с этими стремлениями целого сословия. Итак, я указал на то лицо, которое выдвинуло новый план политики, и указал на то, что этот план стал планом правительства. У меня просили доказательств, что совершилось это по непосредственной инспирации дворянства. В ответ на этот запрос я и представляю доказательства. У меня в руках находится записка «постоянного совета объединенных дворянских обществ». Эти объединенные дворянские общества имели в течение 1906 г. два съезда — в мае и в ноябре, а в промежутках постоянный совет действовал от имени «объединенного дворянства» — сам, самостоятельно. Первый же из дворянских съездов представил такого рода заявление по аграрному вопросу, которое и является полным усвоением идеи Гурко. В этом заявлении, в «Основных положениях по аграрному вопросу, установленных съездом уполномоченных 29 дворянских обществ», утверждается, что «было бы ошибкою смотреть на расширение площади крестьянского землевладения, как на единственное средство к поднятию благосостояния крестьян»; указывается на то, что «тяжелое положение крестьянского населения главнейшим образом проистекает не от малоземелья, а кроется в условиях современного крестьянского строя, т. е. в общинном землевладении, во внутринадельной чересполосице и в длинноземелье»; далее, что аграрные проекты, представленные для реформы крестьянского землевладения, «сводятся к упразднению частной собственности» сперва на землю, а потом и на «все остальные виды имущества». Таким образом, эти проекты заподозриваются в социализме. Затем указывается, что есть «способ к более полному использованию» и той надельной площади, которая

имеется, что способ этот есть «индивидуализация владения землею», а именно «замена общинной собственности собственностью личною». «Только эта последняя собственность, — по мнению съезда, — является двигателем культуры и единственным залогом прочности гражданского быта». Съезд думает, что нельзя предоставить эволюцию общины, переход ее к индивидуальному строю самим крестьянам и самой общине; нужно употребить меры принудительные. «Следует совершенно отрешиться от мысли, что когда наступит время перехода к другой, более культурной системе хозяйства, то крестьяне перейдут к ней по собственной инициативе».

Какого же рода принудительные меры предлагаются съездом? Предлагают то, что можно считать первым наброском закона 9 ноября. Именно, указывается, что необходимо, — с той же целью, как имел в виду и указ 9 ноября, — именно «в целях открытия широкой возможности переселения» необходимо «открыть крестьянам возможность продажи своих надельных земель на родине». Для этого и для ускоренного перехода из общинной собственности в частную предлагается «в общинах, где с крестьянской реформы или в течение последних 20–30 лет не было ни общих, ни частных переделов, за отдельными домохозяевами закрепить словом закона право существующего владения». Как вы видите, это точное содержание не только указа 9 ноября, но указа в той его форме, как вынесла его сюда земельная комиссия. Другими словами, наша земельная комиссия точнее выражает дворянские требования, чем даже проект, внесенный правительством. Далее указывается, что «в остальных общинах за отдельными домохозяевами должно быть признано право выхода из общинного владения *с укреплением в личную собственность* состоящей в фактическом пользовании общинной земли», т. е. указывается другая основная черта, которая представляет в указе 9 ноября существенную новость, то именно, что составляет ломку земельного строя с нашей точки зрения. «Такое укрепление общинной земли в личную собственность», говорится дальше, «не должно быть обусловливаемо непременным сведением чересполосных участков в один или несколько отрубов». Таким образом, в том, что я прочел, имеется точное воспроизведение основных идей, составляющих новость в указе 9 ноября, сравнительно с предыдущим земельным законодательством.

Итак, я считаю, что теперь уже никто не скажет, что мною не доказана роль организованного и «объединенного» дворянства в про-

диктовании правительству указа 9 ноября. Этот же самый съезд и его постоянный совет покажут нам и нечто другое. Они покажут нам, что тогда же намечалась и та форма, в которой непременно придется издать указ 9 ноября — именно в форме «меры» по ст. 87. Это предусмотрено съездом в том смысле, что съезд вообще признавал, что пока будет действовать существующий избирательный закон, до тех пор в аграрном вопросе ничего не поделаешь в Государственной думе. Съезд признал, что «так как от состава Государственной думы в значительной степени зависит и все будущее страны [...] то вопрос об изменении избирательного закона является первостепенным вопросом современной государственной жизни». Указывалось, в чем состоят «отрицательные стороны» старого закона: в том, что «привилегия создана в пользу одного крестьянского сословия», что «мера обязательного представительства от крестьян, введенная прежним правительством в законе 6 августа[315] в целях обеспечения в будущем влияния правительства на деятельность Думы, эта мера обратилась против самого же правительства, ибо крестьяне оказались исключительно под влиянием элементов противогосударственных», «при этом, конечно», говорится далее, «страдают интересы землевладения; между тем, частное землевладение есть, несомненно, тот сильный фактор, без которого народное богатство не может развиваться». И вот, в виду всего этого, так как «Дума, созданная по действующему закону, очевидно, не пожелает его изменять, а потому реформы его в нормальном порядке ожидать нельзя, то лучше всего было бы коренным образом, немедленно, не дожидаясь созыва новой Думы, изменить избирательный закон. Для сего можно было бы смело пожертвовать формальными соображениями, т. е. поступить даже вопреки законам Основным».

Итак, меня никто не будет упрекать теперь в недоказанности моих утверждений, если я скажу, что «объединенное дворянство» посоветовало правительству принять и ту самую меру, в результате которой указ 9 ноября пришлось издать в порядке ст. 87.

<...> В истории идей о земельной реформе борются две точки зрения — одна, которую я назвал частноправовой, и другая, которую я назвал государственно-правовой. Я показал, как эволюционировала та и другая идеи. Вы видели, как правительство, даже перейдя на точку зрения дворянскую, тем не менее не решилось отказаться вполне от точки зрения государственно-правовой, и как, таким образом, и в первой Думе, и позднее мы имеем дело, собственно, не с чистой

программой Гурко и Пестржецкого[316], словами которого составлен доклад, мною прочитанный, а с точкой зрения старогосударственной, которую я характеризовал именем Горемыкина[317]. Я говорил о смешанной гурко-горемыкинской программе, дальнейшая эволюция которой и приводит нас к настоящему времени и к тому докладу, который прочитан здесь докладчиком. Смысл этого последнего момента и состоит во внутренней борьбе тех же двух тенденций, причем чистая частноправовая тенденция опять является тенденцией дворянской, а тенденция государственно-правовая продолжает защищаться правительством. Я именно считаю долгом подчеркнуть, что здесь происходит эта внутренняя борьба, и что оба течения явственно различаются даже в эту минуту, когда я здесь говорю. Если вы сравните доклад, предложенный нам докладчиком земельной комиссии[318], с заявлениями правительства, как здесь нами выслушанными от товарища министра[319], так и сделанными в его объяснительной записке к проекту Положения о крестьянском землевладении, то вы явственно увидите обе эти тенденции в постоянной и непрерывной внутренней борьбе. Иногда, если угодно, тут нет безусловного противоречия, но всегда это разные и легкоразличимые оттенки. Так, например, докладчик утверждает, что «имущественные права крестьян определялись различно во время действия выкупной операции и после ее окончания. Цель этого утверждения ясна: очевидно, докладчик, как он и говорил нам, надеется на полное восстановление частного права на надельную собственность после окончания выкупной операции. А товарищ министра говорил еще в совещании 1905 г., что «невозможно связывать с прекращением выкупной операции превращения общинного владения в обыкновенное общее».

И теперь нам правительство говорит, объясняя свой проект Положения, что в будущем в отношении надельных земель необходимо «сохранить главные основания действующих узаконений», действующих, т. е. государственно-правовых, не тех, которые считает докладчик основными в Положении 1861 г., «приведя лишь эти действующие узаконения в возможное соответствие с общегражданскими законами». Вы видите, что правительство не рассчитывает на возможность просто и целиком заменить законодательство о надельных землях старыми, общегражданскими законами, и поэтому оно полагает, что привести в соответствие старое законодательство с действующими общегражданскими законами возможно лишь, «насколько это окажется осуще-

ствимым без нарушения интересов государства и без коренной ломки сложившихся и сохраняющихся в настоящее время бытовых особенностей». Вот, господа, формула, к которой мы целиком примыкаем, и если бы правительство ничего, кроме той формулы, не сказало, то мы подписались бы под тем, что оно предлагает, обеими руками.

Далее докладчик говорит нам, что ст. 12 несовместна, находится во внутреннем противоречии с сохранением права надела. При сохранении права надела, по его мнению, невозможно провести в жизнь полностью принцип ст. 12. А правительство в своих объяснениях указывает нам, что всякого рода вмешательство в переделы, например, с целью установления нормы при сосредоточении и дроблении долей было бы «коренным нарушением права общины распределять земли уравнительно». Опять-таки, утверждает правительственная записка, — «необходимо сохранить эти узаконения на будущее время, согласовав их лишь отчасти с общегражданскими законами». Докладчик говорит нам, что мы, т. е. комиссия, пришли к заключению, что община представляет в настоящее время явление отрицательное и что она накануне своей смерти, а правительственная записка нам говорит: «а жизненность особых форм крестьянского землевладения далеко не опровергнута. Эти формы до сих пор не утратили своей жизненности». Докладчик спрашивает нас, «почему Россия должна считаться страной исключительно земледельческой»? «У нас, — говорит он, — есть данные, чтобы насадить промышленность [...]. Необходимо предоставить возможность известному количеству населения, отливающему из деревень, работать в промышленности, в городе». Правительственная записка этого не отрицает, но берет вопрос прямо с другого конца. Главным источником пропитания крестьян, говорится там, надолго еще останется земля, притом именно надельные земли, которые правительство, как «неприкосновенный фонд», не хочет сокращать. «Обезземеление, — говорит правительственная записка, — было бы нежелательно, потому что ремесленные, фабричные и всякие другие, кроме земледелия, промыслы не приобрели еще у нас значительной твердости и устойчивости».

Далее докладчик говорит, что переход земли в руки мелких землевладельцев есть явление нормальное, с государственной точки зрения, желательное. Если хотите, опять тут правительство не противоречит, но напоминает, что есть другая сторона дела. Правительственная записка говорит: «опыт других стран с очевидностью свидетельствует, что мелкое крестьянское землевладение, предоставленное свободному

гражданскому обороту, оказывается недолговечным» и приводит к «сосредоточению участков, к обезземелению масс, к превращению масс в батраческое состояние», к «крайнему дроблению» земли и, в конце концов, к «уменьшению земельного фонда», — чего правительство решительно не желает. По словам докладчика, указ 9 ноября должен «насадить личную собственность», и поэтому комиссия относится к нему «благоприятно», а правительственная записка подчеркивает, что надельные земли, «как имеющие государственное значение», и ныне не должны составлять предмета свободного оборота». «Коренная ломка надельного владения была бы мерой крайне опасной», — говорит правительство. Необходимо «уважение к историческому прошлому». «Жизнь не допускает скачков», — говорит, вместе с нашим товарищем Родичевым[320], правительство. «Это особенно относится к области земельных правоотношений. Всякое неосторожное прикосновение к земельному быту крестьян может вызвать нежелательное потрясение». Это говорит правительство, это же говорим мы. Невозможно не только совершенное упразднение, но и существенное изменение означенных форм землевладения одним велением закона. Такая мера не встретила бы сочувствия у крестьян и даже вызвала бы противодействие с их стороны. Опять мы подписываемся под этими словами обеими руками; опять находим, что правительство говорит не совсем то, что говорит докладчик, и разница между ними заключается в том, что правительство все еще пытается стоять на старой государственной точке зрения, а докладчик земельной комиссии пытается поставить нас на точку зрения узкодворянскую.

Сообразно с правительственным взглядом, что же получается? Получается ли, по идее, то насаждение личной собственности, о котором хлопочет наша комиссия? Нет, сообразно с правительственным взглядом, оно это подчеркивает, это подчеркивал здесь и товарищ министра, сохраняются постановления о неотчуждаемости надельных земель. Эти постановления сохраняются даже относительно тех участков, которые теперь должны перейти в личную собственность. Выходящий из общины продолжает оставаться членом земельного общества. И даже тогда, когда он выходит не только из общины, но и из общества, все-таки участок, находящийся в его личной собственности, не утрачивает свойств «надельных земель». Наконец, то самое, что правительство предложило нам свою поправку о введении максимума сосредоточения наделов в одних руках, это показывает, что правительство старается держаться на государственно-правовой точке зрения. Даже

распоряжение вненадельным крестьянским имуществом, по проекту правительства, оказывается, не вполне подлежит общегражданским законам, и относительно этого крестьянского имущества правительство устанавливает известное ограничение права распоряжения.

Как примирить эту старую и правильную точку зрения с созданием нового понятия «личной собственности в надельном имуществе», — это вопрос другой. Несомненно, что тут само правительство в той же записке уже становится на точку зрения дворянскую и даже приводит тут уже известный вам политический мотив. В правительственной записке говорится, что «отсутствие личной собственности в надельном имуществе препятствует укреплению в сельском населении правильных взглядов на частную собственность вообще. Между тем, самое существование прочного и сильного государства возможно лишь при таком распорядке государственного строя, который опирался бы на начала личной частной собственности и на уважение к собственности других», — по-нашему, уважение, которое не выдерживается законом 9 ноября. «Только таким путем создана будет та масса мелких и средних собственников, которые повсеместно являются сторонниками государственного порядка, охраняющего их насущные интересы». Как вы видите, политический мотив дворян целиком перешел в правительственную записку, и правительство находится в трудном положении: между необходимостью, ясно им сознаваемой, соблюсти старую государственную точку зрения и необходимостью дать дорогу дворянским вожделениям. Оно находится в чрезвычайно трудном положении, и я не знаю, как оно из него выйдет. В сущности говоря, если мы будем судить не по правительственной записке, а по правительственным заявлениям, вы увидите, что уступка, делаемая дворянским стремлениям, гораздо больше, чем это кажется здесь. И все, что я прочел из этой благонамеренной записки, может оказаться, в конце концов, лишь той данью, которую порок платит добродетели. Вы помните, господа, что председатель Совета министров нам говорил в своей декларации, что земельная реформа решается «не беспорядочной раздачей земель, не успокоением бунта подачками», потому что, прибавил он, — «бунт погашается силой и признанием неприкосновенности частной собственности и, как последствие, отсюда вытекающее, созданием мелкой личной собственности». Он считал это «вопросом бытия русской державы» [...], он указывал, что «никакие политические события не могут остановить действия правительства в этом направлении»[321].

Недавно мы получили проект министра юстиции об освобождении актов на участки, приобретаемые в личную собственность, от пошлин. Там тоже говорится, что «в основании правил действующего законодательства лежит общая задача — содействовать возникновению личной собственности». Таким образом, докладчик земельной комиссии, столь точный выразитель дворянских стремлений в земельной политике, может оказаться не таким далеким от правительства, как это можно было бы судить по ранее цитированной мною записке. И сам товарищ министра принужден, в конце концов, признать, что, под предлогом простого дополнения к ст. 12, нам вносится именно «коренная ломка». Он, со своей обычной осторожностью, видит только «некоторую, может быть, значительную долю преувеличения» в нашем утверждении, что указ 9 ноября есть не развитие, а есть полное отклонение, нечто, совершенно новое. Но и сам он принужден это утверждать по другому поводу. Сам товарищ министра не может пред нами скрыть, что, вводя этот указ, правительство руководилось прямым расчетом на то, что община *принуждена* будет разделиться. Он сам признал, что укрепление чересполосных участков, — *укрепление*, тот новый вид, который здесь вводится, — что это укрепление «явится толчком, который заставит многие общества перейти к отрубному владению». Он сам доказывал, что «стоит только в общине появиться нескольким желающим выделиться к одному месту, как среди самого общества возникает стремление разверстаться, и единичные случаи выдела влекут за собою разверстание всего общества». Другими словами, он признал, что в правительственном предложении заключается прямой расчет на известного рода понуждение, известного рода насилие над земельной общиной и ее членами.

Правда, товарищ министра старался пред вами, с другой стороны, смягчить последствия своего признания. Указывая на большое количество добровольных заявлений, он с торжеством говорил нам, что правительство, наконец, нашло отклик. Имеется 700 000 заявлений; не могли же земские начальники принудить эти 700 000 лиц подать заявления! Значит, говорил нам товарищ министра, есть же какой-нибудь внутренний стимул отделяться. Еще бы, господа, не было внутреннего стимула. Несомненно, он есть. Напрасно товарищ министра говорил здесь, будто мы думаем, что только пьяницы, негодные люди, хотят выделяться. Нужно допустить, что у членов сельской общины, как и у всякого другого гражданина, есть ясное понимание его личных интересов, и он действует в своих личных интересах, все равно,

в качестве ли многоземельного, укрепляя за собою лишние участки в общине, или же в качестве человека, сделавшегося общине чужим, стараясь поскорее продать свой надел и уйти. В обоих случаях он преследует свои собственные, вполне реальные интересы. Но дело в том, что интересы государственные не всегда совпадают с реальными и до известной степени законными интересами отдельного лица. «Внутренний стимул» к приобретению частной собственности можно ведь и толкнуть вперед, дать ему дорогу, дать ему свободный путь, или же необходимо с этим стимулом считаться, как имеющим свои опасные стороны, и тогда этот стимул можно регулировать.

Господа, это не новость ни для кого, что в общинах давно уже идет внутренний процесс расслоения. Писатель не нашего направления, Лохтин[322], высчитал, что безземельных существует в общинах до 23 %; по крайней мере, такой расчет делает не только Лохтин, но и целый ряд других авторитетов; мне говорят: чем меньше, тем лучше для нас; но я докажу, что есть очень значительный процент обезземеленных и неспособных работать. С другой стороны, несомненно, что под той или другой формой происходят сделки на надельные участки и скопление надельных участков в одних руках. Стало быть, процесс, которому правительство приходит на помощь, существует и развивается. И когда нам говорят, что существует стимул внутренний, этим только подтверждается существующий факт. Нас успокаивают, чтобы мы все-таки не очень боялись той ломки, которая произойдет от развития этого процесса при действии нового указа. Говорят нам: что же, ведь до сих пор 15 741 человек продали, а 12 260 человек купили. Товарищ министра совершает довольно непонятную ошибку; по его мнению, выходит так, что 15 000 вышли из общины, а 12 000 пришли; значит, говорит он, не произошло почти никакого скопления наделов. Господа, ведь эти 12 000 не чужие же обществу люди; это однообщественники; выходит, что было раньше 15 741+12 260, т. е. всего 28 000, а из них осталось 12 000. Совершенно ясное дело, что на этом частном случае мы наблюдаем как раз начало скопления наделов.

<...> Что закон 9 ноября рассчитан не только на укрепление наделов однообщественниками, а и на прямую продажу участков, это видно из его цели. Ведь необходимо указ 9 ноября рассматривать в связи с указом 15 ноября; эта связь, мне кажется, здесь не была указана, но она чрезвычайно важна. Речь идет о том, чтобы создать право залога надельных земель, право залога не для каких-нибудь улучшений,

не для какого-нибудь устройства собственно хозяйства. В таком случае введение ипотеки на землю было бы важным нововведением, хотя еще вопрос, существуют ли условия в русской деревне, чтобы сейчас без опасности для крестьян можно было такое право залога применить. Но у нас указ 15 ноября дали для того, чтобы облегчить выход, облегчить переселение. Таким образом, указ 9 ноября, разрешающий укрепление в частную собственность, уже своим соседством и своей внутренней связью с указом 15 ноября о праве залога показывает, где была коренная задача правительства. Мы видели, что эта задача определенно формулирована уже г. Пестржецким в докладе дворянского съезда.

К чему же практически сводится такого рода укрепление и продажа? В прекрасной речи члена Думы Березовского[323] это было указано; он говорил вам, что крестьяне продают дешевые надельные участки с тем, чтобы купить через Крестьянский банк дорогие участки, отягченные долгами. <...> Господа, ведь это значит сваливать с больной головы на здоровую; виноват Крестьянский банк, который старался помочь дворянам ликвидировать их землевладение по дорогим ценам, а крестьяне должны за это страдать и, закладывая свои надельные земли, должны доплачивать дворянам то, чего они не получили из казенной кассы. Ведь вот к чему сводится это. Вот при таких условиях процесс расслоения и обезземеления, несомненно, должен пойти чрезвычайно быстро, и, несомненно, что мы имеем дело с тем самым явлением, которое правительство в своей записке, мною цитированной, признало опасным и вызывающим потрясения. Мы имеем, несомненно, дело с предстоящей коренной ломкой крестьянского землевладения. <...>

ОБ ИЗМЕНЕНИИ И ДОПОЛНЕНИИ НЕКОТОРЫХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ О КРЕСТЬЯНСКОМ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИИ

I. В изменение, дополнение и отмену подлежащих узаконений постановить нижеследующие правила:

Глава 1. О правах крестьян на укрепление и выдел участков общинной земли

А. В обществах и селениях, не производящих общих переделов

1. Общества и имеющие отдельные владения селения, в коих не было общих переделов со времени наделения их землею, признаются перешедшими к наследственному (участковому или подворному) владению.

Примечание. Действие настоящей (1) статьи не распространяется на общества и селения, наделенные землею после 1 января 1887 года.

2. В упомянутых в статье 1 обществах и селениях участки, состоявшие ко времени обнародования настоящего закона в бесспорном постоянном (не арендном) пользовании отдельных домохозяев, признаются личной их или, в подлежащих случаях (ст. 48), общей с другими членами семьи собственностью.

3. Право на участие в пользовании общественными угодьями, переделяемыми на особых основаниях (ст. 17), сохраняется в неизменной доле за отдельными домохозяевами (ст. 2) в размере действительного их пользования к указанному в предшедшей (2) статье сроку. Право участия в пользовании непеределяемыми угодьями сохраняется за означенными лицами на основаниях, указанных в статье 19. Право на разработку недр в указанных в статье 2 участках определяется правилами статьи 20.

4. Сельские и селенные сходы имеют право требовать составления общих на все общество или селение актов, удостоверяющих права собственности отдельных домохозяев на упомянутые в статье 2 участки. Таким же правом пользуются и отдельные домохозяева по отношению к составляющим их собственность участкам.

5. Означенные в статье 4 акты составляются земскими начальниками с выполнением требований, изложенных в статье 23, и объявляются на сельском или селенном сходе. Заинтересованные лица могут приносить жалобы на означенные акты в уездный съезд в тридцатидневный срок со дня объявления актов на сходе.

6. Акты, составленные земскими начальниками, подлежат утверждению уездного съезда, применительно к порядку, установленному в статьях 24–26, 28 и 29.

7. Подлинные акты хранятся в уездном съезде. Каждый собственник имеет право получить в удостоверение права собственности на свой участок либо выписать из акта, если был составлен один общий акт на целое общество или селение, либо копию с акта, если таковой составлен по единоличному заявлению собственника. Выписки и копии заверяются председателем съезда.

8. В обществах и селениях, упомянутых в статье 1, выдел к одному месту участков отдельных домохозяев обязателен в случаях, указанных в пункте 2 статьи 34, и производится с соблюдением правил, изложенных в статьях 37 и 38.

Б. В обществах и селениях, производящих общие переделы

9. Каждый домохозяин, владеющий надельной землей на общинном праве, может во всякое время требовать укрепления в личную его или, в подлежащих случаях (ст. 48), в общую с другими членами семьи собственность причитающейся выходящим из общины части означенной земли. При отсутствии родоначальника в семье, ведущей одно хозяйство, споры о том, кто из членов семьи является домохозяином, разрешаются волостным судом.

10. Владельцы укрепленных участков и неотделенные ко времени укрепления члены их семейств лишаются права участия в оставшейся в общинном владении надельной земле, которая к означенному времени переделялась на общих основаниях, сохраняя за собою право участия в пользовании угодьями, переделяемыми на особых основаниях или вовсе непеределяемыми, согласно статьям 17 и 19.

11. В обществах и селениях, в коих пользование землею основано на приговорах об общих переделах, состоявшихся в порядке закона 8 июня 1893 года (П.С.З., № 9754)[324], за каждым домохозяином, у которого количество разверсточных единиц в семье не уменьшилось, укрепляются все участки общинной земли, предоставленные ему в постоянное, впредь до следующего общего передела, пользование.

12. В случае уменьшения количества разверсточных единиц, находящийся в пользовании домохозяина излишек земли укрепляется за ним лишь при условии уплаты обществу стоимости этого излишка, определяемой по первоначальной средней выкупной цене за десятину предоставленных в надел данному обществу угодий, облагавшихся выкупными платежами.

13. Суммы, поступившие в пользу общества на основании предшедшей (1) статьи, подчиняются правилам статьи 22 Общего Положения о крестьянах, издания 1902 года[325].

14. Если выходящий из общины домохозяин отказывается от оплаты излишка на приведенных в статье 12 основаниях, то такой излишек поступает в распоряжение общества.

15. В остальных, кроме указанных в статье 11, обществах за каждым домохозяином укрепляются все участки общинной земли, состоящие в его бесспорном, постоянном (не арендном) пользовании ко времени подачи заявления об укреплении в личную собственность.

16. Заявления об укреплении в собственность земли, сделанные до дня, когда состоялся сельский или селенный сход, которым по-

ставлен приговор о новом переделе, удовлетворяются на основании прежней разверстки.

17. Домохозяева, за коими укреплены в личную собственность участки общинной земли (ст. 11–16), сохраняют за собой право пользования в неизменной доле теми сенокосными, лесными и другими угодьями, которые переделяются на особых основаниях, например, по произведениям почвы и т. п.

18. Неизменные доли в угодьях, упомянутых в статье 17, определяются в размере действительного пользования ко времени подачи заявления об укреплении.

19. Право участия в пользовании непеределяемыми угодьями, как-то: мирской усадебной землей, проездами, прогонами, выгоном, водопоем, пастбищем, оброчными статьями и проч., укрепляются в неизменной доле, если таковая может быть определена на основании актов землеустройства, общественных приговоров и других достоверных данных. В противном случае сохраняется лишь право на участие в пользовании названными угодьями на принятых в обществе основаниях.

20. Право на разработку недр, за исключением добычи неогнеупорных глин и песка, торфа и различных пород неценного строительного и бутового камня, а равно право сдачи разработки прочих ископаемых другим лицам, в участках, укрепленных в личную собственность (в том числе и выделенных к одному месту), сохраняется за обществом. Размер участия владельцев указанных участков в праве общества на недра определяется, согласно ст. 19, в неизменной доле, по соразмерности площади укрепленных за ними участков с общей площадью надельной земли.

Владельцы вышеозначенных участков имеют право на особое вознаграждение за занятие поверхности участков, оказавшейся необходимым при разработке недр, а равно за порчу этой поверхности и находящихся на ней строений, являющуюся последствием такой разработки. Размер этого вознаграждения определяется уездным съездом, в административном его присутствии.

Правило сей (20) статьи распространяется и на те, выкупленные на основании ст. 165 Положения о выкупе издания 1876 года и статей 113 и 114 того же Положения издания 1902 года, участки, на которые не было выдано данных.

21. Раскопки курганов, городищ и других памятников старины, находящихся на укрепленных в личную собственность участках, произво-

дятся с соблюдением правил, установленных пунктом 1 Высочайшего повеления 11 марта 1889 года (П.С.З., № 5841)[326].

22. Требования об укреплении в личную собственность части из общинной земли (ст. 9) предъявляются через сельского старосту обществу, которое в приговоре, постановляемым простым большинством голосов (Общ. Пол., ст. 67), указывает участки, поступающие, на основании статей 11–16, в собственность переходящего к личному владению домохозяина, и постоянную его долю участия в угодьях, упомянутых в статьях 17–19. В подлежащих случаях в приговоре определяется размер доплаты (ст. 12), причитающейся обществу за излишек земли, укрепляемой за домохозяином. Если общество в укреплении откажет, либо в течение тридцати дней со дня подачи заявления никакого приговора не постановит, то, по ходатайству подавшего заявление домохозяина, возложенные сей статьей на сход обязанности исполняются на месте земским начальником, который разбирает по существу все возникающие при этом споры и объявляет свое постановление.

23. В упомянутых в статье 22 приговорах и постановлениях земских начальников должно быть указано: а) за кем укрепляются участки и в личную или в общую с другими членами семьи (ст. 48) собственность; б) сколько разверсточных единиц, из общего их числа по последнему переделу, закрепляется за домохозяином; в) число и, по возможности, местоположение укрепляемых отдельных участков, а также размер и род угодий каждого из них; г) количество и описание состоящих в наделе общества угодий, как переделяемых на особых основаниях, так и непеределяемых, с указанием в подлежащих случаях и неизменной доли участия в сих угодьях, и д) размер и границы усадебного участка.

24. Общественные приговоры и постановления земских начальников об укреплении в личную собственность участков общинной земли представляются на утверждение уездного съезда.

25. На общественные приговоры и постановления земских начальников (ст. 22) могут быть приносимы в тридцатидневный со времени их объявления срок жалобы заинтересованными лицами и обществами. Жалобы эти подаются земскому начальнику и представляются им, по производстве на месте надлежащего расследования, с его объяснениями в уездный съезд.

26. О дне рассмотрения съездом указанных в статьях 24 и 25 дел извещаются стороны и лица, подавшие жалобы, но явка их не обязательна.

27. Общественные приговоры (ст. 24), признанные уездным съездом несоответствующими требованиям закона или имеющимся в деле,

либо дополнительно собранным сведениям, отменяются и передаются земскому начальнику для составления подлежащих постановлений, согласно сделанным съездом указаниям.

28. В указанном в предшедшей (27) статье порядке направляются и признанные уездным съездом несоответствующими требованиям закона или удостоверенным обстоятельствам дела, постановления земских начальников об отказе в укреплении участков общинной земли в личную собственность. Постановления же земских начальников об укреплении таких участков, признанные съездом неправильными, или отменяются и передаются земским начальникам для составления постановлений по указаниям съезда, или исправляются самим съездом.

29. Постановления уездного съезда по делам об укреплении в личную собственность участков из общинной земли почитаются окончательными и могут быть отменены лишь в порядке, установленном статьей 120 Положений об установлениях, заведывающих крестьянскими делами (Св. Зак., т. IX. Особ. Прил., изд. 1902 г.)[327]. Приведение в исполнение означенных постановлений возлагается на сельских старост или волостных старшин.

30. Когда домохозяева, в личную собственность коих укреплены участки надельной земли, или же общества пожелают отграничить эти участки в натуре и нанести их на план, межевые работы и составление планов исполняются как правительственными, так и частными землемерами за счет той из сторон, которая признала необходимым произвести отграничение.

31. Укрепление в собственность, на основании сего закона, не преграждает третьим лицам возможности отыскивать[328] судебным порядком свои права на укрепленные участки.

32. Каждый домохозяин, за коим укреплены участки надельной земли в порядке, установленном в статьях 9–19 и 22–30, имеет право требовать, чтобы общество выделило ему взамен сих участков соответствующий участок к одному, по возможности, месту.

33. Если выдел (ст. 32) признан подлежащими установлениями (ст.ст. 37 и 60) неудобным или невозможным, то общество обязано удовлетворить желающего выделиться домохозяина деньгами по взаимному с ним соглашению, а при недостижении соглашения — по оценке, установляемой уездной землеустроительной комиссией. Если домохозяин, желающий выделиться, найдет определенную комиссией оценку для себя невыгодной, то может отказаться от получения денег

и продолжать владеть укрепленными в его собственность участками в прежних границах.

34. Выдел к одному, по возможности, месту (ст. 32) обязателен для общества, без права удовлетворять выделяющихся деньгами, в следующих случаях: 1) при общих переделах, если заявление о выделе сделано до постановления приговора о переделе, и 2) вне общих переделов: а) если выдела потребует не менее *одной пятой* части всех домохозяев или, в обществах, где число домохозяев превышает *двести пятьдесят*, не менее *пятидесяти* домохозяев, и б) по заявлению хотя бы одного домохозяина, когда выдел участка признан (ст.ст. 32 и 37) возможным и не связанным с особыми неудобствами.

В случаях, предусмотренных пунктом 2 настоящей статьи, обществам предоставляется производить досрочные общие переделы без испрошения на то разрешения губернского присутствия (Общ. Пол., ст. 29).

35. При общих переделах право требовать выдела к одним местам на основании новой разверстки предоставляется также домохозяевам, не закрепившим ранее за собой участков надельной земли, если требование это заявлено до постановления приговора о переделе.

36. Обязательный выдел к одним местам участков, уже укрепленных за отдельными домохозяевами, производится и без их на то согласие: 1) когда того потребует более половины остающихся при общинном пользовании домохозяев и 2) когда при выделах, предусматриваемых статьей 34, пожелавший остаться в чересполосном владении домохозяин не изъявит согласия на обмен укрепленных за ним отдельных полос, которые представляется необходимым включить в границы участков, отводимых выделяющимся. В случае, предусмотренном пунктом 1 настоящей статьи, обществу предоставляется произвести досрочный общий передел без испрошения на то разрешения губернского присутствия (Общ. Пол., ст. 29).

37. Выделы к одним местам производятся уездными землеустроительными комиссиями, разрешающими все возникающие при этом споры, в том числе и споры между обществом и выделяющимся, о неудобстве или невозможности выдела (ст. 33), при непременном участии уездного члена окружного суда. Постановления уездных землеустроительных комиссий могут быть обжалованы по существу в тридцатидневный со дня их объявления срок в губернские землеустроительные комиссии, а где таковых нет — в губернские присутствия.

38. На постановления губернских землеустроительных комиссий или, в подлежащих случаях, губернских присутствий могут быть при-

носимы жалобы в Правительствующий Сенат (по Второму Департаменту) в случаях нарушения означенными установлениями закона или превышения предоставленной им власти. Жалобы эти подаются губернским землеустроительным комиссиям или губернским присутствиям в тридцатидневный со времени объявления обжалуемого постановления срок и представляются ими в Сенат со своими объяснениями. Означенные жалобы разрешаются Вторым Департаментом окончательно, по выслушании заключения обер-прокурора, большинством голосов присутствующих сенаторов, а в случае равенства голосов — по мнению, принятому Первоприсутствующим.

39. Участки, укрепленные в личную собственность на основании статей 9–19 и 22–30, подчиняются, как до, так и после выдела их к одному месту, действию правил о надельных землях.

40. В порядке и на основаниях, установленных статьями 32–38, производится выдел участков, досрочно выкупленных на основании статьи 165 Положения о выкупе издания 1876 года и статей 113 и 114 того же положения издания 1902 года, но не выделенных к одному месту.

41. При укреплении в личную собственность и выделе к одним местам участков из надельных общинных земель выкупной долг[329] [Пол. Выкуп., ст. 54, прим. 1 (по Прод. 1906 г.), п. 2] и долг Крестьянскому поземельному банку переводятся в соответственных частях на эти участки.

42. Домохозяева, переселившиеся на свободные казенные земли Азиатской России или причислившиеся там к старожильческим обществам, утрачивают, по истечении двух лет со дня окончательного перечисления их по месту нового водворения, право заявлять об укреплении за ними в личную собственность участков общинной надельной земли в местах их выхода.

43. Домохозяевам, зачислившим за собою в Азиатской России участки казенной земли или получившим приемные приговоры от старожильческих обществ, в случае заявления в указанный в статье 42 срок об укреплении за ними в личную собственность участков общинной земли в местах их выхода, разрешается передавать состоящую в их пользовании общинную землю отдельным членам своего общества с переуступкою последним и права на укрепление за ними этих участков. Член общества, в пользу которого сделана такая переуступка, вступает в права прежнего владельца в том объеме, в каком они принадлежали последнему ко времени подачи им заявления об укреплении.

44. Сделки о переуступке права на укрепление в личную собственность участков общинной земли (ст. 43) совершаются в волостных

правлениях независимо от цены и заносятся в книгу сделок и договоров (Общ. Пол., ст. 110).

Глава 2. О переходе целых обществ к отрубному владению

45. Переход целых обществ и селений с наследственным (участковым или подворным) землевладением к владению в отрубных участках совершается по приговорам, постановляемым простым большинством всех домохозяев, имеющих право голоса на сходе.

46. Переход целых обществ и селений с общинным или смешанным землевладением к владению в отрубных участках совершается по приговорам, постановляемым большинством двух третей всех домохозяев, имеющих право голоса на сходе, причем в составлении сих приговоров участвуют как члены общины, так и крестьяне, владеющие участками на праве личной собственности (ст. 47).

Глава 3. О праве собственности крестьян на участки надельной земли

47. Участки, как предоставленные в подворное владение крестьян при наделении их землею, так и перешедшие впоследствии в собственность отдельных крестьян из общинных земель, в том числе и досрочно выкупленные на основании статьи 165 Положения о выкупе издания 1876 года и статей 113 и 114 того же Положения издания 1902 года, а также усадебные участки при общинном землевладении, составляют личную собственность домохозяев, за коими они значатся по актам землеустройства, общественным приговорам, постановлениям крестьянских учреждений, актам об отчуждении и решениям судебных мест.

48. В тех случаях, когда указанные в статье 47 участки находятся в нераздельном владении матери и детей или нескольких лиц, не состоящих между собой в родстве по прямой нисходящей линии, они составляют общую их собственность.

Глава 4. О порядке выдачи актов укрепления и отчуждения участков надельной земли, составляющих собственность отдельных крестьян

49. Форма актов укрепления, а также порядок их выдачи устанавливаются министром внутренних дел, по соглашению с министром юстиции и главноуправляющим землеустройством и земледелием.

50. Отчуждение участков надельной земли, составляющих собственность отдельных крестьян (ст. 47 и 48), совершается общим крепостным порядком (Св. Зак., т. XVI, с. 1. Пол. Нотар., изд. 1892 г., ст. 66).

51. Принадлежность упомянутых в статье 50 участков лицам, их отчуждающим, может быть удостоверяема, кроме способов, предусмотренных статьей 168 Положения о нотариальной части, также следующими документами: а) актами землеустройства сельских обывателей, выданными крестьянскими или иными учреждениями на участки, предоставленные в надел отдельным домохозяевам; б) вошедшими в законную силу решениями волостных судов и уездных съездов по делам о праве собственности на недвижимое имущество, входящее в состав надела, и о наследовании в этом имуществе (Общ. Пол., ст. 12, п. 1 и 4 и ст. 142, 159 и 161); в) сделками об отчуждении, совершенными до 25 января 1883 года в волостных правлениях (Общ. Пол., ст. 110, п. 1 и прим. 1); г) вошедшими в законную силу и приведенными в исполнение приговорами сельских и селенных сходов о предоставлении участков из общинной земли в подворное владение отдельных домохозяев, равно как о замене общинного пользования подворным и о разделе мирских земель на постоянные наследственные участки и на хутора, а также приговорами о переходе целых обществ с подворным землевладением к владению в отрубных участках (Общ. Пол., ст. 622, п. 8, ст. 66, п. 1 и 2; Пол. Выкуп., ст. 111; Пол. Крест. Влад., ст. 20 и 21; Пол. Крест. Казен., ст. 32–34 и ст. 44 и отд. II настоящего закона); д) утвержденными уездным съездом приговорами сельских и селенных сходов или постановлениями земских начальников об укреплении в личную собственность отдельных домохозяев участков из надельной земли, состоящей в общинном пользовании [ст. 22–29 и Указ 9 ноября 1906 г. (Собр. Узак., ст. 1859), отд. 1, ст. 6–9 и 17]; е) постановлениями уездных съездов (Указ 9 ноября 1906 г., отд. 1, ст. 15) и землеустроительных комиссий (ст. 37) об обязательном выделе участков отдельных домохозяев к одним местам; ж) в обществах, признанных перешедшими к наследственному (участковому или подворному) владению (ст. 1) — удостоверительными актами земских начальников (ст. 4–7); з) в обществах с подворным землевладением — утвержденными земским начальником приговорами сельских и селенных сходов, удостоверяющими принадлежность участков отчуждающему их лицу на праве собственности (ст. 52); и) в обществах с общинным землевладением, относительно усадебных участков, как удостоверительными

приговорами (п. «з»), так и сведениями о размерах в границах усадеб, заключающимися в приговорах и постановлениях об укреплении в личную собственность участков общинной земли (п. «д»).

Примечание. Принадлежность участков, досрочно выкупленных на основании статьи 165 Положения о выкупе издания 1876 года и статей 113 и 114 того же Положения издания 1902 года, если на них не были выданы данные, может быть удостоверяема актами, выдаваемыми земскими начальниками.

52. Удостоверительные приговоры (ст. 51, п. «з» и «и») постановляются по ходатайствам владельцев подворных и усадебных участков и утверждаются соблюдением следующих правил: а) означенные приговоры постановляются в тридцатидневный со дня заявления срок простым большинством голосов в удостоверение принадлежности отдельным домохозяевам не только полных, значащихся по актам землеустройства, подворных и усадебных участков, но и частей их, состоящих в бесспорном владении отдельных лиц; б) в приговоре должно быть указано: 1) кому принадлежит участок и составляет ли он личную или общую собственность (ст. 47 и 48); 2) общая площадь участка, число отдельных отрубов, из коих он состоит, а также размер, род угодий и описание местоположения и границ каждого отруба и 3) право владельца участка на участие в угодьях общего пользования как переделяемых, так и непеределяемых, в размерах пользования этими угодьями ко времени составления приговора; в) в тех случаях, когда точное описание границ представляется невозможным, к приговору должен быть приложен план участка, составляемый за счет владельца; г) приговор обязательно записывается в установленную для записи приговоров сельского схода книгу (Общ. Пол., ст. 69); д) волостной старшина обязан в семидневный срок по составлении приговора проверить на месте содержание его по существу в присутствии трех понятых и немедленно представить приговор со своим заключением на утверждение земского начальника; е) в тридцатидневный со дня проверки волостным старшиной срок приговор может быть обжалован заинтересованными лицами земскому начальнику; ж) приговор не подлежит утверждению, если окажется неправильным с формальной стороны, если при составлении его не соблюдены требования, изложенные в настоящей статье, или если будет возбужден спор о праве гражданском, подлежащий разрешению суда.

53. В случае отказа общества от составления удовлетворительного приговора (ст. 51, п. «з» и «и») или непостановления его в указанный

в пункте «а» статьи 42 срок, принадлежность участка, при отсутствии спора о праве собственности на него, может быть удостоверяема постановлением земского начальника о признании права собственности по давности владения или иным основаниям.

54. Выписи нотариальных актов, касающихся надельных земель и подлежащих утверждению старших нотариусов, могут быть пересылаемы нотариусами старшему нотариусу по почте; равным образом и выписи утвержденных актов могут быть старшими нотариусами пересылаемы по почте лицам, которым в акте предоставлено право на их получение, или их поверенным, либо наследникам.

55. Крепостные акты на участки надельной земли (ст. 50) освобождаются от крепостных и канцелярской актовой пошлины и от гербового сбора (Пол. Нотар., изд. 1892 г., ст. 195–200), а равно от уплаты канцелярских пошлин за выдачу из нотариального архива выписей (Пол. Нотар., ст. 217), от сбора за наложение и снятие запрещений (Пол. Нотар., ст. 154, п. 5, прил., по Прод. 1906 г.: ст. 4, п. 5) и от уплаты за публикацию о переходе права собственности и о вводе во владение (Учр. Сенат., ст. 318, прим., прил.: ст. 14, по Прод. 1906 г.).

56. Временно, впредь до пересмотра узаконений о крестьянском землевладении, воспрещается в пределах одного уезда сосредоточивать в одних руках путем покупки или принятия в дар надельную землю: 1) в губерниях и областях, в коих применяются местные Великороссийское и Малороссийское положения (Пол. Крест. Влад., ст. 2 и 58) — свыше шести душевых, высших или указных наделов (Мест. Пол. Великоросс., изд. 1876 г., ст. 15, прил.; Мест. Пол. Малоросс., изд. 1876 г., ст. 9, прил.); 2) в губернии Бессарабской — свыше двух семейных участков высшего размера (Пол. Бессараб., изд. 1876 г., ст. 11); 3) в губерниях северо-западных — свыше размеров, указанных в статье 150 книги ГУ Положений о сельском состоянии (Св. Зак., т. IX. Особ. Прил., изд. 1902 г.) и 4) в губерниях юго-западных — свыше трех усадеб или трех пеших участков из коренного надела, с принадлежащими к ним усадьбами.

57. Правило, изложенное в статье 56, не распространяется на губернию Олонецкую и уезды Сольвычегодский, Усть-Сысольский и Яренский Вологодской губернии; а также на случаи покупки или принятия в дар целиком земельного надела или отрубного участка, хотя бы и превышающего по своей величине норму, определенную в статье 56, лицом, не имеющим предельного размера надельной земли.

Глава 5. О пределах действия настоящего закона и о порядке применения его в местностях, где не введены в действия Положения 12 июля 1889 года[330] и не открыты землеустроительные комиссии

58. Действие глав 1–4 настоящего (1) отдела распространяется на всех сельских обывателей, владеющих земельным наделом на правах крестьян-собственников.

59. В местностях, в коих не введены в действие Положения 12 июля 1889 года (П.С.З. № 6196), обязанности, возлагаемые настоящими правилами на земских начальников, уездные съезды и губернские присутствия, исполняются соответствующими им должностными лицами и учреждениями.

60. В тех местностях, где нет землеустроительных комиссий, выдел к одним местам (ст. 37) и определение денежного вознаграждения (ст. 33) производятся уездными съездами или учреждениями их заменяющими.

II. В изменение и дополнение Учреждения Управления губерний Царства Польского (Св. Зак., т. 11, изд. 1892 г.) постановить:

Переход целых сельских обществ, образованных на основании статей 264–275 Учреждения Управления губерний Царства Польского, к владению в отрубных участках совершается по приговорам подлежащих сельских сходов, постановляемым простым большинством всех крестьян-домохозяев, имеющих прямо участвовать на сходах. Приговоры эти записываются в особую книгу, указанную в статье 275 упомянутого Учреждения.

III. В изменение и дополнение подлежащих статей Общего Положения о крестьянах (Св. Зак., т. IX. Особ. Прил., изд. 1902 г. и по Прод. 1906 и 1908 гг.) постановить:

Несовершеннолетним, которые были лишены наделов полностью или в части, вне установленного законом порядка (Общ. Пол., ст.1, прим. 2; Пол. Устан. Крест., ст. 33), предоставляется отыскивать с общества стоимость отобранной земли. При этом, если десятилетний давностный срок для предъявления иска к общему будет истекать для лиц, у коих отобран надел, ранее двух лет со дня обнародования настоящего закона, то для предъявления иска им предоставляется двухлетний срок.

И. И. Капнист

ИЗ ДОКЛАДА ЗЕМЕЛЬНОЙ КОМИССИИ НА ЗАСЕДАНИИ III ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ 12 октября 1909 г.

<...> Насколько указ 9 ноября восстанавливает право каждого крестьянина получить в личную собственность, в совершенно самостоятельную собственность, выкупленную им землю, насколько Положение о землеустройстве есть первый наиважнейший шаг к переходу к более культурным способам землепользования. В Положении о землеустройстве совершенно не затрагивается вопрос о том, какое именно землепользование, общинное или подворное, более подходит к русским условиям. Положение о землеустройстве считает, что как для общинной, так и для подворной России должна быть представлена возможность улучшить способы возделывать землю; точно также в Положении о землеустройстве совершенно не затрагивается вопрос об увеличении количества земли в руках крестьян и прочих мелких владельцев.

<...> Развить законодательство землеустроительное, дать стройную систему, дать гарантии избавить население от каприза отдельных личностей, установить процесс самого землеустройства — цель издания закона о землеустройстве. <...>

<...> Надо признать, что выработанный историей старый строй деревенской жизни имел в свое время безусловное значение: необходимость защиты, трудность борьбы с природой заставляли людей жаться друг к другу и селиться в больших селениях; известный земельный простор, пользование исключительно богатствами природы заставляли разделять свои земли чересполосно. Трудно было допустить, чтобы одному хозяину давалась земля хотя в большем количестве, но исключительно плохого качества, а другому в меньшем количестве, но хорошего качества, раз хозяин пользовался только ее природными качествами. Наконец, крепостное право и податная система тоже вели к тому, что как помещики, так и правительство старались селить крестьян в больших селениях.

Но в каждом государстве наступает момент, когда эти прежние условия должны измениться; переход от натурального хозяйства, увеличение потребностей, увеличение налогов заставляют население подумать об увеличении доходности земли. Прежняя производительность земли перестает удовлетворять население. Оно ищет выхода, ждет его в увеличении запашки и не видит этого выхода в поднятии культуры

земли, потому что при теперешнем землепользовании, конечно, поднятие культуры земли вещь чрезвычайно трудная.

<...> Если отбросить переходные формы, то можно наметить четыре главных способа уничтожения чересполосицы: это — урегулирование чересполосицы, консолидация, отруба и хутора. При урегулировании чересполосицы она не уничтожается, а именно лишь урегулируется; общие севообороты и пастьба уничтожаются, проводятся дороги, участки остаются те же. Точно также при консолидации участки не обмениваются; обмен происходит только между соседними участками для более правильного расположения межей между ними. Опять-таки обращается серьезное внимание на дороги, земли ограничиваются, наносятся на план, освобождаются от каких бы то ни было принудительных отношений к соседям, но каждый хозяин получает участок в каждом разряде земель. Едва ли возможно рекомендовать эти два способа для России. В России, благодаря легкости обмена, благодаря малой культуре русских земель, благодаря тому, что в русские земли не вкладывались значительные капиталы — очень легко провести более энергичное разверстание и перейти прямо к разделу всех угодий в тех местах, где это возможно, на отруба и хутора.

Не везде, конечно, возможен хутор... Тут громадную роль играют индивидуальные качества хозяина, хозяйственные условия, наконец, очень часто и громадные затраты, которых требует разделение деревень и перенос построек, затраты, которые непосильны некоторым хозяевам. Вот почему, считая хутор наиболее желательной, наиболее подходящей формой землеустройства в России, нельзя допустить какого бы то ни было принуждения в этом вопросе. Каждый должен быть волен избрать себе место жительства. <...>

Но если всякие меры принуждения надо категорически отвергнуть, надо помнить, что существуют еще меры поощрения. К этим мерам, безусловно, следует прибегнуть. Слишком много достоинств представляет собою хозяйство на хуторе: полная свобода хозяина, производительный труд семьи, разработка всей земли — на хуторе не останется ни одного клочка, который не мог бы быть с пользой обрабатываемым хозяином, наконец, возможность надзора за полем, уменьшение пожаров, почти полное уничтожение пьянства на хуторах, уменьшение судимости, в особенности за потравы и за всякого рода захваты — вот те достоинства, которые представляют собой хуторское хозяйство.

Все возражения против хутора можно свести к трем главнейшим: 1) трудность замены пастьбы скота в стаде стойловым содержанием; 2) положение малоземельных и, наконец, 3) общественная обособленность. <...> Каждому, кому приходилось говорить с крестьянами о хуторском расселении, приходилось слышать, как первое возражение: «что же я буду делать с моим скотом?». Я думаю, что это возражение основано на недоразумении. Если вспомнить, в каком положении находится скотоводство в России, то трудно себе представить, чтобы то содержание скота, которое теперь распространено в России, могло бы быть признано правильным. Может быть, пастьба в стаде представляет известные удобства, но полное падение скотоводства и измельчание скота показывают, что <...> настало время заменить это содержание скота чем-нибудь лучшим.

Одним из важнейших вопросов является вопрос о положении малоземельных. На этот вопрос следует, безусловно, обратить внимание при рассмотрении закона о землеустройстве. Для хутора, конечно, необходим известный minimum земли; нельзя требовать, чтобы человек поселялся на одной или двух десятинах и вел там хозяйство, для отрубного же участка минимальное количество земли не играет такой важной роли. Малоземелье совершенно не останавливало разверстания в районах добровольного разверстания в западных губерниях; напротив, главными противниками разверстания всегда бывали не малоземельные (ш у м, з в о н о к п р е д с е д а т е л ь с т в у ю щ е г о)... а богатые, которые, пользуясь своей силой, пасли на общественных пастбищах гораздо большее количество скота, чем то, которое дозволялось бы им пасти, если бы этот вопрос был урегулирован. Наконец, в районах добровольного расселения этот вопрос был решен и другим способом: малоземельным всегда или большей частью прирезывается земля к их усадьбам, и малоземельные этим довольствуются.

Теперь следует рассмотреть вопрос о том, какое же количество хозяйств может совершенно свободно перейти на хутора и для какого количества хозяйств этот переход будет сопряжен с большими затруднениями. Если мы просмотрим статистику крестьянского землевладения, то увидим, что порайонные цифры дают безусловно благоприятные результаты в вопросе о расселении на хутора. Мы видим, что в прибалтийском районе одно крестьянское хозяйство в среднем располагает 36 дес., в северном районе — 22 дес., в заволжском — 21 дес. и т. д., кончая заднепровским, в котором на одно хозяйство прихо-

дится 6 дес. земли. Точно также, если посмотреть на количество земли в отдельных хозяйствах, мы увидим цифры довольно благоприятные для хуторского поселения: менее 5 дес. в России имеют 23 % хозяйств или 2 857 тыс. дворов; от 5 до 8 дес. имеют 27 %, от 8 до 20 дес. — 40 %, от 20 до 100 дес. — 9 %.

Итак, видим, что вопрос возбуждается только насчет 2 800 000 домохозяев, для которых расселение на хутора будет представлять, может быть, наибольшие неудобства и затруднения. Но для этих хозяйств, во-первых, возможно расселение на отрубные участки, во-вторых, разверстание настолько поднимет цены на землю в местах его, что этим малоземельным удастся более выгодно продать свою землю и устроиться на тех землях, которые им предоставляются покупкой через Крестьянский банк или переселением.

Наконец, выставляются причины чисто общественного характера: говорят о том, что вопрос школы и вопрос церкви для хуторян являются очень острыми и трудными вопросами. Я не думаю, чтобы это было так. Я сам происхожу из Полтавской губ., в которой существует как хуторское хозяйство, так и хозяйство в деревнях, и я уверяю Вас, что с несравненно большим уважением к церкви и школе относятся именно хуторяне; и в то время, когда хуторяне приезжают в церковь, деревенская молодежь очень часто проводит время совершенно за другими занятиями. Насчет школы вопрос тоже, мне кажется, основан на недоразумении: ведь нами принят при развитии школьной сети по всей России трехверстный радиус действия одной школы, значит приблизительно на трех верстах расположится около 200 хуторских хозяйств. Конечно, 200 хуторских хозяйств будут вполне обслуживать один комплект школы. <...>

Переходя к самому закону, надо установить главнейшие принципы, внесенные земельной Комиссией в Положение о землеустройстве. Во-первых, было решено, что рецептов Западной Европы нельзя перенести в русскую жизнь; слишком своеобразна жизнь русской деревни, чтобы можно было применить там или английское огораживание, или радикальные шведские законы, дающие возможность одному разверстывать целую деревню. <...>

Закон о землеустройстве должен применяться только в тех случаях, когда население вполне дозреет до него, причем землеустроительным комиссиям вменяются в главнейшую обязанность во всех случаях добиваться всеми способами общего согласия на разверстание, и толь-

ко при отсутствии этого согласия начинают действовать те нормы, которые внесены в закон о землеустройстве. Невозможно, конечно, установить все землеустройство на общем согласии. <...> Раз <...> население высказывает известным большинством голосов желание приступить к землеустройству, эта воля его должна быть исполнена. Но раз воля населения высказана недостаточным количеством голосов, все частности землеустроительного проекта должны быть предоставлены землеустроительной комиссии, и тогда от проекта население отказываться уже не может. Иначе было бы, что один, два недовольных могли бы всегда уничтожить долгие труды целого ряда лиц.

Населению дается в этом законопроекте не только почин, но и выбор способа и степени землеустройства; население имеет право сказать, желает ли оно разверстать всю землю, желает ли оно разверстать лишь известное угодье или часть своей земли. Из принудительного землеустройства земельной Комиссией были исключены все угодья, имеющие особое значение для их владельцев. Так исключены из принудительного разверстания усадьбы, исключены из принудительного разверстания те угодья, в которые вложено много труда и много капиталов, так как их разверстание, конечно, представляло бы очень большие трудности.

Чрезвычайно важный вопрос, внесенный в закон о землеустройстве, — это вопрос о спорах по землеустройству. Все споры, вытекающие из землеустройства, разрешаются землеустроительными органами; это принято во всех западноевропейских законодательствах. Конечно, невозможно по каждому спору, возникающему во время самого процесса землеустройства, обращаться в суд: это, во-первых, затормозило бы самое дело и, во-вторых, едва ли привело бы к благоприятным результатам. <...>

Надо установить, что при существовании в России общины, при нежелательности ее принудительного уничтожения, должны быть даны меры улучшения положения общинных земель. Для общинных земель Положение о землеустройстве дает три способа улучшения своего положения: во-первых, выдел земель отдельным селениям из многоселенной общины, во-вторых, раздел земель больших общин на более мелкие для облегчения ведения общинного хозяйства. Конечно, эти меры не приведут сразу к благоприятным результатам, но, во-первых, они разделят общину на более мелкие владения, облегчат ведение общинного хозяйства и, во-вторых, бу-

дут вступлением к более радикальным способам землеустройства. Гораздо серьезнее мера — разделение земель, хотя бы и с сохранением общинных порядков, но разделение земель между группами населения. В тех местах, где общины еще сильны, в тех местах, где население не желает изменять общинным порядкам, такое групповое разделение может принести, безусловно, большую пользу, и, оставаясь в общине, хозяин может быть настолько приближен к своей земле, что сможет улучшить свое хозяйство так же, как и подворный владелец.

В Положении о землеустройстве развиты и те способы перехода от общинного владения к владению личному, которые разработаны в указе 9 ноября. Кроме того, в Положении о землеустройстве серьезно рассматривается вопрос о переходе целых обществ подворных владельцев на хутора и на отруба внутринадельным разверстанием. Но кроме внутринадельного разверстания Положением о землеустройстве даны основания для вненадельного разверстания, где захватываются земли не только надельные, но и земли прочих мелких владельцев, а в некоторых случаях даже и земли частных владельцев[331].

<...> На нашу долю выпадает историческая задача, запоздавшее решение которой принесло много бед нашему Отечеству. Может быть не сразу преобразится весь строй нашей жизни, может быть, не сразу зацветут наши поля, но проведением закона о землеустройстве мы поднимаем благосостояние нашего крестьянства и приобщим его к благу культуры.

Т. О. Белоусов
ИЗ РЕЧИ НА ЗАСЕДАНИИ III ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ 12 октября 1909 г.

Улучшение условий производительности народного труда составляет одну из основных задач социал-демократической рабочей партии. На этой задаче мы и строим свои ближайшие программные требования. Мы говорим, что не может процветать труд мирного мужика под сенью радостной веселого штыка. Мы говорим, что не может быть производительным труд там, где нет возможности его применения. В ряду этих двух насущных задач текущей общественной жизни разверстание чересполосицы, разверстание однопланных селений[332] становятся второочередными вопросами.

Конечно, законопроекту, который рассматривается в данном заседании, нельзя отказать в известном прогрессивном значении, но следует его отвести на надлежащее для него место. <...>

Мы, социал-демократы, думаем, что самым злейшим врагом и препятствием к прогрессу в нашем сельском хозяйстве в данное время являются помещичьи латифундии, дающие кабальный характер крестьянскому хозяйству, порождающие малоземелье и голодную аренду. Таким образом, разница между соображениями доклада и нашими соображениями большая. Думская Комиссия, — большинство, — говорит: «на борьбу с этим злейшим врагом — чересполосицей должны быть направлены все землеустроительные силы». Мы говорим как раз наоборот, что все силы народа и народно-представительных учреждений как раз должны быть направлены в данное время не на борьбу с чересполосицей, не разверстание однопланных селений, а, как раз, на борьбу с самодержавными землеустроителями, хозяйничающими на русской земле. Думская Комиссия говорит: «борьба с чересполосицей, с засоренностью полей, отдаленностью угодий, однопольем и т. д., все это необходимые вещи». Да, мы с этим согласны — необходимые вещи, но всякому овощу свое время бывает. Там, где у населения нет вовсе земли, там, конечно, вопроса о чересполосице не может быть. <...> Думское большинство устами докладчика возвещает, что община с ее переделами — основное главное бедствие страны. Мы, господа, не склонны быть такими близорукими, мы говорим, что община является известной формой в эволюции хозяйства, и ставить, в данном случае, общину как основное бедствие страны ни в коем случае не приходится. Основное бедствие — еще раз подчеркиваю — это кабальный характер крестьянского хозяйства.

Докладчик с этим положением почти соглашается. Ему ни в коем случае нельзя не соглашаться хотя где-нибудь намеком, иначе доклад будет походить на акафист[335]. И он говорит, что могут быть случаи, а надо считать: есть много случаев, если только не 25–30 % крестьянского населения, когда никакое землеустройство невозможно, когда приходится уже думать о наделении крестьян землею. Думское большинство, устами Комиссии соглашаясь с этим положением, <...> очень ловко обходит его и затуманивает другими фразами. Знаете, господа, по докладу земельной Комиссии оказывается, что у нас нет малоземельных, у нас есть наделы в 36 дес., есть наделы на двор по 22 дес., 21–8–7–6 дес., оказывается, наделов малоземельных и совсем безземельных нет, хотя

в другом месте, несколько строк ниже, оно говорит весьма туманно: «наделы крестьян, имеющих ниже 5 десятин». Таким образом, доклад Комиссии, выставляя на пьедестал землеустроительные действия текущего времени, сознательно старается затуманить глаза населению и отводит его взор от насущных нужд данного времени.

А. А. Уваров
ИЗ РЕЧИ НА ЗАСЕДАНИИ III ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ 14 октября 1909 г.

<...> Статью 3 обсуждаемого законопроекта я всецело поддерживаю в редакции, предложенной земельной Комиссией, и скажу почему. Во-первых, пусть каждый из вас обратит внимание на положение дела в данное время. Предлагается Комиссией принять чистый принцип: всю собственность обращать, по мере возможности, в частную собственность; с другой стороны, предлагается совершенно чистый принцип этого не делать и оставлять эту землю, по возможности, надельной; наконец, третий компромисс[334], который многим из вас является самым приемлемым.

Я думаю, господа, что та часть Государственной думы, которая в прошлом году, весной приняла закон 9 ноября[335], принятием этого закона решила настоящий вопрос. Статья 3, по-моему, уже предрешена. Я думаю, если все те, которые баллотировали весной за известные статьи закона 9 ноября, вспомнят о том, как они баллотировали, и захотят быть последовательными, то они должны баллотировать и за ст. 3. Ясное дело, господа, вы весной признали желательным водворить в стране принцип частной собственности — я думаю, ведь закон 9 ноября был направлен к тому, чтобы утвердить землю на началах частной собственности. Конечно, можно теперь возражать, можно повторять теперь те самые возражения, которые были уже при обсуждении закона 9 ноября <...>. Но в сущности, господа, против того, что было уже заявлено <...> можно противопоставить одно: Государственная дума, решая вопрос о законе 9 ноября, эту статью предрешила. Раз вы приняли тогда, то вы должны идти последовательно и должны принять теперь статью 3.

Цель вашей законодательной работы в данное время — создать частную собственность. Этого не следует забывать и к этому следует идти. Безусловно, при каждой законодательной работе, особенно

касающейся землеустройства, надо предвидеть известный процент потерь и убытков, и в данном случае известное количество малоземельных, слабых, пьяных людей, не умеющих читать, не умеющих подписывать и т. д., пропадет. Но, господа, это, безусловно, несчастье, но этого избежать нельзя, без этого никакого землеустройства вы не проведете. Поэтому ссылаться на этих несчастных отдельных людей нам не приходится.

<...> Если вы говорите, что принятие известной поправки клонится к тому, чтобы помешать сейчас же обезземелиться тем, кто желает продать, кто желает, как кто-то сказал «продать своих детей» и т. д., то в таком случае поправка, внесенная депутатом Кропотовым, этому не помешает. Потому что, если тот человек, который действительно желает за бесценок продать надел или землю своих сыновей, этот человек по поправке Кропотова, конечно, сейчас же сообразит, что ему следует отнести свою землю в разряд частной собственности, и, значит, ту неприятную вещь, которую хотят обойти, непременно исполнит. А не исполнят ее те, которые и без того не исполнили бы, т. е. те крестьяне, которые, безусловно, не для того владеют землей, чтобы ее продать, которые для того приобретают частную землю и желают иметь землю, чтобы ее передать своим детям и внукам, чтобы на ней жить и множиться и разводить хозяйство.

<...> Что им выгоднее, быть ли крестьянами с землей надельной или с землей частной? Каждый из вас прекрасно знает, что бывают минуты, когда необходимо занять 100, 200, 300 руб., и у крестьянина эта необходимость тоже есть, и когда крестьянин желает занять 100 руб., вы не думайте, что он непременно делает заем, чтобы пропить деньги. Я гораздо более высокого мнения о русском народе и думаю, что крестьянин в громадном большинстве случаев занимает <...>, чтобы употребить эти деньги в дело. Дайте же возможность тому крестьянину, который желает употребить деньги в дело, занять их, а для этого нужно, прежде всего, чтобы земля крестьянина считалась частной собственностью, потому что под надельную землю, как вы хорошо знаете, никто ничего не даст. Поэтому, господа, я думаю, что следует всецело принять то, что предлагает земельная Комиссия, и компромисс, предложенный Кропотовым, хотя и кажется чем-то хорошим в первую минуту, совершенно не нужен. Чистый принцип прежде всего, и тот, кто говорит, что крестьянину русскому нужен принцип частной собственности, пускай ясно и говорит: «частная собственность — частная собственность».

А. И. Шингарев
ИЗ РЕЧИ НА ЗАСЕДАНИИ III ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ 14 октября 1909 г.

<...> Когда обсуждался закон 9 ноября, когда мы всеми силами предостерегали Государственную думу против нарушений основных форм владения масс крестьянского населения, которые указ этот наносил, когда мы указывали на глубокий вред, который этот указ может причинить экономическо-хозяйственной жизни и правовому укладу крестьянства, нам обыкновенно возражали: чего вы беспокоитесь, мы сохраняем характер надельных земель за выделяемыми участками. <...> Что случилось в период несколько летних месяцев? Почему земельная Комиссия, думавшая тогда так, передумала теперь иначе?

<...> Нам по-прежнему в своей объяснительной записке к законопроекту говорят хорошие, красивые слова. <...> «Требуется создание нового закона, — пишет докладчик, — могущего опереться на прежние традиции народа, вытекающего из сознания тех недостатков прежних отношений, которые, хотя отчасти, осознаны населением. Резкая перемена в таком деле, — продолжает он, — как землеустройство, перемены, затрагивающие самые живые нити хозяйственной жизни населения, не только вредны, но даже невозможны без потрясения сознания народа, он сам имеет право и обязанность устраивать свою хозяйственную судьбу». Под этими строками могут подписаться противники вашего законопроекта 9 ноября. Все это написано в объяснительной записке, и, несмотря на это, дальше сознательно нарушается и правосознание народа, и привычная форма его владения.

И как же все это мотивируется? Попробуйте найти по этому поводу рассуждения Комиссии: докладчик ограничился несколькими словами, которые ничего не сказали, а в записке к докладу <...> вы можете найти несколько строк, посвященных этому выяснению. И вот что оказывается: неудобство состоит в том, что умаляется гражданское право тех лиц из крестьян, которые владеют частной землей, и такое умаление не может быть допущено без их согласия — и больше ничего. А о том, что нарушаются права остающихся в общинном владении, записка молчит: тут можно согласия их не спрашивать, и записка прямо говорит, что автоматическое применение закона переводит надельные земли в характер частных.

Господа члены Государственной думы. До нашего населения законы доходят не скоро, оно законы читает с трудом и нередко в них плохо разбирается; так как же возможно в порядке разверстания чересполосности, в столь жгучем, больном вопросе заставить население пойти на разверстание? Оно никогда не поймет, не узнает, какую огромную ловушку готовит ему этот закон, как только оно подойдет к этому разверстанию: достаточно клочка частной земли при больших подворных отрубных участках крупных общин, чтобы вся эта земля, сохранявшая характер надельной земли, по ст. 3 превратилась в частную собственность. Огромные округа, огромные участки крестьянских земель из-за ничтожной, иногда, полосы частной земли потеряют единственную защиту, которая обеспечивает им кусок хлеба и право владения землей. (Голоса справа: верно).

Здесь депутат Кузовков[336] красноречиво говорил, что Партия народной свободы забывает о свободе, когда переходит к земельному вопросу. Это происходит от того, что депутат Кузовков, вероятно, чрезвычайно мало знает ту самую свободу, которая именуется свободой помирать от голода. (Рукоплескания слева). Вот когда крестьян в массе выгонят с их надельных земель, которые превратятся в земли частного владения, когда у них за долги опишут их последние, кровные земельные участки, когда они выйдут на улицу без работы, без дома и без земли (рукоплескания справа и слева), когда масса крестьянских семейств, обратившись в нищих и безработных будет у Вас просить хлеба и работы, только тогда депутат Кузовков поймет, что такое свобода, про которую он говорил. Господа, неимущим, малообеспеченным мелким землевладельцам предоставлять свободу владения, окончательного отчуждения их участков — это значит вести их по пути к свободе голодания. (Рукоплескания).

Такого положения государство допустить не может. Оно не может допустить его особенно в том виде, как это делает земельная Комиссия. Там нам говорили хорошие слова, говорили о том, что «мы защитим, вы не бойтесь, такого массового обезземеления не будет». Ничтоже сумнящеся, не исполнив своего обещания — ибо обещание было поговорить об этом, когда будет рассмотрен проект землевладения, — не рассмотрев проекта землевладения здесь, в Думе, они вновь диаметрально противоположно разрешают этот вопрос. Я считаю такое решение недопустимым, нарушающим кровные интересы массы крестьян и я,

господа, приглашаю Государственную думу, во имя осторожной государственной работы, стать на защиту этих интересов крестьян.

Я не поклонник современного правительства, я считаю, что оно много раз заблуждалось и ошибалось и нередко идет по ложной дороге в вопросе о землеустройстве. Но, господа, оно даже, с моей точки зрения, осторожнее вас. <...> Итак, господа, если вы хотите защитить русского крестьянина, если вы хотите мира русской земле, отвергните эту статью и придайте характер надельных земель объединенным участкам. (Рукоплескания справа и слева).

ЗАКОН О ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВЕ

I. Настоящий закон ввести в действие во всех местностях, где открыты, в силу Именного Высочайшего Указа, Правительствующему Сенату 4 марта 1906 года данного (П.С.З. № 27478), землеустроительные установления, не позже 1 ноября 1911 года, в сроки, определяемые главноуправляющим землеустройством и земледелием по соглашению с министром внутренних дел, а в прочих местностях вводить в действие по мере открытия в них означенных установлений.

II. В изменение и дополнение действующих относительно землеустроительных комиссий узаконений (Св. Зак., т. XI, ч. 2. Уст. Кред. разд. VII, прил. к ст. 43, прим. 5, по Прод. 1906 г.) постановить:

1. Уездные землеустроительные комиссии состоят, под председательством уездного предводителя дворянства, из председателя уездной земской управы или его заместителя, непременного члена комиссии или заменяющего его лица, уездного члена окружного суда, а в местностях, где эта должность не учреждена, — особо назначенного члена окружного суда, земского начальника, к участку которого относятся подлежащие обсуждению вопросы, трех членов по избранию от уездного земского собрания и трех членов по избранию от волостных сходов; сверх того, в состав комиссии входит, в качестве временного члена, выборщик от той волости, по которой рассматривается дело, а если таковой уже участвует как постоянный член, то кандидат к нему.

В случае отсутствия уездного предводителя дворянства, в комиссии председательствует председатель уездной земской управы, а при отсутствии последнего — уездный член окружного суда или особо назначенный член суда.

Для выбора членов от волостных сходов каждый сход избирает одного выборщика и одного кандидата; выборщики съезжаются в уездный город и избирают из своей среды трех постоянных членов землеустроительной комиссии.

2. Члены уездной землеустроительной комиссии от уездного земского собрания и от крестьян получают из казны суточное вознаграждение за дни действительного участия в заседаниях комиссии и прогонные деньги в оба конца в размере, определяемом ежегодно в сметном порядке.

3. Губернские землеустроительные комиссии состоят, под председательством губернатора или заменяющего его лица, из губернского предводителя дворянства, председателя губернской земской управы или его заместителя, председателя окружного суда или его товарища, особо назначенного члена окружного суда, непременного члена комиссии или заменяющего его лица, непременного члена губернского или губернского по крестьянским делам присутствия, по назначению губернатора, губернского землемера и двух членов по избранию губернского земского собрания, из коих один из числа губернских или уездных гласных подлежащей губернии, владеющих надельной землей.

4. Губернским и уездным землеустроительным комиссиям предоставляется приглашать в заседания, с правом совещательного голоса, сведущих лиц.

5. В местностях, где не имеется каких-либо должностных лиц, указанных в статьях 1 и 3 сего (II) отдела, или таковые еще не назначены (отд. XIV), а равно в местностях, в которых не введено Положение о земских учреждениях, пополнение соответственными членами, применительно к местным условиям, личного состава комиссий, выбранного и по назначению, предоставляется Комитету по землеустроительным делам.

III. Пункт 1 статьи 9 Учреждения Канцелярии Его Императорского Величества по принятию прошений (Св. Зак., т. 1, ч. 2, изд. 1906 г.) изложить следующим образом:

На Высочайшее Имя могут быть приносимы: 1) жалобы на определения департаментов Правительствующего Сената, кроме Кассационных (Учр. Сенат, ст. 217, по Прод. 1906 г.), а также Второго департамента по делам, предусмотренным в статье 38 Закона 14 июня 1910 года «Об изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьян-

ском землевладении» (Собр. Узак., ст. 1043) и в статье 115 Положения о землеустройстве.

IV. В изменение и дополнение Учреждения Управления губерний Царства Польского (Св. Зак., т. II, изд. 1892 г.) постановить:

Переход деревень и колоний, образованных на основании статей 87–313 Учреждения Управления губерний Царства Польского, к владению в отрубных участках совершается по приговорам сходов, созываемых применительно к статье 297 сего Учреждения. Приговоры эти постановляются простым большинством домохозяев, имеющих право участвовать на сходах. Означенные приговоры записываются в особую книгу. Они приводятся в исполнение и отменяются в общем, установленном для приговоров сельского общества, порядке.

<...> VI. В изменение и дополнение Устава Лесного (Св. Зак., т. VIII, ч. 1, изд. 1905 г.) постановить:

Общественные лесные наделы, обращенные в действительности в другой вид угодий, равно как признанные землеустроительными учреждениями не имеющими ценности в качестве лесного угодья, могут подлежать разверстаниям, разделам и выделам по правилам Положения о землеустройстве.

VII. В изменение и дополнение Законов Межевых (Св. Зак., т. X, ч. 2, изд. 1893 г.) и Устава гражданского судопроизводства (Св. Зак., т. XVI, ч. 1, изд. 1892 г.) постановить:

1. При размежевании в порядке судебно-межевого разбирательства, земельные владения и части их, которые на основании Положения о землеустройстве отграничены по всей их окружности, исключаются из состава дачи, подлежащей размежеванию в порядке указанного судебно-межевого разбирательства, и размежевание сие на них не распространяется.

2. Со времени принятия уездной землеустроительной комиссией к своему производству ходатайства о землеустройстве какого-либо из земельных владений, входящих в состав дачи, о размежевании коей в судебных установлениях производится дело в порядке судебно-межевого разбирательства, движение сего последнего дела приостанавливается впредь до завершения производства о землеустройстве означенных земельных владений. На тех же основаниях судебно-межевое разбирательство приостанавливается и в том случае, когда оно возбуждено по такой даче, в пределах коей в порядке Положения о землеустройстве

производятся землеустроительные действия по некоторым земельным владениям, в той даче расположенным.

3. Действие правила, изложенного в статье I настоящего (VII) отдела, распространяется на земельные владения, отграниченные по их окружности землеустроительными учреждениями до обнародования Положения о землеустройстве.

VIII. Статьи 698–702 Законов о Состояниях (Св. Зак., т. IX, изд. 1899 г. и по Прод. 1906 г.) отменить, с распространением на потомственные земли Малороссийских казаков действия общих гражданских законов[337].

IX. В изменение и дополнение Устава Крестьянского поземельного банка (Св. Зак., т. XI, ч. 2 изд. 1903 г.) постановить:

1. Крестьянскому поземельному банку предоставляется право, по ходатайствам подлежащих обществ и товариществ, приступающих к разверстанию на отруба заложенных в банке земель и нуждающихся в средствах для предварительного погашения долгов по доплатам за эти земли прежним их собственникам или же на покрытие вызываемых улучшением землепользования расходов: 1) производить перезалог упомянутых земель и ранее истечения установленного статьей 58 Устава Крестьянского поземельного банка (Св. Зак., т. XI, ч. 2, Уст. 251 Кред., изд. 1903 г.) пятилетнего срока со времени заключения обществом или товариществом первоначального займа, с распределением дополнительной ссуды, вместе с первоначальной, между владельцами отдельных, получившихся от разверстания, участков, и 2) производить расчет с прежними собственниками земель по долгам обществ и товариществ, с соответственным увеличением этих переводимых на банк долгов (Св. Зак., т. XI, ч. 2. Уст. Кред., Уст. Крест. Банк, ст. 98 по Прод. 1906 г.).

2. Крестьянскому поземельному банку предоставляется выдавать, по ходатайствам подлежащих владельцев, имеющих по закону право получать ссуды из означенного банка, ссуды под залог отведенных им при землеустройстве участков для выплаты сими владельцами причитающихся с них, в определенных в Положении о землеустройстве случаях, денежных приплат.

X. В дополнение подлежащих узаконений постановить:

1. Обществам и товариществам, а также и отдельным лицам, разверставшим на отруба заложенные в Крестьянском поземельном банке или купленные в рассрочку у казны земли до введения в действие По-

ложения о землеустройстве и без изменения заключенных с банком или казною договоров, предоставляется ходатайствовать об изменении их долговых перед банком и казною обязательств на основаниях, изложенных в статьях 13–15 упомянутого Положения. Распределение по новым отрубным владениям первоначального банковского долга (а при выдаче новой дополнительной ссуды — и этой последней) производится самим банком, причем подлежащему обществу или товариществу, а также и отдельному лицу, предоставляется либо согласиться на предлагаемое банком распределение долга, либо остаться при прежних долговых обязательствах перед банком. Новое же распределение долгов казне производится землеустроительной комиссией в общем порядке, установленном Положением о землеустройстве для такого распределения при вновь производимых разверстаниях на отруба земель, купленных в рассрочку у казны.

2. Правила, установленные статьями 120–123 Положения о землеустройстве, имеют соответственное применение и к случаям, предусмотренным в ст. 1 настоящего (X) отдела.

XI. Впредь до издания общего положения об отграничении земельных владений разрешить производство, в порядке Положения о землеустройстве, отграничения надельных земель от смежных владений, сверх указанных в статье 1 этого Положения случаев, еще по обоюдным или односторонним заявлениям собственников надельных и смежных с ними земель, с тем, чтобы такие заявления удовлетворялись землеустроительными комиссиями по мере возможности, в зависимости от наличности в их распоряжении свободных от других поручений землемеров.

XII. Предоставить Комитету по землеустроительным делам издавать подробные инструкции в разъяснение отделов II и XI сего закона и глав IX и X Положения о землеустройстве.

XIII. Предоставить главноуправляющему землеустройством и земледелием назначать ежегодно из отпускаемого на операционные расходы по землеустройству кредита определенные суммы в распоряжение землеустроительных комиссии для расходования на удовлетворение тех потребностей при исполнении межевых работ, которые окажется невозможным удовлетворить в порядке, предусмотренном статьей 22 Положения о землеустройстве.

XIV. Отпускать из средств государственного казначейства надлежащие суммы на предмет назначения: а) особых членов окружного суда

для участия в губернских землеустроительных комиссиях, б) особых членов окружного суда для участия в уездных землеустроительных комиссиях тех местностей, где не учреждено должностей уездного члена окружного суда, и в) добавочных уездных членов окружного суда в тех определяемых министром юстиции, по соглашению с главноуправляющим землеустройством и земледелием, уездах, в которых окажется в том надобность, вследствие возложения на упомянутых чинов обязанности по участию в землеустроительных комиссиях.

ПОЛОЖЕНИЕ О ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВЕ

Глава I. Общие положения

1. На основаниях, в сем Положении определенных, производятся, по соответствующим ходатайствам, следующие землеустроительные действия: 1) выдел земель отдельным селениям сельских обществ; 2) выдел земель выселкам[338] и частям селений; 3) выдел отрубных участков отдельным членам сельских обществ и имеющих отдельное владение селений; 4) полное по целым сельским обществам и имеющим отдельное владение селениям разверстание угодий между членами общества или селения на отрубные участки; 5) уничтожение чересполосности подлежащих действию сего Положения земель с прилегающими владениями; 6) разверстание к одним местам (на отрубные участки) земель разного владения, включенных в одну дачу разверстания; 7) раздел угодий, находящихся в общем пользовании крестьян и частных владельцев; 8) отграничение подлежащих землеустройству земель от смежных владений в тех случаях, когда предварительное установление внешних границ необходимо для исполнения вышеперечисленных землеустроительных действий.

2. Правила сего Положения применяются как к землям надельным, так и ко всем землям, принадлежащим, независимо от способа их приобретения: а) лицам, объединенным, по владению этими землями, в сельские и селенные общества и земельные товарищества, и б) лицам всех сословий, земельные владения коих в пределах уезда не превышают определенных на основании статьи 4 Закона 24 мая 1909 года (Собр. Узак., ст. 784) предельных размеров. Совокупность таких лиц, связанных общностью или чересполосностью своих владений, приравнивается, в отношении применения к ним землеустроительных мер,

предусмотренных настоящим Положением, к сельским обществам с подворным или общинным владением, в зависимости от установленного у них порядка землепользования.

Примечание. Правила сего Положения применяются к дачам общего владения в Полтавской и Черниговской губерниях, образованным на основании Высочайше утвержденного 27 октября 1859 года (П.С.З. № 35036) Положения о размежевании сих губерний, и в тех случаях, когда в состав этих дач входят владения, превышающие указанный в статье 2 размер.

3. Отдельные отрубные владения крестьян и других сельских обывателей, образованные при совместном разверстании их надельных и вненадельных (ст. 2) земель взамен владений, принадлежавших до разверстания тем же лицам и состоявших из земель обоих названных разрядов, почитаются землями частного владения. Такие отрубные владения признаются, однако, надельными, по желанию владельцев, если принадлежавшая последним вненадельная земля свободна от залога у частных лиц и в кредитных учреждениях, кроме Крестьянского поземельного банка. В тех случаях, когда совместному с надельными землями разверстанию подвергаются такие вненадельные земли, которые были куплены не всеми, а лишь некоторыми членами сельского общества, хотя бы и в составе товарищества, правила сей (3) статьи применяются только к отрубным владениям, отводимым таковым лицам.

4. При полном разверстании на отрубные участки (ст. 42–46 и 50), а также при разверстании чересполосности указанных в статье 2 земель с прилегающими владениями (ст. 49), в разверстание могут быть включаемы, сверх непосредственно подлежащих ему земель, также и другие чересполосные с ними земельные участки, если того пожелают их владельцы, или же если то будет признано необходимым в установленном настоящим Положением порядке.

5. Угодья, подвергшиеся землеустройству на основании настоящего Положения, освобождаются от совместных с теми землями, от которых они отделены при землеустройстве, севооборота и выпаса, причем включенные в землеустроительные и иные подобные акты условия об установлении на будущее время на разверстанных участках совместного с отделенными землями севооборота и выпаса не имеют обязательной силы.

6. Перечисленные в статье 1 землеустроительные действия могут быть производимы в определенных настоящим положением случаях

как по соглашению всех заинтересованных лиц, так и в обязательном порядке; но и в последнем случае землеустроительные учреждения обязываются оказывать всяческое, в течение всего производства дела, содействие к достижению полюбовного соглашения сторон в соответствии с общими основаниями сего Положения.

7. Нижепоименованные угодья могут быть разверстаны только с согласия их владельцев: а) усадебные земли и земли, входящие в состав усадебной оседлости селений; б) земли в одном сплошном отрубе, если на них возведены жилые постройки и заведено обособленное хозяйство; в) находящиеся вне черты селения жилые усадьбы с принадлежащими к ним огородами; г) участки под водяными мельницами, заводами и фабриками; д) сады и виноградники, приносящие доход; е) искусственно разведенные леса; ж) места заведомого нахождения ископаемых на землях, в коих право на разработку недр принадлежит их владельцам, за исключением мест, содержащих неогнеупорные глины, песок, торф и различные породы неценного строительного и бутового камня; з) разрабатываемые торфяники; и) лесные участки в местностях малолесных; i) участки, осушаемые подземными водоотводными сооружениями (дренажем); к) искусственно орошаемые участки и л) вообще угодья исключительной, по местным условиям, ценности и важности, по признанию местных землеустроительных учреждений.

Примечание. Действие правила, установленного в пункте «д» сей (7) статьи, не распространяется на расположенные среди владельческих лесных дач в Юго-Западных губерниях крестьянские фруктовые сады, за исключением садов, признанных, по предварительной особой оценке, местными землеустроительными установлениями культурными и ценными.

8. При недостижении добровольного соглашения (ст. 6) обязательные выделы, разверстания и разделы проектируются и утверждаются в определенном сим Положением порядке, в точном соответствии с размером участков и долей сторон в разверстываемых угодьях и с ценностью их, причем лучшие земли зачитываются за худшие в соответственно уменьшенном размере, зачет же одних угодий за угодья другого рода допускается лишь при невозможности устранения иным порядком вредной в хозяйственном отношении чересполосности.

9. Количественное уравнение может быть заменено денежным, но не иначе, как по добровольному соглашению выделяющихся и остающихся, выраженному простым большинством голосов с той и другой

стороны, — в случаях выделов земель селениям, выселкам и частям селения (гл. II и III), а в случае выдела отрубных участков отдельным лицам (гл. IV) — при соглашении каждого из сих лиц с большинством остающихся. При полном разверстании по целым обществам (гл. V), денежное уравнение допускается при согласии на то двух третей домохозяев, имеющих право голоса на сходе. При уничтожении чересполосности и разверстании земель разного владения (гл. VI) для денежного уравнения требуется согласие всех собственников разверстываемых земель, причем в отношении земель, принадлежащих обществам, согласие это выражается приговором, постановленным большинством двух третей домохозяев, имеющих право голоса на сходе.

10. Если владельцам, имеющим по закону право пользоваться ссудами из Крестьянского поземельного банка, будут отведены при землеустройстве участки с обязательством производства за них денежных приплат, то владельцы эти могут получать из упомянутого банка ссуды, под залог означенных участков, для уплаты лежащего за них по сему обязательству долга.

11. В случае перехода при землеустройстве в другие руки земли, заложенной или состоящей под запрещением, или вообще обремененной какими-либо денежными платежами, обеспечиваемые землей долги, в том числе выкупные платежи и недоимки по ним, переводятся на землю, перешедшую по обмену во владение должника.

Если же за означенную землю получается и денежная приплата, то таковая, прежде всего, обращается на погашение недоимки в выкупных платежах, а затем на досрочное погашение других означенных выше долгов сообразно их старшинству.

12. Раздел на отдельные владения земель, принадлежащих обществам или товариществам и обремененных запрещениями по долгам сих обществ и товариществ частным лицам или частным кредитным установлениям, производится лишь при согласии кредиторов или же по предварительном освобождении от упомянутых запрещений, с одновременным наложением запрещения, указанного в статье 77 настоящего Положения.

Долги частным лицам и частным кредитным установлениям, по которым земли обществ и товариществ обременены запрещениями в случаях, указанных в настоящей статье, могут быть досрочно погашаемы независимо от размеров роста, установленного в долговом обязательстве, и с уплатой по ним роста лишь по день погашения долга.

13. Раздел на отдельные владения земель, принадлежащих обществам и товариществам и служащих обеспечением долгов сих обществ и товариществ казне или Кредитному поземельному банку, производится независимо от согласия на то казны или банка и сопровождается распределением этих долгов между вновь образовавшимися отдельными владениями, после чего каждое из этих владений ответствует лишь за переведенную на него долю бывшего общего долга.

14. Раздел на отдельные владения земель, приобретенных обществами и товариществами с содействием Крестьянского поземельного банка, при наличности долга общества или товарищества прежнему собственнику земли, производится лишь по предварительном погашении долга прежнему собственнику.

15. В случаях совместного разверстания обеспечивающих долг Крестьянскому поземельному банку или казне земель обществ и товариществ с незаложенными землями тех же обществ и товариществ, либо их членов, в новых владениях отграничиваются в натуре участки земли, соответствующие по своей ценности той части общего владения, которая до разверстания обеспечивала часть долга Крестьянскому поземельному банку или казне, переводимую на эту отграниченную часть нового владения, после чего лишь эта часть ответствует за переведенную на нее долю бывшего общего долга.

При переводе на новое владение долгов по нескольким ссудам, долги по этим ссудам во всяком случае соединяются в одну ссуду, с пересрочкой ее на новый общий срок. При совпадении в случаях, сей статьей предусмотренных, на вновь образованном владении долгов Крестьянскому поземельному банку и казне, долг казенному управлению погашается дополнительной ссудой, выдаваемой на сей предмет из Крестьянского поземельного банка в размере остатка капитального долга и недоимок в срочных платежах.

16. Для землеустроительных действий (ст. 1) на землях, находящихся в аренде, согласия арендатора не требуется, и аренда переходит, за исключением случаев, предусмотренных статьей 17, на землю, поступившую при разверстании взамен арендованной, причем, однако, арендатору предоставляется право отказаться от арендного договора.

17. Земли, сданные в аренду от общества или товарищества, могут быть подвергаемы разделу на отдельные владения с досрочным прекращением арендного договора и с предоставлением бывшему арендатору взыскать с общества или товарищества, сдавшего ему земли,

непокрытые за время аренды затраты на участок, состоявший в аренде. При выделах из арендованной земли правило сей (17) статьи имеет соответственное применение к выделенным из этой земли участкам, причем, однако, арендатору предоставляется право отказаться от аренды всей земли.

18. В установленном сим Положением порядке землеустроительными учреждениями разрешаются как споры о размерах земельных долей, причитающихся при землеустройстве отдельным селениям, частям селений или домохозяевам, так и все споры, возникающие собственно из землеустройства, не исключая и споров о границах, подлежащих землеустройству земель. Разрешенные в указанном порядке споры не могут быть возбуждаемы вновь в судебных установлениях.

19. Наличность прочих споров не препятствует обмену спорных участков при землеустроительных действиях в порядке сего Положения. В случае отчуждения впоследствии от прежнего владельца земельной площади, в состав которой входят означенные участки, произведенный обмен остается в силе, и в собственность лица, в пользу которого присужден спорный участок, поступает отведенный вместо него по обмену участок; тому же лицу выдается денежная приплата (ст. 9), если таковая причиталась за обмениваемую землю. Упомянутая денежная приплата до разрешения спора вносится в депозиты подлежащего суда.

20. Приговоры обществ и товариществ по предусмотренным настоящим Положением делам подлежат обязательной в течение двух недель проверке на месте и засвидетельствованию земским начальником или соответствующим ему должностным лицом, разрешающим при этом все заявленные против правильности приговоров возражения. Все жалобы, как на неправильность этих приговоров, так и на отказ земского начальника засвидетельствовать таковые, подаются в уездную землеустроительную комиссию, разрешающую их в установленном настоящим Положением порядке, причем жалобы на приговоры, засвидетельствованные земским начальником, разрешаются по усмотрению комиссии или особо, или одновременно с рассмотрением землеустроительного дела по существу (ст. 103 и след.).

21. При производстве землеустроительных действий для частей общества или отдельных членов его принимается во внимание, чтобы дальнейшие возможные в обществе землеустроительные меры не были затруднены такими частичными землеустроительными действиями.

22. Необходимые при землеустройстве межевые работы производятся командируемыми за счет казны землемерами, причем на общества, селения, товарищества или отдельных лиц, по требованию коих производятся землеустроительные действия, возлагается обязанность безвозмездно предоставлять на местах производства работ: а) помещения межевым чинам с отоплением; б) подводы для переездов межевых чинов при работах и для перевозки инструментов; в) рабочих пеших — для постановки вех и столбов, ношения инструментов, копания ям и т. п., и конных — для пропашки межников; тех и других с необходимыми орудиями и г) материалы для изготовления вех и межевых знаков. При разверстании чересполосности указанных в статье 2 земель с прилегающими владениями и, в подлежащих случаях, чересполосности между частными владениями (ст. 51), а также общности пользования крестьян с частными владельцами, означенная обязанность возлагается на ту сторону, по требованию которой работы производятся; если же таковые исполняются по ходатайству обеих сторон, то распределяется между ними по соглашению, а если такового не состоялось — по соразмерности с площадью принадлежащих каждой стороне земель, подлежащих разверстанию.

АГРАРНЫЙ ФАКТОР В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ (февраль-октябрь 1917 г.)

МАТЕРИАЛЫ ДИСКУССИЙ И ПРОГРАММНЫЕ ДОКУМЕНТЫ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ (большевиков)

По аграрному вопросу
Проект резолюции [представлен на VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б)]

<...>[339] 1) Партия пролетариата поддерживает всеми силами немедленную и полную конфискацию всех помещичьих земель в России (а также удельных, церковных, кабинетских и пр. и пр.).

Партия пролетариата требует национализации всех земель в государстве.

Партия решительно выступает за немедленный переход всех земель в руки крестьянства, организованного в Советы крестьянских депутатов или в другие, действительно вполне демократически выбранные и вполне независимые от помещиков и чиновников органы местного самоуправления.

Партия должна решительно бороться как против Временного правительства, которое и устами Шингарева[340] и коллективными своими выступлениями навязывает крестьянам «добровольное соглашение с помещиками», таким образом на деле помещичий характер реформы и грозит крестьянам карами за «самоуправство», т. е. переходом к насилию со стороны меньшинства населения (помещиков и капиталистов) против большинства, — так и против мелкобуржуазных колебаний большинства народников и меньшевиков с[оциал]-д[емократов], советующих крестьянам не брать всей земли до Учредительного собрания.

Партия советует крестьянам брать землю организованно, отнюдь не допуская ни малейшей порчи имущества и заботясь об увеличении производства.

Все вообще аграрные преобразования могут быть успешны и прочны лишь при полной демократизации всего государства, т. е., с одной стороны, при уничтожении полиции, постоянной армии и фактиче-

ски привилегированного чиновничества, а с другой стороны, при самом широком, вполне свободном от надзора и опеки сверху, местном самоуправлении.

Необходимо немедленно и повсеместно приступить к отдельной и самостоятельной организации сельскохозяйственного пролетариата как в виде Советов батрацких депутатов (а также особых Советов депутатов от полупролетарского крестьянства), так и в виде организации пролетарских групп или фракций в общих Советах крестьянских депутатов, во всех органах местного и общегородского управления и т. д. и т. п.

Партия пролетариата должна советовать пролетариям и полупролетариям деревни, чтобы они добивались образования из каждого помещичьего имения достаточно крупного образцового хозяйства, которое бы велось на общественный счет Советами батрацких депутатов под руководством агрономов и с применением наилучших технических средств.

Протокольная запись обсуждения аграрного вопроса на VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б) 28 апреля 1917 г.

<...> Слово предоставляется т. Ленину для доклада по аграрному вопросу.

Ленин. Товарищи, аграрный вопрос обсуждался нашей партией так обстоятельно еще во время первой революции, что подготовка к нему имеется в настоящее время, я думаю, достаточная, и косвенным подтверждением этого служит то, что секция конференции, составившаяся из товарищей, близко знакомых с этим вопросом и интересовавшихся им, сошлась на предложенном проекте резолюции без коренных поправок. Я поэтому ограничиваюсь самыми краткими замечаниями. Так как проект, розданный в виде корректуры[341], имеется у всех членов, то в чтении его полностью нет надобности.

Рост аграрного движения по всей России сейчас самый очевидный и бесспорный факт для всех. Программа нашей партии, принятая на Стокгольмском съезде в 1906 г.[342] и предложенная меньшевиками, оказалась опровергнутой уже ходом первой русской революции. На этом

съезде меньшевики провели свою муниципализацию, суть которой сводится к следующему: крестьянские земли, общинные и подворные, остаются в собственности крестьян. Помещичьи земли переходят из рук их владельцев в руки органов местного самоуправления. Одним из главных доводов меньшевиков в пользу такой программы было то, что крестьяне никогда не поймут перехода крестьянской земли в руки кого-нибудь другого, кроме крестьянства. Кто изучал протоколы Стокгольмского съезда, тот вспомнит, что на этот довод особенно напирали и докладчик Маслов и Костров. Не надо забывать, — теперь это часто забывается, — что дело было перед первой Думой, когда объективных фактов о характере крестьянского движения и об его силе не было. Все знали, что Россия горит огнем пожара аграрной революции, но как будет организовано аграрное движение, каково будет движение крестьянской революции никто не знал. Проверить, насколько этот съезд представляет серьезное, деловое мнение самих крестьян, нельзя было, и вот почему эти доводы меньшевиков играли такую роль. Кроме того, существовало оппортунистическое мнение, что партия пролетариата не должна выдвигать аграрной программы. Вскоре после нашего Стокгольмского съезда, в 1906 г. в I Думе и в 1907 г. во II Думе, мы получили впервые внушительное подтверждение того, как смотрит на этот вопрос крестьянская масса. И в I и во II Думе был выдвинут самими крестьянами трудовой «проект 104-х»[343]. Я изучал специально подписи под этим проектом, подробно знакомился с мнениями депутатов и с тем, к какому классу они принадлежат, насколько их можно назвать крестьянами. Я с полной категоричностью утверждал в той книге, которую царская цензура сожгла и которую я все-таки переиздам[344], что из этих 104-х подписей громадное большинство было подписей самих крестьян. Этот проект требовал национализации земли. Крестьяне говорили, что вся земля отойдет в руки государства.

Вопрос состоит, таким образом, в том, как объяснить, что в Думах, два раза созванных, представители крестьян всей России предпочли национализацию той мере, которую меньшевики предлагали в обеих Думах с точки зрения крестьянских интересов. Меньшевики предлагали, чтобы крестьяне оставили свои земли у себя в собственности и только помещичья земля должна быть отдана в руки народа, а крестьяне сказали, что они всю землю передают в руки народа. Как это объяснить? Социалисты-революционеры объясняют это тем, что русские крестьяне по своей общинности сочувствуют социализации, трудовому началу.

Во всей этой фразеологии нет ни малейшего здравого смысла, это только одни фразы. Но как это объяснить? Я думаю, что крестьяне потому пришли к этому выводу, что все русское землевладение, крестьянское и помещичье, общинное и подворное, насквозь пропитано условиями старого полукрепостничества, и крестьяне, с точки зрения условий рынка, должны были требовать перехода земли в руки всего народа. Крестьяне говорят, что запутанность положения прежней аграрной жизни может быть распутана только национализацией. Взгляд у них буржуазный: уравнительное землепользование они понимают как отнятие земли у помещиков, но не как уравнение отдельных хозяев. Национализация, это значит — все земли пустить под живую разверстку. Это величайший буржуазный проект. Ни один крестьянин не говорил об уравнении и социализации, но все говорили, что ждать дольше невозможно, что нужно разгородить всю землю, т. е. невозможно в обстановке XX века вести хозяйство по-старому. Столыпинская реформа с тех пор запутала земельный вопрос еще больше. Вот что хотят сказать крестьяне требованием национализации. Это значит — все земли вообще пустить под новую разверстку. Никаких разнообразных форм землевладения быть не должно. Здесь ровно никакой социализации нет. Это требование крестьян называется уравнительным потому, что, как показывает краткий итог статистики землевладения 1905 г., — на 300 семей крестьянских и одну помещичью имеется по 2000 десятин земли; в этом смысле оно, конечно, уравнительное, но из этого не следует, что это значит уравнять все мелкие хозяйства между собой. Проект 104-х говорит обратное.

Вот основное, что необходимо сказать, чтобы научно обосновать взгляд, что национализация в России, с точки зрения буржуазно-демократической, является необходимой. Но она необходима и потому, что является гигантским ударом для частной собственности на средства производства. Думать, что после отмены частной собственности на землю в России все останется по-старому, это просто нелепость.

Дальше в проекте резолюции делаются практические выводы и требования. Из мелких поправок я отмечу следующие: в 1-м пункте сказано: «Партия пролетариата поддерживает всеми силами немедленную и полную конфискацию всех помещичьих земель...» — вместо «поддерживает» — следует поставить «борется... за». Мы не смотрим так, что крестьяне имеют мало земли и им надо земли побольше. Это ходячий взгляд; мы говорим, что помещичье землевладение есть основа

гнета, который душит крестьянство и делает его отсталым. Дело не в том, мало у крестьян земли или нет; долой крепостничество — вот постановка вопроса с точки зрения революционной классовой борьбы, а не тех чиновников, которые рассуждают, сколько земли у них и по каким нормам ее нужно разверстать. Пункты 2-й и 3-й я предлагаю переставить[345], потому что для нас важен революционный почин, а закон должен быть его результатом. *Если вы будете ждать, пока закон напишется, а сами не разовьете революционной энергии, то у вас не будет ни закона, ни земли.*

Очень часто возражают против национализации, говоря, что она предполагает гигантский чиновнический аппарат. Это верно, но ведь собственность государства означает, что всякий крестьянин есть арендатор земли у государства. Пересдача аренды запрещается. Но в какой мере крестьянин арендует, какую землю он берет — это всецело решает соответствующий демократический орган, а не бюрократический.

Вместо «батраков» вставляется «сельскохозяйственных рабочих». Несколько товарищей заявили, что слово «батрацкий» является обидным, против этого слова возражали. Оно должно быть устранено.

Говорить сейчас о пролетарски-крестьянских комитетах или Советах в решении земельного вопроса не годится, ибо, как мы видим, крестьяне создали Советы солдатских депутатов и, таким образом, уже появилось разделение пролетариата и крестьянства.

Как известно, мелкобуржуазные оборонческие партии[346] стоят за то, чтобы с земельным вопросом обождать до Учредительного собрания. Мы высказываемся за немедленный переход земли к крестьянам с максимальной организованностью. Мы абсолютно против анархических захватов. Вы предлагаете крестьянам соглашаться[347] с помещиками. Мы говорим, что землю сейчас же надо брать и засевать ее для борьбы с бесхлебьем, чтобы избавить страну от того краха, который надвигается на нее с колоссальной быстротой. Нельзя сейчас принимать рецепты Шингарева и кадетов, которые предлагают подождать до Учредительного собрания, срок которого не известен, или условливаться с помещиками об аренде. Крестьяне уже захватывают землю безвозмездно или платят четверть аренды[348].

Товарищ привез резолюцию с места, из Пензенской губернии[349], в которой говорится, что крестьяне берут помещичий инвентарь, но не делят по дворам, а обращают его в общественную собственность. Они устанавливают известную очередь, правило, чтобы этим инвен-

тарем обрабатывать все земли. Прибегая к этим мерам, они руководствуются интересами повышения сельскохозяйственного производства. Этот факт имеет гигантское принципиальное значение, вопреки помещикам и капиталистам, кричащим, что это анархия. Вот, если вы будете болтать и кричать, что это анархия, а крестьяне будут ждать, то тогда и будет настоящая анархия. Крестьяне показывают, что они хозяйственные условия и общественный контроль понимают лучше, чем чиновники, и во сто раз лучше его применяют. Такая мера, которая, конечно, для маленькой деревни легко осуществима, неизбежно толкает к переходу к более широким мерам. Если крестьянин этому научится, а он начал этому учиться, тут не надо уменья буржуазных профессоров, они сами придут к выводу о необходимости, чтобы инвентарь был использован не только для мелких хозяйств, но для обработки всей земли. Как они это делают, это не важно: соединяют ли они участки для общей распашки и обсеменения, этого мы не знаем, и не важно, если они делают это по-разному. Важно только то, что они не имеют, к счастью, перед собой того большого количества мелкобуржуазных интеллигентов, которые называют себя марксистами, социал-демократами и с важным видом учат народ, что для социалистической революции время еще не пришло и поэтому брать сейчас крестьянам землю нельзя. К счастью, в русских деревнях таких господ мало. Если бы крестьяне ограничивались тем, что брали бы землю по соглашению с помещиками, но не применяли бы своего опыта коллективно, тогда крах был бы неминуем, и тогда крестьянские комитеты оказались бы игрушкой, игрой вничью. Вот почему мы предлагаем к проекту резолюции добавить пункт 8-й[350].

Раз мы знаем, что сами местные крестьяне этот почин сделали, наша обязанность, наш долг сказать, что этот почин мы поддерживаем и рекомендуем. Только в этом залог того, что революция не ограничится мерами формального характера, борьба с кризисом не останется предметом обсуждения канцелярий и писулек Шингарева, но что на самом деле они организованным путем пойдут вперед, в борьбе с бесхлебьем и за повышение производства.

Зиновьев[351] предлагает не открывать прений, а приступить прямо к поправкам. Из всей конференции лишь один т. Ангарский[352] стоит за открытие общих прений по данному вопросу.

Первая поправка: в конце п. 2 поставить слова «для пользования».

В защиту поправки выступает т. Ленцман[353].

Ленцман. Мне думается, что эту поправку внести надо. Так, с одной стороны, мы за национализацию, а с другой — за передачу всех земель в руки крестьянства. Без слов «для пользования» можно понять, что земли передаются в собственность крестьянству. Поэтому эти слова нужно добавить[354].

Ленин считает, что эта поправка не принципиальна.

Голосуют за поправку 31 человек, за старую редакцию 37 человек. Поправка отвергнута.

Ангарский. Товарищи, я предлагаю такую поправку: абзац «Крестьянское землевладение в России...» я предлагаю вычеркнуть. Революционное движение в крестьянстве основано на крепостнических отношениях. Крестьянство не может успокоиться до тех пор, пока не будут уничтожены эти крепостнически-кабальные отношения. Получается такое впечатление, что в крестьянстве назрела определенная идея о национализации земли. Я думаю, что этой идеи национализации в крестьянстве нет, и революционное движение в крестьянстве покоится на необходимости разрушить, изменить эти крепостнически-кабальные отношения. Тов. Ленин в своей брошюре[355] указал, что поскольку крестьянство борется за разрушение этих полукрепостнических отношений, то в своих передовых элементах оно дошло до идеи о национализации земли. Поэтому эту идею мы должны поддерживать. Для меня эта идея есть нечто не материальное. В крестьянстве есть одно сознание необходимости уничтожить полукрепостнические отношения, но идеи национализации в крестьянстве нет. Национализация земли предполагает, что будет отвергнуто право собственности на землю. Но как мы свяжем с этим тенденции крестьянства к чисто собственническому началу? Мне приходилось долго работать в деревне, и я имел возможность изучить крестьянские тенденции. Я пришел к заключению, что нет большего собственника, чем крестьянин. Когда народники боролись против статьи 165 о выкупе[356], чтобы не выпускать крестьян из общины, тенденция к выходу у крестьян была огромной. Но я не высказываюсь против национализации. Разница только в предпосылках. Мы всегда говорили, что при полной победе революции, при полном ее размахе мы высказываемся за национализацию земли, чтобы закрепить ее максимум. Мы можем выдвигать идею о национализации земли, так как можем говорить о формах победы революции. Но сознания необходимости национализации в крестьянстве нет. Народнические группы это стремление крестьян поясняют именно идеологическими

тенденциями, сознанием, что эта идея существует. И наша национализация есть тоже категория идеологическая, а не материальная. Ссылка на I Государственную думу не есть доказательство, потому что все эти петиции и приговоры составляются идейными вождями, но в крестьянстве этого сознания нет. Они что хотите примут, лишь бы разбить эти крепостнические путы. Поэтому я думаю, что соответствующее место нужно выкинуть из резолюции и заменить тем, что необходимо сломать все эти крепостнические путы.

Ленин. Товарищи, мне кажется, что у т. Ангарского ряд противоречий. Я говорю о *материальной* основе стремлений к национализации. Никакой идеи национализации крестьяне не имеют. Я говорю, что существуют условия всероссийского и международного рынка, и это выражается в дорогих ценах на хлеб. Колебание этих цен всякий крестьянин видит, знает и чувствует. И с этими условиями, с этими ценами нужно сообразовать хозяйство. Я говорю о том, что землевладение старое и новое хозяйственное устройство разошлись абсолютно, и это расхождение объясняет, почему крестьяне рвутся вперед. Крестьянин — собственник, говорит т. Ангарский. Он совершенно прав. На этом Столыпин хотел построить изменение земельных отношений, он делал все возможное, и, однако, это ему не удалось, потому что изменение этих отношений невозможно без революционной ломки. Вот материальная основа стремления крестьян к национализации земли, при полной их неосведомленности о том, что такое национализация. У крестьянина-собственника существует инстинктивное стремление говорить, что земля — божья, потому что жить в старых условиях землевладения нельзя. То, что предлагает т. Ангарский, совершенное недоразумение. Второй абзац[357] говорит, что крестьянское землевладение снизу доверху, вдоль и поперек опутано старыми полукрепостническими связями и отношениями. Но разве он говорит про помещичьи земли? Нет. Поправка т. Ангарского основана на недоразумении. Он приписал мне то, чего здесь нет, вещи, о которых крестьяне даже понятия не имеют. Мировое положение крестьяне знают по ценам на хлеб и на продукты массового потребления, и если в деревне проходит железная дорога, то крестьянин познает это на своем собственном хозяйстве. Жить по-старому нельзя, вот что он чувствует, и это чувство он выражает в радикальном требовании: все старое землевладение долой. Крестьянин хочет быть собственником, но на земле, разгороженной по-новому, чтобы он хозяйничал на земле, владение которой

определялось бы его теперешними потребностями, а не теми, какие ему предписаны какими бы то ни было чиновниками. Это крестьянин хорошо знает, но, конечно, иначе выражает, а это и составляет материальную основу стремлений к национализации земли.

Поправка т. Ангарского отклоняется большинством голосов.

Соловьев[358] полагает, что во главе резолюции следует указать самое существенное: что партия требует национализации земли.

Ленин. Поправка не очень существенная. Я поставил национализацию на третье место, потому что первым должен быть почин и революционное действие, а национализация есть закон, выражающий волю народа. Я высказываюсь против[359].

Резолюция принимается в целом большинством всех голосов при 11 воздержавшихся.

По аграрному вопросу
Резолюция VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б)

Существование помещичьего землевладения в России есть материальный оплот власти крепостников-помещиков и залог возможного восстановления монархии. Это землевладение неизбежно осуждает подавляющую массу населения России, крестьянство, на нищету, кабалу и забитость, а всю страну — на отсталость во всех областях жизни.

Крестьянское землевладение в России, как надельное (общинное и подворное), так и частное (арендованная и купчая земля), снизу доверху, вдоль и поперек опутано старыми, полукрепостническими связями и отношениями, делением крестьян на разряды, унаследованные от времен крепостного права, чересполосицей и т. д. и т. п. Необходимость сломать все эти устаревшие и вредные перегородки, необходимость «разгородить» землю, перестроить все отношения землевладения и земледелия заново применительно к новым условиям всероссийского и всемирного хозяйства составляет материальную основу стремлений крестьянства к национализации всех земель в государстве.

Каковы бы ни были мелкобуржуазные утопии, которыми все народнические партии и группы облекают борьбу крестьянских масс против крепостнического помещичьего землевладения и против всех крепостнических пут всего землевладения и землепользования в России вообще, — сама эта борьба выражает собой вполне буржуазно-

демократическое, безусловно прогрессивное и экономически необходимое стремление к решительной ломке всех этих пут.

Национализация земли, будучи буржуазной мерой, означает наибольшую возможную и мыслимую в капиталистическом обществе свободу классовой борьбы и свободу землепользования от всех небуржуазных придатков. Кроме того, национализация земли, как отмена частной собственности на землю, означала бы на практике такой могучий удар частной собственности на все средства производства вообще, что партия пролетариата должна оказать всякое содействие подобному преобразованию.

С другой стороны, зажиточное крестьянство России давно уже создало элементы крестьянской буржуазии, и столыпинская аграрная реформа, несомненно, усилила, умножила, укрепила эти элементы. На другом полюсе деревни столь же усилились, умножились сельскохозяйственные наемные рабочие, пролетарии и близкая к ним масса полупролетарского крестьянства.

Чем решительнее и последовательнее будет ломка и устранение помещичьего землевладения, чем решительнее и последовательнее будет буржуазно-демократическое аграрное преобразование в России вообще, тем с большей силой и быстротой будет развиваться классовая борьба сельскохозяйственного пролетариата против зажиточного крестьянства (крестьянской буржуазии).

В зависимости от того, удастся ли городскому пролетариату повести за собой сельский пролетариат и присоединить к нему массу полупролетариев деревни, или эта масса пойдет за крестьянской буржуазией, тяготеющей к союзу с Гучковым, Милюковым, капиталистами и помещиками и к контрреволюции вообще, — в зависимости от этого определится судьба и исход русской революции, поскольку начинающаяся пролетарская революция в Европе не окажет на нашу страну своего непосредственного, могучего влияния.

Исходя из такого классового положения и соотношения сил, конференция постановляет:

1) Партия пролетариата борется всеми силами за немедленную и полную конфискацию всех помещичьих земель в России (а также удельных, церковных, кабинетских и пр. и пр.).

2) Партия решительно выступает за немедленный переход всех земель в руки крестьянства, организованного в Советы крестьянских депутатов или в другие, действительно вполне демократически вы-

бранные и вполне независимые от помещиков и чиновников органы местного самоуправления.

3) Партия пролетариата требует национализации всех земель в государстве; означая передачу права собственности на все земли в руки государства, национализация передает право распоряжения землей в руки местных демократических учреждений.

4) Партия должна решительно бороться как против Временного правительства, которое и устами Шингарева и коллективными своими выступлениями навязывает крестьянам «добровольное соглашение с помещиками», т. е. на деле помещичий характер реформы, и грозит крестьянам карами за «самоуправство», т. е. переходом к насилию со стороны меньшинства населения (помещиков и капиталистов) против большинства, — так и против мелкобуржуазных колебаний большинства народников и меньшевиков социал-демократов, советующих крестьянам не брать всей земли до Учредительного собрания.

5) Партия советует крестьянам брать землю организованно, отнюдь не допуская ни малейшей порчи имущества и заботясь об увеличении производства.

6) Все вообще аграрные преобразования могут быть успешны и прочны лишь при полной демократизации всего государства, т. е., с одной стороны, при уничтожении полиции, постоянной армии и фактически привилегированного чиновничества, а с другой стороны, при самом широком, вполне свободном от надзора и опеки сверху, местном самоуправлении.

7) Необходимо немедленно и повсеместно приступить к отдельной и самостоятельной организации сельскохозяйственного пролетариата как в виде Советов депутатов от сельскохозяйственных рабочих (а также особых Советов депутатов от полупролетарского крестьянства), так и в виде организации пролетарских групп или фракций в общих Советах крестьянских депутатов, во всех органах местного и общегородского управления и т. д. и т. п.

8) Партия должна поддержать почин тех крестьянских комитетов, которые в ряде местностей России передают помещичий, живой и мертвый, инвентарь в руки организованного в эти комитеты крестьянства для общественно-регулированного использования по обработке всех земель.

9) Партия пролетариата должна советовать пролетариям и полупролетариям деревни, чтобы они добивались образования из каждого

помещичьего имения достаточно крупного образцового хозяйства, которое бы велось на общественный счет Советами депутатов от сельскохозяйственных рабочих под руководством агрономов и с применением наилучших технических средств.

МАТЕРИАЛЫ ДИСКУССИЙ И ПРОГРАММНЫЕ ДОКУМЕНТЫ КОНСТИТУЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ (ПАРТИИ НАРОДНОЙ СВОБОДЫ)

Проект аграрной части программы КДП (ПНС) [представлен VIII съезду КДП (ПНС)]

<...> Проект ... делится на две части. Первая часть представляет общие положения, которые устанавливают основные точки зрения партии на важнейшие стороны земельного вопроса. Вторая часть представляет более детальное развитие тех пунктов прежней программы, которые относились специально к очередной земельной реформе в тесном смысле этого слова.

Останавливаясь сначала на первой части программы, я, прежде всего, должен сказать, что первые три ее пункта представляются органически связанными между собой. Первый пункт[360] в обобщенной форме дает то принципиальное положение, которое было установлено еще третьим партийным съездом[361], а именно — он гласит следующее: «Земли сельскохозяйственного пользования должны принадлежать трудовому земледельческому населению». Следующий, второй пункт развивает реально это общее положение: он говорит об осуществлении этого начала по отношению к существующему сейчас нетрудовому землевладению — о необходимости передачи его в руки трудящихся путем скорейшего проведения в жизнь соответствующей земельной реформы. Третий пункт говорит о том, что все существующее и создаваемое означенной реформой трудовое землевладение должно быть обставлено законом таким образом, чтобы более или менее упрочивалось и охранялось его назначение — служить обеспечению трудового населения. В соответствии со сказанным второй пункт редактирован так: «Неотложной мерой в этом направлении должно быть осуществление земельной реформы, ближайшим образом имеющей в виду удовлетворение нужды в земле малоземельного и безземельного населения, занимающегося земледельческим трудом»; развитие этого пункта

проводится в приложенных дальше «Главных основаниях земельной реформы». Третий пункт: «Для сохранения за трудовым землевладением его прямого назначения должны быть установлены законом меры к устранению возможности для отдельных лиц приобретать землю сверх трудовой нормы, а также обращать земли сельскохозяйственного пользования (хотя бы и в пределах трудовой нормы) в источник постоянного рентного дохода».

Следующие три пункта программы являются также довольно тесно связанными между собой; они относятся к установлению точки зрения партии на существующие формы владения землей и на положение и организацию связанных с ними земельных союзов. Четвертый пункт говорит:

«Ввиду многообразия форм трудового землевладения все земельные союзы (общины, общества с подворным владением, товарищества и проч.) — с устранением сословных ограничений, административной опеки и других пережитков старого порядка — должны приобрести характер частноправовых организаций, с исключительно судебной охраной прав их членов и самих союзов в целом. Внутренняя организация и деятельность союзов должны определяться законом и вырабатываемыми ими уставами или договорами». <...>

Содержание последнего пункта, как по обстоятельствам, вызывающим его, так и по самому существу, представляется довольно ясным. Превращение тех союзов, о которых идет речь, в частноправовые организации уже происходит и должно вскоре завершиться в связи с общими преобразованиями строя России — в связи с установлением гражданского равенства, устранением административной опеки и проч. Но раз это так, раз падают прежние рамки существования союзов, последние, очевидно, должны получить новые основания для своего нормального существования. Такими основаниями, по общему складу того строя, который сейчас у нас устанавливается, могут быть только те, которые здесь указаны, т. е. основания частноправового устройства, находящего надлежащую общую регулировку и охрану в законе, и в то же время всем союзам должно быть предоставлено право и облегчена возможность вырабатывать уставы и договоры, которыми более точно и сообразно с условиями каждого отдельного случая определялись бы их внутренний строй и внутренняя организация.

В частности, одному из видов земельных союзов, а именно — союзам с общинным владением землей, имевшим и имеющим и сейчас в

России особо важное значение, и в связи с тем обострением вопросов, связанных с этим видом владения, которое получилось за последнее 10-летие в результате столыпинского законодательства, — оказалось необходимым уделить в программе особое внимание. В этом отношении в программу предполагается включить следующие ближайшие требования (пункт VI): «В частности, по отношению к общинному владению необходимо: 1) устранение из действующих законоположений мер насильственного разрушения общинного владения» — здесь разумеется указ 9 ноября и соответствующие ему последующие узаконения, с одной стороны, а с другой — такие меры, как признание общин, не переделявших землю в течение известного срока, перешедших к подворному владению без опроса о том самого населения; такого рода насильственные меры и признаются в данном случае подлежащими отмене. — Далее: 2) «устранение чересполосицы между укрепленными за отдельными домохозяевами участками и общинными землями»; т. е. вводится требование устранения того громадного зла, которое было причинено внедрением в общинные земли путем так называемого «укрепления» полос, принадлежащих отдельным лицам на совершенно ином праве. — Пункт третий: «установление порядка выхода и выдела отдельных членов из общины, обеспечивающего интересы как выходящих и выделяющихся, так и прочих общинников». — И, наконец, четвертый пункт: «допущение законом переуступки отдельными общинниками своего права участия в общинном владении посторонним лицам с надлежащим ограждением при этом интересов общины».

Последний пункт, ввиду того, что он вводит нечто новое и сравнительно малоизвестное, требует некоторых пояснений. Дело в том, что противниками общинного владения основательно указывалось, что оно имеет ряд отрицательных сторон в том виде, в каком эта форма владения исторически сложилась. Одна из этих отрицательных сторон заключается в том, что отдельным членам затруднен выход и выдел из общины своих земель; как бы прикрепляясь к общине, они ставятся этим в невыгодное положение по сравнению с местностями с подворным владением. Столыпинские законы пошли как бы навстречу устранению этого недостатка, но пошли настолько широко, что даже противники общины были в большинстве очень смущены и даже нередко возмущены, и, конечно, те способы облегчения выхода из общины, которые были созданы столыпинским законодательством, совершенно недопустимы. Поэтому в настоящее время необходимо, с

одной стороны, принять меры к сужению того права выхода и выдела, которое было предоставлено этим законодательством, потому что иначе интересы прочих общинников не только являются не огражденными, а наоборот, резко нарушаются. Но при смягчении слишком далеко пошедших столыпинских законов, очевидно, может получиться опять прежнее положение, при котором отдельные лица явились бы вновь чрезмерно связанными с общиной.

Обдумывая этот вопрос, бюро нашей аграрной комиссии еще около 10 лет тому назад пришло к мысли, что для ослабления тех затруднений, которые создаются для выдела отдельных лиц при надлежащей охране интересов прочих общинников, следует ввести в жизнь особый порядок выхода из общины и вступления в нее путем установления права переуступки или передачи права участия в общинном владении отдельными семействами посторонним семьям. Порядок такой переуступки и их гарантии, какие при этом необходимы для ограждения интересов как общинников, так и тех хозяев, которые желают выйти из общины, были тогда подробно разработаны. Сейчас нет надобности приводить их здесь текстуально, так как в данном случае идет речь не о законопроекте, как обстояло дело тогда, а только об известном программном требовании. Я указываю только на то значение, которое имеет введение этого права переуступки, так как без него выход из общины будет все-таки крайне затруднен; введение же такого права не только устраняет указанный недостаток, но и вообще приводит наше общинное владение в положение, более соответствующее всей той юридической правовой обстановке, которая создается в настоящее время. Очевидно, что нет оснований общинникам быть более ограниченными в правах, чем это действительно необходимо. Очевидно также, что существующая ныне чрезмерная замкнутость отдельных общин и сама по себе не может считаться желательным явлением.

Следующий пункт программы уже не относится прямо к вопросам той категории, которых я касался в предшествующей части своего доклада, но он соответствует аналогичному же пункту прежней нашей программы[362]. Этот пункт указывает на необходимость широких мероприятий такого рода, которые имеют целью техническое упорядочение трудового землевладения, организацию и обеспечение возможности переселений и, наконец, мероприятия, направленные к поднятию производительности трудового землевладения. Здесь говорится: «Необходима широкая постановка землеустроительного дела, а также работ

по заготовке и устройству земель для переселенцев. Государственная и общественная организация самих переселений. Система мер к подъему производительности трудового землевладения, как-то: мелиорация, сельскохозяйственный кредит, мероприятия агрономического характера, дальнейшее развитие и укрепление кооперации и т. п.».

Наконец, дальнейшие части общей программы имеют уже специальный характер и относятся к лесам, недрам и водам. <...> Так, прежде всего, п. VIII говорит следующее: «Леса должны принадлежать государству, за исключением лесных площадей, могущих получить сельскохозяйственное назначение, а также состоящих во владении трудового населения (надельных и т. п.) и общественных учреждений. Эксплуатация лесов должна определяться общим планом, обеспечивающим как правильную постановку лесного хозяйства, так и удовлетворение нужд страны, охрану лесов защитного значения и проч.

Примечание. Вопрос об облесении должен быть разрешен особым законом».

Последнее примечание введено по следующим соображениям. Аграрная реформа земли сельскохозяйственного пользования передает в громадной их части трудовому населению. Между тем нужды страны несомненно требуют во многих районах России, а впоследствии будут требовать, вероятно, и еще более облесения новых пространств, расширения лесных площадей. Так как этот вопрос имеет, с одной стороны, громадную важность, а с другой стороны, в условиях почти исключительного господства трудового землевладения представляет для своего разрешения громадные трудности, то он, очевидно, должен быть поставлен на какие-то особые основания, необходимость выработки которых здесь и указывается.

Пункт IX — о недрах земли — редактирован в прежней программе так: «Права на недра земли должны быть отделены от прав на ее поверхность и составлять достояние государства». Особое примечание к этому пункту указывает, что «должны быть установлены законом способы и условия отчуждения тех прав владельцев земли на ее недра, которые получили осуществление на основании действующих законов». Вопрос о недрах, конечно, гораздо шире, чем он поставлен в этом пункте; но при формулировке его имелось в виду сознательно ограничить здесь рамки намечаемого решения только теми пределами, в которых он является частью аграрного вопроса. Дальнейшие же во-

просы, связанные с эксплуатацией недр, должны найти себе место уже в других отделах нашей партийной программы. Затем, из прочитанного примечания видно, что им предусматриваются условия отчуждения только тех прав на недра владельцев поверхности земли, которые уже получили осуществление. При редактировании этого примечания предполагали, что права на те недра, которые еще не обнаружены или еще ни в какой степени не получили осуществления, должны перейти к государству безвозмездно; что возмездность может быть приложима здесь только в том случае, когда так или иначе к осуществлению этих прав было уже приступлено. Наконец, пункт X общей части программы говорит о внутренних водах: «Государству должно быть предоставлено верховное право регулировать пользование внутренними водами как источниками движущей силы, а также для целей орошения и прочих нужд общего значения.

Примечание. Потери частных лиц и обществ, действительно понесенные ими в непосредственной зависимости от государственных мероприятий, подлежат возмещению».

Этим и кончается общая часть программы. Что касается второго ее отдела, то он относится всецело к намечаемой партией очередной земельной реформе по передаче земель трудящимся и представляет кое-что новое только в частностях. В сущности, за немногими исключениями, это лишь сокращенная формулировка того, что наиболее полно было выражено раньше в законопроекте, внесенном партией в Государственную думу второго созыва[363]. Я позволю себе, поэтому, остановить здесь ваше внимание только на тех пунктах, в которые внесено что-либо новое или которые вообще почему-либо требуют дополнительных разъяснений.

Так, прежде всего, позвольте остановиться на примечании к п. 6 настоящего отдела программы, в котором говорится об основаниях, на которых должны определяться предельные нормы количества земли, какое может быть оставляемо за частными владельцами в тех случаях, когда ими ведется хозяйство собственным инвентарем. Во всех наших прежних законодательных предположениях везде также говорилось о возможности оставления земли, при известных условиях, за частными владельцами более трудовой нормы, но не свыше известной предельной нормы, но эта предельная норма оставалась пока неопределенной по ее существу, т. е. по тем признакам, которым размер этой предельной

нормы должен удовлетворять. В настоящее время представлялось необходимым придать этому пункту также надлежащую определенность. И вот, рассматривая этот вопрос, мы признали, что наиболее подходящим основанием и здесь должно быть взято то начало, которое является руководящим для нас, а именно — трудовое начало.

До трудовой нормы, в собственном смысле этого слова, мы считаем нужным оставлять землю за всеми владельцами. Но мы знаем, что в некоторых областях России довольно широко распространены крупные крестьянские хозяйства — хозяйства, которые могут быть определены как полутрудовые, так как в них хозяин или его семья еще продолжают участвовать в сельскохозяйственных работах, но лишь частично, наряду с наемными уже рабочими. Вот мы и полагали, что максимальные пределы оставляемых за владельцами участков, при условии ведения хозяйства собственным инвентарем, надлежит установить применительно к обычным размерам тех хозяйств в каждом данном районе, которые имеют указанный уже выше полутрудовой характер, не приобретая еще характера чисто капиталистического. Принять какое-нибудь другое основание для вывода предельных норм было бы едва ли возможным, т. к. всякое иное решение вопроса было бы совершенно произвольным и трудно согласимым с принципиальными основаниями всей программы.

Затем, следует остановиться на п. 8, который говорит об основаниях, на которых должна отводиться земля трудовому населению при предполагаемой земельной реформе. Здесь принято то основание отвода земли, которое было установлено уже раньше, после долгого и многократного обсуждения данного вопроса хотя и не на съезде, так как съезд формально в то время был уже невозможен, но в аграрной комиссии партии, затем в ЦК и, наконец, в парламентской фракции, после чего оно положено было и в основу проекта партии, внесенного во II Государственную думу, а именно — постоянное пользование.

Как известно, в «Записке 42-х» членов нашей партии, внесенной в I Государственную думу, было принято другое основание, а именно — отвод земли в срочное пользование, на определенные сроки, но эта идея срочности пользования не встречала и в то время, и позже сочувствия в большинстве нашей партии. На третьем съезде эта форма, после длительного обсуждения, не нашла большинства, и съезд представленный ему проект Основных положений земельного закона счел возможным передать в парламентскую фракцию только как материал. В свою оче-

редь, и парламентская фракция I Думы не нашла себе большинства для признания указанного принципа, и из парламентской фракции под именем «Записки 42-х» проект внесен был в Думу опять-таки лишь как материал. С другой стороны, если в большинстве нашей партии, — в связи, отчасти, с теми основами ее миросозерцания, которых я касался уже раньше в настоящем докладе, — не встречало сочувствия признание такого принципа, как срочное пользование, то не находило в нем также сочувствия и признание принципа отвода земли на началах собственности, особенно если иметь в виду более или менее неограниченное право собственности. В частности, настоящий проект программы даже по отношению к существующему землевладению, как мы видели, предлагает ряд серьезных ограничений как для борьбы с концентрацией земель, так и для борьбы с возможностью обращать трудовые земли в рентное пользование. При такой постановке дела предлагать отводить новые земли в собственность было бы просто неискренно и противоречило бы той оценке, которую в большинстве партии встречал всегда принцип собственности в настоящем смысле этого слова; приходилось бы говорить, что земля может быть отводима на началах лишь весьма ограниченной собственности, и при таких условиях лучше уж предпочесть формулу постоянного или бессрочного пользования, этим именно указывая, что хотя партия стоит на почве прочного обеспечения земледельцев, но не рисует его себе в форме права неограниченного распоряжения землей.

Наконец, последний пункт отдела (9-й) гласит: «Выкупная сумма за отчуждаемые земли выплачивается владельцам выкупными свидетельствами. Погашение этой суммы и уплату определяемой законом доли ежегодного платежа процентов по выкупным свидетельствам должно принять на себя государство. Остальная часть процентов должна покрываться особым налогом с земель, отводимых в пользование населения». По этому поводу позвольте сделать следующее разъяснение. По существу, эта редакция соответствует содержанию аналогичного пункта того проекта, который внесен был в Государственную думу. Там также говорилось: часть принимает на себя государство, часть — те, кто получит землю; более точного определения долей при этом не было дано. Здесь при обсуждении этого вопроса предпочтительнее казалась такая комбинация, что самый капитальный долг относится всецело на счет государства; на счет государства, как это делалось раньше по отношению к Крестьянскому банку, представляется, по-видимому,

возможным и нужным отнести и известную долю процентов; остальная же доля процентных платежей должна быть возложена на получателей земли. Тут вообще может быть два крайних решения вопроса: или все бремя выкупа могло бы быть возложено на тех, которые землю получат, или же наоборот, все это бремя может быть принято на себя государством.

И то, и другое крайние решения, по-видимому, неприемлемы. С одной стороны, возложить все бремя на тех малоземельных и безземельных, которых мы предполагаем обеспечить, это значило бы не сделать того, что мы хотим, потому что дать землю за высокие выкупные платежи тому населению, которое сейчас не имеет или почти не имеет земли, которое нуждается в новом хозяйственном обзаведении, в затрате известных капиталов, в самом хозяйстве, — очевидно, значило бы не только не помочь, а может быть даже ухудшить положение этого населения. Это — с одной стороны, а с другой стороны — дать землю на условиях, при которых вся тяжесть выкупа падала бы на государство, едва ли было бы целесообразно и правильно по соображениям двоякого характера. Во-первых, современное состояние государственных средств таково, что такая постановка дела едва ли была бы вероятно осуществима. Во-вторых, было бы большой несправедливостью дать землю даром населению теперь наделяемому, в то время как прочее население хорошо еще помнит те высокие выкупные платежи, которые оно в течение десятилетий несло по надельным, а значительная часть крестьян и теперь несет платежи по купленным землям. Во-вторых же, нельзя не указать, что чрезвычайную опасность представляло бы и другое предложение, при котором отвод земли только по внешности был бы даровым, так как на самом деле нужные деньги все-таки нужно было бы собирать какими-то налогами; между тем этот кажущийся даровым отвод земли вызвал бы чрезвычайно сильное тяготение из городов и промышленности, которое не вызывалось бы реальной необходимостью, грозило бы громадными опасениями для промышленной жизни страны и в то же время едва ли дало бы что-нибудь для самого народа, являясь совершенно искусственным и даже прямо обманчивым. Вот те соображения, в силу которых принято и сейчас то компромиссное решение вопроса, которое уже и раньше было установлено во время II Думы.

Особая добавка к настоящему проекту касается одной очень важной стороны предмета. Дело в том, что Россия настолько велика и

разнообразна, что и все наши прежние работы по аграрному вопросу приходилось снабжать такого рода оговоркой, что данные предположения более или менее полно могут относиться только к главному массиву Европейской России; к окраинам же и к некоторым другим областям предположения могли считаться приложимыми только в их общих основаниях — по их духу, но не по редакции. В силу тех же обстоятельств и в значительной части настоящей программы говорится также, что она «имеет в виду преимущественно условия Европейской России, за исключением ее окраин и областей с особым земельным устройством, каковы: горный Кавказ, Закавказье, земли Внутренней Киргизской орды, земли казачьих войск и др. Для этих районов, резко отличающихся в бытовом и хозяйственном отношениях, положения программы должны быть соответственно изменены, с сохранением ее общих оснований». Вопрос этот имеет громадную важность — вопрос о приспособлении нашей программы к особенностям тех областей, о которых идет речь. Если настоящий съезд признает это очередной задачей, то, вероятно, он сочтет нужным поручить Центральному комитету и состоящей при нем аграрной комиссии заняться таким приспособлением программы, пользуясь для этого привлечением местных людей и отчасти передав основную программу на обсуждение с этой точки зрения в местные партийные организации.

Протокольная запись обсуждения аграрного вопроса на VIII съезде КДП (ПНС) 10–12 мая 1917 г.

Доклад Н. Н. Черненкова[364]

Прошлый съезд партии поручил ЦК пересмотреть тот отдел нашей программы, который относится к аграрному вопросу, и представить настоящему съезду новую формулировку этого отдела[365].

Чем вызывалась необходимость такого пересмотра? Здесь нужно отметить два главных обстоятельства. Во-первых, партия очень много работала по аграрному вопросу уже после выработки ею своей первоначальной общей программы, установленной еще в самый момент сложения партии; работала она больше всего при этом в направлении конкретизации основ той очередной земельной реформы, осуществление которой поставила своей задачей наша партия. По отношению к этой именно реформе был ею выполнен ряд крупных работ, развивавших

значительно дальше общие положения программы и развертывавших их в форме более или менее подробных законопроектов; ввиду этого прежние краткие программные формулировки необходимо было в настоящее время привести в соответствие с произведенными позже работами, впитав в них все важнейшие результаты этих последующих работ — результаты, нашедшие наиболее полное и законченное выражение в тех законопроектах партии, которые были ею внесены во II Государственную думу[366].

Кроме того, здесь было и другое обстоятельство. В то время, когда формировалась партия, важнейшее содержание аграрной программы почти исчерпывалось теми положениями, которые относились к очередной земельной реформе, о которой я только что говорил. Но как ни громадна эта реформа, однако совершенно ясно, что ею не исчерпывается вся область аграрного вопроса. Ведь кроме тех земель, которые по этой реформе должны перейти к трудовому населению, в руках этого трудового населения уже находятся громадные пространства земель (надельных и др.), намного превышающие то их количество, какое должно вновь поступить в его распоряжение. И по отношению к этим землям партия, действуя в Государственной думе, должна уже была реагировать определенным образом в связи с законами, изданными правительством П. А. Столыпина. Таким образом, в настоящее время необходимо было расширить самые рамки нашей программы настолько, чтобы она обнимала не только основы реформы, имеющей в виду передачу нетрудового землевладения в руки трудящихся, а обнимала бы собой всю массу трудового землевладения в том его виде, как оно должно получиться после осуществления этой давно намеченной партией реформы. Но этим самым, конечно, расширялся не только предмет программы, но и самый круг вопросов, который аграрная программа должна иметь в виду, так как, поскольку она должна обнять уже существующее ныне трудовое землевладение, приходится принимать в соображение и разнообразные виды этого землевладения, как оно исторически сложилось; приходится также установить известное отношение к целому ряду других вопросов, связанных с ним, как, например, об организации и юридическом характере тех союзов, которые в настоящее время существуют на основе трудового землевладения и т. п.

Но даже и при такой постановке опять-таки далеко не исчерпывается вся область аграрного вопроса. Ведь когда говорят о трудовом землевладении, о принципе принадлежности земли трудящимся и

т. д., то, сознательно или бессознательно, имеются в виду, в сущности, не все земли, а только те земли, на которых ведется сельское хозяйство или которые хотя бы предназначаются или могут быть предназначены для ведения этого хозяйства. Но, кроме того, существуют громадные площади лесов, вопрос о которых уже не может быть разрешен простым подведением их под ту же формулу — передачи земли трудящимся. Нельзя также на одном этом принципиальном основании решать и некоторые другие вопросы, как, например, вопрос о недрах. Я не буду сейчас перечислять все эти вопросы, а отмечу только еще раз очевидность того, что, в силу только что сказанного, в настоящее время пересмотр программы должен был иметь в виду — помимо задач конкретизации и большей полноты формулировки положений об очередной земельной реформе — также и включение в программу ряда новых вопросов и установление по отношению к ним известной точки зрения, которая раньше определенно не была установлена, но которую нужно было теперь установить в согласии с общей позицией партии в аграрном вопросе.

Но раз представлялся необходимым такой существенный пересмотр нашей программы в смысле ее пополнения и расширения, то не может быть обойден и более коренной вопрос: насколько этот пересмотр должен идти также и в глубину, если можно так выразиться, — не должен ли он затронуть самые основы той общей позиции, на которой раньше партия стояла в аграрном вопросе при более ограниченной его постановке? Чтобы ответить на этот вопрос, нам нужно коснуться ряда некоторых общих идей, очень распространенных преимущественно в партиях левее нас стоящих, но которые имеют своих сторонников и в нашей среде. Я имею в виду идеи, которые связаны с терминами: национализация, муниципализация и социализация земли. Так как и в нашей партии, как я уже сказал, всегда было и сейчас имеется довольно значительное течение, которое находило и находит, что нам следует также поставить во главу нашей аграрной программы и нашей аграрной политики один из этих принципов, а именно — принцип национализации земли, то и предстоит в данном случае, при пересмотре программы, определить: должна ли партия, в ее целом, согласиться с пожеланиями этого течения или же ей надлежит оставаться на той позиции, на которой она стояла до настоящего времени?

Обращаясь к упомянутым идеям, прежде всего, следует сказать, что при рассмотрении их приходится встретиться с одним очень важным

затруднением. Дело в том, что мы, в сущности, не имеем подробных программ, официально признанных соответствующими партиями, которые были бы основаны на этих идеях. Попытки в этом направлении были, и иногда довольно детальные, но они значения общепартийных документов не имеют; формулировки же партийных программ обычно слишком неопределенны и общи, чтобы по ним можно было составить достаточно точное представление о содержании тех идей, о которых идет речь.

Пользуясь, однако, тем, чем приходится ограничиться в данном случае, следует сказать, что все три указанных выше термина употребляются в смысле признания необходимой известной формы коллективизации[367] землевладения или землепользования, причем каждый из этих терминов: национализация, муниципализация и т. д. — употребляется сообразно с тем, какой из ступеней общественной организации данная партия придает особое значение в своих аграрных построениях: государству, областному самоуправлению или общине. *Национализация*, как это совершенно ясно, обозначает придание, с точки зрения соответствующего течения, центрального или, по крайней мере, характерного значения государству; *муниципализация* отводит такое же центральное значение губернским или областным самоуправлениям, и, наконец, *социализация* соответствует понятию о крупной роли общины как мельчайшей коллективной единицы.

Однако, всматриваясь ближе в имеющиеся формулировки программ на основе указанных идей, мы, прежде всего, должны отметить следующее. Хотя, на первый взгляд, дело и представляется в таком виде, что каждое из рассматриваемых течений выставляет как бы одну определенную идею, один определенный принцип коллективизации землевладения, — на самом деле, однако, ни одна из партий не стоит фактически на основе одного какого-либо принципа, а строит свою систему на известном сочетании различных принципов. Иначе говоря, все партии в действительности строят свои системы не на основе одной какой-либо формы или ступени общественной организации, а на основе комбинированного использования различных ее форм, придавая им лишь различное относительное значение в каждой системе.

В этом отношении наиболее своеобразное положение занимает, пожалуй, течение, которое стоит на почве «социализации» земли, т. е. партия социалистов-революционеров. Вы позвольте мне прочесть небольшую выдержку из их программы, которая говорит следующее:

«В вопросах аграрной политики и поземельных отношений партия ставит себе целью использовать, в интересах социализма и борьбы против буржуазно-собственнических начал, как общинные, так и вообще трудовые воззрения, традиции и формы жизни русского крестьянства и в особенности взгляд на землю как на общее достояние всех трудящихся. В этих видах партия будет стоять за социализацию всех частновладельческих земель, т. е. за изъятие из частной собственности отдельных лиц и переход в общественное владение и в распоряжение демократически организованных общин и территориальных союзов общин на началах уравнительного пользования»[368].

Характерным для этого построения является то, что здесь коллективизация землевладения рисуется исходящей снизу, от общины; но, как видно из прочитанного, вслед за тем указывается, что эти общины образуют территориальные союзы или объединения, т. е. объединения, которые — по идее, если не по форме — соответствуют тому, что мы находим в проектах муниципализации и, как увидим дальше, и в проектах национализации земли. Кроме того, в приведенной цитате говорится и о той идее, что земля есть «общее достояние всех трудящихся», т. е., в сущности, вы находите здесь и идею высшего объединения, правда, не государственного, а какого-то смутного «общенародного», так как партия социалистов-революционеров весьма основательно к современному государству относится очень недоверчиво. Конечно, все построение в изложенной его форме представляется трудно конкретизируемым и довольно неопределенным. <...>

Другое построение, которое стоит под знаком «муниципализации» земли, может быть охарактеризовано следующей цитатой из последней брошюры П. П. Маслова — творца самой идеи муниципализации, озаглавленной: «Что делать с землей?» В ней мы читаем: «Все земли, которые отойдут от помещиков и других частных владельцев, от церквей, монастырей, будут *числиться* государственной собственностью (слово: «числиться» набрано курсивом), но права распоряжения ими на местах будут разные. Те земли, которые нужны местному населению, должны находиться в распоряжении крупных и областных организаций (земств), в распоряжении депутатов от местного населения. А земли, которые нужны для переселенцев, в тех губерниях, где много земли, должны остаться в распоряжении государства. Государство на свой счет будет их приспособлять, проводить дороги, осушать или проводить воду. Передача земли в распоряжение местных жителей

(земств?) называется муниципализацией, но это право распоряжения должно быть ограничено общим для всего государства законом».

Вот самая последняя, вышедшая почти на днях, формулировка идеи муниципализации. Опять-таки, что же мы здесь видим? Мы здесь видим только, что внимание переносится на среднюю из тех ступеней общественной организации, о которых я сказал выше, а именно — на крупные самоуправления; но в то же время определенно говорится, что земли должны принадлежать государству — «числиться» за ним, так как и то течение, к которому принадлежит П. П. Маслов, т. е. социал-демократическое, относится также весьма недоверчиво к тому государству, которое в настоящее время существует, хотя бы оно и было построено на самых демократических началах. Выдвижением муниципального элемента как «распорядительного» и имеется в виду обезвредить это государство. В то же время дальше мы видим, что фактически П. П. Масловым отводится большое место и нижним ступеням земельного устройства; так, мы читаем в его брошюре, что крестьяне на местах могут поступать так, как они найдут нужным: могут поделить между собою землю или же владеть ею сообща и т. д. Поэтому, хотя прямого значения общине как мелкой коллективной единице здесь не отводится, тем не менее и она получает известное признание и известное место.

Наконец, если мы обратимся к проектам национализации земли, то для примера я прочту следующую краткую цитату из программы «трудовой (народной-социалистической) партии»[369]. «В аграрной области партия считает необходимым добиваться национализации земли, т. е. обращения ее в общенародную (государственную) собственность, с тем, чтобы земли, предназначаемые для сельского хозяйства, отдавались в пользование только тем, кто их будет обрабатывать своим личным трудом. Национализация надельных земель и тех частновладельческих, на которых ведется трудовое хозяйство, должна быть осуществлена в виде системы мер, которые обеспечивали бы, с одной стороны, нахождение земли в трудовом пользовании и, с другой — постепенный переход их в общенародную собственность; остальные земли (казенные, удельные, кабинетские, церковные, монастырские, частновладельческие и т. д.), а также недра и воды — должны быть национализ[ир]ованы немедленно. Заведование (я особенно обращаю Ваше внимание на этот пункт)... заведование земельным фондом, за исключением земель, имеющих общегосударственное значение,

должно принадлежать органам местного самоуправления». Между прочим, в бюро аграрной комиссии, которая работала по пересмотру нашей программы, поступил также проект программы, построенный на началах национализации, и от одного из членов нашей партии. Я из него прочитаю сейчас только следующие 4 строчки: «Государство (раньше говорится, что все земли должны перейти в собственность государства) принадлежащие ему земли либо оставляет в своем непосредственном распоряжении, либо передает в распоряжение автономных государственно-общественных учреждений, отдельных граждан и частноправовых учреждений».

Таким образом, если мы возьмем хотя бы цитированные проекты национализации земли, то, пожалуй, приходится даже несколько недоумевать, почему они так называются, так как то, что я вам прочел, по-видимому, мог бы свободно подписать и Маслов, так как он тоже говорит: «Земли числятся за государством и находятся в распоряжении крупных самоуправлений». И характерно, между прочим, то, что как в проектах муниципализации, так и в проектах национализации земли третий элемент земельно-общественного устройства, наиболее жизненный, который мы все знаем из действительности: общины, общества, товарищества и т. д., словом, те коллективные объединения, которые на самом деле в жизни существуют, — все это почти не упоминается или, самое большее, упоминается только мимоходом.

Таким образом, оставаясь в рамках, хотя бы того немногого, что я сейчас прочел, можно установить следующие обстоятельства:

1) ни один из проектов, обозначающихся терминами: национализация, муниципализация и социализация земли, строго говоря, не построен на одном том принципе, который имеет характер заглавия или лозунга для этих проектов. Как я уже сказал, в отношении национализации иногда даже приходится не совсем для себя уяснять, почему это не проект муниципализации, или наоборот; 2) крупнейшие наши социалистические течения — социалисты-революционеры и социал-демократы — относятся весьма отрицательно или недоверчиво к широкой роли современного государства в земельном устройстве, и потому, хотя, например, в проектах муниципализации говорится — государству земля должна принадлежать, но подчеркивается, что она только будет «числиться» за государством, за исключением свободных земель и некоторых других, т. е., в сущности, лишь номинально явится принадлежностью государства; наконец, 3) на что, я не

знаю, обратили ли вы внимание, когда я читал цитаты, не исключая даже и той цитаты, которую я привел из программы социалистов-революционеров, — весьма характерно, что все они говорят, как о чем-то вполне определенном, о немедленной коллективизации, в той или другой форме, только того землевладения, которое сейчас подлежит передаче в руки трудящихся; про остальные же земли говорится или только в смутной форме, или в виде указания на меры, направленные к постепенному переходу земель в общенародную собственность, или, наконец, просто умалчивается. Вот все эти три обстоятельства: явно условная и ограниченная роль каждого из рассматриваемых лозунгов даже в построениях, которые носят соответствующие названия; несомненная наличность обстоятельств, которые заставляют крупнейшие социалистические партии очень недоверчиво относиться к широким правам современного государства в важнейших областях аграрного устройства, и, наконец, тот факт, что самые радикальные из программ, идущие наиболее далеко, на самом деле определенно говорят о приложении своих принципов, в более или менее близком будущем, только к тому землевладению, которое должно ныне дополнительно перейти в руки трудящихся, — все это указывает, насколько провозглашаемые принципы земельного устройства, при ближайшем их рассмотрении, должны быть признаны относительными, частными и ограниченными в своем практическом приложении.

Но значит ли, однако, что рассматриваемые принципы, хотя бы в том неопределенном виде, в каком их выставляют известные партии, и в их реальной основе, т. е. в виде того положения, что в аграрном устройстве большой страны известная роль должна принадлежать и государству, и крупным самоуправлениям, и, наконец, мелким коллективным единицам, — значит ли все сказанное, что эти принципы здесь применяются ошибочно и ложно и должны быть совершенно отброшены? Конечно, такой вывод был бы совершенно неправилен. Несомненно, что все рассмотренные принципы совершенно правильны и совершенно применимы в известных пределах и в известном смысле; каждый из них является принципом совершенно жизненным и реальным, но только в тех пределах, которым он соответствует по самой своей природе. В отдельных партийных построениях неправильно лишь то, что отдельные принципы получают искаженно преувеличенное значение, к тому же обычно чрезвычайно туманное и лишенное необходимой конкретности.

Если же мы рассмотрим эти принципы в более определенном и более жизненном их значении; если мы возьмем, например, хотя бы реальную основу принципа социализации земли, т. е. то положение, что мелким земельным союзам и обществам должно принадлежать особо важное значение в земельном устройстве страны, — то, конечно, против такой мысли не только нельзя возражать, но, несомненно, эта мысль должна быть принята за одно из основных положений всякого здорового и правильного земельного устройства в тех условиях, в которых находится, по крайней мере, наше государство. Также и идея социалистов-революционеров о союзах общин, по существу и в известных пределах, вполне реальна, но при том непременном условии, что этим союзам не отводится преувеличенного значения, что в данном случае не имеется в виду что-либо в роде «разгораживания» границ между общинами, как это иногда можно думать, читая брошюры представителей партии с[оциалистов]-р[еволюционеров], и что земельные союзы не мыслятся непременно и повсеместно в форме коллективов строго «общинного» характера.

Точно так же, если мы обратимся к идее муниципализации земли, то и здесь едва ли можно сомневаться, что в наших условиях, особенно с демократизацией органов самоуправления и с расширением их компетенции, этим органам должно будет принадлежать известное и, быть может, довольно широкое участие в делах земельного устройства, — по отношению, в частности, к лесам и некоторым другим землям. Кроме того, у нас существуют и сейчас целые области, в которых фактически осуществляется областное заведование землями даже в полном смысле этого слова, — это земли казачьих войск. Но, конечно, из того факта, что эти областные организации существуют и будут существовать — так как нет оснований им не оставаться в ближайшем будущем в том виде, как они существуют, — вовсе не следует, что то же устройство, какое исторически создалось в этих областях, может быть распространено и на другие области.

Точно то же следует сказать и по отношению к национализации земли. Во владении государства, прежде всего, и сейчас имеются громадные земельные площади, главным образом — леса и свободные земли; земли этих категорий, несомненно, в ведении государства и будут находиться. Но опять-таки это, конечно, очень далеко от того, чтобы исходя из данного факта находить столь же возможной передачу во владение и «распоряжение» государства и всех тех земель,

на которых ведется сельское хозяйство и от которых живет главная масса населения страны.

Таким образом, мы не имеем оснований совершенно отрицательно относиться хотя бы к одной из тех идей, которые положены в основу проектов земельного устройства, о которых я говорил. Но задача в том, чтобы они были взяты и прилагались в тех пределах и в тех случаях, которым они действительно соответствуют, в которых они полезны, не опасны и практически осуществимы. <...>

В частности, по отношению к идее национализации земли, которая как раз имеет многих сторонников и в нашей партии, я сделаю еще несколько дополнительных замечаний. Прежде всего, здесь нужно отметить, что совершенно правильно говорит один из наших крупных экономистов социалистического направления С. Н. Прокопович[370], когда он пишет, что вопрос о той реформе, которая составляет давно больное место нашей страны, совсем не есть вопрос о наделении землей государства, а это есть вопрос о наделении малоземельного населения, и потому вдвижение этого, совершенно реального, вопроса в рамки национализации, которая реально совершенно не поставлена жизнью, есть только ненужное и потому вредное осложнение и без того трудного вопроса. Но и вообще в отношении национализации земли существуют крупные недоразумения. Так, например, принцип передачи земли трудящимся очень часто считается как бы скрытой формой признания принципа национализации; на самом же деле совершенно ясно, что между этими двумя началами никакой прямой связи нет. Трудящимся земля может быть передана, очевидно, и на началах собственности, даже — индивидуального владения, а с другой стороны — национализация не непременно предполагает, что национализированная земля обращается в пользование трудящихся или, по крайней мере, только трудящихся. В частности, следует попутно сказать, что известная теория Генри Джорджа[371] и аналогичные с нею, в сущности, стоят совершенно в другой плоскости: они вовсе не имеют в виду передачу земли именно трудящимся, а имеют в виду лишь установление такого налога на землю, который фактически брал бы в распоряжение государства всю ренту — ту ренту, которая обычно называется дифференциальной рентой, т. е. соответствует различиям в доходности земель, обусловливаемых их качеством и положением; при этом самая земля не экспроприируется, а она только обесценивается, поскольку цена земли есть капитализированная рента. В этом

собственно только и заключается прямой результат предлагаемой в этом случае реформы, как реформы земельной. Но ясно, что обесцененная земля может затем быть предметом эксплуатации не только трудящихся, но и капиталистов, так как капиталист и на этой обесцененной земле может иметь обычный предпринимательский доход.

Также следует отметить, хотя уже косвенно я и коснулся этого, что требование национализации земли не имеет фактически ничего общего и с социализмом. Это достаточно видно из того уже, что главные наши социалистические партии национализацию земли, принадлежность ее государству, собственно, или отрицают, или, по крайней мере допуская ее формально, стремятся обезвредить и свести к минимальному значению[372].

Наша партия всегда была и должна оставаться партией реальной политики и реальных требований; поэтому она до настоящего времени не выставляла и не должна выставлять какого-либо одного универсального лозунга в сфере земельного вопроса. Область аграрного вопроса настолько сложна и многообразна, что подвести ее под один какой-нибудь принцип невозможно, что видно отчасти из того, что я уже сказал раньше. Эту область можно поэтому охватить только рядом принципиальных оснований, из которых каждое может иметь лишь свою частную область приложения и притом иногда даже в этой области в разных степенях применения.

Стоя на только что указанной точке зрения, тот проект аграрной программы, который я буду иметь честь потом докладывать, стоит определенно прежде всего на проведении принципа, если хотите, «национализации» — если нужно употребить это слово — в известных определенных областях. А именно проект говорит определенно об обращении лесов во владение государства; он также говорит, что недра земли должны быть достоянием государства; наконец, по отношению к водам как источнику движущей силы, как средству орошения и т. д. проект опять-таки отводит государству верховное право распоряжения. Но здесь, между прочим, характерно, что когда вопрос ставится реально, то один и тот же принцип национализации даже в этих трех случаях оказывается применимым различно. <...>

Что касается главной категории земель, к которой обычно и относится так называемый аграрный вопрос в более узком его понимании, т. е. земель сельскохозяйственного пользования, то партия здесь уже давно стала на почву более общего и более основного принципа,

не исключающего тех частных принципов, о которых я говорил, но более широкого по своему содержанию, потому что он может иметь применение даже вне тех или иных форм коллективизации землевладения или землепользования и принципиально является осуществимым и при индивидуальном пользовании, а именно — на почву принципа принадлежности земель сельскохозяйственного пользования трудовому земледельческому населению[373]. Как я уже сказал, этот принцип весьма общ по своему характеру, и вместе с тем он более всего отвечает тому реальному содержанию, какое дает аграрному вопросу сама жизнь. Поэтому именно нашей партии, которая определенно стала на почву этого реального по его значению и очень широкого по его объему принципа, менее всего есть основания искать каких-либо других принципов и заимствовать их у других течений. Она может смело оставаться на этом широком основании и на нем именно строить, прежде всего, свои программные требования.

Если же стать определенно на основу указанного основного принципа, то и начало коллективизма землевладения или землепользования, в известных пределах, также должно получить свое применение и в отношении сельскохозяйственных земель; но в отношении их нужно заметить, что жизнь намечает, в сущности, широкое применение этого начала только для первой ступени общественной организации: общины, земельные общества и товарищества с подворным владением землей и другие земельные союзы на местах — вот те реальные коллективизации, которые дает действительность и которые партия должна взять за вторую основу своих построений, признавая принципиально имеющими право на существование все исторически сложившиеся и могущие возникнуть формы местного земельного устройства, так как только само население, которое хозяйствует на земле и живет от нее, может быть конечным судьей в этом деле. Государство в этой области должно соблюдать возможный нейтралитет, ставя своей задачей лишь необходимое обезврежение некоторых отрицательных сторон существующих оснований владений, например, частной собственности, которая при отсутствии надлежащих ограничений может вести к концентрации земель и к другим последствиям, могущим извратить самый характер трудового землепользования, а также обезврежение некоторых отрицательных сторон существующих форм владения и земельных союзов, которые, выросши органически, носят на себе очень многие следы пережитков крепостного права и последующе-

го переходного периода. Все эти недостатки государство, конечно, должно устранить, но устранить законом, а не распоряжением, и затем обеспечить тем формам, к которым привыкло население, с которыми оно сжилось и которые оно пока не находит нужным изменять, возможность дальнейшего развития в том направлении, в котором жизнь и желания населения будут его направлять.

Таким образом, во-первых — принадлежность земель, служащих для нужд сельского хозяйства, трудовому населению, не изменяя в близком будущем, без реальной в том надобности, оснований существующего землевладения, а только регулируя их в необходимых пределах законом, а во-вторых — предоставление населению возможности полной свободы и возможности сохранения и дальнейшего развития предпочтительных для него форм владения землей — вот те принципы, на которых всегда стояла партия и на которых надлежит стоять ей и далее.

<...> Всякие распорядительные действия со стороны современного классового государства и даже крупных областных самоуправлений, хотя бы самых демократических по своей организации, не могут не вызывать к себе в данной области совершенно отрицательного отношения. «Распорядителем» земли в современном государстве может быть только само население, живущее и хозяйствующее на этой земле, т. е. или те отдельные хозяева, которые ведут хозяйство и имеют землю или пользуются ею на известных основаниях, или коллективные единицы, общины и другие союзы, которые представляют лишь известные объединения того же трудящегося на данной земле населения. Всякая передача сколько-нибудь широких функций распоряжения землями сельскохозяйственного пользования крупным организациям, построенным уже на началах представительства, будут ли то областные, губернские и тем более государственные учреждения, представляет, как я уже сказал, громадные опасности в условиях современного государства и в то же время не может и дать каких-либо реально полезных результатов.

Этим и позвольте мне закончить общую часть моего настоящего доклада.

Переходя к прямой его задаче, я должен сказать, что для использования того поручения, которое было возложено на Центральный комитет по пересмотру программы, им было организовано особое бюро из 5 лиц, в которое входили, кроме меня, также А. А. Корнилов[374],

Н. Н. Глебов[375], *Н. Н. Кутлер*[376] и *В. А. Оболенский*[377]. Проект, который был выработан этим бюро, был затем рассмотрен в аграрной комиссии, заседавшей в течение двух дней. В аграрную комиссию было приглашено не менее 60 человек, не считая того, что все члены Центрального комитета также могли участвовать в ней; но фактически, благодаря теперешним трудностям сообщения и другим обстоятельствам, состав ее не был так многолюден, но, во всяком случае, в ней участвовало значительное число лиц. Эта комиссия тщательно рассмотрела проект и внесла в него ряд изменений, а затем он поступил на рассмотрение Центрального комитета, которым также был подробно обсужден. В своем окончательном виде, после прохождения им всех указанных стадий, проект программы и представляется настоящему съезду[378].

<...> После перерыва открываются прения по докладу.

И. Финкель[379] (Москва). Аграрная программа вызывает много сомнений. В ней недостаточно проведена государственная точка зрения. Земли в России больше, чем в культурных странах, не жалующихся на малоземелье. Очевидно, все дело в формах землевладения и землепользования. У нас преобладает община: право собственности на землю в ней принадлежит обществу, пользование же землей индивидуальное. Эти два момента зловредно переплелись, задерживая производительность труда и удерживая в деревнях избыток населения. Оба эти момента плохо освещены в программах к[онституционных]-д[емократов], как и в программах всех других партий. Программа к[онституционных]-д[емократов] предоставляет решение этих вопросов самому местному населению. Оратор — сторонник парламентского способа правления, а не народоправия — считает, что законодатели не должны со своих сильных плеч перекладывать на плечи малокультурного населения (мелких земельных единиц и коопераций) тяжесть решения сложных проблем политических и гражданского права. По отношению к отчуждаемым землям должен быть отстаиваем принцип индивидуального пользования выделенных в одно место участков земли. Социалистический способ пользования, по заявлению самих с[оциалистов]-р[еволюционеров], еще не осуществим, только с[оциалисты]-р[еволюционеры] ошибочно думают, что в общине уже заложена ячейка социализма. Крестьяне, выносящие резолюции о социализации, если глубже позондировать их, представляют ее себе в виде простого раздела полученной земли по полосам по общинному

порядку. Отличительные же черты общины — переделы и принудительный севооборот — гибель для земледельческой культуры.

Оратор, со своей стороны, предложил бы определить в законодательном порядке две нормы: трудовую, в пределах от 10 до 20 десятин на крестьянский двор, и максимальную — для частных владельцев. Малоземельным должен быть сделан дополнительный надел. Все подсчеты показывают, что даже при норме в 10 десятин в громадном большинстве губерний Европейской России едва ли хватило бы земли только для тех, кто уже занимается землей и имеет собственный земледельческий инвентарь. Где уж тут говорить о лозунге «земля трудящимся»? Затем, при наделении из государственного фонда надо требовать соединения отводимой земли с собственным участком крестьянина в один отрубной участок, не останавливаясь для этого перед обязательным переселением желающих получить дополнительный надел. Затем, надо законом установить недробимость участков — т. е. то, что в культурной Франции делается и без закона. На возражение, что ограничение народного воззрения на наследование является нарушением права собственности, можно указать, что принудительное отчуждение представляет собою еще более сильное нарушение того же права, принимаемое, однако, государством в силу необходимости. При сохранении за самим населением установления порядка землепользования получится, во-1-х, задержка производительности труда и, во-2-х, страшное дробление участков, и через 10–20 лет Россия вновь станет перед тем же вопросом малоземелья. Предполагаемое наделение само по себе лишь маленькая передышка для обнищавшего населения в момент получения свободы, которая должна дать возможность поднять производительность труда, освободиться от трехполья.

По вопросу о выкупе г. Финкель полагает, что и реальное соотношение сил, и справедливость требуют отдачи земли крестьянам без выкупа: эту землю они давно уже выкупили со времени освобождения. Но безвозмездное отнятие земель у помещиков было бы грабежом: надо отдать им всю стоимость земли. Каким способом? Путем установления специального «земельного» налога на богатые классы, который должны платить владельцы земельных участков сверх трудовой нормы, домовладельцы, банкиры, держатели акций и т. п. Какие земли должны быть принудительно отчуждены — это надо точнее оговорить, чтобы видно было, что речь идет не вообще о сельском хозяйстве (сады, огороды, плантации и т. п.), а о пахотной земле, о зерновом хозяйстве.

В перечне неотчуждаемых земель пропущены земли под фабриками, заводами, рабочими поселками, подъездными путями и т. п. Затем, не следовало бы так категорически говорить о национализации лесов и недр; с этим спешить нет нужды. Надо указать, что и эти земли будут оплачены владельцам. Национализация их непосильна сейчас для государства с финансовой стороны. Кроме того, масса фабрик и заводов работают на лесном топливе, и приостановить пользование лесами хотя бы на один день немыслимо. Не хватило бы и культурных работников на местах делать сразу 2–3 громадных дела: и наделение землей, и устройство лесного хозяйства и т. д. Государственная точка зрения партии должна состоять в том, что вопрос малоземелья есть вопрос относительного малоземелья, а не абсолютного, и дать землю одному, отняв у другого и не обеспечив при этом развитие производительных сил труда, значит делать совершенно бесполезное дело.

Председатель[380] указывает, что записалось 38 ораторов и что раздаются голоса, требующие сокращения времени ораторов, и просит, поэтому, держаться ближе рамок доклада и программы, не отвлекаясь излишне на слишком общие темы.

А. Я. Ефимович[381] (Екатеринослав) видит в руководящем пункте 1-м обсуждаемой программы («земли сельскохозяйственного пользования должны принадлежать трудовому земледельческому населению») бесспорное преимущество перед более левыми программами; он не обещает земли всем трудящимся — такое неисполнимое обещание вредило бы интересам крестьян, — но, наряду с этим, не исключается наделение землей временно и против воли отставшего от земли безземельного крестьянства. Программа говорит о передаче только земель сельскохозяйственного пользования, но в дальнейших ее пунктах содержится ряд весьма существенных изъятий, заставляющих оратора усматривать в ней прискорбное действие широты руководящих принципов. Устанавливаемый принцип наделения до трудовой нормы нарушается оставлением хозяйств полутрудового типа, главным образом кулацких. Мало того, оказывается возможным оставление у владельцев земель и выше принятых норм в тех случаях, когда они насаждают высшую культуру и т. п. Насколько реален этот страх перед понижением культуры? И в 1861 г. боялись того же, однако пореформенное крестьянство понемногу выбивается на культурную дорогу. Производительность земли стала выше, и крестьяне стали очень чутки к культурным улучшениям. Пользу свекловичных плантаций крестьяне прекрасно учитывают.

Основному принципу программы нанесен большой ущерб вследствие исключения из наделения 50–60 млн десятин леса, выкуп которых, по 135 руб. за десятину, обошелся бы в 7 миллиардов. Предыдущий оратор Финкель впадает в утопию, думая, что выкуп падет только на богатых людей; так или иначе, хотя бы и в виде косвенных налогов, он падет и на всех земледельцев. Ввиду страшной финансовой тяжести выкупа г. Ефимович ставит вопрос: не было ли бы справедливым установить в законе для каждой местности предельную площадь, выше которой выкуп не производится, выше которой земля отчуждается безвозмездно. Наконец, в редакции п. VII оратор считает непонятным выражение: «по нормальной доходности земли».

П. П. Гронский[382] (ЦК, Тверской губ.) считает доклад ЦК правильным и стоящим на том пути, который приветствуется всей страной, — на пути передачи земли в руки трудящихся, приветствует он и то, что доклад не знает никаких словесных фетишей, перед которыми отвешивают поклоны левые: ни социализации, т. е. передачи земли в руки общины; ни муниципализации — передачи в руки земства (начало, совершенно чуждое крестьянам); ни, наконец, национализации — передачи в руки государства (государева земля — по идеям XVI и XVII вв.). Поклонники фетишей за деревьями леса не видят, не видят, что крестьянам нужна не социализация и т. п., а просто земля. К[онституционно]-д[емократическая] партия, партия дела, смотрит на эти иностранные термины лишь как на более или менее удачные способы осуществления основной цели. Частичное и временное осуществление национализации, т. е. передачу земли государству до распределения ее между крестьянами, она допускает лишь как средство, не считая, что все земли должны стать государственными, — и пусть Бог хранит каждого, кто явился бы в деревню с предложением отдать в руки государства тяжким трудом заработанную землю. Но исходя из принципа передачи земли трудящимся, П. П. Гронский хотел бы, чтобы в п. 1-м этот только принцип и устанавливался, не вводя сюда оговорки, долженствующей быть в другом месте, что передаются лишь земли сельскохозяйственного пользования. Ведь это уже дело практического осуществления, которым не следует осложнять и ослаблять принцип.

Оратор горячо защищает и то положение доклада, что в разработке форм землевладения должно быть отдано решающее значение правосознанию населения разных областей России, и оспаривает бюрократическое стремление г. Финкеля из центра силой насаждать частную

собственность; оспаривает он и косность общинного землевладения, указывая на развитие травосеяния и молочного хозяйства в общинах Московской, Тверской и Владимирской губерний. Излишнее стремление г. Финкеля к частной собственности, по-видимому, покоится на изысканиях немецких социал-демократов, воспевающих частную собственность[383], и с реальной жизнью в России не считается. Как же передать землю трудящимся? Партия к[онституционных]-д[емократов] предлагает принудительное отчуждение — принцип радикальный и мало знакомый демократиям Запада и даже заокеанским. На этом пути Россия идет во главе всех государств; только в австралийских колониях, затем в Англии, по проектам Ллойд Джорджа[384], навеянным русской революцией 1906/07 гг., и, наконец, в последнее время в Румынии под влиянием второй русской революции начинают переходить к этому принципу. Но поправки доклада к этому принципу не находят полного отклика в душе оратора. Он пошел бы дальше и отверг бы предельные нормы землевладения, возможность накапливать землю свыше трудовой нормы. Пусть русская крестьянская держава знает только один вид землевладения — крестьянское, трудовое. Такой переход очень резок, но он подготовлен целым рядом явлений, как крестьянская аренда и пр.

<...> Земельный вопрос есть вопрос экономический. Разрешение его возможно лишь в том случае, если мы пойдем вглубь экономических отношений, разрешим внешние юридические формы, убьем самое крупное землевладение, потому что только на смерти крупного землевладения, так много горя принесшего России, может осуществиться социальный мир в деревне. <...>

Переходя к финансовой стороне операции, оратор снова не согласен с г. Финкелем в том, что помещикам должна быть выплачена вся стоимость земли. Цены на землю, несомненно, сильно вздуты земельным голодом, также и арендные цены: это одинаково по всей России. Принимая выражение доклада: «по нормальной доходности земли», г. Гронский понимает его так: рентабельность отчуждаемой земли — это то, что она приносит в данный момент не по вздутой арендной цене, а то, что помещик может выработать на этой десятине сам, применив свои условия труда, и все то, что считается обычным условием чистой доходности земли. Возьмите чистую доходность десятины, капитализируйте ее, и вы получите действительную цену земли, которая окажется приблизительно в 4 раза дешевле рыночной. И хорошо, что прежний

благородный, но весьма растяжимый термин *справедливой оценки* заменен в проекте более точным — по *нормальной* доходности.

П. А. Мужиков[385] (Тотьма Вологодской губ.) считает нужным пояснить § 3 п. VI в том смысле, что общинники могут переуступать свои права посторонним лицам («приймакам») лишь в том случае, если все члены общины единогласно или большинством выраженной воли откажутся от переуступаемого участка; иначе будет то же столыпинское законодательство, с которым хотели бороться. К приймакам и даже к их поколению в общине относятся враждебно. Если лет 20 назад, при высоких платежах, были отказавшиеся от земли, то теперь за каждую межу крестьяне готовы 20 лет судиться во всех инстанциях вплоть до Св[ятейшего] Синода[386]. Затем о выкупе: г. Финкель говорит, что никого грабить не хочет, а сам предлагает разложить выкупную сумму на богатых людей, т. е. в сущности ограбить сразу два класса: помещиков и капиталистов. Соглашаясь, что часть выкупных платежей должна пасть на государство, часть на крестьян, г. Мужиков требует или большей определенности в том, какая именно часть на кого падет, или просто сказать, что размер части определит Учредительное собрание. Если этого не сказать, кадетов будут заподозривать в том, что 1 % платежей они хотят возложить на казну, а 99 % — на крестьян. В остальном оратор всемерно присоединяется к г. Гронскому.

<...> *Список ораторов закрыт; время ограничено 10 минутами.*

Н. М. Голодец (Сумы Харьковской губ.) сообщает содержание полученной им от собрания членов партии из гор. Сумы телеграммы: «Собрание признало необходимым сохранение при сахарных и иных технических заводах необходимого минимума земельной площади, обеспечивающего нормальный ход производства. Отчуждению не подлежат также участки, имеющие культурно-показательное значение, а также семенные, племенные и иные рассадники, имеющие общегосударственное значение, равным образом сады и виноградники». Оратор указывает, что подобные оговорки имелись уже в проекте аграрной реформы, вносившейся партией к[онституционных]-д[емократов] во II Государственную думу. Для Сумского свеклосахарного района они имеют огромное значение, так как сахарные заводы при покупной свекле существовать не могут: крестьянское хозяйство дает с десятины 75–80 берковцев[387] свеклы, культурное — около 150. Поэтому 100-миллионному производству сахара грозит сокращение на 50 %. <...>

Г. Г. Сахновский (Полтава), касаясь выкупа (п. IX), говорит, что партия находит справедливым отнести операцию на средства более имущих классов, но в проекте это изложено так, что напоминает выкупную операцию 1861 г. Поэтому он предложил изложить пункт IX так: «Выкупная сумма за отчужденные земли выплачивается владельцам выкупными свидетельствами. Погашение этой суммы и ежегодного платежа процентов по выкупным свидетельствам должно принять на себя государство. Выплачиваемые государством суммы по преимуществу составляются из собираемых прогрессивных подоходных налогов с высокими ставками. Владеющие землей уплачивают поземельные налоги впредь до коренного изменения налоговой системы».

В. А. Самойлов (Владимирская губ.) видит достоинство программы к[онституционных]-д[емократов] в том, что она не тянет все крестьянство под одну мерку, считаясь и с общиной, и с отрубниками; но в одном пункте государство должно было бы нажать — уничтожить чересполосицу парламентарным путем, а затем принять все меры к улучшению земельной культуры, травосеянию, удобрению земель и т. д., и притом совершенно безвозмездно, памятуя, что после войны весь долг в 42 миллиарда ляжет на крестьян — не п[отому] ч[то] мы хотим переложить его на них, а по той простой причине, что их 107 миллионов.

Н. В. Малолетенков[388] (Москва) объясняет происходящие разногласия тем, что членам партии мало известны источники проектируемой программы — законопроекты II Государственной думы; источники эти хорошо использованы в разошедшейся уже брошюре Н. Н. Черненкова, которую следовало бы переиздать. (Голоса: «Просим!») Обращаясь к проекту, оратор, представитель общественной агрономии, поддерживает все замечания Гронского, кроме исключения из п. 1 указания на земли именно сельскохозяйственного пользования; партия всегда предпочитала точность выражений широким фразам. Далее, ст. 6-я — об общине — грешит односторонностью: говорится лишь об интересах выделяющихся из общины и не упоминается об обратно вступающих в нее. В следующем пункте той же ст. 6-й надо добавить, что в общину допускаются и посторонние лица «при условии правильного ведения трудового хозяйства». В ст. 7-й слова о широкой постановке землеустроительного дела надо конкретно пояснить: «в том числе устранение вне- и внутринадельной чересполосности и мелкополосности». Важно, чтобы не только вненадельная, но и внутринадельная чересполоси-

ца составляла заботу государственных органов, а не общественных. В ст. 8-й, хотя надельные леса и остаются во владении сельских обществ, следовало бы оговорить, что общий план правильной эксплуатации лесов должен распространяться и на надельные леса, так как всем известно, как скверно ведется лесное хозяйство у крестьян. <...>

Переходя к «Главным основаниям», оратор высказывается против полутрудовой нормы, т. е. против столыпинских крепких мужиков. Говорят об их культурном значении, но была бы только земля, а рабочие руки всегда найдутся, и сельская кооперация за 2–3 года поставит дело не хуже. Если упоминание о предельной и полутрудовой нормах все же не будет исключено из программы, то Малолетенков предлагает к ст. 3-й «Главных оснований» добавить следующее: «В случае нужды в земле для новых групп земледельцев в тех же или других районах из земель полутрудовых хозяйств отчуждаются излишки против трудовой нормы». Значит, раз объявились сельскохозяйственные рабочие, снабженные инвентарем, они имеют право на обеспечение, и если есть излишек против трудовой нормы, то эта земля должна быть им дана. Далее, задачи местных земельных комитетов указаны в ст. 6-й «Главных оснований», но они еще лучше изложены были в законопроекте II Государственной думы, и, хотя нельзя обращать программу в законопроект, все же следовало бы пополнить ст. 6-ю и такой еще задачей: «а также определение, какие группы лиц, кроме коренных земледельцев, получают право на удовлетворение их землей на указанных выше основаниях». Есть помещики, получившие землю сравнительно недавно; они спрашивают: а будет им земля — или нет? И те, которые с этой землей не разрывали связи окончательно, конечно, имели бы полное право на удовлетворение ею. И решит, в конечном счете, имеют ли они это право, местное население, конечно, лучше, нежели местный земельный комитет.

Далее, оратор поддерживает мысль Гронского об исключении из программы землевладения сверх реальной трудовой нормы, исключить надо из ст. 8-й и указание на то, что земли государственного запаса могут быть отводимы и отдельным владельцам. Пусть отдельные владельцы объединяются в союзы, товарищества и прочее, что предусмотрено программой. Легко себе представить, в каком затруднительном положении очутится тот орган, который будет рассматривать, наблюдать, вести учет этой раздаче из государственного запаса земель, если земли будут передаваться отдельным лицам. Затем, надо иметь

потребность в будущем для государства или земства в отчуждении части государственного запаса на общеполезные цели; раз захваченное по решению земельных комитетов трудно будет возвратить, как бы интересы страны от этого ни терпели. Последнее слово оратора: партии к[онституционных]-д[емократов] заботиться о приобретении земли для капиталистов и др. не приходится, она должна заботиться о трудовом населении. И г. Малолетенков предлагает пополнить этот отдел программы ст. 10-й: «Основания изъятия земель, поступивших в пользование трудового земледельческого населения, для нужд государства, общественных учреждений и торгово-промышленных предприятий, устанавливаются законом, по предварительной выработке оснований для этого изъятия в земельных комитетах».

М. Ф. Подшибякин[389] (Баку), как юрист, отмечает пробелы в юридической конструкции проекта. В аграрном вопросе две задачи: найти землю и ее пристроить. С первой задачей проект справляется и вносит улучшение, во вторую он вносит несомненное ухудшение: в прежней программе было больше цельности и последовательности и принципиальности; в ней был § 37: «Отчуждаемые земли поступают в государственный земельный фонд. Начала, на которых земли этого фонда подлежат передаче нуждающемуся [в них] населению [...] должны быть установлены сообразно с особенностями землевладения и т. д.»[390]. Вот этого чрезвычайно важного параграфа, который представляет собой посредствующее звено между полной экспроприацией земли и передачей ее непосредственно населению, в новом проекте не имеется. Вообще в 1-й части проекта о власти государства проявить свою волю в порядке наделения землей ничего не говорится, а потому и упоминание во 2-й части о государственных землях теряет определенность. Параграф 37 надо восстановить и сделать вторым параграфом новой программы.

В I Думе борьба между к[онституционными]-д[емократами] и трудовиками шла на вопросе о том, кто будет устанавливать принципы реформы — Государственная дума или местные учреждения. Тогда к[онституционные]-д[емократы] победили, а сейчас как будто отступают от прежнего правильного принципа. Затем в § 1 говорится: земли должны *принадлежать* трудящимся. Принадлежность означает право полной *собственности*, а в § VIII «Главных оснований» уже говорится, что земля отводится на началах постоянного (бессрочного) пользования. Пользование и принадлежность — вещи разные. Надо эту двой-

ственность устранить. Затем имеет громадное практическое значение и явится камнем преткновения на местах невыясненность понятия государственного фонда и права распоряжения им: может ли государство обратить излишки в одной местности для наделения неимущих из других областей? В § 4 и 7 заключается некоторая несогласованность в ответе на этот вопрос, и ее надо устранить. Далее оратор вносит небольшие поправки в редакцию § 5, 6 и 7 первой части проекта.

Пестерев (Бахмут Екатеринославской губ.), явившийся из центра каменноугольной и соляной промышленности, где 85 % этой промышленности находится на землях крестьян, больше всего интересуется вопросом о недрах, так как им интересуются крестьяне и не находят на него ответа в программе. Необходимо к следующему же съезду его разобрать. В перечне неотчуждаемых земель (ст. 11 «Главн[ых] осн[ований]») необходимо добавить сады, виноградники, земли под фабричными зданиями, заводами и особенно под *поселками рабочих и выгонами при них*. Поселки без выгонов в ужасном положении, и сами рабочие настойчиво выдвигают эту нужду. Указание в ст. IV, что земли государственного запаса могут быть обращены на удовлетворение нужд переселенцев, должно быть исключено, так как на местах не допускают и мысли об этом: «Мы этот земельный фонд должны иметь для наших детей».

Кн. Е. Н. Трубецкой[391] (Москва) недоволен самим духом программы, не соответствующим духу партии, стоящей на страже государственных принципов и не делающей уступок демагогии. Здесь — и в проекте программы, и в речах по поводу его — оратор усматривает демагогию с перепугу. Боясь конфискации и других ужасов с[оциал]-р[еволюционной] программы, стараются надавать побольше обещаний. Цель не достигается, т. к. в обещаниях нас всегда перещеголяют. В нарушение государственных принципов земля отдается даром. (*Голоса:* Неверно; часть оплачивается.) Если и не даром, а так, как в ст. IX предусмотрено, все же это не в интересах ни государства, ни самого крестьянства: на почти даровую землю найдется много охотников, которые ее получат, будут некоторое время фиктивно обрабатывать, а затем спекулировать землей. Далее, распределение земель ставится в зависимость от местных земельных комитетов[392], но уже все знают по опыту последнего времени, насколько эти организации из местных людей способны стать на государственную точку зрения; как они реквизируют мимо идущий чужой хлеб и скот, задерживают свой хлеб,

заставляя города голодать, и т. д. Нельзя ставить в зависимость от волостей и уездов вопрос о том, будут ли Москва, Петроград или другие города снабжены сахаром, молоком или шерстью. В комитетах будут преобладать интересы местной колокольни над государственными. Здесь много уступок анархическим течениям, которым если дать волю, то ведь они растащат по бревну Россию. Оратор защищает не крупное землевладение — дни его сочтены, — а безболезненную ликвидацию такового, без риска для снабжения городов. В программе оратор этого не находит и требует радикального ее пересмотра. Если при этом придется ограничить компетенцию крестьянских комитетов и потерять много во мнении широких масс, перед этим останавливаться не следует: мы не партия сегодняшнего дня, и верность принципам государственности обеспечит для партии в будущем выдающуюся роль.

В. В. Пржевальский[393] (Москва) находит, что проект ЦК вполне стоит на государственной, а не классовой точке зрения, и преследует цель именно постепенного, без глубоких потрясений, перехода к новому. Но в нем имеются юридические погрешности и непоследовательность. Здесь юрист Подшибякин неправильно доказывал, что термин принадлежность (ст. 1) означает полную собственность; земля может принадлежать по самым различным титулам: на праве собственности, пожизненного владения, на посессионном праве[394] и др. Недостаток проекта в том и состоит, что не сказано, на каком именно праве. В ст. 8 «Главных оснований» говорится, что земля передается в бессрочное пользование, и опять-таки не сказано, какое: наследственное или личное, пожизненное? Это все надо разъяснить. Затем неясно, как само население будет устанавливать формы землевладения и землепользования. Нельзя юридическую конструкцию экономических отношений предоставлять неопределенным в юридическом смысле органам. Гронский прав, что не надо фетишизма перед правом, но положительное право для юриста и гражданина не только фетиш, но и культ в правовом государстве. Старый строй страдал именно от беззакония. Затем еще неясно: сразу ли все частновладельческие земли будут отчуждены или постепенно, по мере нужды для наделения? Это очень важно в финансовом отношении, ибо после войны придется платить 3 миллиарда [руб.] одних процентов, т. е. удвоить бюджет. Дальше оратор совершенно не согласен с установлением абсолютного права государства на все леса. Нужна земля — вот стимул программы. Причем же леса? Выкуп их потребовал бы колоссальных миллиардов. Лесное

имущество требует надзора — это верно; но ни в одном европейском государстве нет принципа собственности государства на леса. Вдобавок те леса, которые эксплуатируются хуже всего, надельные, оставлены в руках сельских обществ. Поэтому право собственности государства на леса надо исключить, оставив только, что эксплуатация лесов должна определиться правильным планом в интересах страны.

В. А. Балдин[395] (Пенза) находит, что кн. Трубецкой преувеличивает, видя демагогию испуга в нашей аграрной программе. Уже столько сделано важных и роковых уступок (предоставление армии права участия в государственной жизни, уничтожение всякого ценза, даже оседлости, в органах самоуправления и т. д.), что здесь можно говорить только о некотором компромиссе. В ст. IX, о выкупе, кн. Трубецкой видит демагогию в том, что большая часть выкупной суммы падает на государство, а оратор в этой же статье видит компромисс в пользу имущих классов, на которых, собственно, следовало бы возложить всю тяжесть выкупных платежей путем подоходного налога и т. п. В докладе ЦК много критикуются чужие программы, но очень мало сказано в пользу собственного основного тезиса — о платности отчуждения. Бесплатность отчуждения запрещается[396] не только темными массами, но и руководителями социалистических партий, и даже министром Черновым. Если такие люди стоят за этот принцип, то, очевидно, он имеет за себя какие-то основания. Возражения могут исходить из оснований юридических, моральных и политической целесообразности. Юридические возражения, указание на то, что бесплатное отчуждение есть насилие и грабеж, проходят мимо ушей слушателей; наша история не воспитала чувства законности. Моральные — встречают ответное возражение, что в уплаченной до сих пор аренде уже оплачена стоимость земли, — и трудно возражать. Но соображения политической целесообразности оказывают впечатление: соглашаются, что крупные и мелкие кредиторы землевладельцев будут обижены неосновательно, что землевладельцы не виноваты в том, что они оказываются в данный момент землевладельцами, а не капиталистами и фабрикантами. И это приводит к мысли о том, чтобы уплата была разложена на все высшие классы.

Наша партия, основанная на компромиссе, старается найти среднюю линию в этой межклассовой борьбе, но она не должна забывать, что за земельной реформой должна следовать агрокультурная, что новые собственники трудовых участков не будут иметь оборотных средств

на необходимые улучшения и что перед государством снова станет задача затраты огромных средств на подъем производительности. И таким образом, компромисс или уступка, по мнению кн. Трубецкого, получает свое оправдание.

Далее оратор не согласен с г. Гронским относительно уничтожения предельной нормы и оставления одной трудовой. Если нельзя уничтожать, по рецепту г. Финкеля, разнообразие форм землепользования, то, в соответствии с этим, должно же остаться разнообразие и в размерах некоторых земельных хозяйств культурного типа, иначе убивается энергия и инициатива у носителей высших культур. Но критерий для предельной нормы — полутрудовой тип землевладения — неудовлетворителен: есть хозяйства в 900–1000 десятин, обрабатываемые самими владельцами с участием сотен рабочих. Ведь это тоже полутрудовой тип? Надо сказать, что полутрудовая норма не может быть выше трудовой больше чем в 2 раза.

И. Ф. Сно[397] (Керчь) имеет поручение от своей группы добиваться бесплатной передачи земли крестьянам, так как она уже ими оплачена и сущностью выкупной операции 1861 г., и последовавшими арендными платежами.

Е. Н. Татищев[398] (Тула) всецело удовлетворен программой, в которой нет никакого сдвига влево. Это — программа глубоко продуманного практического расчета. Надо лишь исключить допущение хозяйств полутрудового типа — не из демагогического испуга, а из спокойного учета реальной действительности, которая и здесь жестоко изменилась, как изменилась и в формах государственного строя. В переживаемый момент надо всем жертвовать для единения страны, для спайки фронта и тыла, чтобы с фронта не дезертировали для дележки земли. Это не дезертиры настоящие, а невежественные несчастные граждане безграмотной России. Если крестьяне реквизируют иногда чужой скот, то это потому, что свой они уже продали и нет молока для детишек. Разруха, вследствие которой города могут очутиться в отчаянном положении, это наследие самодержавного строя и войны.

Сергеев (Курск) видит, что программа к[онституционных]-д[емократов] стремится к точности и реализму, не увлекаясь лозунгами, но жизнь течет так быстро, что неизбежны и в ней некоторые несогласованности с положением вещей. Неясно, например, что такое земельный фонд. В условиях современной жажды земли он не может быть чем-то вроде хлебозапасного магазина, из которого по нужде

берут и отдают. Создание его просто будет неосуществимо. Сейчас требования на землю слишком широки и ни с чем не соразмерны. Поэтому партия, кроме лозунга раздачи земель, должна выдвигать и необходимость улучшения обработки, без чего всякая раздача будет простой подачкой, временным утолением земельного голода. Г-н Гронский ошибается, думая, что можно исключить полутрудовую норму: есть уже масса полутрудовых хозяйств, и, не дав им известного юридического обеспечения, можно вызвать в деревне большую смуту. Общинники в Курской губернии мечтают о приобретении собственной земли вне общины, и когда говоришь им о социализации и т. п., они отвечают, что у них есть вилы для защиты того, что они приобрели потом и трудом. Крупные собственники этого не говорят — они сейчас беззащитны; мы знаем это по пылающим усадьбам возле Мценска[399]. У них возьмут землю легко. Но не дай Бог, чтобы зашла речь о дележе собственности у крестьян. Это будет потруднее, чем локализировать мценские пожары. Теперешняя власть даже не та опереточная власть, которая приходит поздно, — ее совсем нет; деревня теперь живет на милости одних угодников.

Продолжение прений по аграрному вопросу назначено на следующий день.

<...> *В. А. Маклаков*[400] предупреждает, что он возражает не против отдельных пунктов программы, а против всей той перспективы, в которой предлагается решение вопроса. Вся программа до сих пор вкладывалась в краткую формулу: принудительное отчуждение частновладельческих земель за выкуп. Сущностью здесь было предпочтение мелкого трудового землевладения всякому другому, все остальное — способ перехода земель, от кого она переходит — это детали, отпадающие, когда переход совершился, и потому не составляющие необходимой части программы, остающейся и для будущего. Эта подвижная часть формулы — тактика, способ перехода, которая могла быть принята и могла отпасть, была в свое время результатом истории, объяснялась прошлым русской общественности до и после образования партии. Так получился преходящий, злободневный лозунг принудительного отчуждения за выкуп. Теперь оратор себя спрашивает: остается ли и сейчас этот лозунг насущным, нет ли еще более властного? Сейчас ведь приходится устраивать экономическую мощь России для спасения от финансового и экономического краха. У нас был трехмиллиардный бюджет, а будет девятимиллиардный.

У нас банкротство нависает над Россией. И надо многое пересмотреть с точки зрения поднятия национального дохода, пожертвовать некоторыми симпатиями и традициями, в том числе и пристрастием к мелкому трудовому землевладению. Оратор сам имел это пристрастие, ему мила была даже эта техническая отсталость России, эти необъятные пространства, иногда пропадавшие втуне, этот кустарь, боровшийся с фабрикой. Партия шла помогать слабому в борьбе с капиталом, техникой. К этим традициям была приспособлена и ее аграрная программа.

Может ли теперь Россия позволить себе роскошь этих симпатий? Не требует ли не нами установленный ход развития жизни, через который проходят все государства, чтобы и здесь принесены были Молоху[401] капитализма те жертвы, в результате которых растет сила и мощь государства? Долги платить надо, защищать промышленность надо, не рассчитывая ни на чью пощаду. А в аграрной программе к[онституционных]-д[емократов] никакого приспособления к этим требованиям нет. Правда, в программе допущена полутрудовая норма, в некоторых случаях и в виде исключения, что-то выше предельного, но трудовые участки должны ставить предел таким отступлениям от основных симпатий. А между тем культура трудового участка так относится к культуре крупных хозяйств, как трехдюймовое орудие к 42-дюймовому крупповскому[402]. Может быть, только в далеком будущем интенсификация трудовых хозяйств оправдает их как исходную точку для аграрной программы. Земля есть такое орудие производства, и, во всяком случае, не должен быть разрушаем наиболее доходный вид землепользования. Говорят, кооперативы явятся на замену крупного частного землевладения. Да, но не безумство, не легкомыслие ли сначала раздробить землю для того, чтобы ее потом с трудом объединять? Затем, не надо заблуждаться: если трудовые хозяйства введут машины, интенсивную обработку и прочее, они обратятся в средние, нетрудовые хозяйства с машинами, в которых одни будут работать, другие распоряжаться, а третьи извлекать доход. Объединение кооперативов — это еще вопрос будущего, а мы во имя охранения трудовой нормы покушаемся задавить естественное объединение, концентрацию земельной собственности, дающую высшую культуру. Только введением машин можно освободить рабочие руки, которые нужны для промышленности, а спасение России не в одном земледелии, но и в промышленности. Надо расстаться с народническими иллюзиями.

Отношение оратора к крупному землевладению такое же, как и к мелкому. Без всякого сожаления надо отобрать в государственный фонд невозделанные крупные участки. Но если они хорошо обрабатываются, хотя бы и с помощью наемных рук? Что тогда? По программе: отчудить[403] разрушить, за редкими исключениями. Оратор сказал бы: ни того, ни другого — ни прямого отчуждения, ни прямого оставления. У государства есть способ заставить владельца извлечь максимум дохода или уступить землю тем, кто это лучше сделает, — это подоходный налог по системе Генриха Джорджа[404]. Оратор отрицает право на землю только у хозяина плохого. Его надо подхлестывать до того уровня, при котором он будет в состоянии платить налог, а если нет — пусть уйдет. Не мы сделали эти оговорки — их делает жизнь. Эксперименты с землей очень опасны. Смущаться обвинениями слева, будто к[онституционные]-д[емократы] — скрытая партия крупного землевладения, нет оснований, раз есть убеждение, что партией руководят не частные интересы, а нужды всего народа. Предлагаемая программа с этими нуждами недостаточно согласована.

Ф. И. Родичев думает, что земельная рента, как нетрудовой доход, обусловленный социальной конъюнктурой, должна быть вся взята в руки государства, но вместе с тем сохранение личной собственности на землю является в настоящее время совершенно необходимым. Экономическим строем связаны все государства, и выход из него может быть только эволюционный, пока не изжиты его основы. Взорвите буржуазный строй хоть порохом — он снова возродится, если не изжить внутри. Какими средствами может быть осуществлена аграрная реформа? Выкуп, безусловно, не по средствам. Достаточно справиться, можно ли реализовать закладные листы в настоящий момент. Справедливое вознаграждение — неосуществимый идеал. Такая огромная реформа, как предлагаемая, должна осуществляться властью, которой все подчиняются, которую все признают, и она сама — справедливость; а реформа, нарушающая правосознание значительной части населения, проведена быть не может. Правда, в порыве патриотизма, ради защиты родины, владельцы могли бы проявить много самоотвержения, но для этого надо создать соответствующее психологическое настроение, а какое настроение может быть у тех, кто сражается на фронте, а в это время у него отбирают землю? Вообще, осуществляя реформы, нельзя иметь против себя целый класс, интересы которого не могут быть признаны несправедливыми.

Далее, реформу делать надо так, чтобы она не потрясала ни производства, ни существующих кредитных отношений по производству. Землевладение является фундаментом известного гражданского оборота, системы кредита и т. д., и в догматическом проведении его разрушения заключаются величайшие затруднения и опасности. Надо изыскивать и другие пути, менее опасные, — как прогрессивный поземельный налог. В чем его выгоды? Вам не нужно выпускать закладных листов для выкупа; выкупная цена будет заплачена; она явится предметом свободного торга в каждом отдельном случае с учетом всех затрат и особенностей, чего не обеспечивает программа; при этом не нужно будет никаких комитетов и учреждений, а вы понимаете, что такое в настоящее время комитет? — Это значит жалованье, и большое жалованье, — и где вы найдете столько людей — специалистов, беспристрастных [...][405]. И при этом вы не наталкиваетесь на психологическое сопротивление владельцев, которые к своей земле относятся, как к живому существу. Сейчас земля уже не та, какою ее Бог создал, а создание рук человека, и создавший ее относится к ней страстно. Предоставьте ему самому решить, какую часть отчудить. Прогрессивный земельный налог, избавляя казну от расходов, даст ей доход. Говорят: это утопия, проведенный сейчас, этот закон при изменившейся конъюнктуре будет отменен. Нет, скорее был бы отменен закон, основанный на экспроприации. Вы скажете: «фактически нельзя будет отменить», — но мы этого не знаем. Оратор уверен, что реформой путем прогрессивного налога население надолго было бы заинтересовано; пока завинчивался бы этот пресс над крупным землевладением, крестьянство привинчивалось бы к новому строю. А крестьянство, удовлетворенное в своих требованиях сразу, революционным путем, обыкновенно не противится восстановлению старого строя (Франция 1800 г., Австрия 1848 г.).

Говорят, надо дать крестьянству сразу нечто осязаемое, но как только будет введен налог, так и начнутся огромные земельные сделки, и земля как раз попадет в те руки, которые ее лучше обработают. Это ликвидация крупного землевладения, но ликвидация прогрессивная, которую оратор приветствует, так как с тех пор, как он себя помнит, он сознавал несчастье страны с крупным землевладением. Но некоторые крупные владения все же должны быть сохранены — для обеспечения страны сахаром, лесом, бумагой... Сохранится только то крупное землевладение, которое к труду способно. А главное — России нужен кредит не только внутри, но и извне, для восстановления

всего, что разрушено. Сравните два пути — прогрессивного налога и наделения; первый уничтожает владение, другой его усиливает. Оратор знает, что его мысль мало кем разделяется. (*Голоса:* Верно!), но чудеса не делаются в катастрофическое время. Будущее принадлежит прогрессивному налогу, потому что весь русский народ хочет земли в собственность. (*Рукоплескания*). Недостаток реформы Столыпина в отрицании общинной собственности, а успех ее в том, что она давала сознание собственности, которое сделалось фактом, — его не стереть, и с ним нужно считаться. Владетели этой собственности должны быть спокойны, а трудовой нормой вы их волнуете, особенно когда решение о трудовой норме предоставляется заинтересованной стороне. Ф. И. Родичев заявляет, что, по изложенным основаниям, он прилагает свое особое мнение к проекту ЦК.

Далее, он считает утопичным предположение, что законодательство может заставить владельцев обрабатывать землю и пользоваться ею только дозволенными способами; это было бы новым крепостным правом. Недостаток программы к[онституционных]-д[емократов] еще в том, что она не предусматривает арендного закона, которого партия держалась в 1905–1906 гг.[406], без него аграрная реформа в России спокойно совершиться не может, т. к. есть такие земельные собственники, которых экспроприировать иначе как силой оружия нельзя и у которых можно только ограничить арендную плату. Оратор надеется, что русская революция окончится действительно передачей земли в руки труда и что совершится это благодаря торжеству свободы. В заключение он указывает, что аграрная реформа в России должна начаться экспроприацией того громадного пространства земель, которое больше земель государственных, удельных и кабинетских, того пространства, которое сейчас находится в руках германцев. Мы должны добиться возвращения беженцев на старые пепелища и экспроприировать их земли из рук германских. (*Бурные рукоплескания.*)

Председатель отметил, что оба отдельных мнения, В. А. Маклакова и Ф. И. Родичева, далеко выходят за пределы коллективного мнения ЦК и что докладчик ЦК не оставит их без ответа.

И. Е. Гребенник[407] (Воронеж) считает программу неясной. <...> В ст. 3-й и других, где говорится о приобретении земли, нигде не добавлено, что *в собственность,* и можно заподозрить к[онституционных]-д[емократов], что они втайне приняли социалистическую программу. Далее, в п. 7 «Главных оснований» сказано, что нормы доходности

земли вырабатываются местными земельными учреждениями. Да ведь это будут те же земельные комитеты, которые сейчас проводятся в жизнь, и будут состоять из лиц, ближайшим образом заинтересованных в этих нормах. <...> Обращаясь к цели реформы, к тому, из-за чего могут пролиться реки крови, оратор делает расчет, что всего-то в среднем на хозяйство выходит в России не более 8–10 десятин (120 млн дес. пахотной земли на 12 млн крестьянского хозяйства, да еще 2 млн городских мещан потребуют земли). Не лучше ли перенести центр тяжести не в наделение, не в дробление участков, а в интенсификацию хозяйства, как предложил г. Маклаков?

<...> *Б. А. Гуревич* (Смела) находит положения аграрной программы формулированными с юридической стороны недостаточно точно и требующими новой переработки в Центральном комитете; проведение их в жизнь вызвало бы нежелательные явления, и не только в деревне. Крупная земельная реформа в Ирландии, начатая в 1881 г. Гладстоном и законченная биллем 1897 г.[408], в 1000 раз уступает по масштабу проектируемой. Она же была принудительным отчуждением, хотя и закончилась фактически переходом земель в собственность арендаторов вследствие невыгодности для владельцев-лендлордов фиксирования арендной платы. Во всяком случае, билль хотя и допускал существование двойной собственности (этот термин английского права звучит для нас несколько дико), ясно и определенно стоял на принципе собственности и превратил Ирландию в страну мелкого земледелия. А будет ли ясно у нас положение в стране, если будет осуществляться п. 8-й «Главных оснований» об отводе земель на началах постоянного (бессрочного) пользования, находящийся в противоречии с другими пунктами, сохраняющими полную собственность? В проекте нет определенных норм, регулирующих право передачи земель, которые находятся в бессрочном пользовании, если дело идет не об общинных землях. Далее, принцип трудовой нормы, крайне революционный, должен встретить ряд точных оговорок в случаях необходимости сохранения образцовых хозяйств и т. п., чего нет в п. 3 [«Главных оснований»]. Этот принцип проводится в программе с излишним ригоризмом[409]. Понятия сверхтрудовой и предельной норм также должны быть точнее установлены. Пункт 1-й о том, что земли сельскохозяйственного пользования должны принадлежать трудовому населению, слишком обязывает. Это обещание в духе Генри Джорджа, но таковое может быть осуществляемо только постепенно, как звено

в последовательной общей цепи реформ. Здесь же — как будто выдается вексель, по которому надо платить немедленно, а между тем правовые нормы проекта не согласованы между собою. <...>

Б. И. Пятницкий (Могилев) смущен спешностью обсуждения, обилием поправок и возражениями видных членов партии Маклакова и Родичева и считал бы более осторожным отложить решение вопроса о программе до следующего съезда; сам оратор высказывается против полутрудовой и предельной норм на том основании, что по проекту такие нормы допустимы лишь в местностях, изобилующих землей, а таковых в действительности не будет, так как имеется в виду переселение безземельных в такие местности. Зато должны быть сохранены более крупные хозяйства в тех случаях, когда местное население находит, что их надо оставить или ликвидировать в известной постепенности.

Г-н Каплин[410] (Екатеринодар). Хотел бы, чтобы авторитетным в партии голосам г. Маклакова, г. Родичева и кн. Трубецкого, говорившим о государственной точке зрения, которая будто бы требует сохранения крупного землевладения, идеализировавшим крупное хозяйство, которое будто бы гораздо производительнее мелкого и т. д., — чтобы их голосу противопоставлено было, по крайней мере, единодушное большинство голосов всего съезда. Ибо государственная точка зрения — в защите широких масс населения, дети которых также проливают кровь на фронте; ибо производительность мелкого хозяйства, по исследованиям Давида[411] и других, очень растет, и хозяйства эти очень устойчивы. <...> Впечатление от речей названных авторитетных ораторов не должно вводить страну в заблуждение относительно позиции партии в аграрном вопросе. В частности, г. Каплин касается казачьей земли на Кубани. О казачьих землях программа не говорит, вопрос о них откладывается, но ждать уже трудно: надо отвечать на задаваемые вопросы о мнении партии относительно таких земель. Партия не может стать на классовую точку зрения казаков, которые, составляя в области 43 % населения, высказались на Войсковой раде[412] за принудительное отчуждение частновладельческих земель в пользу одного казачьего населения. <...>

Е. И. Кедрин[413] (Петроград). Говорит по поводу финансового плана выкупной операции (ст. 9 «Главн[ых] осн[ований]»). Он против того, чтобы даже и часть процентов по выкупной сумме падала на крестьян; весь платеж целиком государство должно взять на себя, не прибегая к половинчатым мерам, особенно непопулярным во время революций

и могущим уронить партию в глазах крестьян, которые в громадном большинстве войдут в Учредительное собрание. Чем вызывается эта половинчатая мера? Скудостью финансов. Но так ли уж это страшно? Оратор делает приблизительный подсчет выкупной суммы в 65 млн; часть с той поры продана, часть не будет подлежать отчуждению, — и останется не более 60 млн. Средняя покупная цена десятины за 1906–1915 гг. была 139 руб., в Крестьянском банке 122 руб., сам банк перепродавал по 102 руб. 40 коп. Оратор берет 100 руб. и всю выкупную сумму определяет в 6 миллиардов; в банках заложено земель на 1800 млн, значит выпускных свидетельств должно быть на 4200 млн руб.; считая из 4–4½ % — ежегодная сумма погашения определится в 180 млн руб. Кроме того, по долгам в банках надо платить 5 %, т. е. еще 85 млн, — итого ежегодно 265 млн руб. Это — стоимость ведения войны в течение одной недели. Государственная точка зрения требует не только дать землю, но и сделать обладание ею посильным, не обременяя платежами и помня, что новый владелец должен обзавестись инвентарем и пр. Того же требуют и соображения политической целесообразности.

Г-н Каменский (Пенза). Поддерживает мысль г. Гронского, что свободная Российская республика должна быть державой крестьянской; он решительный сторонник отчуждения и передачи земли трудящимся, но опасается, что одно это лишь отложит ненадолго земельный голод крестьянства, если не будут приняты энергичные меры к поднятию интенсивности землевладения в мелких трудовых хозяйствах. В этом смысле он предлагает изложить в возможно выпуклых и ярких выражениях ст. 7-ю 1-го отдела программы.

А. П. Мельников[414] (Псков). Полагает, что к[онституционные]-д[емократы], как партия научного национального мышления, должны скорее, на этом же съезде, противопоставить конкретное содержание своей программы тем легко выбрасываемым лозунгам, например, «земля — народу», которые, не будучи сознательно усвоены, так же разлагают массу, как лозунг «без аннексий» разлагает армию. Основными базисами программы к[онституционных]-д[емократов] являются: 1) то землевладение, которое теперь существует в пределах нормы, остается нетронутым, на праве собственности, и 2) новое наделение должно быть в распоряжении верхов государства. Все остальное, вся радуга воззрений, весь дождь посыпавшихся с мест заявлений, все это будет устранено ясно выраженной волей большинства, и члены

партии повезут на места документ, без которого они должны были молчать в спорах.

Х. А. Вермишев[415] (Баку) опасается, что аграрная реформа будет проводиться не в форме свободного законодательного творчества, предполагаемого программой к[онституционных]-д[емократов], а в форме констатирования совершившихся фактов и приспособления к ним. К этому ведет не только открыто разрушительная работа левых партий, но и та постепенная, систематическая работа, которую рекомендовал на крестьянском съезде министр Чернов, пытавшийся внести в разрушительную работу известную планомерность. Надо просить указаний ЦК, как парализовать идущее разрушение, и для этого ни один пункт аграрной программы не должен оставаться неосвещенным. В частности, должна быть разработана программа для окраин до будущего съезда, в чем оратор присоединяется к предложению представителя Кубанской области[416]. В частности, оратор возражает г. Маклакову, полагающему, что только крупные участки гарантируют подъем производительности. Нет, уже и мелкие хозяйства выдержали этот экзамен, надо только помнить, что интенсификация в земледелии требует много времени, ряда лет, и потому, в интересах ближайшего времени, пока этот процесс не двинулся широко, надо было бы сохранять и более крупные культурные хозяйства. Крупные хозяйства начинают разрушаться естественным путем вследствие требований 8-часового рабочего дня со стороны сельских рабочих и т. п.

К. А. Герц (Екатеринбург) сообщил, что, когда на кооперативном съезде в Екатеринбурге крестьянских представителей четырех громаднейших губерний Приуралья представители партии с[оциалистов]-р[еволюционеров], под флагом которой собирался съезд, стали разъяснять съезду сущность социализации, поднялась буря и крики «Вон!» — до того чужда эта идея крестьянству, которое во всех этих социализациях и прочем видит только одно: ближайшая чужая крупная земельная собственность должна поступить ему в надел. Это выражение «поступить в надел» оратор предлагает ввести в программу к[онституционных]-[демократов], заменив им подозрительное «бессрочное» (значит, м[ожет] б[ыть], и на короткий срок) пользование. Пункт 1-й [«Главн[ых] осн[ований]»] оратор изложил бы так: «земли, пригодные для сельскохозяйственного пользования, должны поступить в надел трудовому и земледельческому населению». На Урале, в тех горнозаводских предприятиях, являющихся вместе с тем и лати-

фундиями, когда число населения перерастает потребность в рабочих силах, излишек получает земельные наделы (по закону 3 дек. 1862 г.)[417], в том числе и мастеровые, которые никогда раньше земледельческим трудом не занимались. Нельзя их вычеркнуть только потому, что они до сих пор не были земледельцами. В ст. 2-й «Главных оснований» не подлежат отчуждению «участки членов товариществ». Надо сказать точнее: «земли сельскохозяйственных товариществ в размере трудовой нормы по числу членов товарищества». Оратор присоединяется, далее, к мысли Е. И. Кедрина о бесплатном наделении землей, т.к. и сложение выкупных платежей, и отвод мастеровым земель по закону 3 дек. 1862 г., и агитация левых уже приучили население к этой мысли. А чтобы тяжесть выкупа не была очень велика, надо ввести в п. 7 «Главных оснований» добавление о том, что размер выкупной суммы должен быть понижаем пропорционально увеличению количества отчуждаемой земли.

А. Г. Бать[418] (Казань) находит положение г. Маклакова и г. Родичева в аграрном вопросе не соответствующим ни давней программе, ни ее теперешней тактике. Г-н Маклаков думает, что программа партии к[онституционных]-д[емократов] выдвинута была стихийным аграрным движением 1905 г. как компромисс, и путем ажурной диалектической работы проводит мысль о необходимости сохранения и среднего, и крупного землевладения, крестьян же можно устроить путем введения прогрессивного земельного налога. Г-н Родичев ставит вопрос еще более ясно и определенно. Кроме идеологических доводов о нарушении правосознания, он употребляет и практические — вроде того, что есть собственники, у которых без применения силы земли не удастся выкупить, и т. п. Обе речи, с личной точки зрения оратора, являются для партии неприятным моментом сегодняшнего дня. (Аплодисменты). Из выражений сочувствия оратор видит, что это не только его единоличное впечатление. Программа к[онституционных]-д[емократов] вызвана была не моментом 1905 г., а сознанием социальной справедливости и государственной необходимости.

Что касается нарушения правосознания одних, то надо считаться с правосознанием и других, более многочисленных. Если партия к[онституционных]-д[емократов] не проведет своей программы, реформа будет проведена вопреки ей и вопреки тем гарантиям, которые ставились здесь для крупной и средней собственности. Г-н Родичев находил, что владельцы крупной собственности должны быть успокоены,

а оратор полагает, что на обязанности партии — успокоить трудовое население и доказать ему, что оно не должно прибегать к наделению земли по способу большевиков. (*Аплодисменты.*) Г-н Маклаков к своей красивой речи присоединил поэтический элемент, указав на свои впечатления от незасеянных полей. Их он готов отдать крестьянам, но надо отдать не только их, но и все прочие земли. Почему он стал на точку [зрения] производительности крупных участков, когда программа, в ст. 7-й, стала на точку [зрения] подъема производительности мелких [хозяйств] путем мелиорации и т. п.? Непоследовательно, нежелательно <...> и нецелесообразно было бы стать на точку зрения гг. Родичева и Маклакова. Присоединимся к принципу передачи земли трудовому земледельческому населению.

Председатель заметил, что не останавливал оратора, так как тот держался в пределах корректности; но несколько членов съезда протестуют против выражения «неприятный момент», употребленного оратором относительно речи г. Родичева, находя, что искреннее выяснение истины никогда не может быть неприятным моментом. (*Аплодисменты.*) Г-ну Родичеву дано будет слово для объяснения.

Букатин (от крестьян г. Глухова Черниговской губ.) сообщил, что товарищи послали его присоединиться к партии народной свободы лишь потому, что партия идет прямыми и ровными путями; она не говорит, что, мол, возьмите все, а только предлагает мирным и добровольным соглашением это сделать. Программа почти все дает крестьянам, но все-таки желательно, чтобы земля была дана крестьянскому населению трудовому и за государственный счет. Кроме того, должны быть изъяты и те долги, которые лежат на крестьянах, приобретших землю за счет Крестьянского и Дворянского[419] банков. И еще крестьяне нуждаются в образовании, которое должно быть дано за счет государства в широком масштабе.

Ф. И. Родичев протестует против неправильного толкования его слов, не желая отвечать на замечания личного характера. Очевидно, около аграрного вопроса слишком накопились страсти. Все, кто слышал или знает Ф. И. Родичева, никак не могут сказать, чтобы он стремился к сохранению крупного землевладения. Прогрессивный земельный налог уничтожает крупное землевладение гораздо радикальнее, чем что-либо. Он прогрессирует не только в смысле прогрессивной подоходности, но и по размеру землевладения, и некоторые экономисты, например Шарль Жид[420], отбрасывали этот налог, считали его экспроприацией

без вознаграждения. Оратор не относится к нему отрицательно, потому что шкала налога, а следовательно, и пресс нажима находятся в руках законодателя, и именно законодателя, а не административного лица, хотя бы и выбранного по четырехчленной формуле. Оратор не думал протестовать против программы к[онституционных]-д[емократов], он предлагал лишь сделать оговорки. Из партии уходить он не собирается и, хотя 10 лет подвергался нападкам за защищаемую им систему, будет и впредь стоять на своей точке зрения.

<...> *А. А. Спасский* (Алексин Тульской губ.) находит, что аграрная программа уже решена, решена не здесь, а в сознании огромных народных масс. Как решена — это можно услышать на Крестьянском съезде, решена потому, что за нее высказалось большинство голосов, а не по тем или иным веским аргументам. Массы решают не по разуму, а по инстинкту. Направление реформы исправить уже нельзя, можно только внести коррективы. Партия к[онституционных]-д[емократов], как партия социальных реформ, понятных для масс, могла бы ввести эти коррективы и приобрести моральную силу, но она этого не делает. Прослушав внимательно 42 оратора под председательством П. Н. Милюкова, оратор выносит впечатление, что он не в заседании съезда к[онституционных]-д[емократов], а в большой земельной комиссии покойного вел[икого] князя Константина Николаевича[421], под председательством покойного Милютина[422]. Почему это так? Потому что, конечно, не столько сама программа, сколько прения делают программу сословной. <...>

Председатель остановил оратора замечанием, что, по-видимому, он очень невнимательно слушал прения.

После перерыва А. А. Спасский разъяснил, что, говоря о впечатлении сословности, он разумел, что съезд проводит интересы только одного сословия — крестьян и что хотя интересы эти очень важны и должны быть поддержаны, но односторонность в этом деле противоречит основному положению социальной идеи, заложенной в программе к[онституционных]-д[емократов].

Председатель объявляет инцидент исчерпанным и окончание прений по аграрному вопросу откладывает до следующего дня.

После перерыва председатель предлагает перейти к ответу ЦК на сделанные здесь замечания по аграрной программе. ЦК в прениях не принимал ближайшего участия, говорили лишь отдельные члены его, как члены съезда. В настоящее время ЦК имеет высказать свою соб-

ственную точку зрения на то, что здесь говорилось, и, в особенности, на те отклоняющиеся от его общей линии заявления, которые были здесь сделаны отчасти и членами самого ЦК. Вот для этой последней цели он дает слово члену ЦК кн. Д. И. Шаховскому.

Д. И. Шаховской[423]. Члены ЦК, которые здесь говорили, оставляли за собой свободу критики того проекта, который внесен ЦК, и указали, что они никаких определенных предложений конкурирующих не вносят. Собственно, здесь было два главных возражения против общих оснований проекта. Указывалось, что сейчас на первый план выдвигается вопрос о повышении производительности сельского хозяйства. Это задача не новая: в 1906 г., составляя свою программу, партия имела прежде всего именно эту цель повышения производительности сельского хозяйства, но рассматривала ее не столько с точки зрения производительности земли, сколько с точки зрения повышения производительности народного труда, потому что только таким путем можно повысить производительность народного хозяйства. И мы как тогда, так и теперь считаем, что не только самым важным, но единственным условием настоящего повышения производительности сельского хозяйства является повышение производительности труда, применяемого к этому хозяйству, и именно для повышения этой производительности труда необходима та земельная реформа, которую мы тогда предполагали и на которой теперь стоим.

В. А. Маклаков значительную часть своего доклада посвятил какому-то ландшафтному представлению о хозяйстве. Он говорил о тех пустырях, которые манят глаз проезжающего по России путешественника, и говорил, что, увы, с этими пустырями надо расстаться, но он забыл, что пустыри эти не на крестьянских землях, а как раз на совсем других землях, и именно для того, чтобы осуществить ту национальную задачу, которую он перед нами поставил, и надо крестьян к этим пустырям допустить; они только и сумеют превратить их в настоящие производительные хозяйства. Я помню одно из своих самых первых земских впечатлений. В Тверском земском собрании рассматривались результаты произведенного статистического исследования. Оказывалось, что десятина крестьянской земли в общем производит больше, чем десятина помещика. Весьма либеральные, надо сказать, земцы ставили вопрос: как же это? — мы знаем все, что наше хозяйство дает больше пудов зерна с десятины, чем крестьянское. На это один из первенцев земской статистики им указал: совершенно верно, та часть

земли, которая находится под пашней у помещика, приносит больше, чем у крестьянина, но в общем все крестьянское хозяйство в целом гораздо выше по производительности на каждую среднюю десятину, чем десятина помещичьего хозяйства. И вот в этом элементарном разъяснении вся суть дела.

Вопрос вовсе не только в тех стесненных обстоятельствах, которые теперь мы переживаем, а давным-давно уже вся мысль агрономическая направилась на необходимость выставить на первый план повышение производительности. Не только наша партийная мысль всегда стояла на этой точке зрения, но теперь и все левые течения, независимо от их критического к нам отношения, переходят к этой мысли. Но ведь мы же прекрасно знаем все, кто сколько-нибудь знаком с положением земской агрономии и со всей эволюцией хозяйства, мы знаем, что когда помещики вводили усовершенствованные методы, тогда выписанные машины стояли у них в сарае. Тогда только машины и орудия получили действительное применение к русскому хозяйству, когда это вошло в обиход крестьянского хозяйства. Ф. И. Родичев критикует программу с другой точки зрения, с точки зрения громадных затруднений при ее осуществлении, тогда как их можно было бы обойти тем способом, который он проектирует: прогрессивным поземельным налогом. Нельзя отрицать тех трудностей, которые обрисовал Ф. И. Родичев, но наш проект есть нечто практически достижимое, хотя и трудно осуществимое, а его проект — это голая идея. Он совсем не представил картины его осуществления, которая натолкнется на те же трудности: необходимость расценки и т. д., необходимость индивидуального разрешения и применения к условиям многообразной русской действительности той общей идеи, которую он нарисовал.

Но вот что меня поразило в словах обоих наших товарищей, которые являются передовыми бойцами нашими за продолжение войны, за общее воодушевление народа в этой войне. Мне кажется, исходя из мысли о необходимости доведения войны до конца, о необходимости приспособления всего государственного хозяйства к нуждам войны, они должны были включить в свои построения то условие, без которого как раз война не может быть доведена до конца желательным образом, без которого и хозяйство, и все дело революции не может пойти при общем воодушевлении народа. Ведь совершенно ясно, что защищать землю можно только свою, и, защищая землю, все-таки русский народ, который сейчас землю защищает, должен иметь перед

собой совершенно определенный идеал организации своей будущей хозяйственной жизни. Конечно, не идеалом о том или другом способе обложения земли можно воодушевить этот вооруженный народ, а признанием, что он защищает именно свою землю и в этой защите получает на нее право. (*Аплодисменты.*) Так что, по-моему, если своевременна и современна была наша программа 12 лет тому назад, то сейчас она сугубо своевременна и современна — и в деле отражения врага, и в деле повышения производительности сельского хозяйства как раз осуществление нашей программы — как можно более быстрая передача земли в руки трудящихся — является элементом самым важным и совершенно неустранимым. Поэтому мне представляется, что вся аргументация наших товарищей не должна быть принята нами во внимание, и мы можем смело перейти к рассмотрению отдельных статей нашего проекта на той основе, на которой мы рассматривали аграрный вопрос во все светлые и мрачные дни жизни нашей партии, и ни в чем этой основной линии не изменять. (*Голоса:* Правильно! *Аплодисменты*).

Председатель. Слово принадлежит докладчику Н. Н. Черненкову.

Н. Н. Черненков. Я должен тоже вкратце коснуться того предмета, которого уже коснулся Д. И. Шаховской. Но я буду очень краток, потому что в данном случае, как отметил Дмитрий Иванович, те линии в аграрном вопросе, которые приняты В. А. Маклаковым и Ф. И. Родичевым, настолько коренным образом расходятся с основной линией партии в том же вопросе, что обсуждение возникающих отсюда разногласий являлось бы совершенно бесплодным. Ведь во всяком большом вопросе всегда параллельно существуют разные течения и разные системы. Некоторых из этих систем я уже касался в своем докладе; есть и другие системы, представителями которых явились в данном случае наши сотоварищи по партии, причем нам всем давно известно особое положение, которое занимают во взглядах на аграрный вопрос В. А. Маклаков и Ф. И. Родичев. Мы эти взгляды их знали и учитывали, тем более что те воззрения, которые они высказывали, не являются вообще чем-либо лично им принадлежащим. Изложение этих взглядов было очень интересно выслушать в том блестящем виде, в каком они нам были предложены, но, конечно, по существу, они не приобрели от этого большей убедительности.

Партия наша по аграрному вопросу самоопределилась при самом ее возникновении, и самоопределилась совершенно сознательно, от-

давая себе ясный отчет в наличных порядках. Вообще, конечно, всякое самоопределение такой большой партии, как наша, и в таком важнейшем вопросе, как аграрный, всегда основывается на таких глубоких и многообразных причинах, что выставление вновь каких-либо иных точек зрения, уже ранее известных, не может само по себе сколько-нибудь повлиять на линию, принятую партией в ее целом.

Но тут есть одна сторона дела, которой нужно специально коснуться. В. А. Маклаков указал, как на недостаток, именно на то, что мы самоопределились известным образом еще 12 лет тому назад в известных условиях, тогда бывших. Условия коренным образом, говорит он, с тех пор изменились, а мы остались неизменными на своей позиции в земельном вопросе; мы предаемся прежним иллюзиям, не видим того, что произошло с того времени. Но было ли иллюзией то, на чем мы стояли тогда, и в каком направлении изменилась на самом деле действительность? Здесь Дмитрий Иванович уже указал, что, конечно, за это время трудности для решения вопроса возросли, но в то же время и настоятельность разрешения реформы именно в том направлении, как нами было принято, определилась еще с большей неизбежностью, я бы сказал — неотвратимостью, если только не помешают здесь какие-либо совершенно катастрофические обстоятельства. В силу этого всякие соображения о том, что хорошо было бы поставить реформу на другие основания, приобретают совершенно академический характер, и нам необходимо оставаться именно на прежней нашей позиции, тем более что и по существу мы не имеем основания менять эту позицию.

В частности, я хотел бы коснуться еще двух вопросов. Во-первых, вопроса, которого коснулся уже Д. И. Шаховской, — о производительности крестьянских и крупных хозяйств. Я должен сказать, что здесь, как и во многих других случаях, есть целый ряд недоразумений. Обычно при сравнении мелких и крупных хозяйств за мерило производительности земли берется разница в урожайности хлебов в тех и других хозяйствах; между тем этого совершенно недостаточно для правильного суждения. Ближайшее знакомство с указанными двумя типами хозяйств показывает, что если не всегда, то очень часто повышение производительности земли идет в них различными путями. В крупных хозяйствах повышение производительности преследуется и достигается главным образом на полевых пахотных землях, о которых и говорят обычно используемые данные об урожайности хлебов; между тем в крестьянском

хозяйстве наряду с земельными культурами имеют громадное значение также культуры усадебного и полуусадебного характера, которые, если принять их в соображение, совершенно изменяют все расчеты. Насколько это верно, достаточно учесть тот факт, что мелкие хозяйства имеют обычно значительно больше скота по расчету на десятину, чем крупные хозяйства, а одного уже этого факта достаточно, чтобы сделать чрезвычайно сомнительными шаблонные выводы и построения о высшей продуктивности хозяйств второй категории.

Другой вопрос, которого я хотел также коснуться дополнительно к сказанному Д. И. Шаховским, это та теория прогрессивного обложения земель, которую развивал Ф. И. Родичев. Собственно, это есть не что иное, как особый вид известной теории Генри Джорджа о национализации земли. Но в подлинном ее виде она очень определенно и ясно говорит о том, что государство берет в свою пользу всю так называемую дифференциальную ренту, чем земля совершенно обесценивается, поскольку в нее не затрачены известные капиталы и труд. Ф[едор] И[змайлович] нам предложил несколько другую форму — форму прогрессивного налога. Я затрудняюсь сказать, что это значит, но думаю, что если предлагаемую формулу сколько-нибудь развернуть, то окажется именно то, что говорит Д. И. Шаховской, т. е. полная неприложимость данного предложения на практике и, во всяком случае, совершенно не те результаты его применения, которые предполагает Федор Измаилович. Так, Д[митрий] И[ванович] уже отметил, что если нужно произвести сложную оценку земли для принудительного ее отчуждения, то, конечно, все это нужно и для приложения системы Генри Джорджа, но только в еще более точном виде. Затем, Ф[едор] И[змайлович] говорит: нужно, чтобы система прогрессивного налога давила на плохие хозяйства, но ее могли бы выдержать хозяйства хорошо поставленные. Но в таком случае, очевидно, при его системе не будет достигаться та цель, о которой Ф[едор] И[змайлович] говорит, утверждая, что предстоящее прогрессивное обложение само переведет землю в руки крестьян. Ведь если даже высшие ставки налога, по его проекту, будут непосильны только для крупных хозяйств, то средние ставки, очевидно, будут уже относительно льготными (при осуществлении принципа прогрессивности); поэтому хотя и возможно, что эта система привела бы к некоторому раздроблению очень крупных хозяйств, но хозяйства менее крупные и средние, очевидно, при этом могли бы существовать.

Как я уже указывал в своем докладе, даже строгое применение системы Генри Джорджа, обесценивая землю, в то же время никоим образом не передает ее в руки трудящихся; она одинаково может ее передавать как в руки трудящихся, так и в руки капиталистов, потому что она берет только ренту. Тем более не даст обещанных результатов несколько неопределенная система прогрессивного обложения, рекомендуемая Ф[едором] И[змайловичем].

Наконец, Ф. И. Родичев говорит: ведь вы, при вашей постановке реформы, берете от государства миллиарды денег; при моей системе, наоборот, к государству пойдут если не миллиарды, то много миллионов. Но это недоразумение. Налог, о котором говорит Ф[едор] И[змайлович], по его словам, раздавит крупных владельцев; но тогда и государство, очевидно, налога не будет получать, так как мелкие владельцы будут от него освобождены; если же налог будет легок даже для крупных владений, то не получится той фактической земельной реформы, о которой говорит в данном случае Ф. И. Родичев, и [налог], который, на первый взгляд, производит сильное впечатление при нашем теперешнем финансовом положении, на самом деле основан на совершенно явном недоразумении.

Ф. И. Родичев говорит также, что при системе прогрессивного обложения земля пойдет именно в те руки, которые могут ее осилить, что, по его словам, и требуется; но с точки зрения нашей партии, требуется совсем не это: наша программа стояла всегда на том, что земля должна перейти к тем, кому она наиболее нужна, а не тем, кто может ее осилить и получить путем покупки. Поэтому ведь нет тождества в задачах программы партии и системе Ф. И. Родичева.

Этим позвольте мне ограничить замечания по поводу речей В. А. Маклакова и Ф. И. Родичева.

Вслед за тем, прежде чем перейти к отдельным пунктам программы, я коснусь еще некоторых вопросов более общего характера, чтобы устранить некоторые недоразумения. Во-первых, как я уже говорил в своем докладе, хотя настоящая программа очень расширена по сравнению с нашей исходной программой, но, строго говоря, в большей ее части она является только кодификацией того, что на основе прежней программы сделано было партией в периоды работ I, II и отчасти III Государственной думы. Поэтому положения этой программы, за немногими исключениями и с некоторыми частичными изменениями, представляют то, что в партии прошло уже длинный путь выработки,

критики и было рассмотрено аграрной комиссией, Центральным комитетом, парламентской фракцией и т. д. Я считаю нужным снова подчеркнуть это обстоятельство ввиду того, что в настоящее время, относясь критически к известным пунктам программы, нужно считаться с тем положением, что в данном случае мы имеем не нечто новое и впервые предлагаемое, но нечто такое, что в большинстве случаев представляет лишь иные формулировки тех положений, на почву которых партия уже встала раньше. Раз это так, то, конечно, — поскольку речь идет не о редакции, а о существе дела — требуется тщательное рассмотрение в каждом отдельном случае, имеются ли достаточные основания для того, чтобы партии надлежало изменять свою прежнюю позицию.

В тех замечаниях, которые здесь были сделаны, довольно часто указывалось на неопределенность некоторых отдельных выражений программы, на отсутствие в ней конкретных ответов на некоторые конкретные вопросы. По этому поводу я должен сказать следующее. Во-первых, как я уже отметил, эта программа есть в значительной мере лишь сокращенная кодификация результатов наших прежних работ, и эти прежние работы, конечно, ею не отменяются (кроме тех случаев, когда прямо устанавливается сознательное отступление от них), — не отменяется, прежде всего, и тот подробный законопроект, который внесен был партией во II Государственную думу. Поэтому члены партии и местные ее комитеты и при наличности предлагаемой программы всегда могут пользоваться и прежними законопроектами, обращаясь к ним за более ясными и конкретизированными указаниями. Поскольку же сейчас идет дело уже не о законопроекте, а только о программе, нам неизбежно приходится примириться с некоторой общностью выражений и с некоторой иногда трудностью подыскать подходящие выражения для краткой формулировки мысли; при этом очевидна и невозможность загромождать общую программу разрешением всех конкретных вопросов.

Затем, нужно также сказать, что в прениях возникало еще одно недоразумение — недоразумение, вытекавшее из того, что недостаточно ясно принималось в соображение то деление нашей теперешней программы на две части, которое сейчас принято. Только вторая часть программы имеет отношение к земельной реформе в узком смысле, о которой мы раньше главным образом и говорили; первая же ее часть этой очередной реформы непосредственно почти не касается — она формулирует лишь общие точки зрения партии на различные сторо-

ны аграрного вопроса. Поэтому если то, что предлагает вторая часть программы, подлежит немедленному осуществлению, то положения первой ее части сами по себе этого не предполагают и дают лишь формулировку тех руководящих идей, тех общих принципов, которые устанавливает партия в области аграрного вопроса. Только тогда, когда каждый из этих принципов так же разовьется в ряд конкретных требований, как сделано это по отношению к пункту общей программы об очередной земельной реформе, — только тогда и будет можно точно формулировать, что и в других областях вопроса должно быть исполнено немедленно и что немедленно не может быть выполнено. Эту разницу нужно, конечно, иметь в виду, и тогда некоторые возражения сами собой отпадут. Я приведу хотя бы один конкретный пример. Здесь, между прочим, говорилось: зачем нужно отчуждать сейчас в государственную собственность леса — государству придется и так принять на себя слишком много; но программа и не предполагает непременное осуществление немедленного отчуждения всех лесов, и если финансовые трудности момента покажут, что это немедленно, в один прием, не может быть исполнено, то, конечно, практически выкуп лесов и может быть поставлен уже на вторую очередь.

То же самое можно сказать и по отношению к некоторым другим вопросам. Только прямое включение в очередную программу, в очередные задания (как все, формулированное во второй части программы) предполагает немедленное и полное осуществление поставленных требований. Здесь были далее указания на то, что раньше в наших программных построениях отводилась главная роль государству, а теперь отведено большое место местным земельным органам. Но я думаю, что это основано на недоразумении. Во-первых, участие местных органов каждый раз точно определено и им предоставляется роль преимущественно подготовительная, а не решающая, и только в тех случаях, когда голос с мест должен быть услышан. С другой стороны, и в прежних проектах эти указания на местные органы также имели место, а во вторую Государственную думу был даже внесен партией особый законопроект о местных земельных органах, наряду с проектом о самой земельной реформе. Между прочим, это именно недоразумение дало даже основание одному из говоривших здесь, кн. Трубецкому, указывать, что предлагаемая сейчас программа не соответствует общему духу нашей программы и ее обычной государственной позиции. Я не буду останавливаться на этом, а просто только констатирую еще

раз, что здесь имеется совершенно явное недоразумение, как и в том случае, когда кн. Трубецкой говорил об уступке левым анархическим течениям — о том, что наши предложения представляют картину бледного подражания этим левым течениям и т. д.

Был здесь поставлен затем и такой вопрос общего характера, что не вполне ясно, должна ли быть предлагаемая второй частью нашей программы земельная реформа делом единовременного преобразования или же она должна исполняться, как выразился говоривший, постепенно, по мере надобности в отводе земли населению. Я думаю, что тут не может быть никаких сомнений. Мы мыслили всегда эту реформу как единовременную, поскольку вообще какое-нибудь громадное дело может быть единовременным. Эта мысль совершенно отчетливо была формулирована, между прочим, в одной из резолюций четвертого партийного съезда[424], когда он устанавливал свое отрицательное отношение к законодательству Столыпина именно потому, что партия придает жизненное значение только единовременной общей земельной реформе.

Вот те общие замечания, которые мне представлялось необходимым сделать, прежде всего, в связи с происходившими прениями. Позвольте затем перейти к замечаниям по отдельным пунктам программы, но не касаться при этом чисто редакционных замечаний, которых было сделано довольно много; их будем рассматривать уже тогда, когда перейдем к постатейному чтению, если, конечно, съезд не согласится с делавшимся здесь предложением о поручении Центральному комитету подвергнуть всю программу новой переработке.

По пункту 1-му сделано было предложение в том смысле, чтобы исключить из этого пункта слова: «сельскохозяйственного пользования» и сказать просто: «земля должна принадлежать земледельческому населению», а уже дальше в пояснение сказать, что это относится к землям сельскохозяйственного пользования, отнеся это разъяснение во второй пункт программы. Центральный комитет признал это предложение неприемлемым, так как оно придало бы нашему первому пункту характер лозунга, реальное содержание которого совершенно не соответствовало бы действительным нашим намерениям. Затем было сделано также предложение заменить слово «сельскохозяйственные» словом «пахотные»; но очевидно, что это было бы неправильно, так как идет речь не только о пахотных землях. Далее, предлагалось сказать в примечании, что такое — земли сельскохозяйственного поль-

зования; но это, по-видимому, само по себе достаточно ясно — ясно, что земли сельскохозяйственного пользования — это те, которые не заняты подлежащими сохранению лесами, не находятся под фабриками или заводами и т. д. Говорилось еще, что слово «принадлежать» обычно связывается с понятием собственности; однако другими ораторами здесь уже было разъяснено, что имущество может в юридическом смысле «принадлежать» не только на основе собственности, но и на других основаниях, например, на основаниях пожизненного владения и т. п.

По пункту 2-му программы прямых замечаний не было сделано. По пункту 3-му было предложение вставить в выражение «приобретать землю сверх трудовой нормы» слова «приобретать в собственность»; но это, конечно, неприемлемо по общей позиции партии, которая всегда, в ее большинстве, определенно стояла на почве терпимости в отношении разных форм владения. Затем указывалось, что в данном пункте встречается в первый раз выражение «трудовая норма» и что этот термин недостаточно ясен. Несомненно, что понятия о всякого рода нормах не вполне ясны, пока не установлены самые нормы; но, тем не менее, без них обходиться нельзя, и понятие трудовой нормы не более неясно, чем понятия о нормах потребительных, нормах доходности и т. д.

По отношению к 4-му пункту, который и говорит об указанном уже нейтральном отношении партии к разным формам владения, предлагалось опять-таки ввести требование повсеместного введения частной собственности в форме отрубных участков; но этот вопрос может считаться уже исчерпанным тем, что было мною только что сказано. В этом же пункте предлагалось просто сказать, что отвод земли производится государством, а внутренняя организация землепользования принадлежит общине; но если в предшествовавшем предложении было неприемлемо игнорирование различных форм владения в пользу индивидуальной, то в этом предложении столь же неприемлемо исключительное предпочтение общины.

По отношению к 5-му пункту, где говорится, что в связи с отменой различных ограничений земельные союзы должны приобрести частноправовой характер, было предложено исключить слова: «с исключительно судебной охраной прав их членов и самих союзов в целом», так как это уже само собою вытекает из понятия о частноправовых союзах. Это замечание по существу совершенно правильно, и указанные слова

оставлены были в первоначальной редакции только потому, что указанное положение могло быть не вполне ясным для не юристов; но, во всяком случае, Центральный комитет вполне соглашается с тем, что приведенные выше слова могут быть устранены из программы.

По отношению к 6-му пункту возражения были по отделу о переуступке прав участия в общине, причем указывалось, что это даст возможность для вторжения посторонних элементов в общину, что община относится крайне недружелюбно к вступлению в нее таких элементов и т. д. Конечно, последнее как факт совершенно верно; но, прежде всего, нельзя не признать, что община наша не может существовать и дальше в тех формах и в тех настроениях, в каких она существовала до настоящего времени. Вступая в общегражданскую жизнь, организующуюся на совершенно новых началах, община должна или разрушиться, оказаться несостоятельной, или же принять облик и характер, которые соответствуют уже другому уровню гражданственности. При новых условиях нашей жизни община не может быть столь замкнутой и нетерпимой по отношению к посторонним элементам, как она была до сих пор; притом же в программе сказано, что возможность вступления со стороны должна быть обставлена надлежащими гарантиями для общины. Тут вовсе не предполагается, что каждый посторонний своей волей может войти в общину, а имеется в виду, что переуступка прав участия в общине может совершаться только с ведома общины. Но если при этом осведомлении община заявит, что она не согласна на переуступку, то, если все-таки данное лицо хочет выйти из общины, она должна предоставить ему эту возможность, оставив за собою его пай и выплатив за него надлежащую сумму. Если, с другой стороны, заявивши, что она желает оставить за собою пай данного хозяина, община не выполнила бы затем этого, то тогда уже мог бы, конечно, возникнуть вопрос о совершении переуступки независимо от ее желания. Я привожу эти соображения только как некоторый пример того, какими приблизительно гарантиями может и должно быть обставлено право передачи общинных паев, чтобы было избегнуто насильственное вторжение в общину нежелательных для нее элементов. Нельзя не добавить к этому, что замечания о нетерпимости к посторонним приложимы, в сущности, лишь к местностям с мелкими общинами, где действительно устанавливаются полусоседские, полуродственные отношения, которые и создают указанную нетерпимость; но большая часть России живет в условиях крупных общин, где для указанных от-

ношений почвы, собственно, нет. Поэтому ЦК признает необходимым сохранить ту редакцию п. 6, которая дана проектом программы.

Затем указывалось на некоторую односторонность нашего проекта в том смысле, что он говорит о выходе и о выделе из общины, но не говорит об обратном вступлении в общину вышедших. Но в предшествующем пункте об этом уже сказано, и потому повторять то же самое в следующем параграфе представлялось совершенно излишним, тем более что общая конструкция программы такова, что она не допускает и мысли о том, чтобы таким добровольным действиям могли ставиться какие-либо препятствия или запрещения. Поэтому эту вставку о праве возврата в общину ЦК и считает излишней.

По п. 7 были высказаны пожелания, чтобы в перечне необходимых мер для подъема производительности было упомянуто, в частности, о мерах к развитию сельскохозяйственного образования. ЦК вполне присоединяется к этим пожеланиям. Другое предложение заключается в добавлении в конце п. 7 слов, что все вышеперечисленное должно быть положено в основу экономического строительства России. С этой добавкой ЦК не согласился ввиду того, что она несколько искажала бы общую перспективу относительного значения различных частей программы: ведь в основу государственного экономического строительства России должны быть положены и все другие требования программы и, в частности, самая земельная реформа, а не только прямые меры по подъему производительности хозяйства. Затем, в том месте этого пункта, где говорится о землеустроительных мерах, предлагалось указать, в частности, на меры устранения вненадельной и внутринадельной чересполосицы и мелкополосицы. ЦК находит это также излишним, как чрезмерную детализацию того, что заключается в данном пункте. С другой стороны, такая добавка могла бы неправильно наводить на мысль, что тут имеются в виду какие-то принудительные меры, потому что поскольку внутринадельная и вненадельная чересполосица и мелкополосица будут признаны самим населением подлежащими устранению, постольку оно, конечно, и будет пользоваться теми землеустроительными организациями, которые рекомендуются п. 7-м.

По отношению к п. 8 было сделано предложение — исключить всю первую его часть, в которой говорится о том, что леса должны принадлежать государству, оставив только то положение, что эксплуатация лесов должна быть подчинена общему плану. Так как это совершенно не выражало бы ту мысль, которую имелось в виду отчетливо выразить, то ЦК,

конечно, не может присоединиться к этой поправке. Предлагалось затем сказать, что, принципиально признавая национализацию лесов, а также недр, отложить осуществление ее до более удобного для того времени; но, как я уже говорил, такого разъяснения не требуется, потому что в настоящем общем отделе программы и нет указания на то, чтобы непременно по отношению к лесам это требование ставилось вопросом дня. Затем, одним из говоривших было сказано, что в программе нет указания на то, что леса и недра выкупаются, а поступят в собственность государства бесплатно; но это, очевидно, недоразумение, потому что не может быть никаких поводов предполагать, чтобы недра и леса могли отчуждаться на иных принципиальных основаниях, чем вообще частновладельческие земли, а потому такой специальной оговорки и не требуется.

По отношению к недрам здесь был целый ряд замечаний. Рассмотрев все эти замечания и имея в виду, как я говорил в своем докладе, что вопрос о недрах крайне сложен; что в настоящей программе и раньше вопрос этот был поставлен в очень узких пределах, поскольку казалось необходимым коснуться его в связи с аграрным; что условия эксплуатации недр предполагалось разработать и внести в другой отдел программы, — Центральный комитет полагает, что предположенный пункт из настоящей программы может быть пока устранен и заменен следующим постановлением:

«Съезд признает, что права на недра земли должны быть отделены от прав на ее поверхность, и поручает Центральному комитету разработать вопрос о правах на недра и об основаниях их эксплуатации для доклада ближайшему съезду партии». (*Голоса:* Правильно!).

Теперь я перехожу ко второму отделу программы. В п. 1 этого отдела предлагалось вставить слова «государственный фонд»; но едва ли это нужно, так как здесь и говорится о государственном фонде, но только слово «фонд» заменено словом «запас». Это слово было предпочтено потому, что в прежних работах партии по аграрному вопросу слово «фонд» несколько затемнилось и стало сочетаться с некоторыми особыми представлениями, которые первоначально совершенно не имелись в виду; чтобы устранить психологические осложнения, и было предположено заменить данный термин другим, который, не меняя существа дела, не являлся бы, однако, связанным с возможностью неправильного его толкования.

По п. 2 было сделано указание на желательность более полного перечисления земель, не подлежащих отчуждению при реформе, на-

звав здесь: усадьбы, сады, огороды, виноградники, земли под фабриками, заводами и т. д. Центральный комитет полагает, что, конечно, это перечисление можно включить, раз здесь могут возникнуть недоразумения; если же раньше оно не было включено, то только потому, что нам казалась достаточной более общая формулировка данного пункта. Затем предполагалось сделать также специальную вставку о свеклосахарных заводах, причем предложение, которое было внесено, имело два варианта: предлагалось или сказать, что признается необходимым сохранение за заводами того количества земли, которое требуется для них, или установить постепенный порядок отчуждения обслуживающих заводы земель. В прежних работах партии и было определенно установлено, после неоднократного обсуждения этого вопроса со сведущими людьми, что можно остановиться именно на порядке постепенного отчуждения земель при свеклосахарных заводах, но в настоящей программе не было сказано специально об этих заводах лишь потому, что самая мысль, в ее общей форме, достаточно ясно выражается последними словами настоящего пункта. Поэтому Центральный комитет и сейчас полагал бы излишним делать предлагаемую вставку, тем более что точка зрения партии на данный вопрос совершенно отчетливо выражалась уже раньше и, в частности, в законопроекте, внесенном ею во II Государственную думу.

Пункт 3 является крайне важным, что уже видно из тех прений и из того особого внимания, которое он к себе привлек в настоящем собрании. Он касается отчуждения земель частного землевладения: должно ли быть за частными владельцами оставляемо количество земель исключительно по трудовой норме или же может быть допущено оставление участков и сверх трудовой нормы? По каким основаниям и в каких случаях? В этом отношении было сделано радикальное предложение отчуждать во всех случаях все количество земли сверх трудовой нормы, т. е. в том числе и те свеклосахарные и т. п. хозяйства, о которых я только что говорил и которые, по предлагаемой программе, могут быть ликвидированы постепенно. Но большинство говоривших поддерживало не это, наиболее радикальное предложение, а промежуточное, которое заключалось в том, чтобы исключить только ту часть параграфа, которая устанавливает возможность сохранения хозяйств полутрудового типа.

Центральный комитет полагает, что в этом пункте едва ли есть достаточные основания для партии изменять свою общую позицию, которую

она заняла раньше, с самого начала своих работ по аграрному вопросу. Партия стояла на том, что те хозяйства, которые эксплуатируют землю собственным инвентарем, должны иметь некоторые преимущества по сравнению с теми, которые такого хозяйства не ведут. Нельзя затем не признать и того, что, проводя трудовой принцип, трудно ограничить его строго трудовой нормой. Трудовая норма соответствует тем хозяйствам, в которых хозяин не прилагает совершенно наемного труда; но мы знаем, что на самом деле жизнь создает и здесь промежуточные формы: у крестьян бывают даже постоянные работники, причем благодаря этому крестьянское хозяйство ведь не превращается еще в нетрудовое; переход совершается постепенно, и только за известной гранью начинается капиталистическое хозяйство в собственном смысле слова. Поэтому, проводя трудовой принцип, едва ли, однако, возможно толковать его столь ригористически, чтобы допускать для каждого только такое количество земли, какое он может обработать исключительно своим трудом.

По-видимому, здесь следовало бы понимать трудовой принцип в более широком смысле и признать возможность сохранения и полутрудовых хозяйств, тем более что я должен обратить внимание на следующее. Так как п. 3-м общего отдела программы требуется создание таких условий, при которых невозможно было бы последующее приобретение земли сверх трудовой нормы, то очевидно, что оставляемые ныне полутрудовые хозяйства не могут даже долго просуществовать, так как далее для них доступен лишь один путь — путь дробления вследствие семейных разделов и отчуждения земли по частям в недостаточные хозяйства, но не путь концентрации земель; поэтому ничего угрожающего они из себя не представляют и не могут представлять. Вопрос заключается только в том, нужно ли хозяйства полутрудового размера сейчас уничтожить или же следует сохранить их, предоставляя последующее решение их судьбы естественному ходу вещей. Если они будут существовать и далее в том виде, как они существуют сейчас, то от этого нельзя видеть какого-либо вреда; а если они раздробятся, то превратятся в те же чисто трудовые хозяйства, которые признаются нами наиболее желательными. По всем этим соображениям, Центральный комитет полагает, что к данному пункту нашей программы, который всегда был в ней, следует отнестись с надлежащей осторожностью и что, по-видимому, для отказа от него не имеется каких-либо достаточных оснований.

По отношению к п. 4, где говорится, что земли, которые могут остаться за удовлетворением нужды местных крестьян, могут быть обращены на нужды переселенцев, сделано было предложение исключить слова: «могут быть обращены на нужды переселенцев» — на том основании, что во многих районах крайне недружелюбно относятся к самой мысли допущения труда переселенцев и считают, что вся земля должна быть достоянием местного населения. Центральный комитет полагает, что, хотя такое настроение в населении многоземельных районов действительно существует, однако едва ли партия в своей программе может ему подчиниться. Может быть, реальные условия не допустят широкого осуществления нашей точки зрения, но принципиально едва ли допустим такой взгляд, при котором земля рассматривается как достояние известного неопределенного района, как бы обособленного совершенно от прочих частей государства. Ввиду этого Центральный комитет полагает, что следует остаться при той редакции рассматриваемого пункта программы, какая была им предложена.

По п. 5 и 6 прямых замечаний здесь не было сделано.

По п. 7-му говорилось относительно неопределенности термина «доходность, по которой должна производиться оценка земли», и было предложено сказать об основаниях оценки в более общей форме. Центральный комитет полагает, однако, что понятие о доходности земли не настолько неопределенно, чтобы были основания вносить предложенное изменение. Затем сделано было такое предложение: ввиду трудности выкупа всей земли, быть может, землю свыше известного максимума следовало бы отчуждать безвозмездно; но такая постановка дела совершенно противоречила бы тем основаниям, на которых стояла партия до сих пор, и едва ли она может изменить свою точку зрения только потому, что в настоящее время есть сильное течение, которое стремится разрешить данный вопрос в другом направлении. Точно так же едва ли приемлемо и другое предложение, которое рекомендует установить постепенное понижение выкупной суммы в зависимости от повышения размеров владения. Партия всегда стояла на почве отчуждения земель по их номинальной оценке, а раз это так, то выкупная сумма сама по себе не должна быть в зависимости от того или другого количества земли. Было тоже внесено предложение о согласовании оценки с задолженностью, а именно, что оценка не должна быть ниже задолженности и должна ее несколько превышать. Такую оговорку Центральный комитет не считает возможной, потому что оценку нельзя подчинять соображениям о за-

долженности. Конечно, государству в этом случае, быть может, и придется столкнуться с известными трудностями по сильно задолженным имениям; но это не такие трудности, которые должны предрешаться в программе, и, во всяком случае, оценка не должна определяться тем, сколько владелец успел задолжать.

По п. 8 было предложено слова «постоянное (бессрочное) пользование» заменить словами «частная собственность». Этим затронут тот вопрос, который неоднократно возбуждался в партии, но всегда решался ею отрицательно. Если в отношении существующей уже собственности — в области трудового и вообще подлежащего составлению[425] землевладения — партия никогда не становилась на почву требования ее отмены, то по отношению к вновь отводимым — при реформе — землям если она и колебалась, то колебалась между постоянным и срочным пользованием; отвод же этих земель в собственность она никогда не считала целесообразным. Она исходила при этом из того соображения, что раз даже ту собственность, которая существует, представляется необходимым подчинить значительным ограничениям и раз вообще развитие земельных отношений явно должно направиться в будущем в сторону широкого регулирования их законодательной властью, то было бы неправильно одновременно с этим устанавливать новое землевладение на началах, исторически и психологически ассоциировавшихся с представлениями, наоборот, этой или иной степени полновластия отдельных владельцев земли. Сообразно с этим и в настоящей программе принят отвод земли при реформе на началах постоянного пользования, как это было установлено в законопроекте, внесенном партией во II Государственную думу. С другой стороны, здесь указывали, что наделение отдельных лиц ни при каких условиях нежелательно и что следует наделять только союзы. Это предложение резко противоречит всегдашней позиции партии в отношении к формам владения землей, а потому Центральный комитет полагает, что согласиться с ним нельзя.

Было еще предложение сказать: земля «поступает в надел»; но едва ли следует вводить этот термин в программу, так как он, вероятно, скоро исчезнет и из закона. Было также предложение заменить слова: форма отвода земли производится «сообразно с желаниями населения» словами: земля отводится «на основаниях, вырабатываемых местным населением»; но одно другое, очевидно, не заменяет, и едва ли выработка оснований отвода земли могла бы быть всецело переда-

на на места. Указывалось, наконец, на неопределенность термина «постоянное пользование». Между прочим, задавался вопрос: постоянное пользование есть наследственное или пожизненное? Но я думаю, что очень трудно ставить здесь вопрос о пожизненном или наследственном пользовании, потому что ведь громадное большинство отводов будет даваться фактически коллективным единицам, а следовательно, ни о пожизненном, ни о наследственном владении землей не может быть и речи, а можно говорить именно лишь о постоянном пользовании, по существу — близком к собственности, но принципиально подчиненном известным ограничениям. Нужно при этом заметить, что понятие о «постоянном пользовании» совершенно ошибочно считается некоторым новшеством, тогда как оно существует в нашем законодательстве очень давно. Сибирские крестьяне и по настоящее время наделены на основах постоянного пользования, а раньше на тех же основаниях владели землей и бывшие государственные крестьяне Европейской России; отсюда уже видно, что и этот термин вовсе не такой неопределенный, как это кажется многим. Однако земли, отводимые коллективным единицам, поступают, конечно, затем все же в фактическое пользование отдельных хозяйств, и здесь опять-таки возникает вопрос об основаниях уже этого внутреннего пользования. Но в этой области все уже зависит от характера той или иной коллективной единицы. Если в существующей области есть община, то пользование отдельных хозяев и определится порядками общинного владения; что касается местностей с подворным владением, то здесь хотя отвод и будет сделан также коллективным единицам (земельным обществам), но затем земля должна быть распределена уже между отдельными лицами, причем и возникает вопрос, будет ли это делаться на основаниях пожизненного или наследственного пользования. Входить в программе в такие детали было бы невозможно, но в законопроекте, внесенном во II Государственную думу, решение вопроса о том, поступает ли отдельным хозяевам земля внутри общества в пожизненное или наследственное пользование, предоставлялось самим обществам при их наделении.

Последний пункт, 9-й, вызвал очень много замечаний. Он касается вопросов о том, как и кто должен производить оплату того выкупа, на основах которого производится экспроприация земли: должно ли это падать всецело на государство, которое уже изыщет те или другие источники для платежей, или же эти платежи должны падать всецело на наделяемое население, или, наконец, они должны быть разделены

между этим населением и государством? Здесь предлагалось, с одной стороны, отнести все на счет наделяемых; но был и ряд предложений, которые говорили противоположное, а именно — предлагали все отнести за счет государства.

В своем докладе я уже указывал на те основания, которые препятствуют принять эти крайние предложения. Напомню их здесь вкратце. Прежде всего, сомнения заключаются в том, возможно ли возложить на государство, в особенности в настоящий трудный момент русской жизни, такую громадную тяжесть, а с другой стороны, едва ли даровой отвод земли был бы справедлив по отношению к тем, которые раньше выкупали или покупали землю и которые иногда еще и теперь несут за нее высокие платежи. Правда, было высказано, что в таком случае из этого надо сделать тот вывод, что и те долги, которые лежат на крестьянах по Крестьянскому и другим банкам, надо также принять за счет государства, но это значило бы наложить на государство еще новую громадную сумму. Обсудив вновь все эти вопросы, Центральный комитет полагает, что все-таки следует остаться при том предложении, которое изложено в программе. Но так как здесь все же возникает ряд сомнений, то Центральный комитет предлагает дать ему поручение разработать более подробно финансовую сторону дела, связанную с выкупом. (*Голоса:* Правильно!)

Голос. Какая часть платежа процентов возлагается на государство?

Докладчик. Это будет установлено в результате разработки, так как на это сейчас очень трудно ответить; тут должен быть принят в расчет целый ряд обстоятельств.

Голос. Можно сказать это не в цифрах, а принципиально: большая часть, меньшая часть, пополам или как?

Докладчик. Как лучше сказать, — тут много неопределенных величин. Так, мы не знаем даже того, какой процент придется платить по выкупным свидетельствам. Предполагая, что придется платить 5½ %, у нас была мысль, что около 4 % будут падать на население; остальное же возьмет на себя государство, как и погашение всего капитального долга, но это пока лишь некоторое гадательное предположение.

Председатель аграрной комиссии ЦК А. А. Корнилов к исчерпывающим объяснениям Н. Н. Черненкова считает нужным добавить лишь немного по поводу платежей за получаемую крестьянами землю. Финансовые основания реформы придется еще пересматривать, особенно детали; но на упреки в том, что доклад ЦК не устанавливает точно, какая часть

платежей должна лечь на казну, и какая на крестьян, можно ответить, что партия пишет не законопроект, а пока только программу. Оратор хочет остановиться на принципиальном вопросе — о платности наделения. ЦК долго на этом останавливался. Кроме чисто финансовых затруднений, с которыми в настоящее время для страны связано было бы отнесение всей операции на средства казны, приняты были во внимание и интересы справедливости, интересы той части крестьян, которая наделением не воспользуется. Землю ведь получат не все, а лишь безземельные и малоземельные. Обязанность уплаты выкупа на эту землю возьмет на себя государство, а для этого оно прибегнет к займу. И вот, если крестьян, получивших землю, совершенно освободить от выплаты, то, очевидно, обязанность уплаты ляжет на остальное население, в том числе на крестьян, которые остальные свои наделы получали за плату и, может быть, еще прикупили землю, за которую еще им придется платить. Один будет платить, а другой, рядом с ним, получит подарок — вряд ли сознание народа признает это справедливым. Такие подарки нерациональны и с другой стороны. Если дают даром, отчего не взять? Не откажется и тот, кто не думает вести хозяйство; а так как проект допускает переуступку права, хотя бы и с известными ограничениями, то получивший землю даром может ее перепродать. Уследить за злоупотреблениями будет трудно. А пока эти операции будут проделываться, участки земли будут лежать впусте, и идея отдать землю настоящему хозяину не осуществится пока. Наконец, так ли непосилен может быть выкупной платеж? При нынешней цене земли, несколько удешевленной в зависимости от разных обстоятельств, которые будут учтены, десятина обойдется, может быть, до 120 руб. При нормальном платеже (в 5 %) крестьянину пришлось бы платить по 6 руб. за десятину в год. А сейчас любой арендатор считал бы себя счастливым, если бы ему пришлось платить 6 руб. за аренду той же десятины. По всем этим соображениям ЦК решил остаться при прежнем своем мнении. (*Аплодисменты*).

Аграрная часть программы КДП (ПНС) [принята VIII съездом КДП (ПНС)]

VI. Земельный вопрос

36. Земли сельскохозяйственного пользования **должны принадлежать** трудовому земледельческому населению.

37. Неотложной мерой в этом направлении должно быть осуществление земельной реформы, ближайшим образом имеющей в виду удовлетворение нужды в земле малоземельного и безземельного населения, занимающегося земледельческим трудом (см. ниже «Главные основания земельной реформы»).

38. Для сохранения за трудовым землевладением его прямого назначения должны быть установлены законом меры к устранению возможности для отдельных лиц приобретать землю сверх трудовой нормы, а также обращать земли сельскохозяйственного пользования (хотя бы и в пределах трудовой нормы) в источник постоянного рентного дохода.

39. Ввиду многообразия форм трудового землевладения как по областям России, так и в пределах областей, решающее значение в этом вопросе должно принадлежать главным образом правосознанию, хозяйственным расчетам и воле самого заинтересованного населения. В соответствии с этим последнему должна быть предоставлена законом широкая возможность сохранять, устанавливать и развивать те формы землевладения, какие являются для него предпочтительными.

40. Все земельные союзы (общины, общества с подворным владением, товарищества и проч.) — с устранением сословных ограничений, административной опеки и других пережитков старого порядка — должны приобрести характер частноправовых организаций. Внутренняя организация и деятельность союзов должны определяться законом и вырабатываемыми ими уставами или договорами.

41. В частности, по отношению к общинному землевладению необходимо:

а) устранение из действующих законоположений мер насильственного разрушения общинного владения;

б) установление порядка выхода и выдела отдельных членов из общины, обеспечивающего интересы как выходящих и выделяющихся, так и прочих общинников;

в) допущение законом переуступки отдельными общинниками своего права участия в общинном владении посторонним лицам, с надлежащим ограждением при этом интересов общины;

г) устранение чересполосицы между укрепленными за отдельными домохозяевами участками и общинными землями.

42. Необходима широкая постановка землеустроительного дела, а также работ по заготовке и устройству земель для переселенцев. Государственная и общественная организация переселений. Система мер к подъему производительности трудового землевладения, как-то: мелиорации, сельскохозяйственный кредит, мероприятия агрономического характера, широкая постановка сельскохозяйственного образования, дальнейшее развитие и укрепление кооперации и т. п.

43. Леса должны принадлежать государству, за исключением лесных площадей, могущих получить сельскохозяйственное назначение (см. п. 5 «Гл. осн. зем. реф.»), а также состоящих во владении трудового населения (надельных и т. п.) и общественных учреждений. Эксплуатация лесов должна определяться общим планом, обеспечивающим как правильную постановку лесного хозяйства, так и удовлетворение нужд страны, охрану лесов защитного значения и проч.

Примечание. Вопрос об облесении должен быть разрешен особым законом.

44. Государству должно быть предоставлено верховное право регулировать пользование внутренними водами как источниками движущей силы, а также для целей орошения и прочих нужд общего значения.

Примечание. Потери частных лиц и обществ, действительно понесенные ими в непосредственной зависимости от государственных мероприятий, подлежат возмещению.

* * *

В отношении недр VIII съездом принята следующая резолюция: «Съезд признает, что права на недра земли должны быть отделены от прав на ее поверхность, и поручает Центральному Комитету разработать вопрос о правах на недра и об основаниях их эксплуатации для доклада ближайшему съезду партии».

Главные основания земельной реформы

(к § 37 общей программы)

а) Для целей земельной реформы наличный запас государственных земель (включая бывшие удельные и кабинетские) пополняется землями монастырскими, церковными, принадлежащими Крестьянскому и Дворянскому банкам и принудительно отчуждаемыми частновладельческими (лиц физических и юридических).

б) Принудительному отчуждению не подлежат: земли сельских обществ; все не превышающие трудовой нормы мелкие владения отдельных лиц и участки членов товариществ; земли под фабриками и заводами; усадьбы, сады, виноградники, огороды и т. п.; земли, принадлежащие городам, земствам и находящимся в их ведении учреждениям; земли других учреждений, предназначенные для образовательных, общественно-санитарных, научных и других общеполезных целей.

в) В прочих частных владениях подлежит принудительному отчуждению все количество земли сверх трудовой нормы. В местностях, где нет недостатка земли для нормального обеспечения местного малоземельного и безземельного земледельческого населения, тем владельцам, которые ведут хозяйство собственным инвентарем, предоставляется сохранить за собою количество земли больше трудовой, но не свыше устанавливаемой для того предельной нормы.

Оставление за частным владельцем участка, превышающего указанную предельную норму, может быть допущено только в том случае, когда подлежащие учреждения признают необходимость сохранить данное хозяйство в прежнем его виде или установить постепенный порядок его ликвидации.

г) Земли общего государственного запаса — за исключением подлежащих сохранению лесов и тех земельных участков, которые признано будет необходимым оставить в непосредственном распоряжении государственных органов или органов местного самоуправления для культурно-хозяйственных и других государственных и общественных целей, — обращаются прежде всего на удовлетворение нужд местного малоземельного и безземельного трудового земледельческого населения применительно к устанавливаемым для того нормам обеспечения.

Земли государственного запаса, остающиеся за удовлетворением, по указанным нормам, нужд местного населения, могут быть предназначены для надобностей последующего обеспечения того же населения или же могут быть обращены на нужды переселенцев из других местностей.

При недостатке в данной местности запаса земель для нормального обеспечения местного малоземельного и безземельного земледельческого населения должна быть применена широкая помощь государства тем, кто пожелает выселиться в другие районы.

д) Законом должны быть указаны те местности, в которых, по обилию лесов, последние могут быть использованы для отвода населению на сельскохозяйственные нужды, и должно быть определено — какая именно доля лесов может получить такое назначение.

е) Упомянутые выше нормы обеспечения малоземельного и безземельного населения, трудовые нормы и предельные нормы того количества земли, какое, в районах с достаточным запасом земель, может быть оставляемо за владельцами при условии эксплуатации ее собственным инвентарем, вырабатываются по отдельным районам местными земельными учреждениями и определяются затем законом.

Примечание. Указанные предельные нормы должны устанавливаться применительно к обычному, по местностям, размеру хозяйств полутрудового типа, т. е. тех хозяйств, в которых наряду с наемными рабочими принимают непосредственное участие в сельскохозяйственных работах и сами владельцы земли.

ж) Принудительное отчуждение частновладельческих земель производится путем выкупа их государством. В основу оценки земли полагается нормальная ее доходность, с устранением из расчета тех повышающих доходность элементов, которые обусловливаются земельной нуждой населения, ненормальными условиями найма рабочих и пр. Во владениях, превышающих известные устанавливаемые законом пределы, излишек земли сверх этих пределов оценивается по нормам, прогрессивно понижаемым соответственно размерам упомянутого излишка.

Нормы доходности земли вырабатываются местными земельными учреждениями и устанавливаются законом.

з) Земли государственного запаса отводятся нуждающемуся в них населению на началах постоянного (бессрочного) пользования как коллективным единицам: общинам, обществам с подворным владением, товариществам и прочим союзам земледельцев, так и отдельным владельцам сообразно с местными особенностями существующего трудового землевладения и желаниями населения.

и) Выкупная сумма за отчуждаемые земли выплачивается владельцам выкупными свидетельствами. Государство принимает на себя погашение всей выкупной суммы и уплату известной определяемой законом доли процентов по выкупным свидетельствам. Остальная часть подлежащих ежегодно уплате процентов покрывается особым налогом с земель, отводимых в пользование населению.

МАТЕРИАЛЫ ДИСКУССИЙ И ПРОГРАММНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

Протокольная запись обсуждения аграрной политики на III съезде ПСР 30 мая, 3 июня 1917 г.

Доклад Н. И. Ракитникова

Товарищи, русская революция тем глубоко отличается от всех западноевропейских революций, что в ней слились воедино два основных революционных движения — крестьянское и рабочее, которые в западноевропейских революциях были отделены более или менее значительным промежутком времени. Крестьянское революционное движение, которое лежит в основе Великой французской революции, совпало не с рабочим освободительным движением, а совпало с освободительным движением буржуазного класса. И все это движение находилось и проходило исключительно в атмосфере полного господства буржуазной идеологии. Рабочее движение позже приобрело ту силу, которую имеет в настоящее время, и соответствующая ему социалистическая идеология значительно позже начала окрашивать собой все общественное социальное движение. Россия является единственной страной, где это освободительное движение крестьянства соединяется и протягивает руку освободительному движению рабочего класса. Этот характер русской революции партия социалистов-революционеров предусмотрела заранее, и предусмотрели это предшественники партии соц[иалистов]-революционеров. <...> Опираясь на традиции этих первых основоположников социализма в России, мы выработали ту программу, в которой сочетались интересы крестьянства с интересами рабочих, где слита революционная программа крестьянства с революционной программой пролетариата. Благодаря этому счастливому обстоятельству, благодаря тому, что мы правильно оценили особый тип русской революции, благодаря этому нам в разгаре революционного движения 905–906-го года не пришлось пересматривать своей программы, не пришлось перекраивать ее на новый лад, как это пришлось делать другим социалистическим партиям. Я думаю, что эта основная особенность русской революции оценена нашей партией настолько правильно, что и в настоящий момент, когда русская революция сделала огромный успех и близится к своему завершению, что и в этот момент нам основную нашу программу не приходится пересматривать.

6-й Совет партии[426], предшествовавший этому съезду, так и посмотрел на это дело. В порядок занятий настоящего съезда Совет поставил вопрос об аграрной политике и полагал, что основная наша программа останется неприкосновенной, что опыт нашего революционного движения не выдвинул никаких серьезных проектов, обоснованных положений, чтобы нужно было пересмотреть основания нашей программы. Но Совет предусмотрел, что на очереди дня должно быть осуществление основных требований крестьянства. Смею думать, что это осуществление пойдет в духе партии социалистов-революционеров, в духе социализации земли. В это осуществление входит целый ряд вопросов конкретных по проведению этой программы в жизнь. Совет партии предполагал, что это такие вопросы, которые не могут быть предметом скороспелых, неподготовленных соображений и прений, что они должны пройти стадию внимательной и подробной разработки. 6-й Совет партии полагал, что при избранном настоящим съездом Центральном комитете будет образована особая комиссия, аграрная, которая рассмотрит эти практические вопросы, связанные с проведением нашей программы в жизнь, во всей их конкретности, разработает их во всей доступности материала и в разработанной форме представит на обсуждение компетентного партийного учреждения в виде специально созванного съезда или конференции. На настоящем же съезде предполагалось поставить вопрос лишь аграрной политики до Учредительного собрания.

Основным вопросом этой аграрной политики является вопрос о немедленном захвате земли. С этим лозунгом выступила большевистская фракция социал-демократов. Можем ли мы последовать ее примеру? Я думаю, что ни в каком случае не можем. Легко социал-демократам выставлять и бросать эти лозунги. Они, в сущности, глубоко равнодушны к тому, на каких основаниях происходит крушение в деревне помещичьего землевладения. Они стремятся к сокращению экономических основ земледельческого класса России, для них важно, чтобы эти экономические основы были разрушены, а как должен разрешиться этот вопрос, — они к этому глубоко равнодушны. В течение нескольких лет они переменили бесконечное количество программ и проектов, и мнений у них в этом отношении очень много. Во всяком случае, они совершенно расходятся и с нашим проектом социализации земли, и с нашими основами осуществления этого проекта. Для нас аграрный вопрос должен получить такое решение, чтобы это решение явилось про-

логом к торжеству социализма, чтобы оно подготовило это торжество социализма, чтобы оно устранило препятствия, которые существуют в этом отношении, и не создало бы новых. Социал-демократы, представляющие движение истории в виде диалектического движения путем противоречий[427], ничего не имели против насаждения мелкой частной собственности, в уверенности, что это приведет к концентрации, пролетаризации и т. д., и что таким путем подготовлено будет торжество социализма. Для них легко выбрасывать подобные лозунги, так как они мало заинтересованы в том, к чему это приведет. Но для нас лозунг, выбрасываемый большевиками, грозит тем, что, выброшенный таким образом, он приведет к беспорядочному захвату земли[428], который в корне может испортить дальнейшее проведение аграрной реформы. Здесь некоторые указывают на то, что мы в 1905 году выдвигали этот лозунг, а теперь от него отказываемся. Я должен напомнить, что обстановка в 1905 году была не та, которая имеется сейчас. В то время этот лозунг был навязан аграрным движением чисто стихийным. В то время тяга крестьян к земле, жажда земли была настолько велика, настолько сильно рвалась крестьянская масса на соседние владельческие земли, что нам приходилось думать о том, чтобы как-нибудь урегулировать это движение, поставить его в сколько-нибудь организованные рамки. Вот почему мы и пытались придать захвату земли форму временного пользования, впредь до Учредительного собрания. В настоящее время такого непосредственного, неудержимого порыва к земле нет. Рабочая сила крестьянства слишком ослаблена войной, и в настоящее время та тягота[429] к немедленному захвату земли, в сущности, прорывается лишь в немногих местах, в тех местах, где крестьяне сведены на дарственный надел, где в настоящее время силы крестьянства не находят достаточного приложения. В этих местах действительно наблюдается стремление к захватам. В других местах сразу, с первого дня революции принято было ждать решения аграрного вопроса до Учредительного собрания. Вот существенная разница между тем и настоящим моментом, и, имея в виду эту разницу, нам не следовало бы стимулировать это движение к немедленному захвату. Есть другое соображение, которое здесь развивал товарищ Прилежаев[430]. Я его повторять не буду. Соображение это я вполне разделяю. Он указал на то, что немедленный захват земли может повести к ослаблению и без того ослабленных производительных сил России, может ввести еще в большее расстройство и без того расстроенную экономическую

жизнь страны. Я не стану этот аргумент дальше развивать. Для меня главный аргумент тот, который я выдвинул на первый план. По этим соображениям партия социалистов-революционеров не должна изменять своих лозунгов в сторону большевизма; она должна спокойно предоставить большевикам пальму первенства в этом отношении, с полной уверенностью, что эти лозунги отнюдь не привлекут сочувствия крестьянских масс к социал-демократам и не повредят нам. Этому мы имеем достаточно доказательств и можем со спокойной совестью отнестись к этим лозунгам как к демагогии, тем более что мы знаем, от кого они исходят и как горячо социал-демократы принимают интересы крестьянства. Я повторяю, что крестьянство довольно спокойно принимает тот лозунг, который в самом начале был выдвинут нашей партией, т. е. ожидать окончательного решения аграрного вопроса от Учредительного собрания.

Тем не менее, не в такой интенсивной форме, как в 1905 г., но аграрное движение идет, и нам отношение к этому движению надо установить определенное и ясное. Это движение фактически направляется не к немедленному захвату, а к постепенной ликвидации помещичьих владений. Я вкратце охарактеризую те формы, в которых это движение проявляется, и буду отмечать те позиции партии, которые, по моему мнению, следовало бы нам занять по отношению к этому движению и, прежде всего, по отношению к земле. В отношении земли крестьянство раньше какой бы то ни было организации выдвинуло такой проект — чтобы ни один клочок земли, по возможности, не оставался незасеянным в виду переживаемых нами обстоятельств, но так как на пути к этому стоят неимоверно поднявшиеся арендные цены, то эти арендные цены должны быть пересмотрены местными комитетами. За пересмотр этих арендных цен принялись местные крестьянские организации, и в первую голову — волостные комитеты. Это движение идет очень широко, и, конечно, в этом случае мы не можем ставить этому движению абсолютно никаких пределов. Формально частная собственность не отнимается, формально право частной собственности на землю остается, но фактически оно подвергается все большему и большему сокращению, и надо прямо это сказать, что во многих местах оно сводится к фикции, к полному уничтожению. Вам известны постановления крестьянских съездов, по которым арендная плата сведена до размеров, не превышающих казенных, земских и мирских сборов с земель. В нашей резолюции мы не должны предусматривать

никаких деталей, а должны просто ограничиться требованием, чтобы арендные договоры, как ранее заключенные, так и вновь заключающиеся, были пересмотрены волостными комитетами, чтобы волостные комитеты или земельные комитеты, которые должны быть организованы[431], установили новые условия, по которым земля, не обсеменяемая самими владельцами, должна поступить в распоряжение волостных комитетов и передаваться ими крестьянам-арендателям[432].

Очень остро стоит земельный вопрос у крестьян с отрубщиками. Этот вопрос стоит очень остро в особенности потому, что в настоящее время еще переживается то настроение, при котором совершался этот выдел на отруба. По моим личным впечатлениям, крестьяне крайне враждебно относились к отрубщикам. Мне лично приходилось слышать от крестьян, что присоединением к отрубам накладывается на крестьян такое пятно, которое является несмываемым. Тот, кто хотя бы на один момент пошел на отруба, кто бы он ни был, к какой бы революционной партии он ни принадлежал, — на него это кладет такое пятно, что это не позволяет крестьянам выбирать его на какую бы то ни было должность.

С точки зрения социализации земли, мне представляется дело таким образом. Нам следовало бы смягчить эту вражду, чтобы не делать из многочисленного слоя отрубщиков и хуторян, выделившихся на особые участки, контрреволюционную силу. Следовало бы содействовать соглашению общественников[433] с отрубщиками. По существу наш проект социализации земли не стоит непременно за одну какую-либо излюбленную форму землепользования. Он допускает как общинное землепользование, так и землепользование подворное. Он предусматривает, что в одних местах может остаться одна форма, в других — другая, и выбор той или иной формы он вполне предоставляет местному населению. Исходя из этой точки зрения, я думаю, что мы должны вносить в эту старую вражду между отрубщиками и общественниками, по возможности, успокоение и добиваться соглашения. Во многих местах это соглашение происходит. Отрубщики, выделившиеся из общины, в настоящее время охотно возвращаются обратно в общину, и в настоящее время общинники довольно охотно принимают их в свою среду. Точно так же некоторые отрубщики на банковских землях, правда, под значительным давлением, соглашаются на объединение своих земель с общинными. Обострены несколько отношения там, где отруба кольцом окружают малоземельные селения,

которые могут рассчитывать на увеличение земли только на счет отрубов. Тут могут быть недоразумения, но будем надеяться, что будущими земельными комитетами найдется решение вопроса, которое сможет удовлетворить обе стороны.

Вот то, что я хотел сказать относительно аграрного движения, которое в настоящее время привлекает наше внимание и требует того или иного отношения. Стремление крестьян к ликвидации частного землевладения не ограничивается непосредственным занятием и приобщением к своей эксплуатационной площади участков земли. Оно идет дальше. Перед крестьянами стоит вопрос о рабочей силе. При недостатке рабочих сил естественно, что мысль обращается к военнопленным[434], и крестьяне, неудовлетворенные распределением военнопленных, какое было при старом строе, пересматривают это распределение, и волостные комитеты снимают военнопленных из частных экономий и передают их тем хозяйствам, которые утратили рабочую силу благодаря войне. Это приводит к тому, что землевладельцы еще менее становятся в состоянии обрабатывать землю в своем собственном хозяйстве, еще больше земли должно оставаться незасеянной и еще больше пахотная земля помещиков должна поступать в волостные комитеты и передаваться для использования ее крестьянами. Наряду с этим остается в хозяйстве живой инвентарь, относительно которого крестьяне заявляют претензии, указывая на то, что масса рабочего скота путем реквизиции взята на фронт, что в настоящее время нужна интенсивная запашка земли и потому неиспользования рабочего скота не должно быть и орудия производства не должны лежать праздными, что все это должно поступать на учет местным комитетам и передаваться на пользование местному населению. Это фактически происходит, и этому партия социалистов-революционеров не может ставить каких-либо пределов. Мы в этом отношении должны действовать в полном согласии с крестьянскими организациями, возникающими на местах.

Как вы видите, это движение в своей совокупности медленное, пассивное, но оно приводит к тому, что помещичьи хозяйства все более и более ликвидируются и все более и более переходят к крестьянам. В этом процессе наша забота должна быть направлена на то, на что указал товарищ Прилежаев, — чтобы в этом процессе постепенной ликвидации частного землевладения и частного хозяйства не пострадали производительные силы страны, чтобы не пострадали некото-

рые отдельные производства, некоторые наиболее ценные культуры, некоторые хорошо организованные хозяйства, которые, конечно, в интересах сельского хозяйства, в интересах сохранения производительных сил желательно удержать в их настоящем виде, чтобы от этого не пострадали свеклосахарные плантации, питомники племенного скота и другие культурные очаги.

В этом направлении непременно нужны с нашей стороны меры, или, вернее, меры со стороны тех местных властей, вновь возникающих революционных властей, которые все более и более попадают в руки, между прочим, и наших товарищей с[оциалистов]-р[еволюционеров]. В полном согласии с нашей программою социализации земли мы должны добиваться, чтобы такие хорошо поставленные частные хозяйства поступали немедленно в заведывание общественных органов. Мы должны следить за тем, чтобы этот процесс ликвидации частного хозяйства не привел к ослаблению производительных сил. Мы должны следить за тем, чтобы не исчезли питомники хорошего скота, рабочего и производительного, мы должны следить за всем этим, тем более что сами помещики, предусматривая будущее, начинают очень поспешно распродавать этот скот. Мне лично известно, как помещики предлагали на убой стада своих сементальских коров[435], лишь бы только что-нибудь за них получить, лишь бы только не лишиться всего задаром. И вот против таких действий самих владельцев революционные общественные власти, возникающие на местах, несомненно, должны вооружиться и принять меры к тому, чтобы владельцы не производили этой растраты производительных сил страны. Единственный путь к этому — это взятие таких благоустроенных хозяйств непосредственно в общественное заведывание. Я думаю, этим требованием мы должны предотвратить то стихийное движение крестьянства, которое идет снизу и которое, вызывая неразумные и эгоистические меры со стороны владельцев, которые ни перед чем не останавливаются, чтобы хоть что-нибудь выручить от явно гибнущего хозяйства, мы должны пополнить это требованием перехода таких хозяйств в общественное заведывание.

Аналогичное движение и аналогичные меры должны быть приняты и по отношению к другому, не менее хищническому движению, которое началось, правда, ранее и которое, конечно, если ему не поставить ясных и определенных границ, еще более усилится. Я имею в виду безрассудную сводку леса. Частные владельцы местами начали продавать

лес на сруб, прикрываясь необычайно возросшими требованиями на топливо предприятий, работающих на оборону. В этом отношении повсюду крестьянство с первых дней революции приняло меры. Оно удалило всю стражу частновладельческих, банковских, казенных и т. д. лесов и поставило свою собственную. Но этого мало, и тут, конечно, нам необходимо добиваться того, чтобы всякая продажа леса, даже и вполне правильная, совершалась бы не по тем крайне вздутым и ненормальным ценам, по которым она в настоящее время идет, а по тем ценам, которые должны устанавливаться на местах местными революционными властями, как леса на сруб, так и всех тех материалов, которые получаются в результате разработки лесов.

Вот вкратце я наметил те аграрные движения, которые в настоящее время идут более или менее полным ходом и более или менее по всей России. И вот, мне кажется, то направление, которое мы в этом случае должны придавать ему. Мы особенно должны заботиться о том, чтобы земли, поступающие путем этого процесса все в большем размере в распоряжение волостных или земельных комитетов, когда они образуются, чтобы они распределялись правильно, уравнительно среди местного населения, чтобы, таким образом, хотя эта передача совершается на арендном праве и лишь на один посев, но, во всяком случае, не складывалось бы у населения каких-либо особых предпосылок в пользу того, что эти земли и впредь будут удерживаться. Мы должны заботиться о том, чтобы эти земли распределялись в настоящее время более или менее в согласии с нашим принципом уравнительного землепользования. И поэтому одною из первых задач земельных комитетов, которые должны возникнуть и образоваться в настоящее время на местах по новому закону, и должен быть учет земель на местах и выработка планов распределения этих земель между сельскими обществами, между теми сельскими обществами, между которыми земля должна быть по нашему проекту распределена для непосредственного ее заведывания и распоряжения. Но теперь же должны намечаться и те участки земли, те категории земли, которые должны остаться в распоряжении высших органов самоуправления и в распоряжении государственной власти, которые должны теперь же намечаться и, по возможности, поступать в распоряжение этих органов.

Я не буду останавливаться на остальных задачах земельных комитетов. Они должны в настоящее время обнять весь тот круг вопросов, которые необходимо разработать, которые необходимо пред-

варительно разработать, до проведения основного закона о земле в Учредительном собрании, для того чтобы проведение этого закона в Учредительном собрании шло более быстро, более гладко, без дальнейших задержек.

Меня просят коснуться вопросов о недрах земли. Товарищи, по нашей программе земля социализируется, является общественным достоянием со всеми ее недрами, водами, лесами и т. д. Недра, таким образом, социализируются так же, как и поверхность земли. Но в нашей программе действительно не предусмотрено и не разработано то, как же эти недра социализированные будут эксплуатироваться. Я коротко только скажу. Это большой специальный вопрос. Отчасти его коснулся товарищ Прилежаев, отчасти его будут касаться докладчики по рабочему вопросу. Я только скажу, что недра бывают очень различных категорий. Некоторые недра в настоящее время на наших общинных землях утилизируются приблизительно на тех же уравнительных началах, как и поверхность земли. Пользование ими регулируется совершенно теми же общинными принципами, как и пользование поверхностью земли. Но это только по отношению к тем недрам, которые почти что вылезли наружу, или, во всяком случае, находятся на небольшой глубине и разработка которых не требует больших капиталов, больших предварительных работ. Но наиболее ценные недра принадлежат как раз ко второй категории. Лично мое мнение такое, что социализация земли неразрывно требует и непременно требует социализации или национализации и этих производств — каменноугольных, железорудных, нефтяных и т. д. Она неразрывно требует этого потому, что иначе социализация земли сведется более или менее к пустому звуку. Все эти выгоды, в сущности, будет извлекать частная промышленность, если ей предоставить это. Она будет извлекать выгоды не только из того капитала, который она затратила, но будет вводить в ценность своих продуктов в большей или меньшей степени и ценность этих недр, будет, несомненно, класть себе в карман. Но это мое личное мнение, о котором здесь сейчас невозможно распространяться. Я только укажу на то, что особенности настоящего переживаемого нами военного времени требуют приблизительно того же самого. Выдвигаются проекты национализации нефтепромышленности, угольной промышленности и т. д. Выдвигаются в настоящее время не только нами, но и партиями даже буржуазными.

Уничтожается ли совершенно арендная система при разрешении аграрного вопроса в целом или же остается лишь временно?

Наша программа предполагает уничтожение всяких арендных отношений. Она предполагает, что землею будет пользоваться лишь тот, кто обрабатывает ее своим собственным трудом, без помощи наемного труда, и право аренды отрицается так же, как и право обработки ее наемным трудом.

Записок мне подано довольно много. Я прошу президиум решить вопрос, как поступить с ними. Ко мне записки плывут в довольно большом количестве. Доклад я свой, в общем, закончил, так что пусть президиум решит, как с ними поступить.

Голоса. — Можно ответить потом.

Председатель[436]. — На вопросы можно будет дать ответ потом.

<...> После доклада товарища Ракитникова предполагался доклад товарища Вихляева[437], который, по разным обстоятельствам, обремененный вероятно, своими работами в министерстве земледелия, не мог явиться, так что мы были бы лишены возможности выслушать второй доклад, но товарищ Быховский[438], компетенция которого в аграрном вопросе нам известна, предлагает выступить со своим докладом, содержание которого, тезисы которого он предложит на ваше рассмотрение, если собрание ничего не будет иметь против, а собрание, я думаю, ничего не может иметь против того, чтобы выслушать доклад Быховского. Я думаю, что мы без всяких прений с радостью примем предложение товарища Быховского и попросим его прочитать нам этот доклад.

Доклад Н. Быховского

Товарищи, всякая социальная реформа требует, конечно, соответствующей базы в народных массах. Всякий из нас понимает, что если народные массы, психологии их не будут подготовлены к восприятию той или иной реформы, и в особенности если эта реформа затрагивает глубокие хозяйственные основы, то, понятное дело, что эта реформа не может иметь осуществления, она не может ожидать успеха. В этом отношении та социальная реформа, которая предлагается нашей партией и которая в настоящее время воспринята уже всей трудовой крестьянской массой России, эта социальная реформа, несмотря на всю глубину, несмотря на всю новизну, несмотря на то, что история не знает такой реформы, она все-таки имеет глубокие основания в русской народной массе, и именно потому народная масса восприняла ее, что она базируется на тех психологических основах, которые заложены в трудовой русской крестьянской массе. Товарищ

Ракитников указывал, что в русской революции впервые крестьянство выступает наряду с рабочим классом, но это еще не все. Русская революция является единственной революцией, где крестьянство впервые выступает с социалистическими лозунгами. Русская революция есть первая революция, где огромнейшая часть населения страны, земледельческое население страны выставляет лозунг: «земля — трудовому народу на уравнительных, передельных началах». Это значит, что крестьянская масса выдвигает социалистический лозунг. И вот этого никогда еще история не знала. Во всякой революции народ не раз восставал против тиранов и против того или иного положения вещей, но чтобы ³/₄ населения выдвигали социалистический лозунг, лозунг уничтожения частной собственности, — никогда этого история не знала. Это впервые выдвигает русская революция. Но почему это так, почему 75 % населения русского государства могли воспринять такую сложную идею, как социализация земли? Если мы представим себе, если мы обратимся к французскому крестьянству, которое разделено отдельными перегородками в своих маленьких участках, если мы туда внесем этот лозунг, то этот лозунг встретит если не противодействие, то весьма значительное непонимание. Это происходит потому, что там социальные основы и правовые основы владения земли совершенно иные, чем у нас. У нас до настоящего времени, до сих пор еще существует русская крестьянская община. Эта крестьянская община имеет, конечно, тысячи недостатков, да это, конечно, и не может быть иначе, потому что так или иначе в ней происходили в течение веков различные процессы, а в течение последнего столетия в этой общине произошла масса всяких перемен. Многие из положительных черт ее исчезли, и многие отрицательные черты появились. Но тем не менее в этой общине был один очень ценный для нас зародыш. Этот зародыш заключался в том, что или вся земля, или часть земли, или отдельные угодья в известный момент шли в передел. Если этого не было, то все-таки земля считалась принадлежащей не данному отдельному лицу, а принадлежащей крестьянскому миру, крестьянскому обществу. Это обстоятельство имеет огромное значение. Россия отличается именно тем, что у нас идет процесс не только существования общины, но и процесс сложения ее, процесс образования. В Сибири мы можем видеть, каким образом происходит этот процесс сложения общины. Мы знаем, что там, пока кто-нибудь не приложит труд к земле, земля не имеет ценности. И лишь тогда, когда к данному участку земли прило-

жен известный труд, только тогда земля становится ценностью. Следовательно, это право труда на данной земле есть то право, которое осуществляется трудом, то право, которое признается крестьянством. В русской крестьянской массе исторически сложилось понятие, что земля, как дар природы, как дар Божий, не может явиться чьей-либо собственностью. Лишь постольку, поскольку я прилагаю к ней труд свой, поскольку я пользуюсь плодами рук своих, плодами, которые приносит земля, постольку она является моей собственностью. Несмотря на исторические отклонения и наслоения, которые произошли в течение веков и, в особенности, в течение последнего столетия, это начало права труда осталось и до сих пор существовать.

Но в то же время та же самая народная психология, то же самое народное право создает и другую особенность, это — право на труд. Так как для крестьянина земля есть основа его существования, и так как труд есть другая основа его существования, и так как только соединение этих начал создает его благополучие, то право на землю, право на приложение труда своего есть одна из основ его существования. И это право на доступ к земле постоянно отстаивается крестьянской массою, и вы можете видеть, что везде, где появляются новоселы, которые захватывают известные участки земли, как только появляются новые лица, они требуют части того, что принадлежало другим. Психология западноевропейская, где народно-правовые основы совершенно другие, — не такова. Там заявления новых лиц, требования их на то, что им не принадлежит, явились бы новшеством, а у нас это явление обычное. Несмотря на то, что у нас давно переделов не было и в общине существует неравенство, и что не вся земля идет там в передел, а лишь отдельные угодья, тем не менее это право на то, чтобы я требовал себе известную часть того, что принадлежит другим, это есть основа того, из чего появился клич социализации земли. Когда мы проследим эти народно-правовые основы владения земли в России, то мы увидим, что из этого источника вылился клич «Земля и воля», потому что, когда крестьяне были помещичьи, они признавали, что они лично принадлежат помещику, но земля принадлежит им. В настоящее время мы видим, что крестьянство смотрит на землю как на принадлежащую ему. Почему? Потому что оно работает на этой земле, оно прилагает свой труд, и оно рассуждает так: раз другой не прилагает труда, то земля не его. Это есть та основа, из которой вылился клич «земля и воля», на котором базируется социализация земли. Мы,

социалисты-революционеры, как известно, всегда встречали в этом отношении препятствия не только со стороны старой власти, но и среди наших врагов[439]. Нас постоянно высмеивали, нам указывали, что наш базис является недостаточным, что нам лишь кажется, что крестьянские массы воспримут этот лозунг, что, когда дело дойдет до реализации лозунга, это будет не так. Но история показала, что массы думают так, как мы думаем, или, вернее, мы подслушали этот лозунг у сердца народного, потому что мы его формулировали так, как крестьянство его формулирует. Именно поэтому лозунг — «социализация земли» стал всеобщим. Это народно-правовое сознание, что земля должна принадлежать тому, кто прилагает к ней труд свой, это отрицание частной собственности на землю, потому что земля является даром природы, это признание права на труд, права на обладание землею, потому что мне нужно существовать, — это еще давно было отмечено Герценом, Чернышевским. В настоящее время мы являемся свидетелями того, как это народное право реализуется в жизнь. Мы теперь ясно видим, что наше здание будет, несомненно, воздвигнуто. Фундамент ему сейчас закладывается, крыша будет также скоро готова. Но, тем не менее, признавая это, мы не можем скрывать и тех осложнений, которые произошли в самое последнее время, именно в самые последние десятилетия, благодаря [действию] столыпинского закона[440]. 1905 год ясно показал правительству, что психология народных масс именно так и настроена, что психология народных масс соответствует лозунгу, выдвигаемому партией с[оциалистов]-р[еволюционеров].

Все события, которые произошли, были для правительства ясным показателем того, чего оно может ждать в будущем. И столыпинский закон был направлен на то, чтобы уничтожить общину, т. е. вырвать те народно-правовые основы, на которых базировалась социализация земли. Надо смотреть истине прямо в глаза и сказать, что этот закон Столыпина не прошел бесследно: он создал целый ряд осложнений, хотя нужно сказать, что эти осложнения далеко не столь значительны, не столь существенны, как можно было бы ожидать. Если мы примем во внимание все силы, направленные туда, если мы вспомним, что первые восемь статей закона 14-го июня 1910 г., принятые третьей Гос[ударственной] думою, совершенно упраздняли, уничтожали одним взмахом пера около 800 тысяч общинных хозяйств, то мы должны прийти к заключению, что те данные, которые мы теперь имеем, еще дают нам благоприятную картину, ибо мы видим, что столыпинский

закон оказал наибольшее действие не в центре общин, не там, где общинные традиции были более крепки и сильны, но там, где община была слаба, где общинные традиции не очень вкоренились. Цифровые данные — это правительственные данные, столыпинские данные, цифровые данные, которые всячески сортировались, ибо теперь мы слышим, что наша статистика была в законе, потому что мы не могли давать Кривошеину[441] того, что он хотел, и вы видите, как можно относиться к этим цифрам. И тем не менее по этим данным, которые проверялись мною, 62 % вышедших из общины приходится на 14 губерний, главным образом, окраинных и промышленных, т. е. губерний, где общинные традиции были очень слабы или где земледелие не играет более или менее значительной роли. В общем общее число отколовшихся от общины составляет 25 % всех общинных дворов, имевшихся в 1905 г. Это огромная часть, но это есть только угол здания, ибо остальные 34 губернии Европейской России сравнительно мало были задеты этим ударом, ибо там количество крестьян, выделившихся к одному месту, а главным образом приходится с ними и считаться, ибо теперь, когда будет принята реформа социализации земли, все так называемые юридически укрепившиеся и оставшиеся жить в общине, или, иначе говоря, выделившиеся к одному месту, а продолжавшие жить в деревне, что это юридическое право их нисколько не затормозит нашей реформы, а те, которые выделились к месту, ушли от общины, те составят для нас значительное препятствие. Здесь нужно сказать, что огромнейшая часть их приходится на губернии южные — Таврическую, Херсонскую, Бессарабскую, Екатеринославскую, часть Харьковской, Ставропольскую, затем идут белорусские губернии. На одни лишь южные губернии приходится 79 % всех образовавшихся новых хозяйств. Эти-то хозяйства и составят то значительное препятствие, с которым нам придется считаться. В настоящее время мы знаем, что помещики, чувствуя свою слабость, стараются объединяться в особые союзы собственников, и для того, чтобы подкрепить свои силы, они приглашают и объединяют мелких собственников-крестьян. Это мы видим в Екатеринославской губ., Таврической и Ставропольской. Характерно, что это происходит в таких губерниях, где столыпинский закон дал наиболее значительные результаты, где имеется наибольшее количество вышедших из общин и где больше развилась ликвидация крестьянских хозяйств, т. е. пролетаризация деревни, ибо другая особенность столыпинской реформы заключается в том, что 44 % этих

вышедших из общины продали свои наделы. Большая часть их падает на Ставропольскую, Таврическую, Екатеринославскую, Херсонскую, отчасти на Саратовскую, т. е. на те губернии, где развелось кулаческое хозяйство, скопление наделов в немногих руках. Это кольцо, где теперь сильно развито единоличное крестьянское хозяйство, составит значительное препятствие. Тут уже, несомненно, в значительной степени нанесен удар народно-правовым основам социализации земли, и в этом отношении нужно готовиться к самому серьезному противодействию нашей реформе с этой стороны.

То, что мы читаем в газетах, ясно показывает, что там идет мобилизация сил, что нам там придется бороться за осуществление нашего идеала. И, тем не менее, то, что осталось от общины, все-таки настолько крепко, что даже и сама крестьянская масса и сейчас еще не в силах оказывать противодействие. Целый ряд приговоров и наказов, которые мы получаем на всероссийском съезде крестьянских депутатов из таких губерний, где столыпинский закон дал наибольшие результаты, иллюстрирует нам, с одной стороны, борьбу между выделенцами и общинниками, а с другой стороны, и силу этих общинников. Во многих случаях хуторяне являются на съезд общинников и сами заявляют: «Мы готовы отдать всю свою землю обратно, лишь бы вы приняли нас к себе». Это другая сторона медали. Почему это происходит? Для всякого, кто следил за столыпинской реформой, ясно, что огромная часть вышедших из общины — вышла насильно. Другие вышли из-за выгод, которые им были предложены. Но теперь, когда наступает момент, что крестьянский мир, который раньше имел огромную силу, теперь получит еще большую силу, они чувствуют себя в очень тяжелом положении. Если прежде можно было существовать без мира или против мира, благодаря помощи начальства, то в настоящее время существование вне этого мира или против мира становится совершенно невозможным. Этим можно объяснить, что в такой губернии, как Черниговская, где община фактически почти не существовала, там существует лишь семейное право; где лица из разных уездов явились на съезд крестьянских депутатов и заявили, что они присоединяются к тем лозунгам, которые выдвигаются всем крестьянством, и готовы отдать свои земли. Строить иллюзий не приходится, но этот факт надо учитывать. Этот факт показывает, что то мирское начало, которое воспитывалось в русском крестьянстве и которое делает мир очень сильным, как нравственную силу, это мирское начало дает себя

чувствовать. Тем не менее, надо принять во внимание силы наших врагов и в особенности то, что помещичий класс постарается использовать мелкое крестьянское единоличное землевладение для борьбы с идеей социализации земли. Мне приходилось вчера слышать, что в Ставропольской губернии мелким помещикам удалось собрать 200 тыс. рублей для создания своего [печатного] органа, и, тем не менее, в этой же Ставропольской губ. крестьяне, которым при социализации земли придется отдавать свою землю, эти крестьяне принимают идею социализации земли. Таким образом, можно сказать с уверенностью, что народно-правовые основы вполне подготовлены для предстоящей реформы социализации земли, но те препятствия, которые имеются, заставят в некоторых местах сделать некоторые отклонения, заставят, быть может, несколько отсрочить этот процесс. К этому надо заранее готовиться. Но важно не то. Вам нужно теперь же постараться оживить то, что есть живого в общине, устранить недостатки общины, и в то же время стараться воссоздать те ее элементы, которые особенно важны для нас при осуществлении норм социальной реформы.

В этом отношении задачи государства и задачи, в частности, министерства земледелия должны заключаться в том, чтобы помочь общинникам выйти из нынешнего хозяйственного кризиса, оказывать им всяческую поддержку как кредитом, так и сельскохозяйственными орудиями и семенами. Н. И. Ракитников правильно указал, что социализация земли допускает и существование общины, и существование хуторских и отрубных хозяйств, поскольку эти хозяйства не являются исключением или не имеют особых преимуществ в отношении земельного фонда, которым они располагают сравнительно с общинниками. Это вполне правильно. Загнать штыками в общину мы не можем, но те преимущества, которые будет давать государство в области кредита и вообще в области земли, должны быть на стороне общины. Крестьянский мир, крестьянские общества, кооперативы имеют большую кредитоспособность и имеют большое основание требовать этой помощи. Не говоря об этом, самое сохранение принципа общины, самое сохранение этого принципа подсказывает нам нашу хозяйственную политику, подсказывает то, что государству придется в этом отношении оказывать всяческую поддержку существующим общинам.

Но, спрашивается, каковы должны быть меры по отношению к тем, кто вышел из общины? Число единоличных собственников по всей России, созданных столыпинским законом, составляет 1140 тыс., при-

чем на 34 губ. Европейской России, где община составляет доминирующую форму владения землей, приходится в общем, приблизительно, 5 хозяйств единоличных на сто хозяйств общественных.

Как же быть по отношению к тем, которые вышли из общины? Можно предложить ряд мер. Те, которые пожелали бы войти в общину, должны быть немедленно приняты в нее. Хотя и здесь, и в Совете крестьянских депутатов мы слышали, что крестьяне страшно озлоблены против этих выделившихся из общины, против этих отступников, потому что они уходили из крестьянской среды в тот момент, когда крестьянству наносили наибольшие удары. Измена всегда карается больше, чем вред, нанесенный врагом. Этим объясняется, почему крестьянство относится враждебно к хуторянам, вышедшим из общины. Но так как революционный процесс в настоящее время должен принимать характер государственного строительства, создания новой жизни, то крестьянство не должно руководствоваться в данном случае местью или злобою. Необходимо все сделать, чтобы старые распри были забыты, и единственно, что можно рекомендовать, это — когда бывшие общинники желают вступить в лоно общины, это лоно должно быть открыто для них. Мы знаем также целый ряд фактов в Вятской губ., когда выделившиеся основывали новую общину. Были такие случаи образования новых общин. И там, где так или иначе сложились эти новые небольшие общинные ячейки, им следует предоставить существовать также на общинных началах. Но есть третий элемент среди них. Это те, которые получили известные излишки земли, которые получили исключительные выгоды при выходе из общин, исключительные награды. Эти излишки должны быть возвращены общине. При этом в некоторых общинах возникает вопрос, как быть, потому что за эти излишки уплачивалась некоторая сумма выделившимися, в одном случае вполне эквивалентная стоимости отчуждаемого участка, в другом случае эта сумма была менее значительная. Разрешение этого вопроса можно бы предоставить земельным комитетам или Учредительному собранию. Это вопрос крайне сложный. Этот вопрос может вызвать весьма серьезные осложнения. Единственно, что можно предлагать, это — возврат обратно в общину излишков и предоставление возможности существовать на общинных началах тем, которые этого желают. Те же, которые не желают этого, могут существовать, но они не должны иметь никаких преимуществ в смысле наделения землей перед остающимися в общине.

Но последнее десятилетие поставило затруднения не только в этом отношении. Если в 1906 г. разрешение земельного вопроса, или, вернее, аграрного вопроса, заключалось, главным образом, в передаче всего земельного фонда в руки трудового народа, то в настоящее время эта задача гораздо сложнее, потому что сама по себе передача этого фонда не облегчит тех хозяйственных затруднений, которые имеются в деревне. Эти хозяйственные затруднения крайне велики, не говоря о том, что в течение войны деревня почти растеряла весь свой инвентарь, который скоро не восстанавливается и неизвестно, когда будет восстановлен. Но, говоря об этом, надо принять во внимание, что налоговое бремя после войны будет в два или в три раза больше, чем оно было раньше. За эти десять лет и за революционный период в особенности потребности крестьян значительно повысились и будут повышаться. Та доходность земли, которая была, не может удовлетворять крестьян. Эти 50 или 60 пуд. с десятины, которые получал крестьянин раньше, явятся для будущего не только недостаточными, но и совершенно гибельны[ми]. Придется принять ряд мер, чтобы повысить интенсивность нашего крестьянского хозяйства во много раз, в два или три раза, и в этом отношении придется государственной власти принять целый ряд мер.

Далее, социализация земли выдвигает еще новые задачи. При передаче всего земельного фонда в руки трудового крестьянства несомненно возникает вопрос о целом ряде культур, которые имеют общественно-государственное значение, а также о тех культурных хозяйствах, которые, в известной части своей, имеют государственное значение. Как быть с этими культурами? Государство должно наметить целый ряд мер теперь же, ибо, например, в отношении свеклосахарных плантаций мы в настоящее время поставлены в затруднительное положение, потому что везде произошел недочет свеклы. Крестьяне этого не делали, заводы также. По-прежнему это оставалось в руках помещиков, которые, не будучи сами заинтересованы и не найдя наемных работников, не засеяли свекловичные плантации, а крестьянство, не имея рабочих рук, не может со своей землей справиться. В силу этих причин огромные площади остались незасеянными. Все эти затруднения стоят перед государством. Как же быть в этом отношении? И тут-то нужно сказать, что нужно теперь же отыскать меры к выходу из создавшегося положения. Крестьянство теперь обрабатывает землю и потом будет обрабатывать ее. Кажется, что здесь есть только юриди-

ческая надстройка, но на самом деле это очень трудно и сложно. Для того, чтобы измерить Россию, нужно, чтобы в течение 12 лет работало 14 тысяч землемеров. Какой же труд должен быть произведен, чтобы сделать эту работу хоть начерно? Наша статистическая наука была до сих пор в загоне. Каждый, кто работал над казенными данными, знает, насколько они противоречивы. Всю эту работу надо выполнить сейчас. Учредительное собрание даст только канву, даст только юридические нормы, но провести это в каждом отдельном селе нужно сейчас же. Это колоссальная работа, и министерство земледелия, находясь теперь в наших руках, должно мобилизовать все силы для подготовки этой реформы. Нужно сказать, что, однако, нужна величайшая осторожность. Нужно сказать, что мы многое уже упустили теперь, потому что в земельные комитеты Шингарев насадил такие элементы, с которыми надо бороться. Организация земельных комитетов на местах, их состав, их конструкция таковы, что мы нисколько не гарантированы от того, что туда попадут элементы вовсе не социалистические. Закон был издан при Шингареве, и туда вкрались те начала, которые могут для нас принести большой вред. Мы видели это в первом заседании Главного земельного комитета[442]. Нам пришлось тогда встретиться с теми элементами, которые были назначены Шингаревым и которые пробовали проводить свою линию. Из 25 членов, назначенных Временным правительством, оказалось 2 с[оциалиста]-р[еволюционера], один трудовик и один народный социалист. Остальные были беспартийные, якобы, или к[онституционных]-д[емократа]. Для них лозунги «земля без выкупа», «земля — трудовому народу», «социализация земли» — были чужды.

Если мы не будем оказывать противодействие, то на местах земельные комитеты будут состоять из цензовых элементов, которые будут отстаивать их требования, а не наши. В этом отношении надо быть готовыми. Надо, чтобы все силы на местах были мобилизованы. Надо требовать, чтобы крестьяне приняли всемерное участие, и мы должны настаивать на том, чтобы наш министр земледелия возможно скорее демократизировал закон, ибо иначе мы можем очутиться перед фактом, когда мы ничего не будем в состоянии сделать. Мы можем очутиться перед глухой стеной. Если мы не будем в состоянии взять эту цитадель, то мы потеряем веру в нас народной массы, и она пустится в анархические действия. Нужно еще сказать, что само ведомство министерства земледелия в настоящее время далеко не соответствует

тому назначению, какое мы должны ему дать. В самом деле, все оно, начиная от маленьких винтиков и кончая крупными, состоит из чиновников старого режима, или из чиновников, назначенных кадетским министром. Все они чужды нашим началам. Им кажется, что то, что сейчас совершается, это нечто временное, что это все пройдет, что это сон и что все останется на своем месте. Всю эту реформу нельзя проводить через них, — это надо принять во внимание. И нашему министру земледелия надо оказать всемерное содействие к тому, чтобы очистить свое ведомство и пополнить его другими людьми. Нельзя поручать эту работу тем людям, которые делали другую работу. Нас с ними разделяет целый мир.

Если принять во внимание, что теперь война, что людей трудно достать, — с этим аппаратом приходится действовать. У нас весь съезд прошел под флагом политики и войны, но ведь нельзя же забывать, что аграрный вопрос — это наш центральный вопрос. Если мы провалимся в аграрном вопросе, то тогда нам будет крышка. Это самое существенное, что у нас есть. Поэтому, прежде всего, необходимо, чтобы земельные комитеты были реорганизованы. Необходимо давление. Наши товарищи в земельном комитете указывали министру земледелия, что положение о земельных комитетах должно быть изменено, необходимо дать там первенствующее значение демократическим силам и, главным образом, представителям партии, защищающей интересы трудового народа и интересы крестьянства. Стоило нам на это только намекнуть, как либеральнейшие газеты, даже «Русские ведомости»[443], подняли против этого поход. Они знают, что это им нанесет вред и что они потеряют свою позицию.

Нам нужно это сделать, и нашим партийным товарищам на местах, не увлекаясь только политикой, следует помнить, что аграрный вопрос есть кардинальный вопрос и в этом направлении следует всемерно работать. Необходимо сейчас же обследовать поземельные отношения в революционную эпоху. В этом отношении картина очень пестрая. В одних местах происходит одно, в других — другое, в третьих — третье. Помещики посылают телеграмму министру земледелия и умоляют их спасти, а когда мы получаем известия от крестьян, то получается другая картина. Никто не будет отрицать, что земля выведена из своего прежнего положения. Но нельзя забывать, что размах революции был очень большой, что мы сразу на 200 лет откатили вперед. И это нужно обследовать, чтобы ясно было бы всему миру, что дело обстоит не совсем так.

До моего сведения дошло, что составляется особая записка для опубликования о том, что происходит в деревне, о том, что в России анархия, что все потеряло цену. Это может иметь большое значение для нас как в нейтральных странах, так и в странах союзных. Чтобы иметь ясную картину, что происходит, надо немедленно заняться этим обследованием. Министерство земледелия предполагает этим обследованием заняться, но надо сделать это сейчас. Надо заняться исследованием того, что осталось от общины.

По вопросу о специальных культурах следует теперь же принять ряд мер, потому что государство может быть поставлено в очень трудное положение. Если в будущем году у нас будут сахарные затруднения, т. е. если у нас недостаток сахара достигнет огромных размеров и виновна в этом будет революция или, скажем, социализация земли, то это усилит контрреволюционные элементы. Все будет сваливаться на нас. И поэтому правительство, в особенности министерство земледелия, должно принять ряд мер, чтобы эта площадь земли для посева свекловицы, крайне важная для общегосударственных потребностей, была использована. В этом отношении надо рекомендовать ряд мер. В тех местах, где площадь посева захватывает несколько тысяч десятин, имея целый ряд окружных деревень, где крестьянство имеет претензии на эту площадь, что она принадлежит ему, надо стремиться к тому, чтобы эта площадь была использована или самим государством, или же, при соответственной компенсации, населением, или чтобы ее засевали земства волостные или уездные. Одним словом, чтобы эта площадь была засеяна общественными или государственными силами. Можно также предоставить ее целому ряду обществ. Для этого придется организовать кооперативы, объединить целый ряд сел, может быть, предоставив машины и семена.

С другой стороны, то же самое в отношении заводов. Что касается свеклосахарных заводов, то они должны быть или переданы органам местного самоуправления, или их должно взять государство. То же самое следует сказать о винокурении. Винокурение для технических целей имеет огромное значение. И в отношении его местному самоуправлению или государству придется принять ряд мер, чтобы эта отрасль промышленности не погибла.

То же самое следует сказать в отношении культур. Там, где имеется племенной скот, он должен быть сохранен.

Затем необходимо, чтобы государство взяло в свои руки, как во время войны, так и после войны, распределение сельскохозяйственных орудий и машин и даже производство их. В этом отношения война создала весьма благоприятную обстановку. После войны все оборудованные заводы, на которых работает по 3 тысячи и больше человек, которые занимались изготовлением орудий для истребления людей, должны быть употреблены для изготовления сельскохозяйственных машин. Это имеет огромное значение.

Председатель. <...> Президиум намечает выполнить сегодня[444] следующие работы: <...> Поставить резолюцию по аграрной политике и окончить ее. <...> Слово принадлежит товарищу Н. И. Ракитникову.

Ракитников. — Комиссия, которой вы поручили выработать резолюцию, попыталась срезюмировать некоторые основные пункты нашей аграрной политики, которые должны быть осуществлены до Учредительного собрания. Проект резолюции, который она поставила вам, сейчас будет прочитан товарищем Масловым[445]. Я хотел сказать только вот что: в настоящий момент мы, конечно, не можем развернуть широко здесь, на общем собрании, прения по аграрному вопросу; президиум передал уже то пожелание, которое утром было высказано Центральному комитету. Центральный комитет, поскольку он мог на лету устроить летучее совещание по этому вопросу, присоединился к пожеланию, которое было высказано на утреннем заседании, и решил не позже, как в течение месяца, созвать расширенный Совет Партии социалистов-революционеров для обсуждения аграрного вопроса и вопроса о подготовке к Учредительному собранию и некоторых других, которые на настоящем съезде остались нерассмотренными сколько-нибудь обстоятельно. Он решил подготовить эти вопросы в заседаниях Совета и уже тогда, на Совете, обстоятельно их обсудить и принять более подробные и обстоятельные решения. Теперь же мне кажется, что на этом нашем заседании, чтобы все-таки нам не разъехаться без каких бы то ни было руководящих положений, чтобы не разъехаться без хотя бы временного организационного устава, следует всякие прения по аграрному вопросу заключить в крайне тесные рамки. Поэтому я думаю, что, не произнося здесь каких-либо длинных речей, мы просто заслушаем общую резолюцию и затем, может быть, ограничимся тем, что так же, как и по другим резолюциям, заслушаем предложение о поправках, проголосуем резолюцию и пока что этим ограничимся. Прения сколько-нибудь широкие открывать

немыслимо, иначе мы разъедемся и без резолюции, и без организационного устава, а это невозможно, поэтому я предлагаю заслушать проект резолюции, который выработала комиссия, и приступить к обсуждению резолюции.

Голос. — Я бы предложил, чтобы местности, где есть какие-нибудь аграрные особенности, представили на Совет свои соображения по этому делу.

Председатель. — Товарищи, это будет принято к сведению. Но все эти предложения было бы лучше сделать после.

Маслов. — Аграрный вопрос в известной степени и в известной мере, в пределах таких, поскольку это касается переходных мер до Учредительного собрания, обсуждался довольно подробно в секции экономической, и комиссия была составлена из различных течений, которые обозначились в секции. Комиссия сочла себя вынужденной ввести в предлагаемую вам резолюцию все то основное и существенное, что, с одной стороны, выявилось в секции, а с другой стороны, что в пределах этих суждений различными течениями признано более или менее бесспорным и требующим неотложного решения настоящего собрания. Резолюция гласит:

«Исходя из того убеждения, что всякая собственность на землю...» (читает)[446].

Председатель. — Товарищи, позвольте действовать дальше тем же порядком, какой был раньше. Эта резолюция не могла быть роздана, поэтому мы ее и огласили целиком. Теперь мы будем просить товарища докладчика прочитывать ее по отдельным положениям, и к ней будут вноситься необходимые поправки, которые будут получать свою оценку со стороны докладчика, и затем пункты резолюции будут голосоваться.

Маслов. — Исходя из того убеждения, что всякая собственность на землю должна быть уничтожена... (*читает*).

Председатель. — Товарищи, имеются ли поправки к этому пункту?

Скловский[447]. — Я бы внес предложение такое: там, где говорится о переходе земли, должно быть подчеркнуто «без выкупа».

Голоса. — Правильно!

Маслов. — Если это необходимо для ясности, то я не возражаю. С точки зрения редакционной, это, казалось бы, является излишним. Раз это программный пункт, он для нас сам собою разумеется. Но если это угодно для ясности, то это можно ввести. (*Голоса:* «Просим»).

Шевченко[448]. — Для большей ясности в деревне необходимо подчеркнуть, что каждый получит столько земли, сколько он может обработать личным трудом.

Ракитников. — Здесь предлагается вставить слова «без выкупа», затем, что каждый получит столько земли, сколько он может обработать без наемного труда и т. д. Можно, конечно, перенести сюда пункт за пунктом всю нашу программу. Мы не в тех видах начали общее чтение резолюции, чтобы повторить нашу общую программу. Наша программа есть, мы ее публикуем и в подлинном виде, и [в] популярных изложениях. Мы ее будем пропагандировать на всех собраниях, везде и всюду. Но невозможно во введении к резолюции перечислить решительно всю программу. Это немыслимо, товарищи. Против этого нельзя принципиально возражать, но это совершенно невозможно. С точки зрения литературного удобства и литературного вкуса, получается нечто громоздкое, неудобное.

Председатель. — Товарищи, позвольте проголосовать внесенную товарищем Шевченко поправку.

Шевченко. — Я ее снимаю.

Жирков[449] (от Терской области). — Только что оглашенный первый пункт резолюции как раз оспаривается казачьими частями и нам, имеющим непосредственное отношение к казачьим частям, придется с этим первым пунктом столкнуться. Поэтому я просил бы оттенить так или иначе этот пункт по отношению к казачьим частям. Я не предлагаю определенной поправки. Пусть президиум сам придумает. У меня есть документальные данные, которые я могу представить.

Маслов. — Докладчик, вносящий поправку, конкретной поправки не предлагает. Но он обращает внимание на то обстоятельство, что с казачьими землями предвидятся, при проведении социализации земли, затруднения. Это верно. И это такой вопрос, который мы должны иметь в виду при дальнейшей разработке самого закона о земле. Мы должны предусмотреть эти особенности казачьих земель. Там что-то нужно предпринять. Там, может быть, нужны будут не поправки, а оговорки, но об этом будет особый разговор; в виде поправки разрешить этот большой вопрос совершенно невозможно. Я в этом отношении против какого-либо добавления. Я в этом отношении возражаю, тем более, если говорить о казачьих землях, придется говорить и о киргизских землях, и о землях других инородцев. Это не входит в нашу задачу, потому что мы не составляем законопроект, а только выносим

общую резолюцию. Когда же мы будем говорить о законопроекте, то будем иметь то, что предлагает товарищ из Терской области. Но теперь это еще несвоевременно.

Председатель. — Поправка не формулирована. Нам голосовать нечего. Придется принять к сведению только порядок, который предложил товарищ Маслов. Заявление товарища Жирова[450] будет использовано.

Жиров. — Я об этом главным образом и прошу.

Пуговкин[451]. — Я против этой поправки в данный момент.

Председатель. — Позвольте разъяснить. Мы условились так. Если кто-нибудь вносит поправку и ее докладчик принимает и никто не оспаривает ее, то она считается принятой.

Пуговкин. — Я понял так, что товарищ эту поправку снял.

Председатель. — Была снята другая поправка. Тут вышло недоразумение.

Пуговкин. — Эта поправка не редакционная; она чрезвычайно важна. Когда мы говорим с крестьянами о земле, то мы в первую голову сталкиваемся с вопросом: социализация с выкупом или без выкупа. Мы говорим «без выкупа». Но у нас имеются маленькие землевладения, которые будут превышать трудовую норму — в 5–10 десятин. Эти земли получены путем оплаты их из сбережений или путем внесения выкупных платежей, и таких мелких землевладений на местах не мало. Я имею в виду свой уезд. (*Смех.*)

— Я прошу относиться с уважением к моим словам и к моему мнению. Оно равносильно мнению всякого из вас. Я прошу меня выслушать. Это вопрос чрезвычайной важности. Если мы так, с плеча просто, решим: вся земля без выкупа, то мы можем вызвать весьма серьезные волнения. Этот вопрос нашей программы решается чрезвычайно схематично. Там сказано, что лица, которые лишились таким образом права на землю, имеют право на государственную помощь, т. е., иными словами, на пенсию. Но это когда касается мелкого землевладения в 5–20 десятин, которое представляет собою собственность в несколько сот рублей; конечно, о государственной пенсии таким землевладельцам не может быть речи. Значит, нужно их компенсировать другим способом. Этот вопрос ставится на местах. Эти земли, которые превышают трудовую норму или норму владения в данной местности, но не превышают некоторого предела, который необходимо установить на местах, эти земли, которые превышают размер наделов, но не превышают максимального предела, могут быть оставлены их

собственникам, потому что нельзя создать государственную пенсию из нескольких сот рублей. А таких земель слишком много, чтобы относиться к ним с пренебрежением. Если моя поправка не будет принята, то я просил бы этот вопрос вообще сейчас отложить до Совета, когда будет, может быть, больше материала. Мы не можем в течение получаса разрешать кардинальные вопросы с плеча. Я заклинаю вас не делать этого сейчас.

Ракитников. — Можно было бы безразлично относиться к словам «без выкупа» или «с выкупом», но с тем, что предлагает товарищ Пуговкин, согласиться нельзя. Здесь только кратко формулируется несколько пунктов нашей программы, самые общие пункты. К числу этих принципов принадлежит, что земля от теперешних владельцев отчуждается без выкупа. Конечно, это, несомненно, должно остаться. Но будет ли здесь упомянуто «без выкупа» или не будет упомянуто, это абсолютно ничего не меняет, потому что это положение об отчуждении земли без выкупа содержится в нашей программе и вся наша программа и агитация будет основана на этом пункте. Вопрос заключается в том, упоминать об этом здесь или не упоминать. Но это не облегчит положение товарища Пуговкина ни на одну йоту. Здесь вопрос может идти только о том, насколько уместно просто стилистически, с литературной точки зрения, загромождать теми или другими пунктами этот основной термин. Этот вопрос только и может обсуждаться. А тот вопрос, который поднимает товарищ Пуговкин, может подробно разбираться, но, конечно, на том заседании, когда будет больше материала и больше времени. Я думаю, он будет разбираться на том расширенном Совете партии, о котором имеется у нас предложение. А здесь, раз уже эта поправка докладчиком принята, мы можем просто этот вопрос так и оставить. От этого положение товарища Пуговкина не улучшится и не ухудшится. Он должен считаться с аграрной программой, которая включает в этот пункт, что земля будет отчуждаться без выкупа. Из того, что это еще раз будет упомянуто, этот пункт не будет ни крепче, ни слабее. <...>

Председатель (Русанов). — Позвольте предложить на ваше усмотрение: включить эту поправку или нет? Кто против включения слов «без выкупа»? Трое.

Кто за включение? Огромное большинство.

Маслов. — Отвергая всякие частичные захваты земли, съезд вместе с тем...» (*читает*).

Голос. — Я предлагаю выбросить слова «вместе с тем».

Ракитников. — Не будем загромождать нашу работу чисто словесными поправками, так как это очень затягивает наши занятия.

Солдатов[452]. — Мне кажется, что слова «направление к осуществлению социализации» могут вызвать некоторую неясность на местах в том смысле, что сейчас как будто возможно проведение социализации земли в жизнь до Учредительного собрания. Поэтому мне казалось бы, что было бы лучше сказать так: в целях подготовки условий по проведению в жизнь социализации земли. Дело идет о подготовке лишь условий, а не о проведении социализации земли.

Маслов. — Я против этой поправки не возражал бы по существу. Это то же самое, но я не считаю это более ясным.

Зак[453]. — Я возражаю против[454]. По нашей программе условия для социализации земли уже получились в тот момент, когда произошел политический переворот. Поэтому мы должны подготовить все мероприятия к тому, чтобы Учредительное собрание имело возможность окончательно осуществить социализацию. Значит, теперь мы фактически подготовляем социализацию. Мы уже приступаем к частичному введению социализации земли.

Председатель. — Кто против поправки товарища Солдатова? Кто за?

Солдатов. — В целях подготовки условий к проведению в жизнь социализации земли.

Председатель. — Кто за?

Громадное большинство против.

Маслов. — «Считая, что все дело...» (*читает*).

Иванов[455] (из Петрограда). — Здесь сказано: «переход всех земель в руки комитетов». По-моему, это совершенно противоречит тому положению, какое имеется в начале, что решение земельного вопроса будет перенесено в Учредительное собрание. Этот пункт, безусловно, будет понят так, что сейчас же земля переходит в ведение земельных комитетов и народ приступит к ее распределению. Поэтому я предлагаю пункт, где говорится о переходе всех земель в ведение земельных комитетов, вычеркнуть.

Зак. — Я прошу слова против этой поправки. Я защищаю этот пункт по той причине, что это единственный способ ввести земельные захваты в какие-нибудь правомерные рамки. Когда начнется осень, крестьянам потребуется земля, то тогда, несомненно, никакими способами вы не удержите захватного течения. Надо это захватное течение

ввести в определенные рамки. Этим способом это течение мы вводим в рамки. Здесь подразумеваются не все земли, а только вненадельные земли. Надельная земля не дается в распоряжение комитетов. Значит, все вненадельные земли до Учредительного собрания переходят в распоряжение комитетов.

Иванов. — Тогда надо написать: «до решения Учредительного собрания».

Зак. — Само собой разумеется. Так как земельные комитеты учреждаются для того, чтобы подготовить земельную реформу, ясно, что эти земельные комитеты распоряжаются этой землей до Учредительного собрания. Поэтому в прибавке слов «до Учредительного собрания» нет надобности. Требуется только одна прибавка: «все ненадельные земли». А то получилось представление, что и крестьянские земли переходят в распоряжение этих комитетов. Я предлагаю поправку т. Иванова устранить, а внести поправку относительно вненадельных земель.

Маслов. — Я возражаю против той поправки, которую вносит тов. Иванов, и той поправки, которую предлагает т. Зак, по следующим основаниям. Поправка Иванова о том, чтобы исключить пункт, совершенно невозможна, потому что этот пункт нам необходим для того, чтобы принять энергичные и радикальные меры для того, чтобы упорядочить поземельные отношения на местах. Это упорядочение должно, с одной стороны, устранять все те кабальные отношения, которые установились на почве старого порядка в землепользовании, и затем, чтобы предупредить частичные захваты, которые в отдельных частях имеют место. Для этого необходимо, чтобы как над крестьянами, так и над помещиками стал бы какой-то высший орган, который взял бы в свое заведывание, под свой контроль все эти поземельные отношения. Это необходимо. Это необходимо, чтобы устранить все кабальные отношения в земельных отношениях, необходимо теперь взять под общественный контроль, под контроль самого народа все земли и донести их до Учредительного собрания в полной сохранности и неприкосновенности. Это возможно тогда, когда это будет взято под общественный контроль; эта мера совершенно необходима. Настаивать на исключении этого пункта нет оснований, потому что это принято Всероссийским Советом крестьянских депутатов приблизительно в такой формулировке, и затем Главный земельный комитет в своем первом Учредительном собрании уже признал необходимым такое радикальное вмешательство общественной власти в земельные

отношения. Он принял эту формулу в несколько смягченном виде. Там это формулировано так, что заведывание земельными делами должно поступить в земельные комитеты. Нашей задачей является только расширить это понятие. С другой стороны, такая мера решительно необходима, и я на этом пункте настаиваю. Что же касается того, чтобы сделать поправку, которую сделал т. Зак, она является излишней. Эта мера имеет общегосударственный характер. Она предусматривает не только урегулирование земельных отношении и недоразумения с помещиками, но она имеет в виду и подготовку земельной реформы — социализацию земли. А эта социализация земли коснется не только частновладельческой, но и надельной земли; с одной стороны, в этом переплете земельных отношений на местах, которые существуют и возникают, конечно, и надельные земли находятся в известном переплете, а с другой стороны, в известных случаях придется коснуться урегулирования и надельных земель, и на это нужно идти. Затем, раз мы вопрос ставим шире, нет оснований исключать из него некоторые пункты, тем более, что опасности в таком расширении нет никакой, потому что в земельные комитеты будут входить представители трудового крестьянства, и они, во всяком случае, свои земли сумеют охранить от посягательств. Сами крестьяне не настаивали на таком расширительном понятии.

Председатель. — Кто за поправку Иванова, требующую исключить этот пункт?

— Кто против поправки товарища Иванова?

— Поправка отклонена.

— Кто за поправку т. Зака?

— Кто против? Поправка отклонена.

Иванов. — Для ясности я предлагаю поместить следующую фразу: «впредь до Учредительного собрания», чтобы не возникло сомнения, что это будет уже навсегда.

Маслов. — Против этой поправки я не возражаю, но я думаю, что это удобнее сказать в нашем общем абзаце, чтобы это относилось не к этому пункту, а ко всем пунктам. Это совершенно правильно. Я против этого не возражаю.

Шевченко. — Я вношу добавление: земля передается земельным комитетам и волостным комитетам, и вот по каким соображениям. Теперь имеется много земли не засеянной. Помещики умышленно не засевают эти земли. По инициативе сельских сходов земля забирается

в руки волостных комитетов и засевается. Здесь есть два права, два вмешательства: с одной стороны, крестьянская инициатива посредством схода. Они эту землю описывают, налагают на нее руку, а земельному комитету приходится эту землю взять под свой контроль. Я считаю, что необходимо прибавить слова: «сельским комитетам».

Сирота[456] (из Елизаветграда). — В волостных комитетах имеется, кроме крестьянства, элемент дворянский. Во многих этих комитетах трудового крестьянства бывает только 20 или 30 %. Передавать в руки этих комитетов решение таких вопросов мне кажется излишним.

Маслов. — Если вы имеете в виду земельные комитеты, то они войдут в систему распоряжения, но нам сейчас предрешать что-нибудь нет надобности в такой общей форме, потому что здесь взаимоотношения между уездными и губернскими комитетами по поводу тех или других земельных отношений, по поводу тех или других земель вообще чрезвычайно щепетильны. Это двумя словами разрешить нельзя. В ведение земельных комитетов это безусловно сдать нельзя, а что они будут участниками в этом деле, это несомненно. Поскольку вы имеете волостные комитеты не земельные, а общеадминистративного хозяйственного устройства, то им нельзя предоставлять таких прав. Если мы поступим так, выключим их из общегосударственного регулирования земельного дела, мы поступим неправильно.

Председатель. — Кто высказывается за поправку?

Кто против? Поправка отклонена.

Гливенко[457]. — Я прошу слова. Земельные комитеты, организованные по инструкции бывшего министра земледелия Шингарева, неудовлетворительны. Они вызывают на местах массу трений и недоразумений. Туда входят чуть ли не на половинных началах представители крупного землевладения, а остальные это те, которые предполагают пользоваться землею. Крестьянский съезд отнесся вполне отрицательно к такой организации земельных комитетов. Теперь сплошь и рядом выносятся постановления, чтобы земельные комитеты были организованы на основании 4-членной формулы. (*Голоса*: «Это есть ниже»).

Маслов. — В нашей резолюции того предложения, которое делает докладчик, нет. Это упущение, и это замечание совершенно правильно. Поэтому я предлагаю съезду вынести в виде особого пожелания, что земельные комитеты должны быть организованы на вполне демократических началах. Хотя это уже принято, но надо это принять отдельным постановлением, 6-м пунктом.

Председатель. — Кто за то, чтобы принять это 6-м пунктом?

Маслов. — II. Планомерное и целесообразное распределение земельными комитетами рабочих сил между хозяйствами.

Зак. — Тут имеется поправка. Этот пункт имеет силу только в связи с войною. Так мы говорили в комиссии, а здесь ему придан общий характер, как будто эти земельные комитеты будут распределять рабочую силу всегда. Только в связи с войной устанавливается компетенция этих комитетов по отношению к распределению рабочей силы, только в связи с войной.

Маслов. — Мы говорим, распределение рабочих сил, поскольку это вызывается условиями момента. Сюда входит война и не одна война. Война кончится, а нам и тогда придется заниматься распределением рабочих сил в зависимости от обезлюжения, от инвалидности деревни, от недостатка инвентаря и т. д.

Зак. — В качестве члена комиссии я могу сказать, что товарищ Маслов не был, когда мы обсуждали этот пункт. Этот пункт мы обсуждали только в рамках потребностей военного времени, только в этих рамках. В том смысле, как толкует этот пункт товарищ Маслов, в комиссии речи не было. Если бы был такой разговор, я против этого возражал бы. Выходит так, как будто предстоит создание какого-то особенного учреждения, вводится какая-то аракчеевщина, которая будет распределять рабочие силы, туда посылать, сюда посылать. Но этого вовсе не предполагается. Предполагается только социализация земли, а вовсе не социализация рабочей силы. Такого разговора в комиссии не было, и в комиссии мы говорили, что это устанавливается только в связи с потребностями военного времени. Правда, там был разговор о том, чтобы отдать в распоряжение комиссии пленных[458]. Против этого я возражал потому, что мы вообще никаких крепостных отношений признавать не можем. Поэтому мы приняли постановление в общем смысле — распределение рабочих сил, но это может быть сопряжено только с войной. Теперь же, при такой постановке вопроса, как говорит товарищ Маслов, можно предположить, что мы собираемся восстановить какое-то крепостное право. Этого нельзя допустить ни в каком случае.

Антипенский[459]. — Я говорю за исключение пункта, о котором идет речь, и вот почему. Мы совсем здесь не можем детализировать деятельность земельных комитетов, а этим пунктом мы именно начинаем детализировать эту деятельность. Отвлекать комитеты для распоряже-

ния рабочей силой мы не можем и не должны. Это не имеет никакого значения. Деятельность этих земельных комитетов предусматривается особым уставом. Они действуют по особому уставу и по особой организации, и поэтому нам нет необходимости детализировать их деятельность.

Маслов. — Поправка товарища Зака ничего нового не дает. Она без нужды суживает положение. Нам в комиссии казалось, что суживать его нет необходимости. Этот пункт был принят в присутствии довольно значительного состава комиссии.

Что касается исключения этого пункта, как предлагает товарищ Антипенский, то это совершенно невозможно. Регулировать рабочую силу необходимо. Сюда может войти также пользование военнопленными, затем, теми артелями учащихся, которые подлежат этому регулированию, и, наконец, само регулирование сельскохозяйстванного отхода, передвижения сельскохозяйственных рабочих на заработки. Это должно подлежать ведению общественных организаций, и в этом отношении непременно должно быть предпринято какое-то регулирование. Это исключить невозможно.

Председатель. — Кто за поправку т. Зака, что этот пункт имеет связь только с военным временем?

Кто против этой поправки? Большинство против. Поправка товарища Зака отвергнута. (*Голоса*: «Просим пересчитать...»).

Зачем считать? Это совершенно очевидно.

Чернецкий. — Прежде чем голосовать, я прошу прочесть.

Председатель. — Зачем это осложнять; у нас и так немного времени.

Кто за исключение?

Кто против исключения? Поправка отвергнута.

Стеклов[460]. — Разрешите задать вопрос докладчику. Докладчик предлагает земли передать в ведение земельных комитетов для общественного управления?

Председатель. — Это было в первом пункте. К сожалению, я не могу поэтому дать вам слова.

Чернецкий. — Как член комиссии, я вношу такую поправку, которая была первоначально в тексте этого пункта: не в интересах того или другого частного лица, а в интересах трудовых масс народа.

Маслов. — Вопрос о регулировании рабочих сил несколько шире, чем только вопрос об обеспечении трудового хозяйства. Трудовое

хозяйство должно войти в сферу этого регулирования. Есть места, где частновладельческие хозяйства не исчезли по тем или другим причинам. Если хозяйство нуждается в регулировании, то нет нужды исключать его из сферы регулирования. Доселе было известно, что частное сельское хозяйство особенно обслуживалось рабочей силой — военнопленными. Это положительно недопустимо. В этом отношении должен быть положен предел, а там, где земельный комитет найдет возможным то или другое количество военнопленных оставить в пользовании владельцев, он их оставит. Этот вопрос нужно поставить шире, на общехозяйственную точку зрения. То, что вы изволите говорить, вполне этим пунктом предусматривается.

Зак. — Комиссия предлагает одну редакцию, а здесь вносят другую.

Маслов. — Это неверно, извините.

Председатель (обращаясь к Заку). — Нельзя прерывать оратора с мест. Я это напоминаю товарищу Заку.

Ставлю на голосование предложение товарища Чернецкого. Так, кто за поправку товарища Чернецкого, прошу поднять карточки.

— Кто против? Большинство.

— Товарищи, вы, может быть, разрешили бы воздерживаться от вопросов. Запретить вопросы нельзя, но вы сами знаете, что этого требует положение вещей.

Фирсов[461] (7-я армия). — Регулирование рабочей силы, конечно, всецело относится к тем рабочим силам, которые находятся в распоряжении помещиков. Поэтому я бы хотел этот пункт конкретизировать следующим образом: регулирование рабочих сил должно быть в форме организации рабочих дружин или артелей из военнопленных, снабженных инвентарем помещиков. Тогда это будет понятно. Иначе можно подумать, что это регулирование рабочих сил вмешивается в сферу крестьянских сил, а этого этот пункт вовсе не подразумевает. Я прошу присоединить к этому пункту такие слова: «Регулирование рабочих сил в форме организации рабочих артелей или дружин из военнопленных, снабженных инвентарем помещиков».

Маслов. — Мне кажется, что эта поправка ничего нового не вносит, а только несколько суживает общее положение. Как я докладывал собранию, это регулирование ставит вопрос шире. Оно ставит вопрос не только о военнопленных или об артелях, о которых вы изволите говорить, но и о распоряжении сельскохозяйственным обиходом. Это более широкое понятие. Может быть, на практике представятся дру-

гие меры для этого регулирования. Что касается того, что это касается распределения рабочей силы между крестьянскими хозяйствами, то наша задача заключается в том, чтобы объяснить, что имеется в виду вовсе не это. Если крестьянские хозяйства сами будут обезлюжены рабочей силой, почему же земельному комитету не вмешаться в это и не распределить рабочую силу данного села для того, чтобы обработать всю землю данного села? Это вполне правильно, и земельный комитет должен это сделать. Это не значит, что он заведет аракчеевское хозяйство и будет делать все принудительным порядком. Он только заведет работу, которая будет необходима. Я считаю, что нам надо ограничиться общею формулой. (*Шум*).

Председатель. — Нельзя прерывать оратора голосами с мест, — это полная дезорганизация собрания!

Иващенко[462]. — Я должен сказать, что была выбрана специальная комиссия для редактирования резолюции. Между тем, случилось так, что комиссия разошлась и резолюцию редактировал секретарь, и редактировал ее в высшей степени неудачно, отчего получается та неясность и путаница, которую мы здесь слышали. Принимая это во внимание, я прошу занести в протокол, что предлагается на голосование резолюция, не получившая окончательной редакции.

Зак. — Я присоединяюсь к этому заявлению.

Маслов. — Я категорически протестую против такого нетоварищеского заявления, которое сделал товарищ Зак и только что говоривший товарищ. Комиссия работала над этим вопросом целый день, и если состав ее в течение дня менялся, никто не повинен в том, что при окончательном средактировании всех ее пунктов присутствовало 6 человек и в числе их не был товарищ Зак и товарищ, только что передо мной говоривший. Этот пункт составлен и средактирован комиссией в составе 6 человек. (*Аплодисменты*).

Председатель. — Позвольте просить поднять карточки тех, кто считает, что к этому инциденту не следует возвращаться и надо приступить к работе. Кто против этого, прошу поднять руки. По этому вопросу прений не будет. По личному вопросу слово дается после заседания.

– Позвольте проголосовать то, что прервали этими внеочередными заявлениями, — конкретное предложение товарища Фирсова, представителя 7-й армии, — конкретизировать вопрос об утилизации рабочих сил. Товарищ докладчик возражает против этого. Позвольте

проголосовать предложение товарища Фирсова. Кто за это, прошу поднять руки.

— Кто против этого предложения? Большинством эта поправка отвергнута. Я предупреждаю, формально отказать в вопросах я не имею права, но это вопрос целесообразности. В секциях можно было задавать миллионы вопросов, все выяснять и т. д. А теперь должны быть поставлены только вопиющие вопросы.

Шевченко. — Я хочу поставить вопрос в высшей степени важный. Товарищ докладчик, как вы будете земельному комитету рекомендовать распределение рабочих сил, тогда как съезды, где было до 2000 делегатов, решили, что земля, которая не засеяна, взята быть должна волостными комитетами? Как вы будете рекомендовать земельным комитетам поступить?

Маслов. — Прежде всего, нужно слушать то, что здесь говорится: планомерное распределение между хозяйствами.

Шевченко. — Кто землю распределяет?

Маслов. — Общественные организации.

Шевченко. — Почему же вы не прибавите: «общественные организации».

Маслов. — Это достаточно хорошо сказано.

Председатель. — Вы должны были не задавать вопроса, а внести поправку.

Председатель. — Имеются поправки к этому пункту? Нет?

С. Л. Маслов. — Следующий III пункт:

«Учет всего живого и мертвого инвентаря и распоряжение им в целях наилучшего использования его».

Председатель. — Товарищи, имеются поправки и дополнения к этому пункту?

Тов. Злобин[463]. — Такое безоговорочное указание может повлечь много неприятностей, так как далеко не все мелкие помещики выехали и не все подлежит отбиранию.

С. Л. Маслов. — Тут недоразумение. Тут говорится об учете всего живого и мертвого инвентаря данной местности, и даже крестьянский инвентарь сюда войдет на учет и поступит в распоряжение в целях его лучшего использования. Недопустимо, чтобы плуг обработал 10 десятин, когда можно обработать 15 десятин. То же самое и в крестьянском хозяйстве. Это — общее правило. Это использование должно касаться всего инвентаря. Что касается возможности всяких недоразумений, то

это приходится предоставить такту и благоразумию местных земельных комитетов. Они охраняют интересы трудового хозяйства и интересы всего хозяйства и отнесутся со вниманием к интересам отдельных лиц, поскольку это будет совпадать с требованиями справедливости.

Тов. Злобин. — Я бы изменил свою поправку. Я бы сказал: «Избегая нарушать трудовые интересы владельцев».

Председатель. — Это опять новое.

С. Л. Маслов. — Товарищи, об этом говорить не надо.

Председатель. — Позвольте проголосовать это предложение тов. Злобина. Кто стоит за? Кто против? Большинство против.

— Поправка тов. Злобина снята.

Тов. Зак. — Таким образом, в распоряжении комитетов будет и крестьянский инвентарь?

Председатель. — Товарищи, позвольте констатировать, что в виде вопросов открываются прения по существу. Можем ли считать данное собрание имеющим для этого время и надлежащие ресурсы, чтобы открыть прения по существу? В вопросах выставляются известные аргументы, и на них мы будем отвечать. Я просил бы этим правом предложений не злоупотреблять.

С. Л. Маслов. — Это нужно понимать в широком масштабе. Земельные комитеты могут признать, что в целях общественных нужно коснуться и крестьянского инвентаря, но нужно надеяться, конечно, что они будут заботиться об интересах трудового крестьянства, и их они не обидят.

Тов. Бружи[464] (Балтийский флот). — Здесь во многих пунктах говорится о регулировании. Но нужно иметь нормы, сообразно которым мы будем регулировать. Это неизбежно. Если мы будем регулировать не по справедливости, тогда что же будет? Я бы предложил всякое регулирование вести в направлении расширения крестьянского хозяйства.

Председатель. — Это та же самая отвергнутая поправка, выраженная только другими словами.

Тов. Фирсов. — Я хотел бы спросить докладчика, где граница между захватом и не захватом? Представьте, комитет стал на неправильную почву. Что же, члены партии тоже в этом направлении будут поступать?

Тов. Маслов. — Тут речь не идет о захвате. Этого вопроса мы не касаемся. Мы говорим — нельзя, чтобы инвентарь оставался неиспользованным, когда всякий плуг и всякая соха нужны. Здесь говорится

«распоряжение именно в целях наилучшего использования». Вопроса о справедливости мы не касаемся. Мы полагаем, что, раз земельные комитеты идут под флагом демократии, они сделают по справедливости. Заниматься сейчас моральной пропагандой не есть наше дело. Мы всегда будем вносить наибольшую справедливость.

Тов. Фирсов. — Тогда так сказать: «в целях наилучшего трудового использования».

Председатель. — Я не голосую, так как это та же поправка тов. Злобина, только что отклоненная громадным большинством голосов. Имеются еще поправки к этому пункту? Больше нет.

Тов. Маслов. — IV. Урегулирование рубки леса в интересах народного хозяйства, установление на лес и лесные материалы твердых цен и прекращение хищнической и спекулятивной вырубки.

Примечание. Вырубка лесов, разрешенная лесохранительными комитетами в целях общеполезных, должна производиться беспрепятственно.

Председатель. — Имеются поправки к этому пункту?

Тов. Злобин. — Дело в том, что сейчас предоставляется вырубка неспекулятивная вместе с вырубкой спекулятивной. Данный пункт меня не удовлетворяет постольку, поскольку обращение комиссии по данному вопросу не нашло бы отклика. Все порубки разрешены министерством земледелия; они не могут быть оставлены, особенно, если вызваны обороной страны и нуждами железных дорог. Нужна большая конкретизация.

С. Л. Маслов. — Против этого возразить нельзя, но я думаю, что это входит в наше положение. Тут сказано — урегулирование. Если говорить о поправке, то, может быть, в смысле пропаганды, но не с точки зрения конкретизации.

Председатель. — Позвольте проголосовать — считает ли собрание, в целях большей ясности, конкретизировать данный пункт в направлении, указанном тов. Злобиным. Кто за это? Кто против? Поправка отклонена.

С. Л. Маслов. — V. Взятие на учет и, в случае надобности, в общественное заведывание тех культурных хозяйств, которым грозит разрушение или обесценение, как вследствие корыстных действий владельцев, так и по каким-либо другим причинам.

Председатель. — Имеются поправки?

Тов. Злобин. — Кто будет заведывать?

Тов. Маслов. — Мы обращаем внимание на то, что необходимо взять в общественное заведывание. Может быть, это будут общественные комитеты, а там, где их нет, — волостные земства или какая-либо другая, достаточно компетентная, общественная демократическая организация, а лучше всего, конечно, земельные комитеты.

Тов. Злобин. — Культурным хозяйствам опасность представляется в двух отношениях — с одной стороны, культурным хозяйством может прикрыться всякий помещик, а с другой стороны, культурное хозяйство, раз оно попадет в общественное заведывание мелких единиц, не сохранится. Наша программа говорит: «Культурные хозяйства должны перейти в заведывание более крупных единиц». Заведывание рациональными хозяйствами должно быть передано более крупным земельным комитетам, начиная, по крайней мере, с уездных.

С. Л. Маслов. — На практике так и должно быть, но конкретизировать это сейчас нельзя.

Голос. — Можно сказать: «более крупных».

С. Л. Маслов. — «Уездных, губернских и областных комитетов». Это было бы правильно, если бы быть уверенным, что они существуют. Но их нет[465]. Раз у нас образуются уездные земельные комитеты, они и наложат свою руку на такие культурные организации.

Председатель. — Позвольте проголосовать: считаете ли нужным конкретизировать это предложение, т. е. принимаете ли предложение тов. Злобина или отвергаете? Кто за предложение т. Злобина? Кто против? Большинство за предложение т. Злобина. Больше поправок нет к этому пункту?

Тов. Злобин. — Один вопрос: товарищ докладчик, куда вы найдете необходимым отнести оговорку относительно целебных источников, рыбных ловель и т. д., к этому пункту или к другим?

С. Л. Маслов. — Это относится к первому пункту. Первый пункт охватывает все.

Тов. Злобин. — Тогда я попрошу слово, когда резолюция будет голосоваться в целом.

Председатель. — Может быть, сейчас вы внесете и мы оценим.

Тов. Злобин. — У нас этот вопрос стоит определенно, и в докладе т. Прилежаева и других ясно указывается, какое должно быть отношение к данному вопросу. Мы знаем, как общеполезные предприятия захватываются капиталистами. Мы знаем, что на Белом море жители остаются без возможности ловить рыбу. Такое положение неприем-

лемо. Мы должны разработать этот вопрос. Мое предложение было передано в земельную комиссию дважды.

Председатель. — Товарищи, мы в затруднительном положении.

Тов. Злобин. — Я просил позволения дать мне слово в конце, чтобы формулировать.

Председатель. — Тогда вы никакой поправки сейчас не вносите.

Тов. Левенберг[466] (Юго-Западный фронт). — Вопрос о недрах является колоссальной проблемой. Этот вопрос не может быть разрешен, как он разрешен в первом пункте нашей резолюции. Когда вопрос этот станет во всей широте, тогда мы окажемся совершенно к нему неподготовленными. Товарищ Ракитников слегка затронул этот вопрос о недрах. Я знаю, что к данному вопросу нельзя подходить путем поправок, но я хотел бы внести, в качестве пожелания или дополнения, чтобы партия поставила себе ближайшей задачей разрешение этого вопроса, соответственно с теми требованиями, которые выдвигаются жизнью. Вот поправка, которую я просил бы занести и отметить.

Н. И. Ракитников. — Я с самого начала предупредил, что мы не сочли возможным, ввиду краткости времени, обсуждать аграрную политику во всей полноте. Мы сочли необходимым ограничиться только самой общей линией аграрной политики, предполагая, что Центральный комитет созовет не позже, как через месяц, расширенный Совет партии, на котором аграрный вопрос должен быть обсужден во всей полноте, во всех подробностях. Можно, конечно, ввести на скорую руку один, другой, третий вопросы, касающиеся аграрной политики, но это не помогло бы, особенно в таком сложном вопросе, как вопрос о недрах. У нас в комиссии был этот вопрос. Я понял, в чем является затруднение на Урале. По этому поводу должен быть особый доклад, и тогда мы можем помочь нашим товарищам, работающим на казенных землях, в киргизских степях и т. д. Все эти вопросы требуют детальной разработки, как и охрана источников, рыбных богатств и т. д. Все это невозможно сюда внести, и мы намеренно исключили все такие частные вопросы, ограничившись самой общей линией аграрной политики в применении в узком смысле слова к сельскому хозяйству. Все такие вопросы, которые вновь поднимаются, должны быть обсуждены на том расширенном Совете, который должен быть созван, согласно нашему пожеланию, Центральным комитетом в течение не более месяца. Я думаю, мы должны этим ограничиться. Без сомнения,

охрана всяких естественных богатств должна входить в функции земельных комитетов, но все это без подробной разработки очень мало что говорит.

Голоса. — Просим голосовать!

Тов. Левенберг. — Я снимаю свое предложение.

Председатель. — Позвольте проголосовать. Принято.

Тов. Маслов читает:

VI. «Преобразование земельных комитетов на демократических началах».

Тов. Алексеев[467]. — Я хотел бы, товарищи, предложить пополнить настоящую резолюцию отдельным пунктом о недрах. Эта резолюция самого общего характера; она подчеркнет наше отношение к недрам и даст некоторые руководящие данные для работы на местах — «Что касается недр, то партия соц[иалистов]-революционеров будет поддерживать все меры, способствующие осуществлению национализации их, считая, что окончательное решение вопроса зависит от Учредительного собрания».

С. Л. Маслов. — Это вносить совершенно излишне. Программа есть. Она остается неприкосновенной. Мы говорим о конкретных мерах, которые нужно принимать на местах.

Председатель. — Кто за внесение предложения тов. Алексеева, тех прошу поднять карточки. Большинство против, но голосуют чрезвычайно лениво. Позвольте проголосовать резолюцию целиком, полагая, что она подлежит стилистической редакционной работе. Позвольте просить поднять руки тех, кто принимает резолюцию целиком. Позвольте просить поднять, кто против. Кто воздержался? 8. Резолюция принимается.

По аграрной политике
Резолюция III съезда ПСР

Исходя из того убеждения, что всякая собственность на землю должна быть уничтожена и что земля должна перейти в общенародное достояние без выкупа для уравнительного трудового пользования, III съезд партии с.-р. полагает, что основной закон о земле, незыблемо устанавливающий эти принципы, должен быть издан Всенародным Учредительным собранием.

Отвергая всякие частные захваты земель, съезд вместе с тем находит необходимым, в интересах трудового народа и дела революции,

немедленное планомерное проведение в жизнь аграрной политики, направленной к осуществлению социализации земли.

Считая, что все дело подготовки земельной программы и ее осуществление, а также разрешение всех земельных вопросов должно перейти в руки организованного трудового народа как в центре, так и на местах, съезд впредь до Учредительного собрания признает необходимым:

I. Переход всех земель в ведение земельных комитетов, которые заботятся о поддержании с.-х. производства на возможно высоком уровне, о развитии общественной и артельной обработки земли и о возможно равномерном и правильном распределении земли между отдельными трудовыми хозяйствами.

II. Планомерное и целесообразное распределение земельными комитетами рабочих сил между хозяйствами.

III. Учет всего живого и мертвого инвентаря и распоряжение им в целях наилучшего использования его.

IV. Урегулирование рубки леса в интересах народного хозяйства, установление на лес и лесные материалы твердых цен и прекращение хищнической и спекулятивной вырубки.

Примечание. Вырубка лесов, разрешенная лесохранительными комитетами в целях общеполезных, должна производиться беспрепятственно.

V. Взятие на учет и, в случае надобности, в общественное заведывание уездных или губернских земельных комитетов тех культурных хозяйств, которым грозит разрушение или обесценение, как вследствие корыстных действий владельцев, так и по каким-либо другим причинам.

VI. Преобразование земельных комитетов на демократических началах.

МАТЕРИАЛЫ ДИСКУССИЙ И ПРОГРАММНЫЕ ДОКУМЕНТЫ НАРОДНО-СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

Протокольная запись обсуждения аграрного вопроса на I Всероссийском съезде НСП 18–19, 21 июня 1917 г.

<...> *Доклад В. И. Анисимова*[468]

Докладчик устанавливает три основных положения, которыми, по его мнению, должна определяться аграрная программа: 1) переход

земли в собственность государства; 2) изъятие дифференциальной ренты из частных рук и 3) коллективное землепользование.

При обсуждении вопроса о землепользовании нельзя обойти молчанием институт земельной общины. Хотя она и не является пригодной для будущего социалистического строя формой, тем не менее есть живой социально-экономический институт, еще себя не изживший. Мы должны стремиться к созданию такой формы коллективного землепользования, которая отличалась бы наибольшей гибкостью, как, например, артели и земледельческие союзы, но нельзя игнорировать и общину и нельзя провозглашать ее уничтожение. Это живой уравнительно-передельный механизм и школа навыков коллективного землепользования, мы должны только усовершенствовать ее функции. Вот формулировка положений, сводящих принципы программы в определенную систему и устанавливающих связь между ними:

«Отрицая частную собственность на средства производства, как основу нетрудового дохода и препятствие к рациональной организации народного хозяйства, н.-с. партия признает, что вся земля должна составлять собственность государства и находиться в пользовании обрабатывающих ее собственным трудом».

«Возможный излишек дохода, возникающий вследствие естественных или общественно-хозяйственных преимуществ участка (дифференциальная рента), как составляющий незаработанное приращение дохода хозяина, должен быть обращен в доход государства посредством установления специального налога».

«Так как раздробление государственного земельного фонда между многими мелкими производителями являлось бы препятствием для достижения наивозможно более высокого уровня развития производительных сил в земледелии, то народно-соц[иалистическая] партия признает, что лучшей формой землепользования и сельского хозяйства является коллективное земледельческое хозяйство».

«Современная сельскохоз[яйственная] кооперация, объединяя мелких производителей в области кредита, обмена и подсобно-производительных функций, дает им в этих отношениях выгоды крупных хозяйств, но остается еще весьма далекой от идеальной формы коллективного производства. Поэтому партия, приветствуя сельскохоз[яйственную] кооперацию, как школу, воспитывающую навыки, необходимые для ведения коллективного хозяйства, ставит себе целью содействовать развитию высших форм этой кооперации».

«Земельная община, как институт публично-правового характера, не отвечает тем формам землепользования и земледельческого производства, к осуществлению которых стремится н[ародно]-соц[иалистическая] партия. Однако, видя в русской земельной общине практическую школу коллективного землепользования и ценя ее способность к развитию и усовершенствованию начал этого землепользования, партия считает недопустимыми какие бы то ни было меры искусственного и насильственного разрушения земельной общины и со своей стороны будет стремиться использовать общинные навыки крестьянства для создания новых, более совершенных форм коллективного землепользования».

Н. П. Огановский[469] предлагает заслушать подряд все доклады по аграрному вопросу и тогда уже открыть по ним прения. Предложение принимается.

Тезисы доклада Н. П. Огановского

1) В национальный фонд обращаются все земли казенные, удельные, кабинетские, церковные, монастырские, городские (сел.-хоз. значения), частновладельческие и пр., превышающие трудовую норму землевладения.

2) Частным владельцам, не обрабатывающим землю личным трудом, при желании их заняться сельским хозяйством, должно быть предоставлено право оставлять за собой участки земли в пределах трудовой нормы.

3) Земли, постоянно арендуемые сельск[ими] хозяевами, в тех случаях, когда арендаторы возвели на этих землях усадебные постройки, оставляются в их пользовании в пределах трудовой нормы.

4) Из земель, поступивших в национальный земельный фонд, часть переходит в непосредственное распоряжение органов правительства и местных самоуправлений, другая отводится в пользование безземельного и малоземельного населения.

5) Землями, передающимися в распоряжение правительственных и земских органов, являются: а) лесные угодья; б) хозяйства заводского типа (с технической переработкой сырья); в) прочие культурные имения (с высокоинтенсивной культурой, племенные рассадники, питомники, семенные хозяйства и пр.); г) отчужденные частновладельческие усадьбы, сады, огороды, виноградники и др. специальные угодья того же характера.

6) Государственные и земские органы распоряжаются означенными категориями владений, либо ведя на них самостоятельное хозяйство,

либо передавая их под своим контролем в пользование сельскохоз[яйственных] обществ, кооперативов, крестьянских обществ и товариществ, а также отдельных лиц, знакомых с той или иной специальной отраслью сельского хозяйства.

7) За вычетом указанных владений все земли, отчужденные и поступившие в национальный земельный фонд, распределяются между нуждающимся в земле населением в пределах до потребительной нормы, достаточной для удовлетворения насущных потребностей данной семьи доходами от сельскохоз[яйственного] промысла.

8) Право на получение земли из национального фонда приобретает в первую очередь местное безземельное и малоземельное земледельческое население, во вторую — земледельческое население смежных волостей, уездов и губерний, в третью — земледельческое население прочих районов.

9) Лица, живущие неземледельческим трудом, получают право на землю лишь в том случае, если за удовлетворением в земле нужды земледельческого населения в распоряжении государства останутся свободные излишки. В местностях с широко развитым промысловым отходом принимается в расчет лишь та часть населения, которая действительно участвует в земледельческом хозяйстве.

10) Земля, отводимая в дополнительное пользование местному земледельческому населению, прирезывается в районах коллективного землевладения к надельной и купчей территории сельских обществ и товариществ, каковые и распределяют ее согласно существующим обычаям между отдельными хозяевами; в районах же индивидуального владения, а также в тех случаях, когда в общинных районах отдельные хозяева владеют обособленными участками (хуторяне, отрубники, личные собственники) — по их желанию, каждому хозяйству отдельно.

11) Оставшиеся за обеспечением местного населения земельные запасы, временно, впредь до переселения на них малоземельных крестьян из соседних местностей и районов, передаются в распоряжение местных органов самоуправления, причем государство устанавливает нормы оплат за право пользования этими участками.

12) Земли, находящиеся сейчас во владении земледельческого населения в пределах трудовой нормы (надельные и купчие) оставляются в собственности их владельцев, но с нижеследующими ограничениями: а) никто не имеет права продать свою землю другому лицу; участки, освобождающиеся за прекращением владельцем собственного хозяй-

ства, переходят в национальный фонд, причем государство через посредство органов местного самоуправления передает их крестьянам, нуждающимся в земле, уплачивая владельцам за отчуждаемые участки соответственное вознаграждение; б) совершенно запрещается залог земли; в) сдача в аренду допускается лишь с разрешения сельских обществ; г) передача по наследству, дарение и пр. безвозмездные переходы земель регулируются особыми правилами, устраняющими возможность концентрации земель сверх пределов трудовой нормы.

Доклад Н. А. Леонтьева

Указав на всю сложность вопроса о вознаграждении за отчуждаемые земли, докладчик устанавливает то положение, что за отчужденные частновладельческие и надельные (сверх трудовой нормы) земли государство должно уплатить вознаграждение. Первое, что заставляет придти к такому выводу — это большая задолженность частновладельческих земель, причем значительная часть этих земель заложена в банках. Несправедливо лишать сбережений часть трудового населения лишь потому, что деньги вложены в земельные бумаги, оставляя деньги, вложенные в другие бумаги, неприкосновенными. Часть же закладных листов и самих земель находится в руках иностранных подданных, которые имеют все права требовать вознаграждения. Кроме того, стремясь обеспечить переход земли в общенародную собственность при наименьших жертвах со стороны трудового народа, докладчик считает, что труд и капитал, вложенные в землю в виде построек, посадок и всяких иных улучшений за пределами амортизации, должны быть возмещены государством, причем, конечно, уплата за эти улучшения идет в зачет долгов. Докладчик далее указывает, что земля к крестьянам переходит без всякого выкупа. В тех хозяйствах, где владелец является только распорядителем, не должно выдаваться вознаграждение. Достаточно выдать за мелиорацию и постройки. С[оциалисты]-р[еволюционеры] предлагают пенсию, но это самый несовершенный способ. Надо персонально устанавливать, кто потерял трудоспособность и есть ли у него другие источники к существованию.

Признавая, что вознаграждение за отчуждаемые земли должно быть минимальным, т. е. не превышать тех сумм, какие с точки зрения общенародных интересов окажутся необходимыми, чтобы класс земельных собственников мог приспособиться к новым условиям, докладчик находит, что за все частновладельческие и надельные земли, отчуждаемые сверх трудовой нормы, государство должно уплатить вознаграждение

по регрессивно-ниспадающей шкале до определенного предела, сверх которого земли отчуждаются без всякого вознаграждения. Пределом этим, по мнению докладчика, является хозяйство полутрудовое, т. е. такое, в котором владелец участвует личным трудом.

В. И. Анисимов указывает на свое расхождение с мнением Н. П. Огановского по вопросу о нормах наделения и землепользования, находя, что общей нормы, ввиду многообразия местных условий, установлено быть не может. Можно установить лишь крайние пределы. К тем или иным нормам крестьяне так или иначе приспособились и приходится считаться со всей сложной совокупностью обстоятельств. Где размеры землепользования достигают трудовой нормы, там крестьяне живут исключительно земледелием, все свои производительные силы вкладывают в землю. Где размеры ниже потребительной нормы — они не могут от земли получить той суммы средств, которые им необходимы, что заставляет их заниматься промыслами или выселяться. Где наделены до потребительной нормы — могут обходиться и без промысловых заработков. Землепользование — это один из элементов хозяйственных условий жизни. Важно, чтобы не имело место предпринимательское хозяйство. Если считаться с многообразием экономической обстановки, то нельзя строить реформу по одному принципу. К такому же выводу мы должны прийти и с точки зрения общенародного хозяйства. Только выше трудовой нормы наделы быть не должны. Можно привести еще и отвлеченные доводы. С точки зрения развития производительных сил потребительная норма не заслуживает предпочтения. Если держаться этой нормы, то куда денется избыток сил? Существование обеспечено, следовательно, стимул отнят и силы будут растрачиваться непроизводительно. Если наделять по трудовой норме, то воспользуется меньшее количество лиц, но с общенародной хозяйственной точки зрения это ничем не угрожает. Разовьется промышленность. И еще одно соображение. Потребительная норма не является фактором, повышающим интенсивность производства, и неизвестно, в каком направлении она будет влиять — пойдем ли мы по пути Китая или Западной Европы. Надо помочь развитию нашего народного хозяйства, лишая некоторых возможности жить землей.

<...> По личному вопросу выступает *Н. П. Огановский*, указывая, что возражение В. И. Анисимова основано на недоразумении — он никакого предпочтения потребительной норме не делает.

Т. Минин[470], возражая против основных положений доклада В. И. Анисимова, указывает, что с народнохозяйственной точки зрения нельзя в некоторых случаях уничтожить капиталистические формы землепользования, как, например, огородничество, овцеводство. Земля одна из незначительных долей капитала.

Если вся земля пойдет в разверстку, многие дела должны будут прекратиться. Не может везде проводиться трудовой принцип. Это недопустимо с народнохозяйственной точки зрения. Такие хозяйства не могут мириться с единоличной формой. Даже и экстенсивные хозяйства не могут так существовать без пололок[471], например, из Калужской губ., и работников, хотя бы и находились они в крестьянских руках. Далее оппонент останавливается на понятии «трудовой нормы». Как она может быть определена? По количеству труда? Но в какое время, в какой период — весенний или другие? Целый ряд хозяйств должен прибегать в обостренные периоды к наемному труду. Нельзя, следовательно, обойтись без него и в полевом хозяйстве. Как поступать при изменении состава семьи? Приходится или перестать существовать, или пользоваться наемным трудом. Мы не утописты, чтобы говорить лишь об общественной помощи и должны признать, что в некоторых случаях можно прибегать к наемному труду. Надо иметь в виду еще и то, что некоторые отрасли не могут существовать вне капиталистического хозяйства (тонкорунное овцеводство). Крестьянство не может вести этих специальных форм, как и племенное животноводство, коневодство и т. п.

Обобществленное, трудовое кооперативное хозяйство — это идеал. Всюду его мы не получим. Мы не теоретики, мы не должны действовать по шаблону, как марксисты. Теория должна считаться с возможностью, с особыми сложными обстоятельствами. Мы должны признать, что прогресс возможен и вне крупного обобществленного хозяйства. Мелкое хозяйство не только конкурирует, но иногда и побивает крупное в целом ряде отраслей (напр., молочное хозяйство), оно в известной стадии должно быть индивидуально. Процесс обобществления идет с разных сторон, обобществляются функции по снабжению, по отчуждению, по переработке, но остается и индивидуальное хозяйство. И тут кооперация оказывает влияние на самую организацию его, как, напр., в молочном деле, когда предъявляются требования не только определенного количества, но и качества продукта, и самих способов его добывания. Даются рациональные директивы, но все-таки это

индивидуальное хозяйство. Нельзя все себе представлять в кооперативных формах. У нас в программе есть пробел. Когда Н. В. Чайковский[472] на одном собрании сказал о русском социализме, на него все восстали и его слова повисли в воздухе. К какому социализму пойдут крестьяне? Аграрный социализм более длинный и сложный — он потребует обобществления форм не только производства, но и сознания. Силой, палкой, как на фабрике, не загонишь. Народ должен идти сознательно. Мы не социалисты-коллективисты. Прежде всего нужно организованное сознание, что реформа выгодна не только для отдельной личности, но и для общего блага. Необходимо поэтому поднять общий культурный уровень деревни.

Т. Зеленецкий освещает вопрос о национализации земли с точки зрения исторического процесса форм экономической жизни. Идея социализации относится к глубокой старине, когда не было собственников на все блага природы и все пользовались ими одинаково. В теперешнем строе мы видим только остатки этой социализации, как, напр., право судоходства, въезда в леса. Но мысль, что земля свободна как воздух, еще жива, и с[оциалисты]-р[еволюционеры] всюду говорят об этом. Это сравнение неудачно, так как земли на всех не хватит. Это сон о золотом веке, когда все было социализировано. Надо думать о золотом веке впереди, но для этого надо сеять разумное и вечное, хотя и не услышим спасибо сердечного. Наша партия стоит на верном пути национализации.

Т. Чембулов[473] указывает на то, что мы составляем программу не для себя, а для крестьян, и в то же время так, чтобы она отвечала нашей идеологии. Не надо упрощать постановку вопроса перед крестьянскими массами, нужно рассматривать его с точки зрения будущих поколений и интересов государства. Крестьянство воспринимает этот вопрос во всей его сложности, и таким путем мы можем его двинуть и в область агрикультуры и кооперации. В вопросе о наемном труде и наделении программа не ставит узких рамок. Крестьяне вообще, главным образом, настроены против крупных латифундий екатерининских вельмож и др. Тезисы В. И. Анисимова следует переработать, чтобы сделать их более доступными и понятными для крестьян. О нормах наделения вопрос трудный — нельзя терять из виду наилучшей эксплуатации труда, но не следует толкать и на фабричный труд. Можно иметь в виду соединение сельскохозяйственного труда с промышленностью.

Т. Бороздич, возражая Н. П. Огановскому, указывает на то, что и трудовая, и потребительная нормы вычислены последним на основании

существующих в настоящее время на местах систем хозяйствования и при интенсификации земледелия они могут понизиться во много раз. А потому бояться, что государственного земельного фонда не хватит для всех желающих вести трудовое хозяйство — нет причин. Необходимо только, чтобы государство не ограничилось одним наделением землей, но и взяло на себя обязанность оказать помощь всем нуждающимся в этом для введения улучшений в своем хозяйстве (кредит, агрономическая помощь и т. п.). Нет поэтому причин и для партии поступаться, хотя бы и на время, одним из основных принципов ее программы. Что же касается преимущественной поддержки кооперативных хозяйств, то вопрос этот надо пока оставить в стороне и дать самой жизни сказать свое слово.

А. В. Пешехонов настаивает на принятии основных положений доклада В. И. Анисимова, но считает нужным устранить некоторые недоразумения, обнаружившиеся во время прений. Наша задача — устранить эксплуатацию, а не заключать жизнь в тесные рамки без всяких исключений. Допущение в известных случаях наемного труда неизбежно. Есть, далее, такие сельскохоз[яйственные] производства, которые не могут вестись в рамках крестьянского индивидуального хозяйства, и если от теперешнего сложного комплекса перейти просто к разделу земли между крестьянами, то получится катастрофа. Надо искать выход. В[иктор] Ив[анович] имеет в виду трудовое кооперативное хозяйство, но есть и другие формы коллективного хозяйства, а именно — общественное, как земское, так и государственное. Еще одну поправку необходимо сделать по вопросу о ренте. Изъятие ренты из частных рук — это главный смысл земельной реформы, главная реализация права на землю. Ренту можно взять и не в виде налога. А. В. [Пешехонов] напоминает о мероприятиях Риттиха[474], установившего твердые цены франко-амбар и упразднившего таким путем дифференциальную ренту. Далее, переходя к вопросу о разногласиях между В. И. Анисимовым и Н. И. Огановским, А. В. [Пешехонов] указывает, что перед нами стоит определенная цель — устранить нетрудовое землевладение и хозяйство. Но можно задаться и другой целью — достигнуть равномерного распределения земли, всеобщего поравнения. Социализация ставит целью обезличить землю и распределить ее поровну между всеми, но мы на это не шли с самого начала, не усложняли задачу. Мы полагаем, что это вызовет борьбу не только между помещиком и крестьянством, но и внутри крестьянства. Мы не ставили задачей отрезать излишек

земли у деревни, имеющей по 5 десятин надела, для доделения жителей деревни, имеющих по 4 десятины. Мы не должны отнимать излишек земли внутри крестьянства у отдельных лиц или деревень, если размеры землевладения не превышают трудовой нормы, хотя бы рядом и тем более где-то вдали имелись деревни и крестьяне, которым не хватает земли даже до потребительной нормы. Есть земля, принадлежащая отдельным лицам, есть — деревням и есть — сословиям. У отдельного лица отобрать просто, достаточно прикинуть трудовую норму, и все, что сверх нее, подлежит отчуждению. Более сложным представляется вопрос с деревней. В целом у нее может далеко не хватать земли до трудовой нормы, но у отдельных крестьян могут быть излишки. У кого земля должна отчуждаться? — у отдельных лиц или у деревни? Если у деревни, то излишков нет — пусть сами внутри переделят. Так как собственником является деревня, община, то срезать надо у деревни, у общины. Этот принцип может быть сохранен и в вопросе о казачьих землях. Нужно требовать, чтобы внутри у них не было ни у кого больше трудовой нормы, и лишь излишки после наделения казаков могут быть отрезаны для других сословий. Этот принцип можно проводить дальше и по вопросу об отдельных местностях. Соглашаясь с мнением В. И. Анисимова, А. В. [Пешехонов] утверждает, что осложнять реформу уравнением землепользования не следует.

Для поднятия интенсивности труда можно прибегнуть к усиленному обложению тех, которые имеют свыше среднего количества для данной местности. Такой путь уравнения менее опасен по политич[еским] условиям и более целесообразен, чем путь наделения по потребительной норме.

В программе надо указать, что все надельные и те частновладельческие земли, на которых ведется трудовое хозяйство, остаются в пользовании теперешних хозяев в пределах трудовой нормы.

Т. Алексинский[475] находит, что вопрос о наделении землей всех, желающих работать, вполне разрешается национализацией. Земля переходит в собственность государства — нужно только распоряжение. Потрясения некоторые возможны, но опасаться крушения крупных культурных хозяйств нет оснований. Они будут кооперативными. Общественные органы местного самоуправления создадут товарищества капитала и труда. Надо считаться с разнообразием местных условий и почвы. Нельзя устанавливать единой нормы. Мы не бюрократические меры принимаем. Наша главная задача провести известный принцип.

Осуществится ли это в разных местах в форме единоличного или коллективного хозяйства — это создаст и покажет сама жизнь. Если нам удастся устранить институт собственности на землю, это уже явится громаднейшей реформой. Будет уничтожена большая социальная несправедливость.

Т. Князев заявляет, что московская комиссия разрабатывала вопрос и о национализации земель городских.

В. А. Мякотин просит пока не отклоняться в эту строну и обсуждать только вопросы, затронутые докладами.

Далее *В[енедикт] А[лександрович]* останавливает внимание на словах т. Минина о русском социализме, указывая, что С. Я. Елпатьевский[476] в своих статьях тоже неоднократно говорил о задачах русского социализма. Мы, несомненно, выковываем своеобразный русский социализм. Основные идеи различно преломляются и осуществляются в разной среде. И мы можем наблюдать, как преломляется социализм в своеобразной среде хозяйственных отношений России. Та программа, которую мы вырабатываем, есть оригинальный подход к русской жизни с идеей социализма.

А. В. Пешехонов предлагает для продуктивности работы исходить в дальнейшем из готового проекта программы и в письменном виде вносить те или иные поправки и дополнения.

В. А. Мякотин находит нужным избрать комиссию для выработки редакции этих поправок и для окончательной разработки программы.

<...> *В. В. Волк-Карачевский*[477] отмечает, что проект программы, созданный в 1906 г., не мог ставить всех точек над i. И, тем не менее, все объединились вокруг него. В нем изложены те идеи, в направлении которых должны быть разрешены те или иные вопросы. Съезд должен разъяснить этот проект, дать к нему дополнения, но основа должна остаться та же.

Тезисы В. И. Анисимова, являясь совершенно верными по существу, страдают для программы некоторой неясностью. Для деревни необходимы ясность, точность и определенность, поэтому следует переработать их в редакционном отношении. Необходимо, чтобы Н. П. Огановский дал точную формулировку выставленным им положениям, и необходимо поскорее закончить работы комиссии по вопросу о вознаграждении.

Т. Капустин указывает, что даже самая идеальная программа встретилась бы с теми или иными затруднениями. В крестьянских массах идея

о национализации и вообще программа Н[ародно]-с[оциалистической] партии встречает самое горячее сочувствие. Нужен живой ум, чтобы применять программу к реальной действительности. Самое сильное орудие у нас это пункт, в котором национализация рассматривается как система мер. Где с[оциалисты]-р[еволюционеры] забрали силу — этим пунктом они были вытеснены. Неизбежен путь эволюционный. Одновременно не могут быть везде проведены одни и те же меры. Крестьяне должны перевоспитаться. Крестьяне хотят видеть сейчас же реальное, как пойдет их хозяйство, и В. И. Анисимов указывает этот реальный путь. Сейчас путь коллективного хозяйства еще не осуществим, необходимо, чтобы изменилось сознание, чтобы привыкли к коллективному мышлению, чтобы изменилось отношение к государству.

В докладе Н. П. Огановского не ясен ряд положений. Он говорит, что из части отрезанных земель создается земельный фонд, а другая часть идет в распоряжение общины, которая ее и разверстает. Если взять бы и общественные навыки крестьян, то ясно, что земля попадет в сильные руки и в деревне создадутся крупные хозяйства при наемном труде.

Система мер — это самый правильный путь. Мы не можем сразу обобществить все землевладение. Нужно нести в деревню общие положения. При объяснении программы, по крайней мере, в Вологодской губ. никаких препятствий и затруднений не встречалось. На полное уничтожение наемного труда крестьяне не соглашаются.

Н. П. Огановский указывает, что между ним и др. товарищами обнаружилось расхождение и не только тактическое, но и принципиальное, в вопросе о распределении земли. Н. П. [Огановский] подчеркивает, что он исходит из того принципа, что потребность земельной реформы зиждется на необходимости удовлетворения земельной нужды малоземельного и безземельного крестьянства. Задача земельной реформы в значительной степени заключается в перераспределении земель между самими крестьянами. Арендный фонд должен быть передан из ведения зажиточного крестьянства в распоряжение кр[естьян] безземельных и малоземельных. Если же, идя по пути наименьшего сопротивления, мы закрепим существующее географическое и социальное неравенство, то от перехода нетрудового фонда в пользование кр[естьянст]ва выиграет $^1/_3$ и самое большое $^1/_2$ безземельных и малоземельных крестьян. Остальные останутся без земли. И, в сущности, никакой тогда земельной реформы не будет, колоссальный фонд ра-

бочей силы останется неудовлетворенным. Сейчас в деревне намечается расхождение. Зажиточное крестьянство боится, что реформа его ударит. Оно становится в оппозицию. Основная масса кр[естьянст]ва против зажиточных крестьян. Нам надо решить, на чью сторону стать. По этому вопросу Н. П. [Огановский] расходится с А. В. Пешехоновым: он ставит и другую задачу — уравнительного распределения земли. Есть крайняя точка зрения — чернопередельческая; это утопия и даже с[оциалисты]-р[еволюционеры] стоят на позиции относительного уравнения. Фонд должен быть распределен более или менее равномерно, так как главное это было в безземелье. Если идти по пути, указанному А. В. Пешехоновым, то мы остановим процесс колонизации и дойдем до муниципализации, от которой отказался и творец ее Маслов.

В заключение Н. П. Огановский указывает, что земельная реформа не легкая задача и потребует для своего осуществления многих десятилетий, но без осуществления равномерного распределения не будет реформы. Расселение 5 милл. человек — это не утопия. Н. П. [Огановский] оглашает тезисы своего доклада. (Приведены выше).

В. А. Мякотин высказывается по общей постановке аграрной реформы. Мы приступаем к такой реформе, какой не видал еще мир. Мы будем делать такое переустройство, какого никогда никто не делал. Тем более осторожности должны бы проявить, взвешивая основания, на которых можно произвести эту реформу. Надо учиться у прошлого, помнить его уроки и не повторять его ошибок. Одна из распространенных ошибок — чрезмерное усложнение дела реформ. Н. П. Огановский напоминал, что сталкиваются здесь различные противоположные интересы даже внутри самого кр[естьянст]ва. В. А. [Мякотин] напоминает огромную роль, какую сыграло кр[естьянст]во в Великой фр[анцузской] революции. Она получила наибольший размах, когда запылали замки, но чем все закончилось? Франция вышла из революции страной мелкобуржуазного кр[естьянст]ва. Эта возможность стоит и перед нами. И потому, когда т. Огановский говорит, что все в перераспределении земли, то в этом огромная опасность, и сосредоточение внимания на этом вопросе — его коренная ошибка. Если мы не успеем своевременно решить вопрос о передаче земли в руки всего народа, то возможно, что будет установлена стихийно форма буржуазного хозяйства. Это надо помнить. Тов. Огановский неправильно называет свое разногласие крупным, основным и глубоким. Он отметил все разделяющее, но забыл указать на то, что объединяет. Нельзя утверждать,

что если не будет перераспределения земли между крестьянами, то не будет никакой реформы. Мы хотим снять дифференциальную ренту, без чего не имеет смысла и самая национализация, мы хотим ввести трудовую норму землепользования. Эта передача земли всему народу и трудовое хозяйство на ней — уже огромная земельная реформа. И Учр[едительное] собр[ание] укажет общий принцип, а проведение его в жизнь будет осуществляться органами местн[ого] самоуправления. Тов. Огановский говорит, что намечаемый им план реформы потребует для своего осуществления десятилетия. Сейчас надо говорить о том, что можно осуществить немедленно, а не о земельной политике русского государства. В социальной жизни нельзя все математически вычислить и провести. Есть опасность междоусобной войны, и национализация не осуществится, погибнет, не увидав света, а дело социализма в России отодвинется на долгое и долгое время. Более простой и приемлемой формой являются реформы, предлагаемые т.т. Пешехоновым и Анисимовым, учитывающими всю сложность местных особенностей. Не надо забывать, что реформа проводится в момент величайшего политического неустройства.

Т. Михайлов предлагает заменить слово «национализация» другим. Это, скорее, монополия. В программе нет указаний на необходимость быстрого развития производительности сил. Относительно трудового начала т. Михайлов находит нужным включить в программу элемент принудительности, чтобы не могли получать наделов те, которые только для вида желают заняться сельским хозяйством.

После перерыва выступает т. Раузе, говорящий, что должна быть установлена рента на лучшие земли, которая поступает в распоряжение государства и расходуется на нужды землеустройства и повышения производительности худших земель.

<...> Затем выступают т.т. Лурье, Чембулов и Суткевич. Последний предлагает передать разработку аграрной программы Центр[альному] ком[итету] партии.

Ф. З. Чембулов предлагает сосредоточить внимание на основных вопросах аграрной программы и способах ее проведения в жизнь, предоставив специалистам разработку вопроса о способах исчисления норм наделения. Необходимо установить только, как основной принцип, что все беззмельное и малоземельное крестьянство будет наделено землей до потребительной нормы. Принимая это положение, мы не должны ставить себе задачей уравнять при наделении все

районы, нужно наделять в пределах от потребительной до трудовой нормы. Если земельный фонд некоторых районов позволит донаделить кр[естьянст]во выше потребительной нормы, то мы должны этому только радоваться. В интересах использования трудовой энергии нации мы должны стремиться довести земельные участки кр[естьянст]ва до трудовой нормы, к чему мы должны стремиться в будущем путем увеличения земельного фонда при помощи мелиорации. Принцип национализации необходимо распространить теперь же и на надельные и трудовые частновладельческие земли. Оставляя их в пользовании тех же трудовых хозяйств, мы не встретим возражений и со стороны частновладельческих трудовых хозяйств.

<...> *Т. Чембулов* сообщает результаты работ аграрной комиссии[478].

После отклонения и принятия некоторых поправок резолюция по аграрному вопросу принимается большинством всех против одного. <...>

По аграрному вопросу
Резолюция I Всероссийского съезда НСП

а) Партия считает необходимым добиваться национализации земли, т. е. обращения всей земли в общенародную (государственную) собственность с тем, чтобы земли, предназначаемые для сельского хозяйства, предоставлялись в пользование только тем, кто их будет обрабатывать своим личным трудом.

Национализация земли осуществляется немедленно переходом к государству права распоряжения всеми землями, недрами и водами.

Право пользования надельными и частновладельческими землями, на которых ведется трудовое хозяйство, сохраняется за их владельцами в пределах трудовой нормы.

Земли казенные, удельные, кабинетские, церковные, монастырские и прочих категорий, а также частновладельческие сверх трудовой нормы обращаются в государственный земельный фонд.

Заведование земельным фондом, за исключением земель, имеющих общегосударственное значение, должно быть передано органам местного самоуправления.

Все граждане имеют право на пользование свободными землями, причем местному и земледельческому населению должно быть предоставлено право на наделение в первую очередь.

Нормы землепользования должны устанавливаться по экономическим районам в соответствии с местными общественно-хоз[яйственными] условиями, но ни в коем случае не должны превышать трудовой нормы.

Лесные угодья, хозяйства заводского типа и прочие культурные хозяйства, имеющие большое народнохоз[яйственное] значение, остаются в непосредственном распоряжении органов государства или местного самоуправления.

Излишек дохода, получаемый с земель лучшего качества или находящихся в более благоприятных для ведения хозяйства условиях, как составляющий незаработанное приращение дохода хозяина (дифференциальная рента), поступает в распоряжение государства.

Неиспользованные улучшения, в случае возвращения земли в фонд, должны быть вознаграждены.

б) Наряду с земельной реформой партия будет отстаивать необходимость самых широких мер, направленных к поддержанию и развитию трудовых хозяйств и поднятию их производительности путем правильного землеустройства, мелиорации, предоставления доступного кредита, развития путей сообщения и др.

Стремясь к развитию производительных сил в земледелии и признавая наиболее совершенной формой землепользования и сельского хозяйства коллективное земледельческое хозяйство, партия ставит себе целью содействовать развитию сельскохоз[яйственной] кооперации как школы, воспитывающей навыки, необходимые для ведения коллективного хозяйства.

МАТЕРИАЛЫ ДИСКУССИЙ И ПРОГРАММНЫЕ ДОКУМЕНТЫ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ (ОБЪЕДИНЕННОЙ)

Протокольная запись обсуждения земельного вопроса на Объединительном съезде РСДРП 23, 26 августа 1917 г.

Доклад Я. А. Пилецкого[479]

В 1883 г. группа «Освобождение труда» усвоила лозунг «Земля и воля». Затем в 1903 г. мы дошли до «отрезков» и только в 1906 г. включили в свою программу «муниципализацию земель». Теперь нам вновь надо вернуться к лозунгу «Земля и воля».

Мы подходили к земельному вопросу не только как к вопросу экономическому, но и как к вопросу политическому. Надо лишить помещиков, эту опору старого режима, земли. В этом отношении мы идем гораздо дальше соц[иалистов]-рев[олюционеров], которые хотят оставить им усадьбы. Мы им усадеб не оставим.

С крупным землевладением мы покончим раз и навсегда. И тут у нас опять крупные разногласия с социал-революционерами. Они хотят разделить крупные хозяйства на мелкие владения, но это значит ухудшить сельскохозяйственную культуру. Мы за уничтожение института крупных земельных хозяев, но не крупных хозяйств.

Такое же разногласие обнаруживается у нас с социалистами-революционерами по вопросу о мелком землевладении. Социал-революционеры полагают (тезисы Кондратьева[480]), что было бы ошибкой запретить наемный труд в трудовых хозяйствах. И далее, в случае невозможности передать землю в руки трудового народа, можно передать землю в особого вида финансовые организации.

Но у нас есть 140 000 мелких собственников, и попытка просто разделаться с ними обратила бы их против революции. Уже сейчас организуются союзы земельных собственников. И цифры эти весьма внушительны: в Новгород-Северском уезде в эти союзы входят 5 000 мелких земельных собственников, в Полтавском уезде 1 200, в Одесском — 100 и т. д. Эти союзы имеются уже в 20 губерниях. Принятие социализации земли толкнуло бы всех этих людей в объятия крупных землевладельцев, т. е. в ряды контрреволюции.

Уничтожение крупного землевладения будет означать уничтожение раз и навсегда всех остатков крепостничества. Кроме того, мы не должны забывать, что вместе с проведением земельной реформы миллиарды арендных денег, выплачиваемых теперь крестьянами помещикам, останутся в руках крестьян и пойдут на улучшение их хозяйств. Это поднимет сельскохозяйственную культуру на такую высоту, что можно ожидать, что в течение какого-нибудь десятка лет производительность сельского хозяйства может увеличиться, по крайней мере, в 2 раза, и в этом главный смысл реформы. Она послужит могучим рычагом в интенсификации сельского хозяйства, в развитии производительных сил деревни. А это, несомненно, вызовет и могучий рост производительных сил во всей стране.

Раздаются возражения: почему мы хотим уничтожить частную собственность на землю, когда сохраняем ее в других областях.

Возникает вопрос: будет ли сила у демократии, чтоб провести эту экспроприацию? И наши тт. Маслов и Рожков сомневаются в этом. Я же думаю, что будет, а в противном случае наша песенка в деревне будет спета.

Говорят о задолженности нашего частного землевладения. Можем ли мы покрыть и этот долг? Здесь я присоединяюсь к т. Маслову, что этот долг следует уплатить, но не из средств государства, а путем переложения его на другую часть буржуазии, путем введения поимущественного поземельного налога.

Есть еще один крупный вопрос. Кто будет распоряжаться земельным фондом? Я до сих пор не говорил ни о муниципализации, ни о национализации, ибо это с моей точки зрения дело второстепенное. Я думаю, что придется комбинировать все эти формы. Ибо, если мы признаем только муниципализацию, то сибиряки не пустят к себе переселенцев из Европейской России и т. п. И думаю, что распоряжение землей надо передать Учредительному собранию, которое должно установить государственную собственность на землю и не доверить никому постоянное распоряжение землей.

Мне неясно вообще, что имеет в виду Маслов под крупными органами самоуправления. Будет ли сюда относиться Украина, казачество? Для коренной России такие крупные органы местного самоуправления пока еще не намечаются.

Таким образом, у нас, по-видимому, будут различные типы органов для распоряжения землей, начиная от Учредительного собрания и кончая общиной.

Земля должна быть изъята из торгового оборота. Земли государственного фонда отдаются только во временное пользование. Точно также и земли частных собственников, в случае смерти собственника и отсутствия наследников, или при желании продать землю, могут перейти в общегосударственный земельный фонд по определенной оценке.

Переходим к вопросу о том, кому же будут даваться эти земли в пользование. В первую голову должны быть наделены землей безземельные и малоземельные крестьяне. Таким образом, мы действительно создадим демократию в деревне и освободим ее от реакционных слоев. Это облегчит нам и борьбу с городской буржуазией.

Последняя это отлично учла, и мы недаром наблюдаем в последнее время такое тесное единение крупной буржуазии с помещиками.

Доклад Н. А. Рожкова[481]

Социал-демократия в аграрном вопросе исходит из одного — из соображений интересов пролетариата. Ибо с этими интересами совпадают и правильно понятые интересы крестьянства. И если крестьянство еще этого не понимает, мы не побоимся разойтись тут с ним.

Социал-демократия имеет в виду установить такие земельные отношения, которые содействовали бы развитию производительных сил.

Это будет достигнуто уничтожением последних остатков крепостничества, во-первых, и, во-вторых, уничтожением ренты, вернее передачи этой ренты в руки коллектива. Рента есть доход даровой, незаслуженное получение за незаслуженный рост ценностей. В результате земля все растет в цене, а сельскохозяйственная культура почти стоит на месте.

Затем, для нас важна задача политическая. Революция имеет в виду экспроприировать тот класс собственников, который является опорой старого режима.

Что же касается мелких собственников, то тут из тактических и политических соображений мы не можем допустить мероприятий, которые восстановили бы их против революции.

Таковы те главные положения, которые легли в основу нашей старой партийной программы по аграрному вопросу[482]. Вы помните, товарищи, что на Стокгольмском съезде этой программе Ленин противопоставил национализацию земли.

Национализация была отвергнута не только потому, что она нарушает интересы мелких собственников, но главным образом потому, что национализация земли сильно увеличивает значение и силу правящих классов.

Спрашивается, нет ли сейчас таких новых данных, которые ослабили бы значение этих соображений?

Мне кажется, что с тех пор кое-что изменилось и у нас, и на Западе.

За 12 лет в России сильно развился сельскохозяйственный капитализм. За это время крестьяне приобрели покупкой до 40 миллионов десятин земли. Уменьшается значительно и чересполосица. Насколько уменьшилась внутринадельная чересполосица, явствует из того, что до 60 % земельной площади ушло из распоряжения общины. Крестьянские земельные участки все больше сосредоточиваются в одном месте. То же самое мы наблюдаем и с вненадельными землями: кабальная аренда, когда крестьянская земля вкраплена в помещичью, все умень-

шается в размере. В Литве и Белоруссии крестьянская аренда хотя и увеличилась в 2½ раза, но и сдача крестьянами в аренду увеличилась в два раза, причем арендуют землю более богатые крестьяне.

Интересны также данные о развитии мелкого кредита в черноземной полосе, которым пользуется до 60–70 % крестьянских хозяйств.

В Литве и Белоруссии в настоящее время употребляется в 8 раз больше искусственного удобрения, чем в 1905 г.

Количество мелких сельскохозяйственных машин в течение 5 лет увеличилось в три раза, а крупных машин в шесть раз.

Из этого мы заключаем о капиталистическом развитии деревни, и мы действительно наблюдаем там сильное развитие классовых противоречий. Увеличивается также число наемных сельскохозяйственных рабочих, с одной стороны, и уменьшается в некоторых местах до 50 % число трудовых хозяйств.

Что касается Запада, то я хотел бы указать, что за последние 12 лет там сильно увеличились предпосылки к обобществлению.

При помощи финансового капитала страшно концентрировалось сельскохозяйственное производство на Западе, и многое говорит нам об изменении общественных отношений в этой области.

В связи со всем сказанным, я думаю, что мы можем для России выдвинуть лозунг национализации земли.

Я не сомневаюсь ни мало, что как только соберется Учредительное собрание, нам придется стать лицом к лицу с вопросом унитарности[483] страны, федерации и т. д. Я оговариваюсь, что при решении земельного вопроса, исключаю, само собою, Финляндию.

Если мы признаем муниципализацию, то мы этим самым признаем автономию и т. д., между тем как национализация предполагает унитарную республику. А если так, то мы должны дать себе ясный отчет, что национализация земли не может быть лишь голым юридическим титулом. Мы обязаны наполнить этот титул экономическим и политическим содержанием.

Прежде всего, государство должно получить часть арендной платы (другая часть поступает в распоряжение земств, муниципалитетов и т. д.). Затем, верховное руководство, контроль и надзор за государственным земельным фондом должны принадлежать центральной государственной власти[484]. Органы местного самоуправления, само собой, имеют не только право, но и обязанность принимать деятельное участие в проведении в жизнь этой реформы. Кроме того, наиболее

целесообразным будет передача именно этим органам непосредственного распоряжения землей.

Я не согласен с т. Пилецким вот в чем. Он считает высшим органом распоряжения земельным фондом Учредительное собрание. Временно — конечно, так как Учредительное собрание является учреждением временным. В будущем же хозяином земельного фонда должно явиться то выборное учреждение, парламент, который будет уже учреждением, функционирующим постоянно.

Должен остановиться еще на вопросе о выкупе. Я, конечно, против кадетской «справедливой оценки», но нам не удастся просто отмахнуться от этого вопроса, главным образом, ввиду огромной задолженности частновладельческих земель. Игнорирование это долга привело бы страну к страшному финансовому кризису. Поэтому, говорить о полной безвозмездности отхода земли в руки государства не приходится.

Признание принципа национализации не исключает того, что в целом ряде случаев придется так или иначе вознаградить земельных владельцев, но как реализовать это вознаграждение? Из каких источников взять средства? В этом отношении я вполне присоединяюсь к т. Маслову.

В заключение хочу еще остановиться на вопросе о том, на каких основаниях будут существовать владения трудового крестьянства. Тов. Пилецкий предлагает, в случае ликвидации трудовых хозяйств, признать за государством право исключительного приобретения этих земель. Но это есть уже в известной степени нарушение права собственности владельцев на эти земли. Я полагаю, что здесь совершенно достаточно было бы ограничиться правом преимущественной покупки таких земель государством; при этом можно было бы запретить накопление нескольких участков в одних руках.

Кроме того, мы должны сохранить в неприкосновенности культурные образцовые хозяйства и передать их в распоряжение органов местного самоуправления.

Укажу еще на то, что мы не можем, конечно, выступать против сдачи земельных участков для капиталистической эксплуатации. Но при этом мы, само собой разумеется, должны будем позаботиться о надлежащей охране труда сельскохозяйственных рабочих.

Доклад П. П. Маслова

С удовольствием констатирую, что аграрный вопрос не дал повода для фракционных разногласий. Мы все согласны, что при решении

этого вопроса, как и других, в данный момент мы должны исходить из интересов собирания сил революции.

И тут мы должны отметить, что программы других политических партий не способствуют собиранию сил революции. Не говорю уже о программе кадетов[485], это программа имущих классов. Но и программа социал-революционеров с ее уравнительным землепользованием и уничтожением наемного труда, создает класс мелких собственников, которые будут смотреть на землю, как на свою собственность. Это оттолкнет от революции население западных губерний, Сибири, казачьих областей. Таким образом, самая демократическая, казалось бы, программа раскалывает демократию и толкает огромную массу демократии в руки реакции.

Тов. Пилецкий предлагает передать распоряжение землей в руки различных организаций, начиная с крупных до общины. Тов. Рожков предлагает предоставить право распоряжения землей центральной власти.

Россия огромная страна, в ней сильны сепаратистские стремления отдельных областей. При решении этого вопроса мы не должны игнорировать тех условий, которые могут ослабить этот сепаратизм. С этой точки зрения предложение Рожкова нецелесообразно потому, что центральная власть будет стремиться распространить на всю страну одинаковые условия, которые на местах условиями могут оказаться неприемлемыми. Центральная власть, наконец, при определенном составе, может пожелать распространить на всю страну уравнительное землепользование. Но, кроме того, некоторые области, как, например, казачьи, привыкли сами распоряжаться своей землей, и попытка навязать им распоряжения из центра усилила бы нежелательные тенденции среди казачества. И мы должны проявить политическую мудрость и не распылять силы революции.

С политической стороны, поэтому, не надо увлекаться ни национализацией, ни социализацией. Для демократии важно, чтобы при проведении земельной реформы не пали производительные силы страны, чтобы рациональные хозяйства не были разрушены, а это возможно лишь в том случае, если мелкой единице не будет предоставлено право разрешения земельного вопроса в известных случаях.

Со стороны экономической нужно учесть условия, при которых проводится реформа. Революция произвела колоссальный экономический переворот. Вся тяжесть падения курса отозвалась главным образом на держателях бумаг с фиксированным доходом[486].

Если эти бумаги раньше составляли 20 миллиардов рублей, то теперь их ценность равна не больше 5. А держателями этих бумаг является, главным образом, средняя и мелкая буржуазия.

И наоборот, поскольку падала цена бумажных денег, постольку выигрывали владельцы недвижимой собственности, землевладельцы и домовладельцы. С точки зрения революции было бы целесообразно, чтобы те, которые имели ипотечные бумаги и потеряли $^4/_5$ своих средств, были вознаграждены за свои потери, желательно поэтому, чтобы выкуп пал на имущие классы. Кроме того, ипотечным кредитором является государство. Объявить частичное банкротство мы не можем во избежание подрыва нашего хозяйства.

Какие последствия может иметь земельная реформа? Не надо навязывать всей России единообразное решение вопроса, ибо условия хозяйства слишком разнообразны.

Например, на Кавказе и в других местах придется сохранить многие крупные хозяйства. Но кто будет решать этот вопрос?

То же самое относится к вопросу о формах землепользования, аренды и так далее.

Исключение надо сделать прежде всего для земель, имеющих общегосударственное значение в качестве фонда для колонизации (Закавказье, Мургаб[ская] степь и др., а также леса). Необходимо также разграничить сферы влияния государственной власти и местного самоуправления. Государство создает общие нормы, но право распределения и пользования предоставляется органам местного самоуправления.

Маслов считает неправильным при оценке того или иного решения вопроса брать за исходный пункт близость социальной революции на Западе. Надо брать то, что есть в России.

Маслов высказывается против национализации. Россия самая отсталая страна в Европе. У нас 90 % [населения] не слыхали о социализме. Исходить надо из целесообразности революционных мер и из интересов развития производительных сил. У нас на очереди не социализм, а капитализм.

Когда революция кончится, у власти станут не социалисты, а может быть даже и не демократы. Поэтому сохранят свою силу аргументы, приведенные против национализации на Стокгольмском съезде. Достаточно, если право на землю останется за государством.

Прения по докладам переносятся в аграрную секцию[487].

<...> После принятия резолюции по докладам министров *П. П. Маслов* продолжает излагать резолюцию по аграрному вопросу[488].

Прения в секции были вызваны пунктами 3 и 4, причем большинством голосов в секции принята была поправка Пилецкого, гласящая, что земли должны отчуждаться *без выкупа.*

П. П. Маслов возражает против этой поправки и предлагает съезду обсудить вопрос.

Решено дать слово двум ораторам за формулировку Маслова и двум против нее. За формулировку Маслова высказываются *Садовский*[489] и *Батурский*, за формулировку Пилецкого — *Джугели*[490] и *Ахматов*[491].

Съезд переходит к голосованию п. 3.

Большинством 59 против 35 съезд высказывается за следующую формулировку 3 пункта: «Отчуждение частновладельческих земель должно произойти без выкупа».

К пункту 4 Ахматов предлагает следующую поправку: после слов «за отчуждаемые земли» вставить: «по установлению правомерности этих обязательств».

Докладчик высказывается против поправки.

Поправка Ахматова отвергается 32 против 23.

К п. 5 вносит поправку Джугели: «конфискованные земли, имеющие общегосударственное значение (недра земли, некоторые леса, земли для переселенческого фонда и пр.) остаются в распоряжении государства».

Докладчик высказывается против поправки.

Поправка Джугели отклоняется.

К п. 4 предлагает поправку *Пинхасик*[492]. «Конфискация крупных и средних частновладельческих земель без уплаты домовых обязательств, кроме уплаты за мелиорацию».

Поправка отвергнута.

Пилецкий предлагает вставить после п. 6 следующее: «Социал-демократия будет всеми силами бороться при проведении земельной реформы за интересы с[ельско]-х[озяйственного] пролетариата, безземельного и малоземельного крестьянства».

Поправка отклоняется.

Докладчик предлагает включить вместо пункта 8[493] последний пункт аграрной программы, принятой на Стокгольмском съезде:

«При этом партия во всех случаях и при всяком положении демократических аграрных преобразований ставит своей задачей неуклон-

но стремиться к самостоятельной классовой организации сельского пролетариата, разъяснять ему непримиримую противоположность его интересов крестьянской буржуазии, предостерегать его от обольщения системой мелкого хозяйства, которая никогда при существовании товарного производства не в состоянии уничтожить нищеты масс, и, наконец, указывать на необходимость полного социалистического переворота, как единственного средства уничтожить всякую нищету и всякую эксплуатацию».

Предложение принимается.

Вся резолюция ставится на голосование и принимается большинством всех против 4 голосов.

По земельному вопросу
Резолюция Объединительного съезда РСДРП

Для уничтожения кабальных отношений в деревне, для уничтожения сословного строя, основывающегося на крупном и среднем землевладении, для повышения экономического уровня крестьян и рабочих, приходящих из деревни, и в интересах дальнейшего развития революции Учредительным собранием должна быть произведена радикальная земельная реформа[494]. При проведении земельной реформы РСДРП, как всегда, исходит из интересов развития народного хозяйства, совпадающих с интересами пролетариата. Поэтому, аграрная реформа:

1. Должна повести к переходу рентного дохода землевладельцев в распоряжение государства и органов местного самоуправления путем отчуждения церковных, монастырских и частновладельческих земель, превышающих определенную норму.

2. Вся общинная и мелкая земельная частная собственность, ниже уровня, определяемого в каждом районе, сообразно экономическим условиям этих районов, не отчуждается. Но для уничтожения возможности перехода ее в руки скупщиков и ростовщиков право покупки этой земельной собственности принадлежит только крупным и мелким органам самоуправления и государству.

3. Отчуждение частновладельческих земель должно произойти без выкупа.

4. Долговые обязательства за конфискованные земли переводятся на государство. Покрытие всех долговых обязательств за отчуждаемые земли должно быть произведено путем специально-

го прогрессивно-поимущественного обложения с возможно более крупным минимумом.

5. Отчуждаемые земли должны числиться общегосударственною собственностью, причем земли, имеющие общегосударственное значение (недра земли, леса, земли, служащие для переселенческого фонда, и т. д.), остаются в распоряжении государства.

6. Земли, которые должны быть использованы живущим на местах населением, находятся в распоряжении крупных областных органов местного самоуправления. Районные области[495] должны определяться однообразием естественных, экономических и культурных[496] условий.

7. Формы и способы пользования землей в различных районах, за исключением земель, указанных в пункте 5-м, также как и организация муниципальных, кооперативных и частных, крупных показательных, семенных и проч[их] хозяйств, предоставляются решению крупных областных демократических органов самоуправления.

8. При этом с[оциал]-д[емократическая] партия во всех случаях и при всяком положении демократических аграрных преобразований ставит своей задачей неуклонно стремиться к самостоятельной классовой организации сельского пролетариата, разъяснять ему непримиримую противоположность его интересов интересам крестьянской буржуазии, предостерегать его от обольщения системой мелкого хозяйства, которая никогда при существовании товарного производства не в состоянии уничтожить нищеты масс и, наконец, указывать на необходимость полного социалистического переворота как единственного средства уничтожить всякую нищету и всякую эксплуатацию.

МАТЕРИАЛЫ ДИСКУССИЙ В ЛИГЕ АГРАРНЫХ РЕФОРМ

Протокольная запись постановки и обсуждения аграрного вопроса в докладах участников II съезда Лиги аграрных реформ 23–26 июня 1917 г.

<...> ***Доклад Н. А. Рожкова***

Правильная постановка аграрного вопроса требует пристального внимания к тем экономическим задачам, которые выдвигаются на первый план в данный момент истории народного хозяйства.

Аграрный вопрос — часть великого социального вопроса. В полном объеме, в окончательной форме он будет поставлен только тогда, ког-

да на практике на первую очередь поставлен будет вопрос о переходе от капитализма к социализму.

Но и вне этой окончательной постановки аграрный вопрос, всегда болезненный и мучительный для широких масс деревенского населения, особенно обостряется тогда, когда происходит важный хозяйственный перелом в капитализме: когда капитализм — элементарный, грубохищнический, полукрепостнический — перерождается в культурный капитализм. Это бывает во время так называемой буржуазно-демократической революции, политически именно и знаменующей собою указанный хозяйственный перелом в капитализме.

Сущность аграрной проблемы в этом втором, неокончательном, ее смысле заключается в том, чтобы все сельское хозяйство — крупное, среднее и мелкое — приспособить к условиям, силам и порядкам культурного капитализма.

Разрешена ли аграрная проблема у нас в России в этом втором, неокончательном смысле?

Я полагаю, что *практически* она уже разрешена. Подчеркиваю слово «практически», потому что практическое решение задачи вовсе не предполагает полного уничтожения или исчезновения хищнических, кабальных форм хозяйства — отработки[497], испольщины[498], осеннего найма на работы путем выдачи ссуд[499] и т. п. Такие кабальные отношения сохраняются в своих остатках и в передовых капиталистических странах — Германии, Франции и т. п. Необходимо только, чтобы эти остатки были доведены до известного минимума.

Минимум, по-видимому, достигнут, как в том убеждают наблюдения над аграрной революцией России за 1905–1906 гг.

Уже к 1914 году крестьянство путем покупок и переселения увеличило свои земельные владения на 45 милл. десятин, причем 80 % приобретателей этой земли принадлежали к крестьянам малоземельным. С 1914 г. теми же способами приобретено крестьянами еще до полутора милл. дес[ятин]. Чересполосица — внутринадельная и внешняя (крестьянских земель с некрестьянскими) — сильно сократилась. Об уменьшении внутринадельной чересполосицы свидетельствует тот факт, что 61 % русского крестьянства уже порвал с общиной, как доказал А. Е. Лосицкий[500], и в то же время, напр[имер], в Белоруссии и Литве, в четырех и более участках оказываются разбросанными всего 2 % крестьянских землеустроенных владений, тогда как раньше их было 92 %, и в черноземно-земледельческой полосе результаты землеустройства приблизительно

таковы же. Уже к 1-му января 1913 года закончено было уничтожение чересполосицы между 2 400 частными землевладельцами и крестьянами, — вот яркое свидетельство о сокращении внешней чересполосицы.

Всем известно, какую определенную роль в сохранении кабальной аренды играли малоземелье и чересполосицы. Понятно, что их сокращение уменьшило и кабальную аренду, довело ее до терпимого, допустимого при капиталистическом хозяйстве, минимума. Правда, в Литве и Белоруссии аренда земли крестьянами увеличилась в 2 раза, но, во-первых, увеличилась вдвое и сдача земли крестьянами в аренду; во-вторых, арендуют землю — уже более чем наполовину, не малоземельные, а богатые и средне-состоятельные крестьяне, так что аренда имела уже не кабальный, а капиталистический характер. В черноземно-земледельческих губерниях аренда земли крестьянами сократилась местами вдвое, местами в 5 и даже 10 раз. Очевидно, уменьшение кабальной аренды доводило ее до допустимого при капиталистическом хозяйстве предела.

Это косвенно подтверждается и наблюдением над ростом капитализации или, что то же, интенсификацией крестьянского и крупного, и среднего землевладельческого хозяйства. Уже в 1910 году потребление с[ельско]хозяйственных машин в России выросло — крупных вшестеро, мелких втрое, теперь их потребляется на 128 милл. рублей в год. В крестьянском хозяйстве Литвы и Белоруссии искусственное удобрение применяется уже в двух третях всех хозяйств, и применение его с 1905 года увеличилось в 8 раз; половина крестьянских хозяйств от традиционного трехполья перешла там к травопольному хозяйству и плодосмену. В черноземной России две трети крестьянских хозяйств применяют теперь плуги, тогда как раньше их было относительно вдвое менее. От половины до трех четвертей всех крестьянских хозяйств черноземной полосы участвуют в кредитной кооперации.

Я вовсе не думаю утверждать, что сейчас малоземелья в деревне меньше, чем прежде. Напротив, классовое расчленение крестьянства сделало огромные успехи, увеличенные к тому же еще войною. Но это уже явление не крепостнического, а капиталистического порядка.

По всем изложенным соображениям приходится признать, что постановка аграрного вопроса сейчас должна быть совершенно иная, чем в 1905–1906 годах. Вопрос сейчас становится в России в окончательном виде, в полном объеме, как нераздельная часть всего великого социального вопроса, как проблема замены капиталистического хозяйства социалистическим.

Эта проблема не может быть разрешена в одной России, — она решается не иначе, как в международном масштабе. Инициатива ее разрешения для России, как страны отсталой, совершенно невозможна: это дело передовых стран, к которым отсталые могут и будут вынуждены примкнуть.

И потому ясно, что прочность наших решений по аграрному вопросу обеспечивается только судьбами социалистической революции на Западе, ее успехом; не будет успеха, — не удастся и попытка уничтожить крупное и среднее частное землевладение: оно все равно в капиталистическом обществе возродится, хотя и в других, чем раньше, руках.

А затем: идея о «земле — ничьей» — о социализации земли может только способствовать именно такому капиталистическому решению задачи; социалистическое ее решение предполагает необходимость национализации. Поэтому правильной постановкой аграрного вопроса в данный момент в смысле подготовки к социалистическим возможностям в будущем следует признать лишь отстаивание национализации крупных и средних владений, а также земель монастырских, церковных, удельных и кабинетских.

Доклад В. И. Анисимова

Земельный вопрос есть вопрос двухсторонний или, правильнее сказать, он совмещает в себе два более или менее самостоятельных, независимых по своему существу, по своему содержанию, хотя и тесно связанных друг с другом, вопроса. С одной стороны, вопрос о земле есть вопрос устройства социальных взаимоотношений, это есть вопрос социальной справедливости, так как тот или иной строй земельных отношений является одним из важнейших факторов, определяющих собою взаимоотношения общественных классов и в особенности распределение общественного дохода. С другой стороны, земельный вопрос есть вопрос производства, так как тот или иной земельный строй является весьма существенным фактором, который определяет собою условия развития производительных сил в земледелии. Разрешать земельный вопрос с какой-нибудь одной из этих двух точек зрения не представляется никакой возможности. К нему приходится подходить с двух разных сторон.

Само собой разумеется, что если бы, подходя к нему с этих двух разных точек зрения, мы приходили к различным выводам, т. е. если бы, отправляясь от одной точки зрения, мы находили наиболее совер-

шенным один земельный строй, а отправляясь от другой, признавали лучшим другой способ земельного устройства, мы были бы поставлены в очень трудное положение. Но этого нет на самом деле. Отправляясь от обеих точек зрения, мы приходим к одному и тому же выводу. Таким образом, мы имеем возможность сравнительно легко разрешить этот чрезвычайной важности вопрос.

Я, прежде всего, установлю свою точку зрения на этот вопрос, как на вопрос производства. Мне кажется, что наиболее совершенной формой сельскохозяйственного производства, которая открывает наиболее широкий простор для развития производительных сил земледельческого населения, которая позволяет достигнуть наиболее высокой ступени производительности общественного труда, является трудовое коллективное земледельческое производство. Мелкое индивидуальное трудовое хозяйство, конечно, имеет известные преимущества сравнительно с крупным капиталистическим земледелием в отношении организации труда: ему легче достигнуть более высоких степеней напряжения этого труда, легче достигнуть более высокой производительности этого труда, потому что здесь на его стороне имеется фактор громадного хозяйственного значения — личный интерес самого трудящегося, его личная заинтересованность в результатах его трудовых усилий. Это фактор громадного экономического значения и он всецело на стороне трудового хозяйства. Но, с другой стороны, это индивидуальное трудовое хозяйство имеет, несомненно, и свои слабые стороны и в некоторых отношениях оно уступает крупному капиталистическому производству. В отношении организации землепользования, в отношении рационального экономического использования земли и капитала, конечно, мелкое хозяйство в очень и очень многих случаях стоит ниже крупного производства.

Отсюда понятно, что трудовое коллективное производство дает нам возможность сочетать преимущества и трудового мелкого хозяйства, и производства в крупных размерах. Эта точка зрения в нашей экономической литературе имеет достаточно авторитетных защитников, взгляды которых пользуются, конечно, среди членов настоящего собрания широкой известностью, так что вряд ли мне есть надобность подробно развивать их доводы. Наиболее отчетливое и яркое выражение эта точка зрения нашла себя в трудах *Карышева*[501] и *Суханова*[502]. Вот эту точку зрения на формы сельскохозяйственного производства

я разделяю и полагаю, что наиболее совершенной формой является именно крупное коллективное производство.

Какой же строй земельных отношений отвечает этой именно форме хозяйства? Вряд ли нужно распространяться для доказательства той мысли, что частная земельная собственность этому идеалу не отвечает. Для того, чтобы могла существовать и развиваться эта именно форма земледельческого хозяйства — крупное коллективное производство, для этого необходимо, совершенно очевидно, следующее условие: земля не должна связывать земледельца, и земледелец не должен связывать землю. Эти коллективные хозяйства, мыслимые только в форме свободных союзов, не должны быть привязаны к земле, они должны иметь возможность возникать свободно, образовываться, когда для этого есть наличность подходящих условий, когда есть известный круг лиц, согласных вступить между собою в товарищеский договор для совместного ведения хозяйства.

Образование таких союзов (товариществ, артелей) было бы чрезвычайно затруднено, если бы каждый из участников был связан правом собственности с определенным участком земли. С другой стороны, необходимо, чтобы возникающим товариществам был обеспечен возможно более легкий доступ к земле. Эти условия возможно осуществить, конечно, только тогда, когда земля принадлежит не отдельным лицам, а всему государству, всему обществу в его целом, и когда пользование землей регулируется органами государственной и общественной власти. Таким образом, тому хозяйственному идеалу, той идеальной хозяйственной форме земледельческого производства, на которую я указал, отвечает тот земельный строй, который вам известен под названием национализация земли.

Теперь, если мы к тому же самому земельному вопросу будем подходить с другой точки зрения, с точки зрения социальной справедливости, то, конечно, должны будем вспомнить прежде всего, что основанием нетрудового дохода в современном нам обществе является институт частной собственности. Институт частной земельной собственности в этом отношении не составляет исключения. Даже в тех случаях, когда мы имеем дело с преимущественным развитием трудового хозяйства, элементы внетрудового дохода не исключены, если только земля составляет предмет частной собственности и свободного торгового оборота. Впрочем, на этой стороне дела подробнее я останавливаться не буду. Я хотел здесь только отметить, что и с этой точки зрения на-

ционализация земли, обращение земли в собственность государства разрешает тот вопрос, который мы себе ставим.

Таким образом, для меня земельный вопрос разрешается в этом именно смысле. Земля должна быть национализирована, она должна быть передана из собственности и распоряжения отдельных лиц в распоряжение государственной и общественной власти, и идеалом представляется такое положение, когда эта земля предоставляется на условиях, устанавливаемых государственной властью, во временное пользование свободным товариществам земледельцев.

Но таков идеал. Им мы можем руководствоваться, когда ставим перед собой конкретную проблему решения земельного вопроса в условиях современной русской действительности. Он указывает нам то направление, в котором следует искать решение этого вопроса. Но мы не можем пройти мимо некоторых сомнений. Мы должны поставить себе вопрос: можем ли мы этот наш идеал осуществить в полной его мере или мы должны удовольствоваться только некоторым к нему приближением; как далеко мы можем уйти в этом направлении, насколько мы можем к нему приблизиться. Вот вопрос, который стоит перед нами.

Для того, чтобы его разрешить, нужно учесть очень сложную совокупность обстоятельств. Я наперед должен сказать, что в полной мере осуществить нарисованный мною земельный строй, представляющийся мне идеальным, в наше время я не вижу возможности. В этом отношении мы должны предвидеть целый ряд неизбежных для нас ограничений. Постараюсь именно эти ограничения наметить, но для этого мы должны расчленить земельную проблему в ее конкретной постановке и выделить из нее несколько вопросов. Прежде всего мы должны поставить вопрос о том, в каких пределах земля может быть национализирована, какие именно категории земель могут быть в настоящий момент обращены в собственность государства. Затем мы должны поставить себе вопрос о форме землепользования: на каких условиях, в какой форме эта земля может быть предоставляема государством в пользование земледельческого населения. И, наконец, третий вопрос — каковы должны быть те основные нормы, которыми должно регулироваться землепользование населения.

Основная идея, которой я руковожусь, подходя к решению этих вопросов, та самая, из которой исходил Н. Я. Быховский[503]. Мы можем задаваться тем или иным объемом реформы постольку, поскольку она

находит в себе точку опоры и оправдание в правосознании народа. Дальше мы идти не можем. Но если Н. Я. Быховский полагает, что народное правосознание считает справедливым обобществление всей земли, то у меня этой уверенности нет, и это обязывает меня свои предположения поставить в гораздо более узкие рамки.

Итак, какие же земли мы могли бы национализировать, и, с другой стороны, каких земель мы национализировать не можем? Некоторых категорий землевладения я касаться не буду; мне представляется, что не требует никакого рассмотрения вопрос о том, как быть с удельными и кабинетскими землями. Падение самодержавия разрешает этот вопрос. Я не буду также касаться второстепенных категорий землевладения, потому что большого практического значения этот вопрос не имеет.

Я остановлюсь только на главных категориях земель. Что касается крупного частного землевладения, то, мне кажется, этот вопрос может быть решен в положительном смысле. Крупное частное землевладение путем принудительного отчуждения может быть обращено в национальный земельный фонд. Мне кажется, что такое решение вопроса может быть оправдано весьма вескими соображениями. Прежде всего мы должны принять во внимание тот всем хорошо известный факт, что в значительной своей части крупное землевладение у нас использовалось как источник дохода, не путем ведения хозяйства на нем, а путем сдачи в аренду. Благодаря чрезвычайно печальному состоянию, в котором находится наша земельная статистика, точного учета земель, сдаваемых крупным землевладением в аренду, мы не имеем, но косвенный подсчет показывает, что из всей сельскохозяйственной площади, вероятно, не менее половины частные владельцы сдавали в аренду. С другой стороны, можно, как правило, утверждать, что крупное частное землевладение не служило точкой опоры для развития высших форм сельскохозяйственной культуры. Мы знаем отдельные культурные хозяйства, которые могут быть ценимы нами очень высоко с общественно-хозяйственной точки зрения, но в массе своей крупные наши хозяйства, как А. Н. Челинцев об этом упоминал[504], отличаются своей малой культурностью. Следовательно, этого довода, довода экономического, на своей стороне крупное землевладение не имеет.

Чтобы устранить те чрезвычайно уродливые явления, которыми характеризуются у нас отношения землепользования, те уродливые формы арендных отношений, которые у нас создались, мы должны ликвидировать крупное землевладение и передать его в государственный фонд.

Теперь, идя тем же путем исключения, я спрашиваю, какие же земли бесспорно не следует пытаться в настоящий момент национализировать? Я разделяю ту точку зрения, что исключительная распространенность в России общинного землепользования влечет за собою и установление среди русского крестьянства взгляда на землю не как на предмет частной собственности, а как на общее достояние. Но земельные общины далеко не везде одинаково широко распространены; далеко не везде общинный взгляд на землю, взгляд, характерный для живой общины, развивающейся и совершенствующей свой уравнительно-передельный аппарат, разделяется всем населением. Взгляд на землю, как на частную собственность, укрепился и пустил глубокие корни среди крестьян, и этому взгляду весьма содействовал процесс раздробления крупной земельной собственности и переход ее в руки мелких земельных собственников. И вот я полагаю, что посягать на эту мелкую собственность, будет ли это земля индивидуального владения, или это будет коллективное владение, не следует. Не потому, чтобы для меня институт частной собственности представлялся неприкосновенным, а потому, что такая постановка этого вопроса мне представляется серьезной тактической ошибкой, которая подвергла бы весьма серьезной опасности судьбу предстоящей реформы. Конечно, мы все, по всей вероятности, сходимся в том утверждении, что земельный вопрос — это коренной вопрос нашей русской общественной жизни; от его удачного, правильного, успешного разрешения зависит весь дальнейший ход нашей общественной жизни, и поэтому мы должны особенно дорожить возможностью осуществить земельную реформу, покончить с теми пережитками крепостной эпохи, которые так широко распространены еще в нашем земледельческом быту. Мы должны воспользоваться возможностью сделать значительный шаг в направлении к национализации земли, но если мы не можем дойти в этом направлении до конца, то лучше вовремя остановиться, чем подвергать опасности судьбу этой общественной реформы, крайне важной. Поэтому я полагаю, что национализации могут подлежать только некоторые категории земель, в то время как совершенно очевидно, что на другие категории распространять принцип национализации опасно.

Вопрос возникает теперь относительно тех сверхтрудовых излишков, которые находятся в пользовании мелких земельных собственников или общинников. Вопрос о том, должны ли эти излишки остаться

в пользовании их держателей или подлежать отчуждению и национализации, может представляться весьма спорным.

Конечно, вокруг этого вопроса нам предстоит выдержать, вероятно, довольно напряженную и острую борьбу. Но я не исключаю возможности разрешения этого вопроса в положительном смысле. Я думаю, что крестьянство в целом (в лице своих представителей) способно встать в этом вопросе на ту точку зрения, что в пользовании теперешних собственников земли — или отдельных семей, или целой общины, — остается то количество земли, которое полагалось бы им по расчету, исходя из трудовой нормы, то есть исходя из такого количества земли, которое необходимо для полного использования трудовых сил крестьянской семьи, при существующей в данной местности системе хозяйства.

Если, таким образом, не нарушая коренным образом интересов хозяйствующей семьи, сохраняя ей возможность полностью использовать свои трудовые силы, мы подвергаем принудительному отчуждению некоторую часть земли лишь сверх этой нормы, то я думаю, что это может вызвать возражения, но непреодолимого сопротивления со стороны населения встретить не должно. Таким образом, мы можем подвинуть процесс национализации несколько дальше, до пределов трудовой нормы.

Теперь я остановлюсь на втором вопросе: вопрос о том, каковы должны быть формы пользования той землей, которая войдет в состав национального земельного фонда. С той точки зрения, которую я вам излагал, самым правильным было бы не распределение этой земли между отдельными домохозяевами или отдельными общинами, не «дополнительное наделение» многомиллионной крестьянской массы, а предоставление этой земли во временное пользование или отдельным хозяевам, или же, что заслуживало бы предпочтения, земледельческим товариществам. Но, конечно, земледельческие товарищества искусственным путем насаждать невозможно. К образованию земледельческих товариществ должен привести естественный процесс развития форм сельскохозяйственного производства. В наше время мы являемся свидетелями все более и более широкого распространения различных форм сельскохозяйственной кооперации. Правда, современная кооперация уживается с индивидуальным хозяйством, и пока подвергаются объединению на кооперативных началах только внешние функции хозяйства: отношения в области сбыта или приоб-

ретения, переработки продуктов полевого хозяйства, скотоводства и т. д.; но параллельно с возникновением и развитием новых более сложных форм сельскохозяйственного производства мы наблюдаем процесс все более и более глубокого и более сильного вмешательства этих товариществ в жизнь индивидуальных хозяйств. Несомненно, что этот процесс ведет нас к развитию более сложных форм кооперации, но это дело будущего. Мы можем поощрять разумными мерами возникновение этих земледельческих товариществ, но насильственно проводить их не следует. Поэтому для меня совершенно исключается мысль, чтобы земля предоставлялась только в пользование этих товариществ, но некоторые преимущества в пользу их могут быть предоставлены с целью поощрить их образование.

Я сказал уже, что раздача земли, принудительно отчужденной, в собственность отдельных хозяев или даже в собственность коллективных единиц, мне представляется нежелательной, т. к. это было бы закреплением существующего строя землевладения; при этом условии земледелец будет связан с определенным участком земли, а земля, в свою очередь, будет связана с земледельцем. Но еще и по другим мотивам это должно быть признано нежелательным. Ведь принудительное отчуждение земли нарушает чье-нибудь право на эту землю. В пользу кого же может быть нарушено это право? Я полагаю, что оно может быть нарушено только в пользу государства. Если мы эту землю распределяем между отдельными хозяевами или отдельными обществами публично-правового характера, то одно частное право оказывается нарушенным в пользу другого частного права. С этой этической точки зрения такая постановка использования земельного фонда представляется нежелательной. Он должен быть сохранен за государством и должен предоставляться только во временное пользование отдельных хозяйств или отдельных обществ. Таков ответ, который, мне кажется, было бы правильно дать по вопросу о формах землепользования.

Теперь третий чрезвычайно важный вопрос о тех нормах, которыми должно быть регулировано землепользование. Я имею в виду, именно, размеры землепользования, в которых земли, вошедшие в состав национального земельного фонда, могут быть предоставляемы во временное пользование земледельческому населению.

По этому вопросу у нас существуют разные точки зрения. Борются между собой защитники двух норм: нормы потребительной и нормы трудовой. Мы, конечно, должны сейчас условиться, что мы подразумева-

ем под трудовой и под потребительной нормами. Под трудовой нормой я подразумеваю то количество земли, на котором трудовая сила земледельческого населения может быть полностью использована, конечно, в условиях, существующих в данной местности, при наличности определенной, оправдываемой всей экономической обстановкой, системы хозяйства. Под потребительной же нормой я подразумеваю то количество земли, которое необходимо, чтобы население, обрабатывающее землю, могло добыть себе то количество средств к существованию, которое по его привычкам, по тому быту, в котором оно живет, было бы достаточно. Само собой разумеется, что эти нормы, потребительная и трудовая, могут находиться в довольно различных взаимоотношениях. Не исключена возможность, что и трудовая, и потребительная нормы совпадают; там, где земледельческое население живет исключительно земледельческим трудом, мы довольно часто можем наблюдать совпадение трудовой и потребительной норм. Может быть так, что трудовая норма значительно ниже потребительной. Это может быть в тех случаях, когда довольно значительная часть населения отвлекается в сторону таких промысловых занятий, которые дают больше дохода, чем могло бы население при помощи той же суммы труда извлечь из обработки земли. По-видимому, чаще всего бывает так, что потребительная норма меньше трудовой, т. к. в условиях нашей общественно-хозяйственной действительности очень часто бывает, что совокупность условий землепользования и промысловой деятельности не дает возможности полностью использовать труд крестьянской семьи или препятствует развитию его производительности и таким образом искусственно удерживает благосостояние населения на низком уровне.

Из этих соображений вытекает совершенно определенный ответ на вопрос о нормах землепользования — ни за ту, ни за другую, как за универсальную норму, мы не можем высказаться. Должна быть установлена та норма, которая отвечает всей совокупности местных общественно-хозяйственных условий, принимая, конечно, во внимание как необходимость, так и возможность внесения в эти условия возможно более существенных улучшений.

Это будет с общественно-хозяйственной точки зрения разумно, а с точки зрения политической необходимо, потому что нельзя же осложнять проведение аграрной реформы еще такой коренной ломкой сложившихся экономических отношений, которая заставит население перестраивать всю его хозяйственную деятельность и будет

в силу этого ощущаться населением не как нечто положительное, а как нечто нарушающее привычный уклад жизни и создающее новые затруднения.

Исходя из этой точки зрения, я полагаю, что те нормы землепользования, по которым земли национализированные должны быть предоставляемы во временное пользование земледельческому населению, должны иметь местный характер не только в том смысле, что в различных местностях как потребительная, так и трудовая нормы различны, но также в том смысле, что для одних местностей нормы эти должны быть ближе к потребительной, а для других, наоборот, к трудовой. Вот в очень грубых чертах те основные положения, которые, как мне кажется, должны лечь в основу предстоящей нам земельной реформы с точки зрения, из которой я исхожу и которую я в начале своей речи старался принципиально обосновать. Я должен был ограничиться этим грубо схематичным наброском, потому что полная и подробная разработка каждого из затронутых мною вопросов потребовала бы очень много времени и внимания. Кроме того, как я полагал, мы должны условиться сейчас относительно основных принципов земельной реформы, а затем уже перейти к разработке деталей и частности.

Исходя из этих соображений, я позволю себе ограничиться этим грубым схематическим наброском основных положений реформы в том виде, в каком она мне представляется желательной. Однако я старался придать своему построению реалистический характер и не ставил себе непременным условием прямолинейное развитие до конца какого-нибудь одного принципа; однако я позволю себе все-таки думать, что построение это вполне отвечает определенной социально-политической программе. Я думаю, что духу народно-социалистической программы оно отвечает, так как, осуществляя земельную реформу в очерченных мною пределах и направлении, мы делаем очень значительный шаг вперед к созданию того аграрного строя, который с народно-социалистической точки зрения представляется строем идеальным.

Доклад А. Н. Минина

Предыдущие доклады имеют такой вид, как будто у нас есть свободный выбор — быть или не быть коренной аграрной реформе. Я решаюсь утверждать, что этого выбора у нас нет. Русская революция не может быть закончена без коренного решения земельного вопроса. Во-первых, все условия русской действительности выдвигают земельный вопрос на первый план: малоземельное крестьянство, наличность

обширного фонда частновладельческих земель, эксплуатируемых исключительно в форме аренды, не закончившаяся колонизация, наконец, психология крестьянства еще не пропитавшаяся собственническими инстинктами землевладельца.

Во-вторых, условия исторического момента, в котором происходит русская революция. Во всем мире в последнее время широко укоренился взгляд, что государство должно вмешиваться и регулировать хозяйственные отношения отдельных классов и групп населения. Отсюда широкая волна социальных реформ, охватывающих во всем мире все более и более сферу хозяйственных отношений. Великая русская революция не может здесь не вписать новых слов в книгу прав человека и гражданина в смысле упрочения нового права — права на существование, на труд. А в приложении к земледельческой стране это будет прежде всего право на землю.

Итак, мы неизбежно должны произвести крупную аграрную реформу. Но она должна быть такой, чтобы благодаря своей эластичности она могла охватывать все то разнообразие земельных отношений, которые мы можем наблюдать в России. Такой реформой я считаю национализацию земли, т. е. уничтожение частной собственности на землю, переход всей земли в распоряжение государства, понимая под государством как центральные органы, так и все местные, начиная от областных, губернских, уездных и кончая волостными и сельскими организациями самоуправления. Что же конкретно представляет из себя национализация земли? Прежде всего, что составляет непременный атрибут частной собственности на землю. До революции уже один вопрос о дифференциальном обложении земель разных категорий, — уже этот один вопрос почитался бы крупной аграрной революцией. Я напомню то страшное сопротивление, которое в Англии встретили аграрные законы Ллойд-Джорджа, по нашему теперешнему масштабу очень скромные. Право государства облагать земли в разной мере, в зависимости от тех или иных задач, которые оно ставит, — это уже сильное ограничение частной собственности на землю. Далее — регулирование перехода земель из одних рук в другие. Прекращение или ограничение по отношению к отдельным категориям свободной продажи, регулирование наследования земли, регулирование раздробления земельных участков, их соединения в одних руках — все эти мероприятия составляют уже решительное ограничение, даже уничтожение частной собственности на землю.

Далее, в высшей степени важный вопрос о передвижении и нарушении земельных границ в целях мелиорации и землеустройства. В этом отношении даже в излюбленной своей политике землеустройства старое правительство не было достаточно смело, и на Украине, например, землеустройство почти ничего не сделало благодаря очень деликатному обращению с подворно-наследственной[505] чересполосицей. Такое же деликатное отношение проявлялось и по отношению к тем новоявленным чересполосным собственникам, которые были созданы 1–9 статьями закона об укреплении[506]. Усиление права государства в этом отношении есть тоже одна из сторон ограничивающих, почти аннулирующих частную собственность. Наконец, право регулирования системы и форм землепользования — это может быть последняя форма вмешательства государства в земельные отношения. Если собрать все эти формы ограничения частной собственности воедино, то мы получим такое решительное ограничение, которое будет граничить с полным уничтожением частной собственности. Все эти виды вмешательства государства в отношения между личностью и землей могут распространяться на те или иные категории земель в большей или меньшей степени в зависимости от хода общего экономического развития; эти виды вмешательства, ограничения права могут изменяться, постепенно усиливаться или ослабляться, считаясь с особенностями тех или иных угодий, категорий владений и пр. Я приведу несколько примеров того, как, по моему мнению, реально могут представляться отношения государства к земле. В одной из комиссий Главного земельного комитета уже почти принят принцип, что земельная реформа должна распространяться на все земли, в том числе и на городские. Но как же конкретно представить право государства на городские строительные участки? Трудно предположить, что сразу может быть прекращена свободная продажа строительных участков, но наложить руку на ренту государство может и должно теперь же, это должно быть сделано как в интересах государственного фиска, так и в интересах более интенсивного использования земли. Кроме этого, должно быть расширено право отчуждения городских участков в целях благоустройства, — у нас и теперь есть право принудительного отчуждения в городах, но это крайнее ограничение и оставляет собственнику возможность неимоверного вздутия цен при продаже ненужных участков для общественно-необходимых целей. Укажу на классическую «Хомяковскую рощу» на углу Петровки и Кузнецкого пер. в Москве[507].

Так мне представляется ограничение частной собственности на городские строительные участки в ближайшее время.

Перейдем теперь к лесам. Конечно, леса должны быть национализированы, и я не знаю, есть ли среди русских экономистов и политиков такое течение, что леса должны перейти в руки крестьян непосредственно. Леса должны быть или государственными, или муниципальными. Но в силах ли будут государство или муниципалитет взять в свои руки все леса. Между прочим, у нас есть образцово поставленные лесные хозяйства, о которых пишут не только в русских, но и в иностранных учебниках. Я полагаю, что без нарушения принципа национализации в некоторых случаях леса эти могут быть оставлены в заведывании теперешних владельцев и государство право свое проявит в регулировании пользования лесами, в усилении лесоохранительного и инспекторского надзора, наконец, в решительном обложении всего незаработанного дохода и т. п. Во всяком случае, участие государства в распоряжении этими лесами и передача ренты в распоряжение государства сделают частную собственность на леса совершенно фиктивной. Это, конечно, не исключает возможности, что в отдельных случаях леса будут экспроприированы и переданы в полное заведывание местных организаций.

Является общей мыслью, что культурные имения должны остаться в неприкосновенном виде в смысле их организационного плана. Но как это может быть совмещено с началом уничтожения частной собственности на землю? Можем ли мы представить, что имения эти завтра же будут взяты в распоряжение земства или кооперативов. Конечно, нет. Те, кто знаком с организацией, например, свеклосахарных хозяйств, знает, что не так легко будет завтра же передать их земствам, нелегко образовать для заведывания такими имениями и кооперативы.

Мы должны с прискорбием признать, что там, где в настоящее время частное предприятие приносит доход, там земское и государственное приносит убыток. Великолепный управляющий, перейдя с частной службы на земскую, делается никуда негодным и пр. Что нам даст уверенность, что сложнейшее по своей организации хозяйство будет идти хорошо завтра же в руках земства?

Теперь о кооперации. Кто может быть скооперирован для ведения такого хозяйства, — рабочие, работающие в нем. Но ведь это же подчас нечто очень пестрое: здесь и местные годовые рабочие[508], сроковые одиночки[509], пришлые из разных мест, целые батальоны пололок из

отдаленных губерний, целые деревни, приезжающие на копку бурака[510] за 60–70 верст и пр. Какой организационный гений может связать эту разнообразную массу в кооператив, который мог бы взять в свои руки хозяйства, где имеются железные дороги, электрическое освещение, где сеют рожь исключительно затем, чтобы иметь солому для покрытия бураков и пр. — какой организационный гений сумеет это завтра претворить в кооператив?

Наконец, для ведения таких хозяйств нужны очень крупные оборотные капиталы, где их возьмет земство, да и государство в настоящее тяжелое время.

Я думаю, что такие хозяйства должны быть оставляемы в заведывании их теперешних администраций. Государство должно точно регламентировать распорядок таких имений, точно фиксировать доход, нормировать отношения с рабочими, наконец, для удовлетворения насущной нужды в земле соседних крестьян создать систему частичной аренды известных полей, севооборот и пр. Таким образом, государство может наложить руку самым решительным образом на такие якобы частные хозяйства не только в интересах сохранения производительности хозяйства, но и в интересах постепенной организации его в том направлении, чтобы оно естественно превращалось в трудовую форму — это задача некоторого длительного процесса, и в этом процессе государство, конечно, должно располагать колоссальными правами на вмешательство <...>.

Теперь перейдем к мелкой собственности. Может и удастся отрезать те занадельные верхи[511], которые окажутся у отдельных групп полутрудовых хозяйств, но, вероятнее, не удастся по причинам политическим. Здесь в полной мере должно выступить право обложения занадельных верхов.

В отношении мелкой собственности должно быть усилено право передвигать границы в целях рационального землеустройства и мелиорации.

Эти две меры в связи с правом государства следить за переходом трудовых земель из рук в руки и в нужном случае налагать свое veto обращают почти в фикцию и мелкую собственность.

И вот если все эти разнообразные меры собрать воедино, то получится нечто весьма крупное и могущественное в смысле вмешательства организованного разума в стихийный хозяйственный процесс. Все это я и решаюсь определить названием «национализация» земли. И вот, не

насилуя совершенно хозяйственного процесса, предоставляя полную возможность этому процессу протекать, мы в то же время в руки государства отдаем могущественную силу, с помощью которой весь процесс может быть регулирован. В таком разрешении я и вижу согласование всех противоречий, которые три дня мы здесь наблюдаем. С одной стороны, мы видели здесь и должны признать, что хозяйственный процесс — это нечто величественное, что не поддается как будто сознательному воздействию человека, нечто имеющее свой, естественный ход развития, это доказал великолепно А. Н. Челинцев; с другой стороны, в стране происходит социальная революция, завтра будет утвержден лозунг «земля и воля». И вот для того, чтобы разрешить эту дилемму, нам нужно продумать и создать коренную земельную реформу, закрепляющую новое право на землю, но в то же время достаточно гибкую и широкую, чтобы охватить то разнообразие, которое представляют земельные отношения всей необъятной России.

Доклад Б. Д. Бруцкуса[512]

Мне представляется, что к аграрному вопросу надо подходить не с той стороны, с какой подходили предшествующие докладчики. Я считаю, что аграрный вопрос у нас это не есть отвлеченный вопрос, который существует решительно во всем мире, о наилучшем устроении аграрных отношений в тех видах, чтобы земля служила к извлечению наибольшего дохода, и чтобы этот доход наилучшим образом распределялся. Если у нас произошли, одна за другой, две революции, и на знамени их стоит лозунг «земля и воля», который ни в одной революции в других странах не был поставлен в такой определенной форме, если во время революции происходят волнения, земельные захваты, если государственной власти приходится напрягать всю свою энергию, чтобы не наступила полная аграрная анархия, то это доказывает, что земельный вопрос у нас не есть какая-то отвлеченная проблема, существующая повсюду. Народные массы волнуются только тогда, когда затронуты их жгучие интересы, они выступают против утвердившегося порядка только тогда, когда у них есть нечто глубоко наболевшее, чего стерпеть нельзя. Только так на арене политической действительности обостряются социальные вопросы, но их не выдвигают теоретические рассуждения о наиболее целесообразном устройстве общества, которыми склонна заниматься интеллигенция, но которые никогда не могли бы вызвать сильного движения народных масс.

Какие же обстоятельства выдвинули указанный вопрос? Очень конкретные явления и события, правда, в последние годы проявлявшиеся не так ярко, как прежде. Вспомним голод 91-го года и целый ряд последовавших голодовок[513]. Крестьянское хозяйство остается худосочным в целых обширных районах, имеются явления кабальной аренды, имеются миллионы людей, которые ежегодно выбрасываются нуждой из Центральной России на юг, которые бредут не зная куда идти, ночуют под голым небом, — вот эти конкретные факты и есть наш аграрный вопрос. И когда докладчики говорят о национализации земли, о прекрасных идеях Генри Джорджа, когда повествуют об идеале справедливости, осуществляемом в общине, то я должен сказать, что это имеет весьма отдаленное отношение к решению рассматриваемой проблемы.

Есть еще конкретная задача, которой мы не в праве забывать в настоящее время. Мы пережили три года истощительной войны. Россия разорена, мы находимся в страшной дезорганизации, мы имеем на себе колоссальнейший долг, и в этот момент, накануне Учредительного собрания, мы будем рассказывать массам, какой мыслим идеальный порядок аграрных отношений. В этом ли наша задача? В этом ли наша обязанность? По моему мнению, наша обязанность по отношению к стране сказать, как сделать так, чтобы голода не было больше в России, как сделать так, чтобы вместо 60 пудов[514] с десятины получить сто; наша обязанность успокоить взволнованные массы, удовлетворив их экономические нужды, претворив энергию взволнованного народа в творческую силу.

Я не говорю, что мы должны забыть наши идеалы. Благо нам, если на пути к решению указанных конкретных проблем удастся направить развитие аграрных отношений в сторону осуществления наших идеалов. Но долг ответственных людей заключается не в увлечении прекрасными идеями, а в решении конкретных проблем. Надо преодолеть болезнь, которой пока еще не изжила русская интеллигенция. Мы десятилетиями мечтали о государственной работе, мы организовали социальные силы, чтобы низвергнуть старый режим, и мы думаем, что лозунгов революционной борьбы достаточно для того, чтобы творить жизнь. Это глубокая ошибка, от которой пора освободиться.

Однако, один из предшествовавших докладчиков, Н. А. Рожков говорит, что аграрного вопроса в той конкретной форме, в какой я его ставлю, совсем не существует, что он уже решен реформами эпохи

контрреволюции. Я принадлежу к числу тех, которые говорят, что за истекшее десятилетие русское сельское хозяйство и, в частности крестьянское хозяйство, сильно двинулось вперед. Я не боюсь сказать, что как бы мы ни относились к старому режиму, следует все-таки признать, что, испугавшись 1905 года, он кое-чему научился, и в его деятельности были элементы, которые содействовали прогрессу русского крестьянского хозяйства. Я этих фактов не отрицаю, но их значения и не преувеличиваю. Я прибавлю, что еще большее значение имело изменение общих экономических и рыночных условий. Я держусь того взгляда, что для России в целом выгоднее высокие цены на продукты сельского хозяйства. Вот эти-то высокие цены, в связи с деятельностью, развитой прежним правительством, оказывали известное благоприятное влияние на русское сельское хозяйство. Но сказать, что эти влияния разрешили наш аграрный вопрос, — было бы неправильно. Не настолько улучшились рыночные условия для сельского хозяйства, не настолько прогрессировало мелкое хозяйство, не настолько вырос земельный фонд крестьянства, чтобы наш аграрный кризис можно было считать разрешенным. Что касается землеустройства, о котором говорил Н. А. Рожков, то и я вполне признаю, что эта мера оказала положительное влияние на крестьянское хозяйство. Но все же и эта мера была полезна только для части крестьянства, она была недостаточна для решения нашего аграрного кризиса, достигшего столь большой остроты к концу XIX и к началу текущего столетия. Для его ликвидации должны быть предприняты более решительные меры, которые, я надеюсь, осуществит революция. Она призвана решить наш аграрный вопрос, если мы сумеем ввести ее в известное русло.

Итак, когда говорят, что у нас аграрного вопроса не существует, а существует общий социальный вопрос, то это утверждение я признаю ошибочным, у нас есть особый аграрный вопрос, которого нет на Западе. Там народные массы волнуют общие социальные вопросы. Известный минимум существования там обеспечен; у нас же он массам сельского населения не обеспечен, и потому их движение носит исключительно бурный характер. И всякий, кто выступает здесь по аграрному вопросу, по моему мнению, должен говорит не об отвлеченном аграрном вопросе, а о конкретных нуждах русского крестьянства.

Для того, однако, чтобы подойти конкретно к решению аграрного вопроса, мы должны затронуть вопрос о возникновении нашего аграрного кризиса, ибо от взгляда на происхождение кризиса в значительной

мере зависит и метод его решения. И вот по этому вопросу я должен высказать взгляд, совершенно расходящийся с взглядом, господствующим в нашей народнической литературе. Я говорю, что наш аграрный кризис не возник только на почве земельных отношений. Вы найдете целый ряд стран, в которых земельные отношения сложились гораздо хуже для крестьянства, чем у нас, и которые аграрного кризиса в нашем смысле не переживают. Причиной нашего аграрного кризиса является общий застой в нашем народном хозяйстве. Нормально, [если] при сгущении населения развивается промышленность, которая оттягивает избытки сельскохозяйственного населения и создает рынки для сельского хозяйства. Последнее использует эти рынки, оно интенсифицируется под влиянием высоких цен на продукты сельского хозяйства и технически прогрессирует. Аграрное переполнение есть проявление общего заболевания народнохозяйственного организма, это есть наиболее тяжелое проявление общего экономического застоя. Правда, наше сельское хозяйство не умело использовать и наличного рынка, ибо еще до войны цены на сельскохозяйственные продукты чрезвычайно повысились и, вероятно, после окончания войны они еще останутся высокими. Но все же процветание сельского хозяйства и благосостояние народных масс зависит не от одного сельского хозяйства, а от развития промышленности; она должна отвлекать к себе избытки сельского населения и одновременно создавать рынки сбыта для сельского хозяйства. Необходимо также обеспечить прилив капитала к земле. Таким образом, я должен сделать важный вывод, что мы аграрного вопроса вне прогресса всего народного хозяйства решить не можем. Развитие же промышленности и развитие народного хозяйства сейчас вне капитализма не мыслимы. Как бы мы ни урезывали капитализма, как бы мы ни стремились к надзору за ним, как бы мы ни стремились к организации народных масс для защиты их интересов, но о какой-то отмене прибыли на капитал не может и не должно быть речи, и всякие опыты в этом направлении приведут лишь к тому, что капитал убежит из России или спрячется в кубышку. Не то нам нужно. Не в интересах народных масс создавать такое положение. Если мы определенно станем на эту точку зрения, то из этого вытекает, что предлагаемые реформы должны быть согласованы с общим строем капиталистического хозяйства.

Хотя мы здесь прежде всего экономисты, но все же мы не можем рассматривать аграрного вопроса вне создавшихся политических условий. На арену истории выдвинулась громадная социальная сила взвол-

нованных народных масс, и мы с этой силой при решении аграрного вопроса обязаны считаться. Народ требует земли, и нам надо прежде всего ответить на вопрос, совместимо ли это требование с условиями развития производительных сил сельского хозяйства. На этот вопрос, в общем, можно дать ответ определенно утвердительный. Трудовое хозяйство повсюду в современных условиях оказалось формой хозяйства жизнеспособной и с народнохозяйственной точки зрения целесообразной. Страны капиталистического сельского хозяйства стремятся к тому, чтобы воссоздать у себя мелкое хозяйство. Стало быть, основное требование народных масс стоит, в общем, в согласии с интересами народного хозяйства. Основное достоинство мелкого хозяйства состоит в том, что оно имеет тенденцию к поднятию производительности земли. Но нельзя сказать, чтобы и крупное хозяйство не имело своих достоинств.

В земельном фонде крупного землевладения следует различать две категории земель. Одна часть, и притом весьма значительная, фактически используется в крестьянских хозяйствах и служит только землевладельцам фондом для эксплуатации народного труда без того, чтобы землевладелец вносил какой-либо творческий элемент в производство. По отношению к этой земле ясно, что передача ее в руки трудящихся сейчас же вносит важный корректив в существующее положение вещей, потому что краткосрочная аренда это одна из причин сельскохозяйственного застоя и аграрного кризиса.

Осторожнее надо относиться к другой части земельного фонда крупного землевладения, — к той, на которой ведется крупное хозяйство. Я не могу согласиться с огульным осуждением А. Н. Челинцевым постановки нашего крупного сельского хозяйства[515]. Он применил к крупному хозяйству мерку, которая подходит только к мелкому хозяйству, он требовал, чтобы крупные хозяйства были во что бы то ни стало интенсивны. И если крупные хозяйства этому требованию не удовлетворяли, то он признавал их плохо организованными. Но собственно крупный хозяин непосредственно не заинтересован в интенсифицировании хозяйства, ему нужен не высокий валовой доход, а высокий чистый доход, и там, где рабочие руки дороги, высокий чистый доход можно получить скорее при экстенсивном ведении хозяйства, чем при интенсивном его ведении.

Другое дело, если вы захотите оценить крупное хозяйство с точки зрения нужд русского народного хозяйства. Если бы даже крупное хо-

зяйство было всегда с капиталистической точки зрения организовано правильно, то все же в том критическом положении, в каком находилась Россия до войны, когда в ней имелся избыток рабочих рук, когда ей нужно было увеличить ее валовой доход с земли, форма хозяйства, которая стремится к экономии труда, а не к возможному увеличению валового дохода с единицы площади, не является для России с народнохозяйственной точки зрения целесообразной. И это несмотря на то, что это хозяйство может быть технически хорошо организованным и даже с этой точки зрения поучительным.

Однако есть предел, за которым мы должны остановиться при парцелляции[516] крупных хозяйств. Этого требуют интересы самого народа, и это нужно уметь ему объяснить. Когда крупное хозяйство дает населению больший заработок со своей земли, чем само население может извлечь с этой земли дохода, то этих имений делить между крестьянами нельзя. Мы имеем здесь дело с хозяйствами не только хорошо организованными, но и интенсивными. На основании того, что мне известно о русском крупном хозяйстве, я пришел к тому заключению, что есть только одна крупная группа таких хозяйств — свеклосахарные имения. Они дают большие заработки населению. При этом посевы свекловицы влияют на всю постановку хозяйства, они требуют глубокой и старательной обработки, так что и все остальные посевы в севообороте свекольных хозяйств дают высокие урожаи. Хозяйства, которые не сеют свеклы, обычно стоят на значительно низшем уровне культуры. И вот когда вы подходите к этим хозяйствам, то я должен сказать, что парцелляция таких имений, — дело сложное и небезопасное; с этим делом не следует торопиться еще и потому, что с указанной группой имений связана важная отрасль промышленности (сахарные заводы). Мне бы не хотелось услышать в настоящем собрании слов, которые мне пришлось услышать недавно в обществе агрономов, что де не беда, если «сахарные заводы временно закроются». Что ж, мы после войны будем пользоваться немецким сахаром или тростниковым из Америки? Это при теперешнем-то состоянии нашего торгового баланса? Теперь, когда в России установлена трезвость[517], когда чай с сахаром призван заменять водку, я не думаю, чтобы мы оказали услугу народу, если мы лишим его русского сахара. Следует признать, что убедить народные массы в том, что с дроблением свеклосахарных имений нельзя торопиться — нелегко. Но обязанность интеллигенции и состоит в том, чтобы объяснять народу то, что ему понять трудно. Трудность здесь

состоит в том, что окрестные крестьяне, которые могли бы получить земли свеклосахарных имений, может быть от этого и выгадают, но ведь в этих имениях работают не одни только местные рабочие.

Я должен здесь указать, что в будущем постепенная ликвидация свеклосахарных имений вполне возможна. Лет 20 тому назад мне приходилось в Подольской губ. наблюдать такое положение: в крупных имениях — большие посевы сахарной свеклы, на крестьянских полях — ничего кроме хлебов. Теперь обстоятельства меняются, и за эти 20 лет свекла, благодаря стараниям заводов, перешла на крестьянские поля. Сельскохозяйственная перепись 1916 г. показала, что приблизительно из 490 тысяч десятин сахарной свеклы около 80 тысяч было на крестьянских полях. До войны у нас было 700 тысяч десятин сахарной свеклы; я думаю, что сократились во время войны преимущественно помещичьи посевы, а потому полагаю, что около 600 тысяч было помещичьих посевов и около 100 т[ысяч] — крестьянских посевов свеклы. Таким образом, парцелляцию крупных свеклосахарных хозяйств следует признать задачей исполнимой, но эта ликвидация может совершаться лишь постепенно, по мере соответствующей реорганизации окрестного крестьянского хозяйства, а пока не следует торопиться разрушать организованных крупных свеклосахарных хозяйств. Демократия не должна быть разрушительной силой, и то, что с народнохозяйственной точки зрения ценно, должно быть сохранено; разрушительные импульсы должны быть сдержаны.

Но даже когда мы подходим к организованным крупным хозяйствам, хотя бы и не удовлетворяющим указанным требованиям высокой интенсивности, то все же мы должны разрушать их по мере того, как мы можем использовать сейчас же их земли путем передачи тем, кто эти земли может обработать. Это процесс не простой, ибо крестьянство должно иметь орудия производства для использования отчуждаемой земли. Таким образом, хотя реформа должна быть проведена возможно быстро, все же передача земли крестьянству, если не говорить об арендном фонде, не будет единовременным актом, и право принудительного отчуждения должно быть нормировано для длительного периода.

В связи с этим под акты принудительного отчуждения должен быть подведен юристами правовой базис, и вообще этот процесс должен быть согласован с условиями капиталистического хозяйства. Это соображение подводит нас к другому весьма щекотливому вопросу.

Здесь уже выступали по аграрному вопросу четыре оратора[518], но ни один из них не коснулся вопроса о выкупе земли. Вопрос этот не совсем приятный, но тем менее я считаю возможным его обойти, следуя в данном случае примеру нашего глубокоуважаемого председателя[519], который, открывая первую сессию [Главного] земельного комитета, считал необходимым указать, что за землю придется платить. Это элементарное положение стало теперь трудно утверждать, потому что съезд Советов крестьянских депутатов объявил, что земля должна перейти в пользование крестьян без всякого выкупа[520]. Эта формула взята из программы социалистов-революционеров, которые повсюду пропагандируют идею бесплатного отчуждения земли. И я позволяю себе предложить представителям партии социалистов-революционеров: пусть они не в народных аудиториях среди серых шинелей, а здесь с кафедры ученого общества объяснят, как они без всякого вознаграждения сумеют взять землю. Ведь всем известно, что земля на 2½ миллиарда рублей заложена. Что же они этого долга не заплатят? Закладные свидетельства[521] — это не какие-нибудь спекулятивные бумаги. Они находятся у самых солидных учреждений: в сберегательных кассах, у страховых обществ, у благотворительных обществ, наконец, у частных лиц. Уничтожьте эти ценности, и нашего народного хозяйства не существует. Ведь никто тогда и копейки не сумеет поверить другому. А мы уже указали, что вне прогрессивного развития нашего народного хозяйства в целом, столь связанного с капитализмом, и прочное поднятие благосостояния сельского населения недостижимо. Пусть же социалисты-революционеры здесь объяснят, как они бесплатно отнимут землю, не разрушая тем народного хозяйства.

Со своей стороны я не думаю, чтобы русское государство обязано было заплатить до копейки за все отчуждаемые латифундии. Надо заплатить столько, чтобы народное хозяйство от этого акта не пострадало — ни копейки больше, ни копейки меньше, ибо, как мы выше уже указали, благополучие крестьянства, в конце концов, зависит от успешного развития народного хозяйства. Демократическое государство не будет, конечно, двуликим Янусом[522], угождающим и крупным землевладельцам, и крестьянам. Но надо сказать, что, когда мы подходим к мелким землевладельцам, то надо быть осторожным: здесь мы часто имеем дело с землей, приобретенной на трудовые деньги, и за эту землю придется заплатить до копейки. Правда, у нас часто говорят:

мы решаем дело в пользу большинства, меньшинство должно страдать. Но так можно только сорганизовать контрреволюцию. Таких лозунгов бросать в массу не следует.

Теперь перед нами встает другой вопрос: об условиях передачи земли крестьянам; должна ли она быть возмездной или безвозмездной. Это вопрос трудный, ибо в нем имеется политический момент, находящийся, как я полагаю, в противоречии с экономическими требованиями. Я полагаю, что совершенно бесплатная передача земли крестьянству нежелательна не только по финансовым мотивам, не только потому, что невозможно в переживаемое время, когда государственная казна пуста, освободить наиболее заинтересованную в аграрной реформе часть населения от участия в расходах по ней, но бесплатная раздача земли особенно нежелательна по экономическим мотивам. С развиваемой мною точки зрения, аграрная реформа лишь в том случае может иметь серьезное значение, если она явится исходным пунктом прогрессивного подъема крестьянского хозяйства. А для этого крестьянство должно определенно ощущать, что оно получает важную народнохозяйственную ценность. С этой точки зрения прекраснодушные рассуждения о «Божьей земле» следует признать вредными. Едва ли надо доказывать, что всем желающим дать землю для ведения сельского хозяйства невозможно. И всякий, получающий землю, должен сознавать, что он берет на себя обязательство перед народным хозяйством, выражающееся в платеже за землю. Кроме того, при бесплатной раздаче земли представит опасность та чрезмерная жадность, с которой к ней потянутся все — и те, которые собираются на ней трудиться в поте лица, и те, которые трудиться не собираются.

При всем том какой-либо ригоризм при оплате ценности земли не обязателен. Я полагаю, что демократия, признающая право на труд, может предоставить известные льготы тем, кто пользуется землей в пределах потребительной нормы. Но пользование землей сверх потребительной нормы должно быть оплачено, во всяком случае, до последней копейки, ибо принципиально никто не в праве пользоваться национальным достоянием, не исполняя своих обязанностей перед государством. В конце концов, не следовало бы забывать, что если в демократии народу принадлежит вся власть, то на него же падает великая ответственность, и если народу передается в распоряжение важнейшее орудие производства, то не мешает сказать ему и о падающих на него перед государством обязанностях. Приходится очень

жалеть, что об этом народу не говорят, а создают у него иллюзии, которых осуществить невозможно.

Прирезкой земли, как я уже указал, мы еще не решаем аграрного вопроса. Это только средство моментальной помощи и притом крайнее средство. Сельское население у нас быстро возрастает, и если сельское хозяйство будет оставаться в застое, то через двадцать лет мы придем к тем же самым наделам, и к тому же самому кризису. Только тогда уже не у кого будет взять земли для прирезки. Таким образом, ясно, что недостаточно взять землю, надо еще уметь ее использовать. Надо принять все меры к тому, чтобы эта беспримерная реформа дала серьезные результаты в смысле прогресса хозяйства.

На первом плане необходима организация кредита. Ведь для земли нужны орудия производства. А если организуется кредит, то неизбежна и ответственность за пользование им.

Укажем теперь другое средство для поднятия сельского хозяйства — на землеустройство. Это слово связано с воспоминаниями о старом режиме, но мы не будем этого бояться. Среди ряда бездарных русских царей был один умный, недаром названный Великим[523], и он советовал учиться у врагов. Этому совету мы и последуем. Землеустройство является важной мерой для развития производительных сил, и эта мера должна быть применена во всем объеме.

Теперь я должен перейти к вопросу о формах землевладения, который я считаю далеко не самым важным при аграрной реформе. У нас есть сильнейшая тяга к социализму, и наша интеллигенция только о том и мечтает, как бы придвинуться к нему. Посмотрим же, что можно отыскать реального в современных социалистических конструкциях.

Прежде всего, нам выдвигают, как всеисцеляющее средство, социализацию земли, в виде плана создания какой-то всероссийской общины. Совместимы ли эти планы с очередной задачей интенсифицирования хозяйства, которая может быть достигнута только тесным соединением земли с капиталом. Ведь мы же имеем в виду создание не такого хозяйства, в котором землю ковыряют деревянной сохой. В хорошо поставленном хозяйстве нужны соответствующие постройки, инвентарь, скот. Чем хозяйство рациональнее оборудовано, тем более оно превращается в своего рода организм. На этой-то почве и возникло в Западной Европе сильное течение к недробимости крестьянских хозяйств. Я не сторонник принудительных законов в этой области, но я в то же время не могу не признать, что это стремление

вызывается реальными потребностями хозяйства. Что же нам предлагают сторонники социализации земли? Они хотят, чтобы в каждое данное время мог прийти каждый и заявить свое право на землю не где-нибудь в Якутской области, где земли сколько угодно, а всюду в Европейской России. Такое требование совместимо лишь с самым примитивным хозяйством; только в примитивных хозяйственных условиях можно то прирезать землю, то отрезать ее. Приходится опять жалеть, что социалисты-революционеры развивают эти свои теории только в народных аудиториях, а не в ученых обществах.

Вся концепция народного хозяйства социалистов-революционеров стоит в противоречии с нормальным развитием народного хозяйства. Нормально сгущение сельского населения должно совершаться весьма медленно. Прирост сельского населения должен отходить от своих наделов и переходить в промышленность, иначе страна превратится в своего рода Китай, в котором народные массы влекут самое жалкое существование. Социализация земли создает такой земельный строй, который стоит в полном противоречии с этим необходимым и благотворным процессом профессиональной дифференциации населения.

Перейдем теперь к национализации земли. Если разуметь под ней национализацию ренты, то она в русской жизни, когда предполагается всю землю передать трудящимся, не имеет под собой никакой почвы. Защитник проекта Генри Джорджа на настоящем съезде С. Д. Николаев[524] сказал, что никаких других земельных реформ не надо, следует только ввести пресловутый «единый налог», «и пятки у землевладельцев засверкают». Но пусть какое-либо правительство осмелится ввести такой единый налог на крестьянские земли, и мы посмотрим, чьи «пятки засверкают». Даже в богатой Америке этот проект не имел никакого реального отклика.

Если же реальным выражением национализации земли являются, производимые от времени до времени, отрезки земли у крестьянства одних районов для вселения туда крестьян других районов, то и этот проект нереален и нежелателен. Он нереален, ибо каждый такой опыт отрезки земли для целей вселения встретит резкое противодействие со стороны местного населения.

Этот строй и нежелателен, ибо избыток сельского населения должен нормально направляться в города и в незаселенные окраины и не должен устраиваться за счет отрезок земли у других частей крестьянства.

Мне представляется, что элемент обобществления земли может выразиться во временных условиях единственно в той форме, что государство может оставить за своими органами или передать кооперативам право контроля за мобилизацией земли, во избежание ее капиталистической концентрации.

Само собою разумеется, что результаты аграрной реформы зависят в конечном счете от запаса личной инициативы и энергии крестьян и от их умения координировать свои силы в кооперативах. Прогресс является всегда результатом взаимодействия объективных моментов с субъективными. Во всяком случае, земельная реформа, проведенная хотя бы в указанных рамках, явилась бы беспримерной по своей грандиозности во всемирной истории, она явилась бы громадным шагом и по пути к социализму, если под ним разуметь увеличение экономической, социальной и политической мощи трудящихся классов. <...>

А. А. Кауфман[525]. Я должен, господа, начать с оговорки, которую сделало уже несколько человек, но которую я считаю особенно важной. Хотя я здесь и присутствую под фирмой делегата определенной партии, — Партии народной свободы, но я себя считаю абсолютно свободным от каких бы то ни было партийных программ и иду за партией постольку, поскольку она идет за мной и не иду за ней, когда она за мной не идет. Это мое первое замечание и к этому примыкает то, что я хотел сказать раньше и что мне остается повторить словами Н. Н. Черненкова. Я чрезвычайно сожалею, что здесь и в Главном земельном комитете усиленно выдвигается партийная точка зрения, что, конечно, в высшей степени осложняет и затрудняет рассмотрение вопроса и вносит такую сложность и такие затруднения, которые сплошь и рядом из существа дела не вытекают. Затем, обращаясь к рассмотренным докладам я, прежде всего, позволил бы себе сделать общее замечание, что слушая больше часа эти доклады, мы, в значительной мере теряли время тогда, когда перед нами [стоят] насущные государственные задачи, когда перед нами решение вопросов, представляющих первостепенное значение для всей будущности нашей страны. Зачем нам было слушать разрешение партийных программ, которые, может быть, в каком-нибудь студенческом собрании были бы новы, но здесь, в конце концов, Лига аграрной реформы, и мы знали все то, что нам от имени той или иной партии было рассказано. Зачем нам было слушать, например, изложение теории Генри Джорджа, которую мы все знали и забыли может быть, но которая никакого отношения к

современным практическим задачам не имеет, и при этом все доклады, которые делались от имени определенных партий, все они настолько схематичны, что поскольку мы не знали, как конкретно думали те или иные партии, постольку мы при том же незнании и остались.

После этого общего замечания, я позволю себе остановиться на отдельных докладах и, главным образом, на трех первых. Я должен сказать, что мое личное отношение к этим докладам или к тем данным, которые в этих докладах развивались, совершенно разное. Я должен сначала остановиться на докладе Н. А. Рожкова. Хотя он тоже подчеркивал, что говорит не от имени партии, но в основу его доклада легли марксистские, или социал-демократические воззрения. И вот Рожков, как, конечно, всякий представитель марксистских или социал-демократических воззрений, оказался в чрезвычайно трудном положении, когда ему пришлось мотивировать свое отношение к стоящим теперь на очереди проектам аграрной реформы. Совершенно несомненно, что все эти проекты, в основе которых лежит расширение трудового землевладения за счет землевладения капиталистического, решительно не связываются с воззрениями социал-демократов, и Рожков, так же как и П. Маслов, и другие представители данного идейного направления, все они тщетно стараются увязать эти планы со своими теоретическими воззрениями. Я не буду, конечно, излагать, я только напомню вам о Марксе, о Каутском, о В. Ильине — том самом лице, которое ныне именуется Лениным — все эти авторы подчеркивают преимущества *крупного,* капиталистического землевладения. В частности, Ильин, или Ленин, со всею мыслимой категоричностью подчеркивает это *для нас*, для России. И вот, о чем же говорит вчерашний докладчик, Н. А. Рожков? Об уничтожении остатков крепостных хозяйств. Но позвольте вам напомнить, Ильин-Ленин утверждает, что заслуга уничтожения крепостного хозяйства принадлежит, именно, капиталистическому землевладению. Кому же мы должны верить — Рожкову или Ильину-Ленину? Затем, Рожков правильно усматривает способ уничтожения крепостного хозяйства в упразднении кабальных форм крупного землевладения и ни одним звуком не упоминает о формах *некабальных*, о том типе крупного капиталистического землевладения, когда в крупных имениях ведется более или менее капиталистическое хозяйство. Затем дальше. В настоящий исторический момент, по мнению Рожкова, это крепостное хозяйство препятствует переходу от капитализма к социализму, и ради облегчения, он предлагает национализацию

крупного и среднего землевладения; но он, как и другие говорившие, не конкретизировал своей мысли, так, что мне не совсем ясно, что он разумеет под национализацией. По-видимому, это обозначает переход крупных землевладений в распоряжение государства, которое от себя будет распределять поступившие в его распоряжение земли между трудовыми земледельцами. С одной стороны, я не вижу, каким образом такого рода план согласовать со схемой Маркса, согласно которой переход к социализму идет обязательно *через крупный капитализм*. С другой стороны, если оставить в стороне Маркса, то, чисто практически, не может быть двух мнений, что легче перейти к социализму от крупного землевладения, потому что проще прогнать одного помещика, нежели социализировать те же пространства, когда они будут разбиты между сотнями и тысячами мелких землевладельцев. Словом, от первого слова до последнего, мне лично все построение Н. А. Рожкова представляется совершенно бессильною попыткою одного из представителей социал-демократического направления, — я позволю себе употребить несколько грубое выражение, — примазаться к тому общему движению в аграрной реформе, которое по-своему является совершенно диаметрально противоположным марксистским взглядам.

Подход мой к тем взглядам, которые развивались представителями *народнического* направления — Н. Я. Быховским и В. И. Анисимовым, — будет совершенно другой. Когда представители народнического направления — социал-революционеры, трудовики, народные социалисты и т. д., когда *они* говорят об аграрной реформе, долженствующей передать землю в руки трудящегося населения, они говорят вещи, которые с неизбежной необходимостью вытекают из основ их мировоззрения, и потому, в противоположность неискренним, искусственным попыткам социал-демократов, взгляды серьезных социал-революционеров подкупают своею глубокой искренностью и последовательностью.

Теперь, если остановиться сначала на докладе Н. Я. Быховского, то я должен сказать, что этот доклад, в сущности, не на месте этой серии докладов. Доклад об общине оказался вдвинутым в серию докладов об общей постановке аграрного вопроса, так что к данной теме он не дает почти ничего, кроме нескольких заключительных слов. Поэтому я, собственно говоря, мог бы не останавливаться на том, что говорилось довольно пространно об общине. Тем не менее несколько слов по поводу этого доклада я скажу и, в частности, потому, что докладчик ссылается на мои работы. Мне представляется, что все, что

Н. Я. Быховский говорил об общине, до последней степени идеализировано и, в значительной мере, односторонне. Меня самого тоже причисляют, и не без некоторых оснований, к сторонникам общины; но я никоим образом не подписался бы под той картиной, которая была дана во вчерашнем докладе Н. Я. Быховского. В этой картине есть и фактические неточности, хотя бы в вопросе о взаимоотношении двух сталкивающихся прав — права труда и права на труд в условиях сибирского многоземелья. Он говорил, что право труда это есть только право *на продукт.* На самом деле, крестьянин на основе права труда стремится усвоить и право *на землю*, и община должна преодолеть жестокую борьбу, пока она не вырвет из рук заимщика ту землю, которою он владеет. Я могу сослаться на известную книгу Кочаровского[526]. Он тоже совершенно определенно говорит, что на праве труда основывается право притязания не только на продукт, но и на самую землю. Еще в большей мере я должен этот упрек в односторонности сделать в отношении к тому, что говорил Н. Я. Быховский по поводу Столыпинской реформы. Некоторые, хотя бы из присутствующих, знают, что я не мало пролил чернил или, вернее, типографской краски, всячески критикуя Столыпинскую реформу, но так далеко идти в этом направлении, как зашел вчерашний докладчик, мне представляется совершенно невозможным. Очень любопытно было бы сопоставить его выводы, основанные на цифрах, с известными выводами Лосицкого. Мне представляется, что истина посредине: если община не в такой мере перестала существовать, как это себе представляет Лосицкий, то, конечно, она далеко не так мала, как это себе представляет Н. Я. Быховский, но в значительной мере разрушена Столыпинской реформой. И если столыпинское землеустройство, по закону 29 мая 1911 г. и не такая панацея, как себе представлял Столыпин и его апологеты, то оно, во всяком случае, должно было сыграть и сыграло не малую роль в смысле улучшения крестьянского землевладения и хозяйства.

Дальнейшую идеализацию я усматриваю в том, что говорил Н. Я. Быховский относительно «народного сознания», сложившегося на бытовой основе общинных порядков. На какой почве сложилось это сознание, — об этом долго было бы говорить. Народное сознание несомненно есть; но в качестве человека, долгие годы затратившего на непосредственное исследование крестьянских земельных порядков, я позволяю себе утверждать, что поскольку народное сознание существует, это народное сознание есть сознание, направленное *против*

крупного не трудового землевладения, в принципе, конечно, вполне обоснованное: это то сознание, на основе которого крестьянин *требует* себе земли. Никакого сознания, в силу которого крестьянин был бы готов *отдать землю*, нет и никогда не бывало. Еще до некоторой степени об этом можно говорить в области общинных отношений — есть в общинах отдельные, «справедливые» мужики, готовые поступиться своею землею. Но уже каждая община, в отношении к *чужой* общине — это homo homini lupus est[527], и никакого сознания, побуждающего крестьянина жертвовать своей землей для члена чужой общины не существует. Об этом ярко свидетельствует вся история заселения Азиатской России. Все помыслы крестьян направлены к тому, чтобы не отдать излишков, не допустить этого. Об этой психологии свидетельствует отношение к земельному вопросу казачьего съезда. Вы можете относиться к этому как угодно, — но казаки не уроды в семье, а типичные представители крестьянской семьи. Вот, в силу этого я и говорю, — основывать на «народном сознании» какие-то планы социализации, которые будут, по-видимому, выражаться в каком-то уравнительном распределении земель между крестьянами, в частности, в передаче земель от многоземельных к малоземельным, основывать эти планы на народном сознании никоим образом не приходится. Единственное, в чем можно опираться на народное сознание, это ликвидация нетрудового владения, — и то только в общем и целом. В этом вопросе [к] народному сознанию, в принципе, все без исключения присутствующие в этой зале, конечно, присоединятся. Но остается вопрос о целесообразности. Не все то, чего требует народное сознание, чего даже требует наше объективное чувство справедливости, не все это и не в полной мере будет целесообразно. Вот через несколько минут я и коснусь вопроса с этой точки зрения.

Теперь перехожу к докладу В. И. Анисимова. В нем чрезмерной идеализации не было; в общей части доклада с ним можно только согласиться. Конечно, идеалом является трудовое коллективное хозяйство, но В. И. Анисимов смотрит на вопрос совершенно трезво. Он констатирует и признает тот факт, что у крестьян чувство собственности в отношении к своим землям очень крепко, с ним приходится считаться. Он, однако, допускает возможность, что крестьяне согласятся, что их удастся убедить отказаться от излишков сверх трудовой нормы. Тут, я думаю, он несколько обольщается: те примеры, на которые я указывал, убеждают, что рассчитывать на это нет никакого основания. Как бы

то ни было, В. И. Анисимов лишь более или менее предположительно говорит, что может быть удастся воспользоваться этими излишками.

Главное, что он предполагает национализировать — это крупные владения, с оговоркой относительно отдельных культурных хозяйств. Теперь, как он предполагает поступить с этими национализированными землями? Предоставить их во временное пользование — во-первых, совершенно не ясно, что это за временное пользование, а во-вторых, эта временность представляет собою нечто, совершенно неправдоподобное, нереальное — крестьяне раз полученные земли никогда не отдадут и это пользование, фактически, будет постоянное. Я подробнее остановлюсь на этой оговорке — о некоторых культурных хозяйствах. Тут я должен сказать следующее: в этом вопросе я совершенно, от первого слова до последнего, согласен с тем, что говорил Б. Д. Бруцкус, и, мне кажется, обязан особенно подчеркнуть мое преклонение пред тем гражданским мужеством, с которым он развивал свои взгляды. Я должен сказать, что, когда в первый раз здесь, в Вольном экономическом обществе, был поставлен вопрос о земельной реформе, я не решился прийти и развить свои взгляды. И вот теперь, я должен сказать, что во всей практической части, собственно говоря, три первые доклада представляют собою только схему; доклад Б. Д. Бруцкуса был первый, где действительно конкретно поставлен ряд вопросов. Я уже сказал — я с ним от слова до слова согласен, поэтому я на затронутых им вопросах останавливаться не буду, остановлюсь только на вопросе о культурных хозяйствах. Мне кажется, что это такой вопрос, о котором надо очень и очень серьезно подумать. Я напомню, что и А. Н. Челинцев, с которым я, должен сказать, резко расхожусь в оценке этих хозяйств, и он, однако, признает, что крупное свекольное хозяйство имеет какое-то серьезное, положительное значение. Но, господа, нельзя сказать, чтобы это были «некоторые» хозяйства. Позвольте напомнить, что в юго-зап[адном] крае у владельцев под свеклу занято 14,8 % всей десятинной плоскости и в Малороссии 11 %; уже отсюда ясно, что это свекольное хозяйство представляет из себя весьма распространенный тип крупновладельческого хозяйства. Я позволю себе напомнить те, известные некоторым из присутствующих, мои работы, которые были выполнены 10 лет тому назад. Вывод из этих работ в двух словах может быть выражен так, что в юго-западном и малороссийском районах хозяйства типа, который я назвал культурно-капиталистическим, весьма распространены и играют огромную роль: тот заработок, который имеет от

них окрестное население, значительно больше того валового дохода, который это же самое население имело, если бы эти земли были переданы ему в дополнительный надел. Так это или не так, об этом можно спорить, я скажу только что за 10 лет, которые прошли со времени опубликования моей работы, никто не дал себе труда проверить и доказать неосновательность моих выводов. Я обращу, однако, ваше внимание на поразительный факт, факт, подчеркнутый П. Масловым: в юго-западном и малороссийском районах аграрное движение вовсе не было направлено к уничтожению частновладельческих хозяйств, оно носило характер пролетарский. Значит, тут и «народное сознание» требовало чего-то не того, чего оно законно требует в отношении к крупным владениям кабально-крепостнического типа. Но если это так, если эти крупные владения культурно-капиталистического типа представляют собою некоторую важную народнохозяйственную ценность, то мне кажется, что действительно правильным решением вопроса могла бы быть *только социализация* этих хозяйств, — не только социализация *земли*, а социализация хозяйств, взятие этих хозяйств в государственное или муниципальное заведывание. Вот, если бы мне было предложено, как реальность, нечто такое, то я бы сказал — да, против этого ни одного слова возразить нельзя. А между тем В. И. Анисимов в своем докладе правильно подчеркнул, что, собственно, те формы коллективного хозяйства, которые представляли бы собою идеальное решение вопроса, еще не выработаны, что еще нет практического опыта, на который могли бы опереться и, исходя из которого, мы могли бы сказать: да, государство, или какие-нибудь союзы, могут успешно вести такие хозяйства. А раз это так, то до времени, с народнохозяйственной точки зрения, было бы целесообразно хозяйства этого типа от отчуждения изъять и оставить их, под контролем, в обладании их владельцев. Если на это по современной народной психологии или психологии будущего Учредительного собрания рассчитывать нельзя, то сделайте рискованную попытку передать эти хозяйства в муниципальное заведывание; это будет риск, но может быть будет и удача. А если разделить такие имения на мелкие хозяйственные участки, то это будет, приблизительно, то же, как взять станки с какой-нибудь фабрики и раздать по одному отдельным рабочим.

Я сказал, что будет целесообразно оставить такие имения в частном владении, — до того времени, пока практически не будет испытан способ государственного или муниципального заведывания, или

пока, при помощи энергично введенных агрономических мероприятий: кредитов, землеустройства и т. д., крестьянские хозяйства не будут подняты до такого уровня, что крестьяне смогут также производительно использовать землю, как она используется сейчас в такого рода хозяйствах.

Но главное: мне много раз приходилось доказывать и устно, и в печати, что как бы широко ни была проведена земельная реформа, в смысле расширения крестьянского землевладения, она сама по себе не даст серьезного улучшения крестьянского быта. Такое серьезное улучшение может быть достигнуто *только качественным улучшением крестьянского хозяйства.* И мне кажется, что тут Б. Д. Бруцкус немножко узко поставил этот вопрос: тут дело не в том, что у крестьян нет тех орудий, при помощи которых может быть поднята хозяйственная культура, тут дело в совокупности тех навыков, которые у крестьян еще первобытны и требуют серьезного перевоспитания для того, чтобы крестьянское хозяйство, сохраняя характер трудового землевладения, приобрело те преимущества, которые присущи крупным хозяйствам культурно-капиталистического типа.

Н. Н. Черненков. Я не предполагал сейчас говорить и скажу только несколько слов. Я очень внимательно слушал А. Н. Минина и последних трех ораторов и должен сказать, что из его речи вынес очень утешительное заключение, что несмотря на старание А. Н. Минина расширить понятие идеи национализации, которую он горячо отстаивает, все же она оказалась узкой и ограниченной, вообще она исчерпывается признанием широкого вмешательства государства законодательным путем. Что касается пути распорядительного, в тесном смысле слова, я почти не уловил указания на это в его дальнейшем перечне — это меня утешает, так как я глубоко убежден, что если конкретно поставить вопрос, то государству нечего отвести, кроме права регулировать земельные отношения законодательным путем.

Из речей двух последних ораторов для меня осталось неясным, что такое социализация. Я не буду распространяться в своих сомнениях. Если брать то, что наиболее ясно, то я иногда затруднялся, в чем бы я разошелся, по существу, с теми лицами, которые говорили. Должен сознаться, что если исключить фразу Н. Я. Быховского, который сказал, что общий передел все-таки есть и взять его же разъяснение, что земля не делится, а какая-то часть облагается, что тут признается и подворное владение и многое другое, я так и остаюсь в недоумении, — в чем

же мы расходимся с ними, если исключить систему обложения. Я не верю, вообще, в значение системы обложения, не могу никак понять, как из нее выйдет слово «социализация». Во всяком случае, если взять наиболее реальное содержание последних речей, то оно глубоко подтверждает основную мысль моего доклада, что не так уже трудно найти общее среди, казалось бы, противоположных течений. •

<...> *Б. Д. Бруцкус.* Я считаю, что наши прения привели к известной ясности вопроса. Эта ясность заключается в том, что реально, практически, социалисты-революционеры и народные социалисты не могут предложить народу больше того, что сказано хотя бы в моем столь ими осуждаемом докладе, который я прочитал в апреле в Вольном экономическом обществе. А все, о чем они печатают и говорят, это есть их программа максимум, до осуществления которой далеко. Когда серьезно разобраться, то они отчасти приходят к выводам, которые и мы признаем разумными.

Вот, например, Н. Я. Быховский говорил сначала таким языком, на котором мне с ним никак сговориться нельзя: он в течение часа доказывал, что социализация земли самый справедливый строй. Если бы я думал, что жизнь можно устроить так, как я считаю более справедливым, не считаясь с объективными данными, то я, может быть, пошел бы за Вами, Николай Яковлевич[528]. Впрочем, нет, тогда я пошел бы лучше за Лениным. Ленин действительно говорит последовательно. Вы считаете, что несправедливо, если кто-нибудь имеет на десятину земли больше, чем другой, а я скажу за Лениным, разве справедливо, что фабрики принадлежат капиталистам, разве справедливо, что мы выставили ряды штыков против германских товарищей...

Но мы действуем в современных конкретных условиях и обязаны с ними считаться. Разберем же, что Вы предлагаете сделать. Когда Вы доказываете, что надо передать частновладельческие земли крестьянам, в виду их исключительно тяжелого положения, то это есть общая программа всех прогрессивных партий. Причиной этого положения является, по моему мнению, перенаселение: у нас количество сельскохозяйственного населения, отнесенного к сельскохозяйственной площади, очень велико, во многих районах гораздо больше, чем в Западной Европе. К этому невозможному порядку привел нас прежний режим, который возглавлялся крупным дворянским землевладением. И вот, когда народ доводят до такого положения, то тот класс, который совершил этот тяжкий грех, должен за него поплатиться.

Но это есть только прием моментальной помощи, это не есть принципиальное решение вопроса. Через 30 лет крестьяне могут оказаться при том же разбитом корыте. На эту передачу земель можно смотреть только, как на исходный пункт аграрной реформы.

Что же Вы дальше конкретно предлагаете? Вы говорите, что заберете землю в государственную собственность. Но когда с Вами подробнее поговорить, Вы соглашаетесь не трогать всего трудового фонда. Вы сначала говорите — нужно всеобщее равнение земли, — это как будто страшно. Вас остается просить пожаловать на казачий съезд и предложить ему проект всеобщего поравнения земли. Но перед ним Вы смягчаете свои лозунги; зачем же Вы создаете своими претенциозными выступлениями атмосферу контрреволюции?

Относительно других докладов замечу следующее: В. И. Анисимов предполагает лишь передать экспроприированные земли кооперативным товариществам. Но с землей ничего нельзя сделать, кроме как передать ее в распоряжение крестьян и Ваш проект, Виктор Иванович, так же невыполним, как невыполним проект муниципализации земли социал-демократов.

Теперь я перейду к правовым формам владения землей. У нас имеется два земельных фонда: надельный и экспроприированный. С экспроприированным фондом в правовом отношении мы можем делать, казалось бы, все, что угодно. Мы здесь ничьих интересов не затрагиваем. Но надельный фонд в национальный превратить нельзя. Однако, в конце концов, нельзя держать разделенным земельный фонд экспроприированный и надельный. Они сольются и фактически двух прав на землю не будет. Социалисты-революционеры полагают, что унификация права на землю произойдет в направлении ее обобществления. Но я уже, мне кажется, доказал в своем основном докладе, что унификация земельных прав произойдет в обратном направлении. Вы не можете сейчас отобрать надельную землю у трудового населения, так и позже Вы не сможете распоряжаться прирезанной землей.

Совершенно неосуществимым представляется также воспрещение наемного труда. Милиционеров около каждого хозяйства мы поставить не можем.

Таким образом, земля фактически будет закреплена за отдельными общинами или дворами, какую бы Вы вывеску над ней не поставили.

В конце концов, экономика определяет право. Закон не всесилен. Александр III воспретил семейные разделы, а они стали развиваться в усиленном темпе.

Создать обобществление земли путем экспроприации земельной ренты народнические партии не предполагают. Мало того, когда я говорю, что за переданные крестьянству земли оно должно кое-что платить, то народники против этого возражают. Правда, они предлагают обложение надельных излишков, но это ведь касается только небольшой части земли, и мне представляется эта мера трудно осуществимой. Таким образом, единственной формой, в которую может вылиться обобществление земли, является ее изъятие из товарного оборота.

Попытаемся оценить эту меру.

Ценность земли является, с одной стороны, результатом вложенного в землю труда, с другой стороны, результатом экономического развития общества — рента в собственном смысле. Что касается первой ценности, то лишать уходящего от надела результатов вложенного им в землю труда было бы величайшей несправедливостью. Все западноевропейские законодательства идут теперь на то, чтобы обеспечить арендатору вознаграждение за сделанные улучшения, и мы, конечно, не пойдем против этого общего развития. Стало быть, речь идет только о ценности земли, как капитализированной ренты в собственном смысле. И вот, когда Вы хотите лишить оставляющего надел этой ценности, Вы не учитываете основного закона экономического развития. Это развитие должно происходить таким образом, чтобы от земли люди отходили. Нам не следует нагромождать людей на земле, не новое перенаселение надо создавать, а наоборот, создать такой земельный порядок, чтобы население не накоплялось чрезмерно на земле. Как бы ни оценивать Столыпинские реформы, надо признать, что они были направлены к созданию такого порядка, который предупреждал развитие перенаселения. Так продажа наделов финансировала переселение. Она дала переселенцам около двух третей нужных для переселения средств. Возможность продажи надела необходима и для того, чтобы уйти в город, и не надо крестьян лишать этого права. Поэтому Ваша мысль о каком-то упразднении ренты — неправильная мысль.

За указанным существенным расхождением Ваши практические предложения близки к нашим. Разница заключается не в наших практических требованиях, а в том, что у Вас есть еще программа-максимум, которой мы не признаем. В том, что у Вас имеется программа-максимум, — в этом, конечно, беды нет. Плохо то, что социалисты-революционеры хотят эту программу вписать в закон. Самый опасный

из этих лозунгов это тот, который гласит об отмене частной собственности, ибо этот лозунг питает контрреволюцию среди громадных масс многоземельного трудового крестьянства, и совершенно напрасно, ибо ведь социалисты-революционеры и не собираются экспроприировать трудовые элементы населения.

С. Л. Маслов. К сожалению, я не присутствовал в начале обсуждения этого вопроса и тех положений докладов, о которых здесь говорится. Мне приходится вмешиваться в прения и мне хочется отметить с чувством большого удовольствия те замечания, которые я слышал от К. А. Мацеевича[529] и Н. Н. Черненкова, что они находят много общего между их взглядами и теми взглядами, сторонником которых являюсь и я. Но в таких проявлениях единения может быть больше желания отдать дань той общности, которая действительно существует, а с другой стороны, здесь может проглядывать естественное стремление найти известные примиряющие отношения тому большому делу, которое стоит перед нами на очереди в виде земельной реформы. И то и другое чрезвычайно хорошо и важно, и я всецело присоединяюсь к тому и другому настроению уважаемых оппонентов, но, мне кажется, что в интересах дела нужна также и большая ясность взаимопонимания. Нужно в целях той же деловой работы отмечать не только общее — общность взглядов будет наиболее полезна тогда, когда она будет касаться самого существенного в предстоящей работе. И вот, правду сказать, я не совсем уловил, действительно ли Константин Андрианович и Николай Николаевич разделяют самое существенное из того, что разумеется в понятии социализации земли. Как я слышал, Константин Андрианович подписывается только под одной частью: если социализация земли есть уничтожение юнкерства. Но дело-то в том и заключается, что социализация земли стремится не только к тому, чтобы устранить юнкеров, как помещичье землевладение, также и не к тому, чтобы сохранить подворное или общинное землевладение, как форму крестьянского землевладения, как говорил Н. П. Макаров, точно также дело заключается не в требованиях отвлеченной справедливости; задачи социализации шире и коренятся в общих условиях потребностей нашего народного хозяйства. Насущная потребность нашего народного хозяйства заключается в том, чтобы дать толчок развитию производительных сил страны и особенно производительности нашего сельского хозяйства.

Я не буду останавливаться на том низком уровне, на каком это хозяйство находится; присутствующим здесь это хорошо известно. Но я в общих чертах должен отметить некоторые из тех причин, которыми дело это тормозится. Здесь я должен отметить, что крестьянское хозяйство находится в таких условиях обладания землей, которые не позволяют ему вести правильного хозяйства: а это, прежде всего, острое малоземелье в некоторых районах нашей страны, и затем то, что существующие условия землевладения вытягивают из крестьянского хозяйства в виде аренды те средства, которые необходимы для его улучшения и усовершенствования.

Устранение этих условий, являющихся тормозами для развития производительных сил страны, является основной задачей земельной реформы; ее задачей должно быть устранение кабальных отношений в области землепользования, открытый доступ к земле и, наконец, организация территории страны в смысле улучшения форм землепользования. Вот три положения, три жизненные задачи земельной реформы. Эти задачи не могут быть достигнуты простым раздроблением крупного землевладения, как это предполагает, например, Партия народной свободы или некоторые др[угие] партии. Если бы мы просто отобрали крупные поместья и распределили их между крестьянскими хозяйствами, то это, конечно, расширит крестьянское землепользование, но обеспечит ли это в дальнейшем прогресс сельского хозяйства? Мы ведь знаем, что если это распределение будет произведено на основании частной собственности, то тем самым не устранятся многие из тех препятствий для земледелия, какие были доселе при раздроблении земли, при сохранении права частой собственности на нее; в дальнейшем мы можем ожидать и концентрации, и дробления землевладений. Если же эти земли передать в национальный фонд, то естественно возникает такой вопрос: как этот национальный фонд согласовать с тем землепользованием, которое в настоящее время находится в руках мелкого землевладения? Раз перед нами возникает такая опасность в будущем, то почему же не поставить шире земельную реформу, чтобы не только была удовлетворена нужда землевладельца в настоящее время, но чтобы она открыла и обеспечила правильное землепользование и необходимое развитие производительных сил в будущем.

Поэтому, чтобы дать толчок производительным силам, единственным выходом является не только передача земли трудящимся, но и регулирование всех земельных отношений с точки зрения обеспече-

ния трудового хозяйства и развития производительных сил страны. Если мы будем рассматривать земельную реформу с такой точки зрения, то ясно, что никакие частичные решения этого вопроса не достаточны и единственным выводом отсюда является более широкая постановка вопроса. И такую постановку дает социализация земли. Основным элементом социализации земли является уничтожение частной собственности и освобождение земли из товарного оборота, — это первый признак. Таким образом, не одно уничтожение крупного помещика, а изъятие всей земли из товарного оборота является задачей социализации земли. Вторым ее признаком является установление общественного обладания землей. Раз мы уничтожаем частную собственность и изъемлем землю, то кто-то должен быть распорядителем. Нашим распорядителем при социализации земли должно быть собрание народных представителей страны, которое распределяет землю между местностями, а на местах — органы местного самоуправления, т. е. верховным распорядителем земли при ее социализации является весь народ в лице его государственных органов. Третий признак — это пользование землей на трудовой основе, т. е. земля поступает в пользование хозяйств трудового типа. Здесь мы имеем в виду хозяйство среднего трудового типа. Задачей конкретного законодательства является установление размера этого среднего трудового хозяйства и обеспечение его землей. Вот три основных признака социализации земли. Если эти признаки встречают сочувствие настоящего собрания, то, конечно, всякому стороннику этого направления слышать это было бы приятно. В дополнение я бы сказал, что, ставя общие задания для настоящей реформы, мне лично мыслится, что ее осуществление в полном своем объеме потребует целого ряда лет. Такую реформу нельзя осуществить одним росчерком пера, практическое ее осуществление требует перераспределения земли между отдельными группами владельцев и даже еще больше, подчинения этому принципу некоторых разнообразных групп владельцев, например, тех, которые имеют мелкую частную собственность и подворное владение. Чтобы подвести эти группы владельцев под общие условия социализации земли — требуется известное время. Но это уже вопрос переходных мер, которые необходимы для того, чтобы прийти к конечному, полному осуществлению общего закона, основанного на принципе социализации. Нужно отметить, что без таких переходных мер не бывает даже реформ меньшего масштаба, чем эта, и она тре-

бует этих мер тем более, что такая грандиозная земельная реформа, которая диктуется экономическим развитием нашей страны, без них немыслима и на этих мерах должно быть сосредоточено особое внимание. В настоящее время я не буду на них останавливаться, так как это есть особая задача. Если бы мы сошлись на некоторых общих вопросах земельной реформы, то вторая наша задача состояла бы в том, чтобы остановиться на этих мерах переходного характера.

В. И. Анисимов. Прения по вопросу о постановке аграрной проблемы соответственно различным течениям русской общественной мысли привели к совершенно неожиданному для меня результату. После речи А. Н. Минина, развернувшего перед нами свое толкование программы национализации, как системы конкретных мероприятий, я очень сильно задумался над вопросом о том, действительно ли существует какая-либо разница между программою народного социализма А. Н. Минина и программою конст[итуционно]-демокр[атической] партии, защищаемою Н. Н. Черненковым. Когда же вслед за тем соц[иалист]-рев[олюционер] Н. Д. Кондратьев заявил, что целиком разделяет взгляды А. Н. Минина, то еще более неожиданно для себя я увидел, что программное объединение может быть продвинуто еще более налево. Наконец, мое изумление стало почти безмерным, когда это межпартийное объединение было завершено заявлением Н. Н. Черненкова относительно отсутствия каких-либо существенных разногласий между ним и представителем партии соц[иал]-дем[ократов] меньшевиков П. П. Масловым. Намечалось, таким образом, полное объединение непримиримых когда-то течений и оставалось только радоваться, что наконец-то найдено решение аграрного вопроса, могущее всех объединить. Мне обидно, что голос мой должен прозвучать диссонансом в этом согласном хоре, но что же делать, если радость, которую вчера многие выражали, мне кажется преждевременной. Я очень склонен думать, что это обрадовавшее нас отсутствие разногласий только кажущееся. Я опасаюсь, что мы сделались жертвою большой путаницы в понятиях и суждениях по аграрному вопросу. Мне кажется, нам предстоит пройти какую-то стадию рассеяния этих недоразумений, и тогда, может быть, перед нами вновь откроются старые разногласия, которые были знакомы нам и раньше. Не стану терять напрасно время на ненужные догадки о том, чем могла быть вызвана эта путаница, а попытаюсь только устранить те недоразумения, которые могли возникнуть между мною, как представителем определенной точки зрения,

и всеми другими, кто высказывался по вопросу о постановке аграрной проблемы. Самым основным возражением из тех, которые мне были сделаны, я считаю возражение Н. Н. Черненкова. Он развивал ту мысль, что совсем нет надобности в том, чтобы к государству перешло распоряжение земельным фондом. В тех случаях, когда отчужденные частновладельческие земли будут передаваться в общинное пользование, право распоряжения ими будет принадлежать общинам; остальные же земли могли бы быть национализированы только для того, чтобы организовать кооперативную их обработку; но так как производительных земледельческих товариществ еще не существует, то такая организация землепользования отпадает. Земли придется передавать отдельным хозяйствам, и государство здесь будет не при чем; в его вмешательстве в распоряжение землею не будет надобности. В противовес идее национализации выдвигалась другая, — а именно: идея регулирования земельной собственности. В целом ряде речей указывалось, что некоторые ограничения свободного оборота земель — это все, что для нас достижимо в условиях переживаемого момента, далее создания института ограниченной земельной собственности нет надобности и нет возможности идти. Сторонники этой идеи упускают, однако, из виду одно очень важное обстоятельство. Они совершенно игнорируют интересы правильного землеустройства, которые могут быть охранены только государством. Если мы оставляем землю раздробленною во владении отдельных собственников, то мы, строго говоря, не имеем того субъекта, которому принадлежало бы право распоряжения землею и который имел бы фактическую возможность осуществлять функцию правильного землеустройства. В этом отношении более простора дает предлагаемая социалистами-революционерами передача земли общинам; тут все-таки есть субъект, являющийся носителем права распоряжения землею и имеющий возможность его осуществлять в интересах землеустройства. С моей точки зрения земельная община не является тем институтом, которому принадлежит будущее; я полагаю, что в силу естественного развития общественно-хозяйственных отношений, мы придем в конце концов к замене земельных общин производительными товариществами, которые между прочим будут более соответствовать интересам правильного землеустройства. Но это все дело будущего. В настоящий же момент мы можем признать земельную общину, как живой социально-экономический институт, способный в большинстве случаев в интересах рационального по условиям места и времени

землеустройства осуществлять свое право распоряжения землей. Пока община является институтом способным к дальнейшему развитию и дальнейшему совершенствованию, я считаю недопустимым чьи бы то ни было покушения на искусственное уничтожение этого института. Но я полагаю, что национализация земли не исключает возможности передачи земли в пользование и распоряжение земельных общин. Земля может быть передана в пользование отдельным земельным общинам, с условием, чтобы государство сохранило право издания общих норм, которые регулировали бы землепользование в общегосударственном или областном масштабе. Внутриобщинное землеустройство должно быть, конечно, делом самой общины и для его правильной постановки община будет иметь достаточный простор. Надо только, чтобы она хотела и умела за него взяться. Иное дело, когда земля передается в собственность отдельных владельцев. В этих случаях тот субъект, который является носителем права распоряжения землей, в большинстве случаев не может использовать это свое право в интересах правильного землеустройства потому, что каждый отдельный собственник имеет право распоряжения землей в пределах только своего участка. Само собою понятно, что ни о каком целесообразном землеустройстве не может быть и речи, если нельзя вести его в более или менее широком масштабе, если не иметь возможности распространить на более или менее обширные пространства.

Нет надобности доказывать подробно эту мысль, потому что она находит наглядное подтверждение в тех порядках землепользования, которые нам приходится наблюдать при господстве мелкой частной собственности. Разве можно говорить о каком-либо рациональном использовании земли, когда она так беспощадно дробится, когда с каждым годом развивается чересполосица. Когда это зло достигает размеров общественного бедствия, государству приходится вмешиваться, приходится предпринимать сложные землеустроительные работы, приходится приводить в движение сложный административный аппарат. И пока существует институт мелкой частной собственности на землю, государству приходится периодически поднимать вопрос о землеустройстве, так как вследствие естественной ее мобилизации прежняя чересполосица водворяется вновь, как показывает опыт, лет через 30 или 40.

Мне кажется, что с точки зрения интересов правильного землеустройства этот порядок невозможно признать целесообразным.

Я полагаю, что было бы более целесообразно, если бы государство при проведении аграрной реформы вместо земли отдельным мелким собственникам сохранило принудительно-отчужденный земельный фонд в своем распоряжении, и если бы оно при посредстве соответственных местных органов организовало бы правильное земельное хозяйство, то есть разделило бы землю на участки, и, если нужно, устроило бы эти участки и затем предоставляло бы их в пользование отдельным хозяевам или товариществам.

Говорят, что земледельческие, производительные товарищества это дело будущего, но есть целый ряд переходных форм их развития, которые можно было бы поощрять. Можно, например, поощрять развитие арендных товариществ, которые будут получать земли из рук государства не для того, чтобы вести на них коллективное хозяйство, а для того, чтобы распределять землю между собою и вести индивидуальное хозяйство, но при этом попутно будет развиваться целый ряд разнообразных объединений хозяйств на кооперативных началах. Мне представляется, что в интересах развития производительных сил было бы вполне целесообразно вести такую политику в области землепользования. Если стать на эту точку зрения, то придется признать, что принудительно отчужденные земли должны перейти в собственность государства и должны образовать национальный земельный фонд, право распоряжения которым должно принадлежать государственной власти и ее местным органам. Против этого можно было бы возражать только в том случае, если бы можно было противопоставить государству иного субъекта распоряжения землей, который обладал бы возможностью осуществить лучше, чем это может сделать оно, правильное землеустройство.

Некоторые может быть скажут, что государство будет плохо исполнять эту задачу, что вообще государство и местные органы самоуправления плохо приспособлены к исполнению подобного рода функций. Опыт показывает, однако, что думать так нет основания. В Англии, согласно аграрным законам последнего времени, принудительно отчужденные земли не продаются и не передаются в частную собственность отдельным лицам, а остаются в распоряжении графских советов, которые разделяют крупные владения на небольшие участки, земли устраиваются и тогда передаются в пользование отдельным хозяйствам. Я не знаю, почему мы не могли бы такой же порядок землеустройства применить и у нас в России. Здесь пришлось слышать от А. Н. Минина,

что агрономы не имеют достаточного навыка, который необходим для этого дела, но мне кажется, что он глубоко неправ; нет никаких оснований думать, чтобы в России не было таких агрономов, которые могли бы рационально поставить это дело. Наконец, что касается стеснительности подобного порядка для населения, то я отказываюсь признать это, особенно в отношении к русскому государству. Если мы хотим широко поставить аграрную реформу в нашей стране, то мы должны будем прибегнуть все равно и к расселению, и к переселению. К последнему крестьяне приучены всем ходом нашей истории. И теперь не только колонизация окраин, но и переход частновладельческих земель в руки крестьян сопровождается переселением и переносом их хозяйственной деятельности на новые места. Крестьянам приходится делать это без всякой помощи, преодолевая большие затруднения, которые создаются анархическим строем земельной собственности. Если при таких тяжелых условиях они справляются с этой задачей, то тем лучше пойдет дело, когда будет содействие со стороны государства. Таким образом, серьезных возражений против возможности осуществления национализации земли в намеченных мною размерах и формах я не вижу. Мы должны, не опуская рук, идти более активным путем в направлении процесса развития рациональных форм сельскохозяйственного производства. Если при таком понимании национализации между нами нет разногласий, то я приветствую то единство, которое вчера здесь было провозглашено, но если в этом отношении какие-либо разногласия существуют, то я думаю, что о полном единении говорить было бы преждевременно.

А. Н. Челинцев. Я хотел отметить следующее. По моим впечатлениям, разногласие между различными направлениями разрешения земельного вопроса находится не в конечных выводах, не в конкретных планах, не в содержании реального законопроекта земельных реформ, а в известной предпосылке, которая коренится в области моральной, религиозной, политической и правовой. Если есть какие-либо основания у каждого субъекта говорить так или иначе против этого, то больше в области верования. Об этом было много говорено Н. Н. Черненковым и А. Н. Мининым, а теперь, когда, в частности, высказался В. И. Анисимов, я вижу единственный пункт разницы между тем, что он говорит о национализации, и моей мыслью по ограничению собственности, — каким образом отчужденная земля будет передана обществам, этим неполным общинам. Говорилось о том, что земли будут переданы не-

полным общинам таким образом, чтобы государство сохранило право их устройства и прочее. Если вы хотите оставить массу чиновников в центре, при областном управлении и может быть при губернском, которые должны знать и понимать дело передачи земли из одной общины в другую, — это будет одно понимание национализации. Я же рисую себе национализацию, как ограничение собственности, что земля из национального фонда передается неполной общине, ей одной; она эту землю не выделяет в частную собственность, а приписывает ее себе, как земельный фонд, из которого происходят наделы. Земля из права государства фактического распоряжения ею уже выходит, но при этом понимании земля все же не болтается между несколькими общинами, а приписывается какой-либо одной. Нельзя, чтобы земля переходила из рук в руки. Вы не говорите на завтра о национализации земли, не объявляете собственников, наделенных землей, лишенными прав частной собственности или объявляете? Очевидно, что нет. Нельзя завтра написать такой закон, что вы лишаетесь этой собственности, вы можете сказать, что приближаетесь к этому, но завтра осуществить этого мы не можем, мы не можем сказать, что завтра на эту землю наложит руку государство в направлении национализации. Мы можем желать, можем издать закон, по которому, если земля, в случае желания ликвидировать выморочное хозяйство, никем не покупается, то она должна переходить в распоряжение данной неполной общины, — это конкретный шаг, такое право мы должны сохранять и отстаивать. Вы упоминаете[530], что национализация нужна, потому что государству не передается земля, а сохраняется право постоянно устраивать хозяйства на рациональных началах, но позвольте спросить, что, абсолютизм и максимализм рациональная вещь? Когда говорят, что надо устроить землю крестьянам раз навсегда, что периодичность не нужна, я понимаю, что не надо создавать условий, когда государству приходится периодически упорядочивать землепользование. Если отдать землю не устроенную или выпустить ее из рук крестьян, то она распылится, будет чересполосица и пр. Если смотреть с точки зрения П. А. Столыпина, то мы опять погрешим, т. к. его реформа тем и грешна, что она шаблонна, она создана по одному из образцов, но не лучших; лучшие это те образцы, которые дала история, и мы не должны повторять ошибки П. А. Столыпина, заниматься землеустройством государству придется не один раз. Мы должны говорить об общем способе передачи земли.

Я хотел сказать, что когда С. Л. Маслов подходит к социализации земли и говорит, что приятно видеть наше объединение и считает его возможным, целый ряд ораторов и деятелей оговаривается затем, что под понятие социализации не подойдут целый ряд утверждений соответствующих ораторов и эти положения противоречат понятию социализации. Я хочу спросить, где отличие конкретного содержания предложения сторонников регулирования ограничения собственности от предложения сторонников уничтожения частной собственности на землю, раз это явится конечной целью, реальным содержанием завтрашнего закона? Я лично не вижу разницы. Ограничение продажи земли в пользу предоставления права коллективам ограничения покупки, — на большее рассчитывать нельзя. Совершенно уничтожить ценность земли в бытовых сделках было бы, разумеется, стеснением крестьян соответствующих районов. Есть партия кадетов, которая приняла право переуступки, дала общинные владения без ограниченного права в пользу общины. Это действительно некоторое разногласие. Относительно роли агрикультурной техники есть разногласие; когда социализаторы говорят о том, что культурное нужно оставить, то я иду больше за Мацеевичем, который говорит, что все хозяйства культурные должны быть отведены, как [образцы] высокой культуры. А. А. Кауфман говорит, что земли культурных хозяйств являются более производительными, и приводит пример сахарного хозяйства. Я мог бы привести мой пример на основании документального анализа, что [и] рядом стоящие хозяйства приходят к лучшей цели. Природе крестьянского хозяйства не противоречит его передача в руки кооперативов. Затем практика дает нам определенные указания на то, что представляют сахарные заводы, а что касается указания, будто бы владельцы организованных хозяйств, с запасами труда, то я знаю, что они не совершенно правильно следуют, а повторяют закон о прибылях, как я упоминал, при наличности избытков других кормов. В этом смысле упоминание Минина о белозерском хозяйстве — я знаю его доход, — это сплошное недоразумение, и если бы не натуральная потребность сахара, то теперь для народного хозяйства было бы лучше. Когда то же самое Рыбников говорит, что мы хотим разрешить вопрос, что частное владение для поднятия народного хозяйства на юге России также должно требовать решения аграрного вопроса, и если убедительно то, что до сих пор сделано, то надо дать разрешение вопроса литературе. На этом я хочу и кончить. Мы упускаем из виду, что когда мы говорим

о расселении, как способе удовлетворения, то мы упускаем из виду все виды промышленной политики, которая компенсирует малоземелье переселением, а специальная дифференциальная политика — это решение, при котором общество справится с малоземельем лучше, нежели в иных случаях.

Н. П. Макаров. Многое из того, что я хотел сказать, уже сказали Н. Н. Черненков и К. А. Мацеевич. Мне хочется еще остановиться на тех основных, общих идеологических позициях, которые лежат в основе построения тех программ, о которых нам говорили вчера. Когда мы обращаемся к ортодоксальным соц[иалистам]-револ[юционерам], то они нам представляются идеалистами, когда мы обращаемся к ортодоксальным марксистам, то они нам представляются реалистами; но не только в постановке сегодняшнего дня, но и в постановке недавних и прошедших лет, ни чистого идеализма, ни чистого реализма, ни в той, ни в другой группе мы уже не встречаем, и для меня было весьма показательным, что в докладе Н. Я. Быховского, когда он обосновывал основные позиции своей партии, он отправлялся от права на землю и обосновывал его при помощи положительного, реального права[531]. Это представляется мне, с научной точки зрения, совершенно незакономерным деянием: обосновывать мир идеальный положительными ссылками на мир реального права. Но это показатель являющийся для меня чрезвычайно важным. К тому же, в рядах этой партии мы можем найти и марксистов. С другой стороны, у соц[иал]-дем[ократов], у П. П. Маслова, у Н. А. Рожкова, мы можем найти постановку аграрного вопроса, с точки зрения грядущего социалистического идеала и, чтобы легче и скорее подойти к этому идеалу, с точки зрения этой идеи выдвигаются не так, как прежде, реальные, из жизни исходящие предположения, а идеальные построения. Это, и только это заставило, в конечном итоге, и П. П. Маслова, и Рожкова выдвигать идею муниципализации. Происходит сближение у этих, наиболее антагонистических течений русской аграрной мысли.

Но, когда мы переходим к практическим программам, к тем, которые должны состоять из более или менее практических указаний, и когда мы переходим к тому моменту, что программа может превратиться в закон, то это сближение становится значительно большим. На меня до сих пор производит тяжелое впечатление то, что на последнем съезде Партии соц[иалистов]-рев[олюционеров] признано, что революция не застала партию врасплох, что аграрную программу не пришлось пере-

сматривать, что пришлось пересматривать только технику[532]. Я думаю, что если мы искренно и прямо дадим ответ, то скажем, что это не так, что не только технику, но программу пересматривали, именно в той реальной части, которую придется воплощать в законе.

Когда теперь мы берем самые основные вопросы, то мы встречаем, начиная от Партии соц[иалистов]-рев[олюционеров], переходя через народных социалистов к соц[иал]-дем[ократам], и кончая Партией народной свободы, в очень многом единообразные решения.

Я ни к одной из перечисленных партий не принадлежу и в то же время обращаю ваше внимание на такое положение дела; в вопросе о фонде отчуждаемой земли вы встречаете, что надельные и купчие земли трудового владения исключаются из числа земель отчуждаемых в предстоящей земельной реформе. Это положение, это реальное действие, оно в этих четырех, перечисленных мною партиях, одинаково.

Дальше мы переходим к этому, в прежнее время, острому вопросу: какие земли капиталистического хозяйства не подлежат отчуждению. Это старая беседа о культурных хозяйствах и здесь мы находим, что культурные хозяйства у всех этих четырех партий признаются долженствующими подлежать временному или постоянному сохранению; при этом партия народных социалистов, говорившая о коллективных, трудовых хозяйствах, говорит, что мы считаем, чтобы такие культурные хозяйства велись коллективами, но признаем, что это неосуществимо, это выставляется из-за модности коллективного принципа; и дальше говорят или о передаче земским самоуправлениям, или коллективам, или о временном сохранении для переустройства в мелкие, трудовые крестьянские хозяйства. Я лично думаю, что большинство из культурных хозяйств может быть без остатка перестроено в крестьянские трудовые хозяйства, весь вопрос во времени, и в этой части, так разделявшей в прежнее время разные партии, в настоящее время мы не встречаем такого острого расхождения и, может быть, когда мы проработаем детали этого вопроса, расхождения не будет совсем.

Здесь уже говорилось по вопросу о формах землевладения — социализации, национализации, муниципализации. Оказывается, да простят меня представители партий, но для вас это название и только. Вы провозглашаете принцип, который, может быть, и я провозглашу, но то, что вы предлагаете государству сделать завтра, издав закон, это, начиная от Партии народной свободы и кончая соц[иалистами]-рев[олюционерами], имеет очень малое различие. В частности: распоряжение переселенче-

ским фондом отдается государственному органу, распоряжение большими площадями лесных угодий тоже отдается государственному органу, и все это именуется национализацией. Распоряжение сельскохозяйственными угодьями местного пользования: заведуют и распоряжаются [землями] из отчуждаемого фонда местные самоуправления, начиная от губернских, уездных и переходя к волостным, и это именуется муниципализацией. Н. Н. Черненков давал другое название, в Партии соц[иалистов]-рев[олюционеров] это было оставлено без названия, одним словом, этот институт владения предусмотрен всеми. Затем Н. Я. Быховский сегодня указал, что временно сохраняется общинное землевладение и временно сохраняется подворное землевладение. И в этом пункте, таким образом, партии достаточно сходятся.

Наконец, я не останавливаюсь на вопросе о выкупе, ибо мы не слышали достаточно законченных и отчетливых изложений, как и какие партии на этот вопрос смотрят, но думаю, когда мы подойдем к реальной постановке вопроса, там тоже будет много общего; в частных беседах я вижу, что этого общего немало.

С другой стороны, я вижу много общего в постановке и в порядке проведения этой реформы, ибо большинство говорит, что нужно выдвинуть переходные меры, не совершать всего сразу, — А. Н. Минин об этом говорил. Мы слышим, кажется, за исключением Партии народной свободы, что занадельные верхи, путем специального финансового обложения, будут постепенно уничтожены — опять предполагается переходная, соответствующая мера. Таким образом, и отмечается, когда приходится подходить к реальной жизни, что прежняя пестрота разногласий сглаживается, земельная реформа начинает разлагаться на отдельные звенья в своем историческом прохождении и даже в этой части последнего прохождения отдельных звеньев, партийная постановка становится более единообразной; в результате вот то впечатление, которое получается у меня от настоящей политической жизни: когда мы на широких митингах, когда бросаются лозунги, тогда между партиями нет примирения, но когда приходится подходить к выработке законопроектов, законоположений, то оказывается, между партиями нет такого большого расхождения, не столько, конечно, в области идеологии, сколько в области самой практической программы и, я думаю, что чем ближе мы будем к проведению самой земельной реформы, чем ближе мы будем к претворению ее в самую жизнь, тем единообразнее и ближе будут программы тех партий, о которых я говорил.

А. В. Чаянов. На одном из химических конгрессов профессор Вундт[533] — известный физиолог, виталист, — после горячей полемики с Оствальдом[534], указал, что везде на собраниях и публичных диспутах, говоря об основных законах сущего, виталисты, считающие, что основой жизни является «жизненное начало», и материалисты, сводящие все явления жизни к физико-химическим процессам, являются непримиримыми врагами, но коль скоро они перейдут в лаборатории, между ними не будет никакой разницы, потому что в условиях лабораторной работы они будут пользоваться одними и теми же методами.

Это противопоставление из области физиологии и химии вполне подходит к области народнохозяйственной науки и политики.

Я не раз уже говорил, что между нами и социалистами-революционерами в сущности вся разница и вся пропасть в мотивировках и обоснованиях. Как только мы переходим к реальной работе, поскольку мы явимся техниками государственного строительства, наши планы и проекты будут, в конце концов, почти что тождественными, и если мы будем устанавливать разницу, искать ее, то сможем найти ее только в мотивах и аргументах. Вчерашний день я считаю для русской аграрной мысли историческим днем, потому что, если А. Н. Герн[535] и Н. Д. Кондратьев — «социалисты-революционеры», в таком случае я уже и давно с.-р., но обычно с понятием с.-р. связываются вовсе не силлогизмы Кондратьева, а то, что мы слышали от Н. Я. Быховского, напомнившего мне старую постановку аграрного вопроса Новоторжским[536]. А между мною и Новоторжским ни в основаниях, ни в реальной программе не может быть ничего общего, потому что для Новоторжского аграрная реформа есть, главным образом, восстановление попранной справедливости и прав, это есть олицетворение на земле вековых идей и начал. Для меня же аграрная реформа есть, главным образом, реформа нашего народного хозяйства в целом, это не есть отобрание назад одним классом ограбленного у другого класса, это есть переконструкция аграрных отношений, реформа народнохозяйственного строя, и я стою за обобществление земель не потому только, что это есть восстановление справедливости, а потому, что это есть необходимый, исторически обоснованный шаг нашей аграрной эволюции, потому что нужда народного хозяйства в целом стоит за это, и государственная нормировка земельных отношений является ближайшим шагом развития народнохозяйственной жизни.

А если мы станем на эту точку зрения, — а Н. Д. Кондратьев на нее встал, то между нами и в области обоснований не может быть никаких различий.

Но беда в том, что с[оциалист]-р[еволюционер] Н. Д. Кондратьев говорит одно, а в провинции ученики Новоторжского совершенно другое, и если мы сопоставим то, что говорилось здесь — эти протоколы нашего съезда, с теми докладами, которые где-нибудь в Кирсанове нам преподносит та же самая партия — мы встречаем огромную разницу, и задачей моей речи был призыв к дисциплине, к тому, что если ответственные лидеры партии здесь выдвигают новые позиции, то они должны сделать, чтобы и на местах агитаторы эсеровской партии говорили то же самое. Это будет тогда действительно ясный государственный шаг. Когда же мы видим полное различие, то мы получаем то, что когда говоришь с с[оциалистом]-р[еволюционером] надо перед разговором спрашивать, — а кто он такой в аграрном вопросе.

Однако, когда мы говорим о государственной работе в будущем Учредительном собрании, то надо надеяться, что нам придется иметь дело с Н. Д. Кондратьевым и другими научными величинами партии, между которыми разница у нас не велика.

Подходя к этой работе, самое главное, с чем мы должны столкнуться — это неразработанность наших последних форм обобществления, тех основ будущего земельного режима, который рисуется перед нами, который мы можем широкими мазками нарисовать и зафиксировать в своем сознании. Страшно трудно перейти к этому. Социализация и национализация — ведь это не реформа, это есть результат реформы; социализация земель и национализация это есть конечный итог, тот постоянный земельный режим, к которому мы должны перейти. Но как перейти, каковы пути этого перехода, — вот в чем вопрос. Тем не менее, в своих обычных спорах мы, главным образом, занимаемся тем, что будет, в конце концов, а не тем, что нам нужно делать завтра, а эта работа завтрашнего или сегодняшнего дня есть поистине важнейшая, самая глубокая из всех работ, и мне кажется совершенно ясно, что на эту работу мы и должны обратить свое особенное внимание, тем более, что в области окончательного, конкретного выражения именно этой работы между нами вряд ли встретятся разногласия.

Я не буду говорить конкретно, как эта работа должна вестись; в прекрасных статьях Рыбникова и других, которые появляются за последнее время в периодической печати, уже есть вехи этой работы,

и чем глубже углубимся в изучение этого переходного периода, тем будет лучше, и нужно признать, что эта работа приведет нас в земельном комитете[537] так же, как вчера здесь на съезде, к единому и общему — к содружеству, а не к расщеплению.

К. А. Мацеевич. Я должен сказать, что указание о разногласии на меня произвело впечатление, что нет, в конце концов, разногласия и чем ближе подходим к тому, что надо делать сейчас, то все более и более убеждаюсь, что разногласий нет. Когда говорится о том, что надо делать завтра и как нужно проводить земельную реформу, то здесь в фактической, деловой стороне, в самом методе проведения реформы разногласия нет. А подумать о том, как мы будем потом развивать дальнейшую жизнь, мы успеем, но если эти разногласия есть, то их надо примирить сейчас, потому что вы знаете, что революция сейчас в положении революционного экстаза. По мере того, как этот экстаз убывает — убывают и те возможности, которые можно произвести, убывают те конкретные задачи, которые можно осуществить. Ведь мы же знаем, что в 1905 году министерство Кутлера, министерство Витте вносило законопроекты о принудительном отчуждении и если бы эти разногласия, о которых говорил Виктор Иванович Анисимов, не погубили этой возможности, то тогда реформы в значительной мере были бы проведены; но исчез экстаз революционного объединения и дело кончилось тем, что Кутлера выгнали из министерства и Думу распустили. Теперь дело обстоит лучше, но не забывайте того, что раз вы будете усиленно изыскивать разногласия, а не проводить в увеличенном размере того, что было в 1905 году, то я думаю, мы ошибемся и в этом, потому что мы, систематически пользуясь терминологией В. М. Чернова, суживаем тот базис, на котором держится реформа и суживаем не существом дела, а словесными упражнениями, что самое ужасное. Вот почему, когда здесь говорят, нужно думать прежде всего не о том, чтобы изыскивать разногласия, не о том, чтобы выявить свою словесную природу, а о том, что надо сделать завтра для укрепления строя в будущем. И вот из всего, что говорилось, что же выяснилось, — это регулирование общины; эта национализация, которая рекомендуется В. И. Анисимовым, — это община. Скажите, а Столыпин без всякой национализации в законах своих 10-го июня и 29-го мая[538] не регулировал общину? — Конечно, регулировал да еще так, что вам и в голову не придет.

(*Голос:* Это передержка).

Нет, извините, я докажу. Далее, а столыпинский акт разве не землеустройство, разве он не нахальнейший переход всех границ частного и общественного землевладения. — И это он делал почему? — Потому что национализация есть совершенно напрасное повторение того права государства, которое систематически, после того, как было брошено, входило в круг государственной общины, и, что национализация в том именно виде, в каком проектируют наши русские национализаторы, давно существует там, где государство стало намечать принудительное регулирование земельных отношений. Что такое представляет из себя республика — мы знаем по американской республике. Если мы себе представим, что наша русская республика будет заведовать и управлять нашим земельным хозяйством, то от такой национализации действительно наши представители засверкают пятками, потому что, в сущности, здесь проводятся самые недопустимые приемы вмешательства государства в жизнь, это именно та опека, которой был проникнут весь предыдущий строй, это именно то недоверие к населению и его хозяйственному смыслу. В этом отношении мы имели массу примеров, это есть возвращение к казенным оброчным статьям. Едва ли будет такое землеустройство, если же говорится о землеустройстве, осуществляемом коммунами, которым государство должно дать право принуждения — то это возможно только при разумной организации демократического землеустройства. Если же это землеустройство будет вестись через чиновников, не чиновников технических, а из министерств, то, конечно, под этим никто никогда не подпишется.

Итак, национализация есть право государства регулировать земельную собственность и только такое реальное содержание в ней есть, было и будет и я считаю, что идея национализации безнадежно пропала. Что касается социализации, то здесь дело иное. Это теория. Это теория, имеющая широкий смысл; она выдержана по существу, когда община действительно становится в корне этого переустройства, когда она является как основной, главный, регулирующий принцип. Такой социализации нет, а для ближайшего момента рекомендуется то, что в значительной степени всех нас удовлетворяет. Но есть несколько пережитков в этой социализации, несколько моментов крайне опасных, и в том числе право на землю. Когда об этом праве на землю говорят социалисты, то они говорят: «Вы боитесь». — А если будет безработица, в особенности после войны, а если война окончится неблагоприятно, с разрывом с союзниками, и нас прижмут на договорах, и наша инду-

стрия не разовьется, а если мы своими социальными экспериментами доведем европейский капитал до того, что он развиваться не будет? Что же будет тогда? — Тогда это право приведет к такому переселению, которого мы еще и не видывали. И тогда я спрошу: какой будет политический результат такого аграрного принципа? Я считаю, что нужно думать не о контрреволюции, а едва ли не о реставрации. И в истории такие примеры бывали.

В заключение скажу, что если мы нарочито и согласно не захотим подыскивать разногласий, а захотим попытаться сделать то, что в данное время следует сделать и что является базисом всего будущего устроительства, то я вас уверяю, что мы можем всегда придти к тому единению, о котором неоднократно говорилось.

Г. А. Танашев[539]. Из прений, которые происходили, и из докладов, которые были прочитаны, можно было установить, что существует два рода или, вернее, две группы аграрных программ, принадлежащих к различным политическим партиям. Одна группа, так называемая буржуазная, эволюционно-социалистическая, придает превалирующее значение, в смысле разрешения аграрного вопроса, требованиям окружающих объективных условий, отводя совершенно второстепенное и даже более далекое место коллективным идеальным стремлениям народа, в частности, великому принципу права на труд и права на землю всех, кто желает ее обрабатывать.

Другие программы, наоборот, выдвигают совершенно иные принципы. Эти программы выдвигаются радикальными социалистическими партиями и признают, что воля, т. е. волюнтарная сила революционно-трудового народа в состоянии создать новый аграрный строй, отличающийся коренным образом по форме и существу от ныне существующего, основанного на праве частной земельной собственности и на свободных частно-меновых отношениях.

Указывая на это отличие, я не хочу сказать, что среди аграрных программ радикально-социалистических партий не существует таких, которые в той или иной мере не стремились бы к логическому примирению объективных условий, или, вернее, условий детерминистического характера с условиями идеальными, т. е. со стремлением коллективной народной воли к коренным аграрным преобразованиям. В настоящее время, когда социалистическим партиям приходится собирать все силы, готовясь к генеральному сражению за то или иное решение аграрного вопроса в Учредительном собрании, указанное

компромиссное течение, попытка примирения в аграрных программах царства необходимости с царством свободы принимает ясную и конкретную форму.

Каждая политическая партия ищет сейчас примирения своих аграрных идеалов с экономической действительностью и путей к реализации этих идеалов. С неба мы спускаемся на землю. Но если не считать, что каждая социалистическая партия утрачивает свою самостоятельность, свои требования в аграрном вопросе, тем не менее в переживаемую бурную эпоху народной жизни, когда политическая революция стремительно переходит в революцию социальную, вопрос об осуществлении аграрных программ различных партий начинает рассматриваться уже не в плоскости доктрины и определенного социального догматизма, а переносится уже в область практических жизненных требований трудовых масс. И вот для крайних социалистических партий и их аграрных программ в настоящий момент все поземельные требования трудового крестьянства являются теми главнейшими реальными императивами, которыми определяется их аграрный план. Чего хочет народ? Вот реальный фундамент, основные условия осуществления их действительных во всей шири аграрных преобразований.

Напротив, политические партии с реальной аграрной политикой, как напр[имер] Партия народной свободы или радикально-демократическая, отчасти народно-социалистическая трудовая и социал-демократическая меньшевистского направления, пытаются найти в современных внутренних и внешних производственно-хозяйственных условиях и в реальной экономической действительности опору для осуществления тех аграрных требований масс, которые являются полезными для общего блага трудовой земледельческой демократии. Для этих партий аграрный идеализм трудовых масс не содержит ничего конкретного, опираясь на то, что политические партии и организованная общественность имели бы возможность довести страну хотя бы до первой стадии аграрной революции, т. е. хотя бы до национализации земли, не говоря уже о второй стадии — социализации земли.

Таким образом, две группы политических партий, из которых одна тяготеет к средствам разрешения аграрного вопроса в сторону признания превалирующего значения за социальными и объективными производственными отношениями, а другая, наоборот, центр тяжести осуществления поземельных требований народа переносит в фокус культуры, в коллективную волю трудовых масс, — могут быть опреде-

лены с точки зрения методов достижения поставленных целей, одна группа, как эволюционная, а другая как революционная.

Я не обещаю дать исчерпывающую оценку этих групп, стремящихся, в конечном счете, к осуществлению сходных целей, но различными путями; меня интересует другой вопрос, вопрос о положении аграрных программ по отношению к трудовому крестьянскому населению страны. Ведь аграрная революция будет происходить до тех пор, пока для основной массы русского крестьянства не станут ясны те сельскохозяйственные блага, которыми она сможет воспользоваться. В настоящее время требования народа находятся в состоянии роста и развитая, но как только эти требования достигнут своего кульминационного пункта, трудовое крестьянство из предлагаемых ему партиями программ возьмет лишь то, что в наибольшей степени удовлетворяет его поземельно-бытовые и культурные потребности.

Словом, революционные аграрные идеи, которыми сейчас пропитан весь воздух, подвергаются вместе с развитием революции активному отбору со стороны трудового крестьянского населения. Все же намученное, реакционное и надуманное, с чем мы встречаемся в земельных программах буржуазных и многих крайних социалистических партий, неизбежно во многих важнейших и принципиальных пунктах потерпит или частичное поражение перед крестьянским населением, а некоторые программы и полный крах.

Во всяком случае нужно быть готовым к тому, что аграрный вопрос в Учредительном собрании не получит разрешения в духе одной какой-либо политической партии; аграрные программы различных партий явятся для всенародного Учредительного собрания тем материалом, тем исходным пунктом, на основании которого народ и построит тот основной закон о земле, о котором и придется вести речь. Русское крестьянство в лице своих представителей, если и придет в Учредительное собрание под большим гипнозом и влиянием крайних социалистических партий, то как только приступит к разрешению аграрного вопроса, когда начнется его конкретное обсуждение, оно быстро откажется от того, что принесло под влиянием крайних социалистических партий. Многое говорит за то, что крестьянство принесет с собою и свой собственный идеализм и свой собственный реализм в понимании сельскохозяйственной действительности современной русской деревни, перед которыми стройные политические концепции окажутся либо слишком узкими, либо чрезмерно фантастическими и

далекими от настоящих нужд русской деревни. Вероятно, в своей законодательной деятельности по аграрному вопросу настоящее русское крестьянство, которого мы до сих пор не видели в наших прежних цензовых законодательных палатах, обнаружит при решении земельного вопроса и свое, вытекающее из реального опыта хозяйственной жизни и быта, понимание.

Быть может крестьянский аграрный идеализм будет заклеймен нашими крайними социалистическими партиями словом — мещанский, а реализм будет понят, как досадное следствие некультурности и отсталости хозяйственной жизни русской деревни.

Во всяком случае, сейчас даже после Всероссийского крестьянского съезда, мы все еще не имеем настоящей крестьянской партии, которая самостоятельно, базируясь на собственных стремлениях и нуждах, имела бы свою практическую земельную программу. Строй социальной революции в настоящее время находится в состоянии развития и роста, и аграрный идеализм еще не осознан достаточно глубоко русским трудовым крестьянством. С другой стороны, и реальные объективные поземельно-бытовые условия еще недостаточно взвешены и осознаны крестьянской массой, крестьяне еще требуют многого, и зачастую под влиянием агитации и случайных решений и брожения они составляют и выносят свои резолюции.

Было бы, однако, непростительной ошибкой полагать, что идеальные аграрные стремления крестьян все взяты со стороны, что будто бы русскому трудовому крестьянству совершенно чужды идеи социализма и что у него есть одно единственное реальное стремление — обладать на твердом праве частной собственности своим куском земли. Тот факт, что из 17 миллионов крестьян более 10 миллионов, находящихся в Европейской России, живут в общине, является наиболее убедительным доказательством наличности аграрного идеализма среди большинства русского народа. Не следует забывать и того, что на всех крестьянских съездах, которые собирались за время революции, мы постоянно слышали о резолюциях исключительно социалистов-революционеров, то есть самого крайнего, самого идеалистического течения в разрешении аграрного вопроса.

И, тем не менее, трудно предполагать, чтобы в Учредительном собрании могла возникнуть единая трудовая крестьянская партия с общими аграрными стремлениями, с идеальным и реальным пониманием интересов страны. Неосуществимость такого объединения страны хотя

бы по аграрному вопросу, должна быть прямо и неизбежно признана следствием целого ряда экономических, естественно-исторических и иных причин. Прежде всего, по хозяйственным и земельным интересам деревенская Россия распадается на целый ряд отдельных районов. Аграрно-экономические нужды крестьянских хозяйств Тверской и Московской губерний резко отличаются от нужд центральных губерний. Русское крестьянство не представляет собой той однородной в хозяйственном отношении массы, какой она изображается в экономических памфлетах и брошюрах наших партий. Внутренняя хозяйственная дифференциация пошла уже довольно глубоко в крестьянской среде и зависит от массы условий: тут нужно принять во внимание количество едоков, количество работников, общее благосостояние семьи, наличность рабочего скота и так далее. Все эти условия внесли и продолжают вносить в крестьянскую среду элемент разъединения, — элемент, который одну группу крестьян ставит против другой группы. Кроме того, еще характерно то, что крестьяне губерний, страдающих от малоземелья, проявляют в постановлениях своих на разных съездах более аграрного идеализма и упорнее защищают принципы национализации и *социализации земли, чем крестьяне губерний* более многоземельных. Более того, последние категории губерний, т. е. верхние слои и вообще многоземельные крестьяне и земельные собственники, особенно те из них, хозяйства которых расположены в районах с системой полеводства сравнительно интенсивного типа, могут явиться в Учредительном собрании оплотом собственнических интересов и вступить в решительную борьбу с основной пролетарской массой крестьянства. Словом, предстоящее Учредительное собрание должно увидеть перед собою деревенский сход, огромную поземельную общину, в которой, конечно, преобладающими представителями явятся сами крестьяне, на котором будет, наконец, разрешен вопрос, какие основания следует положить в основу народного землепользования. Распределение земли между миллионами домохозяев, как надлежит поступить с землями помещичьими, монастырскими, казенными, может быть с излишками казачьего и крестьянского землепользования и проч. Борьба вокруг земли в Учредительном собрании несомненно будет носить весьма боевой характер; всеобщий закон о земле будет носить компромиссный характер. Крайние течения будут иметь мало шансов для своего воплощения в жизнь. Аграрный идеализм русского крестьянства должен наложить своеобразную печать на предстоящую аграрную реформу.

А. А. Рыбников[540]. Нельзя отрицать необходимости и желательности в настоящий момент выдвигать те перспективы, которые нарастают. Я думаю в настоящий момент нельзя отрицать необходимости этих перспектив, их ценности, потому что конкретная действительность с такой быстротой изменяется, что ориентироваться только по прошлому очень трудно. Но имея в виду те перспективы, которые намечаются, мы все-таки в практической деятельности должны руководиться возможностями, которые сейчас можно реализовать, и строить настоящую жизнь так, чтобы учитывать их; не так очевидно, чтобы далекие перспективы [нужно было] немедленно воплощать в жизнь.

Я бы присоединился к уничтожению частной собственности на землю, но я в то же время не вижу пользы и необходимости заявлять об уничтожении ее немедленно. Я вижу, что, то рекламирование уничтожения частной собственности, которое может произойти, повлечет огромное недоразумение, и в то же время будет так несущественно, что ставить его, как что-то важное, что преобразует устои земельных отношений, — понятно, было бы ошибкой. Возьмем существующее право собственности на землю. Эсеры желают рекламировать отмену права собственности на все земли, не исключая и мелких владельцев; они хотят ликвидировать немедленно частную собственность на землю, но в тоже время говорят, что они не будут вмешиваться во владение. Вмешательство намечается в распоряжение землей. Если мы разберемся в этих планах вмешательства, то увидим старое, — те правовые институты, которые существовали и ранее. В области современного земельного права вы припомните, конечно, те институты, которые ограничивают право распоряжения землей, припомним [и] то, что надельные земли у нас еще недавно нельзя было продавать, припомним майорат, и мы увидим, что в руках государства уже имеется ряд таких мощных правовых орудий, которыми можно было регулировать право частной собственности. Я спрошу вас: зачем это рекламирование, для какой цели надобно, чтобы на все эти земли распространялось уничтожение частной собственности. Я вполне понимаю, что таким образом создают в умах многих мысль намеченного в этом акте великого переворота. Но ведь это не так. Да и нужно ли в настоящий момент создавать совершенно новые непонятные и малозначащие институты.

Лица, провозглашающие уничтожение частной собственности, видят самоцель в этом. Для экономики и политики совершенно достаточно

тех орудий, которые сейчас находятся в руках государства. Но мало того, что нет большой практической надобности в отмене частной собственности на землю, нам представляется, что такая отмена может оказать губительное влияние на реформу, если она будет распространяться на крестьянские земли, тем более, что в область пользования крестьянской землей не предполагается вторгаться. Если это так, то значит общего закона для всех земель мы с вами, как будто желать не должны, а должны, может быть, говорить лишь о тех землях, которые отчуждаются во время реформы. По отношению к последним землям вопрос решается, конечно, легче, здесь можно думать о создании начал и здесь, собственно, можно было бы подумать о том, чтобы те принципы правовых отношений, которые нам желательны, были бы более широко использованы. Но будет ли это то, чего хотят эсеры, или это будет просто регулирование прав распоряжения и пользования, нам решить было бы чрезвычайно трудно. Я думаю, это вопрос специального рассмотрения. Может быть, мы пойдем по тому пути, что будем передавать землю в долгосрочную аренду на 39 лет, может быть в отношении некоторых случаев аренда будет краткосрочная, я — не знаю. Мы понимаем, что земельная реформа будет связана с переменой некоторых прав на землю, но, во всяком случае, отменять огульно право частной собственности на землю неосторожно и необдуманно. Ведь этим путем мы добираемся до интересов не только сельских хозяев, но и горожан. По отношению к горожанам, это будет покушением на то, на что нам не следовало бы покушаться, ведь против нас поднимутся два миллиона мелких мещан, которые будут противодействовать проведению аграрной реформы. Н. Я. Быховский говорит, что он не боится тех призраков, которые будут против проведения реформы, я тоже не боюсь призраков, но я боюсь за самую реформу, боюсь, что от этой реформы немного останется.

В. И. Анисимов. Говорят, что в прежнее время в духовных семинариях применялся следующий прием обучения искусству произнесения проповедей, обличающих философские заблуждения: вместо того, чтобы изучать обличаемого философа и подвергать его серьезной критике, юные проповедники по-своему изображали его учение, нередко вывернув наизнанку, и тогда уже без особого труда его опровергали. Такой прием применил ко мне и К. А. Мацеевич, когда он обрушился на меня со своей обличительной речью за стремление подчинить дело землеустройства чиновничьей власти. Понять таким образом идею на-

ционализации — значит совершенно ее извратить. Если Вы хотите возражать против нашего проекта земельной реформы, то, будьте добры, вкладывать в понятие национализации не свой собственный смысл, а то именно содержание, которое мы вкладываем. Мы же ни в каком случае не являемся сторонниками бюрократического строя и полагаем, что управление национальным земельным фондом должно быть делом демократически организованного местного самоуправления. Бояться, что органы местного самоуправления, которым поручаются заботы о всех местных нуждах, не сумеют согласовать свою деятельность в области землеустройства со всею совокупностью местных условий и интересами населения, мы не видим решительно никаких оснований.

Здесь особенно много распространялись о том, что государство совсем не должно вмешиваться в область земельного устройства. Не знаю, есть ли смысл нам спорить по этому вопросу? Ведь это старая, давно знакомая песня. Ее основной мотив, несомненно, составляет идея невмешательства государства в хозяйственные дела. Повторять здесь еще раз столкновение представителей социализма и экономического либерализма на почве основных, общих идей, вряд ли было бы продуктивно. На этой почве мы все равно никогда не столкуемся.

Более интересным мне представляется выяснить разногласия, разделяющие нас в вопросе более конкретном: может ли быть признан институт ограниченной земельной собственности за осуществление национализации земли, хотя бы в том объеме, в каком мы находим возможным ее в настоящее время осуществить. Было приложено немало усилий для того, чтобы доказать, что установление режима ограниченной частной земельной собственности и есть та именно национализация земли, к которой мы стремимся. Однако идея ограниченной земельной собственности, в том виде, в каком она здесь была изложена, не отличается особенной определенностью содержания. С моей точки зрения представляется весьма существенным выяснить, к каким категориям земель предполагается применить этот институт, с одной стороны, и как предполагают распорядиться принудительно отчуждаемыми землями, с другой стороны. Я присоединяюсь к мысли о постепенной национализации земель, не подлежащих принудительному отчуждению, путем различного рода ограничений прав частной собственности. Но я самым решительным образом возражаю против раздачи принудительно отчужденных земель в частную соб-

ственность. Если вы такую раздачу допускаете, то соглашение между нами невозможно.

Наконец, еще несколько слов по поводу возражения А. Н. Челинцева. Я слишком глубоко уважаю А. Н. Челинцева, чтобы приписывать ему неблаговидные приемы полемики. Однако я должен констатировать, что в своем полемическом увлечении он, очевидно невольно, допустил передержку. Иначе, как передержкой, я не могу назвать то сближение нашей идеи национализации земли с идеей Столыпинской реформы, которое он себе позволил. Конечно, кое-что общее тут и там может оказаться, так как даже и в столыпинских мероприятиях были некоторые элементы здоровой земельной политики. Это ведь лучше чем кто-нибудь знают А. Н. Челинцев и его единомышленники. Но А. Н. Челинцев не может не знать, что нет ничего более враждебного нашей аграрной программе и по духу, и по конечным результатам, чем земельные законы Столыпина, в которых землеустройство было на заднем плане, а господствовала идея растаскивания земли, которое должно было привести в конце концов к полному землерасстройству.

А. В. Чаянов. Отвечая на вопросы В. И. Анисимова, я могу прежде всего отметить, что мы не обладаем «Всеобъемлющим разумом» Лапласа[541], не можем предвидеть во всех деталях развитие будущей аграрной эволюции. Поэтому организованный общественный разум, пытаясь все проявления с[ельско]х[озяйственной] жизни нормировать по своей воле, должен опасаться, что его деятельность поставит тысячи обременительных препон нормальному развитию сельскохозяйственной жизни, пути которого он не разгадает.

Поэтому, повторяю, мы не должны занимать своим разумом работу стихийных сил, но должны найти такие способы воздействия на аграрную жизнь, при которых мы получили бы возможность достаточного регулирования ее течения.

Для этого достаточно проведения нижеследующих семи мероприятий:

1) Земля должна быть изъята из торгового оборота; все переходы земли из одних рук в другие должны происходить через местные земельные комитеты.

2) Земли обкладываются прогрессивным дифференциальным налогом, тем большим, чем больше размеры хозяйства превышают трудовую норму.

3) Крупные хозяйства подлежат принудительному отчуждению.

4) Леса и специальные виды хозяйств (племенные, селекционные, технические и пр.) национализируются и находятся в кооперативном или земском пользовании, или во временном условном пользовании частных лиц.

5) Государство предпринимает ряд широких мелиорационных и землеустроительных мероприятий.

6) Государство организует переселенческий фонд и организует как переселение на него, так, равно, и вселение крестьян из малоземельных районов в районы многоземельные.

7) Государство должно разработать и провести в жизнь план широкоаграрной политики, облегчающей развитие трудового хозяйства.

Если эти мероприятия окажутся проведенными, организованный общественный разум получит всю полноту власти над судьбами аграрной эволюции, не ставя в то же время никаких препон ее естественным мероприятиям.

И я имею основания утверждать, что все перечисленные мероприятия реально осуществимы и представляются единственно реальными возможностями земельной реформы.

КОММЕНТАРИИ

Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости

Публикуется по: Высочайше утвержденные Его императорским величеством 19 февраля 1861 года Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. СПб., 1861. С. 15–47. Документ приводится в извлечениях. Являлся основным законодательным актом, определяющим пути освобождения крестьян в России, конкретизировал положения подписанного Александром II 19 февраля 1861 г. Манифеста о даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей и об устройстве их быта (обнародован 5 марта 1861 г.; см.: Высочайше утвержденные ... С. 3–10).

1 Собрание документов, подготовленных к началу Крестьянской реформы 1861 г., включало, помимо Манифеста и «Общего положения...», еще 16 законопроектов (7 Положений и 9 Дополнительных правил), содержавших детальную роспись условий и норм осуществления реформы. В их числе: Положение о выкупе крестьянами, вышедшими из крепостной зависимости, их усадебной оседлости и о содействии правительства к приобретению сими крестьянами в собственность полевых угодий; Положение о губернских и уездных по крестьянским делам учреждениям; Местное положение о поземельном устройстве крестьян, водворенных на помещичьих землях, в губерниях: Великорусских, Новороссийских и Белорусских; Дополнительные правила об устройстве крестьян, водворенных в имениях мелкопоместных владельцев, и о пособии сим владельцам и ряд др. документов.

2 Полное и правильное название указанных документов: «Правила о порядке приведения в действие Положений о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» и «Положение об устройстве дворовых людей, вышедших из крепостной зависимости». (См.: Высочайше утвержденные... С. 111–124, 51–56.)

3 В 4-х Местных положениях (см. прим. к ст. 5 данного документа) определялись размеры земельных наделов и повинностей крестьян за пользование ими в различных «местностях» 44 губерний Европейской России.

4 Суть — есть (*устарев.*).

5 Уставные грамоты — документы, фиксировавшие отношения между помещиками и временнообязанными крестьянами. Устанавливали размеры земельных наделов, выделяемых владельцами имений для выкупа крестьянами в собственность, а также размеры повинностей крестьян за поль-

зование ими землей в период временнообязанного состояния. Введение уставных грамот контролировалось мировыми посредниками.

6 Все пространство России было разделено, с учетом качественного различия почвенных зон, на три полосы: нечерноземную, черноземную и степную, каждая из которых делилась соответственно на 9, 8 и 12 местностей. Размер выкупаемого земельного участка («полевого надела») определялся установлением максимального и минимального пределов («высший» и «низший» размеры) для первой и второй полосы и каждой местности. В этих границах размер земельного участка определялся по взаимному (полюбовному) соглашению крестьян с помещиком. Для степной полосы был введен единый для каждой местности «указной» (определяемый законом) надел.

В постоянном пользовании крестьян должны были оставаться все угодья, которыми они пользовались до введения в действие Положений от 19 февраля 1861 г., если они не превышали высшего размера надела, рассчитанного на целое сельское общество. Если применительно к нечерноземной и черноземной полосам крестьянский надел оказывался меньше низшего размера, то помещик должен был прирезать необходимое количество земли или соразмерно недостающему количеству земли снизить размер повинностей. Если при наделении крестьян землей помещику оставалось менее трети размера его прежних угодий (в степной полосе — менее половины), он имел право отрезать у крестьян не достающее до этой нормы количество земли, но соблюдая установленный минимальный размер крестьянского надела.

За пользование наделом в период временнообязанного состояния крестьяне должны были выплачивать помещику оброчные платежи, размер которых определялся в зависимости от ценности и доходности земель для каждой отдельной местности по установленным правительством критериям кадастровой оценки. Размер оброка включал в себя также и доходы крестьян от неземледельческих промыслов.

7 Раздел III «Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» именовался: «О казенных, земских и мирских повинностях» (содержание четырех глав данного раздела изложено в сборнике документов: Высочайше утвержденные... С. 41–47).

8 Здесь и далее по тексту документа данное слово приводится в значении «приобретшие» (совершившие покупку).

9 Сельское общество — низовая общественно-административная единица в Российской империи. В ходе реформы государственной деревни П. Д. Киселева (1837–1841) образованы в деревнях государственных крестьян, в 1861 г. — в селениях помещичьих крестьян, освобожденных от крепостной зависимости. Состояли из одного или нескольких сел, владев-

ших общинными угодьями; управлялись сельским сходом, в деятельности которого главное место занимали землераспорядительные функции. Несколько сельских обществ составляли волость.

10 Волость — со времени проведения реформы управления государственными крестьянами (1837–1841) — единица сословного крестьянского самоуправления, входившая в 4-звенную систему управления: губерния — округ — волость — сельское общество. Включала в себя до 6000 душ мужского пола. Волостной сход, состоявший из представителей домохозяев (один от каждых 20 дворов), избирал сроком на 3 года волостное правление. После Крестьянской реформы 1861 г. стала частью единой системы общественного самоуправления для крестьян всех разрядов. Находилась в ведении мирового посредника, с 1874 г. — уездного по крестьянским делам присутствия, с 1889 г. — земского начальника.

11 В соответствии с указанными статьями помещик получал право надзора за общественным порядком и общественной безопасностью «на пространстве принадлежащего ему имения». Это право включало в себя приостановление действия мирских приговоров, состоявшихся на сельских сходах, которые, на его взгляд, были вредны «для благосостояния сельского общества» или же нарушали «права помещичьи». Вместе с тем за ним оставалось и право ходатайствовать и заступаться за крестьян по делам, касающимся целого общества или отдельных лиц, входить, по просьбе крестьян, в разбирательство их тяжб и споров между собой и др.

12 Губернское по крестьянским делам присутствие возглавлялось губернатором или губернским предводителем дворянства. В его состав входили: управляющий государственными имуществами, губернский прокурор, два представителя местного дворянства, рекомендованные представителем министра внутренних дел, и два представителя местных дворян-помещиков, избранных собранием губернского и уездных предводителей дворянства. Через уездный мировой съезд и мировых посредников осуществляло и контролировало проведение Крестьянской реформы 1861 г. на территории губернии. Вопросы компетенции данного органа управления освещены в Положении о губернских и уездных по крестьянским делам учреждениях. (См.: Высочайше утвержденные... С. 89–108.)

13 Уездный мировой съезд возглавлялся уездным предводителем дворянства; в состав его входили все мировые посредники уезда и один представитель от правительства. Вопросы компетенции данного органа управления освещены в Положении о губернских и уездных по крестьянским делам учреждениях. (См.: Высочайше утвержденные... С. 89–108.) В июне 1874 г. был заменен другим органом — уездным по крестьянским делам присутствием, функции которого в 1889 г. были переданы земским начальникам.

[14] Мировые посредники — в 1861–1874 гг. должностные лица, назначавшиеся для непосредственного проведения на местах (как правило, в нескольких волостях, объединенных в т. н. участки) Крестьянской реформы 1861 г. Избирались на три года из числа потомственных дворян-помещиков, владевших наделом свыше 500 дес., либо наделом не менее 150 дес., при условии окончания ими «курса наук» с правом получения чина XII класса. Личные дворяне могли быть избраны на эту должность при владении землей в двойном размере против указанных выше земельных наделов потомственных дворян. Вопросы компетенции этих должностных лиц освещены в Положении о губернских и уездных по крестьянским делам учреждениях. (См.: Высочайше утвержденные... С. 89–108.) Институт мировых посредников был упразднен в июне 1874 г. и заменен уездным по крестьянским делам присутствием, функции которого в 1889 г. были переданы земским начальникам.

[15] См.: Положение о губернских и уездных по крестьянским делам учреждениях // Высочайше утвержденные... С. 89–108. Во введении к данному документу создание указанных в нем учреждений объяснялось необходимостью «разбора недоразумений, споров и жалоб, могущих возникать из обязательных поземельных отношений между помещиком и временнообязанными крестьянами», а также «заведования особыми, указанными в настоящем Положении, делами крестьян, вышедших из крепостной зависимости».

[16] См. след. документ наст. издания.

[17] По указу от 3 марта 1848 г. крепостные крестьяне получили право приобретать незаселенные земли в собственность, но на имя своих помещиков (отдельные факты такого приобретения отмечались уже с конца XVI в.). Покупные земли в отличие от надельных не подвергались обложению, на них не распространялись ни передел, ни принудительный севооборот.

[18] Выморочное имущество — имущество умерших людей, не оставивших после себя наследников (род или семья «вымерли»). Такое имущество переходило к государству или к определенным публично-правовым организациям, в данном случае — к сельскому обществу.

Положение о выкупе крестьянами, вышедшими из крепостиой зависимости, их усадебной оседлости и о содействии правительства к приобретению сими крестьянами в собственность полевых угодий

Публикуется по: Высочайше утвержденные Его императорским величеством 19 февраля 1861 года Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. СПб., 1861. С. 57–88. Документ приводится в извлечениях и с незначительными сокращениями текста.

19 К состоянию «мелкопоместных» относились дворяне, за которыми числилось менее 21 ревизской души и которые притом либо вовсе не имели пахотной земли, либо имели ее в недостаточном количестве. На момент проведения X ревизии (1858) владельцев таких мелких поместьев насчитывалось 43 тыс., и за ними было «укреплено» 340 тыс. крестьянских душ. «Устройство быта» этих крепостных, как и самих мелкопоместных дворян, осуществлялось на основании «Дополнительных правил об устройстве крестьян, водворенных в имениях мелкопоместных владельцев, и о пособии сим владельцам». По прекращении обязательных отношений бывших крепостных со своими владельцами им предоставлялось право водворяться на казенные земли с получением от государства материальной помощи и ряда льгот при обзаведении и обустройстве хозяйства. Денежное пособие оказывалось (по ходатайству) и самим мелкопоместным владельцам. (См. об этом подробнее: Высочайше утвержденные... С. 323–327.)

20 Введенной указом Петра I в 1705 г. рекрутской повинности подлежали лица податных сословий (крестьяне, мещане и пр.). До 1793 г. «рекрутчина» была общинной и пожизненной, т. е. рекрутов выставляла община на пожизненный срок; в 1793–1834 гг. срок их службы составлял 25, затем — 20 лет. После Крымской войны 1853–1856 гг. срок был сокращен до 15 лет — 10 (затем 7) лет действительной службы и 5 (затем 8) лет бессрочного отпуска, в течение которого рекрут мог быть призван на действительную службу. В 1874 г. указом Александра II рекрутская повинность была заменена всеобщей воинской повинностью, обязательной для всех сословий.

Н. Г. Чернышевский
Барским крестьянам от их доброжелателей поклон

Публикуется по: *Н. Г. Чернышевский.* Полн. собр. соч. В 15 т. Т. 16 (доп.). М., 1953. С. 947–953. Первая полная публикация документа осуществлена в первом томе «Избранных сочинений» Чернышевского (М.; Л., 1928). Название документа составили начальные слова обращения к крестьянам. Написано в марте 1861 г. (между первыми числами и 25 марта). Представляет собой очевидный образец агитационной литературы революционного народничества 60–70-х гг. XIX в., отличающейся заведомым отступлением от языковых норм и «упрощенной» объективностью. Стиль и язык документа максимально приближены к его адресатам — как правило, неграмотным или малограмотным крестьянам. Вопреки сказанному в обращении, оно печаталось в России, в нелегальной типографии в Москве. В связи с арестом В. Д. Костомарова, взявшегося за печатание прокламации, а затем и самого автора, напечатать и распространить обращение не удалось. Его текст служил главным обвинительным аргументом против Чернышевского.

Чернышевский Николай Гаврилович (1828–1889) — писатель, публицист, один из идеологов революционной демократии. Сын священника. Учился в духовной семинарии, затем на отделении общей словесности философского факультета Петербургского университета. В 1856–1859 гг. активно участвовал в формировании широкого антикрепостнического лагеря (публикация в журнале «Современник» либеральной программы К. Д. Кавелина, обсуждение на страницах журнала условий выкупа крестьян и т. д.). После завершения работы над проектом реформы отмечал, что «результат оказался такой, что изменены были формы отношений между помещиками и крестьянами, с очень малым, почти незаметным изменением существа прежних отношений». (См.: Полн. собр. соч. Т. 10. С. 99.) В июле 1862 г. был арестован по обвинению в связях с «лондонскими пропагандистами» (А. И. Герценом и Н. П. Огаревым); приговорен к 7 годам каторги с последующим поселением в Сибири (с 1883 г. находился под надзором полиции в Астрахани, затем Саратове).

21 В Манифесте о даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей и об устройстве их быта, который зачитывался крестьянам от имени Александра II, говорилось: «Как новое устройство, по неизбежной многосложности требуемых оным перемен, не может быть произведено вдруг, а потребуется для сего время, примерно не менее двух лет». До истечения этого срока крестьянам и дворовым людям предлагалось «пребывать в прежнем повиновении помещикам и беспрекословно исполнять прежние их обязанности».

22 Арестантские роты гражданского ведомства созданы в 1828 г. в целях сокращения расходов на пересылку ссыльных в Сибирь, а также содействия развитию губернских городов путем использования подневольного арестантского труда. К 1865 г. число арестантских рот доходило до 32-х. В них поддерживалась воинская дисциплина, а заключенные были заняты на тяжелых работах по мощению улиц, постройке мостов и др. С 1845 г. содержали только лиц, «не изъятых от телесного наказания» (лиц привилегированных состояний вновь начали ссылать в Сибирь). В 1870 г. преобразованы в «исправительные арестантские отделения гражданского ведомства», отличавшиеся от арестантских рот отсутствием военной дисциплины и использованием труда арестантов только внутри тюремных помещений.

23 Точнее — временнообязанные. Термин «срочнообязанные» употреблялся в первые годы разработки Крестьянской реформы 1861 г., но после отказа от установления определенного срока для обязанных отношений и признания, что эти отношения должны продолжаться вплоть до момента выкупа земельных наделов, в текст «Положений...» вошел термин «временнообязанные». Фактически в ходу оставались оба термина.

24 Процесс перехода крестьян из временнообязанного состояния в разряд крестьян-собственников (после которого и наступало их полное личное

освобождение) завершился только 1 января 1883 г., когда к этому разряду были автоматически причислены 15 % крестьян, все еще находившихся в обязательных поземельных отношениях со своими помещиками.

25 В действительности так называемые «отрезки» составили 20 % бывших земельных наделов крестьян; после размежевания земель в ходе Крестьянской реформы 1861 г. стали частью земельных угодий помещиков.

26 Межевщики, то же, что землемеры, землеустроители — определяли и утверждали, посредством особых знаков и актов, границы поземельных наделов.

27 Помещику предоставлялось право требовать перенесения крестьянами их усадеб, без их на то согласия, в трех случаях: а) если крестьянские постройки находились ближе 50 саженей от построек помещичьих имений; б) если отдельная крестьянская усадьба располагалась посреди господских земель и в) если «для разверстания помещичьих полевых угодий с крестьянскими встретится необходимость в перенесении нескольких или всех усадеб селения». Перенесение крестьянских усадеб со всеми их постройками осуществлялось за счет помещика на расстояние не более 10 верст (в степной полосе — 15) от прежней усадебной оседлости.

28 Вшивая вода — видимо, вода как среда обитания болезнетворных насекомых.

29 Выгон, то же что пастбище — место пастьбы скота; в отличие от пастбища находился, как правило, в непосредственной близости от селений. Выгонные земли продолжали оставаться в общем и нераздельном пользовании крестьян и помещика и после размежевания земельных угодий в ходе Крестьянской реформы 1861 г.

30 Автор имеет в виду места захоронений — погосты (сельские кладбища).

31 Околоток — на юге России, данное слово употреблялось для обозначения селения, а также окрестных жителей.

32 Речь идет о Прибалтийском (Остзейском) крае, включавшем в себя три губернии — Лифляндскую, Эстляндскую и Курляндскую. Называя его «поганой землей» для крестьянства, автор обращения имел в виду проведенное правительством в 1817–1819 гг., по согласованию с прибалтийским дворянством, освобождение крестьян от крепостной зависимости без наделения их земельными наделами. Это привело к широкому распространению в крае батрачества и бобыльства, вылившемуся весной 1858 г. в массовое крестьянское движение.

Рига — исторический центр Прибалтийского края, в 1782–1876 гг. центр Лифляндского, Эстляндского и Курляндского (Прибалтийского) генерал-губернаторства (ныне столица Латвийской республики); Ревель — в 1219–1917 гг. официальное название г. Таллин (ныне столица

Республики Эстония); Митава — в 1573–1917 гг. официальное название г. Елгава (ныне в Латвийской республике).

[33] Удельные (до 1797 г. — дворцовые) крестьяне принадлежали членам царствующего дома и управлялись Департаментом уделов (с 1826 г. — Министерство императорского двора и уделов). Находились в удельных имениях 18 губерний (более половины из них в двух поволжских — Самарской и Симбирской — губерниях) и занимали промежуточное положение между помещичьими и государственными крестьянами. Накануне Крестьянской реформы 1861 г. около 850 тыс. удельных крестьян приносили царской семье только в виде оброка до 3 млн рублей серебром. Положение о поземельном устройстве данного разряда крестьян было принято 26 июня 1863 г. В составе удельных крестьян находились кабинетские («государевы») крестьяне, принадлежавшие самому императору.

[34] *Екатерина II* (1729–1796) — российская императрица с 1762 г. За время ее правления было роздано сановникам и фаворитам «за особые заслуги» 800 тыс. крестьянских душ. «Пожалования» проводились не только за счет раздачи государственных (казенных) крестьян, но и имений, конфискованных у опальных вельмож, «выморочных» имений, бывших монастырских крестьян и пр.

[35] Исправник (со времени учреждения должности в 1775 г. и до 1862 г. — капитан-исправник) — чин, возглавлявший уездную полицию; избирался местным дворянством на три года (с 1862 г. назначался и увольнялся губернатором).

Становой пристав — полицейский в стане (с 1837 г. полицейская территориальная единица, соответствовала части уезда); должность введена после распространения полицейской сети на сельские районы страны; подчинялся исправнику и земскому суду.

Писарь — выборная должность в органах крестьянского самоуправления; ведая делопроизводством при почти поголовной неграмотности крестьян, в т. ч. членов волостного правления, обретал не свойственные своей должности властные полномочия: зачитывал и истолковывал законы, выдавал паспорта, вел учет всех сборов.

[36] Государственные крестьяне принадлежали казне и потому именовались также казенными. Юридически оформлены в качестве особого разряда податного населения указами Петра I в 1719–1724 гг. Официально именовались «свободными сельскими обывателями», но, не будучи крепостными, также являлись зависимой категорией крестьянства: только при Александре I прекратилась раздача государственных крестьян в частные руки путем «пожалований». За пользование казенными земельными наделами обязаны были нести определенные законом повинности в виде оброка; платили подушную подать и несли другие денежные и натуральные повинности.

К началу Крестьянской реформы 1861 г. к разряду государственных относилось 9345 тыс. крестьянских душ. Положение об их поземельном устройстве было принято 24 ноября 1866 г., тогда же государственные крестьяне были подчинены общей системе сельского управления.

37 В данном случае слово «соглашайтесь» приводится в значении «входите в соглашение».

38 Окружные — начальники округов (один округ включал в себя 2–3 уезда); должность окружного начальника соответствовала должности исправника.

39 Так в тексте обращения.

40 Булгу поднять — забить тревогу, взбудоражить, взбаламутить.

41 Христиания (Кристиания) — в 1624–1924 гг. название г. Осло; с 1814 г. — столица Норвегии, вошедшей в том же году в шведско-норвежскую унию, фактически навязанную ей более сильной Швецией. В действительности, обращение Н. Г. Чернышевского печаталось нелегально в России, в Москве.

Н. П. Огарев. Что нужно народу?

Публикуется по: *Н. П. Огарев.* Избранные социально-политические и философские произведения. В 15 т. Т. 1. М., 1952. С. 527–536. Первая публикация статьи состоялась 1 июля 1861 г. в издаваемой А. И. Герценом и Н. П. Огаревым в Лондоне газете «Колокол» (для ее скорейшего появления на свет была прервана публикация другой статьи Огарева: «Разбор нового крепостного права»; см. след. документ наст. раздела). Одновременно статья была выпущена в виде листовок в формате «Колокола», а также в малом формате (несколько десятков тысяч экземпляров было переправлено в Россию). Статья, написанная при участии Н. Н. Обручева, в форме обращения к народу стала программным документом русского революционного движения начала 60-х гг. XIX века.

Огарев Николай Платонович (1813–1877) — участник революционного движения, поэт, публицист. Из дворян, сын крупного помещика. В 1829–1834 гг. — вольнослушатель Московского университета (физико-математического, затем нравственно-политического отделений). В 1840-х гг. предпринял попытку перевести своих крепостных на систему вольнонаемного труда. Друг и соратник А. И. Герцена, вместе с которым стоял у истоков народничества. С 1856 г. — эмигрант, один из руководителей Вольной русской типографии в Лондоне, инициатор издания и соредактор газеты «Колокол». Разрабатывал социально-политическую программу крестьянской революции в духе «общинного социализма», развивавшего идеи «русского социализма» Герцена, участвовал в подготовке и создании революционного общества «Земля и воля» (1861–1862).

42 Искариотство — производное слово от имени Иуды Искариотского (Искариота), открывшего, согласно преданию, синедриону ночное местопребывание последних дней Иисуса Христа за 30 серебренников.

43 В царской России подлежащие обнародованию нормативные акты (манифесты, указы и др.) зачитывались, как правило, в церквах, под наблюдением особо уполномоченных чиновников.

44 Автор имеет в виду, в частности, факт расстрела крестьян в с. Бездна Спасского уезда Казанской губ., получивший широкий отклик в российской и зарубежной печати. Длившиеся с конца марта 1861 г. волнения крестьян, вызванные ожиданием «истинной воли», якобы данной царем, но скрываемой от народа помещиками, закончились присылкой в уезд карательной экспедиции. По официальным данным, 12 апреля при «образумлении» толпы крестьян в несколько тысяч человек было убито 70 чел., тяжело ранен 21 крестьянин (все умерли), «всех жертв было более 350 человек». Расстрелу подверглась и 10-тысячная толпа крестьян в с. Кандеевка Керенского уезда Пензенской губ. (18 апреля 1861 г.; крестьяне выдержали три залпа и были рассеяны штыковой атакой семи рот солдат). Редакция газеты «Колокол» откликнулась на эти расправы серией статей.

45 Заводские (приписные) крестьяне — разряд крестьянского населения, сформировавшийся после введения Петром I практики приписки казенных (государственных) крестьян к заводам (казенным и частным), выполнявшим государственные заказы. В начале XIX в. сформировали категорию т. н. «непременных работников» (от каждой тысячи «приписных» отбиралось 58 чел. не старше 40 лет, которые пожизненно прикреплялись к горным заводам). Попав в разряд «мастеровых», они лишались права на получение земельных наделов в ходе проведения Крестьянской реформы 1861 г.; согласно принятым на их счет правилам каждый из них наделялся лишь одной десятиной сенокосных угодий.

46 Третейский суд — суд, образуемый сторонами спора. Обращение к нему зависит от воли сторон.

Н. П. Огарев. Разбор нового крепостного права

Публикуется по: *Н. П. Огарев.* Избранные социально-политические и философские произведения. В 15 т. Т. 1. М., 1952. С. 468–526. (Полное авторское название статьи: «Разбор нового крепостного права, обнародованного 19 февраля 1861 года в Положениях о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости»). Впервые напечатана в номерах газеты «Колокол» за июнь–сентябрь 1861 г. (краткий перерыв в ее печати был связан с публикацией 1 июля статьи Огарева: «Что нужно народу?»); в октябре того же года вышла отдельным изданием в Лондоне. Ввиду большого объема статьи в настоящем издании приводится извлечение из ее текста с несущественными сокращениями.

[47] См. комм. 44. В статье И. И. Игнатовича говорится, что только в 1861 г. войсками было убито и ранено 210 крестьян, заключено под стражу 1712, наказано шпицрутенами 4777. (См.: *Игнатович И. И.* Крестьянские волнения // Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Юбилейное издание. В 6 т. Т. 3. М., 1911. С. 41–65.) Весьма примечательна запись в дневнике П. А. Валуева, занимавшего в первые месяцы 1861 г. пост управляющего делами Комитета министров; он отметил 15 апреля: «... Из губерний тревожные вести. Случаи неповиновения крестьян умножаются. В Казанской губ. дело дошло до стрельбы и, говорят, убито 60 человек. В Пензе взбунтовалась уваровская вотчина и взяла в плен исправника и сотского. Везде крестьяне недоумевают насчет земли, которая будто бы дается им в надел, но дается не даром, а большею частью за прежние повинности. Само правительство здесь частью виновато. Оно твердило и ободряло других твердить печатно, что безземельный крестьянин немыслим, что он должен быть собственником и т. п. Когда дошло до практики, разъяснение этих понятий оказалось затруднительнее на деле, чем на бумаге. ...». (См.: Дневник П. А. Валуева. Министра внутренних дел. В 2 т. Т. 1. 1861–1864 гг. М., 1861. С. 102.)

[48] В дневнике П. А. Валуева отмечено 12 марта: «Сегодня нечто вроде организованной властями крестьянской демонстрации. Я не видал ее, но говорят, что у Зимнего дворца собралось до тысячи, до двух тысяч или до *двухсот* тысяч [varias fama vocos habet (слава имеет разные голоса — *лат.*)] крестьян. Депутация из 12-ти человек была допущена к государю и поднесла хлеб-соль». (См.: Дневник П. А. Валуева... С. 82.)

[49] Бобыли — в документах упоминаются с конца XVI в. Хозяйственно маломощные крестьяне; за неимением собственного рабочего скота или орудий труда обрабатывали участки меньших размеров; ввиду маломощности облагались государственными и владельческими повинностями и платежами в половинном размере. В переносном смысле — обнищавшие, бездомные, одинокие люди.

[50] В данном случае речь идет о крестьянах, выделившихся из общины и ведущих личное (частное) хозяйство на укрепленных за ними земельных наделах.

[51] Правильное название: «Местное положение о поземельном устройстве крестьян, водворенных на помещичьих землях в губерниях Великорусских, Новороссийских и Белорусских». В ст. 115 данного Положения говорилось: «Каждому крестьянскому обществу предоставляется [право] заменить общинное пользование наследственным, то есть: отменив переделы и разверстку мирской земли, разбить ее, раз навсегда, на подворные участки и раздать их домохозяевам в потомственное пользование, с соблюдением при этом двух условий: во-1-х, чтобы мирской приговор был составлен на основании

ст. 54-й Общего о крестьянах положения [в данной статье указывались дела сельского общества, решение которых требовало согласия «двух третей всех крестьян, имеющих голос на сходе». — *В. К.*]; во-2-х, чтобы на такую замену было всегда согласие помещика...» (См.: Высочайше утвержденные... С. 164.)

В ст. 116 развивалось и конкретизировалось содержание предшествующей статьи, подчеркивалось, что «по отмене общинного пользования землею, крестьянское общество может развести наследственные подворные участки к одним местам». (См.: Там же.)

52 Здесь и далее по тексту документа: выделения курсивом ряда мест в цитируемых статьях «Положений...» и примечаниях к этим статьям сделаны автором.

53 Ипотека — обеспечение какой-либо сделки путем залога недвижимости (в данном случае — земли), принадлежащей должнику, который получает долгосрочную ссуду при сохранении заложенного имущества.

54 От старорусского слова ажиотажъ, предполагавшего в одном из своих значений торговлю и оборот деньгами, акциями, облигациями.

55 Annuités — ежегодная рента; периодически выплачиваемый взнос (обычно в течение продолжительного времени) в погашение полученного займа, включая проценты (*лат.*).

56 Доктринаризм, или социальное доктринерство; в данном случае, говоря о доктринаризме, автор имеет в виду сторонников умеренного экономического и политического либерализма, занятых поиском социального консенсуса в обществе и доказывавших в своих публикациях «священную обязанность» общественных деятелей «беречь свое гражданское достояние, успокаивать бунтующие страсти, отвращать кровавую развязку».

57 Так в тексте.

58 Автор статьи имеет в виду главу II второго отдела «Положения о выкупе...» В ст. 39 данной главы говорится, что «заведование выкупною операциею в империи возлагается, на первое время, на С.-Петербургскую Сохранную казну, под ближайшим ведением министра финансов и под высшим надзором Совета Государственных кредитных установлений». Далее речь шла о том, что в губерниях заведование возлагается на Губернские по крестьянским делам присутствия, в состав которых, по делам, касающимся выкупа, приглашаются председатели местных казенных палат. Прием же, хранение и отпуск сумм по выкупной операции возлагались на местные уездные казначейства.

Н. А. Безобразов. О дальнейшем приведении в действие нового Положения о поместных крестьянах

Публикуется по: *Безобразов Н. А.* Предложения дворянству. Берлин, 1862. Работа над подготовкой документа к изданию была завершена в августе 1862 г.

Содержащиеся в нем предложения собранию дворян Московской губ. с критикой концепции Крестьянской реформы 1861 г. произвели сильное впечатление на слушателей, а затем и на читателей, знакомившихся с текстом документа по распространившимся спискам.

Безобразов Николай Александрович (1816–1867) — общественный деятель, публицист; действительный статский советник. Из старинного дворянского рода. Окончил юридический факультет Московского университета. В 1849–1853 гг. — предводитель дворянства в С.-Петербургском уезде, в 1853–1856 гг. — в Волоколамском уезде Московской губ. Публицистическая и общественная деятельность его связана главным образом с дебатами по крестьянскому вопросу. С конца 1850-х гг. — один из лидеров т. н. «крепостнической» («аристократической») оппозиции готовящейся Крестьянской реформе. В центр своих публицистических работ ставил идею неприкосновенности прав дворянства. 11 января 1862 г. выступил в Дворянском собрании Московской губ. с предложением поднять вопрос о необходимости изменения Положений 19 февраля 1861 г. В 1863 г. основал газету консервативного направления «Весть».

59 Утвердившееся в обиходе, а затем и в литературе название законодательного акта: «Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства». Документ был опубликован за подписью Екатерины II в день ее рождения 21 апреля 1785 г. и сводил воедино все привилегии дворянства, данные ему к тому времени и закреплявшие господствующее положение дворян в обществе. Впервые им «жаловалось дозволение» составлять дворянские общества в наместничествах, губерниях и уездах и собираться «по позыву и дозволению генерал-губернатора или губернатора как для вверенных дворянству выборов, так и для выслушивания предложений генерал-губернатора или губернатора, всякие три года в зимнее время». После восшествия на престол Павла I действие «Жалованной грамоты», как и многих других законодательных актов Екатерины II, было отменено (1796), но вскоре подтверждено императором Александром I.

60 Так в тексте документа.

61 Сложное слово, означающее «безначальное и бесконечное бытие, вечность».

62 Здесь и далее по тексту документа: отточия, заключенные в квадратные скобки, сделаны автором.

63 Пустопоместные — так назывались дворяне, не имевшие не только имений, но и усадеб.

64 При осуществлении выкупной операции завершение выкупной сделки крестьянами с помещиком наступало после выплаты ими 20 (при получении высшего надела) или 25 % (при получении неполного надела) суммы

выкупного долга. Уплату помещикам остальных 80 или 75 % суммы долга брало на себя правительство путем предоставления им на ту же сумму государственных 5 %-х бумаг. Крестьяне, освободившись таким образом от временнообязанных отношений с помещиком, вступали в долговые отношения с государством. Остальную часть причитающейся с них суммы выкупа они должны были выплачивать государству с рассрочкой на 49,5 лет и начислением 6 % годовых.

[65] Дамоклесов (*прав.*: Дамоклов) меч — выражение, означающее близкую, нависшую над кем-то угрозу при видимом благополучии. Имеет своей основой греческое предание о сиракузском тиране Дионисии Старшем (кон. V в. до н. э.) и его фаворите Дамокле, считавшем своего повелителя счастливейшим из смертных. Чтобы разуверить Дамокла, Дионисий предложил ему занять его престол. Проснувшись на следующий день на ложе тирана, Дамокл увидел обнаженный меч, висящий над ним на конском волосе, и понял призрачность видимого благополучия.

[66] В 1860–1861 гг. по всему Царству Польскому прокатилась волна массовых манифестаций в память о годовщине восстания 1830 г. Одной из самых крупных стала демонстрация в Варшаве в феврале 1861 г., для разгона которой российское правительство применило войска. В Польше было введено военное положение; вместе с тем, правительство сделало ряд уступок патриотическому движению, которые способствовали его расколу (восстановление Государственного совета, открытие ранее закрытого университета в Варшаве и пр.). Это позволило в определенной мере ослабить мощь начавшегося в январе 1863 г. восстания, которое было подавлено как военной силой, так и ценой новых уступок правительства (на этот раз крестьянству Польши, Литвы, Белоруссии и Западной Украины). Взяв на вооружение аграрные проекты повстанцев и объявив в ходе военных действий о земельной реформе в Польше и Западных губерниях империи, правительству удалось лишить патриотическое движение массовой поддержки крестьянства. Согласно указам 19 февраля 1864 г. польские крестьяне, например, получили все земли, находившиеся в их фактическом пользовании до реформы, в полную собственность без выкупных платежей и «отрезков» в пользу помещиков, им же были возвращены незаконно отнятые или обмененные земли, часть безземельных наделялась землей. К осени 1864 г. восстание было окончательно подавлено.

[67] «Благословенный» — закрепившееся в дореволюционной официозной историографии наименование императора Александра I.

[68] В данном случае Н. А. Безобразов допускает неточность: «высочайшее предначертание» (известный рескрипт В. И. Назимову) последовало

20 ноября 1857 г., и в нем не говорилось о сроках переходного периода. Указание же на 12-летний срок исходило из циркуляра министра внутренних дел С. С. Ланского, «прилагавшегося» к рескрипту при рассылке его 24 ноября губернаторам и губернским предводителям дворянства; оба документа обнародованы в официальной печати 24 декабря 1857 г.

69 Один из примеров использования автором народного речевого творчества: «вотще» — напрасно, даром, безуспешно.

М. П. Погодин – Н. А. Безобразову

Публикуется по: *Безобразов Н. А.* Московские письма. По поводу предложений, сделанных Н. А. Безобразовым московскому дворянству. Берлин, 1863. Данный документ свидетельствует о реакции на позицию, заявленную одним из лидеров т. н. «крепостнической» («аристократической») оппозиции, представителем другого крыла российского дворянства, которое ставило во главу угла идею возрождения помещичьего землевладения после «освобождения от крестьян».

Погодин Михаил Петрович (1800–1875) — историк, публицист, академик Петербургской АН (1841). Сын отпущенного на волю крепостного крестьянина. В 1821 г. окончил филологическое отделение Московского университета. С 1825 г. — на преподавательской работе в том же университете. Издавал журналы «Московский вестник», «Москвитянин». Главной особенностью России считал отсутствие вражды и борьбы сословий и классов. Выступал последовательным защитником теории «официальной народности». Вместе с тем в выдвинутой им программе действий верховной власти (1856) предлагал твердо заявить о намерении «освободить постепенно крестьян». Сторонник проведения общественно-политических преобразований, приветствовал реформы Александра II.

70 *La parole est élastique* — слово гибко (*фр.*).

71 В данном случае речь идет о большинстве членов Секретного (затем — Главного) комитета по крестьянскому делу, а также о большинстве членов губернских комитетов, придерживавшихся первоначальной концепции аграрной реформы, суть которой состояла в освобождении крестьян без земельного надела, только с усадьбой.

72 Автор упоминает о немецких землях (ошибочно называя Шварцбург-Рудольштатское княжество герцогством), жители которых составили после 1764 г. значительную массу переселенцев, приглашенных Екатериной II в Россию для хозяйственного освоения районов Поволжья, а позднее Крыма.

73 Указывая на бережное отношение к земле в европейских странах, автор письма приводит искаженный и неполный вариант поговорки: «Он на обухе рожь молотит, зерна не обронит».

[74] *Куца* (*прав.*: Куза) Александр Иоанн I (1820–1873) — князь соединенных княжеств Молдавии и Валахии с января 1859 г. Получил образование в Париже и Болонье. Представительными собраниями княжеств был провозглашен «князем Румынии». Освободил крестьян от барщины, наделил их землей. В феврале 1866 г. в результате государственного переворота был арестован и отрекся от престола.

[75] *Фуад-паша Мехмед* (1814–1869) — турецкий государственный деятель. Получил медицинское образование. Занимал посты министра иностранных дел, финансов, в 1861 г. назначен великим визирем. Убежденный сторонник прогрессивных реформ в Турции, убедил султана Абдул-Азиса совершить поездку в Западную Европу. На пути преобразований встретил ожесточенное сопротивление придворной партии.

[76] Во время правления наместника (вали) Египта *Саида-паши* (1854–1863) было дано разрешение на прорытие Суэцкого канала (постройка окончена в 1869 г.), отменена монополия хлебной торговли и разрешена свободная реализация крестьянами произведенной ими продукции, натуральные платежи заменены денежными податями, отменено рабство и работорговля.

[77] *Петр III Федорович* (1728–1762) — российский император (25.12.1761–28.06.1762), внук Петра I. 18 февраля 1762 г. подписал Указ, вошедший в историю как «Манифест о вольности дворянства». Указ освобождал дворян от обязательной государственной службы, давал им право свободно выезжать за границу и даже наниматься на службу другому государю (в случае военной опасности обязаны были вернуться на родину и встать в ряды ее защитников).

[78] Курульское (*прав.*: курульное) кресло — в Древнем Риме почетное кресло, имевшее форму складного стула без спинки и украшенное слоновой костью, драгоценными металлами и др. Обладание им являлось одной из привилегий высших должностных лиц — курульных эдилов, преторов, консулов. Только сидя на нем, по римским обычаям, они могли вершить суд и расправу, выслушивать просителей и пр.

Всеподданнейший адрес тверского дворянства

Публикуется по: *Лемке М. К.* Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». СПб., 1908. С. 447–449 (документ был воспроизведен автором «Очерков...» с заверенной копии). Всеподданнейший адрес был подан Александру II после завершения губернского дворянского собрания, состоявшегося 1–3 февраля 1862 г. Подписан губернским предводителем дворянства, девятью уездными предводителями и 103 депутатами. По оценке П. А. Валуева, данной 10 февраля 1862 г., «тверской адрес, полученный на днях, еще хуже московского». За его подачу 13 дворян (бывших мировыми посредниками) по

личному приказу Александра II были арестованы и заключены в Петропавловскую крепость сроком на два года, но вскоре освобождены (с лишением права занимать выборные должности).

79 Представляя нечерноземную Тверскую губ., где земля не имела большой ценности и размер оброка (определявший величину выкупных платежей) превышал доходность земли, большинство подписавших адрес дворян были заинтересованы не в сохранении земельных наделов, а в обязательном их выкупе крестьянами. Эта категория дворян-землевладельцев в отличие от помещиков черноземных губерний была самым активным элементом, требовавшим при разработке антикрепостнического законодательства освобождения крестьян «с землей».

80 Настаивая на расширении социальной базы выкупной операции, дворяне-землевладельцы надеялись увеличить размер причитающегося им выкупного капитала (который должен был вырасти за пределы платежеспособности одного крестьянства), и тем самым быстрее начать «возрождение» угасающего помещичьего землевладения.

А. И. Кошелев. Какой исход для России из нынешнего ее положения?

Публикуется по: *Кошелев А. И.* Какой исход для России из нынешнего ее положения? Лейпциг, 1862. В виде приложений книга включала в себя также не пропущенную ранее цензурой статью Кошелева «Что такое русское дворянство и чем оно быть должно?» и две части статьи И. С. Аксакова «Дворянское дело», ответом на которую и являлась последняя статья Кошелева. В предисловии к изданию он писал: «Мы представили в цензуру нашу статью “Что такое русское дворянство и чем оно быть должно?” и не получили разрешения на ее напечатание под предлогом, что статья может раздражить дворянство. <...> После этого нельзя было и думать о напечатании в России записки “Какой исход для России из нынешнего ее положения?”...» (См.: Кошелев А. И. Какой исход ... С. I–II.)

Кошелев Александр Иванович (1806–1883) — общественный деятель, публицист. Из дворян, крупный землевладелец. После окончания экстерном Московского университета (1822) служил в Министерстве иностранных дел. Вернувшись из путешествия по Европе (1831–1832) стал «убежденным антиевропейцем», видным представителем «славянофильского либерализма». В 1840-х гг. обозначилась его антикрепостническая позиция. С 1856 г. — издатель и редактор славянофильских журналов «Русская беседа» и «Сельское благоустройство». В том же году подготовил записку «О необходимости отмены крепостного состояния в России» — проект освобождения крестьян с землей за выкуп (в феврале 1857 г. была представлена Александру II). В 1858 г. по представлению рязанского губернатора

М. К. Клингенберга (фактически — стараниями вице-губернатора М. Е. Салтыкова-Щедрина) назначен в губернский комитет по крестьянскому делу. Был в числе первой «депутации» дворян, вызванных в Петербург для участия в совместной работе с Редакционными комиссиями; после отказа последних от сотрудничества участвовал в подписании адреса на «высочайшее имя» с просьбой представить замечания депутатов на окончательный проект крестьянской реформы, выработанный Редакционными комиссиями, до передачи их в Главный комитет по крестьянскому делу, за что был подвергнут административному взысканию. С 1865 г. — гласный уездного и Рязанского губернского земских собраний, в 1870-х гг. — гласный Московской городской думы. В 1871–1872 гг. издавал журнал «Беседа», в 1880–1882 гг. — газету «Земство».

81 Помимо двух «главнейших дел», представляемых читателю в публикуемой «записке», А. И. Кошелев рассматривал в ней еще два «дела» («Финансовое дело» и «Бюрократия»), исключенных составителем из-за ограниченного объема издания.

82 Рескрипт — акт монарха в форме конкретного предписания министру или какому-либо другому лицу.

83 В данном случае Кошелев развивает тему, поднятую им в 1860 г. в анонимно изданной в Лейпциге брошюре «Депутаты и редакционные комиссии по крестьянскому делу». В ней он подверг резкой критике высшую бюрократию, не допустившую губернских представителей к обсуждению крестьянского вопроса в Главном комитете в «нарушение» обещания императора. Этот вопрос задевал автора «за живое», поскольку он входил в состав первой «депутации» членов губернских комитетов по крестьянскому делу, представляя в ней рязанское дворянство.

84 Речь идет о той части выкупных платежей (20 или 25 % в зависимости от получаемого крестьянами надела), которую крестьяне обязывались выплачивать наличными непосредственно владельцам земельных наделов (см. комм. 64). Уплату помещикам остальных 80 или 75 % суммы выкупного долга крестьян брало на себя правительство путем предоставления им на ту же сумму государственных 5-процентных бумаг, что гарантировало исправное получение вознаграждения за землю.

85 Интердикция (от *лат.* interdictum — запрещение) — в католицизме в Средние века одна из форм церковного воздействия и наказания. Заключалась во временном запрещении отправлять церковные обряды (без отлучения от Церкви). Запрет налагался как на отдельные лица, так и на целые территории (города, страны); использовался для борьбы с ересями и пр.

86 Автор «записки» имеет в виду свою статью «Что такое русское дворянство и чем оно быть должно?», которая должна была стать ответом на публи-

кацию И. С. Аксаковым статьи «Дворянское дело» в номерах газеты «День» за 2 и 9 декабря 1861 г. Эта статья освещала положение дворянского сословия в пореформенный период.

[87] В действительности речь идет не о журнале, а о еженедельной славянофильской газете «День» (выходила в Санкт-Петербурге с октября 1861 г. по 1865 г.).

[88] По большей части с придачами — т. е. со взятками.

[89] Les meneurs — их руководители (вожди, заправилы) (*фр.*).

[90] Речь идет, в данном случае, о выступлении дворянства против «засилья» бюрократии, о том, чтобы, по словам А. И. Кошелева, «решительно стать на почву иную, твердую и верную, на которой мы можем быть людьми, гражданами, добросовестными слугами Отечества».

С. Г. Нечаев. Основные положения

Публикуется по: *Рудницкая Е. Л.* У истоков «Общества народного освобождения»: К истории идейного и организационного оформления русского бланкизма // История СССР. 1986. № 6. С. 21–39. Автограф документа, принадлежащий руке Нечаева, был обнаружен в Цюрихском кантональном архиве. На русском языке впервые опубликован Е. Л. Рудницкой. «Основные положения» написаны Нечаевым после разрыва с М. А. Бакуниным и Н. П. Огаревым (1870) и должны были стать программным документом новой (после «Народной расправы») организации, которую он стремился создать до своего ареста в Цюрихе в августе 1872 г.

Нечаев Сергей Геннадиевич (1847–1882) — участник революционного движения. Из семьи ремесленника. Самостоятельно освоил гимназический курс, с 1867 г. учился в Петербургском университете. В 1869 г. выехал за границу, установил связи с Бакуниным и Огаревым, издал ряд пропагандистских материалов, в т. ч. «Катехизис революционера». После возвращения организовал в Москве тайное общество «Народная расправа» (сентябрь 1869). После организации убийства одного из членов общества бежал за границу. В августе 1872 г. арестован швейцарскими властями как уголовный преступник, выдан русскому правительству. В 1873 г. приговорен к 20 годам каторги; наказание отбывал в одиночной камере Петропавловской крепости, умер в заключении.

[91] Гмина (*польск.* gmina) — слово, близкое русскому слову «община». Включает в себя три понятия: а) гмина как основная единица территориального деления страны; б) как самоуправляемое местное сообщество; в) как административное учреждение. В западных губерниях России так назывались крестьянские земли, находящиеся в индивидуальной собственности. В данном контексте слово употребляется в значении единицы территориального деления страны.

92 Брак в оригинале документа.

93 Употребляемое С. Г. Нечаевым понятие «славянская раса» не входило в систему терминов русского революционного движения.

П. Л. Лавров. Вперед! – Наша программа

Публикуется по: Революционное народничество 70-х годов XIX века. В 2 т. Т. I. 1870–1875 гг. М., 1964. С. 20–38. Впервые напечатана в августе 1873 г. как передовая статья первого тома журнала «Вперед». Приводится в извлечениях.

Лавров Петр Лаврович (1823–1900) — общественный деятель, философ, публицист; один из идеологов революционного народничества. Из дворян. В 1846–1866 гг. — профессор высшей математики в Артиллерийской академии. После увольнения из академии и ссылки за проведение «вредных идей» в печати эмигрировал (1870). В работах 1870–1880-х гг. уделял большое внимание проблемам подготовки революции, в частности, первым в России разрабатывал учение о партии, во 2-й пол. 1870-х гг. обосновал концепцию общероссийской тайной революционной партии. С 1881 г. тесно сотрудничал с «Народной волей».

94 Так в тексте документа.

95 Речь идет о последователях К. Маркса, выдвинувшего идею создания Международного товарищества рабочих (Интернационала; создан в сентябре 1864 г.), который должен был объединить рабочее движение разных стран, прежде всего в Европе и Северной Америке.

96 Автор имеет в виду сторонников анархистской концепции строительства международной организации рабочих, которая была воплощена в федеративном устройстве Анархистского интернационала, созданного М. А. Бакуниным в сентябре 1872 г. Выдвинутая им программа действий отрицала марксистские идеи о необходимости борьбы рабочего класса за политические права в буржуазном государстве и о диктатуре пролетариата.

97 По словам П. Л. Лаврова, эта партия представляла в России «не особенно обширную и вовсе не однородную, но тем не менее заслуживающую внимания группу людей с положением в обществе, с капиталом, с именем в прессе, с влиянием в земстве и в судебном сословии, с административной опытностью». (См.: Революционное народничество 70-х годов XIX века... Т. I. С. 33–34.)

Программа общества «Земля и воля»

Публикуется по: Революционное народничество 70-х годов XIX века. В 2 т. Т. II. 1876–1882 гг. М., 1965. С. 27–33. Публикуемые в настоящем издании две редакции программы тайного общества «Земля и воля» свидетельствуют о продолжении поиска народниками верного революционного курса после

выявившейся в 1874–1875 гг. несостоятельности надежд на немедленную социальную революцию крестьянства. Возникшая в 1876 г. в Петербурге «Земля и воля» стала первой четко оформленной революционной организацией 1870-х гг., выдвинувшей на первый план «народные требования», «реально осуществимые в ближайшем будущем», вместо отвлеченной социалистической пропаганды периода «хождения в народ».

[98] Губа — в России в XVI–XVII вв. территориальный округ, в пределах которого действовала уголовная юрисдикция губного старосты; губные учреждения представляла губная изба.

[99] Окончание текста Первоначальной редакции программы общества «Земля и воля» не приводится в настоящем издании ввиду почти полной его тождественности последним положениям Окончательной редакции программы.

[100] В настоящем документе приводятся два пункта требований «революционной партии». Опущены, как не имеющие прямого отношения к освещаемой теме, пункты ее требований «в области религиозной», а также в области национально-государственного устройства.

[101] Далее следует изложение «ближайших практических задач» партии, подразделяемых на:

А. Часть организаторскую, в которой речь шла об организации революционных сил путем как литературной пропаганды и агитации, так и «агитации в самом широком смысле этого слова, начиная с легального протеста против местных властей и кончая вооруженным восстанием, т. е. бунтом»;

Б. Часть дезорганизаторскую, в которой излагались планируемые мероприятия по «дезорганизации» государства, включая «систематическое истребление наиболее вредных или выдающихся лиц из правительства и вообще людей, которыми держится тот или другой ненавистный нам порядок».

Черный передел

Публикуется по: Революционное народничество 70-х годов XIX века. В 2 т. Т. II. 1876–1882 гг. М., 1965. С. 137–144. Документ представляет собой передовую статью (автор Г. В. Плеханов) первого номера газеты «Черный передел». Печатается с незначительным изъятием. Одно из первых крупных выступлений программного характера чернопередельцев, после раскола в августе 1879 г. «Земли и воли» на два общества — «Черный передел» («деревенщиков») и «Народную волю» («политиков»). Публикуемая статья отражает взгляды основателей «Черного передела» на первом этапе его существования.

[102] *Маков* Лев Саввич (1830–1883) — государственный деятель. По окончании Пажеского корпуса (1849) находился на военной службе, с 1860-х гг.

служил в ведомствах Министерства внутренних дел. В 1876 г. — товарищ министра, с 1878 г. — управляющий министерством, с 1879 г. — министр внутренних дел. При нем было разослано по губерниям циркулярное письмо, разъясняющее «немыслимость» ожиданий крестьянами новых земельных наделов в связи с приближением двадцатой годовщины начала Крестьянской реформы 1861 г. (письмо зачитывалось крестьянам на волостных сходах и в церквах). В августе 1880 г. уступил пост М. Т. Лорис-Меликову, став во главе вновь образованного Министерства почт и телеграфов и одновременно управляя департаментом духовных дел иностранных вероисповеданий. С 1881 г. — член Государственного совета. Покончил жизнь самоубийством после вскрытия растраты казенных денег.

103 Мефистофель — один из главных персонажей трагедии И.-В. Гете «Фауст»: посланец ада, дух зла.

104 *Разин* Степан Тимофеевич (1630–1671) — предводитель Крестьянской войны 1670–1671 гг., донской казак. В 1662–1663 гг. — донской атаман, воевал с крымскими татарами и турками, совершил поход в Персию. В 1670 г. возглавил восстание. Казнен.

105 *Пугачев* Емельян Иванович (1740 или 1742–1775) — предводитель Крестьянской войны 1773–1775 гг., донской казак. Был участником Семилетней (1756–1763) и русско-турецкой (1768–1774) войн, хорунжий. В августе 1773 г. под именем императора Петра III поднял восстание яицких казаков, охватившее впоследствии огромные территории Урала и Поволжья. Казнен.

106 Грозный — автор имеет в виду великого князя «всея Руси» и первого русского царя (с 1547) Ивана IV (Грозного) (1530–1584), чья внутренняя политика сопровождалась массовыми опалами и казнями, а также усилением закрепощения крестьян.

107 *Алексей Михайлович* (1629–1676) — русский царь с 1645 г. Неофициально титуловался «Тишайшим». На начало его царствования пришелся пик «кабацкого раздолья», что потребовало принятия кардинальных мер борьбы с пьянством. В 1652 г. состоялся специальный Собор (вошедший в историю как «Собор о кабаках»), после которого было усилено «антиалкогольное законодательство». Однако упавшие доходы казны от продажи водки заставили правительство уже в 1663 г. возобновить винные откупы, а затем и довести число кабаков до прежнего уровня.

108 Речь идет о Николае I (1796–1855), который занимал с 1825 г. российский престол. После неурожаев 1839–1840 гг., повлекших за собой массовый голод, в целях предотвращения в будущем подобных бедствий предписал местным властям «приступить к разведению картофеля во всех селеньях...»

Тем самым был сделан принципиальный шаг в деле внедрения в земледельческую практику все еще новой для России сельскохозяйственной культуры. Высочайшее вмешательство коснулось миллионов крестьянских хозяйств, упорно игнорировавших до того как посадки, так и потребление «чертовых яблок». Выполняя предписание, местные чиновники принудительно выделяли из крестьянских наделов лучшие земли, заставляя крестьян сообща сажать там картофель. Насильственный характер осуществляемых мер, наряду с «утратой» части надельных земель, стали причинами т. н. «картофельных бунтов» крестьян в первой половине 1840-х гг.

109 Так в тексте. Видимо, правильно: «пронизала собою».

110 Паллиатив — мера, не обеспечивающая полного решения какой-либо задачи; полумера.

Программа Исполнительного комитета

Публикуется по: Сборник программ и программных статей партии «Народной воли». Женева, 1903. Впервые напечатана в № 3 (от 1 января 1880) центрального органа партии — газете «Народная воля»; после ареста фактически всего тиража издания была выпущена 22 марта отдельной листовкой. Ее составление относится к сентябрю–октябрю 1879 г. после окончательного раскола общества «Земля и воля» на Петербургском съезде (15 августа 1879) на две фракции, образовавших вскоре самостоятельные партии. Программа Исполнительного комитета (ИК) стала основным программным документом народовольческого периода революционного движения в России [по воспоминаниям участников движения, принятая еще на Липецком съезде (июнь 1879) сторонников политической борьбы (т. н. «политиков»), программа «Народной воли» представляла собой краткую декларацию, дополнявшую землевольческую программу, и потому не могла соответствовать статусу самостоятельной организации]. Данный документ оказывал влияние на революционно-народнические кружки и после разгрома «Народной воли» в 1882 г., вплоть до середины 1890-х гг.

111 Так в тексте документа. Видимо, правильно: «...монголы преемников Чингисхана», поскольку нашествие на Русь татаро-монгольских орд произошло через десять лет после смерти «великого завоевателя».

112 Далее опущены два раздела программы ИК, как не имеющие прямого отношения к освещаемой теме и не укладывающиеся в объем настоящего издания: раздел «Д», в котором излагаются методы действий партии по подготовке политического переворота, и раздел «Е», указывающий на принципы, которыми она будет руководствоваться в отношениях с правительством, различными лицами и общественными группами.

К. Д. Кавелин. Крестьянский вопрос

Публикуется по: *К. Д. Кавелин.* Собр. соч. В 4 т. Т. 2. Публицистика. СПб., 1898. Стлб. 394–598. Одна из программных статей русского либерализма 1880-х гг. По мысли автора, Россия представлялась «мужицким царством», «необозримым морем оседлого, свободного трудящегося, благоустроенного крестьянства, с сильной центральной властью, обставленной высшей интеллигенцией» (Там же. Стлб. 596). Ввиду значительного объема приводится с большими изъятиями.

Кавелин Константин Дмитриевич (1818–1885) — общественный деятель, правовед, историк; один из идеологов российского либерализма. Из дворян. Окончил юридический факультет Московского университета (1839). В начале 1850-х гг. — один из руководителей кружка либерально настроенной интеллигенции, участники которого сыграли большую роль в подготовке реформ 1860–1870-х гг. Составленная Кавелиным «Записка об освобождении крестьян» легла в основу крестьянского законодательства 1861 г. (основная ее идея — освобождение крестьян с землей и за «вознаграждение владельцам»). В пореформенные годы продолжал активную научную и публицистическую деятельность, сотрудничал в журналах «Вестник Европы», «Русская мысль» и др. Стал родоначальником национальной формы либерализма. В 1882–1884 гг. был президентом Вольного экономического общества.

[113] Сильный голод в 1880 г., охвативший более шести крупных губерний от Поволжья и Южного Урала до Черноземья, был воспринят обществом как следствие многочисленных «несообразностей» антикрепостнического законодательства начала 1860-х гг., вызвав, вместе с тем, всплеск интереса к самой теме аграрно-крестьянской реформы.

[114] Так в тексте автора.

[115] В ходе Крестьянской реформы 1861 г. крестьянин имел право на выкуп у помещика земельного участка («полевого надела») определенного законом размера. Однако по обоюдному согласию он мог получить без выкупа т. н. «дарственный» надел, размер которого определялся в одну четвертую часть высшей надельной нормы (отсюда «четвертной надел»). Получая меньший надел, крестьяне-дарственники освобождались от кабалы выкупных платежей, но оставляли за это остальную землю в собственности помещика. Крестьяне шли на такую сделку в районах, где имелся избыток земли и выкупные платежи были заведомо выше реально существовавшего на тот момент уровня арендных цен. С подорожанием земли и ростом арендных цен положение «дарственников» оказалось наиболее тяжелым среди всех групп крестьянского населения.

[116] Выпуском называлась часть выгона для скота, которая причислялась к усадебной крестьянской оседлости. Без согласия общества (мира) никто из хозяев не мог ни застраивать, ни обращать под хозяйственную обработку те выпуски, которые состояли в общем пользовании крестьян.

[117] Оброчные статьи — так назывались казенные недвижимые имущества (леса, участки земли с полезными ископаемыми и пр.), находившиеся в хозяйственном управлении того или иного ведомства Министерства земледелия и государственных имуществ (в данном случае — департамента земельных имуществ), которые предназначались для сдачи с публичных торгов в оброчное пользование, т. е. аренду, частным лицам.

[118] На некорректность подобного заявления автора статьи указывают многочисленные факты крестьянских волнений, приводимые не только публицистами и исследователями данной проблемы, но и рядом царских сановников (см. комм. 44, 47).

[119] См. комм. 102.

[120] Ревизская душа — единица учета мужского населения Российской империи в XVII–XIX вв. Понятие «ревизская душа» возникло в связи с введением в 1724 г. подушной подати. Каждая ревизская душа считалась наличной до следующей «ревизии» (переписи), даже в случае смерти человека.

[121] *Киселев* Павел Дмитриевич (1788–1872) — государственный деятель; граф. Из старинного дворянского рода. Получил домашнее образование. В 1837–1856 гг. был министром государственных имуществ, провел реформу управления государственными крестьянами, основанную на четкой регламентации прав и обязанностей должностных лиц и крестьян, а также особом внимании к ее социальной составляющей (ликвидация кабаков, создание «киселевских» школ, обязательное оспопрививание и др.); выступал последовательным сторонником отмены крепостного права. В 1856–1862 гг. — посол во Франции. Уйдя в отставку, жил в Швейцарии и Франции.

[122] Инкриминация — обвинение (от *лат.* in — в и crimen — вина, преступление).

[123] Так в тексте. Видимо, следует читать: «наидейственнейшее средство».

[124] Котерии — название тесных союзов лиц со своими особыми, частными и скрываемыми взглядами и намерениями.

[125] Коронная служба — в монархических государствах то же, что служба государственная, казенная.

Наши задачи. (Основные положения программы Союза социалистов-революционеров)

Публикуется по: Революционный радикализм в России: век девятнадцатый: Док. публ. / Под ред. Е. Л. Рудницкой. М., 1997. С. 18–25. Приводится в

извлечениях. Впервые напечатана в 1896 г. на гектографе под названием «Основные положения программы Союза социалистов-революционеров». В 1898 г. с предисловием А. А. Аргунова и под названием «Наши задачи» была издана на мимеографе в Москве, куда к тому времени переместился центр Союза. В 1900 г. отпечатана в Лондоне эмигрантским Союзом русских социалистов-революционеров с послесловием: «Социал-демократы и социалисты-революционеры», написанным лидером этой организации Х. О. Житловским. Программа организации, созданной в 1894–1896 гг. в Саратове и одной из первых в России официально принявшей название социально-революционной. Написана в начале 1896 г. одним из основателей и лидером Союза А. А. Аргуновым, ставшим затем видным деятелем Партии социалистов-революционеров.

[126] Вторая часть программы посвящена способам достижения политической свободы; в ней рассматривались проблемы пропаганды, агитации и организации революционных сил, а также средства революционной борьбы (в т. ч. террористическая деятельность, «фабричные и аграрные бунты, демонстрации и проч.»).

Манифест Партии социалистов-революционеров

Публикуется по: Революционный радикализм в России: век девятнадцатый: Док. публ. / Под ред. Е. Л. Рудницкой. М., 1997. С. 25–32. Документ приводится в извлечениях.Манифест представлял собою программу Партии социалистов-революционеров (южной). Его проект был выработан Воронежской группой социалистов-революционеров и принят с некоторыми поправками и дополнениями съездом южных эсеровских организаций, состоявшимся в конце лета 1900 г. в Харькове.

[127] Данная фраза отражает не только содержание дискуссий в среде социалистов-революционеров в последние годы XIX в. о целесообразности ведения революционной работы в деревне, но и указывает на близость взглядов данной протопартии идеям, которые развивались в статье В. М. Чернова «Очередной вопрос революционного дела».

В. М. Чернов. Очередной вопрос революционного дела

Публикуется по: *Чернов В. М.* Очередной вопрос революционного дела. Лондон, 1900. Программная брошюра Аграрно-социалистической лиги. Ввиду большого объема приводится в извлечениях и с небольшими сокращениями.

Чернов Виктор Михайлович (1873–1952) — политический и государственный деятель, публицист. Из дворян (отец — бывший крепостной, выслуживший дворянство). Учился на юридическом факультете Московского университета (исключен после ареста за участие в студенческом движении). В 1899 г. входил

в число организаторов первой революционной крестьянской организации «Братство для защиты народных прав» (см. комм. 144). Инициатор создания Аграрно-социалистической лиги (1900), в дальнейшем — один из лидеров Партии социалистов-революционеров (с 1902) и автор ее программы; разработал концепцию социализации земли, которая легла в основу аграрной части программы ПСР. После Февральской революции 1917 г. — министр земледелия во Временном правительстве (май–август), член Предпарламента. На первом заседании Учредительного собрания (январь 1918) — председатель и докладчик по аграрному вопросу. После Октябрьской революции 1917 г. входил в ряд антибольшевистских организаций, в 1920 г. эмигрировал.

128 Речь идет о нелегальной крестьянской организации «Тайная дружина», существовавшей с февраля 1877 г. в Чигиринском уезде Киевской губ. Создана членами кружка «южных бунтарей» (Я. В. Стефанович, Л. Г. Дейч и др.) с целью организации местного бунта; процесс создания сопровождался грандиозной мистификацией: крестьянам была предъявлена «утвержденная царем» (в действительности написанная членами кружка) «Высочайшая тайная грамота», в которой царь якобы признавал свое бессилие помочь крестьянам в борьбе против помещиков и предписывал им объединяться в тайные общества для восстания против дворян и чиновников и захвата всей земли. К середине 1877 г. «Тайная дружина», возглавляемая «назначенным царем» комиссаром — Стефановичем, насчитывала около 2000 чел.; восстание намечалось на 1 октября того же года, но в августе организация была разгромлена.

129 Правильное название: «Северный союз русских рабочих» — одна из первых революционных рабочих организаций в России. Действовала в Петербурге в 1878–1880 гг., возглавлялась С. Н. Халтуриным и В. П. Обнорским. Союз сотрудничал с обществом «Земля и воля».

130 Речь идет о революционной рабочей организации «Южнорусский рабочий союз», созданной в Киеве членами «Черного передела» и действовавшей в 1880–1881 гг. В число средств борьбы Союза входил фабричный террор (порча оборудования, избиение фабрикантов и пр.). После разгрома организации ее члены были осуждены на каторгу и сибирскую ссылку.

131 *Ковальский* Иван Мартынович (1850–1878) — участник «хождения в народ», организатор и руководитель революционного кружка в Одессе. Вел пропаганду среди крестьян-сектантов, последователей штундизма. За вооруженное сопротивление при аресте 30 января 1878 г. на квартире, где помещалась типография кружка, расстрелян по постановлению военно-окружного суда.

132 *Брешковская* (наст. фам. Брешко-Брешковская) Екатерина Константиновна (1844–1934) — деятельница революционного движения. Из семьи

крупного помещика. С нач. 1870-х гг. — участница «хождения в народ». В 1874–1896 гг. находилась в тюрьме, на каторге и в ссылке. Входила в число создателей и лидеров Партии социалистов-революционеров и ее Боевой организации, в 1904 г. содействовала формированию группы «Аграрных террористов». Была участницей Революции 1905–1907 гг. В 1907–1917 гг. вновь находилась в тюрьме и ссылке. После Февральской революции 1917 г. играла активную роль среди правых эсеров, поддерживала А. Ф. Керенского. Вместе с тем выступала за передачу всей земли в ведение земледельческого населения, не дожидаясь решения Учредительного собрания. В революционных и демократических кругах была известна как «бабушка русской революции». Октябрьскую революцию 1917 г. не приняла; в начале 1919 г. покинула Россию, вела агитацию против большевиков, собирала средства для борьбы с ними. Последние годы жизни провела в предместье Праги (Чехословакия).

133 *Степняк* или Степняк-Кравчинский (наст. фам. Кравчинский) Сергей Михайлович (1851–1895) — участник «хождения в народ», автор многочисленных пропагандистских материалов. Из семьи военного врача. Окончил Михайловское артиллерийское училище (1970; Петербург), через год вышел в отставку и поступил в Лесной институт. С 1873 г. вел пропаганду среди крестьян Тверской и Тульской губерний, в 1874 г., спасаясь от ареста, эмигрировал. Принимал участие в освободительной борьбе в Герцеговине и в Италии. С 1878 г. — член общества «Земля и воля». 4 августа 1878 г. ударом кинжала казнил (по приговору организации) шефа жандармов Н. В. Мезенцева; скрылся за границей. Автор книг «Подпольная Россия», «Россия под властью царей» и др. Погиб в Лондоне.

134 Организации с таким названием не существовало ни в конце XIX, ни в самом начале XX в.

135 *Гед* (Guesde) Жюль (1845–1922) — один из организаторов и руководителей социалистического движения во Франции, деятель II Интернационала.

136 *Лафарг* (Lafargue) Поль (1842–1911) — деятель французского и международного рабочего движения, член I и II Интернационала; вместе с Ж. Гедом основал Рабочую партию Франции; приветствовал создание первой русской марксистской организации — группы «Освобождение труда».

137 *Энгельс* (Engels) Фридрих (1820–1895) — один из основоположников идеологии «научного коммунизма», соратник К. Маркса, вместе с которым написал программу «Союза коммунистов» — Манифест коммунистической партии (1848).

138 *Вандервельде* (Vandervelde) Эмиль (1866–1938) — политический и государственный деятель Бельгии. С сер. 1890-х гг. — лидер Бельгийской рабочей партии, с 1900 г. — председатель Международного социалистического

бюро II Интернационала; представитель реформистского социализма. В 1914–1937 гг. неоднократно входил в правительственный кабинет (министр иностранных дел, юстиции).

[139] Так в тексте. Правильно: *Флиген* (Vligen) В. — один из организаторов (1894) и руководителей Социал-демократической рабочей партии Нидерландов; представитель реформистского течения в социал-демократии.

[140] Элизиум — в греческой мифологии обитель блаженных, загробный мир для праведников; то же, что рай, согласно вероучениям большинства религий.

[141] *Тургенев* Иван Сергеевич (1818–1883) — русский писатель. «Новь» — один из шести его романов (1878); стал первым отечественным произведением крупного формата, притом легально изданным в России (впервые опубл. в Лейпциге в 1877), о революционерах-народниках. Участники «хождения в народ» 70-х гг. изображены в нем трагически обреченными, хотя и благородными, самоотверженными людьми. Писатель был убежден, что в России нет почвы для массового выступления против режима и насильственного свержения власти, что заставляло его скептически относиться к движению «народничества».

[142] В данном случае речь идет о «царизме» как идее, глубоко проникшей в общественное сознание и, в частности, в сознание крестьянской части общества, в большинстве своем преисполненной безусловной верой в царя как представителя и защитника народных интересов.

[143] Здесь и далее по тексту документа: отточия, заключенные в квадратные скобки, сделаны автором статьи.

[144] Согласно воспоминаниям В. М. Чернова («Записки социалиста-революционера») нелегальная организация — «Братство для защиты народных масс» возникла в с. Павлодар Борисоглебского уезда Тамбовской губ. по инициативе самих крестьян. По их просьбе Чернов помог составить устав этой организации. После образования подобных организаций в других селах этого и соседних уездов на съезде представителей «Братств» устав был окончательно отредактирован и оригинал его текста был вывезен Черновым в мае 1899 г. за границу. Сообщение Чернова об образовании тайных крестьянских организаций в России произвело большое впечатление на народническую эмиграцию; устав вместе с «Письмом ко всему русскому крестьянству», призывавшим крестьян объединяться в «Братства», был отпечатан Союзом русских социалистов-революционеров, а для издания революционной литературы для деревни в 1900 г. была создана Аграрно-социалистическая лига.

[145] Так в тексте документа.

[146] Автор статьи имеет в виду съезд южных эсеровских организаций, состоявшийся в августе 1898 г. в Харькове и принявший программный документ — Манифест Партии социалистов-революционеров (южной). Текст документа приводится в настоящем издании в извлечениях и с незначительными сокращениями.

С. Ю. Витте. Записка по крестьянскому делу •

Публикуется по: Записка по крестьянскому делу председателя Высочайше учрежденного Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности статс-секретаря С. Ю. Витте. СПб., 1904. Первая публикация состоялась в приложении к № 49 «Вестника финансов, промышленности и торговли» за 1904 г. Ввиду значительного объема документ приводится с изъятиями. В Записке подводились предварительные итоги работы созданного по предложению Витте в январе 1902 г. и возглавлявшегося им межведомственного органа по пересмотру аграрной политики. В то же время ее положения служили директивными указаниями для дальнейшей работы Особого совещания (упразднено 30 марта 1905 г.). В ней предлагалось решение крестьянского вопроса на началах освобождения крестьян от опеки общины, уравнения их в правах с другими сословиями и свободного перехода от общинного к частному землевладению.

Витте Сергей Юльевич (1849–1915) — государственный деятель, статс-секретарь, действительный тайный советник; граф. Из дворян. Окончил физико-математический факультет Новороссийского университета (Одесса). С 1872 г. — на государственной службе, работал в частных железнодорожных обществах, приобрел авторитет теоретика и практика железнодорожного дела. С 1889 г. — директор департамента железнодорожных дел Министерства финансов, с 1892 г. — министр путей сообщения. В 1893–1903 гг. — министр финансов, инициатор и автор денежной реформы 1895–1897 гг. При его активном участии были разработаны основные положения аграрной реформы (разрушение общины и формирование слоя крестьян-собственников, уравнение крестьян в гражданских правах с прочими подданными империи и др.), впоследствии названной «столыпинской». С августа 1903 г. — председатель Комитета министров. После проигранной русско-японской войны 1904–1905 гг. возглавлял делегацию, подписавшую Портсмутский мирный договор с Японией, за что получил титул графа. Стал инициатором издания и одним из авторов Манифеста 17 октября 1905 г. 19 октября назначен председателем Совета министров. После отставки (16 апреля 1906) — член Государственного совета.

[147] В созданные Особым совещанием о нуждах сельскохозяйственной промышленности местные комитеты (82 губернских и 536 уездных с общим числом членов около 12 тыс.) входили чиновники, представители земств,

крупных и средних землевладельцев, арендаторов и крестьян. Комитеты должны были собрать необходимые сведения о положении деревни и ответить на «основные вопросы» о нуждах сельскохозяйственной промышленности, поставленные перед ними Совещанием, но они вышли за рамки этих вопросов и «вошли в обсуждение крестьянского дела по своему почину». Причиной, по словам Витте, было признание комитетами, что «преуспеяние сельскохозяйственной промышленности ближайшим образом зависит от такого улучшения правового положения нашего крестьянства, которое содействовало бы развитию в нем духа хозяйственной предприимчивости и самодеятельности; вне этого, а также просвещения крестьянской среды, всевозможные меры в области экономики и техники сельского хозяйства принесут <...> лишь ничтожную пользу, не оправдывающую значительных затрат, которые потребуются с этой целью из народных же средств».

Говоря об особом внимании Николая II к нуждам сельскохозяйственной промышленности, С. Ю. Витте имел в виду прежде всего одобрение императором руководящих принципов аграрной политики правительства, разработанных в недрах Редакционной комиссии МВД под руководством В. К. Плеве и ставших основой двух законодательных актов (манифеста 26 февраля 1903 г. и указа 8 января 1904 г.). Такими принципами были признаны: неприкосновенность общинного строя крестьянского землевладения (при условии облегчения отдельным крестьянам выхода из общины), неотчуждаемость крестьянских надельных земель, сохранение сословного строя и сословной обособленности крестьян.

148 Правительствующий Сенат — высший орган суда и административной юстиции. Как административное учреждение распоряжался обнародованием законов и наблюдал за их исполнением, а также разрешал все спорные вопросы, возникавшие между различными органами управления при выполнении законов, поскольку одной из важнейших его функций было толкование законов. С середины XIX в. представлял собой совокупность полусамостоятельных департаментов; в 1884 г. был учрежден 2-й т. н. «крестьянский» департамент — высший апелляционный и кассационный суд для крестьянских сословных органов и органов правительственного надзора за ними. После начала «столыпинской» реформы превратился в высший апелляционный по землеустроительным делам орган.

149 *Чичерин* Борис Николаевич (1828–1904) — юрист, историк, публицист и общественный деятель; теоретик и идеолог российского либерализма. Из старинного дворянского рода. Окончил юридический факультет Московского университета; в 1861–1868 гг. — профессор университета. После отставки работал в тамбовском земстве, в 1881–1883 гг. — мо-

сковский городской голова. Основоположник «государственной школы» в русской историографии. Являясь сторонником конституционной монархии, одним из первых дал развернутую критику социалистической и коммунистической идеологии (в статье, направленной против А. И. Герцена, доказывал «священную обязанность» общественных деятелей «беречь свое гражданское достояние, успокаивать бушующие страсти, отвращать кровавую развязку»). Ключевой проблемой для России считал «гражданское равноправие», распространение его на все сословия.

150 Латифундия (от *лат.* latifundium [latus — обширный; fundus — земля, поместье]) — крупное земельное владение, поместье. Использовалось, как правило, для сдачи отдельных земельных участков в аренду.

151 Законом от 14 декабря 1893 г. правительство запретило (в отмену ч. 2 ст. 165 Положения о выкупе от 19 февраля 1861 г.) досрочный выкуп наделов и выход из общины крестьян без согласия на то $^2/_3$ членов общества. Кроме того, крестьянам было запрещено продавать и закладывать надельные земли лицам, которые не принадлежали к сельским обществам. Принятие закона мотивировалось угрозой пролетаризации крестьянства и необходимостью охраны надельной крестьянской земли от скупщиков (треть земли выкупалась через подставных лиц).

152 Дискреционное право — право, дающее возможность действовать по своему усмотрению, не зависящее от конкретных обязательств.

153 Jus nudum — голое (пустое) право, т. е. право без возможности его реализации (*лат.*).

154 *Бунге* Николай Христианович (1823–1895) — государственный деятель, ученый-экономист, академик Петербургской АН (1890). Из дворян немецкого происхождения. Окончил юридический факультет Киевского университета. С 1845 г. — на преподавательской работе, неоднократно занимал пост ректора Киевского университета, преподавал экономические дисциплины наследникам престола. В 1859–1860 гг. входил в состав Редакционных комиссий. С 1880 г. — товарищ министра, в 1881–1886 гг. — министр финансов, одновременно с 1881 г. — член Государственного совета. В бытность его министром приняты законы об обязательном выкупе (1881), подготовлен законопроект об отмене круговой поруки, создан Крестьянский поземельный банк (1882), проведены податные реформы. На заседании Соединенных департаментов Государственного совета 24 ноября 1884 г. выступил против позиции Д. А. Толстого, считавшего семейные разделы и пьянство «главнейшими причинами обеднения русского народа». В 1887–1895 гг. занимал пост председателя Комитета министров.

155 *Толстой* Дмитрий Андреевич (1823–1889) — государственный деятель, граф. Окончил курс в Царскосельском лицее (1843), с 1848 г. состоял на службе в департаментах Министерства внутренних дел и Морского мини-

стерства. С 1865 г. — обер-прокурор Святейшего синода, одновременно в 1866–1880 гг. — министр народного просвещения. С апреля 1880 г. — член Государственного совета. В мае 1882 г. занял пост министра внутренних дел. В январе 1884 г. внес в Государственный совет проект закона об ограничении семейных разделов, «крайне вредно», с его точки зрения, отражающихся на крестьянском хозяйстве (принят 18 марта 1886).

П. Б. Шимановский. Возможное решенне аграрного вопроса

Публикуется по: Аграрная реформа П. А. Столыпина в документах и публикациях конца XIX — начала XX века. Аналитический обзор. М., 1993. С. 67–69.

Шимановский Павел Борисович — ученый агроном 1-го разряда, член сельскохозяйственных советов при Орловской и Черниговской губернских земских управах. В конце 1905 г. подготовил доклад «Возможное решение аграрного вопроса», предлагая, по сути, на рассмотрение будущей Государственной думой наиболее острые проблемы: малоземелье крестьянского населения, отсутствие кредита и недостаток оборотного капитала, отсутствие техники.

156 Земские управы — губернские и уездные; в 1864–1917 гг. — исполнительные органы земского самоуправления. Избирались земскими собраниями на 3 года в составе председателя и двух гласных, осуществляли руководство местным хозяйством через отделы и комиссии.

О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающнхся крестьянского землевладения и землепользования

Публикуется по: Дебаты о земле в Государственной думе (1906–1917 гг.). Документы и материалы. М., 1995. С. 93–99. Документ введен в действие на основании ст. 87 Свода Основных государственных законов; содержал наиболее срочные, с точки зрения правительства, положения программы аграрных преобразований.

157 Речь идет о стенографической записи заседания Совета министров по вопросу о реформе крестьянского землевладения (октябрь 1906), на котором большинством голосов было принято решение направить подготовленный комиссией В. И. Гурко проект указа, предрешающего «весь последующий ход крестьянского законодательства», по ст. 87 Основных законов. Протоколы заседаний правительства оформлялись в виде «журналов» и представлялись в обязательном порядке царю для ознакомления.

158 Основанием для установления 24-летнего срока при делении обществ на имевших переделы и не имевших таковые служил тот факт, что к началу 1907 г. прошло 24 года со времени перевода крестьян на обязательный выкуп земли с 1 января 1883 г. (обязательность выкупа была установлена 28 декабря 1881 г. «Положением о выкупе наделов остающимися еще в обязательных отношениях к помещикам крестьянами...»).

[159] Земские начальники — в 1889–1917 гг. представители административно-судебной власти в русской деревне. В соответствии с «Положением о земских участковых начальниках» (12 июля 1889) возглавляли участки, на которые были разделены уезды. Назначались, как правило, из местных потомственных дворян-землевладельцев, однако по мере разорения дворянства и ухудшения условий работы, ввиду активизации крестьянского движения, ряды земских начальников стали пополняться «пустопоместными» дворянами и дворянами, не имевшими имений на территории тех участков, где им предстояло работать. С введением нового института управления упразднялись уездные по крестьянским делам присутствия (учрежденные в 1874 г. вместо уездных съездов мировых посредников) и мировые суды. Их функции были переданы земским начальникам, в руках которых, таким образом, сосредоточивалась практически вся полнота власти над сельским населением 40 губерний, на которые было распространено действие Положения от 12 июля 1889 г.

[160] Губернские присутствия — в 1889–1917 гг. местные государственные органы; были учреждены на основе вышеуказанного Положения одновременно с институтом земских участковых начальников для наблюдения за их деятельностью и деятельностью уездных съездов земских начальников. Возглавлялись губернаторами. Рассматривали приговоры и ходатайства сельских обществ об отсрочке взносов и выкупных платежей, жалобы на приговоры и постановления уездных съездов по вопросам перехода крестьян на отруба и пр.

[161] Волостной суд — низший выборный крестьянский судебный орган 2-й пол. XIX в. — нач. XX в. Избирался волостным сходом, рассматривал на основе обычного права мелкие уголовные и гражданские дела крестьян.

[162] Так в тексте.

[163] Сельский сход — собрание домохозяев сельского общества; селенный сход — собрание домохозяев селения, которое могло быть частью сельского общества либо иметь на своей территории несколько сельских обществ.

[164] Хутор — сельское поселение (как правило, однодворное), основу которого составлял сведенный в один массив земельный участок крестьянина, на который перенесена его усадьба.

[165] Отрубной участок («отруб») — сведенный в один массив земельный участок крестьянина, усадьба которого оставалась в деревне.

[166] Волостное правление — исполнительный орган местного крестьянского управления после Крестьянской реформы 1861 г. (волостной старшина, сельские старосты, сборщики податей).

Возражения против аграрной политики Совета министров (По данным периодической печати)

Публикуется по: Аграрная реформа П. А. Столыпина в документах и публикациях конца XIX – начала XX века. Аналитический обзор / Подготовлен Л. И. Зайцевой. М., 1993. С. 73–77. Записка с обзором материалов периодической печати о реакции общественности на обнародование указа от 9 ноября 1906 г. была составлена в начале 1907 г. сотрудниками Земского отдела Министерства внутренних дел. Документ хранится в Российском государственном историческом архиве (С.-Петербург); введен в научный оборот Л. И. Зайцевой.

167 В ответном адресе на тронную речь императора Николая II по случаю официального открытия I Государственной думы 27 апреля 1906 г. депутаты писали, что «... трудовое крестьянство с нетерпением ждет удовлетворения своей острой земельной нужды, и Первая Русская Государственная Дума не исполнила бы своего долга, если бы она не выработала закона для удовлетворения этой насущной потребности путем обращения на этот предмет земель казенных, удельных, кабинетских, монастырских, церковных и принудительного отчуждения земель частновладельческих». [См.: Дебаты о земле в Государственной думе (1906–1917 гг.). Документы и материалы. М., 1995. С. 10.]

168 Речь идет о Крестьянском поземельном банке, учрежденном в 1882 г. для выдачи долгосрочных ссуд крестьянам (как сельским общинам, так и отдельным домохозяевам) на приобретение частновладельческих, как правило, помещичьих земель. С 1895 г. банку было разрешено приобретать помещичьи земли за счет своего капитала для последующей продажи крестьянам. При этом часть стоимости земли (до 25 %) крестьяне вносили наличными, остальная часть выплачивалась банку ежегодно в течение ряда лет (первоначально срок устанавливался от 24,5 до 34,5 лет, затем был увеличен до 55,5 лет), в размере 7,5–8,5 % выкупной суммы (в дальнейшем ссудный процент понижался в зависимости от спроса на землю). Банк играл важную роль в осуществлении «столыпинской» аграрной реформы, приспосабливая формы и методы своей работы к новым условиям: в мае 1907 г. получил право на выдачу ссуд для улучшения землепользования, в 1908 г. перешел на продажу земель из своих имений только в единоличную собственность.

169 *Чупров* Александр Александрович (1874–1926) — математик и статистик, член-корреспондент Российской АН (1917). Из семьи ученого, одного из основоположников земской статистики, общественного деятеля А. И. Чупрова. Окончил физико-математический факультет Московского университета (1896), изучал общественные науки в Берлинском и Страсбургском университетах. В 1902–1917 гг. — доцент, затем заведующий кафедрой статистики Петербургского политехнического института, один из лучших

специалистов в области статистических методов исследования экономики. В общественной жизни занимал либеральные позиции, склоняясь к народничеству. В мае 1917 г. выехал для лечения за границу; в эмиграции продолжил научную деятельность.

[170] Аррондирование (от *фр.* arrondir — округленный, закругленный) — тождественно понятию «округленности», т. е. приданию удобного очертания границам земельных владений и крестьянских наделов (устар.).

[171] Парцелла (от *фр.* parcelle [букв.: часть, частица]) — мелкий земельный участок, на котором ведется крестьянское хозяйство.

[172] Бонитировка (от *лат.* bonitas — доброкачественность) — сравнительная оценка почв по их важнейшим агрономическим свойствам.

Материалы дискуссий и программные документы Российской социал-демократической рабочей партии

Об образовании РСДРП было заявлено на I съезде партии, проходившем в Минске в марте 1898 г. Первым программным документом новой политической организации стал опубликованный от имени ее Центрального комитета «Манифест РСДРП», в котором подчеркивалось, в частности, что русское революционное движение переходит отныне «в новую эпоху сознательной классовой борьбы». После ареста ЦК и большинства делегатов съезда вопрос о дальнейшем организационном оформлении российских социал-демократов был отложен на несколько лет. Завершение процесса партстроительства неразрывно связано с деятельностью редакции созданной в декабре 1900 г. газеты «Искра», члены которой (прежде всего В. И. Ленин и Г. В. Плеханов) смогли объединить вокруг этого печатного органа многочисленные социал-демократические группы и разработать проект программы РСДРП, который был представлен II съезду партии (17.7–10 августа 1903; Брюссель–Лондон). Раскол делегатов съезда на «большевиков» и «меньшевиков», повлекший за собой размежевание партийных организаций, и ставший нетерпимым в условиях начавшейся Революции 1905–1907 гг. привел к созыву IV (Объединительного) съезда РСДРП (10–25 апреля 1906; Стокгольм, Швеция). Одним из важнейших вопросов порядка дня съезда стал пересмотр аграрной программы партии, поскольку ход и размах крестьянского движения выявили очевидную неполноту ее требований. Делегатам было представлено три проекта новой программы, «стержень» которых составляли соответственно, принципы т. н. «муниципализации» земли (проект П. П. Маслова), ее «национализации» (проект Ленина) и «раздела» земли с передачей ее в частную собственность крестьян (проект С. А. Суворова). Примечательно, что непримиримые оппоненты — Ленин и Маслов — предполагали, в случае непринятия съездом их вариантов решения аграрного вопроса, голосовать за проект Суворова. В настоящем издании, помимо принятого съездом проекта «муниципализации», публикуются в разделе комментариев и два других — снятый

Лениным с обсуждения проект «национализации» и «проект “разделистов”», который был поддержан, в том числе, и сторонниками Ленина.

Аграрная часть проекта программы РСДРП [представлен II съезду РСДРП]

Публикуется по: Второй съезд РСДРП. Июль–август 1903 года. Протоколы. М., 1959. С. 722. Написана В. И. Лениным по поручению редакции «Искры» и «Зари»; представлена на обсуждение делегатам II съезда РСДРП. Впервые напечатана в июне 1902 г. в газете «Искра» как часть проекта программы партии; выдвигала требования о возвращении крестьянам т. н. «отрезков», отмене выкупных и оброчных платежей и возвращении сумм, взятых ранее с крестьян в форме этих платежей (для покрытия расходов предлагалось конфисковать кабинетские, удельные, монастырские и церковные земли), об отмене законов, стесняющих крестьян в распоряжении землей, и учреждении крестьянских комитетов. Документ был подвергнут критике в статье П. П. Маслова «Об аграрной программе».

Протокольная запись обсуждения аграрной части проекта программы на II съезде РСДРП. 31 июля – 1 августа 1903 г.

Публикуется по: Второй съезд РСДРП. Июль–август 1903 года. Протоколы. М., 1959. С. 207–248. Обсуждение данного вопроса велось на трех заседаниях съезда, состоявшихся 31 июля (13 августа) – 1(14) августа 1903 г. Материалы приводятся в извлечениях.

173 Наст. фам. Гольдман.

Либер (Гольдман) Михаил Исаакович (1873–1937) – делегат от ЦК Бунда, руководитель бундовской делегации на съезде. Из мещан. Учился в гимназии. С 1896 г. – в социал-демократическом движении. В 1897 г. вошел во Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России (Бунд), с 1904 г. – член его ЦК. На съезде отстаивал федеративный принцип строительства РСДРП, после отказа съезда принять это предложение покинул заседания со своими сторонниками. В дальнейшем стал одним из лидеров меньшевиков. На V съезде РСДРП (1907) избран членом ЦК партии. Был сторонником легальных форм борьбы («ликвидатор»). С 1911 г. – в эмиграции. После Февральской революции 1917 г. – член Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, входил в Президиум ВЦИК 1-го созыва, являлся тов. председателя и заведующим Международным отделом ВЦИК. Выступал в поддержку Временного правительства, но против вхождения в него социалистов. Был непримиримым противником большевизма. После Октябрьской революции неоднократно арестовывался и ссылался. В марте 1937 г. арестован в Алма-Ате, где находился с 1935 г. в очередной ссылке. В октябре того же года расстрелян.

174 Более обстоятельный ответ на реплику Либера В. И. Ленин дал в своем первом выступлении по обсуждаемому вопросу (см. с. 208–209 наст. издания).

175 Псевд. Е. Я. Левина.

Левин Ефрем Яковлевич (1873–?) — делегат съезда от социал-демократической группы «Южный рабочий». В социал-демократическом движении с 1890-х гг., в 1899–1900 гг. — один из организаторов и руководителей группы «Южный рабочий», а также одноименной нелегальной газеты. Входил в Организационный комитет по созыву II съезда РСДРП, после съезда определился как меньшевик. Впоследствии отошел от политической деятельности.

176 На данном заседании съезда председательствовал Г. В. Плеханов.

177 Наст. фам. Пиккер.

Мартынов (Пиккер) Александр Самойлович (1865–1935) — делегат съезда от «Союза русских социал-демократов за границей». Из купеческой семьи. В 1884–1886 гг. учился на юридическом факультете Петербургского университета, отчислен за участие в демонстрации. В 1880-х гг. — народоволец, в конце 1890-х гг. примкнул к социал-демократам. С 1905 г. — один из теоретиков меньшевизма, в 1907–1911 гг. — член ЦК РСДРП, сторонник легальных форм борьбы. После Октябрьской революции 1917 г. отошел от политической деятельности, работал учителем на Украине. В 1923 г. порвал с меньшевизмом и вступил в РКП(б); работал в Институте К. Маркса и Ф. Энгельса, в Коминтерне, был членом редакции журнала «Коммунистический Интернационал».

178 Наст. фам. Бронштейн.

Троцкий (Бронштейн) Лев Давидович (1879–1940) — делегат съезда от Сибирского союза. Из мещан, сын земельного арендатора. Окончил реальное училище. В социал-демократическом движении с 1897 г. В 1903 г. примкнул к меньшевикам, позднее внефракционный социал-демократ. В 1905 г. — председатель Петербургского Совета рабочих депутатов. С июля 1917 г. — член РСДРП(б), с сентября 1917 г. — председатель Исполкома Петросовета, в октябре — организатор (наряду с В. И. Лениным) вооруженного восстания в Петрограде. После Октябрьской революции занимал высокие партийные и государственные посты. С осени 1923 г. — лидер и идеолог левой («троцкистской») и один из лидеров «объединенной» («троцкистско-зиновьевской») оппозиции. В ноябре 1927 г. исключен из партии, в феврале 1929 г. выслан из страны. В эмиграции один из непримиримых противников правящего в СССР политического режима. 21 августа 1940 г. умер в Мехико в результате покушения, организованного спецслужбами СССР.

[179] Аркадия — идущий от античной литературы образ идеальной страны, счастливой, беззаботной жизни.

[180] Выступающий имеет в виду свою статью «Ответ на критику нашего проекта программы» (июнь 1903), содержавшую ответ на критику Иксом (псевд. П. П. Маслова) написанной Лениным аграрной части проекта программы РСДРП. Статья Маслова («Об аграрной программе») и ответ на нее Ленина были изданы в 1903 г. в Женеве «Лигой русской революционной социал-демократии» в виде отдельной брошюры.

Маслов Петр Павлович (1867–1946) — экономист-аграрник, историк, действительный член АН СССР (1929). Из семьи уральского казака-золотопромышленника. Учился в Харьковском ветеринарном институте, изучал политическую экономию в Венском университете (1894). С 1890-х гг. участвовал в социал-демократическом движении, после II съезда РСДРП примкнул к меньшевикам. В 1906 г. на IV (Объединительном) съезде партии выступал с обоснованием программы муниципализации земли. После Октябрьской революции 1917 г. возглавлял аграрный отдел в Уфимской директории (с сентября 1918), после ее падения жил в Сибири, преподавал в Омском, Иркутском, Читинском сельскохозяйственных институтах, был консультантом по экономическим вопросам правительства Дальневосточной республики. С 1924 г. — профессор Московского университета, одновременно сотрудничал в Наркомземе, Госплане, Наркомфине СССР. В 1927 г. подготовил записку в ЦК ВКП(б) о состоянии сельского хозяйства в стране. В 1930 г. подвергся 8-месячному лишению свободы (освобожден благодаря ходатайству Р. Ролана).

[181] Псевд. В. Ф. Галкина.

Горин-Галкин Владимир Филиппович (1863–1925) — делегат съезда от Саратовского комитета. Революционную деятельность начал в 1880-х гг. в народовольческих кружках. В ссылке в Якутии (1888–1898) перешел на социал-демократические позиции. После съезда определился как большевик. После Февральской революции 1917 г. работал в Петроградском Военно-революционном комитете, участник вооруженного восстания в октябре 1917 г. В 1918–1920 гг. — на политической работе в Красной армии. С 1920 г. — один из руководителей Всевобуча, затем на научно-преподавательской работе.

[182] *Людовик XVI* (1754–1793) — французский король (1774–1792); казнен во время Великой французской революции.

[183] *Людовик XVIII* (1755–1824) — французский король (1814–1815 и 1815–1824). В период Великой французской революции один из руководителей французской контрреволюционной эмиграции; занял престол после падения Наполеона I.

184 Речь идет в данном случае о лозунге социалистов-революционеров, выступавших за отчуждение крупных землевладений и даже (негласно) поддерживавших практику самовольных захватов крестьянами помещичьих земель.

185 Псевд. Н. Н. Жордания.

Жордания Ной Николаевич (1869–1953) — делегат съезда с совещательным голосом. Из дворян. Учился в Варшавском ветеринарном институте (в 1892 г. прекратил учебу по болезни). С середины 1890-х гг. — в социал-демократическом движении, участвовал в создании первой марксистской группы в Грузии «Месаме даси». После съезда определился как меньшевик. Депутат I Государственной думы. После Февральской революции 1917 г. — председатель Тифлисского Совета рабочих депутатов, с ноября 1917 г. — председатель президиума Национального совета Грузии. В июне 1918 г. — марте 1921 г. возглавлял меньшевистское правительство Грузии; заключил соглашение с генералом А. И. Деникиным о совместной борьбе с большевиками. После советизации Грузии (1921) эмигрировал.

186 Псевд. Д. П. Калафати.

Калафати Д. П. (1871–1940) — делегат съезда от Николаевского комитета. С 1891 г. входил в социал-демократические кружки в Москве, в 1897 г. отчислен из Московского университета и выслан на три года в Николаев, принимал участие в деятельности Южнорусского рабочего союза. После съезда определился как меньшевик, в 1905 г. ведал технико-финансовыми делами издательства меньшевистской «Искры». Вернувшись в Россию, в 1906–1907 гг. заведовал легальным социал-демократическим издательством «Новый мир». В 1913 г. отошел от политической деятельности. После Октябрьской революции 1917 г. работал бухгалтером и экономистом в ряде учреждений.

187 Наст. фам. Цедербаум.

Мартов (Цедербаум) Юлий Осипович (1873–1923) — делегат съезда от организации «Искра». В социал-демократическом движении с 1890-х гг. Из семьи служащего. В 1891–1892 гг. учился на естественном факультете Петербургского университета. С августа 1901 г. — член редакции газеты «Искра». Делегат II съезда РСДРП, в ходе работы которого возглавил т. н. «меньшинство». После съезда один из лидеров меньшевиков, в августе 1903 г. — июле 1905 г. входил в Совет партии от газеты «Искра». С 1907 г. — кандидат в члены, с декабря 1912 г. — член ЦК РСДРП. После начала Первой мировой войны занял позицию на левом фланге меньшевизма (интернационалист), во время «двоевластия» (1917) выступал против коалиции социал-демократов с буржуазными партиями. После Октябрьской революции 1917 г. исключал участие социалистов в вооруженной борьбе с большевиками, но не примирился с их «аракчеевским пониманием социализма», требуя демократизации режима. В октябре 1920 г. эмигрировал

в Германию; возглавил Заграничную делегацию РСДРП, основал журнал «Социалистический вестник».

[188] Наст. фам. и имя Драбкин Яков Давидович.
Гусев (Драбкин) Сергей Иванович (1874–1933) — делегат от Донского комитета. Из мещан, сын учителя. В 1896–1897 гг. учился в Петербургском политехническом институте; отчислен за работу в социал-демократических кружках. С 1903 г. — большевик (в 1910–1917 гг. отходил от активной партийной деятельности). После Октябрьской революции 1917 г. на советской и военно-политической работе. В 1926–1927 гг. — заведующий Истпартом ЦК ВКП(б), с конца 1927 г. работал в Коминтерне: с июля 1929 г. — член президиума ИККИ, одновременно заведующий Среднеевропейским лендерсекретариатом.

[189] Псевд. В. П. Махновца.
Махновец Владимир Петрович (1872–1921) — делегат от «Союза русских социал-демократов за границей». Из семьи врача. В середине 1890-х гг. входил в народовольческие кружки, после эмиграции (1898) стал одним из лидеров «экономизма» в социал-демократии, редактором журнала «Рабочее дело», вел борьбу с газетой «Искра». После съезда занимал позицию на правом фланге меньшевизма. В 1907 г. отошел от политической деятельности, отдавшись работе в кооперации.

[190] *Энгельгардт* Александр Николаевич (1832–1893) — агроном, публицист. В 1860-х гг. входил в тайную организацию «Земля и воля». В 1866–1870 гг. — профессор Земледельческого института в Петербурге. В 1871 г. был выслан в Смоленскую губ.; в своем имении Батищево создал образцовое хозяйство. Агрономический и хозяйственный опыт его ведения обобщил в книге «Из деревни» (1882).

[191] Псевд. А. М. Стопани.
Стопани Александр Митрофанович (1871–1932) — делегат съезда от Северного союза. Из семьи военного врача. Учился в Казанском университете, затем в Ярославском (Демидовском) юридическом лицее. С 1893 г. в социал-демократическом движении, с 1901 г. агент газеты «Искра». В 1902–1903 гг. — член оргкомитета по созыву II съезда РСДРП. После съезда определился как большевик. В 1917 г. — председатель продовольственного комитета в Баку. После Октябрьской революции на советской и хозяйственной работе, в 1924–1929 гг. — прокурор РСФСР по трудовым делам, с 1930 г. — заместитель председателя Всесоюзного общества старых большевиков.

[192] Выступающий имеет в виду крестьянские волнения, начавшиеся в марте 1902 г. в Полтавской и Харьковской губ. (разрушено 105 помещичьих экономий) и охватившие летом и осенью того же года многие губернии Центральной России и Кубанскую область. Были вызваны обнищанием

крестьянских масс вследствие проводившейся помещиками перестройки хозяйств на капиталистический лад, а также массовым голодом из-за неурожая предыдущего, 1901 г. Массовость и ярко выраженный антифеодальный характер выступлений крестьян повлекли за собой изменение политической линии не только правительства, но и его непримиримых оппонентов — социал-демократов, заставив многих из них повернуться «лицом к деревне».

193 Псевд. Д. А. Топуридзе.
Топуридзе Диомид Алексеевич (1871–1942) — делегат съезда от Тифлисского комитета. В социал-демократическом движении с 1890-х гг., входил в первую марксистскую группу в Грузии «Месаме даси». С 1903 г. — член Кавказского союзного комитета РСДРП. После съезда определился как меньшевик. С 1907 г. владел типографией в Саратове, издавал газеты «Приволжский край» и «Приволжская газета». В 1917 г. назначен Временным правительством саратовским губернским комиссаром. После установления в Саратове советской власти выехал в Грузию, занимал ответственные должности в меньшевистском правительстве Жордания. После советизации Грузии работал в финансовых учреждениях, вел научную работу.

194 Здесь и далее по тексту документа: в квадратные скобки заключены отточия, имевшиеся в его первоначальной редакции.

195 Псевд. М. С. Зборовского.
Зборовский Михаил Соломонович (1879–1935) — делегат съезда от Одесского комитета. В социал-демократическом движении с 1898 г., работал в Одессе. После съезда определился как меньшевик. В октябре 1905 г. — один из организаторов и первый председатель Петербургского Совета рабочих депутатов. После поражения Революции 1905–1907 гг. эмигрировал, заведовал технической частью заграничного органа меньшевиков-ликвидаторов «Голос социал-демократа». После Февральской революции 1917 г. вернулся в Россию, работал в Одессе. Октябрьскую революцию 1917 г. принял враждебно; в конце 1919 г. эмигрировал.

Аграрная часть программы РСДРП [принята II съездом РСДРП]

Публикуется по: Второй съезд РСДРП. Июль–август 1903 года. Протоколы. М., 1959. С. 423–424. После обсуждения текста и поправок к тексту проекта аграрной части программы, два первых параграфа документа были приняты единогласно, при голосовании третьего — 4 делегата выступили против, четвертый параграф принят 30 голосами против 1 (при 16 воздержавшихся), пятый — 35 голосами при 11 воздержавшихся.

196 Хизаны — в Грузии крестьяне, пользовавшиеся помещичьей землей на условиях вечной и наследственной аренды и неизменности повинностей (в виде отработок и платы натурой). Хизанство возникло до присоединения Грузии к России; в 1891 г. были внесены изменения в отношения

землевладельцев и хизан — при неизменности повинностей владелец земли мог прервать действие «вечной» аренды, предупредив об этом хизанина за год и оплатив в двойном размере стоимость принадлежавшей ему недвижимости (с 1900 г. недвижимость оплачивалась в одинарном размере).

Аграрная программа РСДРП [принята IV съездом РСДРП]

Публикуется по: Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП. Апрель (апрель–май) 1906 года. Протоколы. М., 1959. С. 522. Документ был принят 62 голосами, против его принятия голосовало 42 делегата, 7 воздержались.

[197] Новая аграрная программа РСДРП была принята в жесткой борьбе со сторонниками национализации земли (проект В. И. Ленина) и ее раздела с передачей в частную собственность крестьян (проект С. А. Суворова).

Проект аграрной программы Ленина:

«В целях устранения остатков крепостного порядка, которые тяжелым гнетом лежат непосредственно на крестьянах, и в интересах свободного развития классовой борьбы в деревне партия требует:

1) конфискации всех церковных, монастырских, удельных, государственных, кабинетских и помещичьих земель;

2) учреждения крестьянских комитетов для немедленного уничтожения всех следов помещичьей власти и помещичьих привилегий и для фактического распоряжения конфискованными землями впредь до установления всенародным Учредительным собранием нового земельного устройства;

3) отмены всех податей и повинностей, падающих в настоящее время на крестьянство, как на податное сословие;

4) отмены всех законов, стесняющих крестьянина в распоряжении его землей;

5) предоставления выборным народным судам права понижать непомерно высокие арендные платы и объявлять недействительными сделки, имеющие кабальный характер.

Если же решительная победа современной революции в России обеспечит полностью самодержавие народа, т. е. создаст республику и вполне демократический государственный строй, то партия будет* добиваться отмены частной собственности на землю и передачи всех земель в общую собственность всего народа.

При этом Российская социал-демократическая рабочая партия во всех случаях и при всяком положении демократических аграрных преобразований ставит своей задачей неуклонно стремиться к самостоятельной классовой организации сельского пролетариата, разъяснять ему непримиримую противоположность его интересов интересам крестьянской буржуазии, предостерегать его от обольщения системой мелкого хозяй-

ства, которая никогда, при существовании товарного производства, не в состоянии уничтожить нищеты масс, и, наконец, указывать на необходимость полного социалистического переворота, как единственного средства уничтожить всякую нищету и всякую эксплуатацию».

* Вариант А:

...то партия будет поддерживать стремление революционного крестьянства к отмене частной собственности на землю и добиваться передачи всех земель в собственность государства. [См.: Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП. Апрель (апрель–май) 1906 года. Протоколы. М., 1959. С. 491.]

Проект аграрной программы Суворова (Борисова):

«В целях устранения остатков крепостного порядка, которые тяжелым гнетом лежат непосредственно на крестьянстве, и возникших, благодаря им, новых форм кабально-крепостной зависимости, в интересах свободного развития производительных сил и классовой борьбы в деревне и демократического строя в России, партия, поддерживая революционное стремление крестьянства вплоть до земельных захватов, будет добиваться:

1) учреждения крестьянских комитетов, как организационной формы крестьянского движения, для немедленного уничтожения всех следов помещичьей власти и помещичьих привилегий и для фактического распоряжения захваченными землями, впредь до установления всенародным Учредительным собранием нового земельного устройства;

2) отмены всех податей и повинностей, связанных с сословной обособленностью крестьян;

3) отмены всех стеснений крестьян в распоряжении их землею;

4) защиты крестьян выборными народными судами от чрезмерной эксплуатации их высокими арендными платами и кабальными сделками.

Социал-демократическая партия признает, что решительные меры к улучшению быта крестьян возможны лишь в демократической республике, что без решительной победы демократической революции захваты земель могут быть лишь частичными и непрочными, что борьба крестьян за свои земельные требования заставляет их быть союзниками пролетариата в политической борьбе вплоть до решительной победы демократической революции; что эта победа может быть закреплена путем отнятия земельных владений у реакционных по своему положению классов и слоев старого общества и передачи их земледельческому населению. Поэтому во всенародном учредительном собрании социал-демократическая партия будет поддерживать требования конфискации всех помещичьих, церковных, монастырских, удельных и т. п. земель, причем:

1) леса, воды, рудники и другое имущество общенародного значения должны состоять во владении демократического государства;

2) имущества, на которых может вестись общественное хозяйство, должны быть во владении органов местного самоуправления;

3) все же остальные земли, образующие сельскохозяйственный фонд, необходимый для крестьянского хозяйства, после распределения прав на них между отдельными местностями, должны поступить в полную собственность крестьян, с обложением всех земель прогрессивным подоходным налогом.

При этом РСДРП, признавая, что новый земельный фонд послужит лишь основой дальнейшего буржуазно-капиталистического развития страны, ставит своей задачей, при всяком положении демократических аграрных преобразований, неуклонно стремиться к самостоятельной классовой организации сельского пролетариата, разъяснять ему непримиримую противоположность его интересов интересам крестьянской буржуазии, предостерегать его от обольщения системой мелкого хозяйства, которая никогда при существовании товарного производства не в состоянии уничтожить нищеты масс, и, наконец, указывать на необходимость полного социалистического переворота, как единственного средства уничтожить всякую нищету и всякую эксплуатацию». [См.: Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП. Апрель (апрель–май) 1906 года. Протоколы. М., 1959. С. 491–492.]

По аграрному вопросу. Тактическая резолюция IV съезда РСДРП

Публикуется по: Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП. Апрель (апрель–май) 1906 года. Протоколы. М., 1959. С. 522–523. Проект резолюции составлен Г. В. Плехановым на основе одного из пунктов проекта аграрной программы П. П. Маслова.

Материалы дискуссий и программные документы Партии социалистов-революционеров

Партия окончательно конституировалась на I съезде (29 декабря 1905 — 4 января 1906; Иматра, Финляндия), тогда как первые неонароднические организации социалистов-революционеров появились в середине 1890-х гг., а процесс объединения их в единую партию формально завершился в конце 1901 г. соглашением двух наиболее крупных организаций — «Южной партии социалистов-революционеров» и «Союза социалистов-революционеров» (заявление об образовании партии появилось в январе следующего года). Мировоззренческой базой ПСР стали по-новому интерпретированные теоретиками неонародничества (и, прежде всего, В. М. Черновым) идеи «крестьянского социализма», в том числе подвергшийся трансформации народовольческий тезис о крестьянской общине. Работа над программой партии началась в 1902 г. и проходила в творческом соперничестве двух ведущих авторов — В. М. Чернова и Н. И. Ракитникова. В мае 1904 г. центральный орган ПСР — газета «Революционная Россия» — опубликовала от имени редакции

проект программного документа, основные положения которого были написаны Черновым (в дальнейшем фигурировал как «старая программа» ПСР). Несколько измененный вариант этого проекта был представлен им I съезду партии и, получив поддержку его делегатов, стал официальным программным документом партии.

Аграрная часть проекта программы ПСР [выработан редакцией «Революционной России»]

Публикуется по: Сборник программ политических партий в России / Под ред. и с предисл. В. В. Водовозова. СПб., 1906. Вып. 3. С. 23–24. Документ впервые опубликован в № 46 газеты «Революционная Россия» (5 мая 1904).

198 «Революционная Россия» — газета социалистов-революционеров, издавалась в 1901–1905 гг. Основана Союзом социалистов-революционеров, затем издание было перенесено за границу, где газета печаталась уже как центральный орган объединенной Партии социалистов-революционеров.

Аграрная часть проекта программы ПСР [представлен I съезду ПСР]

Публикуется по: Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. В 3 т. Т. 1. 1900–1907 гг. М., 1996. С. 277–278. Документ представляет собой доработанный В. М. Черновым вариант «старой программы»; представлен на обсуждение делегатам I съезда Партии социалистов-революционеров.

Протокольная запись обсуждения аграрной части проекта программы на I съезде ПСР. 1–2 января 1906 г.

Публикуется по: Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. В 3 т. Т. 1. 1900–1907 гг. М., 1996. С. 284–382. Обсуждение данного вопроса велось на двух заседаниях съезда, состоявшихся 1 и 2 января 1906 г. Материалы приводятся в извлечениях и с небольшими сокращениями.

199 Псевд. Н. Ф. Анненского.

Анненский Николай Федорович (1843–1912) — один из организаторов русской земской статистики, публицист. Из семьи чиновника; окончил кадетский корпус и юридический факультет Петербургского университета (1867). С конца 1860-х гг. участвовал в народническом движении, неоднократно арестовывался и высылался. В 1883–1900 гг. возглавлял статистические отделы ряда губернских земств, с 1896 г. — Петербургской городской управы. В период Революции 1905–1907 гг. — участник движения либеральной и демократической интеллигенции. Участвовал в I съезде ПСР как представитель группы журнала «Русское богатство»; счел эсеровскую программу слишком радикальной. В 1906 г. стал одним из основателей Народно-социалистической партии.

200 Выступающий имеет в виду В. А. Мякотина (Рождественского), давшего в своем выступлении общую оценку проекту программы ПСР (см. комм. 203).

201 Псевд. А. В. Пешехонова.
Пешехонов Алексей Васильевич (1867–1933) — экономист, статистик, публицист. Из семьи священника. Учился в духовной семинарии (в 1884 г. отчислен за издание нелегальной литературы). В начале 1890-х гг. сблизился с народниками, затем с эсерами, неоднократно арестовывался. На учредительном съезде «Союза освобождения» (январь 1904) избран в Совет организации. В решении аграрного вопроса отстаивал идею национализации земли, передачи права собственности на нее государству. Принимал активное участие в создании Трудовой группы в I Государственной думе. С апреля 1906 г. — председатель отделения Вольного экономического общества, занимавшегося крестьянскими делами. Летом и осенью 1906 г. — один из инициаторов создания Народно-социалистической партии (НСП). После Февральской революции 1917 г. — член Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, в мае–августе — министр продовольствия Временного правительства, тов. председателя Предпарламента. После объединения Трудовой группы и НСП в единую политическую организацию (июнь 1917) избран в ЦК Трудовой народно-социалистической партии. К Октябрьской революции 1917 г. отнесся отрицательно, стал одним из основателей и активных деятелей антибольшевистской организации «Союз возрождения России». После Гражданской войны работал в статистических учреждениях; в 1922 г. выслан из Советской России. После неоднократных просьб о возвращении в СССР получил предложение занять место консультанта по экономическим вопросам в представительствах СССР в Прибалтике (1927).

202 Псевд. А. И. Альтовского.
Альтовский Аркадий Иванович (1880–1975) — в революционном движении с середины 1890-х гг. Возглавлял партийные комитеты в главных центрах деятельности социалистов-революционеров — Саратове и Екатеринославе. Неоднократно арестовывался и ссылался. В эмиграции (с 1907) окончил Политехнический институт, работал инженером-электриком в Гренобле (Франция). Вернулся в Россию в августе 1917 г. После Октябрьской революции вел нелегальную работу в Саратове. В начале 1919 г. арестован, на судебном процессе ПСР в 1922 г. приговорен к расстрелу (исполнение было приостановлено). Сослан в Дагестан, где работал по специальности. В 1930-е гг. был вновь арестован и сослан на Север. После отбытия срока работал в Ухте, с конца 1950-х гг. жил в Москве.

[203] Псевд. В. А. Мякотина.

Мякотин Венедикт Александрович (1867–1937) — историк, публицист. Из семьи почтового чиновника. В 1891 г. окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. С конца 1893 г. — сотрудник, с 1904 г. — член редакции журнала «Русское богатство». Как ее представитель присутствовал на I съезде ПСР, отстаивал идею создания «открытой» народнической партии. С 1906 г. — член Народно-социалистической партии. После Февральской революции 1917 г. — член исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов от народных социалистов, член исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов. В июне избран председателем ЦК Трудовой народно-социалистической партии. Весной 1918 г. стал одним из создателей и руководителей «Союза возрождения России». В августе 1920 г. арестован, приговорен к смертной казни, замененной 15-летним сроком заключения. В конце 1922 г. выслан из Советской России. В эмиграции занимался научной и литературной деятельностью.

[204] Делегат от Центрального бюро Крестьянского союза Партии социалистов-революционеров; предположительно псевд. А. О. Бонч-Осмоловского.

[205] Лендлорд (*англ.* landlord) — в Англии крупный земельный собственник, сдающий земельные участки в аренду.

[206] Псевд. Г. А. Ривкина.

Ривкин Григорий (Гирш) Абрамович (1877–1922) — один из лидеров эсеров-максималистов. Из мещан. В 1899 г. окончил курс химического факультета Сорбонны, затем электротехнический факультет Марсельского университета. В конце 1902 г. вернулся в Россию, вступил в ПСР и стал организатором Северо-Западного областного комитета партии. В декабре 1905 г. — один из руководителей вооруженного восстания в Москве (член Боевого комитета Пресни), в июле 1906 г. — восстания в Кронштадте. Был арестован, бежал из-под стражи и эмигрировал (1907). В Париже вошел в группу эсеров-максималистов, позднее создал левомаксималистскую террористическую группу «Революционного коммунизма»; с 1910 г. жил в Италии. В апреле 1917 г. вернулся в Россию, избран в Кронштадтский Совет, в котором возглавил фракцию максималистов. Входил в президиумы II Всероссийского съезда Советов и II Всероссийского (Чрезвычайного) съезда крестьянских депутатов (ноябрь–декабрь 1917), на котором выступил за признание перехода всей власти к Советам и осудил предложение правых эсеров о выражении недоверия Совнаркому. В 1920 г. по поручению Реввоенсовета ездил в Гуляй-Поле для ознакомления с движением Н. И. Махно. Умер от сыпного тифа.

[207] Вотировать — голосовать (в парламенте, на собрании), принимать решение путем подачи голосов.

208 Псевд. С. П. Швецова.
Швецов Сергей Порфирьевич (1858–1930) — статистик, этнограф, публицист. Из дворян. Учился в Петербургском учительском университете (не окончил курса ввиду ареста). С середины 1870-х гг. в народническом движении, участник «хождения в народ». 25 лет провел в тюрьмах и ссылках. С 1888 г. отбывал ссылку в Барнауле, стал инициатором создания (1891) Общества любителей исследования Алтая. С 1902 г. — член ПСР, один из лучших в партии специалистов по аграрно-крестьянскому вопросу. В 1914–1917 гг. возглавлял работы в Донской области по статистическому обследованию казачьих хозяйств. В ноябре 1917 г. избран членом Учредительного собрания (как старейший депутат открывал его заседание). С начала 1918 г. отошел от политической деятельности, участвовал в ряде научных экспедиций, был одним из руководителей Ленинградского отделения Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев.

209 Выступающий имеет в виду общественно-политическое движение, пытавшееся пропагандировать взгляды части сибирской интеллигенции («сибирских областников») на свой край, как специфическую область (территорию) в составе России. Зародилось в середине XIX в. в среде землячеств сибирских студентов в Казани и Петербурге. Главным требованием «сибирских областников» было введение областного самоуправления. Движение усилило свои позиции после рескрипта Николая II иркутскому генерал-губернатору П. И. Кутайсову (3 апреля 1905) о необходимости введения земств на восточных окраинах империи.

210 Сибирский областной союз — на заседании объединенного совета шести общественных организаций Сибири в Томске был принят (5 мая 1905) и затем опубликован «Проект основных положений Сибирского областного союза»; учредительный съезд Союза состоялся в конце августа 1905 г.

211 Псевд. Д. С. Розенблюма.
Розенблюм (Фирсов) Дмитрий Самойлович (1873–?) — с 1895 г. в революционном движении, в 1898–1903 гг. — член РСДРП. Из мещан. Окончил юридический факультет Московского университета (1910). С 1905 г. — член ПСР. В марте 1917 г. избран в президиум Московского Совета рабочих и солдатских депутатов. Был делегатом I и III съездов партии, на последнем избран членом ЦК. С июня 1917 г. — член бюро ВЦИК 1-го созыва. После Октябрьской революции работал заведующим юридическим отделом Совета Всероссийских кооперативных съездов, в Центросоюзе, Главном управлении сельскохозяйственной кооперации, занимался научной деятельностью. По его словам, отошел от партийной работы «после колчаковского переворота в ноябре 1918 г.». В апреле 1921 г. и феврале 1922 г. арестовывался как «член ЦК ПСР в 1918 г.».

[212] Процесс выработки программы ПСР проходил медленно. Выступающий, говоря о «старой формулировке аграрной программы» (другие делегаты называли ее просто «старой программой»), имеет в виду ее вариант (4-й по счету), который был опубликован в мае 1904 г. в № 46 «Революционной России». Позднее он был несколько видоизменен автором (В. М. Черновым) и представлен в качестве проекта официальной программы на обсуждение делегатов I съезда ПСР.

[213] Делегат от Владимирского комитета. Псевд. не раскрыт.

[214] Псевд. М. В. Вишняка.
Вишняк Марк (Мордух) Вениаминович (1883–1976) — с 1903 г. в революционном движении. Из купеческой семьи. Окончил юридический факультет Московского университета (1908). С 1905 г. — член ПСР. Активный участник Декабрьского вооруженного восстания в Москве. После Февральской революции 1917 г. принял участие в организации Московского комитета ПСР. В партии считался экспертом по вопросам публичного права. На III съезде ПСР выступил с докладом о государственном устройстве России. Являлся членом Всероссийской комиссии по делам о выборах в Учредительное собрание. К Октябрьской революции отнесся отрицательно, входил в «Комитет спасения родины и революции». Был избран членом Учредительного собрания, после его открытия избран секретарем Собрания. С мая 1919 г. — в эмиграции.

[215] Делегат от Ярославского комитета. Псевд. не раскрыт.

[216] Делегат от Северо-Западного областного комитета. Псевд. не раскрыт.

[217] Представитель Центрального бюро Крестьянского союза. Псевд. не раскрыт.

[218] Так в тексте документа. Очевидно, выступающий имел в виду однопартийцев, рассматривавших социализацию земли как захват ее отдельными общинами в свою собственность.

[219] Псевд. Е. Е. Лазарева.
Лазарев Егор Егорович (1855–1937) — с 1873 г. в народническом движении. Из крестьян. Учился в Самарской гимназии (не окончил). Неоднократно арестовывался и ссылался. С 1890 г. — в эмиграции, входил в Аграрно-социалистическую лигу. С 1902 г. — член ПСР, кандидат в члены Заграничного комитета. Отстаивал идею национализации земли и выступал против аграрного террора. В 1905–1907 гг. находился в России, входил в Крестьянскую комиссию при ЦК партии, был экпертом эсеровской группы во II Государственной думе. После Февральской революции 1917 г. жил в Самаре, избран членом Учредительного собрания по списку ПСР. К Октябрьской революции отнесся резко отрицательно; был министром народного просвещения в правительстве членов Учредительного собрания (Комуча). С 1919 г. — в эмиграции.

[220] Псевд. О. С. Минора.
Минор Осип Соломонович (1861–1934) — с начала 1880-х гг. в народническом движении. Из семьи раввина. Учился на юридическом факультете Московского университета; отчислен за участие в народовольческом кружке (1883). Впоследствии неоднократно арестовывался и ссылался (в якутской ссылке был ранен и за сопротивление властям приговорен к бессрочной каторге, которую заменили поселением в Сибири). В 1898 г. получил право жительства в Европейской России, в 1902 г. вступил в ПСР. С 1904 г. возглавлял Заграничный комитет, был кооптирован в ЦК партии. В Революцию 1905–1907 гг. — чрезвычайный уполномоченный ЦК ПСР на Кавказе, затем на Украине, в 1908 г. приговорен к 8 годам каторги. После Февральской революции 1917 г. — член ЦК ПСР, председатель Московской городской думы; сторонник бескомпромиссной борьбы с большевизмом. В начале 1919 г. эмигрировал во Францию. Был противником прекращения вооруженной борьбы с большевиками и отказа от иностранной интервенции.

[221] Так в тексте документа. Видимо, правильно: «пронизывает».

[222] Аракчеевщина — сложившаяся в общественном сознании в период «властвования» «великого временщика» графа А. А. Аракчеева и затем перешедшая в отечественную историографию оценка методов внутренней политики последних лет правления императора Александра I, покоившихся на мелочно-формальной регламентации и грубой военной дисциплине. Наиболее наглядным и неоспоримым примером «аракчеевщины» выставлялись порядки в созданных по инициативе Аракчеева «военных поселениях». В современной литературе наметилась тенденция к переосмыслению роли последних, как и к отказу от традиционно негативных оценок личности самого Аракчеева.

[223] Делегат от Уфимского комитета. Псевд. не раскрыт.

[224] Псевд. Н. И. Ракитникова.
Ракитников Николай Иванович (1864–1938) — с начала 1880-х гг. в народническом движении, с 1885 г. — член рабочей группы «Народной воли». Из семьи садовника. Учился на естественном факультете Петербургского университета (1881–1885). Считал насущной задачей вовлечение в революцию крестьянства. После вступления в партию эсеров (1902) считался одним из лучших специалистов по «аграрно-крестьянскому вопросу». Был автором одного из проектов программы ПСР (1903). На I съезде партии сторонник немедленного призыва крестьян к захвату земли, избран в ЦК ПСР. После Февральской революции 1917 г. организовал Саратовский комитет ПСР, возглавлял президиум III съезда партии (вновь избран членом ЦК), являлся тов. министра земледелия в коалиционном Временном правительстве, где курировал работу Главного земельного комитета. К

Октябрьской революции отнесся отрицательно, но считал недопустимым использование в борьбе с большевиками вооруженной борьбы (в начале 1919 г., не найдя поддержки по этому вопросу в ЦК, покинул его; создал группу «Народ»). В конце 1919 г. фактически отошел от политической деятельности, работал статистиком и экономистом. В начале 1937 г. был арестован и приговорен к 5 годам лагерей, в апреле 1938 г. расстрелян в Красноярском крае.

[225] Так в тексте документа. Видимо, при печатании протокола был допущен пропуск части текста.

[226] На заседаниях председательствовал И. А. Рубанович (псевд. — Шевич).

[227] Псевд. В. М. Чернова, автора идеи и концепции «социализации» земли, а также вынесенной на обсуждение делегатов I съезда ПСР аграрной части проекта ее программы.

[228] Так в тексте. Видимо, правильно: «проникнуть во всю жизнь».

[229] *Джордж* (George) Генри (1839–1897) — американский экономист, публицист, общественный деятель. Развивая взгляды классиков политической экономии на природу земельной ренты, предложил механизм изъятия в пользу общества избыточного рентного дохода землевладельцев, создаваемого «трудом» природы. Экскурс в историю земельных отношений позволил ему утверждать, что навязываемое политиками мнение о необходимости для общества частная собственность на землю есть «плод невежества, которое не видит более того, что его непосредственно окружает». «Святость собственности», по его словам, проповедовалась так настойчиво и с таким успехом, «что большая часть людей смотрит на частную земельную собственность как на самый фундамент общества, а если кто и говорит о возврате земли снова в общественную собственность, то видит в этом, при первом взгляде, или химерическую затею, которая никогда не может быть осуществлена, или предложение, направленное к тому, чтобы низвергнуть общество с его основания и вернуть к состоянию варварства». В отличие от К. Маркса и радикальных его последователей Г. Джордж не предлагал национализировать землю, а считал, что для того, чтобы сделать ее «по существу» общей собственностью всего народа «есть путь гораздо более простой и легкий, чем отбирать формально права собственности на землю и затем сдавать ее участками». И этот путь, по его мнению, заключался в том, что нужно лишь отменить один за другим все налоги, собираемые теперь, и увеличить налог на земельные ценности в такой мере, чтобы он «достигал по возможности полного размера годичной ценности земли». Введение такого налога, изымающего у владельцев земли дифференциальную земельную ренту (т. е. доход, связанный с лучшими природными условиями производства), должно было положить конец непроизводительному и нецелевому использованию земли и заставить землевладельцев

выставить на продажу все потенциально продуктивные земли, делая их доступными каждому, кто изъявит желание их производительно использовать. Налог на земельную ренту, постепенно возрастая, должен достичь таких размеров, которые сделали бы излишними все другие налоговые поступления (введение единого земельного налога), что, в свою очередь, способствовало бы росту освобожденной от налогов заработной платы и ликвидации бедности. Книга Джорджа «Progress and Poverty» (1879), посвященная поиску «причин существования бедности среди возрастающего богатства» и излагающая его экономическую и социальную концепцию, выдержала в течение одного года четыре издания и была встречена как произведение, «открывающее новую эру в политической экономии». В России издана в 1883 г., найдя многих почитателей и пропагандистов, в числе которых был Л. Н. Толстой (см.: Письмо крестьянину о земле (О проекте Генри Джорджа) // Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч. В 90 т. Т. 90. М., 1992. С. 75–76; Единственное возможное решение земельного вопроса // Там же. Т. 36. С. 283–289).

230 *Уоллес* (Wallace) Алфред Рассел (1823–1913) — английский натуралист, путешественник, географ и антрополог. В книге «Land Nationalization» (1881) предложил способ национализации земли, отличный от того, с которым выступил Г. Джордж. Согласно его концепции государство должно было изымать у землевладельцев не дифференциальную земельную ренту, а саму землю. Предусматривался ее выкуп: бывшим владельцам земли и их наследникам (родившимся до национализации) предлагалось выплачивать компенсацию в виде ежегодной ренты, равной прежнему доходу от земли; рентные платежи (как и другие обязательства государства) прекращались со смертью вышеуказанных лиц. Сдаваемые государством земли должны были обрабатываться личным трудом арендаторов, запрещалась субаренда, а залог земель ограничивался и строго регулировался.

231 Так в тексте. Правильно: *Флюршейм* (Flürscheim) Михаель (1844–?) — немецкий публицист, затем предприниматель. Активный сторонник национализации земли, выдвинувший в кн. «Der einzige Rettungsweg» (1880) собственный проект ее осуществления. Считал возможным устранение частной собственности на землю двояким путем: либо посредством обложения землевладельцев налогом, изымающим дифференциальную земельную ренту (и здесь его позиция была близка занимаемой Г. Джорджем), либо посредством постепенной скупки земли государством (в силу права преимущественной купли) с последующей сдачей ее в аренду частным лицам. При этом предметы, которые могли бы быть отделены от почвы (деревья, дома, технические сооружения и пр.) он предлагал оставлять в частной собственности. В 1888 г. основал «Немецкий союз для реформы земельной собственности» (с 1898 «Союз немецкой земельной реформы»).

[232] *Оппенгеймер* (Oppenheimer) Франц (1864–1943) — немецкий экономист и социолог; представитель «либерального социализма». Выдвинул программу преобразования общества на некапиталистической основе. Решение этой проблемы связывал прежде всего с устранением крупного землевладения, в котором видел главную причину социально-экономических противоречий капитализма, и созданием нового типа хозяйственной организации — кооперативных товариществ, в которых одновременно существуют единоличное и общее владение и труд.

[233] Представитель Тамбовского комитета. Псевд. не раскрыт.

[234] Делегат от Нижегородского комитета. Псевд. не раскрыт.

[235] В поправке Базарова (Н. И. Ракитникова) говорилось: «пользование угодьями и землями, имеющими не узкоместное значение или эксплуатация которых недоступна мелким органам местного самоуправления, регулируется более широкими органами самоуправления вплоть до государства».

Аграрная часть программы ПСР [принята I съездом ПСР]

Публикуется по: Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. В 3 т. Т. 1. 1900–1907 гг. М., 1996. С. 384–385. Принятый делегатами I съезда ПСР программный документ в аграрной своей части сохранял силу на протяжении всех лет жизнедеятельности партии.

Материалы дискуссий и программные документы Конституционно-демократической партии (Партии народной свободы)

Партия организационно оформилась на своем I съезде (12–18 октября 1905, Москва), хотя ядро партии сложилось ранее, из членов двух организаций либеральной интеллигенции — «Союза освобождения» и «Союза земцев-конституционалистов». Представляла собой левое крыло российского либерализма, сообразно этому строила свою стратегию и тактику. Аграрная часть программы кадетов, принятой на I съезде, отличалась наибольшим радикализмом среди аналогичных документов партий, всплывших на волне Революции 1905–1907 гг. (признание необходимости передачи крестьянам большей части земель крупных землевладельцев, требование создания государственного земельного фонда за счет изъятых земель и пр.). На II съезде (4–11 января 1906) была предпринята попытка пересмотреть аграрную программу, но она не имела успеха вследствие резких разногласий делегатов в оценке предложенных новаций, прежде всего, в отношении их к проблеме национализации земли. Тем не менее, за короткий период между II и III (21–25 апреля 1906) съездами партия сделала очередной «шаг влево», отказавшись от двух «начал» (владение и пользование), на которых земли из государственного фонда должны были передаваться нуждающемуся в них населению, и признав единственным принципом такой передачи долгосрочное пользование. Это признание стало компромиссом, позволившим руководству партии сдер-

жать натиск «национализаторов» в своих рядах на очередном съезде и не допустить включения пункта о национализации земли в подготовленный для думской фракции «Проект Основных положений аграрной реформы».

Аграрная часть программы КДП (ПНС)
[принята I съездом КДП (ПНС)]

Публикуется по: Сборник программ политических партий в России / Под ред. и с предисл. В. В. Водовозова. СПб., 1906. Вып. I. С. 46–47.

[236] Примирительные камеры — общественные органы типа третейского суда.

Проект Основных положений аграрной реформы
[представлен III съезду КДП (ПНС)]

Публикуется по: Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. В 3 т. Т. 1. 1905–1907 гг. М., 1997. С. 284–286. Разработан аграрной комиссией ЦК КДП (ПНС) в качестве «черновика будущего законодательного акта» для внесения его после доработки, фракцией КДП (ПНС) в I Государственную думу. Совместно с аграрной секцией съезда проект был вынесен на пленарное заседание для обсуждения, доработки и официального утверждения высшим органом партии. Приводится с незначительными сокращениями.

[237] См. комм. 29. В данном случае речь идет о землях, отводимых для выпаса скота горожан.

Протокольная запись обсуждения проекта Основных положений аграрной реформы на III съезде КДП (ПНС). 23-25 апреля 1906 г.

Публикуется по: Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. В 3 т. Т. 1. 1905–1907 гг. М., 1997. С. 281–334. Обсуждение данного вопроса велось на четырех заседаниях съезда, состоявшихся 23–25 апреля 1906 г. Материалы приводятся в извлечениях и с небольшими сокращениями.

[238] *Якушкин* Вячеслав Евгеньевич (1856–1912) — общественный деятель, публицист. Из дворян, внук декабриста И. Д. Якушкина. В 1879 г. окончил историко-филологический факультет Московского университета. С 1890 г. приват-доцент университета, участник либерального земского движения (занимал в нем левые позиции). В 1903–1904 гг. участвовал в создании «Союза освобождения» и «Союза земцев-конституционалистов», в 1905 г. — в организации Конституционно-демократической партии, был членом ее ЦК. Депутат I Государственной думы. В последние годы жизни отошел от политической деятельности, занимался научной и публицистической работой, опубликовал ряд трудов по аграрному вопросу.

[239] После этих слов В. Е. Якушкин зачитал «окончательную редакцию проекта», которая не совпадала с текстом розданного делегатам документа, поскольку накануне заседания в проект были внесены «некоторые изме-

нения» участниками соединенного совещания аграрной секции съезда и аграрной комиссии ЦК КДП (ПНС). Текст последней редакции проекта публикуется в настоящем издании (см.: «Проект Основных положений аграрной реформы»).

240 *Зубрилин* Алексей Арсеньевич (1868–1940) — агроном, популяризатор сельскохозяйственных знаний. Из крестьян. Работал земским агрономом в Волоколамском уезде Московской губ., боролся с трехпольной системой земледелия, пропагандировал травосеяние и введение травопольной системы. Член кадетской партии; в феврале 1906 г. был арестован за участие в крестьянских сходах и «противоправительственную пропаганду». В октябре того же года оправдан за «недостатком улик», но был уволен со службы. После увольнения состоял при сельскохозяйственном складе Московского губернского земства. После Октябрьской революции работал агрономом, добился того, что Волоколамский уезд первым в СССР ликвидировал трехпольную систему (1927). Книга Зубрилина «Травосеяние на крестьянских землях» выдержала 18 изданий (последнее в 1930).

241 Имеется в виду Центральный комитет КДП (ПНС), куда аграрная комиссия, дорабатывавшая проект, передала свои предложения и замечания.

242 *Гуревич* Яков Яковлевич — потомственный дворянин, директор гимназии в Туле. Участвовал в работе журнала «Освобождение», член организации «Союз освобождения». С ноября 1905 г. входил в тульский губернский комитет кадетской партии.

243 И. И. Петрункевич председательствовал на заседаниях III съезда кадетской партии. Открывая заседание, посвященное обсуждению проекта Основных положений аграрной реформы, он указывал не столько на важность, сколько на трудности решения аграрного вопроса, наибольшей из которых, по его словам, «является то обстоятельство, что в аграрном вопросе мы можем встретить противодействие в тех классах, интересы которых связаны с разрешением аграрного вопроса».

Петрункевич Иван Ильич (1844–1928) — общественный деятель. Потомственный дворянин, крупный землевладелец. В 1866 г. окончил юридический факультет Петербургского университета. С 1868 г. неоднократно избирался гласным в ряде уездов в Черниговской и Тверской губерниях. Принимал участие в подготовке к изданию журнала «Освобождение» и в организации «Союза освобождения» (на I съезде Союза избран его председателем). Один из основателей Конституционно-демократической партии, бессменный член (в 1909–1915 гг. председатель) ее ЦК. Депутат I Государственной думы, лишен избирательных прав после подписания Выборгского воззвания. После Октябрьской революции 1917 г. эмигрировал (1919), занимался литературной деятельностью.

[244] *Хардин* Андрей Николаевич (?–1910) — общественный деятель, присяжный поверенный. Основатель и председатель самарского губернского комитета кадетской партии. С 1905 г. издатель и редактор партийных газет «Волжское слово», «Самарский курьер».

[245] Выступающий имеет в виду предпринимавшиеся руководством Всероссийского крестьянского союза попытки объединить в Государственной думе депутатов-крестьян, создав особую крестьянскую группу. Но еще до начала работы Думы, 24 апреля было решено создать группу, объединяющую не только крестьян, но весь «трудовой народ», всех «трудящихся». Так было положено начало Трудовой группе в Государственной думе.

[246] Речь идет об аграрном съезде, проходившем в Москве 27–29 мая 1905 г. (выступающий ошибся в его датировке), в котором приняли участие как специалисты по аграрному вопросу, так и общественные деятели, в т. ч. кадеты. В центре обсуждения находилась проблема ликвидации крестьянского малоземелья. Для ее решения было предложено расширить источники пополнения государственного земельного фонда за счет выкупа помещичьих земель по справедливой оценке за счет государства.

[247] Так в тексте документа. Видимо, правильно: провести отчуждение (изъять из частной собственности).

[248] *Жемчужников* А. А. — инженер-железнодорожник. В 1905 г. — гласный Томской городской думы, с декабря того же года — член томского губернского комитета кадетской партии. На III съезде КДП представлял томскую организацию, выступал в защиту принципа национализации земли.

[249] *Друцкой-Любецкий* Франц Ядвигович — князь, член пинской районной группы кадетского комитета (Минская губ.).

[250] *Корнилов* Александр Александрович (1862–1925) — общественный деятель, историк и публицист. Потомственный дворянин. Окончил юридический факультет Петербургского университета (1885). В 1886–1891 и 1894–1900 гг. — на государственной службе: комиссар по крестьянским делам в Царстве Польском, руководил земельным и переселенческим делом в Восточной Сибири. В 1903–1904 гг. — помощник присяжного поверенного в Петербурге, вошел в «Союз освобождения». В 1905 г. участвовал в создании Конституционно-демократической партии, на I съезде избран членом ЦК, на II съезде (январь 1906) — секретарем ЦК, председателем аграрной комиссии, подготовившей кадетский аграрный «проект 42-х». В 1908 г. сложил с себя обязанности секретаря ЦК, отошел от политической деятельности. В 1915 г. вновь избран секретарем ЦК и председателем петроградского комитета партии. После двух апоплексических ударов (июль 1917) лечился в Кисловодске, в 1921 г. вернулся в Петроград, преподавал в Политехническом институте, с 1922 г. — на пенсии.

[251] *Медведев* Александр Семенович (1856–?) — общественный деятель, коллежский секретарь. Из крестьян (сын волостного старшины). Окончил Демидовский юридический лицей (Ярославль). С 1895 г. избирался гласным Тверского губернского и Весьегонского уездного собраний, в 1899 г. организовал образцовую помощь голодающим в губернии. В 1905 г. — заведующий страховым отделом Тверской губернской земской управы. Член кадетской партии. Депутат I Государственной думы от Тверской губернии.

[252] А. С. Медведев имеет в виду выступление А. А. Жемчужникова.

[253] Речь в данном случае идет об опытных и показательных полях.

[254] *Котляревский* Сергей Андреевич (1873–1939) — историк, юрист, публицист. Из дворян. Окончил историко-филологический факультет Московского университета; с 1900 г. — приват-доцент университета по кафедре всеобщей истории. Один из создателей «Союза освобождения», «Союза земцев-конституционалистов» и кадетской партии. В октябре 1905–1908 гг. — член ЦК КДП, занимал позицию на правом фланге руководства партии. Депутат I Государственной думы. В 1908 г. отошел от политической деятельности, в 1912 г. вышел из партии. В годы Первой мировой войны поддерживал политику правительства, после Февральской революции 1917 г. — тов. обер-прокурора Синода и тов. министра вероисповеданий. Октябрьскую революцию 1917 г. не принял, участвовал в ряде антибольшевистских организаций (Правый центр, Всероссийский национальный центр и др.); в 1920 г. приговорен к 5-летнему условному заключению по делу Тактического центра. Впоследствии занимался научно-исследовательской работой, в т. ч. в Институте советского права. В 1939 г. репрессирован.

[255] *Струве* Петр Бернгардович (1870–1944) — общественный деятель, академик Российской АН (1917). Из дворян, сын пермского губернатора. В 1895 г. окончил экстерном юридический факультет Петербургского университета. В 1890-х гг. — теоретик «легального марксизма». В 1903 г. — один из учредителей «Союза освобождения», в январе 1906 г. избран в ЦК кадетской партии, в котором занимал правые позиции. Депутат II Государственной думы. В 1908 г. фактически отошел от конституционных демократов (окончательный разрыв и выход из ЦК последовал летом 1915), выдвинул концепцию «национально-либерального империализма». В 1909–1913 гг. работал в Религиозно-философском обществе. После Февральской революции 1917 г. — один из создателей патриотической организации «Лига русской культуры», в апреле–мае возглавлял экономический департамент Министерства иностранных дел Временного правительства, в сентябре вошел в состав Предпарламента. Октябрьскую революцию не принял, участвовал в организации Добровольческой армии, с апреля 1920 г.

руководил Управлением внешних сношений в правительстве генерала П. Н. Врангеля. В 1921 г. эмигрировал, в 1930-е гг. отошел от политической деятельности.

[256] *Имшенецкий* Яков Кондратьевич (1858–?) — общественный деятель, публицист. Из дворян. После отчисления из Московского университета за участие в «студенческих беспорядках» учился в Новороссийском университете (Одесса). Занимал должность начальника отдела казенной палаты в Полтаве, был избран гласным Полтавской городской думы. Сотрудничал в газете «Русские ведомости» и других изданиях. Один из создателей и председатель полтавского комитета кадетской партии. Депутат I и III Государственных дум от Полтавской губ. На VI и VIII съездах КДП избирался в состав ЦК партии. Октябрьскую революцию встретил враждебно. Дальнейшая судьба составителям неизвестна.

[257] Речь идет о выступлении Я. Я. Гуревича на вечернем заседании 23 апреля, с которого начались прения по аграрному вопросу.

[258] *Умнов* Виктор Николаевич — купец, бывший нотариус. Содержал типографию и публичную библиотеку в г. Пенза. Гласный Пензенской городской думы. Председатель бюро пензенской группы кадетов.

[259] *Косинский* Владимир Андреевич (1864 [по др. данным 1866]–1938) — юрист и экономист, общественный и политический деятель. Из семьи губернского секретаря. Окончил математический (1888) и юридический (1892) факультеты Московского университета. С 1900 г. — приват-доцент того же университета, с 1901 г. — профессор Рижского политехнического института, в 1904–1909 гг. — Новороссийского университета (Одесса), декан юридического факультета. Одновременно — тов. председателя Одесского комитета кадетской партии. В докторской диссертации (1906) выступил как автор концепции «раскапитализации» крупной земельной собственности и перехода земли в руки трудовых семейных хозяйств. Оставался сторонником сохранения частной собственности на землю. С 1909 г. — профессор кафедры политической экономии Киевского политехнического института. После Октябрьской революции 1917 г. занял пост тов. министра труда в правительстве гетмана П. П. Скоропадского. С 1919 г. — в эмиграции; жил и преподавал в учебных заведениях Польши, Латвии, Германии, Чехословакии.

[260] Выступающим дается явно преувеличенная оценка в целом безусловно успешного выступления Конституционно-демократической партии на выборах в I Государственную думу (на момент сделанного заявления — 153 депутатских места). Даже после того, как к фракции примкнула часть «независимых» депутатов, она насчитывала 179 человек (37,5 %). Главное

же, Основные законы империи жестко ограничивали правовое поле, на котором разворачивалась деятельность как всей Думы, так и «правящей» партии.

261 *Сафонов* Петр Алексеевич (1868–?) — общественный деятель, агроном, землевладелец, почетный мировой судья. Личный дворянин. Учился в Казанском земледельческом училище, затем в Петровской сельскохозяйственной академии. Был управляющим крупного имения в Саратовской губ. С 1900 г. — уездный и губернский земской гласный. С 1905 г. — председатель Саратовского сельскохозяйственного общества. Член «Союза освобождения». Организатор саратовского отдела кадетской партии. В марте 1906 г. вступил в члены костромского отдела партии; от Костромской губ. избран депутатом I Государственной думы.

262 См. комм. 247.

263 *Литвинов* Максим Иванович (1872–?) — из крестьян Аткарского уезда Саратовской губ. Окончил двуклассное училище, учился в учительской семинарии (курс не окончил). Служил конторщиком в экономиях, сотрудничал в газете «Саратовский дневник». Входил в кадетскую партию, был избран депутатом I Государственной думы. В Думе примкнул к Трудовой группе.

264 Выступающий перечисляет население регионов, где преобладало подворное землевладение.

265 *Некрасов Николай Виссарионович* (1879–1940) — политический деятель. Из семьи священника. Окончил Институт инженеров путей сообщения (1902). Профессор Томского технологического института. Будучи на отдыхе в Ялте, вошел в состав местного отделения только что созданной кадетской партии. В 1909–1917 гг. — член ЦК КДП (ПНС), лидер левого крыла руководства партии. Депутат III и IV Государственной думы (с ноября 1916 г. — тов. председателя Думы). В марте–июле 1917 г. — министр путей сообщения Временного правительства. Во время июльского политического кризиса 1917 г. вышел из партии кадетов, вступил в Российскую радикально-демократическую партию, с 8 июля 1917 г. — тов. министра-председателя Временного правительства, одновременно с 24 июля 1917 г. — министр финансов. Во время корниловского мятежа высказался за отставку А. Ф. Керенского и был выведен из состава правительства; назначен генерал-губернатором в Финляндию. После Октябрьской революции 1917 г. участвовал в работе подпольного Временного правительства, затем сменил фамилию и уехал в Уфу, где начал работать в системе кооперации. В марте 1921 г. был опознан и арестован, в мае освобожден после встречи с В. И. Лениным. В 1921–1930 гг. — член правления Центросоюза, преподаватель МГУ и Института народного хозяйства им. Г. В. Плеханова. В ноябре 1930 г. арестован, приговорен к 10 годам заключения, в 1933 г.

досрочно освобожден. Перед повторным арестом (июнь 1939) работал на строительстве канала Москва-Волга; по приговору Военной коллегии Верховного суда расстрелян.

266 Возможно, речь идет о Бакуменко Иване Андреевиче — директоре мелитопольского коммерческого училища.

267 См. комм. 247.

268 *Вейсман* Р. Л. — присяжный поверенный. В 1905 г. гласный Томской городской думы. С 1908 г. — член Общества изучения Сибири и улучшения ее быта. На III съезде КДП представлял томскую организацию кадетской партии, выступал в защиту принципа национализации земли.

269 *Изгоев* (Лянде) Александр (Аарон) Самойлович (1872–1935) — публицист, сотрудник газеты «Речь». Из семьи раввина. Учился на медицинском факультете Томского университета, затем на юридическом факультете Новороссийского университета (Одесса; окончил в 1900); до 1905 г. — приват-доцент, профессор этого университета. В 1890-е гг. — легальный марксист, социал-демократ, в начале 1900-х гг. примкнул к либералам. С января 1906 г. — член ЦК кадетской партии, к правому крылу которого примыкал до 1918 г. В мае–июне 1917 г. — один из учредителей «Лиги русской культуры». После Октябрьской революции 1917 г. занял непримиримую антибольшевистскую позицию; дважды арестовывался за антисоветскую деятельность, в 1922 г. выслан из Советской России. Сотрудничал в эмигрантских изданиях в Германии, Чехословакии и Латвии.

270 См. резолюцию съезда «По земельному вопросу».

271 В докладе «О тактике партии в Государственной думе» (21 апреля 1906) П. Н. Милюков отмечал, что «в настоящий момент состав Думы представляется чрезвычайно благоприятным для проведения этой реформы на широких началах, сформулированных в программе Партии народной свободы. ...»

Милюков Павел Николаевич (1859–1943) — историк, публицист, политический деятель. Потомственный дворянин. Входил в число учредителей журнала «Освобождение», один из основателей и председатель (май–август 1905) Союза союзов. Состоял в числе учредителей кадетской партии, был активным участником разработки ее программы. С октября 1905 г. — член ЦК КДП (ПНС), в мае 1906 г. избран тов. председателя ЦК, с марта 1907 г. — председатель ЦК (сложил обязанности в 1918 г. ввиду негативного отношения большинства членов партии к его переговорам с германским командованием на Украине о финансировании Белого движения). Будучи лидером партии, разрабатывал ее стратегию и тактику. Не входя в состав I и II Государственной думы, фактически руководил партийными фракциями; в составе III и IV Государственной думы — депутат от Петербурга и официальный руководитель фракций. С августа 1915 г. —

инициатор создания и лидер Прогрессивного блока. После Февральской революции 1917 г. — министр иностранных дел во Временном правительстве (март–май), один из ведущих политиков. Октябрьскую революцию 1917 г. не принял, после эмиграции остался влиятельной фигурой в среде политических беженцев, занимался литературной и публицистической деятельностью; в 1930-х гг. выступил в поддержку ряда шагов советского правительства (в т. ч. заключения пакта Молотова — Риббентропа), направленных на защиту русских государственных интересов; с началом Великой Отечественной войны поддерживал СССР.

По земельному вопросу. Резолюция III съезда КДП (ПНС)

Публикуется по: Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. В 3 т. Т. 1. 1905–1907 гг. М., 1997. С. 350. Краткая резолюция включена в раздел программных документов, поскольку содержит одно из важнейших программных требований кадетской партии.

272 Речь идет о представленном III съезду документе (см.: «Проект Основных положений аграрной реформы»), который после обсуждения был принят без изменений и только «в общих основаниях», что оправдывает отсутствие публикации итогового документа в настоящем сборнике. Делегатами съезда было предположено, что окончательная его доработка перед официальным внесением документа в Думу в качестве законопроекта будет осуществлена парламентской фракцией партии. Однако и в рядах фракции не было достигнуто согласие по ряду принципиальных вопросов будущей реформы. 8 мая 1906 г. проект был внесен в Думу 42-мя членами кадетской фракции лишь в качестве «материала» для разработки соответствующего законопроекта думской аграрной комиссией (см.: «Основные Положения предполагаемых изменений в законах касательно землевладения»).

Материалы дискуссий и программные документы «Союза 17 октября»

Политическая организация сторонников конституционной монархии (названа в честь Манифеста 17 октября 1905 г., знаменовавшего, по мнению ее членов, вступление России на этот путь). Организационное оформление Союза началось в конце октября 1905 г. и завершилось на его I съезде (8–12 февраля 1906). Союз представительствовал в Государственной думе всех четырех созывов. В III Думе, блокируясь с умеренно правыми и кадетами (с 1909), обеспечил правительству послушное «парламентское большинство», опираясь на которое, оно смогло, наконец, провести через законодательный орган ряд своих законопроектов (в т. ч. в аграрной сфере), блокированных депутатами прежних созывов. Первый вариант программы (в дальнейшем неоднократно перерабатывался) был опубликован 9 ноября 1905 г. в виде программного воззвания. Его автором был

А. И. Гучков. С небольшими изменениями его содержание было одобрено I съездом Союза и утверждено в качестве общепартийной программы.

Аграрная часть программы «Союза 17 октября» [утверждена I съездом делегатов отделов «Союза 17 октября» и партий к нему присоединившихся]

Публикуется по: Программы политических партий России. Конец XIX — начало XX в. М., 1995. С. 345–346.

273 Разверстание (или разграничение угодий «к одним местам») — 1) перераспределение разрозненно лежащих земельных участков между их владельцами в целях образования цельных земельных угодий каждого из них и улучшения условий сельскохозяйственного производства (за счет уничтожения чересполосности, сервитутов и пр.); 2) разграничение земельных угодий, находящихся в общем пользовании, на участки, т. е. распределение их между отдельными владельцами.

274 Требование «принудительного» отчуждения части частновладельческих земель имелось только в московском варианте программного воззвания «Союза 17 октября» (в петербургском слово «принудительное» отсутствовало). В таком виде оно и было включено затем в первую программу Союза.

По крестьянскому и земельному вопросу. Резолюция I съезда делегатов отделов «Союза 17 октября» и партий к нему присоединившихся

Публикуется по: Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК. 1905–1915 гг. В 2 т. Т. 1. Протоколы съездов и заседаний ЦК. 1905–1907 гг. М., 1996. С. 160–162. Принята съездом 12 февраля 1906 г. по докладу аграрной секции.

Материалы обсуждения аграрного вопроса на II Всероссийском съезде «Союза 17 октября» и примыкающих к нему партий (по публикациям партийной печати). 7 мая 1907 г.

Публикуется по: Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК. 1905–1915 гг. В 2 т. Т.1. Протоколы съездов и заседаний ЦК. 1905–1907 гг. М., 1996. С. 327–334. Обсуждение данного вопроса велось на заседании съезда 7 мая 1907 г. Материалы приводятся в изложении (с небольшим сокращением) по публикациям газеты «Голос Москвы» от 9 и 10 мая 1907 г.

275 *Гучков* Александр Иванович (1862–1936) — государственный и политический деятель. Из купеческой семьи. Окончил историко-филологический факультет Московского университета (1886), учился в Берлинском и Гейдельбергском университетах. В 1897–1907 гг. — гласный Москов-

ской городской думы, занимал ряд руководящих постов в крупнейших банковских и страховых компаниях. В 1900 г. участвовал на стороне буров в англо-бурской войне в Южной Африке, был ранен и попал в плен; во время русско-японской войны 1904–1905 гг. — главноуполномоченный Российского общества Красного Креста на театре военных действий. С 1905 г. — один из лидеров либерального движения, создатель и бессменный руководитель «Союза 17 октября», автор его программного воззвания. В III Государственной думе — председатель фракции октябристов, в марте 1910 г. — марте 1911 г. — председатель Думы. В начале думской деятельности партии поддерживал проводимые П. А. Столыпиным реформы, но после усиления в политике последнего антиконституционных тенденций стал инициатором перехода «Союза 17 октября» к умеренной оппозиции правительству. С началом Первой мировой войны занимался организацией госпиталей, был одним из организаторов и председателем Центрального военно-промышленного комитета, членом Особого совещания по обороне. 2 марта 1917 г. вместе с В. В. Шульгиным принял отречение Николая II от престола. В марте–мае того же года — военный и морской министр Временного правительства, после отставки участвовал в подготовке и финансировании военного переворота («корниловского мятежа»). После Октябрьской революции финансировал Добровольческую армию; с 1919 г. в эмиграции, один из организаторов и «спонсоров» борьбы с Советской Россией.

276 *Столыпин* Петр Аркадьевич (1862–1911) — государственный деятель. Потомственный дворянин, крупный землевладелец. Окончил физико-математический факультет Петербургского университета (1884). Служил в Министерстве государственных имуществ, с 1889 г. — в Министерстве внутренних дел. В 1899 г. назначен предводителем дворянства Ковенской губ., в 1902 г. — гродненским губернатором. В 1903 г. переведен на тот же пост в Саратов. С апреля 1906 г. — министр внутренних дел, с 8 июля того же года — председатель Совета министров (с сохранением министерского поста) и член Государственного совета. Был одним из инициаторов и руководителем аграрной реформы (называемой его именем), направленной на разрушение крестьянской общины и создание в деревне слоя «крепких мужиков», призванных заменить общину в качестве социальной опоры монархии. Политическую опору своим начинаниям видел в «Союзе 17 октября», затем в умеренных правых. Смертельно ранен 1 сентября 1911 г.

277 Речь идет о несостоявшемся покушении на Николая II, которое готовилось Боевой организацией эсеров под руководством бывшего морского офицера Б. Н. Никитенко, но было раскрыто Охранным отделением с помощью известного провокатора Е. Ф. Азефа. Столыпин использовал

арест боевиков для организации политической демонстрации населением верноподданнических чувств.

278 *Кулешов* Павел Николаевич (1854–1936) — один из основоположников зоотехнии в России; чл.-корр. АН СССР (1928). Окончил Казанский ветеринарный институт (1875) и Петровскую земледельческую и лесную академию (1879; ныне — ТСХА). С 1890-х гг. изучал проблемы наследственности сельскохозяйственных животных, первым в России привлек внимание животноводов к генетике. Профессор Петровской академии, состоял специалистом по животноводству при департаменте земледелия Главного управления землеустройства и земледелия (с 1915 — Министерства земледелия), затем возглавлял кафедру на агрономическом факультете Тамбовского университета. Директор Южно-Русского общества для торговли домашними животными и продуктами животноводства. С 1905 г. входил в «Союз 17 октября»; на I, II и III (1909) съездах избирался членом ЦК Союза. С 1921 г. вновь в Москве, заведовал кафедрой овцеводства и коневодства в Московском высшем зоотехническом институте.

279 *Коссович* Петр Самсонович (1862–1915) — агрохимик и почвовед. Из семьи агронома, впоследствии директора Московской земледельческой школы. В 1887 г. окончил естественное отделение физико-математического факультета Московского университета, в 1889 г. — Петровскую сельскохозяйственную академию. С 1894 г. — доцент, с 1902 г. — профессор кафедры почвоведения Петербургского Лесного института. В 1897 г. возглавил сельскохозяйственную химическую лабораторию Министерства земледелия и государственных имуществ. В 1905 г. — член Партии правового порядка, примкнувшей в конце того же года к «Союзу 17 октября». Как специалист принимал участие в разработке аграрной части программы Союза, был делегатом его I и II съездов.

280 *Крапоткин* (Кропоткин) Алексей Алексеевич — князь, общественный деятель. Правитель канцелярии управления Саратовского губернского удельного округа Министерства двора и уделов. С 1905 г. — тов. председателя, с 1906 г. — председатель саратовского губернского отдела «Союза 17 октября», делегировавшего его на II съезд Союза. В 1917 г. — член Предпарламента от Всероссийского Союза земельных собственников.

281 Так в тексте. Правильно: *Шмид* Густав (в крещении — Михаил) Карлович (1852–1909) — деятель монархического движения, дворянин. Окончил Казанскую гимназию и Морской корпус (1871). Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., за храбрость переведен в гвардейский экипаж; в 1887 г. произведен в капитаны 2-го ранга. В 1890 г. вынужден был выйти в отставку после привлечения к суду за проступок «юных лет» (будучи лейтенантом для покрытия карточных долгов продал немецкому

агенту за 750 руб. составленный им ложный план минных заграждений в районе Моонзундского архипелага; по др. сведениям — Кронштадта). Лишен дворянства и определен на каторжные работы, замененные высылкой в Сибирь. «Высочайшим повелением» был помилован и восстановлен в общегражданских правах. После отставки служил на железных дорогах, издавал и редактировал монархические издания «Морская волна» (Вильно) и «Минское слово». Активно выступал против автономии Польши и «стремления поляков "окатоличить" и "ополячить" Северо-Западный край». С 1905 г. — октябрист, тов. председателя, затем председатель минского губернского отдела «Союза 17 октября», делегат I и II съездов. От русского населения Минской губернии избран депутатом III Государственной думы, но после вскрывшегося факта привлечения к суду (ноябрь 1907), был выведен из фракции октябристов, а в феврале 1908 г. исключен из состава Думы. После возвращения в Минск при поддержке православной церкви избран членом городской думы, примкнул к правым (в 1909 г. участвовал во II съезде Русских людей в Москве).

282 *Шидловский* Сергей Илиодорович (1861–1922) — общественный и политический деятель; действительный статский советник. Потомственный дворянин, крупный землевладелец. Окончил Александровский юридический лицей (1880). После отбывания воинской повинности и выезда за границу поселился в деревне. В 1900–1902 гг. — член Совета Крестьянского поземельного банка, в 1905–1906 гг. — директор департамента земледелия Главного управления землеустройства и земледелия. После отставки (апрель 1906) уездный предводитель дворянства в Могилевской губ. Член III и IV Государственной думы от Воронежской губ., в III Думе входил в земельную комиссию (тов. председателя), в 1909–1910 гг. — тов. председателя Думы; летом 1915 г. — один из инициаторов создания, затем председатель бюро Прогрессивного блока. После Февральской революции 1917 г. — член Временного комитета Государственной думы, входил в Главный земельный комитет, был членом Предпарламента. В 1918 г. отошел от политической деятельности, в 1920 г. эмигрировал.

283 Видимо, присутствует ошибка в передаче корреспондентом газеты предложения выступающего. Очевидно, что оно исходило из весьма распространенных в те годы суждений о допустимости выкупа при отчуждении частновладельческих земель. Наиболее массовым было мнение о возможности компенсации по «справедливой оценке», но никак не по рыночной цене.

284 *Макаров* П. М. — крестьянин, делегат съезда от двинского отдела «Союза 17 октября».

[285] *Капустин* Михаил Яковлевич (1847–1920) — доктор медицины (1879), общественный деятель; действительный статский советник (1898). Из дворян. Окончил Медико-хирургическую академию (1870). Служил земским, с 1873 г. — военным врачом; во время русско-турецкой войны 1878–1879 гг. работал в военно-походных госпиталях на Кавказе. С 1885 г. — профессор гигиены в Варшавском, в 1887–1908 гг. — в Казанском университетах (с 1887 декан медицинского факультета). Являлся руководителем Казанского губернского отдела «Союза 17 октября» и членом ЦК Союза. Депутат II и III Государственной думы, в октябре 1910 г. — июне 1912 г. занимал пост товарища председателя Думы. С 1912 г. работал в одном из департаментов Министерства народного просвещения, преподавал в высших учебных заведениях.

[286] *Красильников* Н. Д. — в 1906 г. титулярный советник, чиновник петербургской портовой таможни, член коломенского участкового комитета «Союза 17 октября» в Петербурге.

Аграрная программа «Союза 17 октября» [принята II Всероссийским съездом «Союза 17 октября» и примыкающих к нему партий]

Публикуется по: Аграрный вопрос в программах политических партий России. Документы и материалы. Последняя треть XIX в. — октябрь 1917 г. М., 2000. С. 78–80. (См. также: ГА РФ. Ф. 115. Д. 170. Оп. 1. Л. 1.) Четвертый (и окончательный) вариант программы был разработан программной комиссией при Московском ЦК Союза, который и вынес его на утверждение Всероссийского съезда.

Программные документы Всероссийского крестьянского союза

Учредительный съезд Союза состоялся 31 июля — 1 августа 1905 г. ВКС находился под сильным влиянием неонароднических организаций и их деятелей, но заявлял о себе как о надпартийной, профессионально-сословной организации. Выступал за политические свободы, созыв Учредительного собрания. Главный лозунг — отмена частной собственности на землю. В 1907 г., подвергаясь репрессиям, утратил влияние на крестьянство и прекратил существование. После Февральской революции 1917 г. возобновил деятельность, но уже без прежней активности и размаха. К концу того же года его местные организации слились с Советами крестьянских депутатов или были преобразованы в такие Советы. Деятельность ВКС определялась не развернутой и цельной программой (ее Союз не успел принять), а рядом программных установок, принятых на Учредительном съезде и имевших конкретно-целевую направленность.

К земельному вопросу. Постановление учредительного съезда ВКС. 31 июля — 1 августа 1905 г.

Публикуется по: Всероссийский крестьянский союз. Постановления съездов Крестьянского союза (учредительного 31 июля — 1 августа и 6–10 ноября 1905 г.). СПб., 1905. С. 3.

[287] «Земельный (аграрный) вопрос» значился пятым пунктом повестки дня съезда. Предполагалось подробное рассмотрение различных его аспектов: «I. Современное земельное положение и его неудобства: а) крестьянское хозяйство (в правовом и экономическом отношении) и сельская община; б) помещичье хозяйство; в) взгляды на частную земельную собственность. II. Желательные изменения: а) существующие проекты земельного переустройства; б) способы улучшения крестьянского хозяйства; в) вопрос об увеличении крестьянских наделов; г) как улучшить культуру или способы обработки наделов через наделение их частновладельческими землями с оставлением частной собственности. III. Каким путем можно сделать земли общественной собственностью: 1) обращение в государственную собственность земель монастырских, церковных и других; 2) выкуп земель частновладельческих и крестьянских в государство; 3) другие способы. IV. Установление отношения крестьянства как арендатора к государству как собственнику земли. V. Как поступить с лесными хозяйствами. VI. Устройство переселения и расселения крестьян». (См.: *Колесниченко Д. А.* Всероссийский крестьянский союз в 1905–1907 гг. М., 2006. С. 33.) Для участия в прениях записалось более 30 делегатов, однако ввиду недостатка времени обсуждение этого вопроса было свернуто.

Программные документы Русской монархической партии

Создана в конце апреля 1905 г. Выступала за сохранение самодержавной власти и господствующее положение русского народа. В 1908–1909 гг. находилась на положении одного из отделов «Союза русского народа», в 1911 г. переименована в «Русский монархический союз», который в феврале 1917 г. был распущен Временным правительством. Программа РМП обнародована за два дня до издания Манифеста 17 октября 1905 г. В отличие от программ других правых партий в ней не делался акцент на национальном или «племенном» вопросе, хотя ее положения, безусловно, были проникнуты националистическим и антисемитским духом. Аграрная часть программы РМП отличалась достаточно детальной проработкой предложений по разрешению проблем крестьянского населения, что также выделяло ее из большого числа программных документов консервативно-монархических партий и организаций. Программа «Русского монархического союза» (принята в январе 1911) в своей аграрной части не содержала сколько-нибудь серьезных отличий от программы РМП.

Аграрная часть программы РМП [обнародована 15 октября 1905 г.]

Публикуется по: Русская монархическая партия. М., 1905. С. I–II. Программные установки РМП составляли раздел XIII ее программы, озаглавленный: «Улучшение крестьянского быта поднятием сельскохозяйственной культуры, правильной организацией сельского кредита, учреждением сельских земле-

дельческих школ, а также целесообразным землеустройством и расселением, в особенности же рациональным ведением переселенческого дела».

[288] Речь идет о русско-японской войне 1904–1905 гг.

Программные документы «Союза русского народа»

Оформился в начале ноября 1905 г. в Петербурге. В течение года, поглотив значительную часть ранее самостоятельных партий правого толка, эволюционировал из небольшой городской организации в крупную общероссийскую партию. Социальную базу «СРН» составляли преимущественно крестьяне, слабее были представлены ремесленники, мелкие торговцы и наемные рабочие. «СРН» участвовал во всех выборных кампаниях в Государственную думу: не проведя ни одного депутата в I Думу, во второй Думе «союзники» имели 2-х, а в третьей — 32 депутата (из 140 представителей правых партий). В 1908–1912 гг. Союз подвергся серии расколов, в результате которых выделилось «обновленческое» крыло, поддержавшее П. А. Столыпина в его усилиях по разрушению крестьянской общины. Программа «СРН» («Основоположения “Союза русского народа”») была опубликована в конце января 1906 г. и практически не содержала соответствующих установок по решению аграрно-крестьянского вопроса. Такие установки включались в избирательные платформы «СРН», с которыми он шел на выборы в Государственную думу. Первый программный документ такого рода содержал всего два положения, отвечающие аграрным требованиям: об ограждении права собственности (в т. ч. на землю) частных лиц, а также о выдвижении целью хозяйственной политики «благоустройства крестьянства путем улучшения сельскохозяйственной культуры, развития кустарных промыслов и увеличения наделов малоземельных крестьян, содействуя переселению таких крестьян и переходу земельных имуществ в руки крестьян на основании добровольных сделок». Избирательная платформа («Русскому народу»), разработанная в ходе выборной кампании во II Государственную думу, была составлена с учетом неудачной предшествующей кампании и потому отличалась большей детализацией и приемлемым для крестьянства содержанием.

Русскому народу [из избирательной платформы «СРН»]. Сентябрь 1906 г.

Публикуется по: Сборник программ политических партий в России / Под ред. и с предисл. В. В. Водовозова. СПб., 1906. Вып. VI. С. 23, 26.

[289] Обращаясь к русскому народу «СРН» (как и все правые) считал русским все славянское население России, не рассматривая украинцев и белоруссов как самостоятельные народы. После поражения на выборах в I Государственную думу Союз отказался от требования привилегий исключительно для русского народа. В настоящей предвыборной платформе особо под-

черкивалось, что все народы России (за исключением евреев) должны пользоваться равными правами.

[290] Видимо, присутствует ошибка в датировке закона. В 1865 г. законы, касающиеся крестьянского землевладения в общеимперском масштабе, не издавались. Речь идет, очевидно, о законе от 24 ноября 1866 г. «О поземельном устройстве государственных крестьян в 36 губерниях», согласно которому предполагалось, в том числе, расширение их права «по владению и распоряжению предоставленными им в надел от казны землями». Право владения закрепленными за сельскими обществами землями фиксировалось в особых «владенных записях», выдававшихся каждому обществу.

[291] Сервитутное право — право пользования в известных, определенных законом или обычаем, размерах чужой собственностью (напр. право косить траву или собирать валежник в помещичьих лесах, пасти скот на сжатых полях, прогонять его на пастбище по участку соседа и пр.).

Программные документы Народно-социалистической партии

О создании партии заявлено в сентябре 1906 г. (были обнародованы первый проект программы, схема организации (уставный документ) и состав Организационного комитета). В ноябре того же года состоялась I учредительная конференция партии народных социалистов (25–28 ноября 1906). Энесовцы стали вторым, умеренным — в противоположность радикальному эсеровскому — крылом неонародничества). Основа программы НСП покоилась на идеях крестьянского социализма. Во II Государственной думе партия имела свою фракцию, в III и IV Думе — ряд своих представителей. Программа НСП, в т. ч. ее аграрная часть, была вынесена на утверждение I съезда партии, однако съезд смог конституироваться лишь как конференция (делегаты представляли менее половины существующих организаций), которая была неправомочна принимать программные документы. Утверждение проекта программы было отложено до съезда НСП, который, в силу обстоятельств, состоялся лишь в июне 1917 г.

Аграрная часть проекта программы НСП [обнародован 20 сен-тября 1906 г.]

Публикуется по: Трудовая народно-социалистическая партия: Документы и материалы. М., 2003. С. 69–70. Несмотря на слабую легитимность, данный документ (и его аграрная часть) включал в себя принципы и программные установки, которыми партия руководствовалась на протяжении более 10 лет.

Программные документы Трудовой группы

Представляла собой фракцию крестьянских депутатов и других «трудящихся лиц» в Государственной думе всех четырех созывов. Образовалась в апреле 1906 г. Выступала за демократизацию политического строя и землепользования. Внесла в Думу ставший известным аграрный «проект 104-х».

Программа Группы опубликована в мае 1906 г., но I ее съезд отказался от принятия программы. Документом, определявшим в дальнейшем политические действия ТГ, стал т. н. «Проект платформы», утвержденный II съездом в качестве официального программного документа. Основу его требований в аграрной сфере составили положения внесенного в Думу законопроекта. В июне 1917 г. ТГ слилась с народными социалистами, образовав единую Трудовую народно-социалистическую партию.

Аграрная часть политической платформы ТГ [принята II съездом ТГ]. 15–17 февраля 1907 г.

Публикуется по: Проект платформы Трудовой группы. М., 1917. С. 14–15.

292 То же, что и «проект 104-х» (см. наст. изд.: «Проект земельной реформы»).

Основные положения предполагаемых изменений в законах касательно землевладения

Публикуется по: Дебаты о земле в Государственной думе (1906–1917 гг.). Документы и материалы. М., 1995. С. 10–14. Законодательное заявление внесено в Думу 8 мая 1906 г. за подписями 42 депутатов фракции Конституционно-демократической партии (Партии народной свободы). 15 и 16 мая документ обсуждался на общем собрании Думы, а 6 июня был передан в специально созданную аграрную комиссию из 33 членов, которой предстояло выработать на его основе текст законопроекта, однако до роспуска Думы работа над ним не была завершена. Текст документа приводится с небольшим сокращением.

293 Здесь и далее по тексту: фамилии депутатов, подписывавших вносимые в Государственную думу законодательные документы, не приводятся.

Проект земельной реформы («Проект основных положений»)

Публикуется по: Законотворчество думских фракций. 1906–1917 гг.: Документы и материалы. М., 2006. С. 653–655. Законопроект был внесен в Думу 23 мая 1906 г. за подписями 104 депутатов, входивших преимущественно в Трудовую группу. В тот же день передан в аграрную комиссию, но дальнейшего движения не имел.

294 Так в тексте документа. Видимо, следует читать: «определять».

Проект основного земельного закона

Публикуется по: Дебаты о земле в Государственной думе (1906–1917 гг.). Документы и материалы. М., 1995. С. 78–83. Законопроект был внесен в Думу 8 июня 1906 г. за подписями 33 депутатов (преимущественно трудовиков), близких по политическим взглядам социалистам-революционерам. В тот же день общим собранием Думы был признан нежелательным и дальнейшего движения не имел.

[295] Речь идет о проектах решения аграрного вопроса, внесенных в I Государственную думу депутатами от Конституционно-демократической партии и Трудовой группы (см. два предшествующих документа).

Проект основных положений земельной реформы

Публикуется по: Законотворчество думских фракций. 1906–1917 гг.: Документы и материалы. М., 2006. С. 660–662. Законодательное заявление было внесено в Думу 6 марта 1907 г. за подписями 113 депутатов Трудовой группы и Крестьянского союза. 26 марта передано в земельную комиссию Думы; дальнейшего движения не имело.

[296] Параграф 18, о котором идет речь, отсутствует в тексте заявления; вероятно, его авторы имели в виду § 13 настоящего документа.

Проект основных положений аграрной реформы

Публикуется по: Дебаты о земле в Государственной думе (1906–1917 гг.). Документы и материалы. М., 1995. С. 104–105. Законодательное заявление было внесено в Думу 19 марта 1907 г. от имени социал-демократической фракции (65 депутатов). 26 марта передано в земельную комиссию Думы; дальнейшего движения не имело.

[297] Во II Государственной думе работала единая социал-демократическая фракция, объединявшая большевиков и меньшевиков. В своей деятельности по решению аграрного вопроса она руководствовалась программными установками, принятыми меньшевистским большинством IV съезда РСДРП.

Основные положения проекта временного закона по земельным делам

Публикуется по: Дебаты о земле в Государственной думе (1906–1917 гг.). Документы и материалы. М., 1995. С. 137–138. Законодательное заявление было внесено в Думу 10 апреля 1907 г. за подписями 32 депутатов фракции народных социалистов и других левых фракций.

[298] Посреднические (др. название: примирительные) камеры (см. комм. 236).

Проект Главных оснований закона о земельном обеспеченин земледельческого населения

Публикуется по: Дебаты о земле в Государственной думе (1906–1917 гг.). Документы и материалы. М., 1995. С. 139–149. Законопроект был внесен в Думу 30 апреля 1907 г. за подписями 38 депутатов кадетской фракции; до роспуска Думы обсужден не был.

[299] Так в тексте документа. Видимо, речь идет о «проверочных», т. е. «контрольных» исследованиях.

[300] Внутренняя киргизская Орда (или Букеевская орда) — в императорской России полуавтономное государственное образование казахских родов (до 1925 казахи официально именовались киргизами или киргиз-кайсанами). Существовала с 1801 г. в междуречье Урала и Волги после переселения на эту территорию части населения Младшего жуза. В административном отношении входила в Оренбургское генерал-губернаторство, с 1876 г. — в Астраханскую губернию. С 1855 г. делилась на 7 частей (участков). Северные территории Орды имели места, годные для хлебопашества (земельные наделы, как правило, арендовались русскими крестьянами).

Проект основных положений земельного закона

Публикуется по: Законотворчество думских фракций. 1906–1917 гг.: Документы и материалы. М., 2006. С. 673–680. Законопроект был внесен в Думу 3 мая 1907 г. за подписями 104 депутатов фракции социалистов-революционеров и ряда примкнувших к ним депутатов других фракций. 3 июня того же года передан в земельную комиссию; дальнейшего движения не имел.

[301] Видимо, авторы проекта имели в виду § 6 публикуемого документа.

[302] Речь идет о п. «б», § 9 предшествующего раздела публикуемого документа.

Проект Главных оснований наделения безземельных и малоземельных крестьян землею

Публикуется по: Законотворчество думских фракций. 1906–1917 гг.: Документы и материалы. М., 2006. С. 262–263. Законопроект был внесен в Думу 14 марта 1908 г. за подписями 46 депутатов фракции прогрессистов (28 чел.) и примкнувших к ним кадетов и трудовиков. 15 ноября того же года передан в земельную комиссию на заключение по вопросу о желательности его рассмотрения; дальнейшего движения не имел.

[303] Николаевские солдаты — неофициальное название отслуживших полный срок (25 лет) солдат-евреев из бывших кантонистов. Рекрутский набор еврейских детей и молодежи (12–25 лет) проводился с 1827 г. по 1856 г., т. е. в годы царствования Николая I (отсюда название), и был отменен указом его сына — императора Александра II. После увольнения получали право селиться вне черты оседлости, вступать в крестьянские общества и пр.

Об улучшении и увеличении крестьянского землевладения и землепользования

Публикуется по: Законотворчество думских фракций. 1906–1917 гг.: Документы и материалы. М., 2006. С. 30–31. Законопроект был внесен в Думу 10 мая 1908 г. за подписями 41 депутата правой, умеренно правой и октябристской фракций. Общим собранием Думы передан в земельную комиссию

на заключение по вопросу о желательности его рассмотрения; дальнейшего движения не имел.

[304] По ссудам Крестьянский поземельный банк взимал от 7,5 до 8,5 % годовых в зависимости от величины ссуды. Высокие платежи по процентам вели к росту недоимочности заемщиков и общему ухудшению экономического положения крестьянских хозяйств.

Еп. Митрофан

Из речи на заседании III Государственной думы 23 октября 1908 г.

Публикуется по: Дебаты о земле в Государственной думе (1906–1917 гг.). Документы и материалы. М., 1995. С. 233–236. Опубликована также: Государственная дума. III созыв. II сессия. 1908–1909 гг. Стенографические отчеты. Т. 1–4. СПб., 1908–1909. Т. I. СПб., 1908. Стб. 198–204.

Еп. Митрофан (в миру Краснопольский Дмитрий Иванович) (1869–1919) — депутат от Могилевской губ., товарищ председателя фракции правых. Из семьи каменщика. В 1890 г. окончил Воронежскую духовную семинарию. В 1896 г., после смерти жены, совершил постриг; в 1897 г. окончил Киевскую духовную академию. С 1902 г. — ректор Могилевской семинарии, с февраля 1907 г. — епископ Гомельский и викарий Могилевский. С 1912 г. возглавлял ряд епископатов. В 1917–1918 гг. был членом Святейшего синода РПЦ, сторонником патриаршества. В июне 1919 г. арестован в Астрахани по обвинению в «белогвардейском заговоре», в июле расстрелян. В декабре 2001 г. причислен к лику святых.

[305] Остзейский край (от *нем.* названия Балтийского моря — Ostsee); то же, что Прибалтийский край.

[306] Так в тексте.

А. Е. Кропотов

Из речи на заседании III Государственной думы 23 октября 1908 г.

Публикуется по: Дебаты о земле в Государственной думе (1906–1917 гг.). Документы и материалы. М., 1995. С. 236–240. Опубликована также: Государственная дума. III созыв. II сессия. 1908–1909 гг. Стенографические отчеты. Т. 1–4. СПб., 1908–1909. Т. I. СПб., 1908. Стб. 204–212.

Кропотов Александр Егорович (1874–?) — депутат от Вятской губ. Из крестьян. Окончил начальную земледельческую школу. Участник русско-японской войны 1904–1905 гг., имел награды. После войны работал волостным писарем. В Думе входил в Трудовую группу, работал в земельной комиссии.

[307] В данном случае речь идет о крестьянской общине.

[308] Выступающий имел в виду объяснительную записку к проекту Положения о крестьянском землевладении, которую представило в Думу Министерство внутренних дел.

В. А. Бобринский-2

Из речи на заседании III Государственной думы 29 октября 1908 г.

Публикуется по: Дебаты о земле в Государственной думе (1906–1917 гг.). Документы и материалы. М., 1995. С. 279–282. Опубликована также: Государственная дума. III созыв. II сессия. 1908–1909 гг. Стенографические отчеты. Т. 1–4. СПб., 1908–1909. Т. I. СПб., 1908. Стб. 489–516.

Бобринский Владимир Алексеевич (1867–1927) — граф; политический деятель; крупный землевладелец, предприниматель. Депутат II, III и IV Государственной думы. Окончил Михайловское артиллерийское училище и Эдинбургский университет (Великобритания). С 1897 г. занимался земской деятельностью. В 1905 г. — один из создателей в Туле организации «За царя и порядок», вошедшей в состав местного отделения Союза русского народа. В Думе входил во фракцию умеренно правых (националистов; в IV Думе — товарищ председателя фракции), после ее раскола примкнул к прогрессивным националистам. В 1914–1915 гг. состоял при генерал-губернаторе Галиции. После Октябрьской революции 1917 г. участвовал в борьбе с большевистским режимом, входил в Совет государственного объединения. В 1919 г. эмигрировал во Францию.

309 Onus — бремя утверждения (*лат.*).

310 В действительности, выступавший перед В. А. Бобринским депутат А. Ф. Бобянский (Бабянский), представлявший фракцию конституционных демократов, говорил о проблеме культуры русского народа в более узком смысле; он имел в виду культуру земледелия, которую, по его мнению, невозможно было повысить при наличии в общинном землевладении «вкрапленных» в него участков, укрепленных в личное владение. В этих условиях борьба с чересполосицей с помощью земельных переделов фактически утрачивала смысл, и последняя делалась практически неустранимой. Это и привело Бобянского к выводу, что «культурные цели указом достигнуты быть не могут».

311 Вероятно, в тексте документа допущена опечатка, и следует читать: в непродовольственные, т. е. неурожайные годы.

312 Синоним слова «белорусы».

П. Н. Милюков

Из речи на заседании III Государственной думы 5 ноября 1908 г.

Публикуется по: Дебаты о земле в Государственной думе (1906–1917 гг.). Документы и материалы. М., 1995. С. 285–296. Опубликована также: Государственная дума. III созыв. II сессия. 1908–1909 гг. Стенографические отчеты. Т. 1–4. СПб., 1908–1909. Т. I. СПб., 1908. Стб. 772–794.

313 *Уваров* Алексей Алексеевич (1859–?) — граф, крупный землевладелец (12 тыс. дес.); депутат от Саратовской губ. Окончил историко-филологический

факультет Московского университета. Служил в Министерстве внутренних дел, занимался земской деятельностью. В Думе входил во фракцию октябристов (после дуэли с А. И. Гучковым в ноябре 1909 г. вышел из фракции), позднее примкнул к прогрессистам. Работал в комиссиях местного самоуправления, городской и др. Считался одним из лучших думских ораторов. Его выступление в ходе дискуссии по вопросу землеустройства включено в наст. издание (см. с. 455–457).

314 *Гурко* Владимир Иосифович (1863–1931) — государственный деятель, публицист. Из дворян, сын известного военачальника И. В. Гурко. По политическим убеждениям — монархист. После окончания юридического факультета Московского университета (1885) — член Варшавского губернского присутствия по крестьянским делам, с 1995 г. служил в Государственной канцелярии. С 1902 г. — управляющий земским отделом Министерства внутренних дел; в 1905 г. — автор одного из проектов аграрной реформы, который лег в основу указа от 9 ноября 1906 г. С марта 1906 г. — тов. министра внутренних дел, активно выступал против Государственной думы. Из-за срыва поставок зерна голодающим по его вине (заключил договор с купцом-аферистом) отстранен от должности и предан суду Сената (1907; в 1908 помилован царем). С 1909 г. — гласный Тверского губернского земского собрания, в 1912 г. избран членом Государственного совета от Тверского губернского земства, входил в группу правых. После Октябрьской революции 1917 г. входил в руководство ряда антибольшевистских организаций.

315 6 августа было опубликовано три законодательных акта: высочайший манифест об учреждении Государственной думы (законосовещательной, получившей название Булыгинской по имени автора проекта), акт, устанавливающий ее статут — «Учреждение Государственной думы» и Положение о выборах в Государственную думу. Видимо, речь идет в данном случае о последнем документе.

316 *Пестржецкий* Дмитрий Илларионович (Иллариевич) (?–1922) — государственный деятель и правовед; тайный советник, сенатор. Потомственный дворянин. В 1888 г. окончил Императорское училище правоведения. С 1895 г. — тов. прокурора Псковского окружного суда. В 1901 г. перешел на службу в Земской отдел МВД, с 1905 г. — пом. управляющего отделом В. И. Гурко, с 1910 г. — член Совета министра внутренних дел, затем входил во 2-й (по крестьянским делам) департамент Правительствующего Сената. В мае 1906 г. выступил на съезде уполномоченных дворянских обществ с докладом «Основные положения по аграрному вопросу», основная часть которого была посвящена критике проектов решения аграрного вопроса, внесенных в Государственную думу фракциями кадетов и трудовиков. В докладе утверждалось, что в целом по стране «за последнее время никакого реального основания для огульного наделения крестьян землею не

возникло», и что должны быть предприняты меры «к улучшению и более полному использованию надельной площади» за счет, прежде всего, перехода от общинной к личной собственности, а также создания хуторов.

317 *Горемыкин* Иван Логгинович (1839–1917) — государственный деятель; статс-секретарь, сенатор (1894). Из дворян. После окончания Училища правоведения служил в Царстве Польском (с 1866 — вице-губернатор), с 1873 г. — в МВД (в 1895–1899 — министр внутренних дел). С 1899 г. — член Государственного совета. В апреле–июле 1906 г. и в 1914–1916 гг. занимал пост председателя Совета министров. Был непримиримым противником уступок Государственной думе как 1-го, так и 4-го созывов. После Февральской революции 1917 г. выехал на Кавказ; был убит вместе с семьей во время разбойного нападения на его дачу.

318 Речь идет о товарище председателя земельной комиссии Государственной думы, представителе фракции октябристов С. И. Шидловском, представившем 23 октября 1908 г. на «уважение» общего собрания Думы результаты работы комиссии, рассмотревшей в ряде заседаний уже действующий на основании ст. 87 Основных государственных законов указ от 9 ноября 1906 г. и признавшей своим большинством, что «закон, насаждающий личную собственность, даст возможность творческим силам всякого земледельца проявиться».

319 Выступающий имел в виду товарища министра внутренних дел А. И. Лыкошина, который выступил 24 октября 1908 г. перед депутатами Думы с объяснением позиции министерства.

320 *Родичев* Федор Измаилович (1853–1933) — общественный деятель; депутат I и II Государственной думы от Санкт-Петербурга и III и IV — от Тверской губ. Из дворян. Окончил естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета, сдал экзамены по юридическому факультету. В течение 12 лет был предводителем дворянства Весьегонского уезда Тверской губ., с 1895 г. по 1904 г. был лишен избирательного права за адрес тверского земства на «высочайшее имя» о конституции. С 1898 г. — присяжный поверенный, занимался адвокатурой в Петербурге. Участник земских съездов 1904–1905 гг. Один из лидеров партии кадетов, член ее ЦК. Считался лучшим кадетским оратором в Думе, прозван «первым тенором» Партии народной свободы. В марте–мае 1917 г. — министр Временного правительства по делам Финляндии; избран членом Учредительного собрания. С 1920 г. — в эмиграции, жил в Лозанне (Швейцария), входил в группу П. Н. Милюкова. Член Совета государственного объединения России.

321 Выступающий не совсем корректно передает слова П. А. Столыпина из его первой речи в III Государственной думе 16 ноября 1907 г. Говоря о руководящей идее его правительства (вопросе землеустройства) Столыпин подчеркивал:

«Не беспорядочная раздача земель, не успокоение бунта подачками — бунт погашается силою, а признание неприкосновенности частной собственности и, как последствие, отсюда вытекающее, создание мелкой личной собственности, реальное право выхода из общины и разрешение вопросов улучшенного землепользования — вот задачи, осуществление которых правительство считало и считает вопросами бытия русской державы». (См.: *Столыпин П. А.* Нам нужна Великая Россия...: Полн. собр. речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 гг. М., 1991. С. 100.)

[322] *Лохтин* Петр Михайлович — экономист, статистик, публицист. Автор многих работ по аграрной тематике: «Состояние сельского хозяйства России сравнительно с другими странами. Итоги к XX-му веку» (1901); «К вопросу о реформе сельского быта крестьян» (1902); «Аграрная программа» (1907); «Безземельный пролетариат в России ...» (1905) и др. На данные последней из указанных работ и ссылался в своем выступлении П. Н. Милюков.

[323] *Березовский* Александр Елеазарович (1868–?) — депутат от Симбирской губ. Из дворян; крупный землевладелец. По образованию агроном. До избрания в Государственную думу — председатель Ардатовской земской управы; после избрания — член фракции конституционных демократов, работал в комиссиях продовольственной, земельной, сельскохозяйственной.

Об изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьянском землевладении

Печатается по: Аграрный вопрос в программах политических партий России. Документы и материалы. Последняя треть XIX в. — октябрь 1917 г. М., 2000. С. 381–395. Законопроект, созданный на основе указа от 9 ноября 1906 г. («О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования»; принят по ст. 87 Основных законов), был внесен (после отказа принять его к рассмотрению депутатами II Государственной думы) в III Думу и 8 января 1908 г. передан в земельную комиссию. Доклад комиссии, с которым выступил товарищ ее председателя С. И. Шидловский, был представлен в общее собрание Думы 22 апреля 1908 г. Первое его обсуждение продолжалось с 23 октября по 22 ноября того же года, второе чтение — с 22 ноября по 4 февраля 1909 г., третье — 21 и 24 апреля 1909 г. Окончательно законопроект принят Думой по докладу редакционной комиссии 8 мая 1909 г. В дальнейшем при обсуждении в Государственном совете он подвергся некоторым изменениям. Была образована согласительная комиссия, по результатам работы которой Дума одобрила ее предложения. В окончательном виде проект высочайше утвержден 14 июня 1910 г., став законом.

[324] В соответствии с положениями этого закона запрещались частные (частичные) переделы земель, а общие допускались не чаще одного раза в

12 лет. Досрочные переделы разрешалось проводить лишь в особых случаях с разрешения губернского присутствия.

[325] Эта статья предусматривала обязательное вложение полученных денег в банк и использование их только для покупки земли. Использование денег на другие цели допускалось лишь с разрешения императора.

[326] Согласно этим правилам разрешение на производство археологических раскопок давалось Особой комиссией.

[327] В случае незаконности постановлений уездных съездов они могли быть отменены по представлению губернского присутствия 2-м (ведающим крестьянскими делами) департаментом Правительствующего Сената.

[328] Так в тексте (устар.). Приводится в значении: «отстаивать».

[329] Речь идет о недоимках по выкупным платежам.

[330] Имеется в виду «Положение о земских участковых начальниках», положившее начало созданию института земских начальников, а также учреждению наблюдающих за их деятельностью двух органов управления — уездных съездов земских начальников и губернских присутствий.

И. И. Капнист.
Из доклада земельной комиссии на заседании
III Государственной думы 12 октября 1909 г.

Публикуется по: Российское село: на пути к цивилизации. Документы и материалы. 1906–1911 гг. М., 1997. С. 172–179. Опубликован также: Государственная дума. Третий созыв. Стеногр. отчеты 1909 г. Сессия третья. Часть I. СПб., 1910. Стб. 33–38.

Капнист Ипполит Ипполитович (1872–1936) — граф; депутат III и IV Государственной думы от Полтавской губ. Окончил Ново-Александровский сельскохозяйственный институт, агроном. Был членом Особого совещания по продовольственному делу. В Думе входил во фракцию октябристов, работал в земельной, переселенческой, сельскохозяйственной комиссиях. В качестве товарища председателя земельной комиссии был докладчиком при обсуждении Положения о землеустройстве.

[331] В данном случае под землями мелких владельцев подразумевается вненадельная (личная) крестьянская собственность, приобретенная членами общины путем покупки земли у Крестьянского банка, либо выдела из общества; земли частных владельцев — помещичьи (до 80 % всей частновладельческой земли), купеческие — (11 %) и пр.

Т. О. Белоусов.
Из речи на заседании III Государственной думы 12 октября 1909 г.

Публикуется по: Российское село: на пути к цивилизации. Документы и материалы. 1906–1911 гг. М., 1997. С. 204–206. Опубликована также: Государ-

ственная дума. Третий созыв. Стеногр. отчеты 1909 г. Сессия третья. Часть I. СПб., 1910. Стб. 129–134.

Белоусов Терентий Осипович (1875–ок. 1920) — депутат от Иркутской губ. Из крестьян. После окончания учительской семинарии (1892 г.) работал в сельских школах. В Думе входил в социал-демократическую фракцию (меньшевик), впоследствии вышел из фракции, чтобы «отдаться органической работе в Думе».

[332] Однопланные селения — так назывались селения, получившие в ходе Крестьянской реформы 1861 г. общий земельный надел и объединенные, таким образом, в огромные сельские общества (многоселенные общины).

[333] Акафист — хвалебное церковное песнопение.

А. А. Уваров

Из речи на заседании III Государственной думы 14 октября 1909 г.

Публикуется по: Российское село: на пути к цивилизации. Документы и материалы. 1906–1911 гг. М., 1997. С. 218–221. Опубликована также: Государственная дума. Третий созыв. Стеногр. отчеты 1909 г. Сессия третья. Часть I. СПб., 1910. Стб. 246–248.

[334] Выступающий имеет в виду предложенную депутатом А. Е. Кропотовым в ходе прений поправку к ст. 3 обсуждаемого законопроекта, согласно которой вопрос о выборе форм землевладения при разверстании «разноправных» участков земли в один отруб должен был решаться самим владельцем отруба.

[335] Очевидная оговорка А. А. Уварова. Следует читать: «...которая в прошлую сессию, весной приняла закон...» (окончательная редакция законопроекта «Об изменении и дополнении некоторых постановлений, касающихся крестьянского землевладения» была одобрена Государственной думой в мае 1909).

А. И. Шингарев

Из речи на заседании III Государственной думы 14 октября 1909 г.

Публикуется по: Российское село: на пути к цивилизации. Документы и материалы. 1906–1911 гг. М., 1997. С. 215–217. Опубликована также: Государственная дума. Третий созыв. Стеногр. отчеты 1909 г. Сессия третья. Часть I. СПб., 1910. Стб. 221–224.

Шингарев Андрей Иванович (1869–1918) — общественный и политический деятель, врач. Из дворян. С 1908 г. — член ЦК Конституционно-демократической партии. Представлял Воронежскую губернию во II–IV Государственной думе; тов. председателя, затем председатель кадетской фракции. Входил в первый и второй составы Временного правительства, где занимал посты министра земледелия и министра финансов. С июля 1917 г. — лидер кадетской фракции Петроградской городской думы. После Октябрьской революции и объявления

кадетов партией «врагов народа» (28 ноября 1917) арестован. По состоянию здоровья переведен в Мариинскую больницу, где в ночь с 6 на 7 января 1918 г. был убит ворвавшимися в лечебницу анархистами.

336 *Кузовков* Евдоким Леонтьевич (1869–?) — крестьянин; депутат от Калужской губ. Окончил сельское училище земледелия. В Думе входил во фракцию октябристов, работал в земельной комиссии и комиссии местного самоуправления. В своей речи 14 октября 1909 г., выступая за принятие законопроекта, обвинил кадетов в защите общины, сдерживающей, подобно «няньке», свободу выбора крестьян: «Мы видели труды этой няньки, которая нянчила в течение слишком четырех десятков лет надельные земли, и мы видим, каковы они, эти плоды».

Закон о землеустройстве

Печатается по: Российское село: на пути к «цивилизации»: Документы и материалы. 1906–1911 гг. М., 1997. С. 248–274. Ранее опубликован: *Ососов А.* Земельный вопрос в 3-й Государственной Думе. СПб., 1912. Приложение № 358. С. XVI–XLVI. Закон приводится с небольшим извлечением («Положение о землеустройстве» — с изъятиями). Проект закона был разработан Комитетом по землеустроительным делам и 4 марта 1906 г. введен в действие в виде Временных правил о землеустройстве в порядке чрезвычайно-указного законодательства по 87 ст. Основных законов. 12 марта следующего года был внесен во II Думу, но до ее роспуска остался нерассмотренным. 16 ноября 1907 г. поступил в III Думу и по ее решению был передан в земельную комиссию. После завершения работы комиссии над проектом закона «Об изменении и дополнении некоторых постановлений, касающихся крестьянского землевладения» (см. выше) она внесла новый законопроект в общее собрание Государственной думы (1 июня 1909 г.). Обсуждение проходило с 12 октября по 27 ноября 1909 г.; окончательное его принятие по докладу редакционной комиссии состоялось 18 февраля 1910 г. В Государственном совете текст документа подвергся некоторым изменениям, в силу чего была образована согласительная комиссия. 10 мая 1911 г. Дума приняла ее предложения, 13 мая проект прошел редакционную комиссию и был вновь передан в Государственный совет. Утвержденный высочайшим повелением от 29 мая 1911 г. «Закон о землеустройстве» в значительной степени заменил собою изданный ранее закон от 14 июня 1910 г., поскольку включал в себя некоторые его положения; отныне землеустройство являлось одновременно и актом укрепления общинной земли в личную собственность. Местным властям предлагалось, «имея в виду интересы землеустройства», избегать «какого-либо искусственного поощрения крестьян к предъявлению излишних ходатайств об укреплении и удостоверении». Укреплять землю в порядке закона 14 июня 1910 г. после принятия нового законодательного акта могли лишь те крестьяне, которые не хотели воспользоваться землеустройством.

[337] В указанных статьях главы III четвертого раздела («О сельских обывателях») тома IX Свода законов Российской империи до принятия настоящего закона прописывались «особенные правила» для потомственных земель малороссийских казаков, наряду с землями однодворцев, «войсковых обывателей», поселян-собственников (бывших колонистов), а также «водворенных в Таврической губернии татар».

[338] Выселки — вновь образованные и, как правило, небольшие сельские поселения, жители которых являлись переселенцами из других, обычно близко расположенных, населенных пунктов.

Материалы дискуссий и программные документы Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков)

Образовавшаяся в составе РСДРП после II съезда партии фракция большевиков (первоначально — фракция «большинства») выдвигала в качестве главного принципа решения аграрного вопроса национализацию земли, что отвечало, на взгляд ее лидера В. И. Ленина, не только требованиям крестьянства о ликвидации крупного помещичьего хозяйства, но и открывало путь к быстрому росту капитализма в сельском хозяйстве и дальнейшему обострению классовой борьбы в деревне. Эти идеи Ленин отстаивал на IV (Объединительном) съезде партии (1906), но должен был снять свой «национализаторский» проект с обсуждения съезда ввиду негативного отношения к нему «меньшевистского большинства» съезда. К проблеме национализации земли Ленин вернулся в своих «Апрельских тезисах». VII (Апрельская) Всероссийская конференция большевиков (24–29 апреля 1917; Петроград) поддержала главные положения «Апрельских тезисов», поручив ЦК самостоятельной большевистской партии подготовить проект новой партийной программы и вынести ее на утверждение съезда партии. Политическая обстановка в стране, сложившаяся после июльских событий, помешала проведению предварительного обсуждения в местных комитетах подготовленных Лениным в апреле–мае «Материалов по пересмотру партийной программы» (см.: Полн. собр. соч. Т. 32. С. 135–162), что стало одной из главных причин отказа от выработки нового текста программы на VI съезде РСДРП(б) (26 июля — 3 августа 1917). Таким образом, принятая VII конференцией резолюция играла роль программного документа большевиков в аграрном вопросе вплоть до VIII съезда (18–23 марта 1919; Москва), принявшего новую программу партии.

По аграрному вопросу. Проект резолюции [представлен VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б)]

Публикуется по: Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков). Петроградская общегородская конференция РСДРП (большевиков). Апрель 1917 года. Протоколы. М., 1958. С. 276–278. Проект напи-

сан В. И. Лениным. Впервые напечатан в апреле 1917 г. отдельным листком («в виде корректуры»).

339 Ввиду значительного объема материалов сборника приводится только постановляющая часть проекта резолюции по аграрному вопросу, которая, по существу, и составила аграрную программу большевиков после принятия резолюции делегатами конференции. Констатирующая часть проекта практически идентична (за исключением четырех незначительных стилистических правок, сделанных, видимо, в аграрной секции конференции) констатирующей части принятой резолюции. [См. наст. издание: «По аграрному вопросу. Резолюция VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б)»].

340 Непосредственным поводом для включения В. И. Лениным в проект резолюции имени А. И. Шингарева, занимавшего до 5 мая 1917 г. пост министра земледелия, стала отмена последним постановления Раненбургского уездного исполнительного комитета (Рязанская губ.) о передаче крестьянам на правах аренды помещичьих пахотных земель и реквизиции сельскохозяйственного инвентаря, лошадей и семян с выплатой их стоимости. В телеграмме министра исполкому (опубликована 14 апреля в газете «День») говорилось, что «самостоятельное разрешение земельного вопроса недопустимо без общегосударственного закона», а его решение по закону — «дело Учредительного собрания». Этот факт был использован большевиками для обвинения Временного правительства в защите помещичьего землевладения, положив начало соответствующей пропагандистской кампании [см.: написанную И. В. Сталиным передовую статью («Землю — крестьянам») в газете «Правда» от 14 апреля 1917 г., появившуюся на следующий день в той же газете заметку В. И. Ленина «“Добровольное соглашение” между помещиками и крестьянами?» и др.].

Протокольная запись обсуждения аграрного вопроса на VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б). 28 апреля 1917 г.

Публикуется по: Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков). Петроградская общегородская конференция РСДРП (большевиков). Апрель 1917 года. Протоколы. М., 1958. С. 186–192. Обсуждение данного вопроса повестки дня велось на вечернем заседании конференции 28 апреля (11 мая) 1917 г.

341 Написанный В. И. Лениным проект резолюции был напечатан до начала конференции отдельным листком, «в виде корректуры». С этим текстом работала аграрная секция конференции, он же был роздан участникам общего собрания конференции.

342 Речь идет об аграрной программе социал-демократов, принятой на IV (Объединительном) съезде РСДРП (10–25 апреля 1906; Стокгольм). Аграрная часть прежней программы партии была пересмотрена как не вполне отвечающая чаяниям российского крестьянства, массово включившегося в революционное движение 1905–1906 гг. с требованием «земли и воли». Программа и прилагаемая к ней тактическая резолюция съезда «По аграрному вопросу» включены в наст. издание (см.: С. 227–228).

343 Текст внесенного от имени Трудовой группы в I Государственную думу «Проекта земельной реформы» («проект 104-х») включен в наст. издание (см.: С. 318–320).

344 В. И. Ленин имеет в виду книгу «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905–1907 годов», написанную им в ноябре–декабре 1907 г. и содержавшую во второй главе подробный анализ и оценку «Проекта 104-х». В 1908 г. эта работа была включена во вторую часть второго тома сборника «За 12 лет», но еще в типографии книга была конфискована полицией и уничтожена. Впервые вышла в свет в 1917 г. (См.: Полн. собр. соч. Т. 16. С. 193–413.)

345 Второй пункт проекта резолюции, сводившийся к требованию «национализации всех земель в государстве», в принятом конференцией варианте был расширен за счет включения положения о необходимости передачи права распоряжения национализированной землей «местным демократическим учреждениям» и занял место 3-го пункта (см. постановляющую часть следующего документа).

346 Речь идет о партиях: социалистов-революционеров, народных социалистов и меньшевистском крыле РСДРП (за исключением группы меньшевиков-интернационалистов), руководство которых в своем большинстве заняло в годы Первой мировой войны позицию «оборончества» (после Февральской революции — «революционного оборончества»).

347 В данном случае слово «соглашаться» приводится в значении «вступать в соглашение».

348 Взаимоотношения крестьянства и помещиков в короткий по времени период между двумя революциями 1917 г. претерпели несколько этапов развития. Первый начался с «кавалерийской атаки» крестьянства и завершился захватом многих частновладельческих земель. Именно эта атака подвигла Временное правительство на создание земельных комитетов, призванных сбить волну радикальных выступлений крестьянства и ввести в упорядоченное русло процесс реформирования земельных отношений. Крестьянство сменило тактику, перейдя к постепенной ликвидации помещичьих хозяйств путем их «удушения». Одним из орудий такой тактики (наряду с отнятием военнопленных, бывших в этих хозяйствах практически единственной мужской рабочей силой) выступала принудитель-

ная аренда частновладельческих земель, осуществлявшаяся на условиях подчас произвольно понижаемой арендной платы за землю. Плата устанавливалась волостными комитетами в размере, как правило, зависимом от размеров арендуемой земли: при аренде свыше 25 дес. выплачивалась полная арендная плата, установленная комитетом, при аренде от 10 до 25 дес. — половина и менее 10 дес. — четверть, но не менее суммы платежей, взимаемых в качестве налога на землю. Такие цены, едва покрывающие размеры налоговых платежей, были для помещиков разорительны.

349 Речь идет о постановлении состоявшегося 7–10 апреля 1917 г. Пензенского губернского крестьянского съезда по вопросу о временных мерах к разрешению земельного вопроса, а также резолюции съезда с аграрными требованиями, составленной в духе известных «Наказов» крестьянских депутатов I Всероссийскому съезду Советов крестьянских депутатов (возможно, в Петроград его и доставили делегаты съезда, который начал работу 4 мая 1917 г.; открытие планировалось на 1 мая, т. е. через день после завершения работы Всероссийской конференции большевиков). В пензенской резолюции выражалось стремление «добиваться в Учредительном собрании» объявления общенародным достоянием (и без «всякого выкупа») монастырских, церковных, удельных, кабинетских, бывших государевых, помещичьих «и вообще частновладельческих» земель, уничтожения частной собственности на землю, поскольку земля «как не созданная руками человека, не может быть ни продаваема ни покупаема», передачи земли только тому, «кто может обрабатывать ее своим трудом при помощи своей семьи или в товариществе» и др. Постановление призывало, отложив окончательное решение земельного вопроса «до Учредительного собрания», не допускать «никаких насилий и захватов, как губящих дело революции и недостойных граждан свободной страны». [См.: Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков). Петроградская общегородская конференция РСДРП (большевиков). Апрель 1917 года. Протоколы. М., 1958. С. 318–321.]

350 Предложенный В. И. Лениным новый пункт резолюции занял место 8-го пункта ее проекта, который вошел в окончательный текст резолюции под номером 9.

351 *Зиновьев* Григорий Евсеевич (наст. фам. и имя — Радомысльский Евсей [Овсей-Гершен] Аронович; Апфельбаум) (1883–1936) — из мещан, сын владельца молочной фермы. Получил домашнее образование, в 1904–1906 гг. учился на химическом, затем юридическом факультетах Бернского университета (Швейцария). С 1901 г. в социал-демократическом движении. Участник Революции 1905–1907 гг.: агитатор, член Петербургского комитета РСДРП. В эмиграции (1908–1917) ближайший соратник В. И. Ленина. После Февральской революции 1917 г. — один из редакторов «Правды», член ВЦИК 1-го созыва и Исполкома Петросовета; на конференции

представлял ЦК РСДРП и был избран членом ЦК большевистской партии. В дальнейшем в связи с июльскими событиями в Петрограде обвинен в организации «заговора», перешел на нелегальное положение (в кон. июля — нач. августа скрывался вместе с Лениным на ст. Разлив). На заседаниях ЦК накануне Петроградского вооруженного восстания выступал против позиции большинства, отстаивал точку зрения о возможности «комбинированного типа республики» (Советы и Учредительное собрание). После Октябрьской революции 1917 г. — председатель Петросовета (с 1924 — Ленсовет), занимал ряд высоких постов в партии и международном коммунистическом движении. Со 2-й половины 1920-х гг. — один из лидеров оппозиции. В августе 1936 г. на процессе по делу т. н. «антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра» приговорен к расстрелу.

352 *Ангарский* (наст. фам. Клестов) Николай Семенович (1873–1941) — из семьи владельца книжного магазина. Революционную деятельность начал в гимназические годы в Смоленске (не окончил гимназию в связи с арестом). С конца 1903 г. работал в Екатеринодарском комитете РСДРП, затем в Кременчуге, Екатеринославе, Харькове. Бежав из ссылки (1906), стал одним из организаторов издания пропагандистской литературы в Москве (в т. ч. первого сборника статей В. И. Ленина «За 12 лет»), с 1912 г. являлся заведующим «Книгоиздательства писателей в Москве». После Февральской революции 1917 г. работал в Московском городском комитете партии и в Московском Совете рабочих депутатов; на конференции представлял Московскую городскую организацию большевиков. С февраля 1923 г. — на хозяйственной и дипломатической работе. С 1935 г. председатель Всесоюзного объединения «Международная книга», затем старший научный сотрудник Института Маркса–Энгельса–Ленина. В мае 1940 г. арестован. Расстрелян.

353 *Ленцман* (наст. фам. Ленцманис) Ян Давыдович (1881–1939) — из батраков. В революционном движении с 1899 г., в 1905 г. стал одним из руководителей социал-демократии Латышского края. На V (Лондонском) съезде РСДРП (1907) был избран членом ЦК. Партийную работу вел в Либаве, Риге, Баку, Москве; неоднократно подвергался репрессиям царского правительства. После Февральской революции 1917 г. работал в Москве и Риге; на конференции представлял Московскую городскую организацию большевиков. Активный участник борьбы за Советскую власть в Латвии, в 1919 г. — зам. председателя Советского правительства и нарком внутренних дел Латвийской социалистической советской республики. В ноябре 1937 г. арестован. Расстрелян.

354 Поправка делегата Ленцмана относилась к следующему пункту проекта:

«2) Партия пролетариата требует национализации всех земель в государстве».

В окончательном варианте текста резолюции этот пункт занял место п. 3 и был несколько расширен (см. об этом подробнее комм. 345).

[355] Имеется в виду брошюра В. И. Ленина «Пересмотр аграрной программы рабочей партии» (см.: Полн. собр. соч. Т. 12. С. 239–270).

[356] Речь идет о ст. 165 «Положения о выкупе крестьянами, вышедшими из крепостной зависимости, их усадебной оседлости и о содействии правительства к приобретению сими крестьянами в собственность полевых угодий», вошедшего в «пакет» законодательных актов, которые заложили правовую основу Крестьянской реформы 1861 г. (о содержании данной статьи см. наст. издание, с. 57–58).

[357] Речь идет о втором абзаце констатирующей части проекта резолюции (и окончательного ее варианта), начинающемся со слов: «Крестьянское землевладение в России ...» (см. след. документ наст. раздела).

[358] Соловьев — на конференции в качестве делегатов присутствовали два человека с фамилией Соловьев, представлявшие соответственно Петроградскую и Московскую окружную организации большевиков. Выяснить, о ком из них идет речь в данном случае, не удалось.

[359] В протоколах конференции данные о голосовании поправки делегата Соловьева отсутствуют. Как видно из текста принятой конференцией резолюции по аграрному вопросу его поправка была отвергнута.

По аграрному вопросу. Резолюция VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б)

Публикуется по: Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков). Петроградская общегородская конференция РСДРП (большевиков). Апрель 1917 года. Протоколы. М., 1958. С. 245–247. Написанный В. И. Лениным проект документа подвергся корректировке на стадии рассмотрения его в аграрной секции конференции (наиболее существенным стало дополнение п. 2 постановляющей части проекта положением о субъектах права распоряжения национализированной землей — см. п. 3 окончательной редакции резолюции со слов «означая передачу», до конечных слов данного пункта), а также более существенным изменениям в ходе принятия поправок, внесенных на общем собрании конференции.

Материалы дискуссий и программные документы Конституционно-демократической партии (Партии народной свободы)

После Февральской революции, всего за восемь месяцев до следующей, Октябрьской революции, кадетская партия провела четыре съезда, на которых вносились существенные коррективы не только в тактический курс (чего требовала непрерывно меняющаяся общественно-политическая обстановка), но и во многие разделы (в т. ч. аграрный) программы партии. Наиболее обстоятельная дискуссия по аграрному вопросу состоялась на VIII съезде КДП

(ПНС) (9–12 мая 1917; Петроград), хотя основным вопросом его повестки дня был определен национальный вопрос. Обсуждение доклада Н. Н. Черненкова о пересмотре и новом проекте аграрной программы заняло большую часть времени работы съезда.

Проект аграрной части программы КДП (ПНС) [представлен VIII съезду КДП (ПНС)]

Публикуется по: Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. В 3 т. Т. 3. Кн. 1. 1915–1917 гг. М., 2000. С. 530–539. Проект разработан специально созданным бюро при ЦК партии и предварительно обсужден в аграрной комиссии ЦК при участии ряда его членов.

360 Здесь и далее в изложении проекта аграрной программы конституционных демократов приводится нумерация пунктов, не совпадающая с нумерацией в окончательной редакции аграрной части программы, которая была принята VIII съездом КДП (ПНС). Так, вышеозначенный первый пункт проекта аграрной программы в окончательной ее редакции значится пунктом 36 и т. д. Несовпадение объясняется тем, что на обсуждение делегатов проект обновленной аграрной программы был вынесен в форме проекта резолюции съезда, который, будучи самостоятельным партийным документом, имел собственную нумерацию. После принятия съездом резолюции и включения ее в программу партии в качестве аграрной части последней она была подчинена общей для программы нумерации.

361 Имеется в виду положение, закрепленное в резолюции III съезда партии «По земельному вопросу»: «Признавая руководящим принципом партии передачу земли в руки трудящихся ...».

362 Речь идет о пункте 38 партийной программы, принятой на I съезде КДП (ПНС).

363 Докладчик имеет в виду переданный во II Государственную думу 38 членами фракции кадетской партии «Проект Главных оснований закона о земельном обеспечении земледельческого населения» (см. наст. издание, с. 330–340).

Протокольная запись обсуждения аграрного вопроса на VIII съезде КДП (ПНС). 10–12 мая 1917 г.

Публикуется по: Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. В 3 т. Т. 3. Кн. 1. 1915–1917 гг. М., 2000. С. 519–550, 570–579, 604–637. Дискуссия по данному вопросу повестки дня велась на четырех заседаниях съезда, проходивших 10–12 мая 1917 г. Материалы обсуждения приводятся в извлечениях и с незначительными сокращениями.

364 *Черненков* Николай Николаевич (1863–?) — агроном, статистик, земский деятель. В 1892–1905 гг. заведовал статистическим отделом Саратовской

губернской земской управы, затем перешел в Тверское земство. С октября 1905 г. — член кадетской партии и ее ЦК (до 1909), с марта 1906 г. — секретарь петербургского отделения ЦК. После роспуска I Государственной думы вышел из секретариата ЦК и занял пост секретаря бюро аграрной комиссии. В апреле 1917 г. вновь вошел (был кооптирован) в состав ЦК КДП (ПНС).

365 VII съезд кадетской партии состоялся спустя месяц после Февральской революции 1917 г. (25–28 марта 1917). По аграрному вопросу съездом была принята следующая резолюция: «Образовать особую аграрную комиссию для пересмотра программы партии по земельному вопросу. Выражено пожелание, чтобы в эту комиссию вошли представители различных районов. Занятия комиссии должны быть закончены в возможно краткий срок».

366 Докладчик имеет в виду два законопроекта, которые были внесены членами фракции конституционных демократов во II Государственную думу: «Проект Главных оснований закона о земельном обеспечении земледельческого населения» (30 апреля 1907) и «О подготовительных учреждениях по земельным делам» (29 мая 1907; последний законопроект не успели распечатать и раздать депутатам вследствие роспуска Думы 3 июня 1907).

367 Слово «коллективизация» используется докладчиком-кадетом вместо более точного выражения («обобществление»), которое находилось в теоретическом и пропагандистском багаже критикуемых им партий и отражало процесс придания частной собственности общественного характера.

368 В данном случае докладчик допускает некорректное цитирование программного документа Партии социалистов-революционеров. Озвученный им текст «вырван» из проекта т. н. «старой программы» партии, опубликованного в № 46 газеты «Революционная Россия» от 5 мая 1904 г. В 1917 г. эсеры руководствовались в своих действиях новым программным документом (в т. ч. в аграрной его части), который был обсужден и принят I съездом ПСР в январе 1906 г.

369 Упоминаемое докладчиком название партии присутствовало в заглавии программного документа народных социалистов, который был одобрен ими на 1-й конференции (ноябрь 1906), но окончательное его утверждение было отложено до I (учредительного) съезда партии (состоялся только в июне 1917). Это название отражало несостоявшийся политический альянс народных социалистов с трудовиками, который был разрушен буквально накануне опубликования документа в сентябре 1906 г. До 22 июня 1917 г. (дня, когда все-таки состоялось организационное объединение НСП с Трудовой группой) партия выступала под официальным названием — «Народно-социалистическая партия».

370 *Прокопович* Сергей Николаевич (1871–1955) — общественно-политический деятель, философ, экономист. Из семьи военного. Окончил Брюс-

сельский университет (1899), во время учебы входил в «Союз русских социал-демократов за границей», впоследствии стал одним из идеологов «экономизма». Перейдя на позиции либерализма, стал видным деятелем Союза освобождения; в 1905 г. вступил в кадетскую партию (избран членом Временного ЦК), но вскоре вышел из нее. Работал в Вольном экономическом, Русском техническом и ряде других научных обществ; в 1914–1917 гг. — член Московского областного Военно-промышленного комитета. После Февральской революции 1917 г. — член Совета Всероссийских кооперативных съездов, член исполкома Комитета московских общественных организаций. Относил себя к «нефракционным социалистам». С конца июня — товарищ председателя Экономического совета при Временном правительстве, с июля — министр торговли и промышленности, с 25 сентября — министр продовольствия. После Октябрьской революции 1917 г. — министр-председатель (на время отсутствия А. Ф. Керенского) подпольного Временного правительства, член ряда антибольшевистских организаций. В 1918–1919 гг. преподавал в 1-м МГУ и Кооперативном институте, в 1919–1920 гг. — декан юридического факультета МГУ. В 1921 г. — один из руководителей Всероссийского комитета помощи голодающим Поволжья. В 1922 г. выслан из Советской России. Жил в Германии, Чехословакии, с 1939 г. — в США; после войны поселился в Швейцарии. Организатор и руководитель (с ноября 1922) Русского экономического кабинета (Берлин, Прага), один из основателей Русского научного института (в 1923–1924 — декан его экономического отделения), организатор Института по изучению народного хозяйства СССР. В эмиграции изменил ряд своих воззрений: в частности, в статье «Опыт национализации» (1926) признавал и доказывал, что «идея национализации» в Советской России себя блестяще оправдала и что предубежденное отношение к советскому хозяйству в эмигрантских кругах основано главным образом на ненависти к большевикам.

371 О Генри Джордже и его теории см. комм. 229.

372 Говоря о «главных социалистических партиях», докладчик, очевидно, имел в виду только две политические силы — социалистов-революционеров и меньшевиков. Между тем прошедшая двумя неделями ранее партийная конференция большевиков выдвинула национализацию земли в качестве основного принципа решения аграрного вопроса.

373 Первым на съезде об этом принципе заявил лидер партии П. Н. Милюков. Во вступительном слове при переходе к обсуждению аграрного вопроса, отметив, что партия конституционных демократов «связала историю и свою партийную политическую физиономию именно с попыткой решить аграрный вопрос», он заметил далее: «Партия к.-д. не исходит из теории, не предлагает ни социализации, ни муниципализации, ни национализации

крестьянского землевладения, — она предлагает его отрудовить, т. е. связать с трудовым началом». (См.: Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. 1905–1920 гг. В 3 т. Т. 3. Кн. 1. 1915–1917 гг. М., 2000. С. 519).

374 В особое бюро А. А. Корнилов вошел на правах председателя аграрной комиссии ЦК и докладчика по аграрному вопросу на предыдущем, VII съезде Конституционно-демократической партии.

375 *Глебов* Николай Николаевич — инженер путей сообщения; с 1902 г. — земской деятель, впоследствии член Государственного совета от Ярославского земства. В 1908–1915 гг. опубликовал философский трактат «Координаты. Очерки по теории познания и мышления». В апреле 1917 г. кооптирован, а на VIII съезде избран в ЦК кадетской партии, занимался обеспечением ее издательской деятельности. После Октябрьской революции 1917 г. занимался изобретательством (в 1936 г. получил патент за идею огородного комбайна). Последние достоверные сведения о судьбе Глебова относятся к началу 1941 г.

376 *Кутлер* Николай Николаевич (1859–1924) — государственный и общественный деятель. Потомственный дворянин. Окончил экономическое отделение юридического факультета Московского университета. С 1885 г. — на государственной службе, в 1904 г. — товарищ министра внутренних дел, в 1905 г. — министра финансов. В 1905–1906 гг. — главноуправляющий землеустройства и земледелия в кабинете С. Ю. Витте, автор проекта земельной реформы, предусматривавшего частичное принудительное отчуждение частновладельческих земель; после представления проекта императору был лишен занимаемого поста. С 1906 г. — член кадетской партии и ее ЦК, один из авторов аграрного раздела программы КДП (ПНС). Депутат II и III Государственной думы от Петербурга. С марта 1917 г. — председатель Совета съездов представителей промышленности и торговли, участвовал в работе ряда комиссий Временного правительства. С 1919 г. — член Института экономических исследований НКФ РСФСР, с 1921 г. — член правления и начальник эмиссионного отдела Госбанка РСФСР (СССР); сыграл важную роль в теоретическом обосновании и практической реализации денежной реформы 1922–1924 гг.

377 *Оболенский* Владимир Андреевич (1869–1950) — общественный деятель, публицист; князь. Окончил естественное отделение физико-математического факультета (1891), учился на юридическом факультете (1891–1893) Петербургского университета. Служил в учреждениях Министерства земледелия и государственных имуществ, с 1903 г. — в уездных и губернских земствах. Депутат I Государственной думы от Таврической губ. В 1914–1915 гг. заведовал санитарным отрядом Всероссийского Союза городов, затем работал в Петроградском комитете Земгора. С февраля 1916 г. входил в состав ЦК

кадетской партии (являлся ее членом с 1905). После Октябрьской революции 1917 г. выехал в Крым, в апреле следующего года избран председателем Таврической губернской земской управы; с ноября 1920 г. — в эмиграции. Жил в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, затем во Франции; занимался журналистикой, работал в Российском Земско-городском комитете помощи русским гражданам за границей, писал мемуары («Очерки минувшего», Белград, 1931).

[378] Далее следует изложение докладчиком проекта аграрной части программы (см. раздел «Проект аграрной программы КДП (ПНС)»).

[379] *Финкель* И. — вероятно, речь идет о Финкеле Илье Марковиче, входившем в московскую группу партии кадетов, активном стороннике частной собственности на землю.

[380] На данном заседании председательствовал П. Н. Милюков.

[381] *Ефимович* Андрей Яковлевич — член екатеринославского губернского комитета кадетской партии.

[382] *Гронский* Павел Павлович (1883–1937) — общественный деятель, юрист, публицист. Из дворян, крупный землевладелец. Избирался губернским и уездным земским гласным, мировым судьей. Преподавал государственное и административное право в Петербургском университете (приват-доцент, с 1917 — профессор) и Политехническом институте. Депутат IV Государственной думы. С 1916 г. — член ЦК кадетской партии. 3 октября 1917 г. избран в состав Временного совета Российской Республики (Предпарламента). После Октябрьской революции активный участник антибольшевистского движения; поддерживал режимы А. И. Деникина и П. Н. Врангеля, был представителем последнего в Литве. С весны 1920 г. — в эмиграции во Франции, сотрудничал в газете «Последние новости», преподавал историю в русской школе в Париже (в 1923–1927 — всемирную историю в Литовском университете; г. Ковно).

[383] Видимо, один из первых, кого имел в виду П. П. Гронский, говоря о немецких социал-демократах, «воспевающих» в своих «изысканиях» частную собственность, был Э. Давид (см. комм. 411).

[384] Выступающий имеет в виду использование радикального принципа принудительного отчуждения земель либеральным министерством, пришедшим в 1905 г. к власти в Великобритании. Для реализации программы создания мелких арендных дворов в 1907 г. был принят закон, положивший начало принудительному выкупу земельных участков у лендлордов местными властями (графствами) с последующей передачей их желающим арендовать землю.

[385] Вероятно, речь идет о бывшем учителе из г. Вологды Мужикове Прокопии Александровиче. Был делегатом и на VII съезде кадетской партии.

[386] Св. Синод (правильно: «Святейший Правительствующий Синод» — в 1721–1918 гг. высший государственный орган, ведавший делами Русской православной церкви (название «Святейший» получил в 1726 г.). Одной из его функций был духовный суд, причем помимо духовенства Синод судил и мирян по некоторым категориям гражданских дел, в том числе, связанных с сомнительными духовными завещаниями. Видимо, этот аспект его деятельности и имел в виду П. А. Мужиков в своем выступлении.

[387] Берковец — мера веса, равная 10 пудам.

[388] *Малолетенков* (по др. данным Малолетников) Николай Васильевич (1874–после 1946) — личный почетный гражданин, домовладелец. Из крестьян. Окончил Московское коммерческое училище (1892; кандидат коммерции), затем Высшую агрономическую школу в Берлине, учился в Московском сельскохозяйственном институте. С 1913 г. занимался исследовательской и практической деятельностью в области сельского хозяйства. На съезде представлял московскую группу конституционных демократов. После Октябрьской революции 1917 г. — сотрудник Московской областной сельскохозяйственной опытной станции. В августе 1922 г. арестован и выслан из Советской России как «видный член партии кадетов», жил в Германии, затем во Франции. После окончания Свято-Сергиевского православного богословского института в Париже (1944) — священник, с 1945 г. — настоятель храма в Гренобле, обслуживал ряд других приходов во Франции.

[389] *Подшибякин* Михаил Фролович (1883–1963) — общественный деятель, юрист. После окончания Петербургского университета преподавал русский язык и литературу в бакинской гимназии, сотрудничал в местной печати, являлся секретарем бакинского отделения кадетской партии. В июне 1917 г. — участник II съезда Лиги аграрных реформ. В 1920 г. по литовскому паспорту выехал в Литву, преподавал русский язык в Высшей коммерческой школе, с 1924 г. — в Литовском университете (г. Ковно). Официально сменив имя и фамилию (Миколас Банявичус), стал известным литовским литературным критиком и литературоведом. В 1945 г. уволен из университета, преподавал в Академии сельского хозяйства, затем в средней школе. В 1951 г. арестован, приговорен к 10 годам заключения; после пересмотра дела освобожден в 1955 г.

[390] Параграф 37 первой программы конституционных демократов, который цитировал в своем выступлении М. Ф. Подшибякин, завершается (после слова «землевладение») словами: «и землепользования в различных областях России».

[391] *Трубецкой* Евгений Николаевич (1863–1920) — общественный деятель, видный представитель религиозно-философской мысли, правовед и публицист; князь. В 1885 г. окончил юридический факультет Московского

университета. С 1886 г. — приват-доцент Демидовского юридического лицея (Ярославль), с 1894 г. — университета Св. Владимира (Киев), с 1906 г. — профессор Московского университета. Один из основателей и руководителей кадетской партии, затем (весной–летом 1906) — Партии мирного обновления. В 1907–1908 гг. — член Государственного совета от Петербургской Академии наук. В 1908 г. выступил инициатором знаменитых «экономических бесед» с участием крупнейших отечественных предпринимателей, заложивших основу для сближения последних с умеренно либеральными политическими силами. В 1917–1918 гг. — участник Поместного собора Русской православной церкви (товарищ председателя от мирян). С фальшивым паспортом выехал на Юг России в Добровольческую армию А. И. Деникина. Умер от сыпного тифа в Новороссийске.

392 Земельные комитеты — органы, созданные Временным правительством в марте–апреле 1917 г. «для подготовки аграрной реформы и для разработки неотложных временных мер, впредь до разрешения земельного вопроса Учредительным собранием». В систему земельных комитетов входили: Главный (при министре земледелия; образован 19 марта), а также губернские, уездные и волостные комитеты, созданные в соответствии с постановлением Временного правительства от 21 апреля 1917 г. Главный земельный комитет был распущен 19 декабря 1917 г., остальные комитеты в начале 1918 г. реорганизованы в земельные отделы соответствующих Советов и использованы для проведения в жизнь Декрета о земле.

393 *Пржевальский* Владимир Владимирович — коллежский секретарь, присяжный поверенный. В 1917 г. — гласный Московской городской думы и Московского губернского земского собрания. Член московского городского комитета КДП.

394 Посессионное право — право условного владения людьми или землями, которые в XVIII–XIX вв. предоставлялись государством промышленным предпринимателям России. Условность владения заключалась в неотчуждаемости рабочей силы и земель от данных предприятий (в большинстве своем — горнозаводских).

395 *Балдин* В. А. — помощник присяжного поверенного, представитель пензенской организации КДП.

396 Так в тексте. Видимо, это оговорка выступающего либо ошибка в стенографическом отчете; из последующего контекста следует, что речь идет не о запрещении, а о поддержке перечисленными В. А. Балдиным субъектами принципа бесплатного отчуждения земли.

397 *Сно* И. Ф. — председатель местной группы кадетской партии в г. Керчь Таврической губ.

[398] *Татищев* Евгений Николаевич (1859–1934) — общественный деятель. Из дворян. Окончил юридический факультет Московского университета. Ряд лет занимал должность предводителя дворянства в Туле. На съезде представлял тульскую организацию кадетской партии. После Октябрьской революции жил и работал в Туле.

[399] Выступающий говорит о выступлении в первых числах мая 1917 г. крестьян Мценской округи соседней с его губернией Орловской губ., которое сопровождалось погромами помещичьих усадеб.

[400] Выступлением В. А. Маклакова были продолжены прения по аграрному вопросу.

Маклаков Василий Алексеевич (1870–1857) — общественный деятель, присяжный поверенный, землевладелец. Потомственный дворянин. Окончил историко-филологический факультет Московского университета. В 1897 г. вступил в московскую адвокатуру, принимал участие в политических процессах. Член ЦК кадетской партии (с 1906 г., представлял правое крыло КДП), входил в состав московского городского комитета. Депутат II–IV Государственной думы от Москвы. С 1914 г. активно работал во Всероссийском Земском союзе. Автор трудов по истории русской общественной мысли и либерального движения. После Февральской революции 1917 г. выступал за конституционную монархию, считал необходимым обуздать революцию и вернуться к законности; будучи назначен в середине октября 1917 г. послом во Францию, остался в эмиграции.

[401] Молох — в данном случае это слово приводится в значении страшной, ненасытной силы, требующей, в том числе, и человеческих жертв.

[402] Стремясь усилить образность при оценке двух типов хозяйств, выступающий сравнивает культуру крупного хозяйства с самым крупным, из применявшихся в ходе Первой мировой войны, артиллерийским орудием, изготавливавшимся в Германии на предприятиях Фридриха Круппа — 42-сантиметровой [не дюймовой. — *В. К.*] мортирой, получившей прозвище «толстая Берта» (масса снаряда равнялась 900 кг, дальность поражения 25 км).

[403] Здесь и далее по тексту: отчудить — произвести отчуждение, т. е. отделение, обособление; в юридическом смысле: изъятие в пользу государства или общественных организаций.

[404] Так в тексте. Следует читать: «Генри Джорджа».

[405] Отточия в конце данного предложения содержатся в стенографической записи выступления Ф. И. Родичева.

[406] Говоря об «арендном законе», выступающий имел в виду положения прежней программы партии, предусматривающие меры по упорядочению арендных отношений. Этим мерам, включая «открытие законного пути

в судебном порядке для понижения непомерно высоких арендных цен и уничтожения носящих кабальный характер сделок в области земельных отношений», был посвящен п. 39 программы, который полностью изменил свое содержание в новой редакции программного документа, в котором уже не нашлось места требованиям в области арендных отношений.

407 *Гребенник* Иван Ефимович (1875–?) — экономист и статистик. Получил среднее образование, служил в страховом отделе воронежского губернского земства. На VIII съезде КДП представлял воронежскую организацию партии. После Октябрьской революции 1917 г. работал в губернском управлении социального страхования, областной плановой комиссии, перед арестом (1931) — экономист губсовнархоза. В ходе следствия проходил по т. н. «делу краеведов» Центрального Черноземья. Был приговорен к 3 годам заключения в лагерях. Сведениями о дальнейшей его судьбе составители не располагают.

408 Речь идет о земельных законах (аграрном билле) для Ирландии, проведенных в 1881 г. английским либеральным министерством У. Гладстона. В целях смягчения борьбы между арендаторами (в большинстве своем — ирландцами) и землевладельцами (как правило, из числа английских лендлордов) правительство провело ряд ограничений произвола последних, которые массами выселяли арендаторов. Согласно принятому биллю устанавливались: «справедливые» арендные платежи (сообразно с доходностью участков) путем добровольного соглашения, судом или особой комиссией; право неизменности ренты (арендных платежей) в течение 15 лет, когда арендатор был гарантирован в пользовании землей (после чего он мог снова требовать «справедливой» ренты на новые 15 лет); право продажи арендатором своих арендных прав.

Гладстон (Gladstone) Уильям Юарт (1809–1898) — государственный и политический деятель Великобритании. Премьер-министр в 1868–1874, 1880–1885, 1886, 1892–1894 гг.

409 Ригоризм (от *лат.* rigor: твердость, строгость) — строгое проведение какого-либо принципа в действии, поведении и мысли, исключающее какие-либо компромиссы.

410 *Каплин* Петр Матвеевич (1883–1931) — юрист, общественный и политический деятель. Брат начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска. В 1917 г. — член Кубанской войсковой рады, делегат VIII и IX съездов КДП (ПНС). В годы Гражданской войны — член Кубанского правительства. Перед арестом (август 1930) работал юрисконсультом общества «Хлебострой» (Москва). Проходил по делу «бывших белогвардейцев», обвинялся в «подготовке вооруженного восстания и шпионаже». В апреле 1931 г. расстрелян.

[411] *Давид* (David) Эдуард (1863–1930) — один из вождей германской социал-демократии. Выступал сторонником мелких крестьянских хозяйств, доказывал их устойчивость в условиях капитализма, видел путь к социализму таких хозяйств не через разложение, а через кооперацию.

[412] Речь идет о Кубанской войсковой Раде — краевой казачьей сословной организации, созданной в апреле 1917 г. на съезде казаков в Екатеринодаре (ныне — Краснодар). В 1917 г. претендовала (совместно с краевым правительством и атаманом кубанского казачьего войска) на верховную власть на Кубани. В годы Гражданской войны играла неоднозначную роль в союзе с Добровольческой армией и ВСЮР. Прекратила существование вскоре после бегства из Екатеринодара в марте 1920 г. под ударами Красной армии.

[413] *Кедрин* Евгений Иванович (1851–1921) — потомственный дворянин, присяжный поверенный. Окончил юридический факультет Петербургского университета (1872). В качестве защитника участвовал в ряде крупных политических процессов над народовольцами. В 1889–1908 гг. принадлежал к «новой волне» гласных Петербургской городской думы. С конца 1905 г. — член петербургского городского комитета КДП. Депутат I Государственной думы; после ее роспуска и принятия Выборгского воззвания был единственным депутатом-кадетом, исполнившим наказ воззвания об отказе платить налоги царскому правительству. Служил юрисконсультом Амурского золотопромышленного общества, был членом Наблюдательного совета страхового общества «Волга» в Петербурге. С 1913 г. — один из издателей газеты «День». В январе 1919 г. эмигрировал, занимал пост министра юстиции в Северо-Западном правительстве. С 1920 г. жил в Париже.

[414] *Мельников* Алексей Павлович (ок. 1867–1934) — общественный деятель, юрист, профессор права. Сын писателя П. И. Мельникова-Печерского; один из создателей кадетской организации в Пскове. В 1917 г. — товарищ председателя Псковского окружного суда. После Октябрьской революции участвовал в антибольшевистском движении, в 1919 г. занимал в Таллине пост управляющего делами Северо-Западного правительства. После разгрома армии Н. Н. Юденича остался в Эстонской республике (с 1923 — профессор Тартуского университета), состоял членом Русской академической группы в Эстонии.

[415] *Вермишев* Христофор Аввакумович (1863–1932) — общественный деятель, журналист, кандидат сельского хозяйства. Из семьи крупного нефтепромышленника. Избирался городским головой Тифлиса, был редактором газет «Тифлис», «Баку» и «Биржевые ведомости» (Баку). На VIII съезд партии делегирован бакинским отделением кадетской партии. В 1918 г. — министр финансов и продовольствия Республики Армения. После установления советизации Закавказья был ограничен в правах.

[416] Речь идет о прозвучавшем в конце выступления П. М. Каплина (Екатеринодар) предложении привлекать к разработке вопросов землевладения и землеустройства в казачьих областях местные областные комитеты партии. Подготовленные ими соображения, после обсуждения в аграрной комиссии ЦК, предлагалось утверждать решением ЦК в качестве формулировок аграрной программы партии, не ожидая созыва очередного съезда.

[417] Закон от 3 декабря 1862 г. «О мерах к обеспечению горнозаводского населения частных горных заводов» освобождал горно-заводское население от казенных податей и земских повинностей на 6 лет. Этим законом правительство также рекомендовало горнозаводчикам передать мастеровым безвозмездно в собственность усадьбы и освободить от оброка и платы за топливо на вотчинных заводах на один год, на посессионных — на три года. За такую уступку горнозаводчикам снижались на три года подати с чугуна на 75 %, меди — на 50 % и оброчные деньги с доменных печей и медеплавильных печей на 50 %.

[418] *Бать* Александр Гедеонович — присяжный поверенный, один из учредителей казанской организации кадетской партии, член губернского комитета КДП.

[419] Дворянский земельный банк — кредитное учреждение, выдававшее долгосрочные ссуды потомственным дворянам-землевладельцам под залог земельной собственности. Учрежден в 1885 г. к 100-летию обнародования Екатериной II Жалованной грамоты дворянству. В отличие от Крестьянского поземельного банка был создан на началах благотворительного (т. е. дешевого) кредита для поддержания дворянского землевладения. Срок погашения ссуд составлял 66,5 лет, уплачиваемый по ссуде процент — 5–6 (с 1897 — 3,5) процента.

[420] *Жид* (Jide) Шарль (1847–1932) — французский экономист, теоретик и деятель кооперативного движения. В 1898–1920 гг. — профессор политической экономии Парижского университета; являлся видным идеологом «кооперативного социализма». Капиталистическое производство с его многочисленными негативными проявлениями могло быть реформировано, по его мнению, через массовое развитие потребительских кооперативов, которые должны обеспечить справедливое вознаграждение производителей и устранить эксплуатацию покупателей.

[421] *Константин Николаевич* (Романов) (1827–1892) — великий князь, генерал-адмирал. Сын императора Николая I. 21 мая 1855 г. особым манифестом назначен регентом на случай кончины вступившего на престол императора Александра II до совершеннолетия его наследника. С июля 1857 г. — член Особого (Секретного) комитета для рассмотрения постановлений и предположений о крепостном состоянии (с января 1858 г. — Главного

комитета по крестьянскому делу), с октября 1860 г. — председатель этого комитета (с 19 февраля 1861 г. — Главного комитета по устройству сельского состояния). Сыграл большую роль в осуществлении идей и предначертаний старшего брата относительно форм и методов Крестьянской реформы 1861 г.

422 *Милютин* Николай Алексеевич (1818–1872) — государственный деятель; из дворянского рода Милютиных, племянник графа П. Д. Киселева. Окончил Благородный пансион при Московском университете. С 1835 г. служил в Министерстве внутренних дел, принадлежал к группе «либеральных бюрократов», близких к славянофилам. В 1859–1861 гг. — товарищ министра внутренних дел, фактически руководил работами по подготовке Крестьянской реформы 1861 г., одновременно являлся руководителем Комиссии по разработке проекта Земской реформы (1864). В ходе Польского восстания 1863–1864 гг. — один из авторов «Положения об устройстве сельских гмин и крестьянского быта в Царстве Польском», положившего начало крестьянской реформе в Польше и ее «умиротворению». В 1867 г. в связи с болезнью отошел от государственной службы.

423 *Шаховской* Дмитрий Иванович (1862–1939) — политический и государственный деятель; князь, внук декабриста Ф. П. Шаховского, землевладелец. В 1885 г. окончил юридический факультет Петербургского университета. В конце 1880-х гг. активно включился в земское либеральное движение, избирался уездным, губернским земским гласным. В 1902 г. — один из организаторов либерального Союза освобождения, в 1905 г. входил в состав учредителей Конституционно-демократической партии. Примыкал к левой части ЦК партии (бессменный его член с 1905), был сторонником сотрудничества с политическими силами, находившимися на левом фланге политического поля (меньшевиками и эсерами). Депутат I Государственной думы от Ярославской губ. Впоследствии один из инициаторов кооперативного движения в России; видел в нем силу, способную объединить общество. В качестве министра государственного призрения входил в состав первого коалиционного Временного правительства (май–июль 1917). После Октябрьской революции входил в руководство ряда антибольшевистских организаций. В начале 1920-х гг. отошел от политической деятельности, работал в кооперации, Госплане, занимался литературной деятельностью. В июле 1938 г. арестован, в апреле 1939 г. расстрелян.

424 IV съезд Конституционно-демократической партии состоялся 23–28 сентября 1906 г. на территории Финляндии, в Гельсигфорсе (шведское название г. Хельсинки, сохранявшееся до конца 1917 г.).

425 Так в тексте.

Аграрная часть программы КДП (ПНС) [принята VIII съездом КДП (ПНС)]

Публикуется по: Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. В 3 т. Т. 3. Кн. 1. 1915–1917 гг. М., 2000. С. 654–657. После постатейного голосования аграрная программа была принята в целом с внесенными поправками «громадным большинством съезда при нескольких воздержавшихся».

Материалы дискуссий и программные документы Партии социалистов-революционеров

После Февральской революции ПСР стала единственной партией, открыто заявившей, что принятая ею на I съезде программа (в т. ч. в аграрной ее части) не нуждается ни в существенных изменениях, ни даже в корректировке. В повестку дня очередного III съезда ПСР (25 мая – 4 июня 1917 г.), по решению 6-го Совета партии был поставлен вопрос об аграрной политике, связанной с осуществлением «основных требований крестьянства» до созыва Учредительного собрания.

Протокольная запись обсуждения аграрной политики на III съезде ПСР. 30 мая, 3 июня 1917 г.

Публикуется по: Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. 1900–1925 гг. В 3 т. Т. 3. Ч.1. Февраль–октябрь 1917 г. М., 1996. С. 371–389, 551–566. Прения по докладам Н. И. Ракитникова и Н. Я. Быховского велись в ходе выработки проекта резолюции по аграрной политике в экономической секции съезда, а также на двух общих собраниях его делегатов в утренних заседаниях съезда 30 мая и 3 июня 1917 г. В настоящем издании публикуются материалы пленарных заседаний; приводятся в извлечениях, с незначительными сокращениями.

[426] VI Совет ПСР состоялся 30 апреля и 1 мая в Москве. Основной вопрос заседания – созыв съезда партии. Совет утвердил дату и место проведения съезда (25 мая 1917; Москва), определил представительство на съезде областных, губернских организаций и некоторых крупных городов, а также пяти фронтов и флотов.

[427] То есть, в виде взаимодействия противоположных, взаимоисключающих сторон и тенденций исторического процесса, выступающих источником самодвижения и развития объективного мира.

[428] О позиции большевиков в вопросе «захвата земли» см. наст. издание: «По аграрному вопросу». Резолюция VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б).

[429] Очевидная описка в протокольной записи доклада. Правильно: «тяга».

430 И. А. Прилежаев выступил на утреннем пленарном заседании съезда 23 мая с докладом «Основные задачи социально-экономической политики в настоящий момент в связи с ликвидацией войны и демобилизацией производительных сил».

Прилежаев Иван Александрович (1881–1946) – политический деятель, агроном. Из семьи сельского священника. Учился в Ново-Александрийском сельскохозяйственном институте и на сельскохозяйственном отделении Киевского политехнического института (вследствие частых арестов и отчислений окончил последний в 1915 г.). До Февральской революции 1917 г. принимал активное участие в работе Киевской организации партии эсеров, неоднократно арестовывался и подвергался тюремному заключению. В 1917 г. один из редакторов газеты «Дело народа», примыкал к левому крылу партии; работал в аграрной комиссии при ЦК ПСР. На III и IV съездах партии избирался в состав ЦК (после избрания на последнем съезде заявил о выходе из ЦК и партии). После Октябрьской революции 1917 г. работал в хозяйственных учреждениях на Украине. С середины 1920-х гг. сотрудник постоянного представительства УССР в Москве. В июне 1931 г. вступил в ВКП(б).

431 На момент проведения съезда ПСР функционировал только Главный земельный комитет, его местные структуры находились в стадии формирования (см. также комм. 392).

432 Так в тексте. Правильно: «крестьянам-арендаторам».

433 В данном случае, говоря о *крестьянах-общественниках*, выступающий имел в виду, конечно же, крестьян-общинников.

434 В условиях острой нехватки в сельском хозяйстве мужской рабочей силы 9 апреля 1917 г. продовольственным комитетам было передано право распоряжения военнопленными.

435 Правильно: *симментальские коровы* – речь идет о швейцарской породе крупного рогатого скота, молочно-мясного направления, получившей широкое распространение в России со 2-й пол. XIX в.

436 На данном заседании председательствовал Н. С. Русанов.

437 *Вихляев* Пантелеймон Алексеевич (1869–1928) – общественно-политический деятель, агроном, статистик. После окончания Петровской сельскохозяйственной академии (1894) работал земским агрономом в Тамбовской губернии, в 1896–1898 гг. заведовал экономическим отделом Тверской губернской земской управы. Вышедшие в 1906 г. его работы («Аграрный вопрос с правовой точки зрения», «Право на землю») были использованы эсерами при разработке земельных законопроектов в I и II Государственной думе. Связывал будущее сельского хозяйства России с крестьянской общиной. Примыкал к эсерам. В 1907–1918 гг. – заведующий статистическим отделом Московской губернской земской управы. После

Февральской революции 1917 г. — товарищ министра земледелия, член Совета Главного земельного комитета; один из главных популяризаторов аграрной программы социалистов-революционеров. С 1918 г. — член коллегии ЦСУ РСФСР (СССР), одновременно в 1920–1928 гг. — заведующий кафедрой статистики Петровской (ныне — Тимирязевской) сельскохозяйственной академии.

438 *Быховский* Наум Яковлевич (Нохим Шебшелович) (1875–1943) — общественно-политический деятель. Из мещан. Окончил фельдшерскую школу. С начала 1890-х гг. — в народническом движении, с 1902 г. — эсер. В 1914 г. сослан на 3 года в Енисейскую губ. После возвращения работал в Петроградской организации ПСР, на III съезде партии избран кандидатом в члены ЦК, затем кооптирован в его состав. Избран членом президиума исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов, входил в Совет Главного земельного комитета, с сентября 1917 г. — председатель Аграрной комиссии Предпарламента. В 1918 г. входил в Сибирскую областную думу, принимал участие в борьбе с колчаковским режимом. После свержения последнего стал министром земледелия в правительстве «Политического центра» (Иркутск). С 1920 г. — на преподавательской работе в Иркутском университете, с 1922 г. — профессор по кафедре политэкономии и экономической политики. С 1923 г. жил в Петрограде и Самарканде. Автор монографии «Всероссийский Совет крестьянских депутатов в 1917 году» (М., 1929). С нач. 1930-х гг. проживал в Москве и Ленинграде. После ареста сына (июнь 1937) вместе с женой выслан в г. Тару (Омская обл.). Сведениями о его дальнейшей судьбе составители не располагают.

439 Так в тексте. Из контекста выступления очевидно, что докладчик имел в виду в данном случае политических оппонентов социалистов-революционеров, к числу которых относились не только правые политические силы, но и социал-демократы. Фактически поставленный им знак равенства между социалистами и царским правительством может быть объяснен только эмоциональной несдержанностью оратора.

440 Столыпинский закон — в данном случае имеется в виду утвержденный 14 июня 1910 г. императором Николаем II законопроект «Об изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьянском землевладении».

441 Речь идет о *Кривошеине Александре Васильевиче* (1858–1921) — ближайшем помощнике П. А. Столыпина в проведении аграрной реформы, товарище главноуправляющего (1905–1906) и главноуправляющем землеустройством и земледелием (1908–1915). В 1915 г. вышел с предложением сформировать «правительство общественного доверия», которое было отклонено Николаем II и привело к отставке Кривошеина. С марта 1918 г. — один из руководителей антибольшевистской организации Пра-

вый центр, с ноября 1919 г. — начальник управления снабжения Вооруженными силами Юга России, затем глава правительства у П. Н. Врангеля. В ноябре 1920 г. эмигрировал.

442 Первое заседание Главного земельного комитета состоялось 19 мая (1 июня) 1917 г. под председательством А. С. Посникова.

443 «Русские ведомости» — газета умеренно либерального направления. Выходила в Москве с сентября 1863 г., издание дважды приостанавливалось правительством (1898 и 1901). Пользовалась популярностью в среде интеллигенции; с 1905 г. — «теневой» орган кадетской партии. После Февральской революции 1917 г. поддерживала Временное правительство, активно критиковала действия большевиков и других «левых радикалов». В марте 1918 г. закрыта за «контрреволюционную агитацию».

444 Речь идет о втором дне (3 июня 1917) обсуждения на пленарных заседаниях съезда вопроса об аграрной политике партии до созыва Учредительного собрания.

445 *Маслов* Семен Леонтьевич (1873 [по др. данным 1874]–1938) — политический деятель, экономист. Окончил экономическое отделение юридического факультета Казанского университета (1903). С 1902 г. — член ПСР, в 1907–1910 гг. — член редакции нелегальной эсеровской газеты «Земля и воля». С 1914 г., после 3-летнего тюремного заключения, работал в сельскохозяйственной кооперации. С мая 1917 г. — член исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов, товарищ председателя Главного земельного комитета. 3 октября вошел в состав Временного правительства в качестве министра земледелия, сменив на этом посту В. М. Чернова. После Октябрьской революции 1917 г. принимал участие в заседаниях подпольного Временного правительства. После IV съезда партии (ноябрь–декабрь 1917) отошел от политической деятельности. С 1926 г. — профессор Московского института народного хозяйства им. Г. В. Плеханова, с 1929 г. — член правления Центросоюза. В 1930 г. арестован по обвинению в принадлежности к нелегальной эсеровской организации и сослан на три года в Казахстан, затем в Уфу, в феврале 1938 г. вновь арестован, 20 июня того же года расстрелян.

446 Полностью текст зачитанного С. Л. Масловым проекта резолюции см. в наст. издании, с. 619–620.

447 *Скловский* И. Л. — адвокат. В 1917 г. — председатель киевского областного комитета ПСР, член Центральной рады. На III съезд партии избран общим собранием юго-западных военных организаций.

448 Шевченко — в списке делегатов III съезда не значится. Видимо, речь идет об одном из деятелей Всероссийского кооперативного союза Шевченко Федоре Степановиче, который подал в мандатную комиссию съезда заявление и мандат «от имени крестьянской группы Херсонской губернии»

с просьбой предоставить ему права делегата. Мандатная комиссия, как это видно из протоколов съезда, согласилась предоставить ему совещательный голос и право ходатайствовать перед съездом о получении права решающего голоса. Судя по активности его выступлений на съезде, и это ходатайство было удовлетворено.

449 Жирков — очевидно, искаженное написание фамилии делегата от Терского областного съезда *Жирнова Александра Семеновича.*

450 Речь идет о сделанном делегатом Терского областного съезда (см. комм. 449) заявлении о необходимости поправки к первому пункту резолюции.

451 *Пуговкин* Василий Иванович — делегат III съезда ПСР от вятской губернской конференции.

452 *Солдатов* Леонид Константинович — делегат съезда от псковской губернской конференции. С начала октября 1917 г. — член Временного совета Российской республики (Предпарламента).

453 *Зак* Сергей Сергеевич (до крещения — Ицко Израилев) (1868–1930) — экономист, публицист. В революционном движении с конца 1880-х гг. Сотрудничал в народнических изданиях, в газете «Одесские новости», был автором обзоров на экономические темы. В 1917 г. — один из лидеров одесских эсеров, которых представлял на III съезде партии. На 7-м Совете ПСР голосовал за платформу левой оппозиции. Был исключен из ПСР вместе с другими левыми эсерами, в декабре 1917 г. исключен также из Партии левых социалистов-революционеров (ПЛСР) за критику действий ее руководства во время Чрезвычайного Съезда крестьянских депутатов и бойкот общепартийного съезда. После возвращения в ПЛСР — один из руководителей херсонского губкома и одесской организации партии (1918–1920); осенью 1923 г. вышел из партии. Работал научным сотрудником в Госплане РСФСР.

454 Так в тексте.

455 Иванов — член фракции ПСР Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов; на III съезде партии представлял Балтийский флот (Кронштадскую организацию ПСР).

456 *Сирота* Матвей Львович — рабочий, в 1910-х гг. вступил в ПСР. Представлял херсонскую губернскую организацию на III съезде и 7-м Совете партии, где поддерживал левую часть делегатов. До марта 1918 г. возглавлял Елизаветградский Совет, был делегатом II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов; позднее входил в левоэсеровский руководящий центр в Ростове-на-Дону. После II съезда Партии левых социалистов-революционеров (на нем выступал с докладом об Уставе партии) стал секретарем ЦК ПЛСР, в июле 1918 г. принимал непосредственное участие в

вооруженном выступлении левых эсеров против политики большевистского руководства. К суду не привлекался. Впоследствии вступил в РКП(б).

457 *Гливенко* (правильно: Глевенко) Кондратий Степанович — делегат от херсонского губернского съезда, в ноябре избран членом Учредительного собрания.

458 Очевидная оговорка выступающего. Речь идет, конечно же, о передаче военнопленных в распоряжение не комиссии, а земельных комитетов, что следует из всего хода обсуждения данного вопроса.

459 Антипенский — в списке делегатов съезда эта фамилия отсутствует. Возможно, речь идет об ошибке в написании фамилии делегата от воронежской губернской конференции ПСР Антипина Иллариона Михайловича — рабочего, председателя Воронежского Совета рабочих депутатов, избранного впоследствии членом Учредительного собрания.

460 Стеклов — в списках делегатов съезда такая фамилия не значится; личность установить не удалось.

461 *Фирсов* П. В. — избран на III съезд от общего собрания юго-западных военных организаций, представлял 7-ю армию Юго-Западного фронта.

462 *Иващенко* Григорий Матвеевич — представитель левого крыла ПСР; в 1917 г. — член Временного исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов, затем исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов 2-го созыва и объединенного ВЦИК Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. На съезд партии избран петроградской губернской конференцией.

463 *Злобин* Павел Владимирович (1882–?) — потомственный дворянин. С 1902 г. — член ПСР, неоднократно подвергался тюремному заключению и ссылке. В годы Первой мировой войны работал в организациях Земского союза в Уфе и на Западном фронте. В марте–октябре 1917 г. — товарищ председателя Минской губернской земской управы и член областного комитета ПСР. На III съезд партии делегирован исполнительным комитетом съезда солдатских, рабочих и крестьянских депутатов Западного фронта. С 1918 г. — в Москве; работал в сельской секции Центросоюза, на водном транспорте, с 1921 г. — заместитель начальника снабжения Наркомпрода и консультант кооперативного отдела Народного комиссариата земледелия. В 1919–1920 гг. четыре раза арестовывался как член Московского бюро ПСР. После ареста в августе 1921 г. и его заявления, что «оставаясь членом партии с.-р. и в настоящее время, <...> в партии с.-р. активно не работает с конца 19 года»; был «временно освобожден до особого распоряжения». В феврале 1922 г. вновь арестован; по итогам судебного процесса над эсерами (7 августа 1922) приговорен к 2 годам тюремного заключения со строгой изоляцией. В феврале 1923 г. помещен

в больницу ГПУ, 25 мая того же года выслан в Уфу на 2 года. Сведениями о его дальнейшей судьбе составители не располагают.

[464] Бружи — в списке делегатов съезда от Балтийского флота такой фамилии нет; видимо, при протокольной записи произошло искажение фамилии члена Кронштадского Совета, матроса 1-й статьи учебного судна «Народоволец» Брушвита Александра Михайловича.

[465] Докладчик имел в виду, что на момент принятия резолюции, местные земельные комитеты находились в стадии формирования.

[466] *Левенберг* Эдуард Александрович — делегат III съезда ПСР от 11-й армии Юго-Западного фронта; позднее избран фронтом членом Учредительного собрания.

[467] *Алексеев* Николай Кузьмич — делегат III съезда ПСР от нижнетагильского уездного съезда Пермской (Приуральской) губ.

По аграрной политике. Резолюция III съезда ПСР

Публикуется по: Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. 1900–1925 гг. В 3 т. Т. 3. Ч. 1. Февраль–октябрь 1917 г. М., 1996. С. 602–603. Резолюция выработана в комиссии съезда под председательством Н. И. Ракитникова; принята на заседании съезда 3 июня 1917 г.

Материалы дискуссий и программные документы Народно-социалистической партии

К 1917 г. народные социалисты подошли с осознанием серьезных изменений в обществе, произошедших в результате проведения «столыпинской реформы». Поскольку программный документ НСП, выработанный и утвержденный 1-й конференцией партии в 1906 г., учитывал, по их мнению, возможность дезорганизации общинного хозяйства и быстрого укрепления в аграрном производстве индивидуалистического начала, они не считали необходимым вносить в программу существенные коррективы. Тем не менее, на I Всероссийском съезде НСП (17–21 июня 1917), состоявшемся спустя более чем десять лет после образования партии, аграрный вопрос был поставлен в повестку дня работы партийного форума наряду с другими программными вопросами (о государственном устройстве и пр.). Принятие съездом программной резолюции стало первым шагом на пути приспособления аграрной программы народных социалистов к новым условиям российской действительности. Следующим шагом, после объединения их с трудовиками, стало внесение в программный документ делегатами I Всероссийского съезда Трудовой народно-социалистической партии (21–23 июня 1917) принятых ими тезисов по вопросу выкупа частновладельческих земель, что произошло вопреки мнению руководства партии и специалистов по аграрной проблематике, считавших вопрос о вознаграждении за отчуждаемые земли «не программным» (А. Н. Пешехонов), «тактическим» (Н. А. Леонтьев) и т. д.

Протокольная запись обсуждения аграрного вопроса на I Всероссийском съезде НСП. 18–19, 21 июня 1917 г.

Публикуется по: Трудовая народно-социалистическая партия: Документы и материалы. М., 2003. С. 227–239, 257. Прения по данному вопросу повестки дня велись на трех пленарных заседаниях съезда 18–19 и 21 июня 1917 г. Материалы обсуждения приводятся в изложении, с небольшими сокращениями.

[468] *Анисимов* Виктор Иванович (1875–1920) — общественно-политический деятель, кооперативный работник. Из семьи статистика. В 1898 г. окончил Институт сельского хозяйства и лесоводства в Ново-Александрии. В 1898–1906 гг. — статистик и агроном в земских управах ряда губерний. В 1905–1907 гг. — активист Центрального бюро содействия Всероссийского крестьянского союза. С 1906 г. — член НСП. Противник столыпинской аграрной реформы. В 1912–1920 гг. — член редакции журнала «Кооперативная жизнь» и ряда аграрных изданий. После Февральской революции 1917 г. — тов. председателя правления Совета Всероссийских кооперативных съездов, активный участник Лиги аграрных реформ. Во Временном правительстве занимал посты помощника тов. министра земледелия и министра продовольствия. С июня 1917 г. — член ЦК ТНСП, избран в состав Предпарламента. После Октябрьской революции работал в кооперации. Умер от сыпного тифа.

[469] *Огановский* Николай Петрович (1874–1938) — экономист-аграрник, статистик и географ. Из дворян. После окончания историко-филологического факультета Петербургского университета служил в статистических учреждениях, участвовал в обследованиях общин. В 1905–1907 гг. участвовал в организации и работе Всероссийского крестьянского союза. Привлекался к суду. В 1914–1916 гг. — приват-доцент Московского коммерческого института, одновременно в 1915–1916 гг. — заведующий статистическим бюро Всероссийского земского союза. После Февральской революции 1917 г. — член Главного земельного комитета и Распорядительного комитета Лиги аграрных реформ, автор аграрной программы, которую он представил I Всероссийскому съезду НСП. В ноябре 1918 г. — тов. министра земледелия Уфимской Директории, но после колчаковского переворота отошел от политической деятельности. С 1923 г. работал в системе Наркомзема РСФСР, во 2-й половине 1920-х гг. — в Наркомфине, ВСНХ, был заместителем председателя сельскохозяйственной секции Госплана СССР. Автор нескольких проектов первой пятилетки по сельскому хозяйству и генерального плана развития и реконструкции сельского хозяйства СССР. В марте 1930 г. арестован и приговорен к 5 годам лишения свободы. С 1932 г. — на поселении в Уфе, где остался и после освобождения.

[470] *Минин* Александр Никифорович (1881–1938) — ученый-агроном. Из крестьян. В 1912–1914 гг. работал в сельскохозяйственном экономическом отделе Черниговской губернской земской управы. В 1917 г. — председатель губернского земельного комитета, член Совета Лиги аграрных реформ, член Народно-социалистической партии (с июня кандидат в члены ЦК ТНСП). После Октябрьской революции работал в земельных учреждениях. В 1920–1924 и 1926–1929 гг. — профессор, декан агрономического факультета и заведующий кафедрой организации сельскохозяйственного производства Воронежского сельскохозяйственного института, одновременно с 1927 г. — заведующий экономическим отделом Воронежской сельскохозяйственной опытной станции. В 1930 г. был арестован как руководитель «Трудовой крестьянской партии» на территории Центрально-Черноземной области (приговорен к 10 годам заключения, но амнистирован), перед вторым арестом (декабрь 1937) работал агрономом-организатором Управления сельскохозяйственных предприятий Центросоюза. В марте 1938 г. расстрелян. Посмертно реабилитирован.

[471] Пололки — так называли женщин, занятых, как правило, ручной прополкой (полкой) сельскохозяйственных культур. В страдную пору борьбы с сорняками на плантациях сахарной свеклы, например, нанимались работницы даже из отдаленных местностей.

[472] *Чайковский* Николай Васильевич (1850–1926) — общественно-политический деятель; старейший участник народнического движения. Из дворян, в 1872 г. окончил естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета (по специальности «химия»). В 1904–1910 гг. — член Партии социалистов-революционеров. После выхода из партии работал в кооперации. После Февральской революции 1917 г. — один из лидеров Трудовой группы (затем — ТНСП), входил в число организаторов I Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов, тов. председателя Государственного продовольственного комитета, член Совета Лиги аграрных реформ, один из лидеров правого крыла Предпарламента. Резко отрицательно отнесся к Октябрьской революции, став одним из организаторов и участников Белого движения (возглавлял «Верховное управление Северной области», входил в Южно-Русское правительство А. И. Деникина). В 1920 г. эмигрировал.

[473] *Чембулов* Ф. З. — педагог, деятель по распространению внешкольного агрономического образования, член НСП. Сотрудничал в центральном печатном органе партии газете «Народное слово». На съезде возглавлял аграрную комиссию. С июня 1917 г. кандидат в члены ЦК ТНСП.

[474] *Риттих* Александр Александрович (1868–1930) — государственный деятель; тайный советник, гофмейстер, сенатор. Окончил Александровский лицей. С 1888 г. служил в Министерстве внутренних дел. Автор трех

сводных работ по материалам Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности: «Крестьянское землепользование» (1903), «Крестьянское дело» (1903), «Крестьянский правопорядок» (1904) и написанной на этих материалах книги «Зависимость крестьян от общины и мира» (1903). С 1905 г. — в Министерстве земледелия, один из главных проводников столыпинской аграрной реформы, в 1912–1916 гг. — товарищ главноуправляющего землеустройством и земледелием, с ноября 1916 г. — главноуправляющий, с января 1917 г. — министр земледелия. После Февральской революции 1917 г. арестован, но вскоре освобожден. В 1919 г. эмигрировал, был директором Русского банка в Лондоне.

475 *Алексинский* Иван Павлович (1871–1945) — врач-хирург, общественно-политический деятель. Депутат I Государственной думы от Владимирской губ. С конца 1906 г. — член НСП, после ее объединения в июне 1917 г. с Трудовой группой член ЦК ТНСП. К Октябрьской революции отнесся резко отрицательно. С 1920 г. — в эмиграции. В 1930-е гг. — член правой фракции Эмигрантского комитета в Париже.

476 *Елпатьевский* Сергей Яковлевич (1854–1933) — врач, публицист; один из основателей НСП. Сын священника. Учился в духовной семинарии (1868–1872) и на медицинском факультете Московского университета (окончил в 1878). В 1870–1880-х гг. был близок к народникам; неоднократно арестовывался и ссылался. В 1891 г. начал сотрудничать в «Русских ведомостях», с 1896 г. — постоянный сотрудник журнала «Русское богатство», входил в редакции печатных органов НСП «Народно-социалистическое обозрение» и «Общественное дело». На объединенном заседании НСП и Трудовой группы (22 июня 1917) избран в ЦК ТНСП, но в том же году вышел из партии. После Октябрьской революции врач кремлевской больницы.

477 Выступлением В. В. Волк-Карачевского открылись прения второго дня обсуждения аграрного вопроса.

Волк-Карачевский Василий Васильевич (1873–1920) — общественно-политический деятель. Из дворян. Окончил Киевский университет. С осени 1906 г. — член НСП. Депутат II Государственной думы, возглавлял в ней партийную фракцию, активно выступал против аграрной политики правительства. С 1908 г. — преподаватель коммерческого училища в Чернигове. В годы Первой мировой войны секретарь Всероссийского Союза городов. После Февральской революции 1917 г. — гласный Московской городской думы, член ЦК НСП (затем — ТНСП). К Октябрьской революции отнесся резко враждебно, входил в антибольшевистский «Союз возрождения России».

478 Это сообщение и принятие окончательной редакции резолюции состоялось на утреннем заседании съезда 21 июня 1917 г.

По аграрному вопросу. Резолюция I Всероссийского съезда НСП

Публикуется по: Трудовая народно-социалистическая партия: Документы и материалы. М., 2003. С. 257–258. Принятие программной резолюции состоялось на пятый день работы съезда, на утреннем заседании 21 июня 1917 г. после внесения ряда поправок в проект, подготовленный аграрной комиссией съезда (с докладом о результатах ее работы выступил председатель комиссии Ф. З. Чембулов). За принятие окончательной редакции резолюции высказалось большинство делегатов, против — 1.

Через день, на вечернем заседании I Всероссийского съезда ТНСП, резолюция была дополнена программными тезисами по вопросу выкупа частновладельческих земель, принятыми делегатами в качестве резолюции съезда («громадным большинством голосов») и затем внесенными в «соответствующий отдел программы» партии («большинством 43 голоса, против 10 при 3 воздержавшихся») (см. ниже).

«1. Партия будет отстаивать такие условия перехода земли в общенародную собственность, которые потребуют наименьших жертв со стороны трудового народа.

2. Земли, переходящие в собственность государства, должны быть отчуждены без выкупа со стороны земледельцев, в пользу которых они поступят. Расходы же, соединенные с национализацией земли, в том числе и вознаграждение, которое придется уплатить владельцам, должны быть отнесены на общегосударственный счет.

3. При этом неокупившиеся еще к моменту перехода земли в общенародную собственность затраты на улучшения должны быть возмещены государством.

4. Точно также за общегосударственный счет должна быть произведена и оплата той части лежащих на земле долгов, которую будет необходимо возместить. При этом вложенные в закладные листы земельных банков сбережения трудящихся классов должны быть, во всяком случае, возмещены полностью.

5. Нормы вознаграждения владельцам должны быть установлены с таким расчетом, чтобы уплата подесятинно была тем меньше, чем крупнее землевладение, но при этом должен быть установлен предел суммы, выше которой вознаграждение владельцу не уплачивается, сколько бы земли у него ни было отчуждено. При установлении указанных норм и пределов вознаграждения должны быть принимаемы во внимание и другие нетрудовые источники дохода». (См.: Трудовая народно-социалистическая партия: Документы и материалы. М., 2003. С. 293.)

Материалы дискуссий и программные документы Российской социал-демократической рабочей партии (объединенной)

Меньшевистская фракция РСДРП, организационно оформившаяся после II съезда партии, видела решение аграрного вопроса на путях «муниципализации» земли, идею которой они смогли закрепить в программном документе партии решением IV (Объединительного) съезда РСДРП в 1906 г. При очередном расхождении с большевистским крылом партии на фракционной конференции в 1912 г. меньшевики сняли программный лозунг конфискации помещичьей земли как потерявший свое значение в результате столыпинской аграрной реформы. После Февральской революции 1917 г. стали одной из наиболее влиятельных политических сил в стране. В своей деятельности следовали программе поведения, согласно которой в случае победы «общенациональной» революции пролетариат должен уступить власть буржуазии, а партия стремиться к установлению коалиции трех сил — рабочего, либерального и крестьянского движений и собственной трансформации в «широкую рабочую партию» с переносом центра тяжести партийной работы в массовые рабочие организации. В своем большинстве выступали за гражданское согласие и «классовое самоограничение» пролетариата. Не приняли «Апрельские тезисы» В. И. Ленина, были противниками передачи власти Советам. В мае Общероссийская конференция меньшевистских и объединенных (в т. ч. с большевиками) организаций выступила с предложением созвать (на выработанной ею платформе оборонческого характера) объединительный съезд социал-демократических организаций и групп. Предложение не встретило поддержки со стороны большевиков, создавших месяцем ранее самостоятельную партию, но такой съезд был проведен в Петрограде 19–26 августа 1917 г. Формально выполнив свою задачу (партия приняла название «объединенной»), он в то же время выявил (даже в отсутствие большевиков) всю сумму разногласий вошедших в РСДРП(о) партийных групп и фракций.

Протокольная запись обсуждения земельного вопроса на Объединительном съезде РСДРП. 23, 26 августа 1917 г.

Публикуется по: Меньшевики в 1917 году. В 3 т. Т. 2: От июльских событий до корниловского мятежа. М., 1995. С. 463–470, 535–543. Постановка и обсуждение данного вопроса проходили в двух общих собраниях съезда: вечернем 23 августа, когда были заслушаны доклады Я. А. Пилецкого, Н. А. Рожкова и П. П. Маслова, и вечернем 26 августа. Основная часть прений была перенесена в аграрную секцию съезда, которая и выработала на основе представленных докладов единый проект резолюции (см. комм. 487).

479 *Пилецкий* Яков Ананьевич (1876–?) — журналист-аграрник. Из мещан. В революционном движении с конца 1890-х гг., принимал участие в дея-

тельности московского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». После Революции 1905–1907 гг. стоял на позициях «ликвидаторства», активно работал в меньшевистской печати. Во время Первой мировой войны — меньшевик-интернационалист. После Февральской революции 1917 г. — делегат и председатель аграрной секции I Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, затем заведующий аграрным отделом ВЦИК, входил в Совет при Министерстве земледелия Временного правительства. На Объединительном съезде присутствовал в качестве содокладчика по земельному вопросу. В 1919 г. примкнул к большевикам.

480 *Кондратьев* Николай Дмитриевич (1892–1938) — общественно-политический деятель, экономист-аграрник. Из крестьян. В 1907 г. окончил земледельческую школу, в 1915 г. — экономическое отделение юридического факультета Петербургского университета. В 1905 г. примкнул к эсерам, дважды подвергался арестам; с 1907 г. активной связи с партией не поддерживал. С 1916 г. — заведующий статистико-экономическим отделом Земского союза Петрограда. После Февральской революции 1917 г. — тов. председателя Государственной продовольственной комиссии, с мая — тов. председателя Общегосударственного продовольственного комитета; сторонник хлебной монополии. Работал секретарем А. Ф. Керенского по делам сельского хозяйства. Участвовал в работе I и II Всероссийских съездов Советов крестьянских депутатов (май, декабрь 1917); член исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов. В ряде работ развил эсеровскую программу социализации земли. Участвовал в деятельности Лиги аграрных реформ и Главного земельного комитета (тов. председателя). С 5 сентября 1917 г. — тов. министра продовольствия. Участвовал в Демократическом совещании, входил во Временный совет Российской республики (Предпарламент), был избран членом Учредительного собрания. К Октябрьской революции отнесся отрицательно. С июня 1918 г. входил в антибольшевистскую организацию «Союз возрождения России». В 1919 г. вышел из ПСР, в дальнейшем пришел к сотрудничеству с советской властью. В 1920–1922 гг. — начальник Управления сельскохозяйственной экономии и плановых работ Наркомзема РСФСР и его представитель в Госплане, под его руководством был разработан 1-й пятилетний план развития сельского хозяйства республики на 1923/24 — 1927/28 гг. Одновременно в 1919 г. являлся руководителем лаборатории сельскохозяйственной конъюнктуры в организованном А. В. Чаяновым Научно-исследовательском институте сельскохозяйственной экономии, в 1920–1928 гг. — организатор и заведующий созданного на ее базе Института по изучению народнохозяйственных конъюнктур Наркомфина и Наркомзема (Конъюнктурного института). В августе 1922 г. арестован с целью высылки за границу, но был освобожден по настоянию Нарком-

фина. В 1930 г. арестован по делу т. н. «Трудовой крестьянской партии», приговорен к 8 годам тюремного заключения; в сентябре 1938 г. после «пересмотра дела» приговорен к расстрелу.

481 *Рожков* Николай Александрович (1868–1927) — экономист, публицист, общественно-политический деятель. Из семьи учителя. Окончил историко-филологический факультет Московского университета (1891), с 1898 г. — приват-доцент того же университета. С апреля 1905 г. — член РСДРП, примкнул к большевикам; с 1906 г. на нелегальном положении, член ЦК РСДРП. В 1912 г. отошел от большевизма, выступал за легальную социал-демократическую партию. С марта 1917 г. — член Московского комитета Объединенной организации РСДРП, сторонник образования однородного социалистического правительства и подчинение его (до открытия Учредительного собрания) Советам рабочих и солдатских депутатов. В мае–июне 1917 г. — товарищ министра почт и телеграфа во Временном правительстве. С августа 1917 г. — член ЦК РСДРП(о). Октябрьскую революцию не принял, но уже с осени 1918 г. практически не принимал участия в работе меньшевистской партии (в сентябре 1922 г. заявил о выходе из нее). В начале 1920-х гг. дважды арестовывался. С лета 1924 г. возглавлял Исторический музей, преподавал в Московском университете и других учебных заведениях.

482 Речь идет об аграрной части программы РСДРП, принятой на ее II съезде (см. наст. издание, с. 226–227).

483 Унитарность (от *лат.* unitas — единство) — в данном случае речь идет о единстве, государственной целостности страны.

484 Так в тексте доклада.

485 В газетном отчете о работе съезда добавлено: «сохраняющей частные хозяйства». (См.: Рабочая газета. 1917. 25 августа.)

486 Речь идет о т. н. ценных бумагах (облигациях, акциях банков, в т. ч. ипотечных, ссужающих деньги под залог недвижимости — земли, городских строений и проч.), приносивших их держателям определенный и, как правило, стабильный доход.

487 В аграрной секции не было достигнуто единство в центральном пункте выработанного ею проекта резолюции: по вопросу возмездности отчуждения частновладельческих земель. Выступая на заседании секции Маслов предлагал «признать необходимым уплату долговых обязательств и прогрессивно-понижающееся вознаграждение за счет специального прогрессивно-поимущественного обложения». Большинство комиссии сошлось на необходимости конфискации земли без выкупа и сохранения покрытия долговых обязательств. (См.: Меньшевики в 1917 году. Т. 2. С. 535.)

Текст выработанного проекта резолюции приводится ниже:

«Для уничтожения кабальных отношений в деревне, для уничтожения сословного строя, основывающегося на крупном и среднем землевладении, для повышения экономического уровня крестьян и рабочих, приходящих из деревни, и в интересах дальнейшего развития революции должна быть произведена Учредительным собранием земельная реформа. При проведении земельной реформы пролетариат, как всегда, исходит из интересов развития народного хозяйства, которые должны быть поставлены выше интересов отдельных групп населения.

Исходя из этого, аграрная реформа:

1) Должна повести к переходу рентного дохода землевладельцев в распоряжение государства и органов местного самоуправления путем отчуждения церковных, монастырских и частновладельческих земель, превышающих определенную норму.

2) Мелкая земельная общинная и частная собственность, ниже уровня, определяемого в каждом районе сообразно экономическим условиям этих районов, не отчуждается. Но для уничтожения возможности перехода ее в руки скупщиков и ростовщиков, право покупки этой земельной собственности принадлежит только крупным и мелким органам самоуправления и государству.

3) Отчуждение частновладельческих земель должно произойти: а) на началах, не нарушающих кредитоспособность государства, т. е., уплаты долговых обязательств за землю, б) прогрессивно понижающегося вознаграждения земельных собственников, т. е., чтобы отчуждение земель носило характер наиболее высокого прогрессивно-поимущественного обложения земельных собственников с определением максимума, выше которого земельная собственность не подлежит вознаграждению.

4) Покрытие всех долговых обязательств за отчуждаемые земли должно быть проведено путем специального прогрессивно-поимущественного обложения.

5) Отчуждаемые земли должны числиться общегосударственною собственностью, причем земли, имеющие общегосударственное значение (недра земли, леса, земли, служащие для переселенческого фонда и т. д.), остаются в распоряжении государства.

6) Земли, которые должны быть использованы живущим на местах населением, находятся в распоряжении крупных областных органов местного самоуправления. Районы областей должны определяться однообразием естественных, экономических и культурно-национальных условий.

7) Формы и способы землепользования в различных районах, также как и организация муниципальных, кооперативных и частных крупных, показательных, семенных и проч[их] хозяйств предоставляются решению также крупных областных демократических органов самоуправления.

8) Признавая, что земельная реформа может быть совершена только Учредительным собранием, съезд РСДРП находит необходимым всемерно бороться против анархических, самовольных захватов земли и всяких других способов самовольного разрешения земельного вопроса, которые могут вызвать междоусобицу и грозить контрреволюцией».

488 Чтение проекта резолюции (см. комм. 487), выработанного аграрной секцией съезда, было прервано появлением министров Временного правительства М. И. Скобелева, С. Н. Прокоповича и А. М. Никитина, которые выступили перед делегатами съезда с краткими отчетами о своей работе.

489 *Садовский* Михаил Александрович (1882–?) — в социал-демократическом движении с 1898 г. Партийную работу вел в Крыму, Донецком бассейне, Москве, Баку; многократно арестовывался (ок. 6 лет тюремного заключения). В начале Первой мировой войны примкнул к «оборонцам». С 1915 г. вернулся в Баку; занимая должность счетовода-конторщика, вел работу среди рабочих нефтепромыслов. После Февральской революции 1917 г. — член правления профсоюза конторщиков Баку и его районов, делегирован на I Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, где был избран членом ВЦИК. На Объединительном съезде РСДРП представлял бакинскую (объединенную) организацию социал-демократов (без большевиков-ленинцев).

490 *Джугели* Владимир Антипович (1888–?) — в социал-демократическом движении с 1905 г., большевик. Работал как профессиональный революционер в Сухуми, Тифлисе, Петрограде и Москве, трижды подвергался аресту. В 1917 г. — член исполнительного комитета Тифлисского Совета рабочих и солдатских депутатов, член Кавказского краевого центра. В работе Объединительного съезда РСДРП участвовал как представитель объединенной организации («большевик-объединенец»), выступал от имени левого центра партии.

491 *Ахматов* Иван Иванович (1886–1939) — из семьи рабочего-слесаря. Окончил пять классов реального училища в Туле. С 1902 г. — в социал-демократическом движении. До конца 1905 г. — большевик, работал в Иваново-Вознесенске, Шуе. После короткой эмиграции (1906) вернулся в Тулу, примкнул к меньшевикам. В 1907 г. арестован, в 1910 г. бежал из ссылки и эмигрировал. С июля 1917 г. — лидер тульских меньшевиков, член исполнительного комитета Тульского Совета рабочих и солдатских депутатов. На Объединительном съезде РСДРП представлял Московское областное бюро Организационного комитета. В декабре того же года, на Чрезвычайном съезде партии, избран членом ЦК. В годы Гражданской войны — один из руководителей «Политического центра» в Иркутске. В 1924 г. отошел от меньшевизма, с 1924 г. — член ВКП(б). В июне 1938 г. арестован. Расстрелян.

[492] *Пинхасик* Лев Исаакович (1888–?) — из мещан г. Одессы, рабочий (живописец). С 1904 г. — в социал-демократическом движении, в 1905 г. примкнул к меньшевикам. Партийную работу вел в Одессе, Чите, неоднократно арестовывался и ссылался. Участвовал в кооперативном движении. Во время Первой мировой войны меньшевик-интернационалист. После Февральской революции 1917 г. избран гласным Читинской городской думы и членом областного Комитета безопасности Забайкалья. На Объединительном съезде РСДРП представлял кременчугскую (объединенную) организацию. После установления советской власти в Забайкалье работал экономистом Дальневосточного краевого планового комитета (Хабаровск). В 1931 г. арестован, приговорен к высылке на 3 года в Среднюю Азию. Сведениями о его дальнейшей судьбе составители не располагают.

[493] Содержание замененного по предложению П. П. Маслова п. 8 проекта резолюции см. в комм. 487.

По земельному вопросу
Резолюция Объединительного съезда РСДРП

Публикуется по: Меньшевики в 1917 году. В 3 т. Т. 2: От июльских событий до корниловского мятежа. М., 1995. С. 555–556. Принята на вечернем заседании съезда 26 августа 1917 г. по докладу П. П. Маслова, выступившего с сообщением о результатах работы секции по аграрному вопросу. Наиболее дискуссионным и в секции, и в общем собрании съезда был п. 3 проекта резолюции о выкупе частновладельческих земель.

[494] Изложение этой части преамбулы резолюции съезда отличается от более четкой формулировки в ее проекте, где однозначно подчеркивалось, что проведение земельной реформы является прерогативой Учредительного собрания: «...и в интересах дальнейшего развития революции должна быть произведена Учредительным собранием земельная реформа» (см. комм. 487).

[495] Так в тексте. Видимо, правильна формулировка того же п. 6 проекта данной резолюции, который выносился на обсуждение делегатов съезда: «районы областей» (см. комм. 487).

[496] В проекте резолюции говорилось о «культурно-национальных» условиях.

Материалы дискуссий в Лиге аграрных реформ

Межпартийное научное объединение, ставившее своей целью «организованное обсуждение и разработку аграрного вопроса». Лига создана в апреле 1917 г. Вольно-экономическим обществом, Московским обществом сельского хозяйства, Всероссийским Земским союзом, Харьковским обществом сельского хозяйства, а также рядом других местных обществ и отдельных экономистов-аграрников. Провела три съезда — в апреле, июне и ноябре 1917 г. I съезд Лиги решил ряд организационных вопросов (в т. ч. избрал

Распорядительный комитет) и обсудил вопрос о составе и методике статистических работ, необходимых для земельной реформы. II съезд уделил внимание постановке наиболее важных для предстоящей реформы вопросов. III съезд Лиги подвел итоги полугодовой работы Главного земельного комитета и обсудил реальные возможности собственной деятельности после захвата власти большевиками.

Протокольная запись постановки и обсуждения аграрного вопроса в докладах участников II съезда Лиги аграрных реформ. 23-26 июня 1917 г.

Печатается по: Основные идеи решения аграрного вопроса. Труды II Всероссийского съезда Лиги аграрных реформ. Вып. 1. М., 1918. С. 7–99. Доклады участников съезда приводятся в извлечениях и с незначительными сокращениями.

[497] Отработка (долгов, недоимок) в хозяйстве заимодавца. Как правило, осуществлялась в страдное для села время, что приводило к запущенности хозяйств крестьян-должников.

[498] Испольщина (то же: издольщина) — вид аренды земли, при которой арендная плата уплачивалась землевладельцу не деньгами, а оговоренной долей урожая (при испольщине — половиной урожая, за вычетом посева; отсюда выражение «снять землю исполу», т. е. отрабатывать десятину за десятину).

[499] Речь идет о найме осенью на работы следующего года. На этот шаг вынуждены были идти «маломощные» крестьяне, чтобы уплатить подати текущего года: беря задаток в счет будущей оплаты своего труда и заключая соглашение с владельцами имений в условиях пониженного спроса на рабочую силу, они теряли, как правило, до 40–50 % возможного заработка.

[500] *Лосицкий* Александр Емельянович (1869–1944) — экономист, статистик. В 1894–1910 гг. работал земским и городским статистиком. В 1911–1917 гг. — помощник заведующего городским статистическим отделом в Москве, в 1916 г. — консультант экономического отдела Всероссийского Союза городов. Автор ряда экономико-статистических исследований, в т. ч. широко известной работы «Выкупная операция» (СПб., 1906). В 1918–1929 гг. заведовал рядом отделов (в т. ч. отделом баланса сельского хозяйства) в ЦСУ СССР, с 1926 г. — член коллегии ЦСУ. В 1921–1928 гг. — член сельскохозяйственной секции Госплана СССР и научный сотрудник Госплана РСФСР, профессор МГУ (1921–1929). В последующие годы занимался научно-литературной работой.

[501] *Карышев* Николай Александрович (1855–1905) — экономист, статистик, публицист и земской деятель. Из дворян. В 1878 г. окончил юридический факультет Московского университета. С 1891 г. — профессор политиче-

ской экономии в Дерптском университете, с 1894 г. — профессор и заведующий кафедрой политэкономии и статистики в Московском сельскохозяйственном институте. Сотрудничал в газетах: «Русские ведомости», «Земство», «Русское богатство». На земском съезде (1904; Москва) представлял екатеринославское земство, после съезда избран уездным предводителем дворянства. В рядах народников считался крупнейшим авторитетом по вопросам крестьянского землевладения, принадлежал к числу убежденных сторонников и защитников крестьянской общины. Главный научный труд (и докторская диссертация) Карышева посвящен анализу вненадельных крестьянских аренд в различных губерниях России: «Крестьянские вненадельные аренды (Итоги экономического исследования России по данным земской статистики)» (М., 1892).

502 *Суханов* (наст. фам. Гиммер) Николай Николаевич (1882–1940) — экономист и историк, публицист. Из семьи железнодорожного служащего. После окончания гимназии в Москве (1901) слушал лекции в Русской высшей школе общественных наук в Париже; в 1903–1904 гг. — студент историко-филологического факультета Московского университета (в 1909–1910 продолжил образование на экономическом отделении юридического факультета). С 1903 г. входил в эсеровскую организацию, но к 1910 г. стал, по его словам, «законченным марксистом». Во время Первой мировой войны стоял на позициях «интернационализма», принадлежал к группе внефракционных социал-демократов, одновременно сохраняя связи с деятелями эсеровской партии и ряда неонароднических организаций. После Февральской революции — член исполкома Петросовета, член Главного земельного комитета и редактор газеты «Новая жизнь». До мая 1917 г. — человек «с неопределённой политической физиономией», затем член меньшевистской партии. Член ВЦИК 2, 3 и 4-го созывов; после исключения из него меньшевистской фракции (14 июня 1918) и закрытия «Новой жизни» работал в экономических органах государственного аппарата. В 1918–1921 гг. подготовил к печати «Записки о революции» (мемуары в 7 томах). В 1920-х гг. работал в хозяйственных органах, в торговых представительствах СССР в Берлине и Париже, занимался экономическими исследованиями, в т. ч. в руководимом А. В. Чаяновым НИИ сельскохозяйственной экономии. Выступал с концепцией «разложения капитализма в земледелии», краеугольным камнем которой было положение о конкуренции «индустриального» и «аграрного» капиталов, способствующей отливу капиталов и рабочей силы в промышленность и господству в земледелии мелкого трудового крестьянского хозяйства. В июле 1930 г. арестован, приговорён к 10 годам лишения свободы по делу «Союзного бюро ЦК меньшевиков». После замены заключения ссылкой в Тобольск (1935) работал экономистом, учителем немецкого языка.

В сентябре 1937 г. вновь арестован, обвинен в шпионаже в пользу Германии. Расстрелян.

503 Доклад Н. Я. Быховского «Русская община и земельная реформа» не приводится в наст. издании ввиду того, что основные его положения были изложены автором в содокладе на III съезде ПСР (см. наст. издание, с. 498–510).

504 В. И. Анисимов ссылается на данные проводимых А. Н. Челинцевым с 1913 г. бюджетных обследований крестьянских хозяйств. Их результаты публиковались автором в ходе всей работы, которая продолжалась до 1919 г. в 14 губерниях Украины и Центрально-Черноземной полосы, а также на Кубани. Полностью отчет о работе и сделанные на основе обследований выводы опубликованы в 1919 г. в книгах «Опыт изучения организации крестьянского сельского хозяйства в целях обоснования общественной и кооперативно-агрономической помощи на примере Тамбовской губернии» и «Теоретические основания организации крестьянского хозяйства». Результаты обследований были обнародованы также в докладе А. Н. Челинцева на одном из предшествующих заседаний съезда Лиги аграрных реформ.

Челинцев Александр Николаевич (1874–1962) — экономист-аграрник, профессор, представитель организационно-производственной школы; организатор статистических обследований крестьянских хозяйств. Из семьи торгового служащего. Окончил земледельческое училище (1895), затем Ново-Александрийский институт сельского хозяйства и лесоводства (Люблинская губ.). С 1908 г. — приват-доцент, затем адъюнкт-профессор Ново-Александрийского института. На основе статистических материалов и проводимых им бюджетных обследований пришел к выводу о малой эффективности крупного сельскохозяйственного производства. С 1914 г. главным направлением научных поисков стала выработка курса организации производства «для крестьянского хозяйства мелкого размера, кооперативно объединенного». В 1917 г. участвовал в разработке аграрной реформы Временного правительства, являлся членом Главного земельного комитета; на II съезде Лиги аграрных реформ избран тов. председателя. В 1920–1925 гг. находился в эмиграции. После возвращения работал в Земплане и НИИСХЭ, преподавал в Тимирязевской сельскохозяйственной академии и ряде других вузов. В 1930 г. арестован и выслан на два года в Воронеж по делу «Трудовой крестьянской партии». В 1932–1950 гг. работал в Наркомате (затем — Министерстве) земледелия СССР, в статистических и экономических учреждениях. После выхода на пенсию занимался научно-исследовательской работой.

505 Так в тексте документа.

506 Речь идет о первых девяти статьях закона «Об изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьянском землевладении» (см. об этом наст. издание, с. 474).

507 История появления в самом центре Москвы «Хомяковской рощи» описана В. А. Гиляровским в книге «Москва и москвичи». Площадка перед строящимся в последние годы XIX в. домом на углу Кузнецкого переулка (так называлась часть нынешней ул. Кузнецкий мост от Б. Дмитровки до ул. Петровка) и Петровки принадлежала А. С. Хомякову, внучатому племяннику известного славянофила. Городская дума решила спрямить и расширить Кузнецкий мост, в связи с чем Хомякову было предложено продать часть земельного участка городу. Хомяков запросил астрономическую сумму, а когда понял, что покупать за такие деньги его «собственность» не собираются, то вскопал землю и посадил тополя, ветлу и осину. После того, как был достроен дом, встала проблема входа с переулка — пришлось сделать тротуар между домом и зелеными насаждениями. «Рощу» (площадью 250 кв. метров) от тротуара отгородили железным забором, в результате чего образовался неправильной формы треугольник, который и получил название «Хомяковской рощи». Она просуществовала больше 12 лет, пока шла тяжба Хомякова с городскими властями, и была срублена по распоряжению хозяина только в 1910 г., перед его отъездом за границу.

508 Годовые рабочие — название сроковых рабочих или батраков во владельческих хозяйствах, нанимавшихся на срок не менее года и живущих в хозяйствах.

509 Сроковые одиночки — постоянные работники (батраки) во владельческих хозяйствах, нанимавшиеся на достаточно продолжительный срок (как правило, на 5–7 месяцев, с весны до осени; отсюда второе их название — полугодовые сроковые рабочие).

510 Бурак — в данном случае речь идет о сахарной свекле.

511 Занадельные верхи — название излишков земли у членов крестьянской общины, образуемых вследствие изменения состава семьи в сторону ее уменьшения (до проведения частичного или общего передела), покупки земельных участков в собственность и т. д.

512 *Бруцкус* Борис (Бер) Давидович (1874–1938) — агроном, экономист-аграрник, статистик и общественный деятель. Из семьи ремесленника. Окончил аграрное отделение Ново-Александрийского института сельского хозяйства и лесоводства (1898; Люблинская губ.). В 1902–1908 гг. заведовал отделом сельского хозяйства в Еврейском колонизационном обществе, с 1907 г. — преподаватель Петербургского сельскохозяйственного института. В 1913 г. — один из основателей «Агрономического журнала», который стал органом теории и философии агрономии. В 1917 г. — член Российской радикально-демократической партии, дея-

тельный участник Лиги аграрных реформ. В докладах на съездах Лиги на первый план выдвигал задачи согласования предстоящей аграрной реформы с потребностями народного хозяйства. С 1921 г. — декан факультета экономики сельского хозяйства Петроградской сельскохозяйственной академии (бывший сельскохозяйственный институт). В 1922 г. выслан из Советской России. В 1923–1932 гг. читал лекции по экономике сельского хозяйства и политической экономии в Русском университете в Берлине. С 1935 г. заведовал кафедрой сельскохозяйственной экономики и политики в Еврейском университете Иерусалима.

513 Речь идет о голоде, вызванном рядом неурожайных лет (1889–1892). Сопровождаемый эпидемиями холеры и тифа, он охватил 16 губерний Южной России и Тобольскую губернию, достигнув своего пика в 1891 г. По официальным данным, за указанные выше годы население страны уменьшилось на 1 млн человек. Голод усилил приток крестьян на промышленные предприятия, а также привел к росту оппозиционных настроений в обществе.

514 Пуд — русская мера массы (веса). 1 пуд = 40 фунтам = 16,38 кг.

515 О позиции А. Н. Челинцева в этом вопросе см. комм. 504.

516 Парцелляция [от *фр.* parcelle (букв.: часть, частица) — небольшой земельный участок, на котором ведется крестьянское хозяйство] — дробление земли на мелкие участки (парцеллы).

517 Говоря об «установлении» в России трезвости, выступающий имел в виду меры, предпринятые российским правительством в начале Первой мировой войны по установлению прямого государственного регулирования уровня потребления алкогольных напитков. Начав с запрета (19 июля 1914) на продажу горячительных напитков на время мобилизации, правительство продлило его действие в начале августа на все время войны, установив также запрет на производство крепкого алкоголя.

518 В число «ораторов» Б. Д. Бруцкус включил и Н. Я. Быховского, доклад которого на съезде Лиги аграрных реформ не включен в наст. издание (см. комм. 503).

519 Б. Д. Бруцкус имеет в виду председательствующего на заседаниях съезда Лиги аграрных реформ профессора А. С. Посникова, который возглавлял Главный земельный комитет и 19 мая (1 июня) 1917 г. открывал первое его заседание.

520 25 мая 1917 г. I Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов принял после десятидневных дебатов и угрозы раскола эсеровского большинства съезда постановление по аграрному вопросу, которое определяло переход всех земель в общенародное достояние для уравнительно-

трудового пользования без всякого выкупа. В постановлении выражалось убеждение, что частная собственность на землю с ее лесами, водами и недрами будет отменена Учредительным собранием, которое примет Основной закон о земле, устанавливающий условия, порядок перехода земли в руки трудящихся и нормы наделения и пользования ею.

521 Закладные свидетельства (др. название — закладные листы) — особые процентные бумаги, выпускаемые банками при ссудных операциях с залогом недвижимости. Погашались сложнопроцентной амортизацией в срок, на который выдавалась ссуда.

522 Янус — в римской мифологии божество дверей, входа и выхода, затем — божество всякого начала. Изображалось с двумя лицами (одно обращено в прошлое, другое в будущее). В переносном смысле «двуликий Янус» — двуличный, беспринципный человек, поступки которого соизмеряются сиюминутной выгодой.

523 Речь идет о Петре I (1672–1725), русском царе с 1682 г. и первом российском императоре с 1721 г.

524 *Николаев* Сергей Дмитриевич — автор ряда работ, посвященных исследованию и популяризации теории Генри Джорджа. См.: «Об уравнительном землепользовании» (М., 1905), «Великий борец за освобождение земли Генри Джордж. Биографический очерк» (М., 1906), «В защиту проекта земельной реформы Генри Джорджа» (М., 1906; 2-е изд. этой работы под названием «В защиту земельной реформы Генри Джорджа. С вступит. письмом Л. Н. Толстого», вышло в свет в 1917).

При обозначении позиции С. Д. Николаева в вопросе проведения земельной реформы Б. Д. Бруцкус прибегает, в данном случае, к упрощенному ее изложению, используя фигуральное выражение. В действительности, в своем докладе на съезде Николаев утверждал: «Решение земельного вопроса состоит в том, что с земли надо полностью брать ренту, конфисковать ее в виде налога. Право вводить налоги — это право всякого государства и оно может обложить налогом все земли. Если это сделано, то тот, кто владеет землею, но не работает на ней, побежит от нее...» [курсив сост. — *В. К.*]. (См.: Основные идеи решения аграрного вопроса... С. 61.)

525 Выступлением А. А. Кауфмана были открыты прения по заслушанным докладам.

526 Выступающий имеет в виду вышедшую в свет в 1900 г. книгу К. Р. Кочаровского «Русская община. Возможно ли, желательно ли ее сохранение и развитие (Опыт цифрового и фактического исследования)».

Кочаровский (Качоровский) Карл-Август Романович (1870–?) — экономист-аграрник, статистик. В начале 1890-х гг. входил в группу народовольцев. В 1893 г. напечатал первую статью в журнале «Русская мысль», сотрудничал в эсеровской газете «Революционная Россия», но формально в партии эсеров

не состоял. В своем главном научном труде (см. выше) использовал обширные статистические материалы (данные по 183 уездам), доказывал, что только община способна обеспечить прогресс в сельском хозяйстве, статистическим путем пытался установить законы ее развития. Разделяя теорию некапиталистического пути развития деревни, отрицал разложение общины; наиболее жизнеспособными формами в земледелии считал индивидуальные крестьянские хозяйства. В 1920 г. эмигрировал, жил в Праге, Белграде.

527 homo homini lupus est — человек человеку волк (*лат.*).

528 Выступающий ошибочно именует Наума Яковлевича Быховского Николаем Яковлевичем (см. комм. 438).

529 *Мацеевич* Константин Андрианович (1874–1942) — агроном, общественно-политический деятель. В 1917 г. входил в Распорядительный комитет Лиги аграрных реформ. В феврале–марте 1919 г. занимал пост министра иностранных дел в правительстве Украинской народной республики. Сведениями о его дальнейшей судьбе составители не располагают.

530 Обращение к А. Н. Минину.

531 Положительное право — право, существующее в действительности, действующее в отдельных государствах, в отличие от права естественного — существующего в его принципах и идеальном понимании.

532 Н. П. Макаров имеет в виду III съезд партии эсеров и то место доклада Н. И. Ракитникова, где утверждалось, что «и в настоящий момент, когда русская революция сделала огромный успех и близится к своему завершению <...> нам основную нашу программу не приходится пересматривать».

533 *Вундт* (Wundt) Вильгельм Макс (1832–1920) — немецкий психолог, физиолог, философ и языковед; создатель первой в мире (1879) лаборатории экспериментальной психологии.

534 *Оствальд* (Ostwald) Вильгельм Фридрих (1853–1932) — немецкий физико-химик и философ, лауреат Нобелевской премии по химии (1909).

535 *Герн* А. П. — один из участников съезда, текст выступления которого не приводится в наст. издании.

536 *Новоторжский* Г. (наст. фам. Никитский А. А.) — публицист-народник, автор статей по аграрному вопросу в «Русском богатстве», «Русских ведомостях» и пр., в 1910-х гг. — сотрудник журнала «Современник». В 1905 г. опубликовал брошюру «Социализация земли».

537 Чаянов А. В. говорит о Главном земельном комитете, в состав которого входили практически все выступавшие на съезде Лиги аграрных реформ.

538 Речь идет об известных законах, являвшихся сердцевиной столыпинской аграрной реформы — «Об изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьянском землевладении» (выступающий ошибочно назвал

дату его принятия; в действительности Николай II утвердил данный законопроект не 10, а 14 июня 1910 г.), а также «Законе о землеустройстве» (утвержден императором 23 мая 1911 г.).

539 *Танашев* Герман Александрович — ученый-агроном. С 1909 г. работал в Херсонской губернской земской управе; автор работ в области полеводства. В 1917 г. — участник съезда Лиги аграрных реформ. После Октябрьской революции преподавал на агрономическом факультете Одесского сельскохозяйственного института (с 1918 — профессор), последняя из известных книг вышла в свет в 1930 г. Сведениями о его дальнейшей судьбе составители не располагают.

540 *Рыбников* Александр Александрович (1878–1938) — специалист по экономико-географической статистике и экономике сельского хозяйства. Из семьи служащего. В 1910 г. окончил Московский университет. С 1917 г. — профессор Петровской (ныне — Тимирязевской) сельскохозяйственной академии. Входил в состав Совета Главного земельного комитета и Распорядительного комитета Лиги аграрных реформ. После Октябрьской революции 1917 г. занимался научной и преподавательской работой, состоял в Особом экономическом совещании Наркомата земледелия. В 1922 г. был намечен к высылке из страны; оставлен по ходатайству коллегии Наркомзема. В 1930 г. арестован по «делу» ЦК Трудовой крестьянской партии, но освобожден в связи с болезнью. С 1934 г. работал на географическом факультете МГПИ; перед вторым арестом (декабрь 1937) — научный сотрудник Института экономики АН СССР. В сентябре 1938 г. расстрелян.

541 Говоря о «Всеобъемлющем разуме» Лапласа, А. В. Чаянов имел в виду обладание полной информацией о мире и его законах, опираясь на абсолютную точность и истинность законов математики.

Лаплас (Laplace) Пьер Симон (1759–1827) — французский астроном, математик и физик. В 1796 г. высказал в популярной книге «Изложение системы мира» космогоническую гипотезу об образовании Солнечной системы — Солнца, планет и их спутников из вращающейся и сжимающейся газовой туманности.

Указатель имен

Содержание

Научное издание

Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века

Аграрные проекты

Ведущий редактор *Е. А. Кочанова*
Редактор *Т. И. Петрова*
Художественный редактор *А. К. Сорокин*
Художественное оформление *М. В. Минина*
Технический редактор *М. М. Ветрова*
Компьютерная верстка *В. Ю. Канищев*
Корректор *А. А. Берсенева*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 28.12.2009.
Формат 60×90 $^1/_{16}$. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 47,5.
Тираж 1000 экз. Заказ 224

Издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН)
117393, Москва, ул. Профсоюзная, д. 82.
Тел.: 334-81-87 (дирекция), 334-82-42 (отдел реализации)

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14